НОВАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ЗВЁЗДНЫЙ ДЕСАНТ

Игорь ВИННИЧЕНКО

Вадим ПАНЧЕНКО

Алексей РУДАКОВ

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Наталья УИЛЛРАЙТ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОМЕДА"

Новая библиотека фантастики

Сборник

Звёздный десант

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Сборник

Звёздный десант / Сборник — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Новая библиотека фантастики)

ISBN 978-1-38-786498-0

Мы рады представить новый большой сборник фантастики «Звёздный десант». Наш читатель наверняка будет доволен – ещё бы, всего в одной книге его ждёт встреча сразу с семью писателями-фантастами и их замечательными произведениями. Судите сами:ВИННИЧЕНКО Игорь, Акулья горaПАНЧЕНКО Вадим, Бог ИндеронаРУДАКОВ Алексей, Записки пилотаСТРУГАЦКИЕ Аркадий и Борис, Обитаемый островТРЕТЬЯКОВ Владимир, Возвращение на обитаемый островУИЛЛРАЙТ Наталья, Королевский магнумПочему именно фантастика, спросите вы? Конечно, можно было бы привести достаточно много аргументов – от точного, в процентах подсчёта читательских предпочтений и вплоть до вполне здравых рассуждений о влиянии фантастического жанра с его предсказаниями и литературными пророчествами на будущее. Да, всё это так, но, позвольте процитировать всего одну мысль очень умного человека. В не таком уж и далёком его прошлом визите на Землю, он охотно откликался на имя Роберт Шекли: «Только фантастика дарит творцу полную свободу».Может, именно из-за подобного желания ощутить истинную свободу в творчестве, хотя бы чуть-чуть прикоснуться к ней, ряды любителей фантастической литературы постоянно растут и ширятся.Под занавес, пару коротких дополнений:1) «Звёздный десант» - это сборник произведений т.н. поджанра «боевой фантастики»:2) Этим сборником издательство Стрельбицкого начинает публикации Новой Библиотеки ФантастикиДо новых встреч!

ISBN 978-1-38-786498-0

© Сборник
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Содержание

Вступительное слово	7
Игорь Винниченко	9
1	9
2	12
3	15
4	19
5	22
6	26
7	30
8	33
9	37
10	41
11	44
12	48
13	51
14	55
15	59
16	63
17	67
18	71
19	74
20	78
21	82
22	87
23	91
24	95
25	98
26	102
27	106
28	110
29	114
30	118
31	122
32	126
33	130
34	133
35	137
36	141
37	145
38	149
39	153
40	157
41	161
42	165
43	169
44	173

45 177
46 181
47 184
48 188
49 192
50 196
51 200
52 204
53 208
54 212
55 216
56 220
57 224
58 228
59 232
Вадим Панченко 236
Часть первая 236
Глава 1 236
Глава 2 249
Часть вторая 262
Глава 1 262
Глава 2 269
Глава 3 285
Глава 4 300
Глава 5 320
Глава 6 329
Глава 7 342
Глава 8 364
Глава 9 376
Алексей Рудаков 390
Молодой 390
Глава 1 390
Глава 2 394
Глава 3 404
Глава 4 419
Глава 5 425
Глава 6 432
Глава 7 448
Глава 8 458
Глава 9 470
Глава 10 496
Конец ознакомительного фрагмента. 504

Звёздный десант

Вступительное слово

«Фантастика – это архитектура наших мечтаний, и наши книги будут вдохновлять наши следующие поколения мечтателей»

Рэй Брэдбери

Человечество всегда желало хоть бы чуть-чуть, хоть краешком глаза, заглянуть в будущее. Не будет большим преувеличением утверждение, что это одно из самых страстных его желаний. Уцелеет ли его страна, его народ в таком изменчивом и непостоянном мире, полном и агрессивных захватчиков, и капризных и привередливых богов? Грядут ли различные беды и лишения, или наоборот, будет богатый урожай или очень даже удачная война? Что будет, наконец, с ним самим и с его близкими через пару-тройку десятков лет? Не случайно любые предсказатели, а тем паче, пророки, всегда были весьма востребованы. Совершенно не важно, как они назывались в разные времена: пифии, авгуры, оракулы, прорицатели, ясновидцы, хироманты, астрологи или даже аналитики-прогнозисты. Суть одна: человечество в своём стремлении узнать собственное будущее всегда готово воспринимать самые различные, порой даже просто фантастические предположения, как своеобразную инструкцию к действию. То есть, уже в самом предположении тщательно изыскивается «а как же всего этого достичь? (если оно такое хорошее)», или наоборот, «как же всего этого избежать? (если оно всё такое поганое)».

В разные времена это извечное человеческое стремление к подобного рода знаниям, активно использовали (да и используют сейчас – чего уж тут скрывать) и отдельные политики, и целые политизированные движения. Обещания обустроить рай на земле, если только люди сделают вот так вот – активно звучат и сегодня.

Но интересный парадокс: сегодня политики, которые проповедуют вроде бы вполне практические и потенциально достижимые цели, категорически проигрывают в благожелательном отношении публики и к ним, и к их идеям, например, той же фантастической литературе. Может быть, тут дело, прежде всего в кричащем несоответствии слов и реальных дел. Ведь сколько можно вспомнить фантастов, предсказания и предположения которых сбывались гораздо чаще множества предвыборных обещаний: от полётов в космос, видеосвязи, ЭВМ, самолётов и акваланга у Жюля Верна до всеобщей сотовой связи, дородовой медицины, электронных магазинов с доставкой, интернета вообще, онлайн-библиотек, пейнтбола и паркура Стругацких. А вот у политики вообще с положительными предсказаниями как-то негусто, не так ли?

Университет Эмори (Атланта, США) в ходе своих недавних исследований, пришёл к выводу, что чтение фантастической литературы самым благотворным образом влияет на мозг человека. Так, любители фантастически гораздо более восприимчивы к эмоциям других людей, сопереживают более активно, чем остальные. У них повышена активность

левой височной коры головного мозга, участка связанного с восприятием языка и с пониманием культурных кодов. Возрастает и активность области мозга, ответственной за визуализацию образов. Иными словами, у читателей фантастики намного лучше работает фантазия и мышление. А таких людей сложнее обмануть. Да и жизнь у них более полна и гармонична – они умеют сопереживать и более эмоционально воспринимают мир.

Поэтому издательство Стрельбицкого в целях привнесения своей лепты в дело улучшения рода человеческого, а также для организации более благоприятного будущего для него же, имеет честь представить своим уважаемым читателям нашу Новую Библиотеку Фантастики, НБФ. Мы будем стараться публиковать в ней только высококачественную фантастику – от корифеев до современных авторов. И очень надеемся, что наш подарок всем любителям и ценителям фантастического жанра придётся им по душе и будет по достоинству ими оценён.

Игорь Винниченко
Акулья гора

1

Пятнадцатилетний срок заключения заканчивался 16 сентября, в среду. Когда Стаса вели к начальнику лагеря, и он прекрасно понимал, зачем его туда ведут, и все вокруг казалось необычно ярким и красочным, и плакаты на стенах, которые и прежде мелькали перед ним каждый день, и свет из окошек под потолком, и даже бесхитростная болтовня конвоиров.

– К стене, – буркнул конвоир Толстун. – Руки за спину!

Стас никогда до того не питал никаких симпатий к этому кабану, с его «юморными приколами» над заключенными, но в этот момент даже его дежурная фраза прозвучала, как гимн восходящему солнцу.

Толстун доложил о прибытии заключенного, после чего Стаса ввели в кабинет.

Супервайзер Макс Оленин был лощеным блондином лет тридцати пяти, про него было известно, что он брезговал лагерными проститутками, увлекался философией, и часто оставлял свои комментарии в закрытой сети для обитателей мест заключения. Когда Стас вошел в кабинет, тот попивал кофе, искоса глядя на экран монитора.

– Садитесь, Бельский, – сказал он, кивнув на кресло.

И это тоже было знаком, потому что это кресло не предназначалось для заключенных. Когда Стас погружался в него, было ощущение, что он в салоне самолета готовится к длительному перелету.

Оленин поставил свою чашку.

– Вы таки дождались, Станислав Семенович, да? – спросил Оленин с улыбкой. – Каковы ощущения?

– Неопределенные, – отвечал Стас сухо.

– Да полно вам, – рассмеялся Оленин. – Вы оттянули, как я вижу, пятнадцать лет, и уверен, что каждый день вы мечтали об этом мгновении. Сбывается высокий смысл вашего ожидания.

– Да, – вздохнул Стас.

– Понимаю ваши трудности, – кивнул Оленин. – Мир катастрофически изменился, так что вам предстоит тяжкий период адаптации. Вы понимаете, о чем я?

Стас только кивнул. Буквально неделю назад Оленин выступал перед заключенными с рассказом о том, как повесился инженер Квитко, который тоже отсидел много лет, и не принял нового мира. Лекция была посвящена правилам адаптации, но было ясно, что причин этого самоубийства сам Оленин так и не осознал.

– Кстати, вы напомнили, – Оленин склонил голову. – Пятнадцать лет, это необычно много для нашей зоны. За что вам дали такой срок?

Стас выдержал паузу. Конечно, супервайзер знал, за что ему дали такой срок, и потому этот вопрос был выходом на проходной тест.

– Я участвовал в военных действиях, – произнес Стас.

– Это я понимаю, – кивнул Оленин. – Мне непонятно, как вы уцелели? Как мне помнится, с вашим братом разбирались довольно круто.

Стас опять выдержал паузу.

– Наверное, – произнес он, – это было необходимым явлением.

– Разумеется, – кивнул с улыбкой Оленин. – Только давайте не будем лукавить, Станислав Семенович. Ведь вы так не думаете?

– Я стараюсь вообще об этом не думать, – сказал Стас.

– Тоже правильно, – согласился Оленин. – Забыть о прошлом, это первое правило адаптации. Вы в каких войсках служили?

– Я был полковым священником, – отвечал Стас.

Оленин невольно рассмеялся.

– Вы были священником?

– Разве об этом не написано в моем деле?

– Там вы названы политработником, – пояснил Оленин. – У этих чиновников сугубо схематическое мышление, и они не понимают разницы между священником и политработником. Жаль, что я не знал этого раньше.

Стас только пожал плечами.

– Вы так тщательно маскировались, – проговорил Оленин, глядя на него пристально.

Стас вздохнул.

– Что мне было маскировать? Я не прятался от ответственности.

– Церковь сейчас в почете, – напомнил Оленин. – Почему они за вас не заступились?

– Меня лишили сана, – сказал Стас.

Оленин невольно усмехнулся.

– Вот вам и ваша церковь, – сказал он. – Такие же чиновники перестраховщики, как и везде.

– Нет, нет, – поспешил возразить Стас. – Меня лишили сана на законных канонических основаниях. Ведь, в конце концов, мне пришлось взять в руки оружие.

– А, – Оленин поднял палец. – Так вы все же повоевали? И сколько крокодилов вы убили?

Стас кашлянул.

– Господин супервайзер, – произнес он осторожно. – Именование рептилидов «крокодилами» запрещено законом.

– Ведь именно так называли их во время войны, не так ли?

Стас помолчал.

– Во время судебного разбирательства, – произнес он, – за мною не замечено очевидных преступлений. Во время боя я действительно стрелял, но вряд ли куда попал.

Оленин наклонился вперед.

– Так что вы теперь думаете о вашей войне? – спросил он.

– Я стараюсь думать именно то, что рекомендовано нашими лагерными психологами, – отвечал Стас. – Что рептилиды принесли нам мир и процветание.

Оленин некоторое время пристально смотрел ему в глаза, и вернулся к своей расслабленной позе.

– Вот так и думайте, – сказал он. – Целее будете.

Он щелкну пальцем по клавишам, и произнес:

– Все, вы свободны, Станислав Семенович. Куда вы теперь направляетесь?

– К двоюродной сестре, – сказал Стас. – У меня больше никого не осталось, но сестра согласилась принять меня. Я могу идти?

– Разумеется, раз вы свободный человек, – улыбнулся Оленин.

Стас поднялся, чувствуя облегчение после напряженного разговора. Но на полпути к двери Оленин его остановил.

– Еще один вопрос, Станислав Семенович. Вы знаете, как ревниво относятся рептилиды ко всем этим вздорным сплетням об их жестокости во время войны. Что вы об этом думаете?

Стас остановился.

– Война, это область жестокости, – сказал он. – Ее было достаточно с обеих сторон.

– Вы понимаете, о чем я говорю, – сказал Оленин. – Если вас прямо спросят, что вы думаете о каннибализме рептилидов, что вы ответите?

– Разве разговоры на эту тему допускаются законом?

Оленин усмехнулся.

– Не все разговоры контролируются, – сказал он. – Вы сами были свидетелем каннибализма?

Стас опять выдержал паузу, им ответил, как это формулировалось психологами.

– Я думаю, все эти разговоры рождены искаженным психическим состоянием.

Оленин кивнул.

– Правильно, – сказал он. – Ступайте.

А когда Стас наконец вышел, Оленин покачал головой и занес в его файл свою запись: «Объект сохраняет реваншистские помыслы и нуждается в умеренной форме контроля».

2

Сестра Агата проживала в своем отдельном доме на окраине города, но это была довольно богатая окраина. Дом оказался на удивление шикарным, что привело Стаса в замешательство. Он мало что знал о жизни Агаты, но никак не мог предположить ее богатства.

Конвоир нажал кнопку сигнала и заметил:

– Качественно ты попал!..

Агата сама отворила дверь, и Стас отметил, что он никогда бы не смог ее узнать, если бы она не прислала свое фото в письме. Это была стройная, подтянутая женщина, с известной строгостью во взгляде. Никакой радости при встрече она не проявила.

– Вы – Агата Маркевич? – спросил конвоир.

– Да, да, – отвечала Агата чуть раздраженно. – Где мне расписаться?

Конвоир подал ей свою планшетку, и Агата коснулась экрана пальцем.

– Вы ознакомлены с правилами содержания освобожденных?

– А там есть какие-то особые правила?

– Разумеется! Эти люди совершили преступление, и в обязанности граждан входит необходимость контроля их поведения.

Агата смотрела на него исподлобья.

– Спасибо, – сказала она. – Я это учту.

– Тогда я вас оставлю, – кивнул конвоир. – Если что, вы обязаны связаться с вашим участковым.

Она не ответила. Конвоир ушел, и Агата наконец повернулась к нему.

– Здравствуй, Стас, – сказала она. – Проходи.

Стас прошел за ней, волоча за собой свою сумку, и дверь автоматически закрылась за ними. Агата прошла в гостиную, и села на диван.

– У тебя, наверное, есть вопросы? – спросила она, наливая себе сок.

– Полагаю, у тебя тоже, – чуть усмехнулся Стас. – Я могу понять все сложности моего пребывания, и обещаю тебе покинуть твой дом, как только я найду работу.

– Ты считаешь, я не слишком гостеприимна?

Стас сдержано вздохнул.

– Весь этот мир к нам не слишком гостеприимен, – сказал он. – И это можно понять.

Агата чуть усмехнулась.

– Да, это другой мир, – кивнула она. – Не взыщи, но он стал таким в результате вашей войны.

– Нашей войны? – переспросил Стас.

– Ты хочешь об этом поговорить?

– Нет, – поспешил уверить ее Стас. – Знаешь, я ведь тебя очень плохо помню. Когда началась заваруха, тебе было лет десять?

– Двенадцать, – сказала Агата. – Отец погиб на втором году войны, а мать изнасиловали и убили мародеры уже после его гибели.

– Прости, что я заставил тебя вспомнить об этом, – произнес Стас.

– Я никогда не гордилась подвигами отца, – сказала Агата. – Война представлялась мне страшной глупостью, нелепой игрой амбиций.

Стас не стал это комментировать. Чего ему совсем не хотелось теперь, так это рассуждать о сути той войны. Там не о чем было рассуждать.

– Однако ты неплохо устроилась, – заметил Стас. – Как это получилось?

– Меня взяли на курсы языка, – сказала Агата. – Сначала я была переводчицей, а потом стала обучать рептилидов нашим языкам.

– Так ты общаешься с… рептилидами?

– Тебя это шокирует? – она посмотрела на него с вызовом.

Стас пожал плечами.

– Я не думал, что в вашем Верейске проживают рептилиды.

– Но больших городов почти не осталось, – напомнила Агата. – Здесь одно из их представительств, за городом, в лесу.

– Надеюсь, связь со мной не явится ля тебя компроматом?

– Нет, – сказала Агата. – Они совсем не такие, как ты про них думаешь. Те, что проживают здесь, во всяком случае. Они изучают нашу культуру.

Стас кивнул.

– Давай договоримся сразу, – сказал он. – Я уже пятнадцать лет являюсь штатским, и настроения войны меня давно оставили. Теперь мне надо как-то устроиться и жить дальше.

– Ты ведь священник? – вспомнила Агата.

– С меня сняли сан, – сказал Стас. – Конечно, мне бы хотелось устроиться при церкви, но я еще не очень понимаю, что такое наша церковь теперь?

Агата продала плечами.

– Все как-то приспособились… Я бываю в храме иногда, там все по-прежнему.

– Не думаю, что все по-прежнему, – вздохнул Стас. – Во всяком случае, попытаться можно.

Агата вдруг чуть усмехнулась.

– Ты все еще веришь в Бога?

Стас качнул головой.

– По-моему, нам были предоставлены самые веские доказательства…

– Но в Библии нигде не говорится о рептилидах.

– Почему? – он попытался улыбнуться. – Господь создал их на пятый день Творения.

Агата тряхнула головой.

– Ты же понимаешь, что это о другом.

– О чем другом?

– Я не хочу спорить, – сказала Агата. – Помнится, мои родители были шокированы, когда ты оказался священником. Они всегда были атеистами.

Стас чуть сощурился.

– Ты думаешь?

– А что тут думать! Это было очевидно.

– Дядя Валера нашел меня во время битвы за Крым, – вспомнил Стас. – Он хотел принять крещение…

Агата нахмурилась.

– Если ты это придумываешь, то это жестоко, Стас.

– Я не придумываю. Мы уже договорились о проведении чина, но крокодилы шарахнули огненной бурей. Тысячи людей сгорели в одно мгновение.

У Агаты задрожали губы.

– Огненная буря?

– Энергетическая вспышка высокой мощности.

– А ты как выжил?

Стас вздохнул.

– Отсиделся в катакомбах. Я там нашел древний подземный храм, и все случилось, пока я был под землей. Меня засыпало, но я выбрался.

Агата покачала головой.

– Какой кошмар… Но вы ведь первые использовали атомную бомбу.

– Мы? – переспросил Стас. – Так ты не считаешь, что мы воевали за всех нас?

Агата скрестила руки на груди.

– Нет, не считаю, – заявила она. – И я надеюсь, ты не будешь агитировать меня за продолжение сопротивления.

Стас развел руками.

– Извини.

Агата поднялась.

– Ты, наверное, голоден. Пойдем, я накормлю тебя. А то скоро Ванда придет…

Стас вскинул голову.

– Ванда?

– Моя дочь, – сказала Агата.

– У тебя есть дочь?

– Тебе не сказали? Да, у меня есть дочь. Ей пятнадцать лет.

Стас нахмурился.

– Как же так… Мне сказали, что все дети находятся под опекой государства…

– Ванда родилась раньше, чем этот закон вступил в силу. Большинство родителей сдали своих детей в приемники, потому что выжить было трудно. Но я оставила Ванду.

Стас кивнул.

– Ты молодец.

– Но я не хочу, чтобы ты забивал ей голову рассказами о войне. Это прошло, и вспоминать об этом не надо.

– Конечно, – согласился Стас. – Я и не собирался. Поверь мне, я не хочу ни для кого создавать проблемы.

– Это прекрасно, – чуть надменно улыбнулась Агата. – Пошли в нашу столовую.

3

Ванда появилась, когда Стас уже перекусил, и занялся рассмотрением рабочих вакансий на компьютере Агаты в ее кабинете. Ванда влетела в кабинет, бросив на пороге свою сумку, и уставилась на Стаса широко раскрытыми глазами. Это была высокая девушка с крашенными черными волосами, стройная и красивая.

– Ты – мой дядя Стас? – выпалила она возбужденно.

Стас поднялся из-за стола.

– Так и есть, – признался он. – А ты – Ванда.

Она кинулась ему на шею, ошеломив его таким страстным приемом, и ее восторженный визг его едва не оглушил.

– Погоди, погоди, – беспомощно пробормотал Стас, но она его не слушала.

– Я так рада! – заявила она. – Ты представить не можешь, как я рада!

– Чему же ты так рада? – спросил Стас недоуменно.

– Ты не понимаешь! – Ванда прошла мимо и села в оставленное им кресло. – В моей школе учатся всего пятнадцать человек, последнее поколение свободного воспитания. И я единственная, у кого есть родственник, который воевал с крокодилами!

Стас качнул головой.

– Тебя это так заводит?

– Это круто! – воскликнула Ванда. – В этом мире, где все только лижут задницы крокодилам, я могу по-настоящему гордиться своей семьей!

– Но твоя мама думает совсем иначе, – заметил Стас.

– Еще бы, – хмыкнула Ванда. – Она спит с крокодилом! Ты не знал?

Стас нахмурился.

– Что ты такое говоришь?

– Клянусь, – вскочила Ванда. – Я сама застукала их в постели!.. Думаешь, откуда вся эта роскошь? Это все от Ланго.

– Ланго?

– Ее возлюбленный крокодил. Прикинь, он приходит сюда, как к себе домой!.. Еще пытается меня воспитывать, тварь зеленая!

Стас поднял руку.

– Погоди, девочка, погоди! Я понимаю твой настрой, но и ты пойми, что мы находимся под оккупацией рептилидов. Если мы хотим добиться каких-то улучшений, нам не следует их оскорблять и унижать. Это плохо кончится.

Ванда отшатнулась от него, сверкнув глазами.

– Ты издеваешься? Они поубивали больше миллиарда людей, а мы чего-то не должны?

– А ты хочешь погибнуть вместе с остальными? – горько спросил Стас.

– Я не могу с этим мириться, – заявила Ванда горячо. – Я вырасту, и возьму в руки автомат!

Стас улыбнулся и погладил ее по голове.

– Хорошо, хорошо, – сказал он. – Этому я могу тебя научить. Но главное, это не автомат, девочка. Главное, это ясная голова и осознание цели. Это важнее.

Ванда моргнула.

– Ты создашь с нами подпольную организацию?

Стас выдержал паузу, собираясь оставаться серьезным.

– Непременно, – сказал он. – Только торопиться в этом деле никак нельзя. Я только что вышел из тюрьмы, за мною следят, и снова попадать в лагерь мне не хочется. Поэтому, надо

прежде всего оценить окружающую обстановку и определить цели. Думаю, к началу наших боевых действий ты успеешь закончить школу.

– Отлично, – обрадовалась Ванда. – Меня уже тошнит от призывов к миру и согласию. Прикинь, эти козлы завидуют моей матери, ее близости с крокодилами! Лина так и вовсе призналась, что ей было бы интересно вступить в отношения с рептилидами!..

Стас невольно качнул головой.

– Бывает, – сказал он. – А часто сюда заходит этот… рептилид?

– Так почти каждую неделю здесь бывает! Он и на меня посматривает с такой похотливой жадность, что меня мутит!.. Если он посмеет подкатить ко мне со своими гнусными предложениями, я убью его, клянусь.

– Позволь мне с этим разобраться, – предложил Стас.

– А что тут разбираться?

– Ты не понимаешь? Если Агата согласилась меня принять, то этот рептилид наверняка имеет на это какие-то виды. Они ведь очень продуманные.

– А что он от тебя может хотеть?

Стас посмотрел на нее насмешливо.

– Может он ждет, что я создам подпольную организацию среди девочек.

– Фу, – сказала Ванда. – Глупости!

– А ты понимаешь, что они могут прослушивать все разговоры, которые здесь ведутся? Даже если мы спрячемся в подземелье, они будут нас слышать!

– Да?!.. – потрясенно переспросила Ванда.

– И не исключено, что этот приятель Агаты именно сейчас нас и слушает, – продолжил Стас.

– Господи, – сказала Ванда. – А я такого наплела!..

– Не думаю, что ты его чем-то удивила, – улыбнулся Стас. – Но нам пока не следует вести разговоры о сопротивлении, ты же понимаешь?

– А как же нам быть?…

Стас развел руками.

– Включай фантазию! Есть разные способы обмена информацией. Записки, намеки, жесты…

Ванда кивнула.

– Точно. Я в сериале видела…

– Вот и молодец, – сказал Стас. – А теперь иди, и покушай. Обо всем остальном мы поговорим позже.

– Ага – сказала Ванда. – Дай пять!..

Она подставила руку, и Стас хлопнул ее своей ладонью.

Ванда рассмеялась и убежала.

Для пятнадцатилетней девушки она выглядела несколько недоразвитой, лет так на двенадцать.

Стас вернулся к своим вакансиям, и когда через несколько минут вошла Агата, он уже подобрал несколько интересных позиций.

– О чем вы говорили с Вандой? – спросила Агата холодно.

Стас посмотрел на нее.

– Мы решили создавать подпольную группу сопротивления, – сказал он. – Но я поставил условие, что девочка должна сначала закончить школу.

Агата нервно усмехнулась, и села в кресло у стены.

– Она просто сумасшедшая, – произнесла она дрогнувшим голосом. – Я не знаю, что с ней делать.

– А что тебе советует твой друг Ланго?

Агата осеклась, глянув на Стаса в замешательстве.

– Она уже рассказала? Да, это мой друг.

– Он же наверняка в курсе всех ее заморочек?

– Он относится к этому снисходительно, – вздохнула Агата. – А я все же боюсь. Однажды она все же захочет убить его!..

Стас повернулся с креслом к ней.

– Он прав, – сказал он. – Это все подростковый протест. Скажи, мне кажется, или она действительно немного задержалась в детстве?

– Это общая тенденция, – махнула рукой Агата. – Они не хотят взрослеть, потому что других детей вокруг нет. Думаю, самим взрослым это тоже приятно.

Стас нахмурился.

– А где же остальные дети?

– В воспитательных центрах, – сказала Агата. – Чему их там воспитывают, еще неизвестно, но ясно, что сопротивление они организовывать не будут.

Стас посмотрел на нее пристально.

– А кто отец Ванды?

– Какое тебе до этого дело? – нахмурилась Агата.

– Нет, нет, если не хочешь, то и не говори. Но девочка у тебя забавная.

Агата тяжко вздохнула.

– Знал бы ты, чего мне все это стоило! Я была испуганной девчонкой, у меня не было ни дома, ни средств существования… И младенец на руках!

– Это был просто подвиг, – кивнул Стас.

– Ты мне поможешь обуздать ее?

Стас тяжело вздохнул.

– Расскажи мне, – резко поменял он тему разговора, – что хочет от меня твой Ланго?

В ее глазах возникло смятение.

– С чего ты взял, что ему что-то от тебя надо?

– Предположил, – сказал Стас. – Смотри сама, мы с тобой никогда не были близки, а после лагеря я и вовсе стал не слишком популярным родственником. Но ты без сомнений приглашаешь меня к себе, пытаешься даже выстроить какой-то повод для этого… Это он попросил тебя дать свое согласие?

Агата раскрыла рот, но не стала отвечать, не найдя слов. Она даже отвернулась в досаде.

– Я тебя ни в коем случае не осуждаю, – уверил ее Стас. – В конце концов, не убивать же он меня собирается. Но было бы правильно, если бы ты меня предупредила о его интересе.

– Я ничего не знаю о его интересе, – фыркнула Агата. – Он изучает нашу культуру, может с этой стороны… У них нет даже признаков религии.

– Вот и все, – сказал Стас. – Мне тоже будет интересно пообщаться с рептилидом. До сих пор мы только стреляли друг в друга.

– Он интересный собеседник, – поспешила уверить его Агата. – Конечно, это совсем другая культура, и ему приходится объяснять самые простые вещи…

– А про свою культуру он рассказывает?

– Да, конечно. Он не участвовал в боевых действиях.

Стас устало вздохнул.

– День был насыщенный, – сказал он. – Я бы хотел пораньше лечь. Ты мне не покажешь мою комнату?

– Пойдем, – кивнула Агата.

Они поднялись на второй этаж, и Агата открыла дверь комнаты для гостей. Комната была роскошная, и Стас это оценил. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не выказать своего восхищения.

– Там ванная, – Агата указала на дверь, – и туалет. Телевизор включается пультом, там настроены несколько десятков популярных программ.

– Этого достаточно, – кивнул Стас.

– Тогда отдыхай, – сказала Агата. – Какие у тебя планы на завтра?

– Пойду с утра искать работу.

– Ключей у нас нет, – сообщила Агата. – Но для тебя дверь откроется. Я ввела тебя в программу.

– Спасибо, – сказал Стас. – Я тебе очень благодарен, Агата.

– Ничего особенного, – сказала Агата. – И ты должен знать, я была рада оказать тебе помощь.

4

Поначалу в лагере Стас долго не мог избавиться от кошмаров, что преследовали его после всех фронтовых ужасов. Пока он был на фронте, все это воспринималось на сжатых зубах, потому что требовало немедленной реакции, но когда необходимость стрелять в ответ отпала, все вернулось, умножившись многократно. Прошло не меньше года, прежде чем он под руководством лагерного психолога научился контролировать свои сны, но тот предупреждал что все эти ужасы подсознания, разбуженные фронтом, всегда могут вернуться. Стас серьезно опасался, что кошмары вернутся, как только он окажется на воле, и потому в первую ночь не просто читал молитвенное правило, но искренне молился, но его опасения были напрасными, и ночь прошла без потрясений.

По лагерной привычке Стас проснулся в шесть утра и некоторое время ждал окрика дневального. Окрика не последовало, он открыл глаза и вспомнил, что он на воле. Спать уже не хотелось, и он стал подниматься. Некоторое время он позволил себе понежиться в ванной, надел приготовленную одежду, кратко помолился и вышел завтракать, когда все еще спали. На кухне он нашел в холодильнике еду к завтраку, и неспешно поел, наслаждаясь неторопливостью процесса.

Когда в семь часов поднялась Ванда, Стас уже успел посмотреть по телевизору в гостиной все новости, и они его не тронули. Вся эта пестрота событий, с семейными проблемами звезд, с мнением кого-то о чем-то, с сенсационным выигрышем в очередной лотерее и спортивными событиями, не могла его тронуть, потому что, хотя героями событий были люди, но он всех их считал инопланетянами. А о жизни людей новости не сообщали.

– Привет, – сказала Ванда сипло. – У нас сегодня волейбольный матч в школе – придешь?

– Постараюсь, – отвечал Стас, хотя был уверен, что не придет.

– Покажу тебя подружкам, – сказала Ванда с восторгом. – Они описаются от зависти!

Ванда завтракала какой-то калорийно-лечебной смесью, которую сама приготовила в миксере и выпила одним глотком, после чего отправилась в школу, предварительно чмокнув Стаса в щеку.

– Мы победим, – сказала она, подняв сжатый кулак.

– Так и будет, – отозвался Стас.

Он почувствовал, что его начинает угнетать эта навязанная ему роль героя проигранной войны, но протестовать не стал.

Агата поднялась позже, махнула Стасу рукой, проходя на кухню, но скоро вернулась с чашкой кофе в гостиную, где он сидел. На ней была пижама, и она села на диван, положив ногу на ногу.

– Так куда ты пойдешь? – спросила она.

– Сначала на регистрацию, – стал рассказывать Стас. – Потом в центр занятости. И в конце зайду в церковное управление. У вас есть церковь?

– На площади Согласия, – отвечала Агата. – Я вовсе не тороплюсь от тебя избавиться.

– Я ничего такого не предполагал, – сказал Стас.

– Хотела тебя спросить, – Агата смотрела на него, попивая кофе. – Ты не хотел бы познакомиться с моей подружкой?

Стас поднял бровь.

– С твоей подружкой?

– Она очень интересная женщина, – сообщила Агата. – Уже месяц терзает меня просьбой познакомить ее с тобой.

– Чем же я привлек ее внимание? – подивился Стас.

Агата усмехнулась.

– Не тем, что ты подумал. В сексуальном плане сейчас проблем нет, в доме Любви всегда можно найти партнера на любой вкус. Но это все, как бы тебе сказать, производственные отношения… Люди же более взыскательные ищут нестандартные решения.

– В области секса? – спросил Стас скривившись.

– Да нет же, – усмехнулась Агата. – В области простого общения, в области добрых отношений, в области простого разговора по душам. Кстати, если в результате вы придете к сексу, это только обогатит ваши чувства.

Стас покачал головой.

– Нет, нет, меня это не интересует.

Агата отставила чашку.

– Совсем не интересует? – спросила она с интересом.

– Совсем, – кивнул Стас.

Она загадочно улыбнулась.

– Ну, а вот, к примеру, стал бы ты заниматься сексом со мной?

Стас посмотрел на нее испуганно.

– Ты же мне кузина!

– И что?

Стас потряс головой.

– Нет, погоди, ты это серьезно?

Агата рассмеялась.

– Не пугайся, это я только к примеру. Если хочешь начистоту, то я была бы не прочь, хотя на части меня страсть не разрывает. Или ты вообще?…

Стас кивнул.

– Я вообще, – отвечал он. – Мне ведь пришлось давать обет безбрачия. Я получил сан по целибатному чину, так что вопросы секса для меня отрезаны.

– Но ведь тебя лишили сана! Разве это не возвращает тебе возможность…

– Нет, – сказал Стас. – Я давал обет, и этим все решено.

Агата покачала головой.

– Такого рода решимость я могу только уважать, – сказала она. – Это такая редкость в наше время! Думаю, это привлечет к тебе повышенное внимание.

– Я не стремлюсь к вниманию, – ответил Стас сдержано.

– Но официально это вряд ли одобрят. Деторождаемость сейчас во главе всего. Существует обязательный ценз деторождения для получения определенных ступеней в обществе.

– Что за ценз? – скривился Стас.

– Ну, скажем, чтобы добиться определенных карьерных достижений, необходимо иметь много детей.

Стас посмотрел на нее осторожно.

– Скажи-ка мне, если можно… Ванда сказала, что ты спишь с рептилидом.

Агата надменно усмехнулась.

– Тебя это шокирует?

– Я ни коим образом не хочу вмешиваться! Но, насколько мне известно, у рептилидов развит партеногенез! У них нет сексуального инстинкта.

Агата вздохнула.

– Все еще хуже. У них размножение поставлено на промышленную основу. Но сексуальный инстинкт у них, конечно же, есть, но в рудиментарной форме. Наши психологи утверждают, что он активно работает у них в подсознании, но, не имея выхода, порождает самые разнообразные сублимации.

– Так вы занимаетесь сублимацией?

– Не смей лезть в мои постельные дела, – фыркнула Агата. – Если хочешь знать, это тоже культурология. Он пытается понять наши отношения. Ты познакомишься с ним, и поймешь, что все вовсе не так страшно.

Стас качнул головой.

– Это круто, – сказал он.

Агата усмехнулась.

– Так что мне сказать Диане?

Стас улыбнулся.

– Ее зовут Диана? Боюсь, я не оправдаю ее ожиданий, я ведь только что из зоны. Но если ты связана обещанием, то я готов с ней поболтать.

– Скажем, сегодня вечером, ага? – спросила Агата.

Стас кивнул.

Агата поставила чашку и поднялась.

– Ладно, я убегаю.

Она тоже наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку, и Стас был вынужден ответить таким же причмокиванием. Конечно же, он не мог забыть о том, что его двоюродная сестра только что приглашала его в постель. Это особенно шокировало.

5

Стас никогда не был в открытом космосе, но теперь, выходя на улицу, чувствовал себя именно так. Мир представлялся ему сугубо враждебным, и следовало проявлять повышенную осторожность в обращении с ним.

Маршрут он изучил из информационной сети, и это избавило его от необходимости задавать вопросы прохожим. Прохожие вовсе не казались врагами, но настроенный на предосторожность, Стас предусмотрительно обходил их на дистанции. Ему предстояло серьезное испытание – общественный транспорт, и он подготавливал себя к нему заранее. Он не был идиотом, он понимал, что никто из окружающих не кинется на него с угрозами, не будет осыпать его ругательствами и оскорблениями, но одно их самодовольство уже представлялось Стасу фактом чудовищного предательства, и избавиться от этого наваждения было трудно.

На остановке было не более трех-четырех человек. Некий долговязый тип вязался к девице в обтягивающем трико, обещая ей всю массу удовольствий, о которых она могла только мечтать, но девица отбивалась, напоминая, что когда она пришла к нему на свидание, он успел переключиться на другую.

Подъехал автобус, современной формы, яркой окраски, и люди поднялись в салон. Стас тоже поспешил занять свое место, и когда он сел к окну, давешняя девица села рядом. Долговязый навис над ним.

– Дедок, – сказал он. – Уступи место влюбленному сердцу.

– Отвали, – сказала девица насмешливо.

– Какие проблемы, Ася? – не отставал ее парень. – Я же повинился, пора уже погладить меня по голове.

– Я лучше на дядю обопрусь, – сказала девица и ухватила Стаса под руку. – Ты ведь мне не откажешь, дядя?

Стас покосился на нее, на парня, и неохотно поднялся.

– Садись, – сказал он долговязому, и перешел на другое место.

Тот громко рассмеялся, а девица возмущено воскликнула:

– Нет, ты видел! Он мне просто в морду плюнул!..

– Хочешь, я ему врежу? – предложил долговязый.

Стасу очень захотелось, чтобы тот начал драку, уж он бы выплеснул все свое раздражение, но девица махнула рукой.

– Да ну его, доходягу такого! Ладно, встретимся в пять в баре, и если ты опоздаешь даже на минуту, я тебя больше знать не хочу! Понял?

Долговязый поцеловал ей руку.

Следующим испытанием оказалось административное здание, где Стас был обязан зарегистрироваться. Некоторое время он просто стоял перед дверью, через которую входили и выходили разные люди, и не решался к ним присоединиться. Наконец, почувствовав, что его ожидание затягивается, он решился и шагнул в дверь.

У двери стоял охранник в военизированной форме. Заметив растерянный взгляд Стаса, он шагнул к нему.

– Вам помочь?

– Мне на регистрацию, – сказал Стас.

– А что вам надо зарегистрировать?

– Свое проживание, – объяснил Стас.

– Подходите к любому терминалу, – махнул рукой охранник. – Если что, обратитесь к девчонкам. Они тут для этого тусуются.

Стас прошел в зал, и подошел к свободному терминалу. Не было ничего неясного в работе с терминалом, он легко набрал нужный путь, и сунул свою карточку, когда это потребовалось. Аппарат проглотил карточку и долго держал ее внутри, так что Стас начал нервничать. Наконец там что-то зажужжало, и карточка неохотно выползла наружу.

Почувствовав удовлетворение от того, что он обрел наконец социальный статус, Стас невольно усмехнулся. Во всяком случае, страхов немного поубавилось.

Центр Занятости располагался в большом зале, похожем на вокзал обилием людей, различных терминалов и окошек. Стас поначалу испытал там ощущение близкое к паническому, но сумел прийти в себя, отсидевшись в кресле. Не зная, куда ему обращаться, он стал в очередь в справочную службу, где ему объяснили, как и что ему делать. Он сел к терминалу, и стал нажимать кнопки, чтобы определиться в своей профессиональной ориентации. До войны Стас работал в храме и учился в университете, так и не успев его закончить. На войну он ушел санитаром, считая свой выбор окончательным, чтобы не быть связанным со смертью, что закрывало для него путь к духовному сану. Попутно он прислуживал во фронтовом храме, читал и пел на клиросе, сослужил батюшке на требах, и особенно на отпеваниях, которых на войне было очень много. А когда их полковой священник умер от сердечного приступа во время литургии, Стас сам стал священником, перешагнув за неделю ступень диаконства. Так что никакой другой профессии, кроме той, от которой его отлучили, у него не оставалось.

В окошке терминала появилось предложение обратиться к инспектору, и Стас стал в очередь к инспектору. Ждать пришлось недолго, и вскоре он уже расположился напротив миловидной женщины с румянцем на щеке, которая улыбалась ему игривой улыбкой. Ее звали Роза.

– Я так понимаю, в церкви вас уже не простят? – спросила она с сочувствием.

– Если вы меня туда направите, – сказал Стас, – то они могут подумать. Может, сан мне не вернут, но работу при храме найдут.

– А вы действительно хотите работать при церкви?

Стас кротко вздохнул и кивнул.

– Вы верующий человек?

– У нас не принято хвастаться глубиной веры, – сказал Стас.

– Просто я пытаюсь понять, как была связана ваша вера с вашим участием в конфликте?

– Это было нечто вроде духовной лечебницы, – пояснил Стас. – На войне люди переживают особо тяжкие стрессы, и мы помогали им.

– И вы не призывали их к миру?

Стас некоторое время молчал, выстраивая приемлемый ответ.

– Такого рода призывы действуют только, когда вы обращаетесь к обеим сторонам, – наконец сформулировал он. – Но у меня не было возможности обратиться к рептилидам.

Она улыбнулась, и как показалось Стасу, оценила его дипломатическую изворотливость.

– А если вам не удастся устроиться при церкви, где бы вы могли работать?

Стас пожал плечами.

– На любой работе, – сказал он. – Я могу быть уборщиком, грузчиком, чернорабочим…

– Это здорово, что вы не выдвигаете никаких условий, – кивнула Роза. – Я вам непременно помогу. А вы не думали о репродуктивных услугах?

Стас озадачено поднял голову.

– А что это?

– Сексуальные услуги, – объяснила Роза. – Вы вполне еще здоровый и крепкий мужчина, и могли бы зарабатывать неплохие деньги в Доме Свиданий.

– Зарабатывать деньги? – переспросил Стас.

– Да, – кивнула Роза. – Каждый случай беременности оплачивается очень даже неплохо. Половина ваших сверстников зарабатывают средства к существованию оплодотворением женщин.

– Это встало на промышленную основу? – спросил Стас насмешливо.

– Разумеется! Ведь речь идет о восстановлении народонаселения.

– И что, брачные отношения отменены?

– Почему же? Очень многие хотят сохранить свои обязанности перед любимыми. Но это никак не связано с деторождением, потому что дети находятся на воспитании у государства.

– В обязательном порядке?

Она удивлено подняла голову.

– Вас это как-то напрягает?

– Если честно, я бы хотел сам воспитывать своего ребенка, – признался Стас.

– А что вы знаете о тайнах воспитания личности?

– Ничего, кроме того, что я сам – личность, – улыбнулся Стас.

– Вот видите. А ведь правильное построение воспитательного процесса, это условие обязательное для создания полноценной личности. Слишком много предрассудков мы готовы привить нашим отпрыскам, вопреки интересам общества. Нельзя считать вашего ребенка вашей собственностью, вы согласны?

– Это запрещено?

– Категорически, – кивнула Роза. – Поначалу с этим спорили, но потом нам были предоставлены убедительные доказательства.

– И что получается из этих государственных детей? – хмуро спросил Стас.

– Программа работает только тринадцать лет, – улыбнулась Роза. – Мы пока не можем сказать, каковы ее результаты. Но дети представляются довольными и счастливыми. Кстати, если бы не ваши ограничения в правах, вы могли бы работать в детском центре воспитателем.

Стас понимающе кивнул.

– И что, народонаселение растет?

– Стремительно, – рассмеялась Роза. – Потери, разумеется, еще не до конца компенсированы, но к этому все идет.

Стас посмотрел на нее пристально.

– Скажите, а вы сами?…

– Что?

– У вас были дети?

– Разумеется, – отвечала Роза. – Рождение детей является условием карьерного роста. У меня их было четверо.

– И все от разных родителей?

– Представьте себе, – рассмеялась Роза. – Или вы, как священник, считаете это прелюбодеянием?

Стас не стал отвечать.

– Подумайте об этом, – сказала Роза. – А пока можете обратиться в вашу церковь, мы пошлем соответствующий запрос в местное управление.

Стас кивнул. Она все еще улыбалась ему располагающей улыбкой.

– Вы знаете, – сказала она. – Существует симпатия, нарастающая со временем, а существуют случаи взрывного характера. Называется: сексуальный шок. Когда внезапная волна влечения бросает вас в объятия партнера. Вы понимаете, о чем я говорю?

Стас поспешно поднялся.

– Да, – сказал он. – Понимаю. У нас это называется наваждением. Всего доброго, Роза!

Конечно, он еще в лагере успел узнать об основной профессии граждан, которые вступали в беспорядочные связи в надежде на оплодотворение. Он знал, что теперь это приняло совершенно рутинный характер, где соблазнение превратилось из затейливой рыбной ловли в промышленный отлов рыбы, но до сих не мог это принять. В лагере возможность сексуальных утех являлось средством поощрения, но и там случаи оплодотворения давали немалые блага,

вплоть до полной амнистии. Он представил себе участников этого процесса, которые изо дня в день деловито и сосредоточенно заняты сексуальной работой, и его передернуло от отвращения. Но мог ли он их осуждать?

6

Когда он уже шел к выходу через огромный холл, какой-то человек вдруг поднялся с дивана у стены и пошел к нему навстречу. И хотя Стас не обратил на него особого внимания, какое-то внутренне напряжение тотчас же сковало его.

– Простите, – услышал он.

Он нервно обернулся, и увидел рядом довольно молодого человека в каком-то пестром пончо.

– Это вы Бельский Станислав Семенович? – спросил тот.

– Что вам угодно? – хмуро спросил Стас.

– Я бы хотел с вами поговорить.

Стас нервно вздохнул.

– А кто вы такой?

– Крис Вердиев, – представился тот. – Преподаватель из Тульского университета, занимаюсь историей. Случайно оказался в Верейске, и вот такая удача!

– Удача?

– Узнал, что тут появились вы, Станислав Семенович. Для меня это грандиозная удача.

Стас качнул головой. Ему это удачей не казалось.

– И что вам угодно?

– Станислав Семенович, дорогой! – всплеснул руками Крис. – Вы же для нас просто кладезь информации! Вы же реальный участник тех событий, не так ли?

– Разве я один такой?

– Увы, вас уже совсем не так много, – вздохнул Крис. – Не желаете посидеть в кафешке, я вкратце объясню, что мы от вас хотим.

– Мы?

– Историческое общество при университете.

Стас пожал плечами.

– Как вы меня поймали?

– Да, действительно, – хихикнул Крис. – В полиции мне отказались дать ваш адрес, но я знал, что вы непременно придете сюда на регистрацию, вот и сижу здесь уже около часа, выжидая вас.

Они направились к выходу.

– Отказались дать мой адрес? – удивился Стас.

– Ну да, вы ведь только что из лагеря… Считается, что вы в стрессовом состоянии.

Стас вздохнул, соглашаясь в этом вопросе с полицией.

Он вышли на улицу, и Крис указал на другую сторону.

– Там вон есть приличная кофейня! Надеюсь, я вас не напрягаю?

Стас не ответил. В заведениях общепита ему бывать еще не приходилось, но он не ждал от них неприятных сюрпризов.

В кафе было уютно, и почти совсем не было народа. Официантки в мини-юбках шелестели между столиков, раздавая самые сладкие улыбки. Крис заказал кофе, и миловидная официантка, бросив быстрый взгляд на Стаса, пошла исполнять заказ.

– Понимаете, – начал Крис. – Общество испытывает огромный дефицит в информации о прошлом. После войны они несколько лет вытаптывали всякие воспоминания, а когда спохватились, оказалось, без этого наша жизнь неполноценна!

– В самом деле? – подивился Стас. – Так вас интересует история войны?

– Конечно! – воскликнул Крис. – Это же высокая трагедия, это же живой миф! Представьте себе картину уничтожения Нью-Йорка, или гибель Москвы!..

– Тогда уж Китайский провал, – заметил Стас.

Именно там, в Китае после чудовищного энергетического удара были особенно крупные жертвы.

– Собственно говоря, атака объединенной базы тоже была актом трагедийным, – заметил Крис. – Вы же знаете, они все были повязаны на свою базу… Погибло немалое количество бойцов.

В той атаке участвовали спецназовцы, и все погибли во время взрыва. Но Стас не мог забыть охватившего всех чувства приближающейся победы, которое потом было так грубо прервано притоком новых сил противника.

– Простите, – остановил его Стас. – А вы сами где были?

Крис чуть смешался.

– Когда война была закончена, мне было пятнадцать лет, – сказал он. – И все годы войны мы прятались то в одном убежище, то в другом. Можете представить, что мы там пережили.

– Могу, – кивнул Стас. – Но вы довольно быстро от всего этого отошли, верно?

– Конечно, это удивительное явление, – согласился Крис. – Мы ведь все ждали, что все!.. Конец света!.. А получилось, что победители сделали для нас куда больше, чем мы могли ждать в случае своей победы. Практически, уже через десять лет все следы этой страшной войны были ликвидированы. Рептилиды вкачали в нас невероятные средства.

– Почему они так сделали? – угрюмо спросил Стас.

– Это эффект загадочной рептилидской души, – рассмеялся Крис. – Я сам не сразу смирился с поражением, как и многие, но, в конце концов, осознал, что наше поражение по сути явилось нашей победой.

– То есть, нам вообще не следовало воевать, да?

– Получается, что так, – кивнул Крис. – Вас это расстраивает?

Стас промолчал.

– Так чем вы занимаетесь в своем историческом обществе? – спросил он.

– Восстанавливаем ход событий, разумеется.

– Для кого?

– Для всех любителей истории! Конечно, запрос общества на историю войны пока не достаточен для серьезной работы, но мы верим, что будущие поколения оценят наши поиски.

Стас только хмыкнул.

– В частности, нас интересует крымский эпизод войны, – сказал Крис. – Он очень мало изучен, свидетелей почти не осталось, документов тоже. Это же было в самом конце, когда сопротивление практически добивали.

– До капитуляции оставалось еще около полугода, – напомнил Стас. – После того, как мы взорвали их базу в космосе, появилась надежда. Но тут пришли новые корабли из Болота, и нас стали давить.

– Вы ведь были в Крыму?

Стас кивнул.

– Кого вы знали из известных лиц?

– А кто вас интересует?

– Ну, генералы Стечкис, Найманов, Агабян… Маршал Гремин, наконец.

Стас покачал головой.

– Я был в чине старшего лейтенанта, – сказал он. – Кого из начальства я мог знать?

– Но вы выжили!

– Потому что в момент взрыва я был под землей. Мне пришлось еще не меньше недели раскапываться…

– Представляю, что вы увидели, когда выбрались.

– Пустыню, – кивнул Стас. – Воды в Крыму никогда толком не было, а я почти в центре полуострова! И все разглажено, как катком проехали. Это действительно была образцовая пустыня. Прежде чем меня напоили, я совсем высох…

– А кто вас подобрал?

– Уцелевшие остатки армии собирались со всех сторон. Меня подобрал патруль на джипе… К тому времени в Крыму уже лютовали каратели рептилидов, знаете, такие – с рогами.

– Их называют барсифы, это самое воинственное племя среди рептилидов. И самое дикое. Ну, в их смысле, конечно, – он понизил тон. – Об этом не принято говорить, но именно с ними связаны случаи каннибализма.

– Такие случаи подтверждены? – спросил Стас угрюмо.

– У нас по рукам ходил вольный перевод одного рептилидского поэта, – сообщил Крис. – Так там об этом пишется прямо. Наши говорить об этом не осмеливаются. Так сколько вас уцелело?

– Поначалу собралось около тысячи человек, – сказал Стас. – Но каратели разыскали нас и напали… Осталось около сотни.

– Значит, вы все-таки видели маршала Гремина.

– Он был очень плох, – покачал головой Стас. – Умер за неделю до того, как нас сняли американские десантники.

– Это был великий человек. Все мгновения его жизни заслуживают нашего особого внимания.

Стас бросил на него быстрый взгляд.

– Думаете, дойдет до того, что мы будем прославлять наших героев?

– Непременно! – воскликнул Крис. – Собственно говоря, рептилиды и сами выражают восхищение нашим сопротивлением. В конце концов, ведь у нас практически не было шансов противостоять их нашествию. Но наше политическое руководство страшно боится реваншистских настроений, и давит все в зародыше. Однако, наше университетское общество прикрыто Наблюдательным советом, поэтому нас не трогают.

– Что за Наблюдательный совет?

– Это оккупационная администрация. Но они стараются не вмешиваться в наши дела, и потому вреда от них нет. Зато пользы немало.

Стас посмотрел на него тяжелым взглядом.

– Значит, теперь все в порядке?

– Если вы о рептилидах, то все в полном порядке. Они даже склоняются к идее широкой компенсации всех наших потерь.

Стас поставил на стол чашку.

– Почему же меня тогда держали пятнадцать лет в лагере?

– Вы же понимаете, – развел руками Крис. – Это наши власти, которые считают себя святее папы римского. Всю борьбу с реваншизмом ведут именно они, определив в реванше сосредоточение сил зла. Им так удобно.

– Выглядит гнусноватенько, – заметил Стас с усмешкой.

– Как и многое вокруг, – согласился Крис. – Но с другой стороны, исследование конфликта продвигает нас по линии онтологии, позволяет понять самые глубинные смыслы бытия. Ведь вы наверняка судите эту историю по-своему, и никакие успехи нашего быта вас не успокоят.

– Я стараюсь не быть категоричным, – буркнул Стас.

– И ваша позиция имеет свои основания, – кивнул Крис. – Мы должны учитывать все мнения, и только тогда мы получим картину, более или менее адекватную.

– Так что вы от меня хотите?

– Ваш рассказ о тех временах, – сказал Крис. – Мы предполагаем собрать общество, подать общую позицию в виде презентации, а потом поговорить обо всем этом с вами. Люди будут задавать вопросы, а вы – отвечать.

– Похоже на допрос в комиссии по военным преступлениям.

Крис усмехнулся.

– Нет, нет, мы куда доброжелательнее. Вы в принципе ничего не имеете против?

– Пока я ничего не могу сказать, – отвечал уклончиво Стас. – Дайте мне устроиться, осмотреться, определиться. У меня ведь пока еще голова идет кругом. Племянница меня героизирует, а двоюродная сестра зовет в любовники. Это может шокировать…

– Я понимаю, – кивнул с участием Крис. – Сексуальный вопрос обрел несколько другое звучание, и вы, как священник христианской церкви, наверное, озадачены. Но после таких сокрушительных потерь рептилиды считают себя просто обязанными восстановить численность населения, поэтому они активно поощряют деторождаемость.

– Они просто ангелы, – кивнул Стас холодно.

– И вы сами это поймете и признаете, – уверил его Крис. – Когда с вами связаться?

– Скажем, через неделю, – сказал Стас.

– Договорились. Простите меня за мою активность, но я серьезно отношусь к своему делу.

Стас остался в кафе, а Крис поспешно ушел.

Этот интерес исторического общества к событиям в Крыму не представлял для Стаса никаких загадок. Маршал Гремин был одной из центральных фигур Сопротивления, и с его именем были связаны самые главные тайны войны. В лагере от Стаса все пятнадцать лет добивались сведений о маршале, и немудрено, что это любопытство перешло на период освобождения. Как уже сказал Крис Вердиев, их ведь так немного осталось, ветеранов той войны.

7

Полковник Лазарус Гейшахт пришел на руководство в Верейске после долгой карьеры в области разведки, и такое назначение было прямо связано с его предыдущей работой. Впрочем, как правильно говорили знающие люди, бывших разведчиков не бывает. И хотя Гейшахт пока не исполнял каких-либо заданий своей бывшей конторы, он знал, что его просто держат в запасе. Верейск был одним из центров культурного контакта, и от того его значение для политической жизни было особенно важным. Гейшахт не только следил за контактами рептилидов, он даже сам в их участвовал, когда те затевали какие-нибудь общественные акции.

Поэтому полковник так перепугался, когда вдруг в Верейск нагрянул генерал Анри Десконье, ветеран войны и член Управляющего комитета. По рангу генерал Десконье был этажа на четыре выше полковника, то есть он сидел так высоко, что встретиться с ним в жизни было просто немыслимо. А тут вдруг заходит секретарша и испуганно сообщает:

– Господин мэр, там генерал Десконье.

– Где? – не понял сразу Гейшахт.

– В приемной, – пролепетала секретарша.

Еще не до конца все обдумав, Гейшахт уже вылетел в приемную, чтобы лично приветствовать героя войны. Генерал в этот момент тепло беседовал с немолодой Кларой Уинстон, которая настойчиво добивалась от мэра повышения категории, ссылаясь на то, что ее семья погибла на войне. Она ссылалась на это уже пятнадцать лет, с тех пор, как эти ссылки стали работать, и успела набрать немало полезных преимуществ.

– Что это, мэр? – спросил генерал с шутливой серьезностью. – Почему вы обижаете эту несчастную женщину.

– Уверяю вас, он просто расист! – сказала Уинстон уверенно.

– Мы непременно займемся ее проблемами, генерал, – пообещал Гейшахт. – Прошу вас в мой кабинет!

– Держитесь твердо, милая, – сказал генерал Кларе и прошел в кабинет.

Гейшахт, провожая его, говорил:

– Вообще-то, если посчитать, то эта попрошайка под предлогом своего африканского происхождения вытребовала у нас уже в три раза больше, чем ей положено.

– Оставьте, мэр, – скривился генерал. – Неужели вы думаете, что это меня интересует?

Он упал в кресло.

– Воды со льдом, – попросил он.

Гейшахт немедленно передал его требование секретарше, и сел напротив.

– Чем я могу быть вам полезен, генерал? – спросил он, выражая полную готовность послужить.

– Чем вы можете мне послужить, приятель? – улыбнулся генерал. – Вы же болеете за «Драконов», а я за «Орлеанский кактус».

Гейшахт услужливо улыбнулся, хотя фактически генерал напомнил ему, что он представляет команду генерала Вана Ленси. Конечно, этот генерал знал все.

– «Орлеанский кактус»? – переспросил мэр.

– Что происходит в вашем центре? – спросил генерал.

Секретарша внесла поднос с бутылочкой воды из холодильника, где в отдельном блюдце был лед. Генерал неторопливо налил себе почти полный бокал воды, и бросил туда лед, так что вода немного выплеснулась.

– Что я могу знать о работе центра? – развел руками Гейшахт. – Это совершенно закрытая система.

– И у вас там нет своих агентов? – генерал чуть склонил голову.

– Я не могу сказать, что у нас там совсем нет агентов, – сказал Гейшахт, чуть усмехнувшись. – Просто они еще не достигли достаточного уровня компетентности. Там сложная процедура продвижения.

– Так что они выяснили на своем уровне компетенции? – спросил генерал.

Гейшах развел руками.

– Похвастаться нечем, – признался он. – Официально они работают над изучением нашей культуры, только трудно понять почему это их так интересует?

– А вас не интересует культура рептилидов? – спросил генерал.

Гейшахт посмотрел на него вопросительно.

– Разве она должна меня интересовать?

Генерал усмехнулся и поставил свой бокал.

– Вы же разведчик, мэр! – напомнил он. – И мне говорили, что вы неплохой разведчик. Неужто вы решили, что вас поставили сюда, чтобы выбивать привилегии для черных попрошаек?

Гейшахт чуть помолчал.

– Я достаточно долго работал в разведке, – согласился он. – Но, вы же знаете, военные вопросы ушли в далекое прошлое, и нас пустили на управление. Это совсем не значит, что я здесь исполняю функции разведывательного центра.

Генерал кивнул.

– Жаль, – сказал он. – Потому что в данную минуту вы интересуете меня исключительно в разведывательном плане.

Гейшахт распрямился.

– Я всегда готов к вашим услугам, генерал, – сказал он. – Но разве у нас еще ведутся какие-то боевые действия?

– Ведутся, друг мой, – сказал генерал, снисходительно усмехнувшись. – Еще какие! В частности, ваш генерал Ван совсем недавно сдал мне все свои позиции в России.

– О чем это вы? – насторожился Гейшахт.

– Просто он понял, что не надо было связываться с Арнольдом. Арнольд немножко погорел, вот и посыпалась вся его сеть.

– Генерал Арнольд погорел? – спросил Гейшахт испуганно.

– Я же вам говорю, теперь вас прикрываю я, – пояснил генерал. – Или я должен сказать вам пароль?

– Я не понимаю, о чем вы, – произнес Гейшахт твердо.

Генерал посмотрел на него с одобрительной улыбкой.

– Молодец, полковник, – сказал он. – А правда ли, что аллигаторы питаются речными змеями?

– Чаще наоборот, – ответил Гейшахт без всякого энтузиазма. – Я вас слушаю генерал?

Тот развел руками.

– Ничего нового я вам сказать не могу, – сказал он. – Меня интересует ваш центр.

– Но вы же… – Гейшахт осекся. – У вас же правительственные полномочия! Разве они не должны ходит перед вами на цыпочках?

Генерал посмотрел на него насмешливо.

– Ты хоть раз видел крокодила на цыпочках?

Гейшахт сдержал усмешку.

– В чем тут фишка? – спросил он.

– Фишка в том, – сказал генерал, – что ваш центр находится под опекой профессора Цингали. И судя по тому уровню секретности, который его окружает, работа там идет серьезная.

– А что я могу сделать?

– Ты же разведчик, – напомнил генерал. – Вот тебе задача, разведать, что они тут готовят?

– Но как?

– Думай, как, – сказал генерал. – У тебя хотя бы есть список наших работников, кто там есть.

Гейшахт нахмурился.

– Достать такой список нетрудно, – сказал он. – Там всего лишь три десятка человек. Только они находятся по самым пристальным контролем!

– И ты хочешь мне сказать, что вы ничего не делаете? – сощурился генерал.

– Нет, почему мы работаем, – отвечал Гейшахт. – Через родственников, через знакомых. Похвастаться нечем, конечно…

– Совсем нечем?

Гейшахт пожал плечами.

– Предо мной не стояла задача вести разведку в сфере деятельности рептилидов.

– Теперь стоит, – сказал генерал. – Твои действия?

Гейшахт покачал головой.

– Я должен понять хотя бы смысл запроса! Кто вас интересует, в связи с чем?

– То есть, ты хочешь, чтобы за тебя работал я, – хмыкнул генерал.

– Нет, нет, – поспешил уверить его Гейшахт. – У нас есть свои наработки, и мы можем предложить свои направления поиска. Как я понимаю, большинство работающих там землян сами являются чем-то вроде подопытных кроликов. Нам точно известно, что из состава случаются выбраковки… Вы понимаете, о чем я?

– Продолжай, – кивнул генерал.

– За прошлый год пропало трое, – сказал Гейшахт. – Пропало без следов.

– Это печально, – согласился генерал.

– Из примечательных специалистов могу отметить Агату Маркевич, – вспомнил Гейшахт. – Замечены ее особые отношения с ее руководителем, рептилидом Ланго.

– Особые отношения?

– Они достаточно близки, – заметил Гейшахт. – Он бывает у нее дома. Такого не случается больше ни с кем из землян.

– Вы пробовали проследить их встречи?

– Пробовали, – грустно вздохнул Гейшахт. – Неудачно. Установленные приборы были выявлены, и затем последовал скандал. Начальник службы полетел, конечно.

– А что известно про этого Ланго?

Гейшахт пожал плечами.

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Ну, он гринбей, исследователь культуры, приехал на Землю лет восемь назад. Это все!

– А с этой Агатой ты как-то работаешь?

– Да, конечно. С ней работает наш опытный агент, специалист по личным контактам.

– Что это за специалист по личным контактам?

Гейшахт улыбнулся.

– Девушка для эскорта, – пояснил он. – Высшей категории.

Генерал вскинул брови и улыбнулся.

– Как у вас все интересно, – отметил он. – И у нее есть имя?

– Диана Милонова. Роскошная женщина, звезда нашего общества.

Генерал посмотрел на него задумчиво.

– Знаете, мэр, – сказал он. – Я был бы не против познакомиться с нею лично.

Гейшахт радостно улыбнулся.

– В любой момент, генерал!

8

Несмотря на пышное название, церковное управление епархии располагалось в небольшом двухэтажном домике при церкви, и хмурый сторож, открывший Стасу ворота, спросил без дружелюбия:

– Чего надо?

– Надо встретиться с секретарем епархии, – сказал Стас. – Он дома?

– Дома, – отвечал сторож. – Только спит. Может, в другой раз придешь?

– Нет, ты уж лучше его разбуди, – сказал Стас. – Чего он спит-то в полдень?

– Спать хочет, – фыркнул сторож.

– А владыка где?

– Владыка в Австралию уехал, – сказал сторож. – Все решают, как им лучше объединиться.

– А ты – против? – усмехнулся Стас.

Сторож пожал плечами.

– Посиди на лавочке, – сказал он. – Попробую я Феоктиста буднуть.

Он затворил за Стасом калитку, и прошел в дом. Стас присел на лавочку в тени дерева, и глубоко вздохнул. Метаморфозы, происходящие в последнее время с церковью, особенно его беспокоили, потому что касались самого смысла существования. И хотя церковь еще сохраняла свои консервативные взгляды, отстаивать их становилось все труднее.

Сторож вышел из дому, повернулся к Стасу и сказал:

– Подожди малость, примет…

– Ходит народ в храм? – спросил Стас.

– А куда он денется? – хмыкнул сторож.

– Как я понял, тут такие перемены в общественных настроениях…

– Это есть, – согласился сторож.

– Церковь по этому поводу что-то высказывала?

– Это по какому поводу?

– По блуду, – буркнул Стас.

Сторож хмыкнул.

– Это ведь как посмотреть, – сказал он лукаво. – Кому блуд, а кому – народонаселение.

Стас смотрел на него молча, и сторож замялся.

– А я чего, – сказал он. – Я, как все…

– Грехом-то это считается? – спросил Стас. – Или есть какие новые установления?

– Так кто нынче без греха, – махнул рукой сторож.

Тут дверь раскрылась и во двор вышел толстый поп. Он был небольшого роста, с покрасневшей физиономией, с всклокоченной шевелюрой, в каком-то помятом подряснике и с пластиковым крестом на груди.

– Тимофей! – хрипло закричал он прежде всего. – Я кому говорил, убрать ящик от ворот! Опять туда всякой грязи набросали небось…

Сторож поспешил убрать ящик для приношений, выставленный у калитки.

Подойдя к поднявшемуся для благословения Стасу, батюшка крякнул, но все же наскоро благословил его.

– Кто таков?

– Стас Бельский, – отвечал тот. – Из военнопленных…

– Знаю, – буркнул батюшка. – Про тебя мне офицер службы порядка очень подробно все рассказал.

– И что он вам рекомендовал? – спросил Стас. – Послать меня, или принять?

– Он-то согласен принять, – хмыкнул батюшка. – Только под особый контроль. Если имеются какие реваншистские идеи…

Стас смиренно склонил голову.

Батюшка тяжко вздохнул и присел на лавочку. Стас остался стоять перед ним.

– А я, значит, протоиерей Феоктист, секретарь епархии. И, соответственно, настоятель соборного храма. Но у нас там мест нет.

Стас понуро кивнул.

– Что я тебе могу предложить, – продолжал отец Феоктист. – Только чтецом в Никольский храм. Платят немного, но на жизнь хватает.

– Есть, значит, прихожане?

Батюшка покосился на него с подозрением.

– А ты сомневаешься, что ли?

Стас пожал плечами.

– Просто все так изменилось…

– Спаси их Господи, благодетелей наших, – сказал батюшка. – Сами бы давно уже померли в руинах, не помоги они нам. Ты где воевал?

Стас чуть помедлил.

– Сначала на Украине, – сказал он. – Партизанили в Полтавщине. Потом Крым защищали.

– На Украине, – проговорил батюшка. – А я вот в Введенском монастыре близ Суздаля прибился, пацаном голым, после того, как вы Москву расколбасили…

– Москву не мы, – сказал Стас.

– Какая разница, – махнул рукою батюшка.

Возникла пауза, которую надо было быстро заполнять, пока отец Феоктист не окунулся в тяжкие воспоминания своего детства.

– Значит, я могу идти на этот приход? У них есть место?

– Есть, – кивнул отец Феоктист. – Шамкает у них на клиросе одна бабка, да ее уже никто не понимает. Настоятелем там отец Глеб Коротков, он там при приходе еще дом престарелых держит, за счет зеленых благодетелей. Молодой, энергичный…

– А где храм находится?

– На Рыбачьей площади, где дорога на Воронеж. Окраина, но народ тихий, спокойный. Только ты не торопись, отец Глеб дома, как и я, с похмелья лежит. Ты к нему в субботу приходи, перед службой. Там и разберетесь.

– С похмелья? – покосился на батюшку Стас.

– А ты что подумал? В мэрии вчера гульбище устроили, так нас в обязательном порядке… Трое зеленых во главе стола сидели, все посмеивались над нами.

Батюшка сплюнул.

– Зачем же вы пошли?

– Епархию представлял, – сказал батюшка. – Мне владыка про это в обязательном порядке наказал: «Смотри, Феоктист, чтобы ублажал зеленых во всем!»

Стас усмехнулся.

– Мне интересно, как вы их в Святое писание вписали?

– А чего там? – пожал плечами отец Феоктист. – Они сами себя вписали. Так вот и формулируют, флюктуационый скачок рудиментарной цивилизации, причуда эволюции.

Стас качнул головой.

– Во как!

– Да, брат, – вздохнул отец Феоктист. – Их на козе не объедешь. Ведь ежели ты протестовать сейчас начнешь, так они сами тебя и финансировать будут, потому как уважают отдельное мнение.

– И что, протестует кто?

Батюшка тяжко вздохнул.

– Куда тут протестовать, – сказал он. – Сплошная пьянка… Владыка вон, в Австралию поехал – зачем, думаешь? Опять же, пьянка на больших верхах. Называется – экуменизм.

Стас согласно кивнул.

– А что церковь говорит про все эти Дома Свиданий? – спросил он.

Отец Феоктист повернул к нему свое красное лицо и цыкнул зубами.

– Церковь ничего не говорит, – сказал он. – На исповеди можно и епитимью наложить, но вслух лучше не болтать. Это ведь у них считается за главное достижение содружества цивилизаций.

– Значит, этих детей никто не крестит?

– Так специальное решение вышло, – вздохнул батюшка. – Крестить можно только после достижения совершеннолетия, по ясно выраженному желанию.

– А будет ли у них такое желание?

– А кто знает. Они пока только подрастают в своих инкубаторах. Есть там, конечно, учителя, например, наш отец Гавриил там про религию рассказывает. Только он сам признается, там главный упор делают на сексуальных вопросах. Как и куда вставлять. Не знаю, с чем они в храм придут, да и придут ли?

– Значит, здесь неподалеку есть воспитательный центр?

– Тебя туда не пустят, – усмехнулся отец Феоктист. – Ты ведь пораженный в правах, имей в виду.

– Пораженный в правах? – подивился Стас.

– Это официальное распоряжение властей, – пояснил отец Феоктист. – Все участники конфликта находятся под запретом в ряде социально значимых профессиях. Скажем, в нашей области архиереем тебе никак не стать.

– Может, с меня запрет снимут? – осторожно предположил Стас.

– А с какой стати? Ты ведь стрелял?

Стас посмотрел на него мрачно.

– Такой случай вышел, они в госпиталь ворвались… И потом, я ведь не в людей стрелял!..

– Ну да, – хмыкнул отец Феоктист. – На крокодилью охоту вышел, точно? Ты об этом вслух не говори, нынче зеленые официально приравнены в правах к людям, а неофициально они еще куда правее.

– Но формально я ведь канона не нарушал!

– Не суетись, – сказал отец Феоктист. – Мы тоже люди, понимаем. Дай времени пройти, там уже посмотрим. Почитай пока на клиросе, и не возникай там с правами. Понял?

Стас кивнул.

– И еще, – отец Феоктист понизил тон. – Ты там посмотри за батюшкой. Если что, так сразу мне докладывай.

– О чем докладывать? – не понял Стас.

– Ходят за ним слухи, – отвечал отец Феоктист. – На проповедях иногда чего-нибудь брякнет, на исповеди тоже… Конечно, нынче у нас полная свобода, но меру знать надо. К чему нам скандалы-то!

Стас невольно качнул головой.

– Это вы мне предлагаете, – переспросил он. – Только что отсидевшему зеку?

– Тебе тоже о репутации подумать надо, – буркнул батюшка. – Если ты и вправду думаешь сан восстанавливать, то покажи свое смирение.

Стас вздохнул, и склонился перед ним в поклоне.

– Спаси вас господи, батюшка. Благословите!

Отец Феоктист не вставая, как это было положено раньше, перекрестил его и дал поцеловать руку.

– Ступай с Богом. Небось, еще увидимся…

9

Стас вышел за ограду управления не испытывая никакого воодушевления. Он, конечно, не ждал, что церковь восстанет против инопланетного засилья, но хотя бы предполагал, что Дома Свиданий у них в запрете. Про эти дома свободной любви он уже наслышался достаточно для того, чтобы отвергнуть эту идею на корню.

Обретя документ о социальном статусе, он обрел некий общий уровень обеспечения, и потому мог себе позволить зайти перекусить. Конечно, роскошный модный ресторан был ему недоступен, но найти вкусную пищу можно было и в общих заведениях.

– Стас! – услышал он вдруг со стороны.

Рядом остановилась роскошная машина, и из нее выбралась столь же роскошная блондинка, не слишком молодая, но вполне привлекательная. Прохожие на улице останавливались, чтобы поглазеть на нее.

– Стас Бельский? – спросила блондинка, снимая очки.

– Мы знакомы? – спросил Стас.

– Заочно, – рассмеялась та. – Я Диана Милонова, подруга Агаты, вашей сестры.

Стас заинтересованно кивнул.

– Она что-то говорила, – сказал он. – Вы меня тут случайно обнаружили?

– Я вас специально искала, – отвечала она.

– Я тронут, – пробормотал Стас обескуражено.

– Спасибо, – она шагнула к нему, и свободно чмокнула его в щеку. – Не смущайтесь, Стас, она рассказала мне про ваш обет безбрачия. Я не собираюсь вас соблазнять.

Стас сдержано вздохнул.

– Уже легче, – отметил он с улыбкой.

– Но познакомиться очень хочу, – сказала Диана.

Стас поднял брови.

– Почему?

Она склонила голову на бок.

– Вы бы не задавали мне такой вопрос, если бы знали мой круг общения.

Стас наморщил лоб.

– Так вам наскучил ваш круг общения?

– Наскучил, не то слово! Я с трудом терплю это общение, которое на самом деле вовсе и никакое не общение. Современный разговор, это просто цепь монологов, где никто никого не слушает, но реакцию отыгрывают, и тем очень довольны. Представьте, я ради прикола время от времени рассказываю друзьям, что у меня смертельное заболевание, и мне осталось жить неделю, и как они это воспринимают? Самое живое восприятие было такое: «Так как мы проведем эту неделю? Я знаю отвязный клуб на побережье…»

Стас усмехнулся.

– Если честно, то я сам не знаю, как бы отреагировал на такое сообщение. По-моему, это довольно жестоко…

– Вот видите! – Диана радостно ткнула ему в грудь пальцем. – Вам это кажется жестоким, вас это хотя бы беспокоит!.. Это нормальная живая реакция, которой сейчас нет практически ни у кого! А я так соскучилась по нормальным отношениям!

– А что, Агата именно такая, как вы рассказываете?

Диана насупилась.

– Агата не такая, – сказала она. – Но про Агату, давайте не будем. Она вообще не нашего круга, если можно так сказать.

– Это вы про ее отношения с крокодилами?

– Тсс, – Диана приложила палец к его губам, и кокетливо улыбнулась. – Осторожнее, за такие слова на улице штрафуют.

Стас усмехнулся.

– В лагере тоже за это наказывают, но при этом никто не называет их людьми. Разве они сами не признают себя земноводными?

– Они тут вообще не при чем, – сказала Диана. – Вы уже познакомились с этим Ланго?

Стас покачал головой.

– Но я про него уже слышал.

– Очаровательный собеседник, – сказала Диана. – Я не знаю, чем они занимаются в постели, но я бы и сама с ним легла. Правда, он не участвовал в войне. Я вас задерживаю? – спросила Диана, заметив возникшее у Стаса беспокойство.

Беспокойство это относилось к теме разговора, от которой Стас хотел уйти, но ее вопрос сразу же получил положительный ответ.

– Извините, – признался Стас. – Я хотел осмотреть место моего трудоустройства. Не помните, где находится Рыбачья площадь?

– О, это в конце города, – сказала Диана. – Давайте я вас подвезу!

Стас не стал отказываться, и сел в роскошную машину рядом с роскошной женщиной. На их взаимное несоответствие прохожие посматривали с недоумением.

Диана уверенно тронула машину с места.

– Вам нужна церковь, да?

– Да, – кивнул Стас.

– Вас примут священником?

– Вряд ли.

– А почему? Вы чем-то провинились.

– Я стрелял.

Она бросила на него удивленный взгляд.

– Все ведь стреляли! Это преступление?

– Для священника – да!

– Почему же вы стреляли?

Стас поморщился.

– Они ворвались в госпиталь, – сказал он. – Люди ничего не могли им сделать… Они стали рвать из на части и… В общем, питаться. Потом один из них широким ножом рубил раненых на части, а остальные ловили летящие куски… А другие раненые при этом вопили от ужаса.

Диана потянула воздух носом.

– Это ужасно, – сказала она. – А нам показывают фильмы, где озверевшие люди мучают несчастных кроко… рептилидов, – она усмехнулась.

Стас пожал плечами.

– Наверное, было и такое, – сказал он.

– Почему вас не тронули?

– Меня там не было, – сказал Стас. – Я сидел в дежурке, видел все это на экране, и записывал. А потом взял пулемет и пошел туда.

– Вы их перебили? – с восторгом спросила Диана.

– Не всех, – сказал Стас. – Они ведь довольно юркие, особенно, когда возникает опасность.

Диана покачала головой.

– Вы просто мой кумир, – сказала она.

Стас глянул на нее чуть удивленно, и она спросила:

– Что?

– Те же слова говорила мне Ванда, – сказал Стас.

– Это значит, что мое воспитание пошло впрок! – с восторгом заявила Диана. – Бывают времена, когда Агата просто запрещает мне общаться с дочерью. Знаете, есть такие запрещенные игры, где вы стреляете в крокодилов? Это я ее научила, хотя это считается очень опасным.

Стас вздохнул.

– А могу я вас спросить? – произнес он. – Чем вы занимаетесь?

– Занимаюсь… чем? – растерянно переспросила Диана.

– Вы шикарно выглядите, – сказал Стас. – У вас дорогая машина…

Диана поджала плечами.

– Эскортные услуги, – сказала она просто. – Я должна быть роскошной, чтобы меня приглашали. И, поверьте, меня приглашают довольно часто.

– У вас есть дети?

– Пятеро, – улыбнулась Диана. – Каждый раз приходится сложным образом восстанавливаться, но мне достаточно хорошо платят. Причем, это высшая категория детей, элитный сорт. Их воспитывают по особой программе, как я знаю.

Стас кивнул и сказал:

– Понятно.

Диана глянула на него с улыбкой.

– Надеюсь, я вас не напугала? Мне бы очень хотелось остаться с вами в контакте.

– Конечно, – сказал Стас. – Нам еще далеко ехать?

– Уже приехали, – отвечала Диана и лихо притормозила прямо у калитки храмового двора.

Она смотрела на него с сияющей улыбкой.

Стас пожал плечами.

– Я собственно, хотел только посмотреть… Мне сказали приходить на работу в субботу, а сегодня только четверг.

– Значит я могу войти туда вместе с вами?

– Если открыто, – сказал Стас.

Они выбрались из машины, и Диана сняла очки. Храм был не слишком высоким, но выстроен был явно совсем недавно, потому что некоторые архитектурные особенности выходили за рамки традиций.

– Как мило! – восхитилась Диана, когда они вошли во двор. – Все так уютно?

– Да, – кивнул Стас сокрушенно.

Двери храма были закрыты, и он понял, что познакомиться с приходом получится только внешним образом. Современные черты храма его немного пугали.

– Как вы пришли к вере, Стас?

– Через родителей, – сказал он. – Меня водили в храм с детства, и уже в десять лет я прислуживал алтарником. А на войне принял сан, и стал полковым священником.

– Это потрясающе, – восхитилась Диана. – Вы настолько необычны, настолько оригинальны…

Стас покосился на нее со скепсисом, и хмыкнул.

– Боюсь вас разочаровать, – сказал он.

– Значит вы можете меня исповедать, верно?

– Я лишен сана, – сказал Стас со вздохом.

Диана усмехнулась.

– А я подумала, что вы испугались.

– И это тоже, – сказал Стас, и улыбнулся.

Они пошли к выходу, и у калитки Стас остановился, чтобы через терминал оставить подаяние. Диана непременно захотела присоединиться, и тоже зачислила на терминал немалую сумму.

Вокруг машины Дианы уже собралась компания зевак, которые рассматривали дорогой автомобиль с большим интересом. Диана прошла мимо них с царственным пренебрежением, и села за руль. Стас сел с другой стороны, чувствуя на себе взгляды окружающих людей. Диана тронула машину с места.

– Они думают, как он умудрился подцепить такую даму, – отметила она не без лукавства.

– Я сам об этом думаю, – со вздохом отвечал Стас.

Диана рассмеялась.

– Кстати, – вспомнила она. – У Ванды сегодня матч по волейболу. Хотите пойти? Я могу вас провести на самые лучшие места.

– Не понял, – сказал Стас. – Школьный матч по волейболу вызывает такой ажиотаж?

– Конечно! – восторженно воскликнула Диана. – Это же последние свободные девочки, вы не понимаете? Половина из них еще девственницы!

Некоторое время Стас просто тупо смотрел на нее, так что она испугалась:

– Что? Вас это шокирует?

– Ну, – сказал Стас. – Я не рассматривал это в таком аспекте.

– Так мы пойдем? Матч через двадцать минут.

Спортзал в школе был большим и вместительным, так что на трибунах там собралось немало болельщиков. Для большинства зрителей это было не просто спортивное состязание, это было сродни спектаклю, где вместо пьесы шло реалити-шоу. Зрителей не так волновал счет, как именно движения девочек, их прыжки, падения, общение между собой. Именно это вызывало основную реакцию зала. Команда Ванды оказалась сильнее, она выиграла, и публика приветствовала их жизнерадостными возгласами. Ванда различила среди зрителей Стаса и Диану, и подскочила к ним.

– Привет! – радостно сообщила она. – Вы видели, как мы их вздули?

– Это было классно, – подтвердила Диана.

Она даже поднялась, чтобы поцеловать девочку в щеку.

– Дядя Стас, – предложила Ванда. – Пошли, я тебя с нашими девчонками познакомлю.

– Это удобно? – Стас покосился на Диану.

– Конечно, – рассмеялась та. – Вы же не будете их соблазнять!

Стас спустился в раздевалку, где уже полураздетые девочки встретили его появление дружным гомоном. Особенно Стаса смущало то, что голые девчонки выходили из душевой комнаты, и, не стесняясь своей обнаженности, присоединялись к общему мероприятию.

– Дядя воевал! – хвасталась Ванда. – Перестрелял кучу крокодилов!..

– Ванда, я умоляю, – взмолилась их тренер, женщина лет сорока. – Никакой политики, пожалуйста!

Девчонки восторгались, щупали его, одна напросилась на поцелуй, и Стас чмокнул ее в лоб. Ванда наконец увела его, наскоро переодевшись, и в машину Дианы они садились уже втроем.

– Они мне не верили, – говорила Ванда с торжеством.

10

Нельзя сказать, что Агата была обрадована тому, как Стас успел познакомиться с Дианой без ее участия, он даже заметил в ней легкую досаду. После ужина, когда Ванда удалилась в свою комнату, она заговорила:

– Я хотела предупредить тебя относительно ее занятий…

– Я уже в курсе, – отозвался Стас. – Правда, принять это довольно трудно.

– Я ее предупреждала.

– Она обещала меня не соблазнять, – улыбнулся Стас.

– Это может остаться только благим обещанием, – заметила Агата. – Не исключаю, что она и сама этому верит. Но учти, что-что, а соблазнять она умеет. Она одна из лучших специалистов в этом вопросе!

Стас посмотрел на нее внимательно.

– Ты как будто ревнуешь!

Агата деланно рассмеялась.

– В конце концов, это твой выбор. Если хочешь знать, я буду не против, если ты впадешь в этот свой грех.

Стас усмехнулся и прошел в свою комнату. Диана что-то говорила о возможности открытого общения, но именно такого общения ему как раз и не хватало. Он очень надеялся найти такое общение в церкви, но встреча с отцом Феоктистом его не воодушевила.

Ванда пришла к нему и залезла с ногами в кресло.

– Как тебе Диана? – спросила она.

Стас пожал плечами.

– Она классная, да?

Стас посмотрел на нее с подозрением.

– Ты тоже бы хотела быть элитной дамой?

– Конечно! Но мы ведь собрались устраивать восстание против зеленых, забыл!

Стас хлопнул себя по лбу.

– Просто выпало из памяти, – сказал он.

Ванда хихикнула.

– Скажи мне, – попросил он. – Диана сказала, что те зрители, что собрались на ваш волейбол, пришли смотреть на вас самих, а не на игру.

– Да, это такая форма шоу, – кивнула Ванда спокойно. – Некоторые из девчонок заводят партнеров уже в школе, но меня это не интересует.

Ванда откинулась на спинку стула, закинув руки. Стас заметил, что у нее вполне сформированная фигура, и она демонстрирует ее нарочно.

– Правда?

– Клянусь. Знаешь, что я хочу?

– Да?

– Я хочу спрятаться в горы, – сообщила она доверительно, – родить там ребенка, и воспитать его.

– Ты хочешь воспитать ребенка? – переспросил Стас. – А в чем тут прикол?

– Ты забыл, – напомнила Ванда. – Это чуть ли не самое страшное преступление в нашем обществе. Это круче, чем застрелить крокодила!

Стас покачал головой и произнес:

– Надеюсь, до этого не дойдет…

В комнату заглянула Агата.

– А, вот ты где? – отметила она, найдя там Ванду.

– У нас много общего со Стасом, – объявила Ванда.

– Тебе звонит Лола, а ты оставила телефон в комнате.

Ванда сорвалась с места и убежала. Агата осталась стоять в дверях.

– Что-то случилось? – спросил Стас, заметив ее нерешительность.

– Ко мне должен прийти Ланго, – сказала Агата. – Ты готов с ним встретиться?

Стас засопел.

– Возражений у меня нет, – сказал он.

– Ты должен понять, это очень важно, – Агата прошла в комнату и села в кресло, оставленное Вандой. – Это может решить твою судьбу.

– Решить мою судьбу? – насмешливо переспросил Стас. – В каком смысле?

– В том смысле, что именно у рептилидов в руках все рычаги власти! Если ты им понравишься, то сразу сможешь решить множество проблем.

Стас посмотрел на нее внимательно.

– Я не намерен решать свои проблемы с помощью рептилидов, – сказал он.

– Ты же хочешь вернуться в священники! – напомнила Агата. – Для них это возможно.

Стал покачал головой.

– Избави Господь, – сказал он. – Таким путем возвращаться в церковь мне вовсе не хочется.

– Ты не понимаешь! – нервно вскричала Агата.

Стас улыбнулся ей, чтобы успокоить.

– Я не намерен вставать на дыбы, – сказал он. – Уверяю тебя, все будет мирно и дипломатично.

Агата перевела дыхание.

– Прости, – сказала она. – Эти мои отношения с Ланго, это такое недоразумение! Я никогда не искала этих встреч, и оказалась на этой роли совершено случайно.

– На какой роли?

Агата совершила какое-то движение руками.

– Понимаешь, я у них вроде консультанта, – стала она объяснять. – Начав с перевода, я перешла на всякого рода комментарии, пояснения, экспертизы. А все мои друзья уверены, что я вхожу в Клуб Избранных. Они меня просто боятся!

– Что такое Клуб Избранных?

– Это условное именование того слоя высшей элиты, который выходит на непосредственное общение с рептилидами. Но я никак не влияю на политику, и потому элитой считаться не могу. Другое дело, что общение с Ланго позволяет мне свободную жизнь, мне уже нет необходимости рожать детей, я живу в шикарном доме, и средства позволяют мне многое из того, что другие видят только по телевизору. Но я стараюсь не злоупотреблять своим положением.

– Что ты хочешь мне объяснить? – спросил Стас устало.

– Просто скажи прямо, ты меня не осуждаешь? – спросила Агата, глядя на него с вызовом.

Стас улыбнулся.

– Конечно, нет! Ты мне предоставила прекрасные условия для жизни, как я могу тебя осуждать?

– Но мое поведение, оно резко контрастирует с твоими моральными нормами?

Стас рассмеялся.

– Ну кто я такой, чтобы вас судить!

Агата вдруг сморщилась и всхлипнула. Стас испугался и подсел к ней.

– Что с тобой, сестренка? Что-то не так?

– Я не знаю, – произнесла Агата жалобно. – Я давно уже ничего не понимаю, и не хочу в это лезть. Но ты… Ты всегда мне представлялся героем, образцом морали…

– Ты серьезно? – удивился Стас. – Нашла себе образец! Я же был на войне!

– При чем тут это?

Стас вздохнул.

– Это не может быть не при чем, – сказал он. – Война, это постоянное напряжение сил, кипение чувств, всплеск ненависти… По правилам святых отцов пришедших с войны три года не подпускали к причастию.

Агата смотрела на него, раскрыв рот.

– А как же!..

– Нет, конечно, церковь благословляла военный подвиг, освящала оружие, это все было. Но волю святых отцов никто не отменял. В любом случае, у меня прошло больше трех лет, так что я вне запрета.

– А как же святые воины? – спросила Агата недоуменно.

– В данном случае жертва во имя ближних принимается, как подвиг, – нравоучительно отвечал Стас. – Но не убийство врагов.

Она посмотрела на Стаса несмело.

– Ты их ненавидел?

Стас осекся.

– Это все в прошлом, – сказал он. – Я во всем покаялся, и не хочу об этом вспоминать.

– Прости, – сказала Агата. – Может мне не следовало вас знакомить?

Стас махнул рукой.

– Без проблем. Мне и самому интересно. Сколько их в вашем представительстве?

Агата развела руками.

– Мне не положено отвечать на такие вопросы, Стас. Мы давали подписку.

– Ничего, ничего, – отвечал Стас. – Я понимаю.

– Мне бы хотелось, чтобы он тебе понравился, – сказала Агата с чувством.

Стас только кивнул, чуть улыбнувшись.

Очень кстати раздался дверной звонок, и она вскочила.

– Это он!

11

Стас должен был искренне признаться, что как он ни пытался преодолеть наработанный за время войны штамп, но образ крокодила так и остался в его подсознании символом врага. А ведь в лагере им специально показывали фильмы из жизни крокодилов, где те проявлялись в самых достойных сценах родительской любви, или дружбы с человеком. А уж количество последующих сериалов с участием рептилидов в образе самых добрых и отзывчивых благодетелей и вовсе переходило за всякие разумные пределы. Сериалы вызывали скорее раздражение, но кто-то на телевидении дал приказ снимать их во чтобы то ни стало, и их гнали на экраны потоком.

Так что перед встречей с живым рептилидом Стас должен был внутренне собраться, для чего он сосредоточился на покаянном псалме. Только после этого, собрав на себя чувство глубокого раскаяния за все проделанное, он прошел в гостиную.

Благодаря познавательным программам было широко известно, что рептилиды не представляют единого семейства, а разделяются на семь основных и еще три дополнительных расы. Руководящее звено у них состояло из головастых фенцеров, творческие работники были представлены расой гринбеев, а военные набирались из груллей, хотя среди низшего состава прекрасными воинами были барсифы. Большинство населения относилось к расе румандеев, но торговля была в руках у лустеров. Была у них еще раса урманов, но они относились к низшим слоям общества и на Земле не появлялись.

Ланго относился явно к гринбеям, на нем был очень пестрый костюм, прикрывавший его от шеи до пола, с какими-то ремешками, карманами, пряжками, что создавало впечатление спецодежды. Ростом он был чуть выше Стаса, и голова у него была узкая, хотя и высокая. На глазах у него были очки рептилидов, которые не только прятались таким образов от яркого солнечного света, но и корректировали характерные особенности преломления света в земной атмосфере.

– Здравствуйте, Стас, – произнес он первым, и на его лице было изображено что-то вроде приветливой улыбки. – Я очень рад с вами познакомиться.

– Мне тоже приятно, – кивнул ему Стас, и когда Ланго протянул ему свою лапу, осторожно пожал ее.

– Это Ланго, это Стас, – произнесла Агата несколько запоздало. – Что будете пить? Ланго, тебе твою смесь, конечно?

– Конечно, – сказал тот. – Агата научилась готовить коктейль из водорослей, причем с удивительным вкусом. Правда, если бы на нашем Болоте узнали, что я потребляю земные наркотические средства, меня бы просто изжарили.

Он издал некое подобие смеха.

– На Земле рептилиды позволяют себе много запретных вещей, – пояснила Агата.

– Вы назвали свою планету Болотом, – заметил Стас. – Мне казалось, это терминология из сферы противостояния.

– Так и есть, – согласился Ланго. – Но это уже практически общепринятое именование. Дело в том, что фонетика нашего языка на две трети проходит мимо вашего слуха, так что нам приходится пользоваться вашими терминами. А потом, по смыслу это довольно близко к значению оригинального названия.

Для него в гостиной стояло специальное кресло, чтобы не было проблем с размещением хвоста. У гринбеев хвосты были довольно короткими, к тому же они по своей природе давно уже перешли к вертикальному расположению, что не могло не сказаться на их анатомии. Барсифы, к примеру, оставались на четвереньках, ноги у них были большие и развитые, так что они вовсе напоминали скорее динозавров. Вертикальное положение отличало развитые расы.

– Зато вы прекрасно справляетесь с земной фонетикой, – не мог не отметить Стас.

– Благодарите за это нашу хозяйку, – отметил Ланго. – Их институт многое сделал для того, чтобы мы смогли заговорить на вашем языке.

– Действительно, пришлось поработать немало, – отозвалась Агата, присаживаясь на диван. – Это технологии профессора Крокетта.

Стас невольно хмыкнул.

– Да, да, – подхватил Ланго. – Получилось очень удачно, профессор Крокетт научил разговаривать крокодилов.

Он рассмеялся, как показалось Стасу, только для того, чтобы продемонстрировать свой смех. Стас все же одобрительно улыбнулся.

– Зачем вам это понадобилось? – спросил осторожно Стас. – Учить чужой язык! Разве недостаточно было услуги переводчика?

– Ты не представляешь, насколько важна им наша культура, – сказала Агата.

– Вот именно, – согласился Ланго. – Вам трудно представить состояние нашей культуры, а это самое настоящее болото. У нас не хватило ни сил, ни фантазии на развитие, все наши силы уходили на выживание.

– Но вы достигли высокого уровня технологий! – отметил Стас. – Вы превзошли нас в космосе, ваше оружие было куда сокрушительнее.

Ланго вздохнул.

– Увы, – сказал оно. – Что-что, а средства взаимного уничтожения у нас всегда были в почете. К тому же, вы, наверное, знаете, у нас на планете остались довольно зримые следы прежней цивилизации, благодаря которым мы так развились.

Стас сразу выказал живой интерес.

– Это та тема, которая хуже всего освещается у нас, – сказал он. – Правильно ли я понимаю, что ваша цивилизация испытала чей-то мощный толчок в своем развитии?

– Я бы назвал это пинком, – хмыкнул Ланго. – Конечно, мы же раса земноводных, наш удел в пирамиде жизни где-то внизу. Вы же не ждете от ваших крокодилов цивилизационного скачка, верно?

Стас согласно кивнул.

– Впрочем, есть предположения, что наши крокодилы тоже доходили до высоких степеней цивилизации, и только природный катаклизм остановил их. Я имею в виду динозавров, конечно.

Ланго довольно скептично кивнул.

– Мне знакомы эти теории, только мне кажется, их разработали в угоду министерства пропаганды.

Стас чуть удивленно глянул на Агату, и та поспешила вмешаться.

– Не пугайся, Стас, это вовсе не провокация злобного крокодила. Ланго настроен довольно оппозиционно, если ты заметил.

– Нет, нет, – поспешил объясниться Ланго, – я не вмешиваюсь во внутреннюю политику, я вне игры, можно сказать. Но в своих оценках я не стесняюсь. Простите, если вас это шокирует.

Стас кивнул, как бы закрывая тему.

– Вы говорили о культуре, – напомнил он. – Что собственно вас особенно интересует. Наша культура так многолика!

– Но есть основные тенденции, – отвечал Ланго. – Я бы назвал это духовной созидательностью. Лично меня особенно интересуют религиозные мотивы поведения, именно этим объясняется мой интерес к вашему появлению. Видите ли, наше начальство ничего не понимает в религии, и потому игнорирует ее существование. Считается, что это какой-то лишний нарост на теле цивилизации.

– А вы думаете иначе?

– Разумеется. Мы мало что знаем про цивилизацию Создателей – так мы именуем предшествующих нам инициаторов – но известно совершенно ясно, что это была вполне религиозная цивилизация. И если искать возможности пробуждения культуры в нашем обществе, то начинать надо именно с религии, мне так кажется.

– Вы обращались с этим к нашим духовным лидерам? – спросил Стас с интересом.

– Нет, – сказал Ланго. – Нам это запрещено.

Стас вскинул голову.

– Запрещено?

– Ты должен понять, – опять вмешалась Агата. – Их поведение на Земле тщательно регламентировано. Наш контакт, это довольно редкое явление. Именно поэтому он и хочет использовать его во всей полноте.

– Но в чем причина этого запрета? – не понял Стас.

– Не все руководители нашей цивилизации относятся к вашей культуре с тем благоговением, которого не скрываю я, – сказал Ланго. – Существуют достаточно серьезные помехи нашему контакту, своего рода предрассудки. Многие считают, что влияние вашей культуры может воздействовать отрицательно на нас.

– Но вы приложили столько усилий для восстановления нашей жизни!

– Вы удивитесь, – сказал Ланго, – но это вовсе не общее явление. Восстановлением вашей жизни занимается сугубо частная компания, которая при этом решает свои интересы. Просто эта компания наработала значительный вес, поэтому ей позволяется многое.

Стас откинулся на спинку кресла.

– А какие интересы они тут решают?

– Давайте не будем углубляться в экономику, – Ланго даже поднял руку. – Я сам в этом мало что понимаю. Передо мной стоит четкая задача, разобраться с религиозным вопросом и выработать планы по его использованию.

– Ага, – отметил Стас. – Вы намерены его использовать! Для чего?

– Я уже сказал, – угрюмо вздохнул Ланго. – Для развития нашей цивилизации.

Агата поднялась.

– Не пора ли нам пройти к столу? – предложила она.

Ланго посмотрел на нее с крокодильской улыбкой.

– Спасибо, милая, – сказал он. – Я хотел бы объяснить Стасу, какое место занимает трапеза в нашей культуре. Вопросы пропитания всегда стояли у нас на главном месте, и потому все элементы процесса как бы освящены традициями и преданиями. Никто из реплитидов не позволит себе сесть за трапезу с существом, кому нет стопроцентного доверия. Судя по всему, в деле всегда присутствовал страх отравления.

– И эти правила действуют до сих пор? – спросил Стас.

– Более, чем когда, – отвечал Ланго. – Эти традиции заменяют нам религию, как я понимаю. Нарушения таких правил осуждаются обществом очень строго.

Дальше была пауза, и Стас спохватился.

– Это значит, что вы сейчас собираетесь нарушить какие-то правила?

– И не одно, – отвечал Ланго насмешливо. – Но это значит также, что я вам очень доверяю. Если подробности нашей встречи дойдут до нашего комиссара, меня не просто вышлют, меня подвергнут остракизму! В нашем обществе это обычно означает скорую гибель.

Стас глянул на него удивленно.

– Но что позволяет вам, Ланго, выказывать мне такое доверие? Если вы помните, я только несколько дней назад был заключенным, был преступником, и за мной до сих пор тянется шлейф подозрения.

– Именно поэтому, – отвечал Ланго.

– Пойдем. Стас, – сказала Агата. – В этом деле есть тонкости, которые я сама тебе объясню позже. Просто учти, что тебе оказано высокое доверие.

Стас поднялся и шагнул было к столовой, но Агата придержала его.

– Сначала наш высокий гость, – сказала она, чуть поклонившись Ланго.

– Это тоже традиция, – пояснил тот. – Но следовать ей мне приятно.

И он первым шагнул в столовую, где их ждал накрытый стол.

12

Трапеза с рептилидом была обставлена таким количеством всякого рода условностей и правил, что разговора уже не получилось. То есть, разговор был, но он напоминал какой-то церемониал, с жесткой последовательностью тем и условных фраз. В этой игре Стас быстро потерял интерес, хотя Агата успевала не только объяснять ему ту или иную традицию, но и давать ей сугубо культурологическую трактовку. Стас, который был крайне заинтригован началом их разговора, все не мог дождаться окончания трапезы, тогда как Агата, попав на своего любимого конька, упивалась ролью толкователя, с покровительственным поощрением самого Ланго. Когда же трапеза была закончена, Ланго стал прощаться.

– Вы уже уходите? – удивился Стас. – Мне казалось, мы только начали контакт!

– Так оно и есть, – отвечал Ланго. – Время моего общения с туземцами резко ограничено, к моему сожалению. И это, как ни странно, рекомендации именно ваших культурологов.

Стас повернулся к Агате с вопросом, но та его опередила:

– Специалисты считают, что наши культуры еще достаточно разновекторны, и это может создавать неконтролируемые коллизии.

– Что такое, неконтролируемые коллизии? – хмуро спросил Стас.

– Процессы, приносящие нежелательные эффекты, – сказала Агата, явно не желая углубляться в эту тему. – Существуют скрытые опасности, которых хотелось бы избежать.

– Я сам ничего не понимаю с этими опасностями, – признался Ланго, – но им удалось убедить в этом наших руководителей. Но я уверен, что у нас с вами впереди еще много интересных встреч.

– Я буду с нетерпением ждать их, – кивнул церемонно Стас, хотя оттенки досады в его тоне все же звучали.

Агата вышла проводить Ланго до его машины, а Стас попытался разобраться в том, что услышал от крокодила. Конечно, фигура Ланго шла в полное противоречие с представлениями Стаса о рептилидах, но он не спешил менять свои оценки, потому что опыт учил его относиться к частностям без экстраполяции в общее.

Когда Агата вернулась. Стас накинулся на нее с вопросами.

– Что все это значит? Откуда в нем открылось такое доверие к человеку, который еще недавно стрелял в них!

– Успокойся, – улыбнулась Агата, усаживаясь в кресло. – Должна тебе сказать, Ланго чрезвычайно доволен вашей встречей.

– Чем это он так доволен? – хмыкнул Стас. – Мы только начали разговор!

– Ты представить не можешь, сколько сосредоточения и внутренних сил ему для этого понадобилось, – сказала Агата. – Это тебе кажется, что вести умный разговор, это одно удовольствие, а их мышление вовсе не рассчитано на такие нагрузки. Уж на что Ланго является лучшим среди них, и то часто просто впадает в прострации.

Стас пожал плечами.

– Я как-то не заметил его перегруженности.

– Потому что ты воспринимаешь его человеком, – сказала Агата.

Стас задумчиво кивнул. Конечно, он воспринимал его как равного собеседника, что теперь представилось ему излишеством. Все же это был инопланетянин, и их разделял не только внешний вид, но и масса сопутствующих обстоятельств.

– Значит именно в этом заключаются опасности контакта?

– Не только, – сказала Агата. – Но и в этом тоже. Для простых рептилидов общение с нами вообще противопоказано, потому что они нас просто не понимают.

– Но мне показалось, он все прекрасно понимает!

Агата удовлетворенно улыбнулась.

– Я рада, что ты это заметил. Он мой любимец, я горжусь его успехами.

– Мы подняли много тем, которые нуждаются в пояснении, – сказал Стас. – Я так понял, что он не одобряет общего курса своей команды?

– А у них нет никакого общего курса, – сказала Агата. – Большинство рептилидов нас просто боятся, и наша планета для них просто средоточие страхов и комплексов.

Стас нахмурился.

– Я бы не сказал так про тех, с кем мне пришлось встречаться в бою.

– Конечно, потому что это были профессионалы войны, – отвечала Агата. – Но они использовались только в военных целях, и сейчас их отправили в другие горячие точки, подавлять другие культуры.

– Другие культуры? – удивлено переспросил Стас.

– Если честно, я ничего не знаю про другие культуры, – сказала Агата. – Из того, что иногда проскальзывает в словах Ланго я догадываюсь, что у них там идет нескончаемая внутривидовая война рас, но может быть они и в самом деле они покоряют другие цивилизации. Это культура войны, понимаешь? Они находят в войне свой смысл.

– Я это успел почувствовать, – кивнул Стас. – Но кого тогда представляет Ланго?

– Он в оппозиции, – пояснила Агата. – Как я поняла, гринбеи там в большинстве представляют оппозицию, потому что склонны к созерцанию. Их бы давно всех перебили, но они люди творчества, и без них цивилизация не могла бы развиваться. Ведь именно они разрабатывают технологии, толкуют наследие Создателей.

– Про этих Создателей тоже хотелось бы поподробнее.

Агата усмехнулась.

– Я бы тоже хотела поподробнее, но эта информация у них секретна. Конечно, ведь именно оттуда идет технологическое совершенствование. Кто-то из наших пытался в это сунуться, так им хорошо дали по носу.

– А что за компания владеет Землей?

– Извини, это для меня тоже загадка. Они осваивают земные ресурсы, а какие именно ресурсы, я даже представить не могу.

– И ты считаешь, им действительно опасно с нами долго общаться?

– Так считаю не я, – поправила его Агата. – Так считает экспертный совет. Я только маленький винтик этой машины, и моего мнения никто не спрашивает. Я все же думаю, что инициатива запрета идет от рептилидов, просто это оформлено через экспертов.

Стас машинально кивнул головой, и Агата рассмеялась.

– Так что, зацепил он тебя?

Стас пожал плечами.

– Во всяком случае, вопросов осталось больше, чем было вначале. А главное, возникает некая интрига.

– Какая интрига?

Стас посмотрел на нее внимательно и произнес одно слово:

– Зачем?

Агата понимающе кивнула, и вздохнула, словно она и сама только об этом и думала. Стас улыбнулся и добавил:

– А главное, я представить не могу, чем вы там занимаетесь в постели?

Агата возмущенно вскочила.

– Ты опять начинаешь? Наверное, можно было бы давно догадаться, что речь не идет о совокуплении!.. Точнее, он пытается постичь этот процесс теоретически.

– Значит, контакт с тобою у него не так ограничен?

– Наш с ним контакт, это научная работа, – отвечала Агата. – Он регламентирован по другой шкале.

– Они ведь однополые?

– Не совсем. Время о времени у них появляются особи другого пола, это становится сенсацией, их изучают, и быстро доводят до гибели этим изучением. Ланго к примеру, был бы рад восстановить древнюю двуполую систему, только не знает, как это сделать. Попытки сексуального контакта с женскими крокодилицами ни к чему не привели. Но Ланго утверждает, что в самых богатых домах негласно содержат самок для извращенных отношений.

– Смешно, что это именуется извращенными отношениями, – сказал Стас.

Агата усмехнулась.

– Имей в виду, ты еще не узнал многого интересного про крокодилов.

– Надеюсь, что мне это еще предстоит.

Агата ушла переодеться, а Стас еще некоторое время сидел в гостиной, размышляя над особенностями рептилидов. Если бы ему еще вчера сказали, что он будет в сочувственном плане оценивать крокодилов, он бы и сам не поверил. Но в этом Ланго, не смотря на его крокодильскую внешность, вдруг промелькнула личность, которую вполне можно было уважать. С одной стороны, это увлекало, но с другой даже угнетало, потому что спрятаться от предыстории было невозможно, и проявляя сочувствие к крокодилам Стас чувствовал себя изменником тех парней, что не вернулись с войны.

На этот вечер Ванду отпустили в гости к подруге, потому что она терпеть не могла Ланго, так что вскоре после ухода рептилида она вернулась.

– Пообщались? – спросила она насмешливо. – Помахали хвостиками?

В гостиной, услышав о ее появлении, появилась Агата в домашнем халате.

– Пойдем, я тебя накормлю, – предложила она.

– Не надо, – махнула рукой Ванда. – Меня у Лолы пиццей накормили. Как он тебе, Стас?

Она упала на диван рядом со Стасом.

Агата наблюдала за ними с ревнивым интересом.

– Ты будешь злиться, – сказал Стас неторопливо. – Но он мне понравился.

– Представь себе, – не удержалась Агата.

– Ты шутишь? – осклабилась Ванда. – Этот упырь тебе понравился?

Стас скрестил руки.

– Понимаешь, я ведь видел их в деле, – сказал он. – Я сам наблюдал такие сцены, которые меня до сих пор преследуют в кошмарах. И я был готов возненавидеть его с первой встречи. Так вот, у меня не получилось.

Ванда смотрела на него с вызовом.

– А может это какое-то психотронное оружие? – предположила она.

– Не говори глупости, – усмехнулся Стас. – Кстати, этот зеленый не был на войне, и никого не убивал.

– Ну и что! Он же зеленый!

– Хватит нести чушь! – заявила Агата. – Тебе давно пора взрослеть, милая!

Но Ванда ее даже не слушала.

– А как теперь с нашим отрядом? Ты уже передумал?

– С каким отрядом? – спросила Агата с подозрением.

– С отрядом сопротивления, – отвечал Стас со вздохом. – Успокойся, насчет сопротивления все остается в силе. Только теперь я не уверен, что воевать нам придется именно с крокодилами.

13

Служба мэром Верейска не требовала от Лазаруса Гейшахта полной нагрузки, он вполне справлялся с делами не напрягаясь. Конечно, ведь в строительство новых городов было заложено столько управляющих технологий, что все решалось на уровне нажатия кнопки. Для этого у Гейшахта были свои специалисты, тревожить которых без нужды не было никакой необходимости. Это позволяло ему освободить место для своих личных дел, под которыми он имел в виду разведывательные функции.

Когда его назначали на этот пост, его предупреждали, что обычно на таких местах люди очень быстро деквалифицируются. Здесь все устроено так удобно, что исчезает принцип борьбы, и открывается все предложения для предоставления удовольствий. Прежде, в Греции, где Гейшахт руководил большим рыболовецким предприятием, ему следовало внимательно следить за подчиненными, которые постоянно искали возможность устроить ему неприятность, только затем, чтобы занять его место. Место это было таким притягательным еще и потому, что рыбные продукты пользовались спросом у рептилидов, что предоставляло новые возможности в карьере. Собственно, это была большая политическая игра, в которой у Гейшахта была своя команда, и где существовала дисциплина и чувство локтя. В какой-то момент он дал слабину, и потому оказался в Верейске, а рыбным предприятием стал руководить другой человек, представлявший уже другую команду.

Верейск тоже был объектом притягательным, но действовать здесь следовало очень осторожно. Предыдущий мэр попал в автокатастрофу, и хотя полицейские перерыли все вокруг, криминала там не нашли. Даже сам Гейшахт не знал, кто устранил предыдущего мэра, но разбираться с этим не спешил. У него здесь были свои четко очерченные задачи, и он им дисциплинированно следовал.

После визита генерала Десконье он немедленно составил доклад в свой оперативный центр, который располагался где-то на Севере Европы. Для контакта с куратором ему пришлось организовать визит в Харьков, что по нынешним временам было довольно просто. Считалось, что у мэра в Харькове есть избранная любовница. Собственно, любовница там действительно была, потому что прикрытие надо было обеспечивать, но вряд ли Гейшахт поехал бы к ней, если бы не дела службы.

Харьков во время войны был практически стерт с лица земли, и его воссоздали в сильно уменьшенном масштабе. Этот городок представлял собою административный центр восточной Украины, но большого значения в игре не принимал, предаваясь утехам и удовольствиям. У любовницы был свой дом в престижном районе, она вышла на крыльцо, чтобы поприветствовать Гейшахта перед соседями, и они нежно поцеловались.

– Господи, Катрин ты опять пьяна, – отметил Гейшахт, заводя ее в дом.

– Дело обстоит неважно, Лазарь, – отвечала она со вздохом. – Я залетела.

– Залетела? – он покосился на нее с интересом.

– Точно. Была вечеринка у Оксаны, были славные ребята…

– Ты говоришь так, словно случилась трагедия, – хмыкнул Гейшахт. – Ничего, родишь ребенка, укрепишь народонаселение.

– Ты смеешься! Это больше года одной суеты и головной боли. Последний раз роды были на грани риска, ты понимаешь?

– Ты хочешь что-то предложить?

Она смотрела на него с опаской.

– Ты можешь помочь?

Гейшахт только покачал головой.

– Не будь дурой, – сказал он. – Такие вещи просекают на раз! Могу помочь с медициной, но не более. Где Роджер?

– Он уже подъезжает, – отвечала Катрин недовольным тоном. – Вы мною только пользуетесь, а как помочь, так сразу в кусты!

– Все! – прикрикнул на нее Гейшахт. – Спрячься и не попадайся нам на глаза!

Она ушла, сердито ворча под нос, а Гейшахт подумал, что от нее придется избавляться. Конечно не в криминальном смысле, просто перевести ее на другую точку. В таком состоянии женщины бывают способны на глупости.

Его куратор Роджер Фрост во время войны был советником главного штаба армии рептилидов. Гейшахт, который сам не воевал, а оказался в системе уже после всех ужасов войны, всегда интересовался, каким образом земляне оказались в армии рептилидов чуть и не с самого начала кампании. Но Роджер Фрост никогда не говорил на эти темы. Вот и теперь, приехав из Скандинавии, он был недоволен жарой, хотя для сентября погода вовсе не была исключительной.

– Что заставляет вас жить на Севере? – спросил Гейшахт после приветствия.

– Есть одно обстоятельство, – усмехнулся тот. – Но давайте к делу. Значит, Анри Десконье был у вас?

– Да, – подтвердил Гейшахт. – Он интересовался деятельностью центра рептилидов.

– Он говорил только с вами?

– Он еще имел отдельную беседу с нашим агентом.

– С кем именно?

– С Дианой Милоновой.

Фрост чуть усмехнулся.

– Уверен, что ему потребовалось на это больше времени чем он предполагал.

– Она не стала скрывать, что тот давал ей рекомендации по вопросу работы.

– И что он рекомендовал?

Гейшахт скривился и повертел рукой в воздухе.

– Обычную чепуху, – сказал он. – Ничего серьезного.

Фрост глянул на него пристально.

– Значит вы думаете, что генерал Десконье приехал в ваши места, чтобы наговорить Диане всякую чепуху?

Гейшахт вскинул голову.

– А что я еще могу думать?

Фрост почесал кончик носа. Нос у него был длинный, прямой и тонкий, как на портретах древних римлян.

– С кем работает Диана в центре?

– С Агатой Маркевич, – отвечал Гейшахт.

– Что вам про нее известно?

Гейшахт пожал плечами.

– Возраст, образование, личное дело ее дочери.

– У нее дочь?

– Да, ей пятнадцать лет. Последнее свободное поколение.

– А кто отец?

Гейшахт чуть поморщился.

– Она это скрывает, но нам удалось выяснить. В последние дни войны она была изнасилована мародерами. Этот ребенок появился в результате насилия.

Фрост покачал головой.

– Это интересное обстоятельство. Как она оказалась в центре?

– Она учила их язык в лагере, – стал рассказывать Гейшахт. – Потом ее взяли на курсы. Короче, язык рептилидов это ее основная специальность.

– Что еще на нее есть?

Гейшахт задумался.

– Совсем выпало, – признался он виновато. – К ней вернулся двоюродный брат, который сидел пятнадцать лет в лагере за военные преступления.

Фрост вскинул голову.

– Его имя?

Гейшахт был вынужден заглянуть в свой планшет.

– Станислав Бельский, – сказал он. – Сейчас он в городе ищет работу. У него ограничения по ряду категорий.

– Станислав Бельский, – Фрост заглянул в свой планшет.

– Я даже не понимаю, на что ей понадобился такой брат, – заметил Гейшахт.

Фрост снова вскинул голову, но на этот раз выражение его лица отражало испуганное удивление.

– Станислав Бельский, вы правильно сказали?

– Да, – отвечал Гейшахт. – У вас на него что-то есть?

– Есть, – буркнул Фрост. – Теперь понятно, почему Десконье вышел на нее.

– Но он не выбирал ее, – заметил Гейшахт. – Мы вышли на нее в ходе разговора.

Фрост усмехнулся.

– Генерал большой мастер составлять разговор в нужном направлении, – сказал он.

– Но что могло привлечь такого человека в Верейске? Неужели этот арестант?

– Разговор Дианы с генералом записан?

Гейшахт развел руками.

– Я не посмел. Но она сказала, что там не было ничего важного.

Фрост покачал головой.

– Давайте посмотрим на это со стороны, – предложил он. – Видный генерал, авторитетный политик, член Управляющего комитета вдруг приезжает в ваш Верейск и ищет выходы на Агату Маркевич. В это же время к Агате приезжает ее брат, Станислав Бельский, военный преступник. И вы это никак не связываете?

– А как это связать?

Фрост наклонился вперед и произнес шипящим голосом:

– Дело маршала Гремина.

Маршал Гремин считался одним из самых таинственных героев войны, вокруг этого имени сочинялось множество легенд, так что о конкретном деле маршала Гейшахт ничего не мог знать.

– Что это за дело маршала Гремина? – спросил он почти виновато.

Фрост улыбнулся.

– Содержание этого дела выходит за рамки вашего допуска, полковник. Но если генерал так открыто вывел нас на этого Бельского, значит у него с этим связаны свои интересы.

– Какие у него интересы?

Фрост усмехнулся.

– А это уже задачка для наших аналитиков. Во всяком случае, теперь мы знаем цель генерала. Значит, нам нужно акцентировать на этом внимание.

– Но если… – Гейшахт осекся.

– Говорите, – кивнул ему Фрост.

– Если он сам нас на него выводит, то надо ли нам реагировать столь предсказуемо?

Фрост рассмеялся.

– Вы, я вижу никогда не работали с этим человеком. Нет, дорогой мой, если он нас выводит, значит это важно. Но вы должны организовать это на самом высоком уровне оперативности. Надо будет подослать к вам людей.

– У меня есть своя агентура, – заметил Гейшахт.

– Пусть она создает суету и возню, – посоветовал Фрост. – А мои люди возьмутся за дело по своему.

Гейшахт не стал возражать. Он просто поднялся и прошелся по комнате, размышляя над словами Фроста.

– Мне бы хотелось знать, чем так интересен этот арестант? – спросил он.

– Нам бы всем хотелось это знать, – вздохнул Фрост. – Могу обрисовать ваше положение вкратце: дело маршала Гремина интересует самые высокие круги, как у нас, так и у рептилидов. Что-то он знал, что остается важным до сих пор. Этот Бельский случайно оказался свидетелем последних дней маршала в Крыму. Информация, которой он владеет, чрезвычайно важна для всех нас. И вам ни в коем случае не следует делать никаких движений в этой области, но вы должны очень внимательно следить за всеми передвижениями Бельского, и его контактами. Сможете с этим справиться?

Гейшахт хмыкнул и пожал плечами.

– Без проблем, – отвечал он.

14

На другой день была пятница, и Стас поднялся поздно, позволив себе понежиться уже после того, как проснулся. Все уже разошлись, и на кухне рядом с пищевым синтезатором на большой доске была торжествующая надпись: «Мы победим!» Подписи не было, но понять, от кого следовало это оптимистическое заявление было нетрудно.

Был удобный случай разобраться с кухонным синтезатором, которые в обиходе были еще достаточно редкими из-за своей высокой цены. Эта машина могла готовить все, но лишь из того списка, что был в ее памяти. Сколько Стас ни пытался сочинить что-либо, чего у нее в памяти не было, у него ничего не вышло. Проблема была только в том, чтобы обеспечить приготовление набором исходных продуктов, приобретать которые следовало в продуктовом магазине. Так что ничего особенно изысканного сочинить не удалось, и пришлось ограничиться чашкой кофе и тостами с паштетом.

У него был свободный день, и он решил вообще не выходить из дома, покопаться в сети, разобраться с остатками неопределенности. Он до сих пор не мог понять, какую функцию исполняют детские воспитательные комбинаты, и для начала посмотрел несколько почти рекламных роликов на эту тему. Хотя кампания рекламирования детских учреждений давно прошла, но в сети было достаточно всякого рода пояснений и демонстраций. Стас видел на экране веселых, радостных и смеющихся детей, которые охотно играли в предложенные игры, а заодно приобретали знания и практические навыки для последующей жизни. Только никто не спешил объяснить, кому понадобилось так радикально менять систему воспитания, вплоть до жестких репрессий у нарушителям. О репрессиях Стас узнал из той же сети, где в самом черном свете рассказывали про тех негодяев, которые пытались скрыть своих детей от такого счастливого и радостного процесса воспитания, который предлагало правительство.

Остаться в одиночестве на весь день ему не удалось, потому что около полудня нагрянула Диана с расспросами.

– Ты ведь вчера общался с Ланго, – говорила она с интересом. – Ты должен все рассказать!

Стас уже был несколько обескуражен ее вольному переходу на «ты», а уж ее интерес к рептилиду его и вовсе озадачил.

– Почему это тебе так интересно? – спросил он, пробуя на язык новую ступень близости с этой девушкой.

– Потому что это всем интересно, – отвечала Диана. – Агата такая таинственная, из нее слова не вытащишь! Она совсем не бывает в обществе!

– Так ты для общества стараешься!

– Разумеется! – рассмеялась Диана. – Я же часть общества! Ну, рассказывай. О чем он тебя расспрашивал? Про войну, да?

Стас подумал.

– Вообще-то темы войны мы совсем не касались, – сказал он. – Но прежде чем рассказывать о нашей встрече, я бы хотел знать, почему же все-таки это для вас так важно?

Она перестала улыбаться.

– Разве это так трудно понять? Мы почти совсем ничего про них не знаем! Почему они вообще с нами возятся, почему не перебили сразу после победы?

– Тебя это угнетает?

Диана фыркнула.

– Вообще-то, – заговорила она после паузы. – Большинство из нас интересуются рептилидами по одной простой причине. Близость к рептилидам может стать трамплином карьерного роста. Посмотри на Агату, ей же все завидуют. Какая у нее квартира, какие возможности!

Да что говорить, почти все мои подруги немедленно прыгнули бы в кровать к рептилидам за половину ее перспектив.

– Значит, мне невероятно повезло? – задумчиво спросил Стас.

– Еще бы! – вскинула голову Диана. – Кстати это делает тебя очень привлекательной фигурой для нашего общества. Имей в виду, на тебя нацелились самые импозантные дамочки.

– Я тронут, – кивнул машинально Стас. – Мне бы еще понять, за что мне такое счастье?

Диана посмотрела на него с интересом.

– Может, ты что-то знаешь? – спросила она.

– Знаю, что? – переспросил Стас. – Секреты давно закончившейся войны? Так не было там никаких секретов.

– Может, что-то по религиозной части?

Стас рассмеялся.

– Боюсь, там тоже ничего нового за последние двадцать веков не появилось. Разве что, толкования.

– Но он же спрашивал тебя о чем-то?

– Больше я, – отвечал Стас. – И вообще, давай оставим эту тему. А то я чувствую себя каким-то осведомителем. В зоне за это били.

– Извини, – она слегка коснулась его руки. – Ты не идешь на работу?

– У меня только завтра начинается работа, – сказал Стас.

– Как удачно все складывается, – отметила Диана, сладко улыбаясь. – Значит сегодня мы можем сходить в гости, верно?

Стас недоуменно поднял голову.

– Сходить в гости? Что ты имеешь в виду?

Она опять коснулась его руки, заглядывая в глаза.

– Есть люди которые очень хотят с тобой познакомиться.

– Я вовсе не спешу знакомиться, – сказал Стас довольно решительно. – Ты представить себе не можешь, как тяжело мне даются все эти знакомства!

– Это вовсе не какие-нибудь необязательные встречи, – сказала Диана, не отпуская его руку. – Это люди из верхнего эшелона власти. Из тех, кто определяет наше развитие, понимаешь?

Стас этого определенно не понимал.

– Зачем я понадобился верхам? – недоумевал он. – Я простой непутевый зек, разве нет?

– Я знаю, – она даже пододвинулась к нему. – Ты представить себе не можешь, как мы соскучились по простоте отношений.

– Легче, – предупредил ее Стас. – Я вовсе не образец… Признавайся честно, кто эти люди и чего они от меня хотят?

Диана с досадой вздохнула.

– У меня множество самых разных знакомств, – начала она издалека. – Мне приходится бывать в верхних кругах, и я невольно вовлечена во все эти интриги. Нет, я сама ничего в этом не понимаю, но меня используют… Понимаешь?

– Не понимаю, – отвечал Стас упрямо. – Кто тебя использует?

Она от досады закусила губу.

– С тобой невозможно разговаривать, – заявила она. – Тебе во всем всегда надо непременно разобраться до основания…

Стас не стал отвечать, просто смотрел на нее и ждал.

Диана это понимала, и спустя несколько мгновений уже сдалась.

– Эти игры с реплитидами, – сказала она, не выдержав. – Думаешь, у нас в руководстве все гладко? Там свои группировки, свои интересы, свои планы… Одни торжествуют, другие уходят в тень. А реплитиды, это козырные карты в игре!

Стас кивнул.

– За кого ты играешь? – спросил он прямо.

Диана раздраженно фыркнула.

– Я не игрок, – ответила она с вызовом. – Я девушка для эскорта. Иногда мне заказывают определенные услуги, и я получаю за это деньги. Мне заказали пригласить тебя для разговора, вот и все!

– Нет, не все, – отвечал Стас. – Если кто-то хочет со мной поговорить, то я должен хотя бы знать, чего он от меня хочет. Я понял, что речь пойдет о Ланго, но давай познакомимся и с другой стороной. Кто хочет со мной познакомиться?

Она тяжело вздохнула.

– Это Витаутас Глемба, руководитель службы безопасности регионального парламента. Поначалу он был обычным оловянным солдатиком, но с некоторых пор он набирает скорость, и еще никто не понял, на кого он теперь работает. Во всяком случае, он ведет яркую светскую жизнь, и набирает популярность в массах.

– И что, он думает, что я смогу свести его с Ланго?

– Не с Ланго, – отвечала Диана. – Ланго, это специалист среднего звена, от него ничего не зависит. Но Ланго работает в центре адаптации, где руководителем некий профессор Цингали, серьезная политическая фигура. Вот выйти на него и мечтает Витас.

Стас понимающе кивнул.

– Для девушки из эскорта ты знаешь слишком много подробностей, – сказал он.

Она невольно усмехнулась.

– Тебе все надо раскопать, верно?

– Объясни, вы нацелились на меня, еще когда я был на зоне?

Она помялась.

– Вокруг Агаты давно кипят нездоровые настроения. Все ее подруги под разработкой, Ванда под постоянным контролем… Это же прямой выход на рептилидов!

– И ты уже заранее была готова со мной познакомиться?

Она пожала плечами.

– А что такого? Если хочешь знать, мне было интересно, как у вас все получится?

– Что получится?

– Ну, с Ланго. Ты ведь ненавидишь крокодилов!

Стас пожал плечами.

– Твое любопытство можно понять, – сказал он. – Но в этих темных делах я участвовать не буду. Так и передай своему охраннику.

Некоторое время она смотрела на него молча, так что у Стаса даже возникло сомнение, а поняла ли она его.

– Но мы остаемся друзьями? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Конечно, – отвечал Стас. – Только не надо наводить на меня своих знакомых.

– Имей в виду, Витас представляет из себя серьезную фигуру, он не успокоится одним твоим отказом.

– Там видно будет, – отмахнулся Стас.

Она перевела дыхание.

– Извини, – сказала она. – Мне всегда так трудно убедить людей в чем-то… Люди перестали верить друг другу.

– Их можно понять, – отвечал Стас насмешливо. – Если ты постоянно пытаешься их использовать для своей выгоды.

– И вовсе не постоянно, – буркнула она.

Стас поднялся из своего кресла.

– Время ленча. Хочешь, я угощу тебя салатом собственного сочинения?

– Ты еще и кулинар?

– Так с этой штукой любой станет кулинаром.

– Ты про что?

– Про кухонный синтезатор. Ты умеешь им пользоваться?

Диана удивленно вскинула голову.

– Я сто лет не была на кухне. А что, у нее действительно есть что-то продвинутое в этом смысле?

– Ты удивишься, – сказал Стас и предложил ей руку, чтобы вытащить из кресла.

15

На другой день, в субботу он пришел в храм, куда его назначили служить, к двум часам по полудни, чтобы успеть все оформить и познакомиться. В храме никого не было, кроме уборщицы в рабочем халате, которая возила по полу тряпку.

– Закрыто, – сказала она усталым голосом.

– Я пришел устраиваться на работу, – сказал Стас.

– На какую работу? – удивилась уборщица.

Стас развел руками.

– Чтецом, наверное… Или алтарником.

– Ух ты, – покачала головой уборщица. – А ты что-нибудь про это знаешь?

Стас посмотрел на нее с укором.

– Я был священником на войне, – сказал он. – Потом сидел.

– Священником? – она отставила свою швабру. – А почему же в чтецы? Нам бы и священника не помешало бы.

– Запрещен в сане, – ответил Стас сухо. – Могу я видеть батюшку?

– Увидишь, – отвечала уборщица со вздохом. – Ладно, я тебя сама на работу приму.

– А вы?…

– Лидия Павловна, – сказала она. – Председатель общинного совета и по совместительству матушка. Второе лицо в иерархии.

Она поставила швабру к стене и предложила:

– Пошли, пройдем в кабинет.

Они прошли в кабинет – небольшую комнатку, которая располагалась у входа в притвор, и там сели к столу. Только здесь Стас разобрался, что перед ним довольно приятная молодая женщина в уродливой форме. Уборщица, она же – матушка, деловито включила компьютер.

– Вам должны были сообщить о моем назначении, – сказал Стас. – Я еще в четверг был у секретаря.

– А вот сейчас и посмотрим, – сказала Лидия Павловна, вглядываясь в монитор компьютера. – Простите, а матушка ваша с вами?…

– Нет матушки, – сказал Стас. – Целибат.

Лидия Павловна качнула головой.

– Это нынче совершенно не приветствуется, – сказала она, едва не с одобрением. – Нынче в моде рождаемость.

– У вас тоже были дети? – спросил Стас осторожно.

В этот момент появилось нужное окно, и Лидия Павловна уставилась на монитор.

– Ага, – сказала она. – Есть сообщение… Станислав Семенович Бельский, так что ли?

– Да, – сказал Стас.

– Значит, все в порядке, – кивнула она. – Алтарник у нас есть, а вот чтец пригодился бы. Вы хорошо читаете?

Стас усмехнулся.

– Я до сана лет восемь чтецом был.

– Вот и прекрасно.

Стас кивнул и спросил:

– На русском служите?

– Ну, а на каком же, – отозвалась та.

Стас промолчал. Он втайне надеялся, что где-нибудь еще сохранился приход, где служат по-старому, на церковно-славянском, но надежд оставалось все меньше.

– Службу начинаем в четыре, – продолжила матушка. – Воскресное всенощное бдение, глас шестой.

– А батюшка где?

– Появится, – отозвалась матушка холодно. – Можете пока посмотреть клирос, с текстами ознакомиться. Пока вас не было, мне приходилось читать. Наша чтица так читает, что сама себя не понимает.

Стас кивнул и поднялся.

Храм был обставлен довольно бедно, иконостас из типовых икон стандартного вида располагался в один ряд, зато к услугам чтеца вместо целого набора книг был планшет, где все тексты богослужения подавались в текущем порядке на русском языке. Стас полистал службу, где выделялись тексты, которые следовало читать, и зачеркивались те, что считались уже лишними.

Высокая светловолосая девица с правого клироса, участница правого хора, подошла к нему, тоже явившись раньше времени.

– Здравствуйте, – смело начала она, слегка ему даже поклонившись. – Меня Светланой зовут.

– А я – Стас, – отвечал Стас. – Вы поете, да?

– Правый клирос, – насмешливо отвечала Светлана. – Уже то хорошо, что ноты читать умеем. Вы действительно когда-то читали на церковно-славянском?

Стас распрямился. Про свое знание церковно-славянского он еще не успел сказать никому из здешних.

– Читал, – отвечал он. – Вы интересуетесь старым написанием?

– Мы даже собираемся по домам, чтобы попеть стихиры на церковно-славянском, – призналась Светлана стеснительно. – Все наши распевы строились на том языке, так что на русский они ложатся коряво. Вы согласны?

Стас посопел и сел на лавку у стены.

– А разве разговоры такого рода не запрещены?

– Запрещены? – удивленно спросила она. – Почему запрещены?

– Ну, это же все-таки соборное постановление.

– Так мы же его и не нарушаем, – сказала Светлана. – Это же только домашнее пение. Но я, если честно не понимаю, зачем надо было переходить на русский?

Стас только пожал плечами. Конечно, ему было что сказать на эту тему, но эти вопросы определенно выказывали его решительное оппозиционное настроение, чего он выказывать никак не хотел.

– А вы женаты? – спросила она еще.

– Это так важно? – улыбнулся Стас.

– Нет, но мы же стараемся блюсти нравственность. Мы считаем, что рожать детей можно только в венчанном браке.

– Но у вас муж определенно есть?

– Конечно, – она чуть покраснела. – Он у нас звонарем работает, не постоянно, конечно. У нас уже трое детей.

– У вас? – переспросил Стас со значением.

Она бросила на него недоуменный взгляд.

– Что значит, у нас? Конечно, у нас!

– Разве они живут с вами?

– Ах, вы об этом. Как-то вы странно рассуждаете, словно вы из другого мира. Что же делать, наверное им там лучше.

Стас только кивнул.

– Я действительно из другого мира, – сказал он. – Вы уж меня простите.

– Да ничего, – она посмотрела на него с сочувствием.

На правом клиросе появился еще кто-то, Светлану позвали, и она ушла, извинившись. Стали подходить люди и на левый клирос, они составляли народный хор, который время от времени включался в богослужение, и вели себя робко и послушно. Ему стали жаловаться на то, что читать в храме практически не кому, и потому все были рады появлению нового человека. Старушка, которая исполняла чтение до него, напротив утверждала, что никакой необходимости в новом чтеце нет, но если батюшка благословил, то она спорить не будет. Шамкала она, действительно, изрядно.

А потом появился батюшка, отец Глеб Коротков, священник лет тридцати, бритый и с короткой прической. Выглядел он угрюмо, одет был в простой костюм, благословлял клирошан бегло, но появление Стаса пропустить не мог.

– Это вы у нас новый чтец? – спросил он. – Зайдите в алтарь.

Стас чинно взял у него благословение, и вошел в алтарь. По давней привычке он совершил три земных поклона, и заметил, что батюшка наблюдает за ним чуть насмешливо.

– Земные поклоны нынче отменены, – сказал он со вздохом. – И это не самое важное новшество.

– Простите, – отвечал Стас, вовсе не имея в виду просить прощения.

– Мне про вас говорили, – сказал отец Глеб. – И я должен сказать, что мне брать на свой приход такого проблемного чтеца не очень приятно.

– Почему вы думаете, что я проблемный?

– Давайте не будем играть в прятки, Станислав, – сказал отец Глеб нервно. – Я и без того хожу под контролем наших ревнителей, и мне совсем ни к чему усугублять свое положение сослужением скандального чтеца.

– И в чем заключается моя скандальность?

– Вы сами знаете, – махну рукой батюшка. – Ваша скандальность заключается в пятнадцатилетнем сроке заключения, отбытом вами от звонка до звонка! И это значит, что внимание к моей персоне не просто удвоится, упятерится!

Стас пожал плечами.

– Простите, – сказал он. – Но разве то обстоятельство, что я выжил после всего этого, не говорит в мою пользу?

– Не говорит, – фыркнул батюшка. – Я, конечно, ничего предпринимать не буду, но уж и вы извольте сдержать свои порывы, если они у вас имеются. Тише воды, ниже травы!..

– Я понимаю, – кивнул Стас миролюбиво.

– И потом, что это еще за целибат? Католики во всем мире уже отказались от целибата, а вы тут нам демонстрируете!

– Я ничего не демонстрирую, – тихо отвечал Стас. – Так получилось.

– Если вы хотите жить нормально, вы должны отказаться от своего обета!

– Вы же понимаете, что это невозможно.

– Все возможно, – махнул рукой отец Глеб. – Подадите прошение на имя епископа, он даст резолюцию… Сейчас это просто.

Стас не ответил. Он не считал этот вопрос простым, но спорить тоже не хотелось.

– Читать только то, что мы выделили, – строго напомнил отец Глеб. – Вполне достаточно.

– Сколько у вас служба длится? – спросил Стас.

– Полтора часа, – отвечал Глеб. – И это кое-кому кажется излишним. Так что, вот соединимся в экстазе с остальными христианами, и того не останется.

Стас хмыкнул.

– Значит, вы все же против?

Отец Глеб вскинул голову.

– Вы, что, сразу на меня компромат собирать стали?

– Пытаюсь сориентироваться, – сказал Стас. – Мне особенно трудно представить, как вы трактуете существование Домов Любви. Отец Феоктист, как я понял, их просто игнорирует, вроде бы их и нет.

– Правильно делает, – отвечал отец Глеб, поднимаясь. – А я так и вовсе на открытии читал молебен о преумножении любви.

– Уверен, что она сразу же и приумножилась, – сухо заметил Стас.

– Все, – довольно резко оборвал его отец Глеб. – Начинаем службу.

– Конечно, – кивнул Стас и склонился. – Благословите, отче!..

16

Опыт чтения на русском языке у него был, так что службу он отчитал на ряду, разве что позволил себе при заключительном чтении Трисвятого, которое осталось в память о молитвах первого часа, прочесть «Отче наш» на церковно-славянском. К этому времени народу в храме оставалось совсем мало, так что его хулиганства по сути никто и не заметил, даже отец Глеб не стал обращать внимания.

– Завтра извольте пораньше, – сказал он только, когда Стас брал благословение в конце.

– Пораньше?

– Там есть особенности, – сказал Глеб. – Надо обсудить.

Стас согласно кивнул и ушел.

Хористка Светлана с юной подружкой на голову ниже ее дожидались его на выходе.

– Вы спешите, Стас? – спросила Светлана.

– Не очень, – отвечал Стас. – Вы хотели о чем-то спросить?

– Это Вера, она поет первым голосом, – представила Светлана свою подругу.

Стас кивнул. Вера была совсем юной и стеснительной.

– Я – Стас. Станислав, то есть.

– Мы бы хотели попросить вас записать нам кое-какие молитвы на церковно-славянском, – произнесла Вера смущенно. – Если вам нетрудно.

– Мне не трудно, – кивнул Стас. – Кстати, вы хоть заметили, что я прочитал «Отче наш» в прежнем виде?

Вера заулыбалась.

– Конечно мы заметили… Только не хотели, чтобы отец Глеб обратил внимание. Он ругается.

– Я без мысли, – признался Стас. – Просто, по привычке.

– Пройдемте, – предложила Светлана. – Вера тут неподалеку живет, с родителями. Она у нас еще не замужем.

Квартира у Веры была совсем не такая шикарная, как у Агаты, при этом ее мать встретила их ворчливо, и они быстро прошли в комнату Веры, где та поспешно закрыла за собой дверь.

– Фу, – сказала она. – Хорошо, папы не было.

– У вас проблемы с родителями? – спросил Стас.

– Они ее постоянно сватают, – смеясь, сказала Светлана. – По сути они ее любят, только таинства брака не принимают.

Вера села к компьютеру, а Светлана устроилась в кресле.

– Присаживайтесь, Стас. Нам уже успели про вас рассказать.

– И что же? – спросил Стас, усаживаясь на стул.

– За что вас выперли из сана? – спросила Светлана.

Стас посмотрел на нее хмуро.

– За участие в боевых действиях, – сказал он.

– Я так и думала, – кивнула Светлана. – А вы сами это признаете?

– Что признаю?

– Ну, извержение из сана. Это же незаконно, это же против апостольских правил!

Стас потянул воздух носом.

– Это жизнь, Света, – сказал он философски. – Где бы я был, если бы стал перечить решениям церкви?

– Готово! – сказала Вера.

Стас пересел за компьютер, где уже были готовы некоторые известные тексты, которые ему надо было перевести на церковно-славянский. Тексты были знакомые и перевод проблем не составлял. Он вздохнул, и стал печатать.

– А вам приходилось служить еще на церковно-славянском? – спросила Вера.

– Разумеется, – сказал Стас, продолжая печатать.

– Здорово…

– А вам батюшка про ваш целибат ничего не говорил? – спросила Светлана.

– Минутку, – сказал Стас. – Я сейчас закончу.

– А вы покаянный псалом знаете? – интересовалась Вера.

– Конечно, – отозвался Стас. – Хотите, я и его напечатаю.

– Ой, здорово!

– Вы там полегче, – напомнила Светлана. – Наши компьютеры тоже под наблюдением, имейте в виду.

– Волков бояться, в лес не ходить, – усмехнулся Стас.

Он перевел девушкам все выбранные ими молитвы, дополнил их 50-м псалмом, и опустил руки.

– Теперь нас точно вычислят, – сказала Светлана шутливым тоном.

– Если вы меня пригласите на ваши пения, – сказал Стас, – я буду очень рад.

– Конечно пригласим, – обрадовалась Вера.

– Нас наш регент собирает, – пояснила Светлана. – Когда у него время есть.

– Вам хоть понравилось, как мы поем? – спросила Вера.

Стас усмехнулся.

– Кто я, чтобы вас судить, – сказал он. – Я даже нот не знаю. Нет, все было ладно и красиво…

– Но? – спросила Светлана.

– Что – но? – спросил Стас.

– Это вы должны сказать, но… – пояснила Светлана. – По интонации угадывается.

Стас покачал головой.

– Ну, если хотите, мне не хватало молитвенного сосредоточения.

Светлана хлопнула ладонями.

– Вот! – сказала она. – Я сама постоянно об этом говорю! Нет в русском языке молитвы, он не для того придуман!

А Вера огорченно надулась.

– Я не думаю, что виноват русский язык, – вмешался Стас. – Хотя следует признать, что смысл языка целиком помещается в область его применения. Изначально русский язык предназначался для бытовых нужд, потому и не вписывается теперь. Хотя нельзя не признать, что язык сам по себе достаточно поэтичный. Если появятся святые, которые станут писать молитвы на русском, то может быть и получится.

Вера рассмеялась, а Светлана фыркнула.

– Откуда они появятся, святые!..

Стас поднялся.

– Ну, спасибо за приглашение, – сказал он. – Не буду вам больше мешать.

Светлана кашлянула.

– Мы с вами еще хотели кое-что обсудить, – сказала она.

– Что же?

– По поводу вашего целибата, – напомнила Светлана. – Они ведь непременно потребуют от вас жениться.

Стас хмыкнул.

– Посмотрим, – сказал он.

– Епископ даже бумагу по приходам разослал, – заметила Вера. – Чтобы весь причт непременно должны быть церковно венчаны.

– В обязательном порядке, – добавила Светлана.

– А как же монахи? – спросил Стас насмешливо.

– А монахов больше нет, – сказала Светлана. – Даже шумная компания была, когда монахов венчали. Вы там не смотрели?

Стас удрученно вздохнул.

– Пропустил, – сказал он. – И что же, все венчались?

– Конечно, не все, – фыркнула Светлана. – Но других просто выгнали и определили под отлучение.

– И сами епископы?

– Эти первые под венец пошли, – хмыкнула Светлана.

Стас качнул головой.

– Странно, – сказал он. – Почему же они меня не принуждали?

– Наверное, ждут чего-то, – предположила Светлана.

– Еще принудят, – вздохнула Вера.

Стас заметил, как она бросила быстрый взгляд на подругу.

– Мы тут подумали, – сказала Светлана. – Если что, может вам на Вере жениться?

– Что? – обомлел Стас.

– Это только понарошку, – пролепетала красная от стыда Вера. – Мы официально поженимся, а реально останемся в девственности. Так многие из наши поступают, вроде как тайное монашество.

Стас покачал головой.

– Это здорово придумано, – кивнул он. – И я благодарен вам за заботу, девочки. Но обет целибата не предполагает никакого обмана, даже в благих целях. Я не могу венчаться, понимаете? У нас не бывает венчания понарошку.

Они сразу осеклись.

– Мы думали помочь, – проговорила Светлана насуплено.

– Я понял, – отвечал Стас. – И я еще раз выскажу вам свою благодарность. Но уж если я обещал Господу остаться неженатым, то скорее предпочту неприятности, чем обман.

– Конечно, – сказала Вера, все еще красная. – Вы совершенно правы. Я с самого начала была против…

Светлана вскочила.

– Да хватит вам! – воскликнула она возмущенно. – Не принимаю я вашего ригоризма, вот что! Мы живем в мире, где надо обманывать, и никуда от этого не деться. Больше того, мы же сами себя обманываем, думая, что мы верующие. Мы уже сотнями цепей повязаны с этим миром, и нам давно надо вырабатывать правила выживания, потому что без обмана уже нельзя! И правда будет в том, что мы признаемся в необходимости этого обмана.

Она хотела еще что-то сказать, но вместо этого быстро замахала руками, и выбежала вон.

Стас встревожено посмотрел на Веру.

– Мы сказали что-то не то?

– Да нет, – отвечала Вера. – Она из-за мужа своего нервничает.

– А что у нее с мужем?

Вера вздохнула.

– Он пошел в Дом Любви, – сказала она.

Стас вскинул брови, но не стал ничего говорить. Он еще слишком мало знал о жизни этих людей, чтобы лезть со своими суждениями.

– Я пойду, – сказал он. – Когда будете устраивать кружок пения, позовите меня, хорошо?

– Конечно, – кивнула Вера и добавила. – Извините нас, батюшка.

Стас остановился на выходе.

– Нет, Вера, – сказал он. – Я все-таки не батюшка. Если мы члены церкви, то мы должны принимать ее решения беспрекословно. Ведь так?

– Кончено, так, – согласилась Вера.

Стас кивнул ей, и вышел.

17

Возвращаясь по вечерним улицам, он размышлял о своем первом дне в храме, куда он так стремился вернуться, и пытался разобраться, то ли он разочарован, то ли еще не вписался. Было совершенно очевидно, что прежнего благоговения перед богослужением он явно не испытал, что множество оговорок, русский язык, опасения батюшки – все это вместе никак не сопрягалось с его прежним ощущением от храма. Он понимал, что все его переживания есть лишь продолжение сомнений, что обуревали его в последние годы, и с которыми он пытался бороться. Но ему казалось, что возвращение к регулярной церковной жизни вернет ему прежнюю уверенность, а уверенность упорно не возвращалась. Собственно говоря, рассуждая логично он понимал, что его возвращение будет сопряжено со множеством трудностей, но во всех этих трудностях хотелось бы оставить проблеск надежды. А проблеск не появлялся.

Какая-то старушка с сумкой вышла на тротуар с перехода, и остановилась отдышаться.

– Вам помочь? – спросил Стас, останавливаясь.

– Это было бы чудесно, – обрадовалась та. – Мне эту сумку тащить на третий этаж!

Стас подхватил сумку и не нашел в ней особой тяжести.

– Справимся, – сказал он, и предложил ей руку.

Они пошли вдоль дома, и старушка стала рассказывать:

– Я живу здесь уже почти пятьдесят лет, вы можете представить? Мы поселились, когда у нас только начиналась эта самая перестройка! Вы помните, что это такое?

– Мне рассказывали, – отвечал Стас.

– А я вот хорошо помню Советский Союз, – похвасталась старушка. – Причем, чем больше проходит времени, тем больше приятного вспоминается. А ведь мы были в числе борцов с режимом!..

В доме, куда они вошли, был лифт, и на третий этаж они поднялись уже на нем.

– Я здесь живу, – указала старушка. – Мой муж погиб на войне, дети тоже… Осталась только жена моего старшего сына Варечка и ее дочь Нюся… Она меня навещает, хотя и живет в другом конце города.

Они вошли в ее квартиру, и Стас поставил сумку на пол.

– Ну вот и пришли. Всего вам доброго, я пойду…

– Не торопитесь, – сказала старушка. – Тут вас ждут.

В коридор вышел какой-то мужчина, и Стас насторожился. Мужчина смотрел на него вопросительно, но не задавал никаких вопросов.

– В чем дело? – спросил Стас.

– Не пугайтесь, лейтенант, – сказал тот. – У нас вам ничего не грозит.

Старушка посмотрела на Стаса чуть виновато.

– Вы уж меня простите, но я займусь своими делами.

Она подняла свою сумку и прошла в комнату, а Стас остался стоять в нерешительности.

– Что вам угодно? – спросил он.

– Я Олег Неделин, – сказал мужчина. – На войне я был сержантом, попал в госпиталь, и там меня интернировали.

– Что значит, интернировали? – не понял Стас.

– Просто схватили и перевоспитали, – сказал тот. – Это было самое начало войны, так что раненых они не добивали, как потом. Я остался работать при госпитале санитаром, и это позволило мне избегнуть адаптации.

– Адаптации?

– Так назывался процесс промывания мозгов, – пояснил Неделин. – Им были нужны люди с измененным сознанием.

Стас кивнул.

– А что вам нужно от меня?

Неделин шагнул вперед, скрестив руки на груди.

– В самом конце войны на юге Африки к нам попали в плен раненые гвардейцы. Это были представители в основном уже африканских армий, но руководил ими один русский полковник. Его фамилия была Антипов.

Стас никак не отреагировал. В его жизни была встреча с полковником Антиповым, но меньше всего он был готов говорить об этом со случайным человеком.

– Его серьезно допрашивали, и именно поэтому мы должны были его каждый раз восстанавливать, – продолжал Неделин. – В конце концов, он умер. Если честно, я сам дал ему яд, потому что он страшно боялся проговориться.

Стас усмехнулся.

– Только не говорите, что перед смертью он передал вам что-то чрезвычайно важное для меня, – сказал он.

Он невольно улыбнулся.

– Вы ищете в моих словах какую-то подставу? – отметил он. – Я это понимаю. Однако вы все же знаете, что я хочу вам сказать. Не так ли?

– Нет, не знаю, – покачал головой Стас.

– Прекрасно знаете! Вы последний из той четверки, кто присутствовал при смерти маршала Гремина. Остальные, а это тот же полковник Антипов, капитан Хаустов, лейтенант Штерн – все погибли.

Стас невольно качнул головой.

– Это Антипов вам рассказал?

– Это я узнал позже, – сказал Неделин. – В ходе развития дел. Я ведь потом стал офицером разведки, у меня открылся доступ к материалам. Кстати, сейчас этот доступ уже наглухо закрыт.

Стас пожал плечами.

– Не буду отрицать, я действительно присутствовал в палате маршала в последние мгновения его жизни. Но он никак не мог ничего сказать, потому что был без сознания.

Неделин глянул на него пристально.

– Так ли это? Антипов рассказывал совсем другое.

– Я не могу знать, о чем вам рассказывал Антипов, – сказал Стас. – Меня десять лет из пятнадцати допрашивали по поводу всех этих дел с маршалом Греминым, пока это не надоело самим допрашивающим.

Неделин усмехнулся и кивнул.

– Вы прекрасно держались, лейтенант!

– Если бы вы тщательно изучали дело, вы бы знали, что я был в звании старшего лейтенанта.

– Это только у русских, – махнул рукой Неделин. – Наш штат строился по меркам НАТО. Я дослужился до звания майора, если угодно.

– Что вынудило вас вернуться к этой теме, майор? – спросил Стас нервно. – Прошло больше пятнадцати лет, все эти тайны войны уже никого не интересуют!

– А вы хорошо знаете, о какой тайне идет речь? – внимательно посмотрел на него Неделин.

– Не знаю, и знать не хочу!

– Нам известно, что маршал овладел самой большой тайной этой войны, – со вздохом произнес Неделин. – Энергетический удар по Крыму последовал именно затем, чтобы уничтожить маршала.

Стас вздохнул.

– Это просто легенда, – сказал он. – В конце войны среди военных ходило множество самых нелепых легенд.

– Может вас заинтересует от факт, что вашим появлением в Верейске уже заинтересовались несколько самых секретных организаций?

Стас скривился.

– Интересно бы знать, чем занимались эти организации до того, как я вышел из лагеря.

– Не будьте наивным, лейтенант, – сказал Неделин. – В этой банке с пауками всегда есть место силовым операциям. Вы не главный объект их наблюдения.

– Почему они тогда мной заинтересовались? Что изменилось из того, что я вышел из лагеря?

– Вы должны их понять, вы прекрасно держались пятнадцать лет, но они надеются, что выйдя на свободу, вы проявите себя неожиданно.

– Я не буду проявлять себя неожиданно, – раздражено отвечал Стас. – Я так старался все забыть!..

– Но вы же знаете, что ваш секрет остался нераскрытым!

– Тогда и вы знаете, что я о своем пресловутом секрете знаю еще меньше, чем вы!

– Конечно, – улыбнулся Неделин. – Я это знаю. Но при этом нет никакой гарантии, что в один прекрасный момент все изменится, и вы станете обладателем стратегической тайны.

Стас смотрел на него исподлобья.

– Вы же не исключаете такого варианта?

Стас пожал плечами.

– Всякое может случится. Что вы от меня хотите?

Неделин прислонился к стене.

– Ну, представьте себе, что несколько конфликтующих между собою группировок сосредоточили на вас все свое внимание. При этом они открывают своих заказчиков, что позволяет нам понять, какие силы замешаны в игре.

– Так это разведывательная операция? – спросил Стас.

– Ну, что-то вроде.

– Зачем же вы мне открываетесь?

Неделин посмотрел на него с сомнением.

– Я пока не могу вам довериться, лейтенант, – сказал он. – Но из того, что я вам открываюсь, вы должны понять, что я единственный, кто в этой игре учитывает ваши интересы.

Стас иронично кивнул.

– Еще скажите, что вы на моей стороне!

– Скажу, но вы не поверите, – улыбнулся Неделин. – Нет, нет, я пока только хотел представиться вам. Предупредить, если угодно. Может даже – обнадежить.

– Я уже полон надежды, – сухо произнес Стас.

Неделин посмотрел на него снисходительно.

– Когда-нибудь вам понадобится надежда, – сказал он. – И вы вспомните обо мне.

– Я безусловно благодарен вам за доверие, – сказал Стас. – Но решительно отказываюсь играть в эти игры. За кого бы вы там ни были, я против всех. Я снова вернулся в храм, и сегодня впервые после долгого перерыва читал богослужебные тексты, и эти переживания меня вполне удовлетворяют.

– Да, – кивнул Неделин. – Я знаю, что вы были священником. Я уважаю вашу веру, но сам уповаю только на свои силы.

– Это ваше безусловное право, – кивнул Стас. – Простите, но я больше ничем не могу вам помочь.

Неделин вздохнул.

– Я и не надеялся на мгновенный успех, – сказал он.

– Я могу идти? – спроси Стас.

– Конечно, – сказал он. – Если вы передумаете, можете обратиться к Серафиме Павловне, это наша хозяйка.

– Прощайте, – кивнул ему Стас и вышел.

18

Вернувшись домой, где его уже ждали к ужину, он объяснил свое опоздание разговором с батюшкой и знакомством с певчими.

– Можешь себе представить, – рассказывал он Агате, – они предложили мне фиктивное венчание! Чтобы уберечь меня от возможных репрессий.

– Это интересный выход, – отметила Агата.

– Ты согласился? – спросила Ванда, вскинув голову.

Стас покачал головой.

– Никто не прячет свечу под кровать, – произнес он.

Они приступили к еде, но Ванда все еще не успокоилась.

– При чем тут свеча? – спросила она.

– Это из Евангелия, – пояснил Стас. – В том смысле, что Истина не нуждается в обманных средствах.

– Так ты что, никогда не женишься?

Стас только усмехнулся.

– Подай мне соус, – попросил он.

– А что насчет восстановления сана? – спросила Агата. – Ты ведь от этого отказываться не будешь? Если все будет проведено по вашим правилам.

Стас нахмурил брови.

– Даже не знаю, – сказал он. – С одной стороны…

Он замолчал.

– Что? – спросила Агата.

Стас отхлебнул ложку супа.

– Если я принимаю от церкви несправедливые решения, – сказал он, – то что мне мешает принимать также решения справедливые?

– Вот именно, – усмехнулась Агата.

Стас вздохнул и улыбнулся.

– Придется принимать, – сказал он. – Но вряд ли я буду чувствовать себя у престола уверенно.

– Так ты станешь попом? – радостно спросила Ванда.

Стас посмотрел на нее.

– Кстати, – вспомнил он. – Ты ведь до сих пор не крещена!

Агата нахмурилась.

– Перестань, Стас. Ты же знаешь, есть закон, по которому принимать крещение моно только после совершеннолетия.

– А ты откуда знаешь? – удивился Стас.

– Мама тоже думала креститься, – выпалила Ванда.

Стас посмотрел на сестру внимательно.

– Это правда?

– Чепуха, – фыркнула та. – Было время, когда церковь вдруг оказалась модной, и Диана стала меня уговаривать креститься. Я никогда всерьез об этом не думала.

– Думала, думала, – воскликнула Ванда с торжеством. – Я свидетель!

– Церковь стала модной? – удивленно переспросил Стас.

Агата утерла губы салфеткой.

– Это было года три назад, – сказала она. – К нам приезжал епископ Вонифатий, молодой, энергичный, умный… Он очень активно занялся миссионерством, устраивал публичные

дискуссии, выступал в сети. Он действительно был очень обаятельным, Диана в него просто влюбилась.

– И чем все кончилось?

– Он был голубой, – выпалила Ванда. – Был жуткий скандал!..

Стас склонил голову.

– Бывает, – сказал он.

– Просто результат внутренних интриг, – сказала Агата. – Его застали в постели с келейником, но при этом посадили только епископа. Епископ, который служит у нас теперь, долго потом все это пытался объяснить.

– Так его посадили?

– Да, – сказала Агата. – Потому что гомосексуализм считается преступлением против роста народонаселения. Но мода на церковь сразу прошла.

Стас кивнул и произнес:

– Это неприятно.

– И не только вам, – сказала Агата.

Стас поднял голову.

– Значит ты хотела креститься только из-за увлечения Дианы?

– Не знаю, – вздохнула Агата. – Он так говорил, что мне захотелось быть рядом. А когда все это произошло, то было ощущение, что я искупалась в вонючей жиже.

После ужина Стас прошел в свою комнату и решил посмотреть новости по сети, но тут как тут появилась Ванда.

– Слышь, Стас, – сказала она. – Ты подал хорошую идею.

– Какую?

– Креститься, – пояснила Ванда. – Если сделать это вопреки правилам, то это будет классной пощечиной всем этим ханжам!

Стас покачал головой.

– Ты с ума сошла, – сказал он. – По-твоему, что такое христианство? Это религия любви, любви ко всем без исключения! Это нельзя делать назло кому-то!

Ванда печально вздохнула.

– Но ведь хочется сделать что-нибудь такое!..

Стас повернулся к ней в кресле.

– Давай поговорим серьезно, – сказал он. – Тебе уже пятнадцать лет, в твоем возрасте девушки выходили замуж!

– У нас есть одноклассницы, которые трахаются с тринадцати лет, – отвечала Ванда.

– Это не одно и тоже, – произнес строго Стас. – Ты хоть знаешь, чем занимается твоя мама?

Ванда посмотрела на него вопросительно.

– А чем она занимается?

– А подумай, – сказал Стас. – Посмотри, в каком доме ты живешь, какие у тебя условия, какие возможности… Думаешь, у всех так?

Ванда нахмурилась.

– Нет, я знаю, что не у всех. Мне не очень приятно, что мне все завидуют, но что такого? Я ведь не выпендриваюсь!

– И почему все так?

– Что – почему?

– Почему у тебя жизнь лучше, чем у других?

Ванда пожала плечами.

– Потому что мама спит с крокодилом?

Стас в раздражении вскочил.

– Чтобы я больше ничего такого не слышал! – заявил он. – Агата не спит с крокодилом, это все дурацкие эксперименты Ланго. Но по сути ты права, все от того, что Агата работает с рептилидами. Как ты понимаешь, это не всем дано.

– Я знаю, – кивнула Ванда, глядя на Стаса исподлобья.

– И завидуют вам не только твои подружки, – продолжил Стас. – У твоей мамы много завистников, и ты должна об этом помнить. Многие люди вокруг вас желают ей зла, понимаешь? Им будет приятно, если Агату уволят или посадят.

– Разве такое возможно? – испугалась Ванда.

– Легко, – сказал Стас. – Стоит Ланго пропасть, и ваше благополучие очень быстро сдуется. И вас немедленно начнут топтать, понимаешь? И все кончится тем, что тебя отберут и отдадут в Детский центр, чтобы ты поскорее забыла про то, что у тебя есть мать.

– Нет! – вскричала Ванда жалобно. – Ведь этого не будет, да!..

Стас только вздохнул.

– Ты должна знать, что враги следят за вами постоянно, – сказал он. – И им прекрасно известны все твои слова о крокодилах, о твоей ненависти к ним.

– Ты думаешь?… – ахнула Ванда.

– Я уверен, – жестко сказал Стас. – Поэтому с этого дня ты начинаешь резко взрослеть. Никаких больше легкомысленных заявлений, никаких запрещенных тем. Если ты в самом деле хочешь противостоять всему этому уродству, ты должна понять, что единственной формой противостояния является церковь.

Ванда фыркнула.

– Такая, как епископ Вонифатий?

– Не торопись его судить, – сказал Стас. – Подумай сама! Епископ поднял большую волну, и многим это явно не понравилось. Его подставили, разве не понятно!..

– Хочешь сказать, он не был голубым? – испуганно заморгала Ванда.

– Не знаю, – вздохнул Стас. – Но думаю, что не был. Этот келейник выглядит уж очень сомнительно.

– Ух ты, – выдохнула потрясенная Ванда.

– Можешь представить, что они могут сделать с такими, как мы, – добавил поучительно Стас. – Поэтому мы должны быть предельно осторожными.

– Ага, – согласилась Ванда. – Я согласна.

Стас посмотрел на нее с сомнением.

– Понимаешь, во всем этом очень много натяжек, – сказал он. – Почему меня прямо из лагеря отправили к Агате? Почему рядом вдруг оказалась Диана?

– А Диана причем? – не поняла Ванда.

Стас махнул рукой.

– Тут все причем, – сказал он. – Вокруг меня тут уже столько всякого закрутилось, что хоть беги назад в лагерь.

Ванда невольно усмехнулась. Стас улыбнулся ей в ответ.

– Вот и я решил пока остаться, – сказал он. – Ладно, ступай к себе, дай мне немного поработать.

Ванда хихикнула и убежала.

19

Конечно главным событием дня оказалась не служба в храме, а встреча с загадочным Неделиным, воспоминание о которой долго не позволяло Стасу успокоиться. И это было прямо связано с некоей тайной, к которой он однажды нечаянно прикоснулся.

Маршал Степан Гремин был фигурой легендарной. Еще в самом начале войны он уже был одним из руководителей армии, и с его именем были связаны некоторые ключевые операции, например бомбежка Англии, или уничтожение орбитальной станции. Увидеть такого человека в непосредственной близости для любого было моментом счастья, и Стасу Бельскому довелось его увидеть.

Это был последний год войны, когда после ликвидации орбитальной станции рептилиды начали самый жестокий и решительный штурм планеты. Стас хорошо помнил, как он после энергетического удара, уничтожившего практически весь Крымский полуостров, оказался в темноте под завалами земли, и уже был готов к смерти, пока не увидел вдруг перед собою Казанский образ Божьей Матери, что тогда показалось ему самым настоящим чудом. Собственно, именно это и заставило его проявить упорство и выбраться из-под завалов. Уже потом он понял, что видел пробившийся луч света, который странным образом осветил церковную икону древнего письма. Как бы там ни было, он выбрался на поверхность, его подобрали спасатели, и он оказался на побережье, где собирались остатки армии. К тому времени он уже не служил, хотя официального запрета на него еще не было наложено, но после того, что он видел и что натворил, он уже и сам не мог вернуться к алтарю.

Поэтому он оказался на своей прежней работе в госпитале, где он начинал санитаром. Персонала явно не хватало, врачи падали с ног, и санитарам доставалось не меньше, если не больше. Тут их опять обнаружили, и приходилось отбиваться от разъяренных барсифов, тех самых, которых Стас запомнил на всю жизнь. В какой-то момент они осознали, что им уже не выбраться, но решили стоять до конца. Санитарам также приходилось отстреливаться, и Стас стрелял по врагам с ясной волей к убийству, хотя и молился потом в раскаянии.

Маршал Гремин оказался в их расположении каким-то чудом, он тоже попал под воздействие энергетического заряда и был тяжело ранен, но как-то выжил, и даже был доставлен в госпиталь на побережье. Он действительно пребывал в беспамятстве, и потому почти не представлял забот для санитаров, но как-то в ночь, когда у его постели дежурил Стас, он вдруг очнулся.

– Где я? – услышал Стас, который в это время заправлял в магазин автомата патроны.

– Ваше превосходительство, – обомлел Стас. – Вы… вы в госпитале!

Маршал повернул к нему свое иссеченное лицо.

– Какое еще превосходительство, – простонал он. – Ты кто такой?

– Лейтенант Бельский, – отрапортовал Стас. – Я тут санитаром!..

– Лейтенант – санитаром?

– Так получилось, – отвечал Стас. – Я позову врача!..

– Погоди, – проскрипел маршал. – Доложи обстановку!

Стас перевел дыхание.

– Противник произвел энергетический удар, который уничтожил полуостров…

– Какой полуостров?

– Крым, товарищ маршал! Мы в Крыму!

– Господи, как я оказался в Крыму?

– Не могу знать, товарищ маршал. Я всего лишь санитар.

– И что тут у вас? Как обстановка?

Стас горько вздохнул.

– Хреновая обстановка, товар маршал, – сказал он. – Крокодилы ударили по нам зарядом, сожгли практически весь полуостров. Мы собрали остатки, но они нас снова нашли и сейчас берут в кольцо. Силы неравные, так что надежд никаких…

– Понял, – отвечал маршал. – Кто у вас командует?

– Полковник Антипов, – отвечал Стас. – Он из артиллеристов. У них есть батарея минометов, они фигачат, как могут.

– Вызови его ко мне, – приказал маршал.

Стас не должен был оставлять маршала, и потому, выйдя в коридор, приказал одному из рядовых санитаров сбегать за полковником, а сам нашел в соседней палате начальника госпиталя, капитана Хаустова и доложил ему, что маршал Гремин пришел в себя.

– Как он? – спросил капитан, занятый осмотром раненого.

– Ничего не помнит, – сказал Стас. – Но немедленно потребовал к себе полковника Антипова.

– Вот что, Бельский, – сказал Хаустов. – Побудь с ним пока я тут закончу. Тяжелый случай, не могу оторваться.

– Есть, – сказал Стас.

Он вернулся в коморку, где лежал маршал, и доложил:

– Я послал бойца за полковником, он скоро придет.

Маршал глубоко вздохнул.

– Что со мной? – спросил он.

– Ожоги, – стал объяснять Стас. – Повреждения внутренних органов, переломы. Капитан Хаустов провел вам некоторые операции, но надо еще.

– Не надо, – сказал маршал.

– То есть? – не понял Стас.

– То и есть, – сказал маршал. – Знаешь, кто я?

– Конечно, товарищ маршал, – отозвался Стас. – Вас все знают.

– Все знают, – проговорил маршал. – Да не всё!..

Он опять вздохнул.

– Почему дышать тяжело?

– Перелом ребер, – пояснил Стас. – Но это не самое страшное.

– Я вспомнил, – сказал маршал. – Мы летели в Среднюю Азию, но попали под ракетный удар, и приземлились в Симферополе.

Стас кивнул и произнес:

– Нет уже Симферополя.

– Зачем им Крым понадобился? – спросил маршал.

– Ну, как, – сказал Стас, почувствовав обиду. – Мы с Украины сюда отступили, держали оборону.

– И что? – насмешливо спросил маршал. – Кому мешала ваша группировка?

– Не знаю, – буркнул Стас. – Только они сюда своих барсифов кинули, значит чем-то мы им мешали!

Тут поспешно вошел полковник Антипов.

– Товарищ маршал, разрешите доложить. В вверенном подразделении осталось до трех сотен бойцов, батарея минометов, пара танков и установка «Ураган», только без ракет к ней. Связи нет. Ведем оборону.

– Обнадеживающий доклад, – проговорил маршал. – Кто-нибудь из моего сопровождения уцелел?

– Никак нет, товарищ маршал!

– Совсем плохо, – проговорил маршал.

– Какие будут приказания?

Маршал вздохнул, и скривился от боли.

– Какие уж тут приказания, – сказал он. – Держитесь, пока можете.

В палату вошел капитан Хаустов.

– Как состояние больного? – спросил он у Стаса.

– Пришел в сознание, – сказал Стас.

– Вы меня спрашивайте, доктор, – сказал маршал насмешливо. – Хотя что я вам могу сказать? Лучше вы мне скажите, сколько мне осталось?

– Товарищ маршал, – качнул головой капитан Хаустов. – Мы все сейчас в такой ситуации, что не до церемоний. Вы в плохом состоянии, но у меня таких, как вы, большинство. А есть еще и хуже.

– Я спросил, сколько мне осталось? – спросил маршал холодно.

– Если мы не найдем нужных лекарств, то дня три – не больше.

– Спасибо, – сказал маршал.

– Вам бы надо провести операцию, – сказал Хаустов. – У вас ребро проткнуло легкие, там кровотечение. Ребро мы убрали, но кровотечение остановить не смогли. Надо оперировать.

– А если без операции?

– Без операции вы до вечера не дотяните, – сказал раздраженно Хаустов.

– Значит так тому и быть, – решил маршал.

– Чему быть? – не понял Хаустов.

Маршал промолчал.

– Мне нужен человек со знаниями по компьютерной технике, – сказал он.

– Зачем? – спросил Хаустов.

– Полковник, распорядитесь найти, – сказал маршал. – Это важно.

– Есть, – сказал Антипов и быстро вышел.

– И вы, доктор, – добавил маршал, – оставайтесь рядом. Мне жизненно важно остаться в сознании до того, как я все сделаю.

– Но, товарищ маршал, у меня раненые!

– Это займет не более получаса, – сказал маршал.

Хаустов сдержал порыв протеста.

– Давайте, я вам укол сделаю, что ли. Бельский, адреналин у вас остался?

– Так точно, – отозвался Стас.

Пока Хаустов делал маршалу укол, чтобы тот не потерял сознание раньше времени, появился Антипов и привел с собой инженера связи, лейтенанта Штерна. Тот был ранен в плечо, и рука у него висела на подвязке.

– Представьтесь, – потребовал маршал.

Тот вытянулся в струнку.

– Лейтенант Штерн, инженер по радиоэлектронной борьбе.

– Тогда вот что, лейтенант, – тихо произнес маршал. – Возьмите у меня из нагрудного кармана флешку.

Штерн испуганно посмотрел на полковника, но тот только подтолкнул его к действию. Штерн склонился над маршалом, нашел у него в кармане флешку.

– Нашел, товарищ маршал, – сказал Штерн.

– Теперь вот что, – продолжал давать указания маршал. – У меня за ухом есть гнездо для входа. Вставьте туда эту флешку.

– За ухом? – испуганно переспросил Штерн.

– Да, да, у меня внутри отдельный компьютер. Если, конечно, его не прокололо какое-нибудь ребро.

– Но мы не нашли ничего такого, – возразил Хаустов.

– Еще бы вы его нашли, – фыркнул маршал. – Его туда не для того помещали, чтобы его могли найти. Вставляйте, лейтенант!

Штерн осторожно повернул голову маршала.

– Есть, – сказал он удовлетворенно. – Нашел!

– Зачем все это? – хмуро спросил Хаустов.

– Господа офицеры, – произнес маршал. – Я являюсь носителем очень важной информации. Сейчас я буду вынужден передать ее вам, но с одним условием.

– С каким условием? – не понял Хаустов.

Маршал перевел дыхание.

– Это будет кодированный сигнал, – сказал он. – Его содержание останется вам неизвестно. Он откроется только после того, как вы услышите пароль.

– А как мы узнаем, что это пароль? – спросил Хаустов.

– Вы узнаете, – сказал маршал. – А теперь прошу вас, полковник, дать мне вашу руку. Смотрите мне в глаза.

Полковник наклонился над маршалом, взяв его за руку, и вдруг вскрикнул, вырвав свою ладонь из его руки.

– Что это было?

– Сигнал, – сказал маршал. – Доктор, теперь вы!

Хаустов не стал спорить, и пережил то же самое явление, когда через руку ему последовал короткий электросигнал. Третьим был Штерн.

– Не пробуйте его расшифровать, лейтенант, – сказал ему маршал. – Это может быть опасно.

– Я понимаю, – сказал тот.

Когда сигнал коснулся его, лейтенант испуганно вскрикнул.

– Теперь санитар, – потребовал маршал.

– Но я всего лишь санитар, – напомнил Стас. – Неужели вы доверите мне вашу стратегическую информацию?

– Выбирать не приходится, – сказал маршал.

Стал тоже взял его за руку, и посмотрел ему в глаза. Он успел заметить, что глаза маршала отражали последние мгновения его жизни. Но электрический укол в руку заставил его забыть о своих впечатлениях.

Маршал расслабился.

– Это все, – сказал он. – Вы все носители великой тайны, имейте в виду. Очень многие захотят ею овладеть. Постарайтесь уцелеть до того момента, как у вас ее попросят.

– Я не уверен, что мы сможем уцелеть, – сказал Хаустов.

– Да, обстановка тяжелая, – подтвердил Антипов.

– Ничего, – сказал маршал. – Главное сделано. Теперь, доктор, может начинать вашу операцию.

Маршал Гремин умер во время операции, потому что встроенный в его голове микрокомпьютер вдруг взорвался, сразу оборвав его жизнь. Взрыв был микроскопический, но этого было достаточно. Антипов собирался устроить маршалу торжественные похороны, но боевая обстановка не позволила. Когда в госпиталь ворвались атакующие барсифы, отбиваться от них пришлось всем, и врачам, и санитарам, и раненым.

А еще через день американские морпехи из Турции сняли их с берега, количеством в восемьдесят шесть человек, и среди них не оказалось ни одного, кто не требовал бы медицинского ухода.

20

Генерал Юзеф Микульчик принадлежал к новому поколению генералитета, был молод и энергичен. Войны застать ему не случилось, но он проявил немало рвения в мирное время, и таким образом заслуженно получил звание генерала, выявляя и отыскивая врагов нового времени среди трущоб общества. Он служил в Центральном Управлении Безопасности, которое располагалось в австралийском городе Брисбен, чудом сохранившемся после ужасов войны, и потому оказавшийся административной столицей всего мира.

Сохранение города при всех его плюсах, однако имело и обратную сторону. Если весь мир пришлось поднимать из развалин, восстанавливать и доводить до высокого уровня проживания, то Брисбен практически не был подвержен изменениям и продолжал жить на том же уровне бытового развития, что и до войны. При этом население города уменьшилось более, чем в половину, так что на готовое жилье съехались иммигранты не только из Австралии. Когда жизнь здесь наладилась по всем основным направлениям, то город стал самым крупным образованием на планете. Впрочем, правительственные учреждения вынесли на остров Мортон, где прежде был национальный парк, и тамошний уровень проживания уже был значительно модернизирован.

Генерал Микульчик жил на острове Мортон, и работал в ЦУБе, возглавляя там отдел борьбы с экстремистами. Вернувшись из командировки в Южную Америку, где ему пришлось возглавить операцию по ликвидации индейской банды экстремистов, он первым делом нанес визит Анджелине Готторп, почтенной даме, чье участие в политической жизни планеты было известно только самым посвященным лицам. Здесь был секрет молодого генерала, он начинал с того, что оказался любовником почтенной дамы в тот момент, когда она уже отчаялась найти любовь. Ей было уже за семьдесят, но она поражала всех стройностью и аристократичностью манер.

– Ах, Юзик, мой милый, – она чмокнула генерала в лоб, когда он наклонился, чтобы поцеловать ей руку. – Ну что, развлекся?

– Это было забавно, – отвечал генерал. – Представь, дорогая, они стреляли в нас отравленными стрелами.

– Какой кошмар! – сказала Анджелина. – Что их может привлекать в этой дикости?

– Детское упрямство, – отвечал генерал. – Но они восхитили меня, когда несколько оставшихся в живых экстремиста просто покончили собой, не желая сдаваться.

– Не очень понимаю, чем тут можно восхищаться, – пробурчала Анджелина. – Но оставим это. Ты что-нибудь знаешь про маршала Гремина?

Юзеф склонил голову. Он знал, что когда он склоняет голову, это нравится Анджелине.

– Кто это?

– Маршал Гремин был в руководстве Штаба Объединенного командования, – напомнила Анджелина. – Он погиб незадолго до окончания войны.

– Ничего не знаю, – покачал головой Юзеф. – Почему ты о нем вспомнила?

Анджелина мудро улыбнулась.

– Как ты понимаешь, у меня есть на это основания. Хитрый кот Десконье почему-то ткнул пальцем в это старое дело.

– Генерал Десконье? – насторожился Юзеф. – Что он задумал?

– Это то, что мне надо знать, – сказала Анджелина.

– Может ты меня введешь в курс дела? – спросил Юзеф, укладываясь так, чтобы положить голову ей на колени.

Анджелина стала гладить его голову, явно наслаждаясь этим.

– Ты такой милый, – проворковала она. – Имей в виду, Анри Десконье ничего не делает зря. Если он поднял шум в этом вопросе, значит у него там есть своя выгода.

– Я слушаю, – сказал Юзеф.

– Я не очень понимаю, из-за чего весь сыр-бор, но как мне известно, речь идет о каких-то рептилидных тайнах, которые стали известны маршалу.

Юзеф поднялся.

– Не понимаю, – сказал он. – Как маршалу из объединенного командования стали известны тайны рептилидов? Разве он не воевал с нами?

Анджелина мягко улыбнулась и коснулась рукой его плеча.

– Ты еще маленький и многого не знаешь, – сказала она. – Ничего, в свое время ты во всем разберешься. Ты со своим молодым азартом в разы энергичнее этих старых пауков.

– Спасибо, дорогая, – улыбнулся в ответ Юзеф. – Что я должен делать?

Анджелина сосредоточилась, чуть нахмурила брови и поджала губы.

– Как ты понимаешь, мы работаем на Оливарро. Но наши противники тоже утверждают, что они действуют в интересах Председателя. Чтобы победить их, мы должны их разоблачить.

– Разоблачить, это мне всегда нравилось, – рассмеялся Юзеф.

– Помолчи, негодник, – чуть усмехнулась Анджелина. – Скажи лучше, что за отношения у тебя с переводчицей из штаба, этой шлюхой Гретой Нойбах?

– Какие отношения у меня со шлюхой? – переспросил весело Юзеф. – Что тебе сказать, дорогая?… Эротические, конечно!

– Она шпионит на Рэнди, – предупредила Анджелина.

– Так мы работаем против Рандрапушту? – спросил Юзеф с интересом. – В каком-то смысле, он мой начальник.

– Не сомневайся, они уже все знают про то, что ты работаешь на меня, – сказала Анджелина. – И Рэнди, это один из игроков противоборствующей команды.

– Когда мы валили Десконье, мы были вместе!

– Это правила игры, – усмехнулась Анджелина. – Времена изменились, и теперь мы валим Рэнди, значит попробуем найти контакт с Десконье.

Юзеф вскочил.

– Контакт с Десконье? – возмущенно воскликнул он. – После всего того…

Анджелина посмотрела на него строго, и он осекся.

– Конечно, мамочка, – он снова присел рядом с нею. – Не знаю, как он на это пойдет, но если ты говоришь, то так и будет.

– Он пойдет, – кивнула Анджелина. – Он остался без союзников, ему некуда деваться.

– Зачем вообще он начал это дело? – спросил Юзеф.

– Это опять тот вопрос, на который должен ответить ты, – сказала Анджелина. – И в этом есть какой-то смысл, потому что стоило ему взмутить воду в этой дыре, и сразу все мы стали посматривать друг на друга с подозрением.

– А что говорит по этому поводу Оливарро?

Анджелина нервно пожевала губами.

– Он считает дело исчерпанным, и не видит необходимости отвлекаться от своих любимых медитаций.

– Сидит на вершине мира, и смотрит в пустоту? – усмехнулся Юзеф.

– Он имеет на это право, – жестко заметила Анджелина.

Юзеф покорно кивнул.

– Я полагаю, на ближайшей встрече будет большой скандал, – сказала Анджелина.

– Так это все интриги к вашей встрече?

Анджелина вздохнула.

– Дело в том, что этим вопросом заинтересовались крокодилы.

Юзеф насторожился.

– Разве их это касается?

– В первую очередь, мой мальчик, – криво усмехнулась Анджелина.

Юзеф присвистнул.

– Так это получается большая игра мамочка!

– Именно об этом я тебе и говорю, – фыркнула Анджелина. – Это действительно большая игра! Десконье ткнул пальцем в ту дыру, и все сразу зашевелились. Меня раздражает, когда я теряю ориентиры, понимаешь?

– Я все понимаю, мамочка, – поспешил уверить ее Юзеф. – Значит, мы играем против Рэнди, так?

– Не только, – буркнула она не довольно. – Муслим запустил туда своих жуков.

– Муслим? – переспросил удивленно Юзеф. – Разве он уже входит в ваш клуб?

– Он является правой рукой Дженниса, – сказала Анджелина.

– Почему ты мне об этом не говорила? – спросил Юзеф с укором. – Мы с Муслимом по вторникам играем в теннис. Я считал его своим приятелем.

– Так и нужно, – кивнула Анджелина. – Дженниса я тоже всегда считала своим приятелем, пока не узнала… Впрочем, неважно. Так вот, люди Муслима уже действуют.

Юзеф опять поднялся, чтобы пройтись по комнате.

– Я не понял, речь идет о каком-то конкретном месте?

– И о конкретном человеке, – кивнула Анджелина. – Какой-то военный преступник, который только что вышел из лагеря. Именно на него указал Десконье, как на потенциального возмутителя спокойствия, а уже потом подключились остальные.

– Остальные, это Рэнди и Дженнис?

– И крокодилы, – добавила Анджелина.

Юзеф скрестил руки на груди.

– Кто из крокодилов?

– Я знаю точно, что там работает Цингали, – сказала Анджелина. – Этого достаточно?

– О! – сказал Юзеф. – Более чем!

Он сел в кресло напротив.

– Расскажи мне про этого профессора, – попросил он. – Что ты о нем знаешь?

– Хочешь знать, чем оно питается? – усмехнулась Анджелина.

– Что он здесь делает? – спросил Юзеф. – Он ведь умный мужик, если бы он вернулся в свое Болото, он бы легко стал был их лидером, или как там у них называется?

– Предвестником, – подсказала Анджелина.

– А он сидит на Земле и вьет какие-то непонятные интриги!

Анджелина кивнула.

– И это значит, – сказала она, – что на Земле остается нечто важное, что его здесь держит.

– Что мы об этом знаем?

– Ничего!

Юзеф покачал головой.

– Я чувствую здесь какие-то тайны, уходящие в прежние времена, – сказал он.

– Я тоже это чувствую, – улыбнулась Анджелина. – И что?

– Ты крутилась в то время в самых верхах! – напомнил Юзеф раздраженно. – И ты не знаешь, в чем дело?

– Не знаю, – дернула плечом Анджелина. – Я решала другие проблемы.

Юзеф вскинул руки.

– Конечно, – воскликнул он иронично. – Ты трахалась со всем составом Штаба!

Анджелина рассмеялась.

– Ты ревнуешь? Не поздно ли?

Юзеф стал на колено и поцеловал ей руку.

– Прости, – сказал он. – Да, я тебя ревную. И, я должен признаться, я побаиваюсь этого Цингали.

– Его все боятся, – сказала Анджелина. – Особенно, накануне встречи.

– Значит нам надо как-то прояснить его интересы в деле, – рассудил Юзеф, – и действовать соответственно. Чтобы он почувствовал в нас своего союзника.

Анджелина рассмеялась дребезжащим смехом.

– Не будь наивным, мальчик, – сказала она. – Он никогда не почувствует себя нашим союзником. Он нас ненавидит, разве что только жаренных да под соответствующим соусом.

– Мы будем бороться с Цингали? – с сомнением спросил Юзеф.

– Мы будем работать в своей сфере, – сказала Анджелина. – Но Цингали всегда будет в курсе. И это надо учесть.

21

Воспоминания о минувшем испортили сон Стаса, так что он долго не мог заснуть, снова и снова вспоминая тот странный случай. Закрутившись в суете последних дней войны, он скоро забыл о наследстве маршала, и вспомнил только, когда оказался в лагере. Ему собственно напомнили, потому что каким-то образом вся эта история всплыла, и контрразведчики в лагере долго допытывались у него о сути «тайны маршала». Судя по всему, они и сами не понимали, о чем идет речь, но в конце концов Стаса оставили в живых, что могло означать лишь то, что от него ждали чего-то еще. Он и сам долгое время ждал, что пароль прозвучит, и заложенная информация вскроется, но после трех-четырех лет напряженного ожидания он устал, и вскоре сумел убедить себя, что «тайна маршала» уже никому не нужна, потому что относилась ко временам боевых действий. Так он успокоился, и совсем уже забыл про давние обстоятельства, пока внезапно появившийся Неделин не напомнил ему о них.

Так что в храм он пришел хотя и рано, но в тяжелом состоянии. Отец Глеб заговорил с ним о переменах в церкви, которым следовало соответствовать, и обязал Стаса строго соблюдать нормы нового устава. Он явно хотел сказать что-то еще, но так и не решился, а сам Стас постарался поскорее его оставить, потому что не был способен на мозговую деятельность после трех часов беспокойного сна.

В ходе литургии больших изменений не было, разве что пение стало ритмичнее и короче, да вместо проповеди на большом экране возникала видеозапись выступления епархиального владыки, епископа Иннокентия, который сладким голосом рассказывал об известных евангельских событиях в применении к действительности. Народу в воскресный день собралось довольно много, больше сотни, и из них почти половина принимали причастие, хотя вечером на исповеди Стас заметил только нескольких человек.

– Причащают без исповеди? – спросил он соседа по клиросу.

– Исповедь проводится два раза в год, – сказал тот кривясь. – Если только какие-то особые грехи, то батюшка исповедует. А так, надо только постоять вместе со всеми, и подойти под разрешительную молитву. Благодать!

Стас посмотрел на него внимательно. Этот немолодой человек был определенно настроен против новшеств в храме, но надо было еще понять, действительно ли он был настроен оппозиционно, или просто провоцировал Стаса.

– Меня Петром зовут, – представился он. – А вы – Станислав Бельский, да? Про вас в городских новостях что-то говорили.

– Когда? – удивился Стас.

– Вчера, по городской сети, – сказал Петр. – Что-то про то, как вы один из последних участников войны. Это правда, что вы раскаялись?

– Правда, – ответил Стас. – Молитвы ко причащению у вас читаются?

Тот покачал головой.

В ходе литургии помимо звучания русского языка ничто более Стаса уже не раздражало, и он нашел в течении службы молитвенное удовлетворение. Это была первая литургия, которую он посетил после выхода из лагеря, и потому он непременно желал причаститься. Все прошло удачно, хотя некоторое внутреннее сопротивление против послабления устава он испытывал.

После службы предполагалась общая трапеза, но здесь Стас увидел в храме Диану, которая слала ему призывные знаки, и отошел к ней.

– Привет, – сказала Диана радостно улыбаясь. – Вот, я тоже была на службе!

– Ты хоть крещеная? – спросил Стас снисходительно.

– Конечно! Агата тебе не рассказывала?

Стас осенил себя крестным знамением и вывел Диану из храма.

– Что-то рассказывала, – вспомнил он. – Ты не хочешь приобщиться к общей трапезе?

– Не хочу, – сказала Диана. – Если ты голодный, могу угостить тебя в итальянском ресторане.

Стас не стал отказываться. Они сели в машину, и Диана тронула с места.

– Так что ты думаешь про вашего многострадального владыку Вонифатия? – спросил Стас, вспомнив вчерашнюю историю.

Диана бросила на него быстрый взгляд и стала сопеть.

– Это очень умный, тактичный и современный человек, – сказала она.

– Ты считаешь, что он не виноват?

– Не виноват, – с вызовом отвечала Диана.

– Я тоже так считаю, – вздохнул Стас.

– Правда! – от восторга она едва не свернула на тротуар. – Это здорово! А почему ты так считаешь?

– Потому что подстава слишком очевидная, – отвечал Стас.

– Да? – произнесла Диана. – Но на суде он даже не защищался!..

– Конечно, – кивнул Стас. – Не судите, и не судимы будете. Что он мог доказать в суде? Христианину правильнее пострадать несправедливо, чем что-то доказывать.

Диана счастливо всхлипнула.

– До сих пор я была единственная, кто ему верил, – сказала она. – Я даже шлю ему передачи в лагерь. Ему дали три года, осталось сидеть еще около года.

Они остановились перекусить в итальянском ресторане, что было довольно дорого, так что народу там было совсем немного. За завтраком говорили о пустяках, но Диана все же нашла возможность напомнить:

– Витас Глемба все еще ждет твоего визита.

Стас покачал головой.

– У меня нет интереса к твоему приятелю, – сказал он. – Прости.

– Не понимаю твоего упорства, – сказала Диана, дернув плечом. – Он же не требует от тебя никаких обязательств, хочет только поговорить.

– Нет, нет, – сказал Стас. – Я вне игры, милая. Ты прекрасно понимаешь, что твой Витас хочет меня использовать, и мне это никак не может нравиться.

Диана подняла руки, демонстрируя капитуляцию.

– Ладно, ладно, твоя взяла, – сказала она благодушно. – Но могу я тебя пригласить на театральный спектакль? Мне будет лестно показаться в твоем обществе. Все будут коситься и спрашивать друг друга, кто это такой?

– Ты меня пугаешь, – сказал Стас. – Мне такое и в кошмаре присниться не может.

– Ты не любишь театр?

– Я не большой специалист в театральных делах, – признался Стас. – В лагере у нас был самодеятельный театр, так это была сплошная порнография.

– Наш современный театр тоже недалеко ушел, – призналась Диана. – Но мне очень хочется показать тебя публике. Ты такой другой…

– Дай мне освоиться, – улыбнулся Стас. – Наверняка, со временем я осмелюсь выйти на общество, но не сейчас. Сейчас я даже в храме чувствую себя неуверенно.

В этот день Диана отправилась со Стасом к Агате, чтобы потом вместе выбраться на природу. У Агаты был соответствующий автомобиль-внедорожник, и выезды на дикую природу были их традицией. Стас, конечно же, присоединился к ним, и они отправились в глубину леса, чтобы выехать к лесному озеру. Ванда прихватила с собой арбалет, и намеревалась выйти на охоту, но по приезду просто забыла о нем. Машину вела Агата, маршрут обозначался на экране

навигатора, и погода была прекрасная. Осень только начиналась, и все вокруг еще сохраняло основные летние позиции. Это были южные области России.

На поляне на берегу лесного озера они расположились, и сразу принялись купаться. Как понял Стас, это место они облюбовали уже давно, так что Ванда сразу же потащила его с собой на остров посреди озера, где у нее было заготовлено убежище на дереве. Стас помог ей укрепить убежище, и она стала мечтать о том, как на этом остров будет располагаться партизанский отряд, совершающий смелые диверсии против крокодилов. Стас не стал ее разуверять в ее предположениях, но бродя по острову обнаружил там следы прежних обитателей. В кустах были найдены останки деревянной лодки и пластиковая сумка с прогнившими продуктами.

– Представь себе только, – стала размышлять Ванда. – Кто-то приготовил лодку, запас жратву, и все бросил. Что могло его заставить?

– Война началась, – сказал Стас со вздохом.

Ванда присела на траву, вытянув ноги.

– А расскажи, как было до войны? – спросила она.

Стас присел рядом.

– Я уже и не вспомню, – сказал он. – Жили люди, воспитывали детей сами, работали… Представь, в вашей школе десять классов всех возрастов от семи лет!

– Ужас, – сказала Ванда.

– А мне нравится. В существовании детей звучит надежда на будущее.

– Дети никуда не делись, – напомнила Ванда. – Просто они собраны в центры, где их дрессируют. Мы ходили в наш центр на экскурсию, смотрели, чем они занимаются, общались с ними. Вроде, такие же, как мы.

Стас не стал эту тему развивать.

Они вернулись на берег, и стали готовить еду. Поскольку никто из них приготовлением еды почти никогда не занимался, это стало предметом острых споров и разногласий, что и заняло их. Стас в конце концов взял все под свое руководство, и им удалось разжечь костер и сварить в котелке предварительно закупленную рыбу. Приправы тоже были заготовлены согласно существующим рецептам, так что потом они нахваливали свое произведение, хотя назвать это вершиной кулинарии было бы слишком смело.

Вернулись только вечером, сначала завезли Диану, а потом отправились домой. К их изумлению, вокруг их дома собрались полицейские машины, горел свет и творилась какая-то возня. Агата бросилась туда в тревоге.

– Офицер, скажите, что происходит? – кинулась она к первому попавшему человеку в форме.

– Вы кто? – спросил тот.

– Я хозяйка этого дома, – отвечала Агата. – Что здесь случилось?

– Простите, – тот с испугу даже отдал честь. – Попытка ограбления. Поскольку ваш дом находится под особым контролем, мы выехали по тревоге. Преступник задержан, прошу вас, пройдемте к нашему лейтенанту.

– Мама, прикинь, нас ограбили! – восторженно возопила Ванда.

Они прошли в дом, где лейтенант полиции в окружении своих сотрудников в гостиной допрашивал задержанного. Полицейские осматривались вокруг с изумлением, им редко случалось попадать в такие шикарные апартаменты.

А задержанным оказался уже знакомый Стасу Неделин, он сидел за столом в наручниках и отвечал лейтенанту с вызовом:

– Посмотрите сами вокруг, лейтенант! Это же шикарная хата, сам Бог велел ее грабануть.

– Придурок, – насмешливо отвечал полицейский. – Такие хаты охраняются круче банка!

Агата пробралась сквозь окружающих полицейских.

– Я хозяйка этого дома, – заявила она. – Скажите мне, что тут произошло?

– Вы его знаете? – спросил лейтенант.

– Нет, разумеется, – фыркнула Агата. – Это грабитель?

– Да. По нашим данным, человек без профессии, бездельник. Посмотрите, не взял ли он у вас что?

Агата пожала плечами.

– Да у меня и нет ничего такого.

– Ага, конечно, – хмыкнул кто-то из полицейских. – Тут один телек стоит больше, чем мой дом!..

– Я его знаю! – выпалила Ванда.

– Это ваша дочь? – спросил лейтенант. – Вы позволите ее допросить?

– Что значит, допросить? – немедленно воспротивилась Агата.

– Допрашивайте, допрашивайте, – заявила Ванда, присаживаясь рядом с Неделиным. – Это Андрей Петрович, он у нас в школе преподавал физику. Зануда еще тот!..

Лейтенант недоуменно посмотрел на своего помощника.

– Что значит, преподавал физику? Он что – учитель?

– Я же говорю, – подтвердила Ванда. – Срезал меня на экзамене!..

– Ничего не понимаю, – сказал лейтенант. – Но у нас он проходит, как бездельник, зарабатывает случайными связями. Вы проверили его по всем параметрам?

– Только по отпечаткам, – признался виновато помощник. – Вернемся в участок, прокачаем его по всем данным.

– А вы его никогда не видели? – спросил лейтенант у Агаты.

– Нет, – та покачала головой. – Я редко бываю в школе.

– А вы? – посмотрел лейтенант на Стаса. – Вы родственник?

– Я брат хозяйки, – кивнул Стас. – Но я появился здесь недавно, так что не могу знать учителей Ванды.

Неделин при этом глянул на Стаса насмешливо.

– Ладно, – лейтенант поднялся. – Мы его забираем. Простите, вы не могли бы приехать к нам в участок с вашей дочкой скажем завтра. Я бы за вами прислал машину…

– Не надо нам вашей машины, – нервно сказала Агата. – Еще не хватало, в участок! Вы не понимаете, как это может травмировать ребенка? Обратитесь в администрацию школы, вам подтвердят ее слова.

– Конечно, конечно, – немедленно согласился лейтенант. – Мы уходим.

Полицейские пошли к выходу, продолжая обсуждать достоинства дома, и вскоре все затихло. Агата обескуражено села к столу в гостиной.

– Что это значит? – спросила она жалобно. – Зачем этому идиоту понадобилось лезть в наш дом?

– Успокойся, – сказал ей Стас. – У этого идиота наверняка были свои резоны, и полицейские разберутся во всем. Ванда, ты не ошиблась? Это действительно ваш преподаватель физики?

– Точно, – отозвалась Ванда, уже поднимаясь по витой лестнице на второй этаж. – Я ему этих экзаменов ни за что не прощу.

– Это было несправедливо? – спросил Стас.

Ванда остановилась на лестнице.

– Это была подстава! – отвечала она. – Он задал мне вопросы не по теме! Он специально меня завалил!

– Ты должна была пожаловаться директору, – сказала Агата.

– А чего толку, он же уволился!

– Когда это было?

– В начале лета, – сказала Ванда. – Прямо перед каникулами.

Стас потер переносицу.

– Иди сюда, – позвал он ее.

Удивленная Ванда вернулась.

– Он работал у вас весь год?

– Полгода, – сказала Ванда. – Поначалу мы от него в восторге были, такой классный мужик!

– У тебя с ним не было никаких конфликтов, помимо экзамена?

– Наоборот, – выпалила Ванда. – Мы с ним ладили! Он нас в музей водил, устраивал лекции в планетарии! Я же говорю, мужик был классный, а потом так меня кинул!

– Он к тебе не приставал? – спросил Стас.

Ванда открыла рот, а Агата возмутилась:

– Что значит, приставал! Зачем ему приставать к девочке? Мало что ли возможностей в Доме Любви?

– Нет, ты сейчас спросил, и я вдруг вспомнила, – произнесла задумчиво Ванда. – А ведь он реально ко мне клеился! Я только сейчас поняла!

– Объясни толком, что значит клеился? – строго спросила Агата. – Он делал какие-то намеки?

– Нет, но он явно меня выделял, – сказала Ванда. – Хвалил то и дело, поощрял на лабораторных… Девчонки мне даже завидовали!

Агата повернулась к Стасу.

– И что все это значит?

– Думаю, – сказал Стас, – его отпустят. Ты же не будешь требовать наказания?

Агата растерянно пожала плечами.

– Разумеется, не буду. Но ты должен мне все объяснить!

– Объясню – кивнул Стас. – Когда сам разберусь.

22

В понедельник Стас опять проспал необычно долго, чуть ли не до восьми часов, и поднялся, когда Агата с Вандой уже заканчивали завтрак.

– Какие у тебя планы? – спросила Агата.

Стас пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он. – Я хотел сходить в полицейский участок, чтобы разузнать все про этого учителя физики, но боюсь, что полиция не будет со мной откровенной. Я ведь все еще поражен в правах.

– Я буду в центре, – сказала Агата. – Повидаюсь с Ланго. Может, он сможет помочь?

– Стоит ли вмешивать Ланго в такую ерунду?

– Уверяю тебя, он охотно вмешается. Правда, я не очень понимаю, что он должен сделать? Позвонить в полицию? Извини, но это не его уровень общения.

– Вот именно, – кивнул Стас. – А вмешивать министра внутренних дел рановато. Не стоит беспокоить Ланго, попытаемся своими силами.

Завтракал он уже после того, как Агата увезла Ванду в школу, чтобы потом отправиться на работу в свой центр. Подумав обо всем спокойно, он не нашел лучшего продолжения, чем позвонить Диане. Та в это время еще спала, и была очень недовольна раннему звонку, но быстро взбодрилась, услышав голос Стаса.

– Ты хочешь все-таки встретиться с Витасом? – переспросила она удивленно. – Что изменилось?

– Мне надо кое-что прояснить, – сказал Стас. – И твой парень, наверное, сможет помочь. Только я не хотел бы встречаться в каком-нибудь шумном месте…

– Тогда давай у меня, – предложила Диана. – Я попрошу его подъехать часам к двум, это для тебя не слишком рано?

– Не слишком, – буркнул Стас. – Только ты должна мне подсказать, как к тебе добираться?

– Я заеду за тобой, – рассмеялась Диана. – Только дай мне поспать еще хоть часика два.

Это время Стас посвятил сбору информации через информационные сети. Витаутас Глемба на фото выглядел довольно молодо, но уже пользовался серьезным авторитетом. Его даже прочили в министерство внутренних дел на пост зама, но он ждал более серьезных предложений. Он проживал в Липецке, где были сосредоточены центральные структуры региона, и охотно раздавал интервью прессе. Эксперты уверяли, что его имя украсит список любой партии, но на пост председателя регионального парламента он еще не тянул, а на меньшее не соглашался. Из портретов и интервью вырисовывался довольно бесшабашный плейбой, обуреваемый амбициями.

Попытался Стас навести справки и о Неделине. В школе тот учительствовал под именем Гладышева Андрея Петровича, в число репрессированных по результатам войны не входил, но фамилия Неделин мелькнула в составе послевоенной адаптационной комиссии, кажется он занимался восстановлением Северной Африки. Такие комиссии являлись основой для начала политической жизни в новом мире, но в дальнейшем фамилия Неделин не прослеживалась. Стас достаточно уверенно предполагал, что Неделин является работником секретных служб, причем не в самых низших чинах. В обстановке тотального контроля свободно менять фамилии было сложно, если у вас не было соответствующих полномочий. Этим нелепым ограблением он, наверное, просто торопил Стаса с принятием решения, еще раз предлагая себя в партнеры. Но понять, какие силы представляет Неделин было довольно трудно.

В половине второго Диана вызвала Стаса телефонным звонком, и он вышел к ней на дорогу. Диана была весела и беззаботна.

– Он придет, – сказала она. – Прилетит на правительственной леталке, представляешь! Он такой пижон!

– Он был в числе твоих поклонников? – спросил Стас.

Диана поморщилась.

– Не очень деликатный вопрос, – сказала она.

Стас усмехнулся.

– Но ты на него ответила!

Диана посмотрела на него с лукавой улыбкой.

– Ты хитрый тип, Стас!

Дом Дианы располагался недалеко за чертой города, в ряду самых престижных и богатых. Впрочем, ни один из этих домов не тянул на уровень дома Агаты, где все было устроено действительно на высшем уровне. Здесь же его только пытались достать.

В гостиной был роскошный бар, и Диана первым делом принялась колдовать над коктейлями.

– Ты с ним не слишком церемонься, – говорила она при этом. – Он хоть и хорохорится, но на деле пока слабоват для политика. Так только, поставляет депутатам парламента запретные удовольствия, и прикрывает их, когда они вляпаются. Считается, что он владеет компроматом, но это касается самых мелких кругов регионального парламента.

– Что такое запретные удовольствия? – спросил Стас.

– Наркотики, извращенный секс, – пожала плечами Диана. – Экстрим… Да, да, экстремальные приключения для многих являются запретным плодом.

– Тогда расскажи мне про этого Цингали, который так привлекает его внимание – попросил Стас. – Кто он такой?

Диана подала ему бокал с напитком, и села рядом. Кресла у нее было такого рода, что она скорее улеглась, чем села.

– Я мало что знаю, – сказала она. – Знаю, что Цингали руководит нашим центром, и они проводят какие-то эксперименты, которые запрещены у них на Болоте. У реплитидов на Земле существует свой узкий круг управляющих, так Цингали в него входит. По расе он относится к фенцерам, это руководящий слой из общества.

– И что там за эксперименты? – спросил Стас.

– Я не знаю, – призналась Диана. – Можешь спросить у Витаса, он любит всякие сплетни.

Упомянутый Витас появился спустя несколько минут, посадив свой летательный аппарат прямо на лужайке дома Дианы. Она была в восторге, вышла ему навстречу и встретила его аплодисментами. Стас наблюдал за ними через стекло холла, и видел, как Витас не только поцеловал ее в губы но и шлепнул по заднице, что не вызвало у Дианы возмущения.

Когда они вошли, Стасу пришлось подняться.

– Вот вы какой, – пожал ему руку Витас. – Последний из могикан!

– Я не знаком со статистикой, – заметил Стас. – А что, действительно – последний?

– Есть еще два-три старпера, но они уже путаются в своих воспоминаниях, – махнул рукой Витас. – Но вы, это совсем другое дело! Вы же ко всему еще брат Агаты Маркевич!

– Двоюродный, – заметил Стас. – Но она приняла меня у себя, в своем шикарном доме, напичканном изысканной электроникой.

– Представляю, как вы это восприняли, после лагеря, – кивнул Витас. – Но перейдем к делу. Ди сказала, что вы не сразу пошли на нашу встречу. Почему?

– Сложности адаптации, – сказал Стас. – Лагерь сделал меня интровертом, и я с трудом воспринимаю новых людей.

– Пятнадцать лет, это круто, – кивнул Витас. – К тому же, как я знаю, все эти пятнадцать лет вас непрерывно допрашивали. О чем?

Стас улыбнулся, отпив глоток коктейля.

– Если вы знаете о допросах, то наверняка знаете, о чем меня спрашивали.

– Имей в виду, он не простой, – сказал Диана Витасу. – Ты серьезно ошибешься, если будешь считать его за простака.

– Я вижу, – кивнул Витас насмешливо. – Кстати, а на чем вы сошлись с Ди? Я представить не мог, что ее может заинтересовать такая фигура.

– Но ведь вас я заинтересовал, – отвечал Стас благодушно.

Витас насупился.

– Да, заинтересовали, – сказал он. – Но почему вы все же согласились на встречу?

Стас выдержал паузу.

– Нас вчера ограбили, – сказал он. – Точнее, попытались ограбить.

– Да что ты?! – ахнула Диана. – Кто?

– Это и составляет мой вопрос, – сказал Стас. – Его конечно же сразу поймали. Ванда говорит, что он некоторое время работал у них в школе учителем. А потом вдруг полез грабить… Причем такой дом, который охраняется пуще банка!

– Да, это глупо, – кивнул Витас.

– То есть в этом чувствуется чье-то настойчивое руководство, – сказал Стас.

– В продолжение допросов? – усмехнулся Витас.

– Не исключено, – сказал Стас. – Но может быть и нет. Вас же мало интересует вся эта история, о которой меня расспрашивали все это время.

– А что это за история? – спросила Диана.

– Что-то, связанное с войной, – сказал Витас. – Нет, меня она не интересует. Но меня очень интересует заинтересованность в вас рептилидов.

– Заинтересованность? – переспросил Стас озадаченно.

– Вы же не думаете, что это приглашение родилось у Агаты случайно? – усмехнулся Витас. – Они давно уже собирают вокруг вас свои интересы. И я должен знать, что это за интересы.

– Я бы и сам хотел бы узнать, – сказал Стас.

– Мы вышли на вас через наблюдение за рептилидами, – сказал Витас наклонившись вперед. – Именно они проявили так много заботы о вашем будущем. И речь идет вовсе не о любопытстве Ланго, как вы понимаете.

– Вы меня просто интригуете, – сказал Стас. – Ведь трудно представить, что рептилидов интересуют тайны давно ушедшей войны. Если у вас есть какие-то предположения, я бы их охотно выслушал.

Он вздохнул.

– Да, у меня есть предположения, – сказал он. – Мне известно, что ваше имя произносилась даже на Колониальном совете рептилидов. Учитывая своеобразие их работы с кадрами, я не могу исключить, что они подыскивают для вас теплое местечко. И я должен знать, чего они этим хотят добиться?

– Чем я могу вам помочь? – спросил Стас.

– Мне бы очень хотелось иметь запись ваших бесед с Ланго, – сказал Витас. – Но учитывая трудность такой записи, я бы мог ограничиться устным изложением. Было бы прекрасно если бы вы излагали это Ди после каждой встречи.

Стас поставил бокал на столик.

– Не могу сказать, что роль информатора мне сильно нравится, – сказал он.

– Эта роль не требует от вас высоких моральных нагрузок, – насмешливо заметил Витас. – Зато мы будем вам хорошо платить. Вы же понимаете, мы должны контролировать все инициативы реплитидов, а чтобы сделать это мы собираем информацию из всех возможных источников. При этом вы никому ничего не обещаете, не совершаете никаких измен и обманов. Вы

просто рассказываете Ди, о чем вы беседовали. Ну, возможно, мы попросим вас задать вашему собеседнику несколько нужных вопросов.

– Вы меня вербуете, – отметил Стас.

– Это не называется так грубо, – отвечал тот весело.

– Но объясните мне, почему я должен это делать? – спросил Стас. – Деньги меня мало интересуют, тогда почему?

– Потому что мы пытаемся выстроить независимую политику, – сказал Витас. – И для вас, как ветерана войны, это должно было бы стать главной причиной.

– Тогда скажите прямо, на кого вы работаете? – спросил Стас.

Витас мрачно усмехнулся.

– Вам нужны имена, явки, пароли?…

– Мне нужно прояснить основные цели и перспективы вашего движения, – отвечал Стас. – Если вы следите за рептилидами, то наверняка представляете серьезные силы. Но я должен знать, что это за силы? Я не хочу быть игрушкой в чужих руках, вы понимаете?

– Понимаю, – вздохнул Витас. – Правда, я не уверен, что вы знаете кого-нибудь из современных политиков. Да, это широкое политическое движение, и нашей целью является выход на равноправные отношения с рептилидами. Нам надоело угодничать и пресмыкаться, надеюсь это понятно?

– И кто все это финансирует? – спросил Стас.

Витас фыркнул.

– Ну, уж этого вы от меня не дождетесь, – сказал он. – Впрочем, я могу признаться, что я и сам всего не знаю. Просто возможности этих людей поражают воображение.

Стас откинулся на спину кресла и улыбнулся.

– Вот видите, – сказал он. – У нас все же есть взаимные интересы.

– Выпьем за это, – предложила Диана, и стала разливать бутылку дорогого коллекционного вина, которую привез с собой Витас.

23

Когда Стас в лагере размышлял о воле, то ему все это представлялось каким-то нескончаемым богослужением, радостным и праздничным, вроде Пасхи. Теперь, когда ожидание осело, когда реальность смешала все планы, а церковная жизнь оказалась на уровне едва теплящейся лампады, появилась необходимость как-то осознать себя в этой жизни и найти в ней свое место. Совершенно непонятные страсти, закипевшие вокруг него, его не просто пугали – вгоняли в депрессию, как он ни пытался бодриться. Ему надо было поскорее покинуть гостеприимный дом Агаты, найти тихое место и успокоиться. Пока его больше всего смущало отсутствие содержательной работы, ведь служба в храме случалась всего лишь два дня в неделю, и не могла обеспечить его достаточным заработком. А зарабатывать деньги в Доме Любви, как это делали большинство мужчин, он не мог в принципе.

Ванда в этот день приехала на школьном автобусе, сердитая и взъерошенная.

– Что случилось? – спросила она. – Почему мама включила конспирологию?

– Понятия не имею, о чем ты говоришь, – сказал Стас, который все это время листал страницы церковной жизни.

– Она не заехала за мной в школу! – воскликнула Ванда. – Позвонила мне, и велела добираться своим ходом.

– И что тут такого необычного?

– Потому что такого обычно не бывает, – заявила Ванда. – У нас традиция! Она не заезжает за мной только, когда это делает Диана.

Стас развел руками.

– Она мне ничего не сообщала.

– А мне сказала, что задерживается по важному делу, – сказала Ванда.

– Не исключено, – пожал плечами Стас.

Он прошел в свою комнату, но Ванда пошла за ним.

– Ты был в полиции?

– Нет, но я предпринял некоторые шаги.

– А ты знаешь, что никаких следов нашего физика в документах школы не осталось?

Стас остановился и повернулся к ней.

– В каком смысле?

– В прямом! Я специально ходила в учительскую, чтобы поднять этот вопрос. Все его помнят, наша англичанка даже спала с ним, но по документам его как бы не было!

– Это невозможно!

– Я тоже так говорю, – сказала Ванда. – Директор сказал, что там был какой-то глюк в локальной сети, и полетело несколько блоков информации. Странно, что полетел именно тот блок, где были документы физика!

– Да, это странно, – согласился Стас. – Но ты понимаешь, что это может значить?

– Что? – у Ванды раскрылись глаза.

– Какая-то серьезная контора роет под вашу семью, – сказал Стас.

– Ух ты? Это из-за маминой работы, да?

– Скорее всего, – кивнул Стас. – Так что будь осторожнее.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах! – раздраженно воскликнул Стас. – Могу я связаться с Агатой?

Ванда сунула руку в карман и достала свой телефон.

– Вообще-то она запрещает мне звонить ей в рабочее время, но ведь рабочее время уже закончилось, да?

– Звони, – сказал Стас решительно.

Ванда набрала номер и стала слушать гудки.

– Она мне никогда не отвечает, если я звоню на работу, – пожаловалась она.

Стас терпеливо ждал. Ванда уже отчаялась слушать в трубке гудки, как вдруг ее глаза засветились.

– Мама! Извини, это Стас велел мне позвонить тебе… Да, конечно…

Она передала трубку Стасу, добавив:

– Кажется она не в духе.

Стас взял трубку.

– Привет, Агата, – сказал он. – Что-то случилось?

– Почему ты спрашиваешь? – нервно спросила Агата.

– Потому что тебе удалось заставить психовать Ванду, – сказал Стас и подмигнул Ванде. – Так что там у вас?

Он услышал, как она дышит, часто и надрывно.

– Скажи, ты не мог бы приехать сюда?

– Куда? – не понял Стас.

– В наш центр, – сказала Агата. – Это очень важно.

Стас изумленно замер.

– А меня пустят? – спросил он.

– Я пришлю за тобой охранников, – сказала Агата.

– Погоди, – спохватился Стас. – Кому я понадобился?

– Ты все узнаешь, – сказала Агата.

– Но ты гарантируешь мне хотя бы безопасность? – усмехнулся Стас.

– Приезжай, – сказала Агата и отключилась.

Стас опустил трубку и вздохнул.

– Что? – накинулась на него Ванда. – Что она говорит?

– Она позвала меня приехать к ней в центр, – растерянно признался Стас.

– Ух ты!.. – восхитилась Ванда. – Ты же понимаешь, это суперзакрытое заведение! Если тебя приглашают, значит им от тебя что-то нужно! Знаешь, сколько народу хотело бы оказаться на твоем месте?

Стас посмотрел на нее снисходительно.

– Да? – сказал он. – А если они хотят меня сожрать?

– Да ну, это сказки!..

– Это не сказки, – сказал Стас. – Я это сам видел!..

Ванда наклонила голову, посмотрев на него из-под бровей.

– Ты серьезно? Ты это видел?

– Так мне ехать, или смываться? – спросил Стас.

Он сел в кресло и скрестил руки.

– Конечно ехать! – сказала Ванда. – Даже если риск есть, все равно ехать! Ты не понимаешь, что это может значить!..

Стас не ответил.

Больше всего его смущало не само приглашение, а как оно прозвучало, неожиданно и нервно. Агата определенно находилась в какой-то стрессовой ситуации, и в ее приглашении не было просьбы, словно она позвала его по чьему-то приказанию. Но с другой стороны, бросать сестру в таком положении было невозможно.

До отправления в центр рептилидов Стас успел накормить Ванду, но сам есть не стал, потому что нервничал. Ванда пыталась его разговорить, но он явно не хотел разговаривать, отвечал ей невпопад и сбивался.

– Не будут они тебя жрать, – сказала Ванда. – Ты сегодня какой-то несъедобный.

– И шутки у тебя дурацкие, – ответил Стас.

Потом на телефон Ванды последовал звонок, и она сказала:

– Охранники ждут тебя у входа.

Стас поднялся.

– Ладно, – сказал он. – Если что, если начнутся какие-то неприятности, сразу жми кнопку тревоги. Но я надеюсь, что все обойдется.

– Конечно, обойдется, – рассмеялась Ванда. – Ну, может откусят у тебя уши…

Стас дал ей подзатыльник и пошел на выход.

У порога стояла незнакомая служебная машина, и как только Стас вышел, из нее сразу появились двое охранников.

– Вы – Стас Бельский? – спросил его один из них.

– Да, – сказал Стас, начиная нервничать.

– Будьте любезны, вашу персональную карточку!

Стас протянул ему свою карточку, и тот сунул ее в какой-то аппарат.

– Пожалуйста, – он вернул ему карточку. – Прошу вас, в машину.

Стас забрался в машину, и один из парней сел я ним рядом, тогда как другой остался за рулем.

– Я должен вас предупредить, – сказал тот, что сел рядом. – Незаконное проникновение на территорию центра наказывается смертной казнью. И хотя вас пригласили компетентные лица, но официального приглашения вам оформлено не было. Если они откажутся признавать это приглашение, то мы будем вынуждены арестовать вас за незаконное проникновение.

– А они могут отказаться?

Парень посмотрел на него холодно.

– Я просто предупреждаю, – сказал он.

Стас махнул рукой.

– Поехали, – сказал он.

– Поехали, – сказал охранник.

Машина тронулась с места и вдруг плавно взвилась в воздух. Стас ахнул.

– Ничего себе! – сказал он восхищенно. – Вы бы хоть предупредили.

– Простите, мы не подумали, – сказал охранник. – Мы всегда передвигаемся на летательных машинах, привыкли уже.

На этом разговор заглох. Солнце уже склонилось к закату, небо стало темнеть, но краски от этого становились еще ярче, и потому Стас был очарован природой внизу. Он вспомнил, как прилетал к Диане Витас, и подумал, что в следующий раз он уже сможет обменяться с ним опытом полета.

Центр рептилидов располагался на холме, за тремя рядами стен. У Стаса невольно возник вопрос:

– От чего они так старательно огораживаются?

– От недоброжелателей, – отвечал охранник холодно.

Пилот уверенно посадил машину на стоянке, в ряду похожих, и охранник первым выбрался наружу.

– Руки! – потребовал он.

– Что? – не понял Стас.

– Я же вам говорил, вы приглашены неофициально, – пояснил охранник. – Я имею право вести вас по территории центра только в наручниках, причем скованным сзади.

– Идиотизм, – сказал Стас и повернулся к нему задом, чтобы он застегнул наручники.

Потом его ввели в здание, где почти совсем не было народу, но когда вдруг в коридоре появился толстый рептилид, Стаса развернули к стене и заставили стоять так, пока тот не прошел мимо. Впрочем, рептилид их вовсе не заметил.

Они остановились у двери в коридоре, и тот охранник, что был рядом со Стасом, прошел туда, оставив Стаса со своим приятелем.

– Нервничаешь? – спросил приятель.

Стас покосился на него снисходительно.

– Сынок, – сказал он. – Меня пятнадцать лет водили таким образом. И привычка еще не пропала.

– Ну, ну, – хмыкнул он.

Второй охранник вернулся, и сказал:

– Заходим. И без болтовни, понял!..

– Я только что собирался поболтать, – проговорил Стас.

Тот, крепко схватив его за руку, ввел в ярко освещенный кабинет. Стас поначалу даже не смог понять, куда он попал, а охранник бодро доложил:

– Приглашенный Станислав Бельский доставлен!

24

Он все еще стоял и протирал глаза, когда услышал:

– Мы здесь, Стас!

Стас тряхнул головой. Это был большой зал, ярко освещенный и почти пустой, только в углу была какая-то мебель, и там Стас увидел Агату, стоявшую в напряженном ожидании. Рядом с нею стоял Ланго, одетый в какой-то светлый рабочий халат, а перед ними сидел в кресле какой-то фиолетовый рептилид с большой головой и довольно короткой пастью. Судя по тому почтению, которое выражали Агата и Ланго, это и был тот самый Цингали, о котором все так уважительно говорили.

Стас двинулся к ним, по дороге замечая:

– Зачем вам такой большой пустой зал?

– Это мои прихоти, – отвечал высоким пронзительным голосом Цингали. – Здравствуйте, Бельский. Меня зовут Цингали, я руковожу этим центром.

– Мне очень приятно, – кивнул Стас. – Но я совсем не понимаю, зачем я вам понадобился. Как мне вскользь объяснили, для общения с вами надо быть не меньше, чем президентом региона.

– Это президенты региона так думают, – отвечал Цингали насмешливо. – Большинство из них сюда не пустят.

– Тогда как здесь оказался я?

Он посмотрел на Агату, и прочел в ее глазах не просто испуга, а настоящий ужас.

– Что-то случилось? – спросил Стас.

Цингали шевельнул своей трехпалой рукой, когти которой были тщательно обработаны.

– Давайте, Ланго, – сказал он добродушно. – Объясните Бельскому, зачем он здесь?

Ланго тоже явно нервничал.

– Вы должны понять, что великий магистр Цингали оказывает нам великую честь…

– Это я понял, – кивнул Стас. – А по какой причине он мне ее оказывает?

Цингали издал какие-то непонятные звуки, которые означали смех.

– Вы ведь меня не боитесь, да? – спросил он. – Объясните этих чудакам, что я не собираюсь их убивать.

– А они думают, что вы собираетесь? – не понял Стас.

Ланго перевел дух.

– Вы должны понять особенности нашей культуры, Стас, – сказал он. – Поедание соперника у нас, это не то, что представляете вы. Это форма высшего торжества над ним.

– И почему вы думаете, что господин магистр хочет над вами восторжествовать?

Цингали опять зашелся крокодильским смехом.

– Вы очаровательны, Бельский. Но это простейший механизм управления коллективом в нашей культуре. Я поставил перед ними ультиматум. Если я не добьюсь от вас своей цели, то вы все трое уйдете на корм охранникам барсифам.

Стас покачал головой.

– Этого я не понимаю, – признался он. – Если вы нас все же съедите, вы что, таким образом компенсируете свою неудачу в разговоре?

– Это подразумевается, – кивнул Цингали. – Мне каждый день приходится кем-то жертвовать, чтобы они работали качественно.

– Людьми? – спросил Стас. – Или вашими?…

Цингали склонил голову.

– Если вы думаете, что у меня в центре процветает расизм, то вы ошибаетесь. Я не делаю разницы между своими работниками.

– Это довольно жестоко.

– Просто есть разные формы наказания, от съеденных отдельных органов, которые потом наращиваются в медицинском секторе, до полной ликвидации. Дело в том, что рептилиды к этому привыкли, а для людей каждая такая операция является кошмаром. К примеру, ваша сестра после последнего наказания два месяца лежала в больнице.

Стас постарался не реагировать на это сообщение.

– Но теперь, как я понял, нас ждет окончательное решение?

– Потому что ситуация обострилась. И вы должны понимать, что мне непременно нужен результат.

Стас сдержано вздохнул.

– Так какого результата нашей беседы вы ждете, магистр?

– Продолжайте, Ланго, – сказал Цингали, прикрыв глаза.

Ланго почтительно кивнул.

– Нам стало известно, что на вас вышел некий Олег Неделин. Что вы о нем знаете?

– Только то, что он три месяца назад был учителем у Ванды под другим именем.

– Почему вы им заинтересовались?

– Потому что накануне он пытался связаться со мной, – сказал Стас. – Мне показалась довольно глупой его попытка ограбления дома Агаты, но подумав, я решил, что это цепь отлаженной операции.

– Ваша позиция в его отношении?

– Выжидательная, – сказал Стас. – Я ведь ничего про него не знаю.

– Но вы уже понимаете, что речь идет о наследстве маршала Гремина?

Стас невольно бросил взгляд на Агату, и увидел, что сестра находится в полуобморочном состоянии.

– Простите, – сказал он. – Нельзя ли Агате присесть, а то она сейчас упадет.

– Нет, нельзя, – сказал Ланго немного резко. – В присутствии магистра никто не имеет права сидеть.

– Это предрассудки, – сказал Цингали. – Но именно предрассудки укрепляют основы культуры.

– Тогда отпустите ее, – предложил Стас. – Пусть подождет своей судьбы в своей лаборатории, что ли.

Ланго посмотрел на Цингали, и тот, выдержав паузу, кивнул.

– Вы можете идти, Агата, – сказал Ланго. – Подождите нас в своем кабинете.

Агата что-то произнесла, или только хотела произнести, после чего она поклонилась Цингали и неуверенными шагами двинулась к выходу.

Стас дождался, когда за нею закроется дверь, и повернулся к Цингали.

– Я понимаю, что все упирается в это идиотское наследство, только не могу понять, что это может быть? Какие тайны войны могут быть актуальны до сих пор? Дислокация войск, расположение штабов, что?… Или маршал знал радикальное средство противостояния? Но если бы он знал что-то такое, то почему не применил сразу?

– Да, Бельский, – сказал Цингали. – Вы всего лишь шкатулка с ценной информацией. Но мы не собираемся взламывать эту шкатулку, не пугайтесь. Мы дождемся, когда она раскроется сама.

Стас хмыкнул.

– Но если вы намерены меня съесть, то вряд ли сможете получить ожидаемый результат.

Цингали рассмеялся.

– Хорошо, что вы меня предупредили, – сказал он. – Ну, а если я захочу съесть вашу сестру, или племянницу?

Стас засопел.

– Это будет радикально, – сказал он. – Но вы ведь понимаете, что раскрытие моей шкатулки никак не связано с моей волей. Нет никакой необходимости давить на меня.

– Кто может сказать определенно, что тут подействует? – сказал Цингали. – Мне в голову приходят самые разные варианты воздействия на вас, Бельский, и большинство из них вам покажутся чрезвычайно жестокими. И меня надо убедить, что в их применении нет никакой необходимости.

– Не знаю, помогут ли вам мои гарантии, – пробормотал Стас.

Цингали опять посмеялся.

– Нет, вы мне нравитесь, Бельский. Война вас определено закалила, но при этом вы сохранили высокий уровень интеллекта. Правда, наши культурные коды слишком расходятся. Давайте пройдем еще одно испытание. Вашу сестру я оставлю в покое, так и быть. Но что мне делать с Ланго? Он так глубоко влез в культуру землян, что начинает почти ненавидеть свою собственную! Я считаю, что ему пришло время уйти, а вы?

Стас посмотрел на Ланго. Тот стоял, замерев как камень, но в выражении его крокодильей морды не было никакого страха. Он просто ждал своей участи.

– Разумеется, я против ликвидации, – сказал Стас. – Но вам, как я понимаю, нужны причины моего решения? Я готов их сформулировать.

– Ну, ну, – ухмыльнулся Цингали.

– Его погружение в земную культуру, – заговорил Стас. – Это смелый и отчаянный эксперимент, и его результат может серьезно сдвинуть тему нашего культурного контакта. Мне представляется, что господин Ланго является героем научного проникновения в тему, и достоин всяческого поощрения. Во всяком случае, мне бы очень хотелось продолжить наше общение, которое обогащает и его, и меня. И Агату, конечно.

Цингали выпростал из широкого рукава свою лапу и поскреб основание шеи. Точно также, как любой человек мог машинально почесать затылок. Стас вдруг почувствовал в его отношении некую умильную теплоту.

– Но может быть и иначе, – сказал Цингали. – Потеря такого контакта может вас потрясти, и вывести на нужное нервное напряжение.

Стас крякнул.

– Боюсь, наши отношения еще не на таком уровне, чтобы меня потрясти. Возможно позже ваши предположения смогут быть реализованы, но не сейчас.

Цингали откинулся на спинку кресла и раскрыл рот, демонстрируя расслабленность.

– Я удовлетворен, – сказал он. – Все были хороши, и Ланго, и ваша сестра, но более всех меня порадовали вы, Бельский. Вы такой наивный, что хочется играть с вами в куклы. Не могу понять, почему маршал Гремин выбрал вас?

– Случайно, – сказал Стас. – Никого рядом не оказалось.

Цингали покачал головой.

– Не думаю, – сказал он. – Эта игра далека от случайностей. Но, как вы правильно сказали, употреблять вас в пищу преждевременно. Вы останетесь жить в доме вашей сестры, чтобы нам было удобнее наблюдать за вами. Что касается Неделина и интриг этого жулика Лембы, то поступайте, как вам подсказывает ваша совесть. Только имейте в виду, Неделин остается в числе наших противников, и всякое сближение с ним будет рассматриваться нами соответственно. Думайте сами, стоит ли вам рисковать.

– Кто он такой? – опешил Стас. – Если он ваш противник, то почему он еще жив?

– Ланго вам все объяснит, – сказал Цингали. – Я итак потратил на вас слишком много времени, мне пора заниматься серьезными политическими проблемами. Ступайте!

Он чуть брезгливо дернул рукой, и Ланго немедленно стал кланяться ему, прижимая руки к груди. Стас тоже слегка поклонился, и пошел вслед за Ланго к двери. У самой двери он обернулся, но увидел только пустое кресло. Сам магистр уже успел куда-то деться.

25

Пока они шли по коридору, им навстречу попалось сразу несколько постов, где стояли угрюмые охранники, провожающие их жадными взглядами. Стас подумал, что они бы непременно остановили его, если бы рядом не ковылял рептилид, перед которым они были вынуждены вытягиваться в струнку.

Агата сидела в своем кабинете, попивая какой-то зеленый сок из пакета, и когда они вошли, она вскочила.

– Что там? – спросила она отрывисто. – Чем все кончилось?…

– Обошлось, – сказал Ланго. – Успокойтесь, Агата, вам ничего не грозит.

– А вам? – вырвалось у нее.

Тот сдавленно крякнул и ответил в том же тоне:

– Мне тоже. Наш друг провел беседу буквально пройдя по лезвию бритвы.

Он тоже сел, и Агата кинулась к холодильнику, чтобы налить какой-то сок и ему. Стас устроился в кресле.

– Боже мой, как он меня напугал! – бормотала Агата.

– Меня тоже, – сказал Ланго. – Это его функция, пугать сотрудников.

– Не понимаю, чего вы все так испугались? – сказал Стас.

Ланго покосился на него.

– Это же Цингали, – сказал он. – Когда он в прошлый раз проводил инспекцию, то в расход ушли сразу трое наших сотрудников. Вы думаете, он шутил?

Стас пожал плечами.

– Честно говоря, я с самого начала не принимал его всерьез. Он ведь не присутствовал там реально, верно? Это же была голограмма.

– Разумеется, – фыркнул Ланго. – Фенцеры никогда не выходят на прямой контакт с людьми. Но это ничего не значит. По первому его слову нас бы очень быстро упаковали в надлежащую упаковку.

Стас посмотрел на Агату.

– А что он там говорил про отсечение конечностей? Тебе в самом деле делали какую-то операцию?

Агата кашлянула.

– Я не могу об этом говорить, – сказала она.

Стас покачал головой.

– Интересно тут у вас, – сказал он. – А люди в городе считают, что вы тут купаетесь в роскоши.

– Мы купаемся в роскоши, – сказал Ланго.

Стас так и не понял, то ли он говорил серьезно, то ли иронизировал.

– Вы мне расскажете про этого Неделина? – спросил он.

Ланго посмотрел на него.

– Олег Неделин, – сказал он. – Да, это серьезный противник. Он начинал войну на вашей стороне, но потом оказался среди обращенных, работал добровольцем в наших санитарных частях. Прошел школу разведки, участвовал в диверсиях в Европе, был даже заслан в качестве агента в лагерь военнопленных, для выявления группы сопротивления.

– То есть, он был за вас?

– Да, – кивнул Ланго. – Во всяком случае, он был офицером Службы Поддержки, и даже работал в аналитическом отделе. Потом, после войны, он работал в Африке, и там сошелся с генералом Хануилем. Генерал Хануиль, это грулль, раса воинственных реплитидов, которые по иерархии ниже фенцеров, но по амбициям всегда с ними соперничали. Генерал Хануиль

считался героем этой войны, и был страшно недоволен, когда итогами войны воспользовались хитроумные, как он говорил, политики из фенцеров.

– А как они воспользовались?

– Я не знаю, – вздохнул Ланго. – Во всяком случае, в генералитете, который почти целиком состоит из груллей, возникли протестные настроения. Они создали организацию «Рейгрулль-бариссо», это древний воинственный клич.

– И что они хотят?

– Генерал заявляет, что наступило время выхода на арену груллей. Он хотел бы проверить свою теорию социальной концепции груллей на Земле. Но пока это все остается в рамках дискуссий, потому что фенцеры контролируют ситуацию. Поэтому генерал Хануиль ведет подковерные интриги с помощью своей агентуры из землян. Ваш Неделин относится именно к его ведомству.

– Почему же фенцеры не изолируют вашего генерала?

Ланго вроде бы как усмехнулся.

– У Земли статус колониальной планеты, – сказал он. – Здесь вся власть в руках у военных. Генералу удалось вовлечь в свои планы самые широкие круги.

– Тогда почему не побеждают они?

– Потому что устраивать мятеж смертельно опасно! Стороны наготове, все ждут, когда соперник сорвется и проиграет. Если хотите знать, в нашем Болоте этот конфликт является средоточием политической борьбы. Сейчас все взгляды устремлены на Землю, все ждут, чем все кончится.

– И когда все это кончится?

– Никто не знает, – вздохнул Ланго.

Стас понуро кивнул.

– А за кого барсифы? – спросил он уныло.

– Фенцеры склоняют их в свою пользу. Но вы должны понять, барсифы, это почти животные. Их авторитет на Болоте минимален. Из запустят в дело только в крайнем случае, тем более, что большинство из них обучены слушаться груллей.

Стас поднялся и прошелся по комнате.

– А при чем тут маршал Гремин? – воскликнул он раздраженно.

Ланго посмотрел на него пристально, словно ему удалось прищурить глаза.

– А что вы знаете о маршале? – спросил он.

– Так, в общих чертах, – помахал рукой Стас. – А что знаете вы?

Ланго повернулся к Агате, которая смиренно сидела в кресле, едва не сжавшись, и попросил:

– Агата, дорогая, нельзя ли мне еще хрампы?

– Да, конечно, – Агата немедленно вскочила, чтобы исполнить его просьбу.

Ланго повернулся к Стасу.

– Это одна из самых загадочных фигур в этой истории, – сказал он. – Гремин был членом той самой комиссии, которая начинала контакт.

– Контакт? – спросил Стас. – Разве все началось не с десанта в Африке?

– Вот видите, – усмехнулся Ланго. – Вы и сами мало что знаете. Нет, нет, все началось с контакта на лунной международной станции. Именно там появилась изыскательная экспедиция с Болота, с которой все началось.

– Вы прислали изыскательную экспедицию? И что они искали?

Ланго засопел.

– Здесь мы попадаем в область культурных расхождений, – сказал он. – Я бы хотел сначала кое-что вам объяснить.

– Да, конечно, – кивнул Стас, принимая от Агаты новый бокал. – Что это, Агата?

– Ой, прости, – сказала Агата, забрала у него бокал и передала Ланго.

Стас невольно усмехнулся, но Агата как ни в чем не бывало опять села в кресло и замерла.

– Вы уже поняли, – Ланго поднялся и стал ходить. – Наша цивилизация представляет собой исключение из правил. Вмешательство Создателей не позволило эволюции дойти до высших стадий развития, и развивать цивилизацию пришлось на уровне пресмыкающихся. К сожалению, это коснулось общего развития жизни, у нас очень бедный животный мир, а для развития цивилизации, как вам известно, необходим количественный рост. Именно поэтому в нашей культуре восторжествовал каннибализм.

Стас невольно кивнул.

– Я знаю, – сказал Ланго. – Вы свидетель разгула страстей у барсифов, и мне жаль, что вы это видели. Но это черта не только барсифов, это общая черта нашей цивилизации. С ранних пор у нас считалось нормальным поедать врагов. У нас не хоронят родственников, у нас их съедают. Вам это может показаться чудовищным, но мы с этим выросли. Это только в последнее время мы научились синтезировать пищу, но изжить прежние чувства за краткий срок невозможно. Тем более, что население растет, а ресурсов для приготовления пищи не хватает. Поэтому наши экспедиции разъезжают по вселенной в поисках жертв.

– Так вы приехали к нам охотиться на нас? – спросил Стас.

– Разве вы не знали об этом с самого начала? – спросил Ланго. – Да, это была экспедиция в поисках ресурсов. И ваша планета в этом смысле оказалась невероятно богатой.

– Спасибо, – буркнул Стас.

– Переговоры начались еще на Луне, – продолжал Ланго. – Но что-то там сорвалось, и тогда в Африке появился первый десант. Так и началась война.

Стас вздохнул.

– Это все интересно, – сказал он. – Но почему они не договорились? Ведь наши ресурсы и в самом деле достаточны. Мы могли бы прокормить и вас, особенно с вашими технологиями.

Ланго посмотрел на него с сомнением.

– Не будем о технологиях, – сказал он. – Короче, маршал Гремин был в центре скандала и знал о сути дела. А поскольку делегацию представляли фенцеры, то существует устойчивое представление, что война отвечала исключительно их интересам. Раскрытие тайн тех переговоров может явиться спусковым крючком в существующем конфликте. Понимаете?

– Понимаю, – угрюмо отвечал Стас. – Но почему тогда ваш Цингали меня не съест? Ведь тайны маршала Гремина опасны именно для него.

Ланго сел.

– Да, – сказал он. – Тут у меня прокол. Я не знаю, почему он вас не съел! Лично я был уверен, что съест. Причем, вместе с нами.

Стас только усмехнулся.

– Ладно, Ланго, теперь о вас. Вы-то сами на чьей стороне? На стороне порядка в лице Цингали, или на стороне бунтарей в лице военных?

– Вы думаете, у меня есть выбор? – спросил он. – Нет, я не выбираю. Я просто занимаюсь своим делом, и стараюсь не попадаться на глаза политикам. Пока мой начальник Цингали, я не посмею и слова сказать против. Если же ситуация изменится, изменюсь и я.

– Это называется – беспринципность, – сказал Стас.

– Я знаю, – со вздохом отвечал Ланго. – Я вас разочаровал?

– Нет, – сказал Стас. – Но вы должны учесть интерес вашего начальника к моей персоне. Это вытаскивает вас на обзор политикам. Я не удивлюсь, если на вас выйдут люди вашего генерала Хануиля.

– Я думаю об этом, – сказал Ланго. – И меня это не радует.

– Мы теперь в связке, – сказал Стас. – Поэтому давайте вырабатывать какие-то общие планы. Или мне просто сидеть и ждать, когда шкатулка в моем мозгу откроется?

– А что мы можем сделать? – спросил Ланго растерянно.

– Много чего, – сказал Стас. – Я могу выйти на контакт с Неделиным, потом у меня в запасе еще Витас Лемба. И еще мне кажется, что вы что-то недоговариваете.

– Чепуха, – возразил Ланго. – Это просто трудности перевода.

Агата кашлянула, и Стас с Ланго повернули к ней головы.

– Вы закончили? – спросила Агата жалобным тоном. – Мне бы хотелось поскорее вернуться домой.

26

Генерал Рэнди, как звали его приближенные друзья, или Дэви Рандрапушта, был начальником Штаба Армии, что звучало довольно двусмысленно, потому что армия, как таковая, а если точнее, ее земная часть, была практически расформирована сразу после победы. Армия была расформирована, но армейские структуры остались практически нетронутыми, работал и штаб, и разведка, и идеологическое управление – тысячи людей по всему миру. Сначала эти структуры были использованы для восстановления городов и поселков планеты, затем оказались необходимыми в наведении новых порядков. Мало того, у Рэнди под рукой оставалась даже небольшая армия в составе нескольких корпусов воздушного десанта в разных частях света для проведения акций умиротворения.

Однако радоваться наличию военной силы не приходилось, потому что в штате конкурирующего Управления Общественной безопасности, расположившегося в том же Брисбене, только на берегу, народу было еще больше. Генерал Уиллард Дженнис таким образом составлял противовес армейским подразделениям, не упуская случая перебежать им дорогу в нужный момент. Сколько не пытался Рэнди свести все силовые структуры в единый узел, его инициативы раз за разом терпели крах. Он понимал, что для управления планетой было разумно создать противовесы, но для него это всегда оборачивалось неизменным поражением. Поэтому генерал Рэнди не любил штабной корпус в Брисбене, а постоянно разъезжал по различным базам планеты, как бы с инспекцией, а на самом деле, чтобы избежать контроля Дженниса.

Так его занесло и в Скандинавию, где в наличии оставалось несколько мелких городков. Будучи человеком южного склада, Рэнди не понимал влечения к холоду, и потому чувствовал себя неуютно. В Бергене, где располагалась административная власть региона, его встретили с почетом, и начальник гарнизона полковник Тиммиайнен отдал ему рапорт. Рэнди знал, что в Скандинавии обстановка складывалась довольно своеобразная, кто-нибудь даже назвал ее реваншистской, потому что здесь было отмечен чрезвычайно низкий уровень почтения к рептилидам. Генерал Дженнис, который вел такие исследования по всем регионам, постоянно указывал на это Рэнди при встречах, и тому приходилось каждый раз придумывать новые причины. А причина была одна, и она называлась генерал Фрост, который возглавлял здесь филиал военной разведки. Боевой генерал, который прошел с боями самые опасные битвы этой войны, оказался полон самых непозволительных предрассудков. Конечно, его можно было понять, потому что заслуги генерала были явно недооценены, но лишь потому, что он прозевал тот момент, когда надо было действовать. С досады он устроил что-то вроде мятежа, который хоть и не дошел до прямых боевых действий, но изрядно попугал руководство. Рептилидский главнокомандующий генерал Хануиль уже двинул туда барсифов, и неизвестно чем бы это кончилось, если бы не вмешательство Рэнди. Он воевал рядом с Фростом, оно уважал его способности, и он понимал, что держать в запасе такую карту в предстоящей игре будет очень полезно. Поэтому район реваншистов в Скандинавии был едва ли не задумкой генштаба.

Генерал Фрост стоял среди встречающих, хотя и был старшим по чину и должен был оказаться во главе этой кучки военных бюрократов. Но никто на это не обращал внимания, и представиться главнокомандующему он подошел в свою очередь. Рэнди принял его рапорт с начальственной невозмутимостью, но уже через час после всех обязательных процедур, он был в кабинете у Фроста с бутылкой австралийского виски.

– Все сопишь, – произнес он довольно фамильярно.

– Кто-то жалуется? – спросил Фрост.

– А то! – рассмеялся Рэнди. – У Уилла здесь у тебя целая сеть агентов, и они отслеживают каждое твое телодвижение.

– Я знаю всех, – махнул рукой Фрост. – Разве готовится что-то радикальное?

– Почему ты так подумал?

– Я держу руку на пульсе, – сказал Фрост. – И по всем показателям, там наверху затевается какая-то крупная склока. Готовитесь кого-то сожрать?

Рэнди помрачнел.

– Не могу сказать ничего определенного, – сказал он. – Хоста держит паузу, хотя старуха Готторп что-то заметалась в последнее время. Какая-то свара на юге Европы.

– И ты ничего об этом не знаешь?

– Я к тебе затем и приехал, чтобы разобраться, – фыркнул Рэнди, наливая виски в предложенные бокалы. – Ты же знаешь, что мой новый начальник разведки страшно увлечен партизанами, сам их вооружает, и сам же потом ликвидирует. К тому же он выдвиженец старухи. Ты же не хочешь иди на это место!

– Всегда презирал возню политиканов, – скривился Фрост.

Рэнди поднял свой бокал.

– Ты презирал не только политиканов, – заметил он.

Они чокнулись, и стали пить.

– О чем ты? – поинтересовался Фрост.

– Ты ведешь себя очень свободно, – сказал Рэнди, облизывая губы. – Это становится все заметнее.

Фрост сощурился.

– Уилл опять начинает под меня копать?

– На этот раз зашевелились зеленые, – сказал Рэнди. – Что там творится в России?

– В России? – переспросил Фрост. – Ты имеешь в виду Липецкий регион?

– Не знаю я, какой там регион, только мне сообщили, что ты пригрел какого-то военного преступника!

Фрост усмехнулся.

– Чушь, как всегда.

Рэнди наклонился вперед.

– Хочешь сказать, что ты ничего не знаешь?

– Я знаю, – Фрост неторопливо отпил еще глоток.

– Так поделись со своим непосредственным начальником, – потребовал Рэнди. – Мне совсем не нравится, что перед Новым Годом закручивается какая-то реваншистская интрига. Мало того, что у тебя тут отмечают день взятия орбитальной станции, словно это какой-то праздник!

– Опять чушь, – скривился Фрост. – Это была научная конференция по истории войны. Там ведь все было не очень чисто ты знаешь?

Рэнди поднял руки.

– Слава Богу, не знаю! Это была затея стариков, кажется маршал Гремин в этом отличился.

– После этого маршал Гремин стал бякой, – усмехнулся Фрост. – Между прочим я сам был на той станции, и спустился с орбиты буквально за трое суток до нападения. Но речь не о том, тут был отмечено, что крушение станции продлило войну на полтора года. Я до сих пор не знаю, кому это понадобилось?

– Представления не имею, – процедил Рэнди. – Ты помнишь, что из руководящего генералитета в живых остался один Хоста Оливарро?

– Намекаешь, что их устраняют? – усмехнулся Фрост.

– Скоро из ветеранов останется одна старуха, – усмехнулся Рэнди.

Фрост напрягся.

– Тучи сгущаются над Оливарро? – спросил он.

– Нет, нет, – испуганно исправился Рэнди. – Я так, для слова! Хотя надо признать, что нас уже подпирают молодые и азартные игроки.

– Эту штуку в Верейске начал Анри, – сказал Фрост.

– Старый хрыч еще живой? – хмыкнул Рэнди. – А я про него даже стал забывать.

– И напрасно, – сказал Фрост. – Он ведь из питомцев маршала Гремина.

– И что из того?

– Просто там вышел из лагеря один лейтенант, – сказал Фрост. – Свидетель последних дней маршала. Его все годы в лагере пытали об этом событии, и он рассказал все, что знал, и что не знал. Он представлялся нам выжатым лимоном, и его бы следовало тихо ликвидировать еще в лагере, но его не ликвидировали. Я недавно попытался с этим разобраться, и узнал, что в деле его спасения изрядно постарался сам Анри.

– Зачем он ему понадобился?

– Какие-то дела маршала, – заметил Фрост. – Во всяком случае, там надо держать ухо востро.

Рэнди задумчиво поскреб щеку.

– И что ты об этом думаешь?

– Я вижу в его действиях куда больше реваншизма, чем вы находите здесь, – отвечал Фрост. – Все питомцы маршала всегда являлись примером сомнительной лояльности, и сам маршал первым это доказал. Теперь, когда вы задвинули Анри в темный угол, он решил, что это самая подходящая позиция для нападения.

– Но за ним практически никого нет! – воскликнул Рэнди.

Фрост иронично хмыкнул.

– А дело-то закрутилось, – отметил он. – Ты уже знаешь, что среди зеленых уже поднялся шум. Сам Цингали обратил свое внимание на этот инцидент.

– Ты и за Цингали следишь? – качнул головой Рэнди. – Имей в виду, это опасно.

– Я все понимаю, – кивнул Фрост. – Но там зашевелился и генерал Хануиль! Вот кого бы тебе надо взять в союзники!

– Перестань, Роджер, – сказал Рэнди. – Ты прекрасно понимаешь, что без нас они бы не совершили и десятой доли тех побед.

– При чем тут ваши победы? – воскликнул Фрост. – Генерал владеет военными технологиями, до которых нам прыгать и прыгать! Это не барсифы нас победили, это энергетический штурм, беспилотные истребители и система.

– Победили… нас? – переспросил Рэнди осторожно. – Мне казалось, это мы победили.

– Это они победили, – возразил Фрост, ткнув пальцем куда-то в сторону. – И ты это прекрасно понимаешь. А мы только поставляли им цели для поражения.

– Довольно об этом, – Рэнди стал наливать по второму разу. – Ты начинаешь говорить опасные вещи, Роджер. Ты действительно думаешь о реванше?

Фрост фыркнул.

– Разумеется, нет, – сказал он. – Я только слегка фрондирую, чтобы создать какую-то видимость конфликта. На самом деле рептилиды нам нужны, и это бесспорно.

– Слава Богу, – сказал Рэнди и отпил глоток.

– Просто мы должны научиться управлять ими, – сказал Фрост. – Этим крокодилам нужен дрессировщик.

– Хватит! – Рэнди чуть не поперхнулся. – Я не хочу больше об этом слышать!

– Конечно, – кивнул Фрост. – Тогда этим управлением займутся другие. В частности, наш друг Анри определенно затеял какую-то глобальную провокацию. В почти пустое дело с этим лагерником он вовлек уже главные силы политической жизни планеты!

Рэнди успокоился, и уже неспешно отпил еще глоток.

– И что ты предлагаешь? – спросил он.

– Не мешать, – сказал Фрост. – Он сам нас приведет к итоговому решению. Вот тогда надо будет не дремать.

Рэнди подумал, и решительно выпил почти полбокала виски.

– Займись этим, старина, – попросил он. – Я дам тебе все полномочия.

– Я уже этим занимаюсь, – с улыбкой отвечал Фрост и отпил глоток.

27

Хотя Ванда по возвращению и закатила настоящую истерику, Агата просто прошла мимо нее и заперлась в своей спальне, так что Ванда потребовала объяснений от Стаса. Тот в свою очередь сослался на секретность центра, и успокоил Ванду тем, что все самое страшное уже прошло. И все же ему еще долго пришлось ее успокаивать, прежде чем она ушла спать.

Оставшись один, Стас стал вспоминать разговор с Цингали, пытаясь понять, что добивался от него старый крокодил, и чего добился. Ведь по сути никакого очевидного результата их беседа и не имела, и Цингали мог с чистой совестью погубить их, но он не стал, и это означало, что у него в деле присутствуют свои собственные интересы. Меньше всего Стасу хотелось вникать в эти склоки, в которых его роль была, наверное, самой незавидной. Ведь если он вспомнит указания маршала, то сразу окажется лишним и быстро будет уничтожен, но если он не вспомнит, то его ждет нервная и беспорядочная жизнь, он так и останется шариком для пинг-понга в игре неведомых противников. И прощай тогда мечты о тихой и безмятежной старости, о погружении в молитву и сосредоточении. Он всегда мечтал оказаться отшельником-исихастом, с необходимым минимумом контактов с внешним миром, и с глубоким погружением в мир духовный. Но мир материальный кажется все же подцепил его на крючок, и отпускать не собирался.

Утром Ванда подняла его, сообщив, что мама не хочет просыпаться. Стас поспешил в спальню Агаты, и та призналась, что проглотила слишком много снотворного, и смертельно хочет спать. Она сказала, что отпросилась на три дня от работы, что было принято, потому что непосредственным начальником Агаты был Ланго. Пришлось Стасу подниматься, чтобы отвезти Ванду в школу. Учитывая, что он не водил машину уже лет двадцать, это было для него тяжелым испытанием, тем более, что Ванда в дороге извела его вопросами о вчерашнем.

Вернувшись домой и поставив машину в гараж, где стояло еще три машины разных марок, от роскошного лимузина до внедорожника, Стас стал готовить завтрак, но еще до того, как он откусил первый бутерброд, ему позвонили по мобильному. Звонок не определился, но Стас уже был готов к сюрпризам.

– Слушаю, – проговорил он, помешивая молоко в чашке с кофе.

– Это Витас, – услышал он. – Ты просил узнать по делу вашего грабителя. Так вот, его уже отпустили. Агата не стала подавать заявления, а без этого его можно было обвинить только в мелком хулиганстве.

– Понял, – сказал Стас. – Спасибо.

– Я слышал, тебя вчера приглашали в центр. Что-то произошло?

Стас помолчал, придумывая форму ответа.

– Меня хотели съесть, – сказал он. – Но все обошлось.

– Ты шутишь, да?

– Если я заговорю серьезно, – сказал Стас, – то съедят тебя. Тебе это надо?

Витас на том конце засопел.

– Сегодня я приехать не смогу, – сказал он. – Но в среду мы могли бы встретиться.

– Нам бы дожить, – вздохнул Стас.

На том их разговор прервался, и Стас продолжил завтрак.

Потом ему пришла в голову идея об активном продолжении расследования. Он порылся в сети, и нашел адрес той самой старушки, в квартире которой он встретил Неделина. У нее самой телефона не было, не с нею жила внучка, у которой был мобильник. Вероятность того, что внучка была у бабушки, казалась маленькой, но Стас позвонил, и не прогадал. Сначала внучка была сильно недовольна тем, что кто-то звонит бабушке, но потом все же передала ей трубку.

– Доброе утро, – сказал Стас. – Я тот парень, который помог вам занести сумку. Вы помните меня.

– Я, что, забыла сказать вам спасибо?

– Нет, но мне хотелось бы встретиться с нашим другом.

Старушка посопела.

– Я попробую его найти, – сказала она и отключилась.

Козырь Стаса был в том, что он никому ничего не обещал, и потому оставался свободным от обязательств. Конечно, долго это продолжаться не могло, в конце концов кто-то из соперничающих группировок непременно прижмет его к стене, но пока до этого не дошло, он мог себе позволить многое. Это рождало в нем азарт.

Но в этот самый момент, когда он уже мысленно планировал ход разговора с Неделиным, ему позвонила Светлана из храма, человек из совсем другого мира.

– Доброе утро, – сказал она. – Вы чем-то заняты?

– А что такое? – спросил Стас. – Хотите пригласить меня на спевку?

– Что-то в этом роде, – сказала Светлана. – Мы устраиваем попевки на квартире у нашего регента Романа Петровича, и хотели вас пригласить, чтобы спеть что-нибудь древнее.

Стас задумался. Конечно, он планировал занять день расследованием, но ему вдруг очень захотелось стряхнуть заботы крокодилов, и вернуться в тихий мир церковного пения.

– Когда? – спросил он.

– Часа в два, – сказала Светлана. – Роман Петрович живет недалеко от храма, так что мы можем встретиться там. Вы знаете, как добираться?

– Доберусь, – сказал Стас. – Спасибо за приглашение, я буду.

– До встречи, – сказала Светлана и прервала разговор.

После полудня поднялась Агата, она вышла в его комнату в пижаме, и села напротив Стаса в кресло с ногами.

– Плохо? – спросил Стас.

– Мерзко, – отвечала Агата. – Мною просто подтерли задницу.

– Не бери в голову, – сказал Стас. – Все обошлось. Твой Цингали оказался вовсе не таким страшным, мы с ним легко нашли общий язык.

Агата фыркнула.

– Чушь, – сказала она. – Ты думаешь, с ним можно найти общий язык? Этот крокодил витает в сферах, где нам никогда не быть. Мы для него просто насекомые.

– Насекомые, – кивнул Стас, – которых едят крокодилы.

Агата скривилась.

– Как это противно, – сказала она. – Я чувствую себя в такие моменты так одиноко. Если бы ты мог…

– Я тебя прекрасно понимаю, – поспешно сказал Стас. – В конце концов, когда меня дубасили на допросах, я чувствовал себя точно так же.

Она только угрюмо покачала головой.

– Я о другом, – сказала она.

Стас не стал это развивать, подозревая, что ее опять потянула идея инцеста, чего он не мог себе позволить ни в каком случае.

– Тебе не надо на работу? – спросил он. – Неприятностей не будет?

– Нет, – сказала Агата. – Я сейчас плюхнусь в бассейн и буду тупо накручивать дистанцию туда и обратно, пока не устану до чертиков. Знаешь, это помогает.

– А где у тебя бассейн? – спросил Стас с интересом.

– Внизу, – махнула рукой Агата.

Стас постарался ей ободряюще улыбнуться.

– Я так и не понял, чем ты там занимаешься, в своем центре? – заметил он.

– Я думать не хочу о центре, – сказала Агата раздраженно.

– Извини, – сказал Стас.

Агата выбралась из кресла, подошла к нему и, наклонившись, поцеловала в лоб.

– Спасибо, Стас, – сказала она. – Ты спас нас.

Стас погладил ее по голове.

– Рад оказать тебе хоть какую-то помощь. А чего он на вас взъелся?

– Все, все, все, – Агата решительно отказалась продолжать тему. – Купаться, купаться, купаться!..

И она ушла.

Он хотел пойти с нею, потому что идея купания в бассейне показалась ему довольно привлекательной, но тут с ним через сеть связалась Диана.

– Привет! – она широко улыбалась, так резко контрастируя с угнетенной Агатой. – Как настроение?

– Прекрасное, – сказал Стас. – Как ты?

– Я звонила вам вечером домой, так дома была одна Ванда! Что-то случилось?

– Все в порядке, – сказал Стас. – Агата задержалась на работе.

– Я должна тебя предупредить, я пропадаю на неделю, – сказала Диана. – Ты не мог бы передать кое-что Агате. Когда она на работе, связаться с нею невозможно.

– Конечно, – сказал Стас.

– Просто тут появился ее бывший, – сказала Диана. – Я хотела предупредить.

– Бывший? – переспросил Стас. – Что, отец Ванды?

– Нет, что ты, – рассмеялась Диана. – Я не знаю отца Ванды. Года три назад у Агаты был близкий приятель, но они разругались. Он не смог ей простить отношений с Ланго, тогда все это только начиналось. Время от времени они переписывались в сети, и она была не против его возвращения.

– Его имя? – спросил Стас.

– Флинт. Адам Флинт.

– Я передам, – кивнул Стас. – А куда ты убываешь?

– По делам, – уклончиво сказала Диана. – Но сегодня я свободна, так что мы вполне можем развлечься.

– Что ты называешь развлечься? – нахмурился Стас.

– Не то, что ты подумал, – рассмеялась Диана. – Ты ведь интересовался современным религиозным искусством! В Воронеже гастролирует театр «Шаман», публика сходит с ума! Я понимаю, что ты далек от шаманства, но подумала, что тебе может быть интересно.

Стас невольно улыбнулся.

– Спасибо, дорогая, ты все правильно понимаешь.

– Так ты согласен? – удивилась Диана.

– Конечно нет, – сказал Стас. – Но мне приятная твоя забота. Мне будет тоскливо без тебя.

– Я скоро вернусь, – пообещала она. – А что, сегодня ты занят?

– Да, я ныряю в церковную жизнь, – сказал Стас.

– А мне с тобой нельзя?

– Может быть, позже, – сказал Стас. – Я еще сам не знаю, что из себя представляет современная церковная жизнь. Разберусь, и непременно приглашу тебя.

– Мне будет интересно, – сказала Диана.

Тут зазвонил телефон в кармане, и Стас извинился, и отключил Диану. Звонила Светлана, сообщить, что его уже ждут.

Стас быстро оделся, но все же решил спуститься к бассейну, предупредить о своем отсутствии Агату. И действительно, уровнем ниже располагался бассейн, в котором уже плавала

Агата. Она плавала, как и обещала, погрузившись в ритм плавания, и не позволяя отвлечься. Стасу стоило некоторого труда окликнуть ее.

– Что? – спросила она, снимая плавательные очки.

– Я ухожу, – сказал Стас. – Меня не будет часов до пяти.

Он только тут заметил, что Агата плавает в чем мать родила, и поспешил отвести взгляд.

– Я буду дома, – отвечала она. – Поставлю какой-нибудь слезливый сентиментальный сериал, и буду пить ликер.

– Диана просила тебе сообщить, что появился твой бывший, Адам Флинт, – напомнил Стас.

– Я знаю, – вздохнула Агата. – Он уже звонил…

– Он придет?

– Смеешься, – фыркнула Агата. – Сейчас только его мне не хватает!

И она продолжила свой заплыв.

28

Квартира у церковного регента Романа Петровича тоже была довольно бедной, зато в гостиной стояло пианино, на котором кто-то из певчих наигрывал легкие мелодии, когда Светлана привела Стаса.

– Вот и наш новый чтец, – представила она его.

После чего началось знакомство, и все присутствующие, а собралось там человек восемь, кроме Светланы и Веры, называли свои имена. Старшим среди них был Роман Петрович, но и тому еще не было сорока, так что Стас вполне мог посчитать себя среди них старейшиной.

– Вот вы помните еще пение на церковно-славянском, – говорила Серафима, которая играла на пианино. – Вы всегда все понимали?

– Случались непонимания, – отозвался Стас. – Но редко. Я с пятнадцати лет был в храме чтецом, так что привык к языку сызмальства.

– К сожалению, я таким опытом похвастаться не могу, – признался Роман Петрович. – Я пришел к Богу только лет восемь назад, когда работал в Китае. У нас в группе был батюшка, и он меня поразил своим отношением к людям.

– А что вас влечет к старому языку? – спросила Светлана у него. – Вы же пришли в церковь, когда здесь уже торжествовал русский.

– Я не могу сказать, что меня влечет, – стал объяснять Роман Петрович. – Просто он в самом деле очень музыкален. Когда мы поем на церковно-славянском, я чувствую настоящий полет.

– Это молитвенная сила, – стала объяснять полная женщина по имени Клара. – Для меня родной язык немецкий, но когда я услышала пение на церковно-славянском, я поняла, что такое молитва.

Так они некоторое время посвятили разговору, в котором Стас участвовал без особого желания, и наконец вспомнили о своей сверхзадаче. Роман Петрович раздал всем тексты богородичного тропаря Державной иконе Божьей Матери «О, Преславнаго чудесе!» и сел к пианино. При первом исполнении Стас только слушал, потому что певцом он себя не считал, да и никто другой его не считал. Но когда его спросили, он стал делать поправки в тексте, и невольно был вынужден спеть несколько фраз. Здесь начались расспросы, и он стал объяснять и смысл слов, и историю песнопения. Потом уже они пели вместе, хотя Стас явно стремился стушеваться, чтобы не мешать петь специалистам.

Потом пели и другие богослужебные пения, причем некоторые из них Стас даже не знал, но участвовал в пении вместе с остальными, потому что вошел во вкус. Удивительная особенность церковно-славянского языка для него состояла в том, что в его звучании слышалось эхо истории. Все эти инверсии, выстроенные по греческим правилам, казалось бы создавали ненужные трудности, но именно в этих трудностях звучала реальность прошедших эпох. Потом они даже исполнили покаянный псалом, где Стас исполнял роль канонарха, зачитывая прежде стихи, чтобы хор повторил их в пении. Певчие были очень довольны, да и сам Стас испытал полное удовлетворение, сразу избавившись он своих прежних опасений.

После пения сели пить чай, и тут Стас должен был выдержать настоящий штурм вопросов. Не особенно желая выделяться среди верующих, он старался уйти от некоторых прямых ответов, не спешил давать оценки некоторым спорным моментам, и решительно отказался судить священноначалие.

– Вы что не видите, что происходит? – возмущалась Клара. – Христианство сдают, спускают на тормозах!.. Владыки погрязли в пороках, то и дело возникают скандалы, а уж о духовной жизни вообще говорить не приходится!

– Конечно, – сказал Стас мягко. – Ваше суждение безусловно справедливо, но это если считать, что церковь оставлена Богом. Но я так считать не могу, и потому воспринимаю эти трудности, как испытание, посланное мне лично для укрепления веры.

– Прекрасно сказано, – восхитился Роман Петрович. – Скажите, а внутри себя вы все еще считаете себя священником?

– Признаюсь, я тешу себя надеждами, но в любом случае самовольно я не рискну приступать к совершению таинств.

Так что в конце он мог похвалить себя за выдержку, и потому считал встречу вполне удавшейся. Конечно, возникал неприятный момент некоторой конкуренции в духовном авторитете с Романом Петровичем, который доселе был их лидером, но Стас постарался не претендовать на победу.

Когда они выходили, Светлана попросила:

– Могу я с вами поговорить?

Стас решительно не желал вести душепопечительские беседы, но настроение у него было благодушное, и он согласился пройти пару кварталов, чтобы проводить Светлану к ее дому.

– Я грешна, батюшка, – сказала она с самого начала.

– Так это исповедь? – насторожился Стас.

– Это просьба, – сказала Светлана. – Я хочу вас попросить о помощи.

– Чем же я могу вам помочь?

– Вы уже знаете про моего мужа? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Не очень, – сказал Стас. – Вера что-то говорила, но я не понял.

– Мы с ним вроде как разошлись, – сказала Светлана. – Потому что в самом конце Великого поста, на шестой неделе, он не выдержал и отправился в Дом Любви.

Стас кивнул.

– То есть, он не выдержал супружеского воздержания?

– Он не выдержал всего, – сказала Светлана. – Не выдержал поста, не выдержал церковных служб, не выдержал моих упреков… Особенно моих упреков.

– Так он ушел от вас?

– Нет, – сказала Светлана. – Мы все еще живем вместе. Я пытаюсь смириться с тем, что мой муж ходит от меня к другим женщинам. Он уже несколько раз приносил в дом деньги за произведенное зачатие.

Стас вздохнул.

– Кажется, в обществе это поощряется, не так ли?

Она тяжко вздохнула.

– Больше всего меня угнетает то, что я не могу его прогнать, – произнесла она жалобно. – Я люблю его, понимаете? И он меня любит, если судить по его желанию. Просто у нас не может быть детей…

– Что вас угнетает? – спросил Стас. – То, что он ходит в Дом Любви, ли то, что вы сами уже не против?

Она вскинула голову, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Да, я не против, – сказала она. – Наши отношения теперь лишены напряжения, лишены истеричности… Понимаете, я говорила с нашим батюшкой, и он сказал, что все правильно, пусть он ходит, главное, что остается в семье… А я не знаю…

Стас остановился. Вопрос был серьезен, и надо было отвечать с того уровня, на котором он себя ощущал.

– Что я могу вам сказать, Светлана? Формально получается, что ваш муж отпал в язычество, живет по законам угождения плоти. Но посмотрите вокруг, так живут почти все. Сохранить веру в таком окружении неимоверно сложно, но ведь Господь призвал нас в такое время именно потому, что для нас это единственный путь к Богу. Решите для себя, что вам важнее,

угодить сластолюбивому мужу, или прогнать его и остаться в одиночестве. Только в одном случае вы остаетесь с Богом, а в другом предаете Его. Я не могу вас осуждать за угождение мужу, но если вы мне остаетесь сестрой по вере, то я призываю вас собраться с силами и решить вопрос. И я вас уверяю, что с Богом вы никогда не будете в одиночестве.

У нее вдруг скривилось лицо, она заплакала. Стас испугался, но она быстро пришла в себя.

– Спасибо, батюшка, – сказала она. – Мне нужен был именно такой совет, потому что никто другой так и не осмелился мне его дать. Будьте уверены, я этот вопрос решу. Вы только молитесь обо мне.

– Уж непременно, – сказал Стас с улыбкой.

– Тогда благословите, – она скрестила руки и склонилась перед ним.

Стас обычно решительно отказывался считать себя священником, но тут он собрал пальцы на руке священническим образом и благословил девушку, как это делают священники. И даже позволил ей поцеловать руку.

Отправляясь домой, он сам испытал некоторое потрясение, хотя в его словах не было ничего чрезвычайного, он сказал бы это Светлане и в других обстоятельствах. Но полузабытый дух отеческой ответственности снова прозвучал в его сердце, как бы возвращая его на прежнюю дорогу. Сладострастие можно было получить от случайной связи, от вкусной пищи, но было свое сладострастие и в желании властвовать над людьми даже с помощью церковного авторитета. На войне он не успел испытать ничего похожего, но тут понял, что злоупотреблять своим духовным опытом никак нельзя. Хотя он должен был признать, что дал девушке правильный совет.

Дом Агаты располагался далеко, и он двинулся к стоянке такси. Улицы были довольно пусты, и когда рядом вдруг возникла машина, Стас невольно повернул голову. Каково же было его удивление, когда машина остановилась рядом, и дверца открылась. Стас наклонился, чтобы посмотреть, и увидел за рулем Неделина.

– Подвезете? – спросил он насмешливо. – Или ограбите?

– Садитесь, – сказал тот.

Стас не стал спорить, и забрался в машину.

– Это хоть ваша машина, или в угоне?

– Перестаньте ерничать, – буркнул Неделин. – Вы хотели меня видеть – зачем? Вы приняли решение?

– А зачем вы залезли в дом моей сестры?

Он бросил на него насмешливый взгляд, и тронул машину с места.

– Ломаете над этим голову? Просто надо было провести экспертизу некоторых предметов ее обихода. Экспертизу проводил, разумеется, не я, а специалисты, которые вошли в дом с полицией по вызову.

– Вы же могли предположить, что Ванда вас узнает!

– Вообще-то меня должны были вывезти в участок, – сказал он. – Но, как всегда, что-то пошло не так, и она меня опознала. Впрочем, развития это не получило.

– Как же! – сказал Стас. – Во всяком случае это заставило рептилидов присмотреться к вашей фигуре. Куда вы меня везете?

– Домой, – сказал Неделин. – Только дальней дорогой. Представляю, что они вам про меня наговорили!

– Больше про генерала Хануиля, – сказал Стас.

Неделин качнул головой.

– Конечно, потому что они его боятся. Это герой войны, и по одному его слову поднимется вся армия.

– Но что ему надо от меня?

Оно некоторое время молчал.

– Когда в следующий раз будете с ними встречаться, спросите про предвестника Трускальда. Увидите, какой будет эффект!

– Кто это?

– Предвестник Трускальд, это был великий вождь фенцеров, который оставил свой пост и перебрался на Землю, когда ее только начинали исследовать. В Африке есть племя, у которого крокодилы являются тотемными животными. Так что рептилиды действовали почти открыто.

– Смешно, – отметил Стас. – Значит они здесь давно?

– Лет сто, – отвечал Неделин. – Поначалу они нас опасались, и нападение стало возможным только после того, как у них появилось нужное оружие. Чтобы научить их новому оружию потребовалось почти сорок лет!

– Они так плохо воспринимают новые технологии?

– Трускальд был личностью легендарной. Он первый среди рептилидов стал питаться синтетической пищей, чтобы отказаться от пожирания ближних. Фактически, это он привил крокодилам основы культуры. До этого они летали в космос, оставаясь сущими животными. Вы же видели барсифов! Вот приблизительно такими были все остальные расы.

– Я не понимаю, – покачал головой Стас. – Если они были такими дикими, то как они выбрались в космос?

– Об этом и речь, – сказал Неделин.

Машина оказалась в районе окраинного парка, и он остановил ее на стоянке, в тени деревьев.

– Поговорим, – сказал он. – Все равно, ваша сестра напивается перед телевизором, и за племянницей придется ехать вам. Но это не скоро. Значит, вы спрашиваете, как они выбрались в космос? В этом то и вся суть!..

29

Он приоткрыл боковое окно, и закурил сигарету. Сигареты, как знал Стас, теперь изготавливались исключительно безвредные, и оставались лишь признаком прежних удовольствий.

– Что вы знаете о восстановлении планеты? – спросил он.

– Мало что, – сказал Стас. – Как вам известно, в этот период я был немного занят.

– Но вы должны были заметить, как с невероятной скоростью строились города и дороги! Это демонстрировалось во всех новостных передачах!

– В лагерях не всегда есть возможность смотреть новости.

– Но вы уже успели оценить фантастические перемены вокруг! Вас ничего не удивило?

Стас нехотя пожал плечами.

– Да, это удивительно. Похоже, в дело были вложены немалые средства.

– Да, – кивнул Неделин. – Причем, средства вкладывали хозяева фирмы.

– Какой фирмы?

Неделин досадливо помялся.

– Для освоения планеты была создана компания «Фидер». Об этом все знают, но не обращают особого внимания. Считается, что это компания рептилидов, завоевателей. Но на самом деле большая часть компании находится во владении наших соотечественников. Президенты регионов, военные, правительственные чиновники.

– Так это они возродили планету после войны?

– Средства пришли из космоса, – сказал Неделин. – Технологии, инструменты, проекты… Но работу производили в основном наши люди. Это считалось правильным, потому что речь шла о нашей планете, которую не хотелось доверять иноземцам. Но мало кто знает, что рептилиды в принципе не владеют строительными технологиями.

– Кто же строит дома у них?

– Дома? Большинство из них живут на болотах в естественных условиях так сказать. По уровню общего развития они отстают от нас лет на двести, если не больше. Для высшего руководства работают в основном военнопленные.

Стас откинулся на спинку сидения.

– Почему же они победили?

– Опять же, потому что владели высокими военными технологиями. Их пресловутые энергетические удары по мощности превосходили наши термоядерные взрывы, да и производили куда больше эффекта. Их беспилотники легко подавили нашу авиацию.

– Откуда все это, если они живут на болотах!

Неделин усмехнулся.

– Наследие Создателей. Вы слышали про Создателей?

– Инопланетяне, которые запустили их цивилизацию?

– Да. Не знаю точно, когда это произошло, но давно. Для того, чтобы довести крокодилов до разумной деятельности потребовалось много сил.

– Но Создатели давно исчезли!

– Но оставили после себя программу действий, – сказал Неделин. – Существует некий объем информации, который обеспечивает жизненные интересы рептилидов. Эта информация наполняет некий природный компьютер, о сути которого теперь уже никто рассказать не может. Поразительно то, что этот компьютер работает как на Болоте, так и на Земле. Единый компьютер для всей Вселенной! Мы не можем определить, на каких законах работает эта штука. Верховные руководители из фенцеров владеют секретом обращения к этой базе, и всегда могут извлечь оттуда нужные технологии. Что я вам объясняю, вы же священник!

– При чем тут это?

– Потому что все это отчаянно напоминает религиозный ритуал. Обращение с молитвой к богу, и получение результата.

– Но у них нет признаков религиозного сознания.

– Конечно, – хмыкнул Неделин. – Потому что у них не хватило фантазии возвести все это в степень поэзии. Для них Создатели остались машиной осуществления мечты. Вот они и занялись своей мечтой, захватывая чужие планеты и пожирая местных жителей.

– Почему они не решили сразу вопрос с питанием?

– Они его решили, – вздохнул Неделин. – Но синтетическая пища остается уделом низших слоев населения. В высших слоях все еще торжествует культура воина, завоевателя, каннибала по сути. Поедание ближних для них вовсе не необходимость, это суть их жизни. И зачем им отказываться от этого, если у них так здорово все получается!

Стас посмотрел на него с тревогой.

– Они намерены нас всех сожрать?

Неделин покачал головой.

– Они могли бы, но зачем? Мы для них золотая жила! К тому же наши специалисты куда лучше их могут реализовывать их небесные технологии. Другое дело, что они не понимают необходимость экономики, и потому не заботятся о развитии. Им представляется, что мы вполне удовлетворены синтетическими продуктами и удобными жилищами. Другие цели развития вызывают у них подозрения, они пресекают всякие намеки на прогресс.

– Они качают из нас ресурсы? – спросил Стас.

Неделин облизнул губы.

– Не будьте идиотом, – сказал он. – После того, что я вам рассказал, вы сами могли бы догадаться, что они у нас качают. Наша компания обеспечивает их деликатесными продуктом, земными младенцами.

– Нет!.. – вырвалось у Стаса.

Неделин глубоко вздохнул.

– За это нам даны удобства проживания, свобода сексуальной жизни, и масса других удовольствий. Разве это неравноценный обмен?

– Вы шутите? – спросил Стас с горечью.

– Перестаньте! А разве без крокодилов мы не шли на это в массовом порядке? Разве аборты, контрацептивы, и прочие изобретения не освобождали нас от необходимости рожать и выращивать детей? Так что теперь мы построили счастливое будущее! И хотя сейчас секрет детских центров тщательно скрывается, но я уверен, что если бы даже это вскрылось, мало кто возмутился бы достаточно искренне.

– Но дети? Мне говорили, их там действительно воспитывают.

– Разумеется, убивают не всех, – кивнул Неделин. – Большая часть детей остается в школах. Самыми ценными деликатесами у них считаются младенцы, именно они составляют основной продукт. Но в процессе воспитания выбраковываются и другие возрастные категории. Считается, что до выпуска дойдет около половины всех детей. При той рождаемости, что сейчас показывается, это все же достаточный слой населения.

Стас в ответ только потряс головой, не найдя слов.

– Вернемся к учителю Трускальду, – сказал Неделин. – Этот уникальный крокодил не просто познакомился с нашей культурой, он был покорен ею. Есть версия, что он принял крещение, но мне это не кажется достоверным. Можете себе представить, чтобы священник крестил крокодила?

Стас только хмыкнул.

– Во всяком случае, он был решительным противником завоевания Земли. Он был сторонником взаимовыгодного контакта, у него даже была разработана программа такого контакта, вполне толковая, кстати. Ее рассматривали, когда начались переговоры на Луне.

– Я ничего не знаю об этих переговорах.

– Правильно, и никто не знает. Но компания «Фидер» была организована именно там. Это не крокодилы, это наши экономисты предложили снабжать Болото деликатесными младенцами за выгодную цену. Конечно, надо было решать, как это сделать, потому что человечество еще не было готово к такой выгоде. Тогда и родилась идея жестокой войны, с уничтожением большей части самого активного населения.

– Это невозможно, – сказал Стас. – Это невероятно!

– Все вполне вероятно, – сказал Неделин. – Человечество подошло к кризисному рубежу, за которым маячила мировая война. Так зачем нам мировая война, когда у нас наготове есть бесчеловечные пришельцы, с которыми все так охотно будут воевать. Это была фантастическая идея. Но, как водится, не все восприняли ее с энтузиазмом. В частности, маршал Гремин был решительно против. И в этом он оказался единомышленником учителя Трускальда.

– Кто еще был против?

– Ну, поначалу против были многие, – усмехнулся Неделин. – Но те, кто выдвинул проект, знали тонкости работы с людьми. Кого-то купили, кого-то запугали… Кстати, учитель Трускальд внезапно умер в своей постели, и ему были устроены пышные похороны на другой стороне Луны. Вы уже знаете, что они обычно пожирают своих родственников после смерти, так вот учитель Трускальд был первый крокодил, кто был похоронен в могиле. И только потом вдруг выяснилось, что на правах предвестника фенцеров Трускальд сумел выкрасть и спрятать Веритиан, Ключ от Неба. То есть возникла угроза серьезного кризиса, фактически остановки развития цивилизации рептилидов. Но об этом мало кто знал, и маховик войны был запущен.

– Они больше не развиваются? – недоуменно переспросил Стас.

– Вообще-то запас технологий позволяет им не испытывать проблем еще лет двести, – сказал Неделин. – Но дальше – все! Вы думаете, почему они так внимательно изучают теперь нашу культуру? Чтобы знать, куда идти дальше.

Стас нахмурился.

– Я начинаю понимать, – признался он. – Значит маршал Гремин что-то знал про этот самый Ключ от Неба? Почему же он его не использовал?

– На эту тему существует огромное количество предположений, – сказал Неделин.

– Конечно, – согласился Стас. – Вряд ли речь шла о местонахождении ключа, скорее там должен быть путь к нему.

– Там может быть все, что угодно, – сказал Неделин. – Поэтому, вы должны понимать важность имеющейся у вас информации. Сейчас на вас будут смотреть со всех сторон.

Стас поднял голову.

– А с какой стороны смотрите вы? – спросил он. – Вы же работаете на генерала Хануиля! Так ведь?

– Генерал Хануиль, – сказал Неделин, нервно скривившись, – это сущий мужлан, тупица и живодер. У него своя доля в компании, и он счастлив тем, что питается пищей фенцеров. Конечно, он хотел бы получить контроль над Веритианом.

Стас склонил голову.

– Что это за название, Веритиан? То ли веретено, то ли латинское veritas. Кто его придумал?

– У них он называется по-своему, – согласился Неделин. – Земное название ему дал учитель Трускальд, и оно прижилось.

– И что мне теперь делать? – спросил Стас. – Вот вы вывалили на меня все это дерьмо, и что? У меня есть какие-то возможности повлиять на это?

– Вы – единственный хранитель истины, – сказал Неделин. – Вы можете все! Я не говорю о том, что вы можете просто покончить жизнь самоубийством, как это сделал полковник Анти-

пов, и тогда цивилизация крокодилов будет медленно умирать. Но если вы сможете помочь нам найти Веритиан, это дает нам возможность вернуть все на место.

– На место? – скептически переспросил Стас.

– Причем, на то место, которое вы сами выберете! Во всяком случае, мы можем не только избавиться от крокодилов, мы отдадим должное всем акционерам компании «Фидер». Мы вернем детей к родителям, мы вернем людям работу, мы искореним все последствия войны.

– Я не очень верю в эти перспективы, – устало сказал Стас. – Чтобы вернуть все на место, нужен не Веритиан, но это другой вопрос, и я не буду вас грузить. С другой стороны, самоубийство меня совсем не привлекает, и я готов еще потерпеть ваше общее внимание. Что лично вы хотите от меня?

– Я должен был просто ввести вас в курс дела, – сказал Неделин.

– У вас есть какая-то организация?

– Есть. Но говорить об этом пока рано. Если вы захотите меня найти, вы знаете, что надо делать.

– Значит, никаких обязательств, никаких заданий?…

– Никаких, – подтвердил Неделин. – Мы будем следить за вами, и всегда окажемся рядом, если ситуация обострится.

Стас кивнул.

– Тогда отвезите меня домой, – сказал он. – Мне еще о многом надо подумать.

Неделин хмыкнул, и нажал кнопку включения двигателя.

30

Как и говорил Неделин, Агата в самом деле напилась до бессознательного состояния, и Стас оставил ее спать. Ему пришлось ехать за Вандой в школу, но для вождения машины надо было хоть какое-то сосредоточение, чего Стас гарантировать никак не мог. Он взял такси, и Ванда была этим очень недовольна.

– Держать в гараже четыре машины, и ездить на такси! – фыркала она.

– У вас четыре машины? – оживился водитель. – Может, вам шофер нужен?

– Сами разберемся, – отозвалась Ванда.

Дома ему пришлось готовить ей ужин, и когда Ванда узнала, что ее мать лежит пьяной, она пришла в восторг.

– Я всегда подозревала, что она отвязная деваха, – заявила она.

– Не смей так о матери, – строго сказал Стас. – Вчера у нее было тяжкое переживание, и ей надо было с им как-то справиться.

– Какое переживание? – насторожилась Ванда.

Стас не стал об этом говорить, и позже он застукал Ванду, когда она пыталась через сеть разузнать подробности у Дианы. В результате Диана нагрянула к ним, якобы с заботой о подруге, а на самом деле разведать, что там такое произошло. Стас не был настроен на разговор, и потому у нее ничего не вышло. Диана с Вандой для отвода глаз затеяли было какую-то компьютерную игру, но в конце концов оказались в спальне у Агаты, пытаясь ее разбудить. Стас выгнал их, но Агата уже проснулась в невменяемом состоянии, и Стасу пришлось ее снова укладывать.

Диана уложила спать Ванду, рассказывая ей подробности вечеринки у какого-то известного музыканта, и зашла перед уходом к Стасу.

– У меня ощущение, что я потеряла нить, – сказала она. – Происходит что-то важное?

– Я сам потерял все нити, которые у меня были, – отвечал Стас. – Я больше никого не хочу видеть. Разумеется, тебя это не касается. Но жизнь на воле оказалась страшно противной штукой.

– Это все из-за твоего целибата, – сказала Диана насмешливо. – Если бы ты позволил себе расслабиться, то жизнь бы не казалась тебе противной.

– Думать об этом еще противнее, – сказал Стас.

Диана печально вздохнула.

– Утром меня забирают, – сказала она, словно ее ждала тюрьма и каторга. – Мы увидимся только через неделю. Ты будешь скучать?

– Тебе надо выспаться, – сказал Стас. – Спокойной ночи.

– Хотя бы поцелуй меня! – капризно потребовала Диана.

Стас чмокнул ее в щеку и проводил до выхода.

– Увидимся, – сказал он, закрывая дверь.

Ночью он опять долго не мог уснуть, благо забот хватало. Снова и снова вспоминал он тот момент, когда маршал Гремин заглянул ему в глаза, после чего его пронзила боль от электрического разряда. Поди теперь разберись, куда это пошло, и где его искать! За время лагерных допросов его исследовали самыми разными способами, но не нашли в его организме никаких подозрительных особенностей. Оставалось предполагать, что информационный заряд попал в нервную систему, и скрылся в ней. Теперь надо было ждать, когда некий условный сигнал не пробудит его заново.

Около трех часов ночи он вспомнил, что в деле была еще какая-то флешка, которую маршалу вставили в гнездо за ухом. Он помнил, что в голове у маршала был вход в компьютер, который потом взорвался во время операции. Восстановить компьютер было невозможно, но

наличие флешки как-то прошло мимо внимания искателей истины. Но как можно было найти флешку?

Эта мысль засела в голове Стаса, не позволяя ему заснуть, и он проворочался в кровати часов до пяти. Но утром надо было поднимать Ванду, поскольку рассчитывать на Агату было трудно, и он волевым усилием поднялся.

Ванда за завтраком развеселилась, стала рассказывать про подругу, которая подсела на наркотики, потом спросила:

– Надеюсь, мама не пойдет по нарастающей?

– Если ты не будешь ее дергать, – сказал Стас.

– А знаешь, – стала вспоминать Ванда. – Последний раз она напилась, когда нас бросил Адам. Но на утро она предприняла все, чтобы на работе ее не засекли. А теперь что?

– Она взяла трехдневный отпуск, – сказал Стас.

– Ее точно не уволят?

– Будем надеяться, – вздохнул Стас.

На сей раз он позволил себе сесть за руль и довез Ванду до школы. Когда-то он недурно водил машину, но теперь все забыл, хотя некоторые инстинкты все же сохранились. На обратном пути он даже допустил обгон, хотя надо было прознать, что другая машина двигалась совсем медленно. Поставив машину в гараж, Стас поднялся в свою комнату, чтобы проверить некоторые данные. Лейтенант Штерн, с которым он встретился у кровати маршала, погиб спустя три дня, буквально накануне избавления, и это показалось Стасу довольно подозрительным. Впрочем, тогда люди гибли десятками, и ничего удивительного в этом не было, но именно Штерн вполне мог заинтересоваться флешкой и прибрать ее к себе. Однако поиски Стаса ничего не дали, потому что фронтовые сводки предлагали только статистические данные. Подробности событий опускались.

Агата осторожно вошла в его комнату и поскребла по двери, чтобы обратить на себя его внимание. Вид у нее был поникший и виноватый.

– Ванда ушла в школу? – спросила она сиплым голосом.

– Я ее отвез, – сказал Стас. – Как ты?

Агата шмыгнула носом и села в кресло, опять с ногами.

– Мне плохо, – сказала она.

– Пройдет, – ответил Стас. – Чего вдруг в тебе алкоголизм проснулся?

– Я знаю? – протянула она. – Стресс замучил, вот и проснулся.

– Конечно, – хмыкнул Стас. – Всегда можно сослаться на виноватый стресс!

– Тебе-то я не должна объяснять, – буркнула Агата. – Ты и сам в курсе.

– Ладно, проехали, – сказал Стас. – У тебя точно не будет неприятностей?

– Не знаю, – сказала она. – Крокодилы, они ведь непредсказуемые. В деле-то точно появится заметка, а уж что они там сформулируют, еще посмотреть надо.

– Может тебе уйти оттуда?

Агата гневно вскинула голову.

– Это моя работа! – воскликнула она. – Думаешь, я там бездельничаю? Я там занята любимым делом, и такая работа есть только у очень немногих. Ты же не хочешь, чтобы я, как Диана, ублажала богатеньких?

Стас вспомнил о тех, кто являлись богатенькими в этом мире, и его передернуло от ненависти.

– Не хочу, – процедил он. – Только Диана все равно уехала на целую неделю.

– Бывает, – вздохнула Агата.

Тут последовал звонок у входной двери, и на стенной панели появился экран с изображением гостя. Агата ахнула.

– Господи, это Адам! Вот же принесла его нелегкая! Стасик, прогони его, пожалуйста… Не могу же я в таком виде!..

– Совсем прогнать? – лукаво ухмыльнулся Стас.

– Не надо совсем, – спохватилась она. – Скажи, что я занята.

Стас с укором покачал головой.

– Странные у вас отношения!..

– Мы просто друзья, – попыталась объяснить она.

Стас спустился в холл и подошел к двери. Мужчина, который стоял за дверью, выглядел внушительно, но излишняя ухоженность бросалась в глаза. Во всяком случае, Стас этого не понимал.

– Слушаю вас, – сказал он, открыв дверь.

Можно было переговорить через закрытую дверь, но Стас со своими старомодными манерами считал это грубостью.

– О! – сказал мужчина, удивившись. – А ты кто? На новенького?

Стас чуть скривился. Следовало учесть, что парень явно нервничал, и на это надо было делать скидку, а то бы Стас попросту закрыл дверь.

– Еще вопросы? – спросил Стас.

– Могу я повидать Агату? – спросил парень.

– А если она на работе? – предположил Стас.

– Нет ее на работе, – сказал парень. – Я ее муж, Адам Флинт. Когда-то эта дверь открывалась от одного моего прикосновения.

– Все меняется, – сочувственно кивнул Стас. – Так что передать?

– Мне надо с нею увидеться, – заявил дам решительно.

– Я передам, – кивнул Стас. – Как ей вас найти?

– У нее есть мой телефон, – сказал он. – А что, ее нет дома?

– Договорились, – кивнул Стас.

– Погоди! – спохватился Адам, видя, что он собирается закрывать дверь. – Ты не сказал, что ты такой?

– А я был должен? – спросил Стас.

– Ну, хотя бы я буду знать, с кем теперь живет моя жена.

Стас добродушно улыбнулся.

– Я ее двоюродный брат, Станислав, – сказал он. – К тому же несущий обет безбрачия. Никаких поводов для ревности.

И он закрыл дверь.

Он видел, как Адам некоторое время неуверенно постоял перед дверью, зачем-то посмотрел наверх, даже отошел для этого на пару шагов, но потом махнул с досадой рукой и отошел совсем.

Агата наблюдала за ними через панель на стене. Выражение лица у нее было грустное, но когда Стас вернулся в комнату, она ему улыбнулась.

– Здорово ты его отшил.

– Надеюсь, ты не собираешься к нему вернуться?

– А ты против? – она кокетливо склонила голову.

– Он слишком обычный, – сказал Стас, садясь к столу с компьютером. – Неинтересный какой-то.

– Он интересный, – сказала Агата, потянувшись с завком. – Да ладно, я сама еще не разобралась. Мне пока совсем не до него…

И она ушла.

Стас вернулся к своим воспоминаниям. Конечно можно было отправиться в Крым и там поискать место, где когда-то стоял катакомбный госпиталь, но эта идея не показалась Стасу

конструктивной. Прошло слишком много лет, чтобы искать там флешку. Но направить на такие поиски кого-то с полномочиями было можно.

Какой пароль мог заложить маршал для раскрытия спрятанной информации? То ли какую-то фразу, то ли мелодию, то ли совпадение обстоятельств. Если бы Стас устраивал всю эту операцию, чтобы предложил для пароля он, уже зная, что пароль понадобится через многие годы. Какой пароль мог соответствовать таким условиям. А главное, кто мог потребовать эту информацию? Значит где-то есть люди, которые тоже ищут Стаса, чтобы вытащить из него все секреты. Но среди тех, кого Стас причислял к этому делу, не было подходящих кандидатур.

С другой стороны, никто особенно не интересовался, куда летел маршал, и что он намеревался делать. Владея таким секретом, он давно должен был задействовать его, чтобы воспользоваться в военных действиях. Война шла почти четыре года, времени для этого было достаточно. Если он не воспользовался этим, значит условия не были созданы. И в Среднюю Азию он летел, чтобы эти условия создать, не иначе. Земные армии уже практически добивали, и если этот секрет все же можно было использовать, то пришло самое время. Что он искал в Средней Азии, растоптанной крокодилами еще в первый год войны, где оставались только слабые очажки проживания людей в очень скверных условиях. Это был вопрос, который мог вывести на результат.

Но тут в его комнату влетела возбужденная Агата, и выпалила:

– Он едет сюда!

31

Поначалу Стас не понял.

– Кто едет?

– Ланго! Он едет сюда, представляешь?!..

Стас пожал плечами.

– И что? Пусть едет, накормим его копченой рыбой.

– Ты не понимаешь?! – вскричала Агата. – Я не могу встретить его в таком виде!..

Стас сдержал насмешливый ответ.

– Так переоденься!

– Дело не только в одежде! Я выгляжу просто чудовищно, но как я могу ему отказать? Что мне делать?

– Смириться, – отвечал Стас. – Показаться ему в таком виде, и не нервничать.

– Это невозможно, – она решительно закрутила головой, и взглянула на Стаса умоляющим взглядом. – Стасик, дорогой, задержи его, поговори с ним, накорми его рыбой, в конце концов! Мне нужно время, чтобы привести себя в порядок.

Стас сразу набычился.

– Извини, – сказал он. – С некоторых пор контакт с крокодилами не доставляет мне приятностей.

– Пожалуйста!.. – взмолилась Агата. – Я только причешусь и подкрашусь…

Стас угрюмо вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Пусть будет копченая рыба.

Ланго приехал только через полчаса, его летательная машина села прямо на газон участка Агаты. Охранники прежде всего потребовали открыть входную дверь, и только после этого Ланго быстро прошел в дом. Охранники остались во дворе.

– Добрый день, – приветствовал его не без натуги Стас. – Что случилось? Агата так перепугалась…

– Как она? – спросил Ланго, щуря глаза.

– Переживает, – сказал Стас. – Просила меня задержать вас разговором, пока она накрашивается.

Ланго прошел в гостиную, и сел в свое кресло.

– Кстати, – вспомнил он. – Наши модницы на Болоте тоже ввели косметику в обиход, с вашей подачи!..

– Женщины везде одинаковы, – вздохнул Стас.

Ланго бросил на него быстрый взгляд.

– Ну, у нас они не совсем женщины, – заметил он осторожно.

– Ах, ну да, простите, – извинился Стас.

– Просто слой чувствительных особей, в которых сохранились рудиментарные половые признаки.

Ланго нервничал.

– Что-то случилось? – спросил Стас.

– Конечно, случилось! – чуть раздраженно бросил он. – Профессор Цингали за все те годы, что я здесь работаю, высказал мне только разве что три слова! А тут за два дня я уже был дважды удостоен его собеседования! Или он готовит меня на повышение ранга, или собирается сожрать в ближайшее время.

– Вы снова с ним встречались? – спросил Стас.

– Да, – сказал он. – Только что! Он был подозрительно ласков, и как всегда не сказал ничего определенного. Это и настраивает меня в тревожном тоне.

Стас понимающе кивнул.

– Он что-то от вас хочет?

– От вас, Стас, – ответил он. – Что он может от вас хотеть, да еще с такой решительностью?

– Как я могу это знать? – пожал плечами Стас. – У вас есть какие-то предположения?

– Предположение одно, – отвечал Ланго. – Маршал Гремин, конечно. Что-то они там наломали дров, вот теперь не могут разобраться, хотя прошло уже почти двадцать лет!

– Вы же понимаете, я в этом деле ничего не решаю.

– Вам надо поскорее в этом определиться, – сказал Ланго. – Потому что вопрос стоит ребром. Вы понимаете?

Стас поднял голову.

– Он готов меня убить?

– Не только вас, – сказал Ланго. – Но и всех родственников! Всех, с кем вы общались в последнее время. Представляете, какая готовится гекатомба?

– Что такое гекатомба? – спросил Стас.

Ланго посмотрел на него снисходительно.

– Жертвоприношение, – сказал он. – Я вам признаюсь, Стас, вы мне симпатичны, и я испытываю удовольствие в общении с вами, но я сам вас убью, если возникнет угроза для жизни Агаты.

Стас скривил усмешку.

– Такое ощущение, что вы в своих исследованиях зашли слишком далеко, – заметил он.

– Да, – сказал Ланго. – У нас вовсе не рабочие отношения, как вы понимаете. И мне бы хотелось поскорее выковырять из вас все ваши тайны. Как это сделать, скажите?

Стал тяжело вздохнул.

– Вы хоть знаете, о каких тайнах идет речь? – спросил он.

– Нет, – сказал Ланго. – А вы знаете?

Стас чуть помедлил.

– Я знаю, – ответил он. – Но я не уверен, что вам тоже надо это знать.

Ланго даже вскочил с места.

– Что это значит? Как вы смеете мне такое говорить?

Стас развел руками.

– Ведь профессор Цингали не стал вам этого открывать, – напомнил он. – Может, вами и не надо?

Ланго осекся.

– Вы так думаете? Значит, речь идет не о военных секретах?

– Нет, – сказал Стас. – Но я еще раз повторяю, я не знаю секрета открытия моей информации. Я буду рад, если вы мне поможете, но я уверен, что это только вспомогательная информация, которая должна вести дальше. Вы понимаете, что это значит для меня?

Ланго кивнул и снова сел в свое кресло.

– Вас сразу убьют, – сказал он.

– Так стоит ли мне рваться к открытию?

– В противном случае вас тоже убьют, – сказал Ланго. – Профессор Цингали дал мне срок в три земных месяца. Он считает, что дальнейшее продление поисков рискованно, и предпочитает избавиться от вас, включая весь список ваших близких, о котором я вам рассказал. Включая, естественно, и меня самого.

– Прекрасно, – натужно улыбнулся Стас. – Значит, мы в одной лодке!

– Я понимаю трудности вашего выбора, – вздохнул Ланго. – Или погибнуть самому, или увлечь за собой десятки людей, но не открывать секрета.

– У меня нет выбора, – сказал Стас. – Я открою ваш секрет, как только смогу. Но я не могу! Помогите мне, если сможете.

– Конечно, – кивнул Ланго. – Я для этого и пришел к вам. Что я могу для вас сделать?

Стас глубоко вздохнул. Пришло время реализации каких-то действий, и в этом смысле появление Ланго было уместным.

– Что вы знаете про Среднюю Азию? – спросил он.

– Какая-то пустыня на востоке, – ответил Ланго. – Там никто не живет.

– Маршал Гремин перед своей кончиной отправлялся туда, – сказал Стас. – Мне надо знать, что он мог там найти? В данных вашей разведки должны быть какие-то материалы, попробуйте поискать там.

– Нашей разведки, – фыркнул Ланго. – Вся наша разведка состояла из землян.

– Кто-нибудь из них остался в живых?

– Вряд ли, – покачал головой Ланго. – Разве что мелкие сошки. Я скажу, чтобы их доставили к вам для беседы.

Стас невольно усмехнулся.

– Это будет смешно, – сказал он. – Побежденный допрашивает победителей.

– Их в большинстве ликвидировали нелегально, – сказал Ланго. – Хоронили с почестями, обеспечили семьи. Наши грулли всегда потешались над способностью землян к измене.

– Генерал Хануиль тоже так думает? – спросил Стас.

– Конечно, – Ланго дернул плечом. – Не исключено, что именно он этим занимался.

– Но я знаю одного разведчика, который остался в живых.

– Ваш Неделин? – понимающе кивнул Ланго. – Но он не был в составе разведывательного управления. Он был мелкой сошкой. Под руководство генерала он перешел только после войны, в период восстановления.

– Ваш профессор опасается именно генерала с его амбициями?

– Разумеется, это очень значительная фигура, во всяком случае, в масштабах Земли. А главное, он ведь не просто бунтует! Он бунтует против базовых устоев нашего общества, против расовых привилегий. Это действительно очень опасно.

Стас поднялся, чтобы пройти к бару.

– Выпьете что-нибудь? – спросил он.

– Конечно, – согласился Ланго. – Там бутылка с зеленым напитком, это для меня.

Стас налил ему бокал зеленого напитка, а себе стакан апельсинового сока. Вернувшись к Ланго, он подал ему бокал и спросил:

– А на чем базируются ваши привилегии? На расовых приоритетах?

Ланго отпил глоток.

– Не только. Это ведь исторически сложилось, фенцеры представляют собой стратегическое управление общества, грулли составляют его оружие, а мы, гринбеи, представляем чувственную систему.

– Там ведь есть еще какие-то расы?

– Они не претендуют на первенство, – махнул лапой Ланго. – У них нет на это никаких способностей.

– А у груллей – есть?

Ланго опять отпил глоток.

– Им нужно руководство, – сказал он. – Генератор инициативы.

Стас усмехнулся.

– И это руководство можете предоставить им вы, не так ли?

Ланго поставил бокал.

– Возможно, – сказал он.

– Нет, в самом деле, – заговорил Стас с интересом. – Мы говорили об амбициях фенцеров, груллей, и как-то совсем упустили амбиции гринбеев. Ведь они должны у вас быть, не так ли?

– Почему это вас так интересует? – он пристально посмотрел на Стаса.

– Потому что в этой игре не хватает еще одного игрока, – ответил Стас впадая в азарт расследования. – И мне представляется, что именно у вас, гринбеев, куда больше оснований претендовать на руководство.

– Основания у нас может быть и есть, – сказал грустным тоном Ланго. – Но в отличие от груллей мы понимаем, что все решают вовсе не амбиции. Фенцеры рождены со способностью обращаться к Создателям, чего нет ни у груллей, ни у нас, ни у кого-то еще.

– Что это за способность? – Стас застыл от волнения.

– Существует практика обращения к Создателям, – стал объяснять Ланго. – Это идет от веков, они одни могут говорить с Создателями на их языке.

– Это носит характер обряда?

Ланго посмотрел на него с удивлением.

– Да!.. Но это не религия в вашем смысле. Это технология…

– Значит, в этой технологии есть свои элементы?

Ланго улыбнулся.

– Представьте, есть. В вашей системе это могли назвать святыней. Существует ключевой атрибут, с которым могут обращаться только фенцеры. У вас его называют…

Он не успел произнести название, как в гостиную вошла роскошно одетая и накрашенная Агата, излучающая восторг. Стас, представляющий, что ей пришлось для этого сделать, невольно восхитился ее видом.

– Вот и я, – заявила Агата. – Так что, устроим семейный ленч? Дорогой, ты же любишь копченую рыбу, верно?

32

Агата вела себя вызывающе бодро, что казалось немного надрывным, так что Стас даже пытался ее остепенить, то и дело одергивая так, чтобы Ланго не заметил. Но остановить ее было невозможно она веселилась, шутила, заводила разговор о каких-то загадочных вещах, и громко смеялась над своими собственными шутками. Стас спохватился несколько поздно, так что однажды после одной своей шутки она громко рассмеялась, чтобы немедленно впасть в истерику и начать надрывно рыдать. Стасу пришлось отвести ее в спальню, и там успокоить с помощью транквилизаторов.

– Боже мой, – растерянно говорила Агата. – Что я натворила?!..

– Пойду, узнаю, – сказал Стас. – А ты пока посиди, отдохни.

Она ухватила его за руку.

– Я была ужасной?

Стас пожал плечами.

– Для меня ты всегда прекрасна, – неуклюже высказался он и ушел.

Ланго, как ни в чем не бывало, сидел за столом и неторопливо поглощал свои деликатесы.

– Ей надо немного отдохнуть, – сказал Стас. – Вы же понимаете, что оказаться перед вами в такой ситуации ей особенно неприятно.

Ланго сотворил подобие доброжелательной улыбки.

– Наркотики? – спросил он очень вежливо.

– Алкоголь, – отвечал Стас. – Ничего страшного. Послезавтра, когда она выйдет на работу, она будет в порядке.

Ланго протяжно вздохнул.

– А скажите мне, Стас, ваше безбрачие в какой-то мере защищает вас от приступов любовной страсти?

– Разумеется, – улыбнулся Стас. – Существует технология аскезы, и я ей следую. Там есть степени приближения греховного помысла, от прилога до страсти, и в каждом случае рекомендуются проверенные способы защиты.

– Мне бы у вас взять несколько уроков, – проговорил Ланго.

– Я плохой учитель, – сказал Стас. – Теоретически я знаю пути борьбы с грехом, но в практике я в нужный момент о них просто забываю.

– Я люблю ее, – сказал вдруг Ланго.

Стас смолчал.

– Может перейдем к десерту? – спросил он.

– Вы можете считать, что я придумал это чувство, – сказал Ланго. – Я ведь достаточно долго пытался его описать. Но в какой-то момент я понял, что я влюбился. Вы можете это понять?

– Вполне, я же человек, – сказал Стас. – Только посоветовать вам ничего не смогу. Я в этом вопросе не имею практики, не считая юношеских влюбленностей, оставшихся в памяти одними только переживаниями и разочарованиями.

– Как вы полагаете, любовь без секса возможна?

Стас усмехнулся.

– Ланго, дорогой, вы говорите с человеком, который посвятил себя религии любви. И эта любовь принципиально внесексуальна.

– Но у меня это не религиозное чувство, – покачал головой Ланго.

– Как вы можете об этом судить, если не знаете религии, – сказал Стас. – Вы же не можете гарантировать, что религиозное чувство вам недоступно. Как мне известно, существуют примеры, или слухи о примерах другого плана.

Ланго вскинул голову.

– О чем то вы?

– Об учителе Трускальде, разумеется, – сказал Стас. – Вы слышали про него?

Ланго удивленно качнул головой.

– Конечно, я о нем слышал! Но откуда вы про него узнали?

– Я серьезно занят этим расследованием, – сказал Стас. – И мне приходится рыться в материалах. Я слышал, существует легенда о том, что учитель Трускальд принял крещение. Я не очень представляю, как это могло быть, но верю, что могло.

Ланго снова покачал головой.

– Но это невозможно! Он умер в Болоте, его похороны были крупнейшим собранием великих учителей всех рас. Это было еще до начала войны.

– А у меня сведения, что он последние годы жил на Земле, был противником войны, и его похоронили на Луне по человеческому обряду, потому что он сам так захотел. Там была база рептилидов, где они вели переговоры с землянами.

– Это абсолютно невозможно! – воскликнул Ланго. – Это нарушение всех устоев! Откуда вы это взяли, скажите мне?

Стас смотрел на него некоторое время, выдерживая паузу. Было видно, что Ланго разволновался, но природу его волнения Стас не понимал.

– А что вы знаете о переговорах на Луне? – спросил Стас.

– Не было никаких переговоров, – сказал убежденно Ланго. – Война началась сразу после того, как мы нашли Землю. Она оказалась фантастически богата!..

Он осекся.

– Так вы говорите, они вели переговоры? И почему же все оборвалось?

– Ничего не оборвалось, – сказал Стас. – Эта война стала реализацией их договоренностей. Это они по уговору начали эту бойню, понимаете? По взаимовыгодным соображениям.

Ланго смотрел на него холодным крокодильим взглядом.

– Вы знаете это, – сказал он, – и терпите?

Стас развел руки.

– Как вы понимаете, я не проявил большого терпения, когда пошел в армию, – сказал он. – Как и все, я посчитал святым делом борьбу с иноземным пришествием, и таких как я были миллионы, если вы помните. Одной из задач этой войны было уничтожить эти миллионы. Да и без них население было слишком большим для реализации широких планов наших радетелей.

– Но зачем это им понадобилось?

Стас склонил голову.

– А что вы знаете о деятельности компании «Фидер»?

Ланго смотрел на него недоуменно.

– Это же земная компания, – сказал он. – Она была создана для восстановления нормальной жизни на земле. Что вам в этом кажется неправильным?

– Вы хотите сказать, что вы не знаете, что они производят?

– Синтетическую пищу, – сказал Ланго. – На Земле невероятное количество ресурсов, и потому здесь открыто производство синтетической пищи. Это работа для ваших людей, и это возможность возрождения вашей цивилизации.

Стас почувствовал желание взорваться, но сдержался. Он глубоко вздохнул.

– Или вы не все знаете, – сказал он. – Или вы считаете меня за дурака. Вы не понимаете, зачем была проведена реформа воспитания нового поколения?

– Но это же очевидно! – сказал Ланго. – Мы начали политику увеличения народонаселения, а поскольку содержать большие семейства было накладно, правительство взяло на себя вопросы воспитания. Опять все логично!

– Разумеется, – кивнул Стас. – Но это создает условия бесконтрольного скопления младенцев. Кто-то ведет статистику, сколько детей рождается, сколько умирает?

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, – не выдержал Стас, – что это фирма по продаже младенцев на прокорм вашим богатеям!

Возникло молчание. Стас поднялся отошел к бару и налил себе стопку водки. Некоторое время он смотрел на нее в сомнении, но потом решительно опрокинул в себя.

– Я ничего не знал, – произнес Ланго в другом конце комнаты.

– Что это меняет? – спросил Стас с горечью. – Я ведь даже вас не могу в этом обвинить, потому что идея принадлежит нашим руководителям! Уверен, что некоторые из них возглавляли наше военное командование и призывали нас проявить героизм в борьбе с зелеными чудовищами. Для вас пожирать ближних, это свойственно, но кем надо быть, чтобы организовать это для нас?

– Что вы хотите делать? – спросил Ланго убито.

Стас вернулся к столу.

– Я не знаю, – сказал он. – К тому же я оказался занозой в заднице для многих влиятельных особ, и жизненные перспективы у меня довольно мрачные. Мне остается безропотно искать пароль для раскрытия моего секрета, и молиться, чтобы Господь не дал мне сойти с ума.

– Я не знаю, – произнес Ланго. – Это все так страшно… Но я искренне хочу вам помочь. Помочь не профессору Цингали, а именно вам, Стас!

– Спасибо, – сказал Стас угрюмо. – Я буду иметь вас в виду.

– Со своей стороны, – продолжил Ланго, – я попытаюсь раскопать что-нибудь про учителя Трускальда, и про переговоры на Луне. Вы должны понять, что хотя мы и выглядим крокодилами, но общественная жизнь у нас бурлит. Если правда об этой войне дойдет до Болота, это может вызвать бурю!

– Буря на Болоте, – хмыкнул Стас.

– На этой войне погибло до тридцати миллионов наших воинов, – сказал он. – Большинство их них остались непогребенными по нашему обряду, это значит они выпадают из болотного единства. Рептилиды всех рас будут возмущены, узнав, что это делалось по сговору.

Стас не стал это комментировать, поскольку помнил, что ритуал погребения включал в себя поедание покойников родственниками и близкими.

– Я должен вам сказать, – продолжил Ланго уже не без напряжения. – На Болоте среди нашей расы существует своя организация. Мы не рвемся к власти, но мы оставляем за собой право произнести свое слово.

– Конечно, – устало кивнул Стас. – Действуйте, как знаете, Ланго. Я должен признаться, что не верю в общественные возмущения, но если вы считаете это необходимым, то валяйте.

– Но это все касается Болота, – продолжил Ланго. – А как вы думаете действовать дальше в плане нашего расследования. Я попробую выжать что-нибудь из Средней Азии, но это не очень перспективно.

– Еще мне нужно подробное дело маршала Гремина, – сказал Стас. – Может мы выжмем что-нибудь из его персональных характеристик.

– Я достану, – кивнул Ланго. – Профессор фактически предоставил мне карт-бланш, и сейчас у нас открываются широкие возможности.

– Тогда можно проверить историю с погребением Трускальда на Луне. Если он действительно был похоронен, то может быть остались следы.

Ланго кивнул.

– Но если он был похоронен по вашему обряду, – сказал он, – то это будет воспринято, как великая измена.

– Вами тоже? – посмотрел на него Стас.

Ланго покачал головой.

– Я не знаю, – сказал он. – И не надо требовать от меня немедленного ответа.

Стас поднял руки.

– Конечно, конечно! Я думаю, что Агату во все это посвящать не надо.

– Конечно, – согласился Ланго. – Но не забывайте, пожалуйста, какая над ними нависла угроза.

– Как уж тут забудешь, – фыркнул Стас.

Тут очень кстати появилась Агата, немного взъерошенная, с красными глазами, но с улыбкой на лице.

– Простите, – сказала она. – Я опять с вами. Так что там у вас происходит, Ланго?

– Все в порядке, – отвечал Ланго спокойно.

33

Отель в Гизе располагался посреди искусственной пальмовой рощи, где рядом было выглядевшее довольно естественно озеро, в котором обитатели отеля купались. Пирамиды были в стороне от поселка, но если подняться на верхнюю площадку отеля, то их вершины пугающе нависали над горизонтом.

Впрочем, их было видно и из окон верхнего этажа, так что Анри Десконье любил устроиться в тени на лоджии, попивать коктейль и смотреть на пирамиды. Когда Диана поднялась после купания в озере, он все еще сидел там.

– Ко мне опять приставал какой-то тип из местных, – сказала она, утираясь полотенцем.

– Влюбился? – меланхолично спросил Десконье.

– Не исключено, – отвечала Диана. – Только мне ближе конспирологическая версия.

Генерал посмотрел на нее с улыбкой.

– Ты произносишь такие длинные слова, – сказал он.

Диана приготовила себе коктейль, и устроилась в шезлонге рядом.

– Что опять придумал? – спросила она.

– Пирамиды построили атланты, – задумчиво сказал Десконье.

– Это не ты придумал, – отмахнулась Диана. – Эту версию я слышала из какой-то передачи еще в детстве.

– Ты, наверное, видела, как я выступал по мировой сети, – сказал генерал. – В твоем детстве я уже был генералом.

Диана повернулась к нему с улыбкой.

– Ты и сейчас генерал.

Десконье вздохнул.

– Они не придумали более высоких званий, – пожаловался он. – Я бы хотел быть маршалом. Надо будет вступить с таким предложением на новогодней встрече.

– Что за новогодняя встреча?

Десконье усмехнулся.

– Если я скажу, то должен буду тебя убить.

– Подумаешь, – фыркнула Диана. – Наверняка, встреча голимых политиканов. Такого рода секреты скучны. Новый Год для другого!..

– А что ты будешь докладывать о нашем свидании своему начальству? – спросил Десконье с интересом.

Диана посмотрела на него с улыбкой.

– Скажу, что ты уже на грани перевербовки. Ведь это именно так?

– Воистину, – кивнул генерал. – Правда, я еще не выбрал, к кому бы мне перекинуться.

– Перекидывайся к нам, – предложила Диана. – Мне дадут повышение.

– Да, это серьезный мотив, – кивнул генерал.

Диана потянула напиток из бокала через соломинку.

– Так что там с вашим парнем? – спросил генерал.

– Закрутилось все славно, – сказала Диана. – С одной стороны люди из разведки наладили за ним круглосуточное наблюдение, с другой стороны Витас возбудил все свои возможности, особенно после того, как я ему кое о чем намекнула.

– О чем ты ему намекнула?

– О Цингали, конечно.

Генерал потянул носом воздух.

– Этот Цингали, – произнес он. – Он реально непредсказуем.

– Да ладно, – усмехнулась Диана.

– Я говорю серьезно, – отозвался генерал. – В моем центре просчитывают три варианта его действий, и он каждый раз выбирает четвертый вариант. Для крокодила это просто высший пилотаж.

– Я их вообще не понимаю, – сказала Диана. – Сначала они нас победили, потом вдруг помиловали.

– Загадочная крокодильская душа, – усмехнулся генерал.

Диана повернулась к нему.

– А что председатель? – спросила она. – Он вне игры?

– Старуха чего-то возится, – усмехнулся генерал. – Но они слишком поздно подключились. Военная разведка и служба безопасности, вот кто там основные игроки.

– И Цингали, – напомнила Диана.

– И Цингали, – вздохнул генерал. – Кстати, там ведь есть еще генерал Хануиль. Тоже настроен серьезно.

– Это генерал рептилидов?

– Да, герой войны. Мы назвали его победителем, и он воспринял это всерьез.

– Разве он не победитель?

Генерал повернулся к ней и скривился.

– Самый настоящий, – сказал он. – Особенно по вторникам.

Диана моргнула.

– А в остальные дни недели?

– Отстань, – бросил генерал. – Когда ты возвращаешься?

– Скоро. Мне нужен материал, ты же понимаешь.

– Можешь сдать Фроста.

– Фрост из моей команды! – возмущено напомнила Диана.

Генерал рассмеялся.

– Я помню.

– А кто там работает на Хануиля.

Генерал кряхтя выбрался из шезлонга.

– Под Хануиля работает очень занятная команда, – сказал он, разминаясь. – Сущие реваншисты под крылом генерала победителя. Смешно, да?

– Как это получилось? – удивилась Диана.

– Тонкая работа, – сказал генерал. – И ведь этот крокодил-победитель уверен, что все идет по его стратегическим замыслам! Я давно хотел на них выйти, но они стерегутся.

– Про них говорить можно?

– Да сколько угодно! У них немалые ресурсы, хорошие крыши, подготовленные люди. Говоришь, вода в озере прохладная.

– Они ее охлаждают. Вода просто идеальная.

– Пойду, пожалуй, искупаюсь, – решил генерал.

Диана проводила его взглядом, а потом крикнула:

– Можно я отсюда свяжусь со своим резидентом?

– Если он у тебя такой идиот, то конечно, – отвечал генерал.

– Почему, идиот?

– Потому что отсюда фиксируется даже полет мухи! Если он не идиот, то должен об этом знать.

Диана взвизгнула от восторга.

– Вот я и проверю, – сказала она, поднимаясь.

Генерал уже переодевался к купанию.

– Почему ты работаешь на идиотов? – спросил он.

Диана потянулась к сумочке, и достала свою косметичку.

– Чтобы чувствовать свое превосходство, – сказала она.

Генерал вспомнил о чем-то и поднял палец.

– Впрочем, я должен признать, что генерал Фрост не из числа идиотов. Но на него есть компромат – он ненавидит крокодилов. Думаешь, почему он спрятался в своей Скандинавии? Потому что крокодилы селятся в полосе экватора.

– Наш Верейск достаточно далек от экватора, – заметила Диана.

– Это секретный план Цингали, – отметил генерал. – Я до сих пор не могу проникнуть в секреты Верейска.

– Надо же, – усмехнулась Диана. – Я и не знала, что у нас все так круто.

Генерал накинул на себя халат.

– Так что ты можешь сказать про парня?

Диана наклонила голову.

– Он интересный, – сказала она. – Но простой, как капуста. И потом, на нем обет безбрачия.

– Ух ты, – сказал генерал насмешливо.

– Если честно, у меня иногда мелькает мысль пробить его защиту, – заметила Диана весело. – Но мне жаль парня.

Генерал не ответил. Подобрав со стола телефон, он набрал номер и сказал в трубку:

– Кто там у нас на контроле? Сейчас из моего номера будет кодированная связь, так вы там не поднимайте шума. Это с моего ведома. Да, не более пятнадцати минут. Все.

Он бросил трубку на стол и улыбнулся Диане.

– У тебя пятнадцать минут.

– Спасибо, милый, – улыбнулась Диане и достала из своей сумочки специальный телефон. – Я могу в донесении сослаться на твое разрешение?

Генерал не стал отвечать, но перед выходом остановился и поднял руку.

– Пробей его защиту, Ди, – сказал он. – Это моя личная просьба.

Он вышел, так что Диана даже не успела ответить.

Последнее распоряжение генерала выбило ее из колеи, и некоторое время она должна была потратить на сосредоточение. Потом набрала номер.

– Это агент Мила по заданию Фроста. Примите доклад.

– Докладывайте, – отвечал дежурный на другом конце.

Диана чуть помедлила.

– Вышла на контакт с объектом. Состояние объекта рассеянное, есть предположение, что он сам ищет связи на стороне. Налаживаю доверительные отношения, собираю информацию. По делу Брата ситуация проясняется, выявлены заинтересованные силы. Согласно плана, в случае обострения готова на перевербовку. Конец сеанса.

– Донесение получено, – отозвался дежурный на другом конце и выключился.

Диана бросила свой телефон в сумку, откинулась на спинку дивана и сладко потянулась.

34

На следующий день с утра Агата плавала в бассейне, возвращаясь в рабочую форму. Она сама покормила с утра Ванду и отвезла ее в школу. Поскольку день был свободный, она заехала в швейное ателье, где за большие деньги компьютерные автоматы снимали мерку и шили почти мгновенно. Агата заказала себе сразу несколько новых гарнитуров, включая обувь и украшения. Это подняло ей настроение, и она вернулась домой с новой верой в жизнь.

Стас в это время только начинал свой завтрак, потому что воспользовавшись моментом проспал чуть ли не до десяти часов утра. Ночью накануне он вел широкий поиск по своему делу, и кроме головной боли ничего не нашел.

– Так зачем вчера приезжал Ланго? – интересовалась Агата, устроившись рядом выпить чашку кофе.

– Чтобы предложить тебе руку и сердце, – буркнул Стас, и сразу же понял, что слегка переборщил.

Но Агата не смутилась.

– Он беспокоился обо мне?

– Решил, что ты наркоманка, – хмыкнул Стас.

– Странно, да? – сказала Агата. – Он такой чувствительный.

– Ты его любишь? – спросил Стас, все еще испытывая головную боль.

Агата подумала.

– Если я скажу, что «да», ты посчитаешь меня сумасшедшей?

– Не более, чем его самого, – сказал Стас. – Только не знаю, могу ли я это одобрить?

Агата посмотрела на него удивленно.

– А ты можешь это осудить?

– А что это за игры в постели? – спросил Стас.

Агата грустно усмехнулась.

– Далась вам эта постель, – сказала она. – Не было там никаких сексуальных экспериментов, если хочешь знать. Просто он хотел почувствовать ко мне нежность. Мы просто лежали, обнявшись.

– Обнявшись с крокодилом, – фыркнул Стас.

Агата рассмеялась.

– Он надел специальный мягкий костюм, – сказала она. – Чтобы не поцарапать меня своей кожей.

– Избавь меня от подробностей, – сказал Стас.

– Я беспокоюсь о Ванде, – призналась Агата. – Что она обо мне подумает после вчерашнего?

– Ты ее спросила?

– Она только фыркает и смеется.

Стас усмехнулся.

– Хорошо, что ему не пришло в голову с тобой целоваться…

Агата рассмеялась.

Тут заработал сигнал телефона Стаса, и он поспешно допил свой кофе и вытер руки.

– Я слушаю, – произнес он в трубку. – Да, конечно… А что случилось? Да, я приду.

Он отключил телефон, и задумчиво почесал лоб.

– Что там? – спросила Агата.

– Меня вызывает к себе наш епархиальный владыка, – сказал он. – Представления не имею, что ему от меня понадобилось.

– Может, он хочет с тобой познакомиться?

– Может быть, – пожал плечами Стас. – Раньше, во всяком случае, внимание епископов к своим чтецам было меньше.

Агата по такому случаю дала ему свою обиходную машину, и около полудня Стас подъехал к управлению. Поскольку теперь владыка присутствовал на месте, народу в управлении было куда больше, а в кабинет владыки в коридоре и вовсе выстроилась очередь страждущих. Стас подошел к секретарю, молодому импозантному юноше у компьютера, и спросил:

– Мне сказали, что владыка ждет меня для разговора.

– А вы кто? – спросил юноша.

– Чтец Станислав Бельский из Никольского храма.

– И владыка ждет вас для разговора? – удивился секретарь. – Ладно, я спрошу.

Он спросил и велел Стасу подождать, когда его вызовут.

Стас стал ждать, и это ожидание затянулось. В кабинет проходили люди, выходили, решив свои дела, а Стас все ждал. Когда вдруг в коридоре показался отец Феогност, секретарь церковного управления, благочестивые прихожане кинулись к нему под благословение, но он поспешил мимо, отмахиваясь.

– Бог благословит, братья и сестры, простите!..

Стас тоже подскочил к нему.

– Отец Феогност, я Станислав Бельский из Никольского храма. Вы не знаете, зачем меня вызвали к владыке. Я тут второй час сижу жду.

– Так уж подожди, – сказал тот и прошел мимо прямо в кабинет владыки.

Юный секретарь смотрел на него с сочувствием.

– Чем-то вы нашего владыченьку разозлили, – сказал он.

– Да я с ним вовсе даже не знаком! – отвечал Стас с досадой.

Тот развел руками.

– Значит, удобный повод для смирения.

Стас снова сел.

Наконец еще через полчаса его все же позвали. Кабинет у епископа Иннокентия был большой, но находились в кабинете только он сам и отец Феогност. Стас подошел и склонился.

– Благословите, преосвященнейший владыко…

– Во, какой, – отметил иронично Феогност. – Сейчас он еще земные поклоны начнет бить.

– Кто таков? – спросил владыка.

Стас который слышал проповедь епископа в записи на службе, удивился тому, какой у него резкий и суровый тон.

– Чтец Бельский, – сказал Феогност. – Который извержен из сана за участие в военных действиях.

– Ах, этот, – сказал владыка. – Что ж ты, братец, наглеешь? Мы тебя в своей епархии приютили, хотя нам за это сулили неприятности, и вот пожалуйста!

– Я не очень понимаю, о чем речь, владыка, – сказал Стас.

– Жалоба на тебя, – сказал Феогност. – Что ты людей отвращаешь от политики роста народонаселения.

– Это что же, лагерь тебе, выходит, на пользу не пошел?

До Стаса стало доходить, что поводом для вызова стала ситуация со Светланой.

– Простите, владыка, – сказал он. – Если вы про певчую нашу, то да – сказал ей, то что думал. Не привык еще…

– Не о том ты думал, любезный, – сказал владыка. – Муж ее большую волну поднял, и мы обязаны реагировать. Не твое это дело, людей разводить.

Стас смирено помалкивал.

– Что, владыка? – спросил Феогност. – Будем гнать?

– А на что нам чтец такой? – воскликнул епископ. – Мало нам без него неприятностей! Гони его, отче, чтоб духу его не было!..

Стас стал хмуриться.

– Как-то вы резко, – сказал он. – Я с ней только два дня назад поговорил, а тут уже и жалоба, и решение по ней!

– А чего тянуть? – пожал плечами Феогност. – Муж ее человек порядочный, член церковного епархиального совета, звонарь. Кто нам по-твоему ближе будет, ты, или он?

Стас посмотрел на него насмешливо.

– По мне, так вам ближе должен быть Господь, – сказал он. – Или блуд больше грехом не считается?

– Тебя из сана погнали? – рассердился Феогност. – И правильно сделали! Не ловишь ты духа времени, какой из тебя священник?

Стас поднялся, чувствуя, как в нем все закипело.

– Возражать не буду, – сказал он. – Только, вот, давайте, владыка, на спор! Нынче же в воскресенье будете вы меня в сан возводить, да еще и настоятелем поставите. Если, конечно, я к тому времени не захочу в епископы выбраться.

Оба обомлели от такой наглости.

– Ты чего говоришь? – проскрипел владыка. – Тебе как совесть позволяет?

– Может полицию вызвать? – спросил Феогност. – Ведь налицо хулиганство!

– Мне это тоже неприятно, – сказал Стас. – Только про совесть я бы на вашем месте не начинал. С совестью у вас тут большие проблемы.

Он вышел, хлопнув дверью, так что юноша за компьютером даже вскочил испуганно.

– Что там? – спросил он.

– Что там может быть? – отвечал Стас в раздражении. – Тьма и скрежет зубовный…

Он спустился вниз, сел в машину и задумался. Меньше всего он хотел начинать склоку в церкви, но это приглашение на выволочку просто вывело его из себя. Оставлять церковь таким попам ему решительно не хотелось, и он был готов использовать все свои средства, чтобы вернуться на должное место, пусть даже вопреки духу смиренномудрия. Кому-то, считал он, надо остаться в качестве соли.

Конечно, говорить об использовании авторитета Ланго было довольно зазорно. Мало того, что в дела церкви вмешивался крокодил, но и по масштабу это было просто неуместное использование оружия массового поражения. Можно было также обратиться к Неделину, но это опять было несоразмерно с причиной вмешательства. Поэтому Стас остановился на участии в деле Витаса Лембы, человека очень далекого от церкви, и потому для нее особенно авторитетного.

Тот ответил на звонок сразу, потому что телефон был не официальный, а личный.

– Привет, Стас, – произнес он. – У вас есть что мне рассказать?

– Просто у меня неприятности, – сказал Стас. – Я хотел попросить вас о помощи.

– А что такое?

– У меня возник конфликт с епархиальным епископом по совершенно глупому поводу. Испугавшись моего военного и лагерного прошлого, он решил меня погнать из храма.

– А кто у вас епископ, – весело спросил Витас.

– Епископ Иннокентий, – отозвался Стас. – Вы не могли бы оказать на него посильное влияние?

– Легко, – хмыкнул Витас. – Вы хотите, чтобы он извинился?

– Я хочу, чтобы он своей волей вернул мне прежний сан, – сказал Стас.

– Хотите стать снова священником? – удивился Витас. – Но это же так старомодно.

– Но и я ведь совсем не молод, – отвечал Стас. – И взгляды у меня соответственные. Вы сможете?

– Это будет даже интересно, – весело отвечал Витас. – А за услугу с вас ящик коньяка! Договорились?

– Как скажете, – со вздохом отвечал Стас.

Повесив трубку, он испытал приступ раскаяния, потому как совсем не таким путем хотел он вернуться в церковь, но теперь он понимал, что обычный путь ему закрыт. Еще он понимал, что если его стремление в церковь достаточно чисто и смиренно, то там его ждут большие разочарования, первым из которых явится руководство епархии. Но сознание того, что большое количество прихожан испытывают крайнюю нужду в нормальном духовном попечении, не позволило ему отказаться от своей затеи.

Так что когда он вернулся домой, где уже садились обедать Ванда и Агата, то радостно им сообщил:

– Поздравьте, меня приглашают вернуться в священники!

И хотя его родственницы еще даже не были крещенными, но обе восприняли новость с восторгом и даже решили устроить по этому поводу праздник. Стас нашел это уместным и возражать не стал.

35

На другой день Агата с Вандой с утра разъехались, и Стас опять остался один. Первым делом он испытал бассейн внизу, почувствовав то самое удовольствие, с каким Агата тут накручивала круги. Плавание предполагало определенный ритм, и вкладываясь в этот ритм он невольно отвлекался от насущных проблем. Позже он попытался опять начать поиски в сети, но ему это быстро надоело. Вчерашняя беседа с церковным руководством не оставляла его, и теперь он ждал результата своего выхода на Витаса. Конечно, за такую услугу Витас надеялся получить от него необходимую информацию, но теперь Стас вращался в таких верхних эшелонах, что Витас непременно бы испугался, если бы узнал об этом. Для благодарности достаточно было ящика коньяка.

После обеда вдруг позвонила Светлана, едва не плача:

– Это правда, батюшка? Вас выгнали?

– Это еще не до конца решено, – уклончиво отвечал Стас.

– Но мне сказали… Это мой муж на вас пожаловался?

Стас усмехнулся.

– Оказывается, он почтенный и богобоязненный человек, – сказал он.

– Простите меня, – проговорила Светлана. – Это все из-за меня…

– Ничего страшного, – сказал Стас. – Я тоже хорош. Мне бы потерпеть, а я восстал.

– Восстали?

– Короче, предпринял ответные шаги, – пояснил Стас. – У меня тут неожиданные связи возникли, так я их задействовал.

– Значит, вас не уволили?

– Если связи подействуют, то все кончится в нашу пользу.

Было слышно, как она громко вздохнула.

– Хоть бы они подействовали, – сказала она. – А то я в храм ходить не смогу.

– Это вот напрасно, – сказал Стас. – В храм мы ходим не потому, что там добрые священники, а потому что Богу молимся. А если мы не будем молиться, то кто тогда? Вы же сами видите, на духовенство надежды слабые, а без наших молитв им вообще пропадать остается.

– Я понимаю, – отвечала она. – Так вы придете в субботу?

– Если не буду занят другими богоугодными делами, – усмехнулся Стас.

Вскоре после того разговора пришел Адам Флинт и стал настойчиво звонить. Стас выглянул и сказал ему:

– Сегодня она точно на работе.

– А с тобой я могу поговорить? – спросил тот угрюмо.

Стас подумал.

– Только если заговорите со мной вежливо.

Адам сдержался.

– Могу я с вами поговорить? – спросил он, совершив церемонный поклон.

– Заходите, – сказал Стас, впуская его в дом.

Тот вошел, оглядываясь.

– Ничего не изменилось, – сказал он. – Словно вчера выехал.

– Если вы решили обсудить обстановку, то я здесь меньше недели, и авторитетом быть не могу.

Адам поднял руки.

– Нет, нет, я так!.. Так вы ее брат, да? Стас Бельский?

– Да, – сказал Стас.

– Я о вас слышал от Виктора Ленца, – сказал Адам. – Он говорит, что вы порядочный человек.

Стас вспомнил Виктора Ленца, который сидел в лагере за торговлю медикаментами во время послевоенной эпидемии. Тот утверждал, что его посадили за то, что он обвинил власти в организации этой эпидемии, которая фактически избавила планету от стариков. Он получил пять лет, и вышел из лагеря лет семь назад, так что его вполне можно было забыть.

– Что с ним? – спросил Стас.

– Он пораженный в правах, – сказал Адам. – Прячется в джунглях Амазонки.

– Джунгли Амазонки называются сельвой, – сказал Стас.

– Там у них настоящая коммуна, – стал рассказывать Адам. – Я там с журналистами был, они про них кино делали.

– И чего вы вдруг обо мне заговорили?

– Он про вас рассказывал, – пояснил Адам. – Что-то про то, как вы его от мародеров спасали. А когда вы себя тогда назвали, я вспомнил ваше имя.

Мародеры в лагере действительно держались отдельной группой и терроризировали одиночек. Стас тогда был лидером «фронтовиков», и мародеров они глушили по поводу и без повода. В конце концов, тех перевели в другой лагерь, потому что они много жаловались.

– Он вам что-нибудь рассказывал про эпидемию? – спросил Стас.

– Он рассказал об этом прямо в камеру, – с восхищением отвечал Адам. – Правда, в сеть это не вышло, но левыми путями отрывки появились. Но скандал удалось замять.

Стас кивнул.

– И что вы хотели?

– Познакомиться, – сказал Адам. – Поговорить. Как у Агаши дела?

– У Агаши все в порядке, – сказал Стас. – Правда нынче у нее временные трудности, но она держится.

– Может, я могу чем помочь? – спросил Адам.

Стас посмотрел на него с интересом.

– Террористический акт можете совершить?

Адам неуверенно засмеялся.

– Пожалуй, нет…

– Тогда, ничем, – сказал Стас.

– Как вы думаете, – спешно заговорил Адам, видя, что Стас готов закончить разговор. – У меня еще есть шансы?

Стал вздохнул.

– Нет, – сказал он.

– Никаких? – растерянно спросил Адам.

– Тут особый случай, – сказал Стас. – В друзьях вы оставаться можете, но по части отношений – не дальше.

– У меня такое ощущение, что я ее сам отдал в пасть чудовищу, – сказал Адам.

– А вы могли изменить ситуацию?

– Не знаю. Она очень уж увлеклась им, вот что! Это ведь ненормально!

Стас покачал головой.

– Я не знаю, что вам сказать, – признался он. – Я всего лишь неделю назад покинул лагерь, а на мне уже такое количество проблем, что голова идет кругом.

– Простите, – кивнул Адам. – А Ванда когда появится?

– В свое время, – отвечал Стас. – Обычно Агата заезжает за нею с работы. Она там на продленном режиме, с музыкой, танцами и спортом.

– Я по ней соскучился, – признался Адам. – Как вы думаете, Агата мне позволит с нею пообщаться?

– Не знаю, – сказал Стас. – Я бы не позволил.

– Почему? – удивился Адам.

Стас оглядел его с головы до ног.

– Ей пятнадцать лет, – сказал он. – Ее подружки уже вовсю занимаются любовью. А вы, как я полагаю, явный сторонник свободных отношений.

– И что в этом плохого? – спросил Адам.

Стас кашлянул.

– Если вы в самом деле хотите обсудить эту тему, то лучше найти для этого другое время. Я сейчас немного занят.

– Так, когда мне подойти, чтобы их застать?

– После шести, – сказал Стас.

Адам явно хотел продолжить разговор, но Стас был тверд, и выпроводил его с пожеланиями успехов в жизни. Он не мог сказать, что этот человек ему совсем не нравился, но все же его симпатии к нему не были чрезмерны.

Когда вернулись Агата с Вандой, Стас прежде всего предупредил их, что возможно скорое появление Адама, и это их не очень обеспокоило. Ванда сказала, что он клевый парень, но слабак, а Агата призналась, что немного жалеет его.

– Он постоянно попадает в какие-то дурацкие ситуации, – сказала она. – Один раз мне даже пришлось его выручать…

Оставшись с нею наедине Стас осторожно намекнул на его подозрительный интерес к Ванде, но Агата отмела его подозрения, потому что сама Ванда считала Адама домашним животным, в чем неоднократно признавалась ему, и тому это нравилось. Агата была уверена, что из такого отношения не может вырасти ничего серьезного.

Адам таки появился около восьми часов, принес цветы, вино и коробку конфет, и около часу они томились в гостиной, не зная, о чем бы им поговорить. Стас оставался в своей комнате, куда к нему забежала Ванда и взмолилась о помощи, потому что ей этот вечер уже надоел, а мама продолжала с Адамом какую-то необязательную болтовню.

Стас прошел в гостиную, и присел присоединиться к их беседе. Адам рассказывал что-то о своем путешествии в Африку, демонстрируя фотографии на своем телефоне. С телефона фотографии проецировались на возникающий в воздухе экран, и Адам их с восторгом комментировал, хотя Агате это уже наскучило.

– Так ты женился на этой кенийской ботаничке? – спросила она.

Адам осекся, осторожно глянув на Стаса.

– В общем, да, – признался он неохотно. – Признаюсь честно, я пошел на это ради их африканского обряда, где молодоженов подкармливают возбуждающими препаратами.

– Я уверена, это было весело, – произнесла Агата с презрением.

– Я потом видел себя на экране, это было очень смешно.

Он хихикнул и опять посмотрел на Стаса.

– Я не очень понял, чем вы вообще занимаетесь? – спросил тот угрюмо.

– Путешествую, – сказал тот. – Мои фильмы пользуются в сети успехом.

– А сюда зачем приехали?

Адам нервно вздохнул.

– В конце концов, я здесь был когда-то счастлив…

– Ой, Адам, не морочь мне голову, – сказала Агата.

Адам решительно опрокинул в себя бокал вина.

– Хорошо, я признаюсь, – сказал он. – Мне предложили немалые деньги за репортаж из жизни рептилидов.

– Что?!.. – ахнула Агата. – Ты с ума сошел?

– А что такого? – испуганно отвечал Адам. – Почему бы нам не снять его в твоем доме, когда вы с ним общаетесь, чтобы люди привыкали к тому, что это воспитанные и образованные…

Он осекся и Стас закончил за него:

– Крокодилы…

– Что в этом плохого? – воскликнул Адам нервно.

– Да тебя охрана просто убьет! – сказала Агата. – Они же в жестком режиме, с ними можно разговаривать только по разрешению руководства!

– Так в чем дело, – неуверенно улыбнулся Адам. – Пробей мне такое разрешение!

Агата некоторое время смотрела на него с презрением, и потом наконец произнесла:

– Пошел вон!

– Погоди, погоди, – Адам вскинул руки. – Если это невозможно, то и ладно, только не надо меня прогонять! Я еще хотел с Вандой поболтать…

– Ванда спать пошла, – сказал Стас. – Поздно уже.

– Да? – он был просто жалок. – Я и не заметил…

Он стал подниматься, все еще ломая голову над тем, чтобы остаться.

– Я думал, я смогу переночевать у тебя, – пробормотал он.

Агата повернулась ко мне.

– Видишь, какой он? – спросила она. – Как с таким было жить?

Адам все же вскоре ушел, но Агата еще долго не могла успокоиться от его наглости.

– Это правда, что разговаривать с рептилидом можно только по разрешению?

– Конечно, – сказала Агата.

– А я? – спросил Стас.

– По разрешению, – сказала Агата. – Просто Ланго сам себе выписал разрешение. Он же босс!

– Понятно, – кивнул Стас и пошел к себе.

Никакого звонка из церковного управления в этот день так и не последовало.

36

Субботнее утро он опять начал с бассейна, чувствуя досаду на то, что события задерживаются. Потом он немного позанимался в зале с тренажерами, невольно вспоминая о том, как виделась ему мирная жизнь из лагеря. Там все казалось мрачным и безнадежным, мог ли он представить, что с утра будет купаться в бассейне и прятаться от безделья в тренажерном зале.

Субботний день считался рабочим, и потому он снова был дома один. Ему доставляло определенное удовольствие готовить себе завтрак с помощью ультрасовременной техники, но он уже начал замечать, что с каждым днем удовольствия остается все меньше. Современная техника начинала его раздражать, потому что никак не помогала найти ответы на мучавшие его вопросы.

Первый звонок последовал после десяти утра, когда он пытался разобраться в церковных новостях, потому что ждал оттуда новостей для себя. Но это не был звонок из церковного управления.

– Господин Бельский? – услышал он вполне казенный голос.

– Я вас слушаю.

– На ваше имя послана конфиденциальная информация из центра культурной адаптации. Информация кодирована, код «Альгамбра», тип двенадцатый. Предупреждаю вас о том, что эта информация будет стерта в течение получаса, так что не пытайтесь ее копировать или открыть другому адресату.

– Что за бред! – рассердился Стас. – Я не знаю ваших кодов, как я ее раскрою?

– Код раскрытия высылается вам отдельным файлом, – сказал собеседник все тем же бесцветным голосом. – Прошу вас соблюдать строгую конфиденциальность. Желаю вам успеха.

И он отключился.

Стас немедленно забрался в почту, и нашел там два послания. Одно из них составляло набор знаков, другое было просто рядом цифр. Когда Стас ввел этот ряд цифр в оконце с требованием кода расшифровки, ряд знаков обратился во вполне читаемый текст, в углу которого мигал счетчик времени, обозначавший, сколько осталось секунд до его уничтожения.

Как понял Стас, текст пришел от Ланго, и то, что он послал его таким строго официальным способом говорило о том, что эта стадия работы проводится вполне открыто. В тексте было сообщение о работе некоей секретной базы «Балхаус», размещенной в зоне поражения для конспирации. По сведениям разведки рептилидов, на этой базе шли работы по компьютерным диверсиям, в результате чего было выведено из строя охранное оборудование в некоторых стратегически важных районах. Ничего особенного, просто элементы виртуальной войны. Разве что «Балхаус» на самом деле был обозначением озера Балхаш.

К тексту прилагались списки сотрудников, большинство которых были уже ликвидированы. Но несколько человек дожили до нынешних дней, хотя один из них оказался инвалидом после того, что с ним сделали на допросах, а двое других еще находились в заключении. Срок заключения в пятнадцать лет был установлен предельным, но их посадили позже Стаса, и потому они еще сидели. Это была лаборантка Виктория Маслова, игравшая в деле сугубо вспомогательную роль, и уборщик Алим Мирзоев. Стас попытался поднять историю их осуждения, но там не было ничего, кроме дат. В лагере Виктория Маслова хоть и успела родить двух детей, под амнистию не попала в силу строгости содержания. Ей осталось сидеть еще два месяца, и судя по замечаниям в деле, она этому вовсе не радовалась.

Что касалось уборщика, то у него оставалась семья, его дети жили с матерью, потому что были рождены до принятия закона о воспитании детей. Они проживали в Индии, где из лагерей беженцев довольно быстро выстроились вполне современные города. Основным занятием их была «программа роста народонаселения», где двое сыновей и дочь уборщика уже принесли

в копилку общего дела шестерых детишек. Даже жена Мирзоева в свои сорок с лишним лет успела при новой власти родить еще двоих, что позволяло семейству жить безбедно. Стас был уверен, что со стороны уборщика помощи ждать не приходится. Но вот лаборантка Маслова его заинтересовала.

В свои тридцать шесть лет, после всех лагерных испытаний, она выглядела довольно привлекательной особой. В деле было замечание, что она три года жила с заместителем начальника лагеря, пока того не перевели в другое место. Именно от него она родила детей, и не позволила больше никаких связей, хотя после ухода ее партнера прошло больше семи лет. Круг ее интересов составлял компьютерные технологии, история войны, и философия. Стас должен был себе признаться, что ее портрет выглядел довольно привлекательно для знакомства.

Он уже стал сроить планы о том, чтобы через Ланго добиться сокращения срока Виктории Масловой, чтобы подключить ее к расследованию. Конечно, главных секретов она знать не могла, но Стас понимал, что пароль к заложенной в нем информации не должен был быть слишком сложным. В этом смысле Маслова могла ему помочь, хотя бы тем, что рассказала бы про общение сотрудников, про темы их интересов.

До того, как информация была стерта, Стас успел перечитать полученные тексты несколько раз, боясь упустить какие-нибудь важные мелочи, но ничего серьезного там больше не обнаружил. Секундомер в углу экрана монитора добрался до нуля, и текст исчез. Такого рода строгости были Стасу непонятны, но он вполне мог предположить, что это просто следование правилам центра рептилидов.

Он еще размышлял над ходом своего расследования, когда последовал другой звонок, именно тот, который он ждал. На другом конце разговора был протоиерей Феогност, секретарь епархиального церковного управления. Голос у него был вполне приветливый.

– Это Станислав Семенович? – вкрадчиво спрашивал он. – С вами говорит секретарь епархиального управления, протоиерей Феогност.

– Да, да, я помню вас, – отвечал Стас, расслабившись. – Что-то еще?

– Тут из патриархии пришел документ, – сказал Феогност. – Говорится, что ваше дело пересмотрено, и вам належит вернуться к служению в сане иерея.

– Ну что ж, я ждал этого, – произнес Стас. – А как теперь быть с моим увольнением из чтецов?

– Ну, – он даже чуть усмехнулся, – поскольку вы теперь служащий иерей, то из чтецов вы так или иначе увольняетесь.

– Действительно, – согласился Стас. – Как здорово получилось, что вы предугадали мое возвращение.

– Мы тут подумали, куда вас направить, – сказал Феогност. – У вас есть какие-то предпочтения?

Стас невольно хмыкнул.

– Прошу понять меня правильно, – сказал он. – Я всей душой стремлюсь послужить Господу. Но в данный момент мне поручено дело, которое беспокоит самых влиятельных персон. Поэтому мне не хотелось бы брать на себя сейчас полную заботу о приходе. Мне будет достаточно, если меня направят вторым священником в наш Никольский храм.

– Понятно, – согласился Феогност. – О вашем предложении будет доложено владыке, и его решение мы до вас донесем в ближайшее время.

– Спаси вас Господи, отче, – успел сказать Стас, вполне удовлетворенный.

И хотя в другой раз гордиться всеми этими интригами он бы посчитал недостойным, но теперь он явно торжествовал. Это означало, что для того круга верующих, с которыми он уже успел познакомиться, теперь будет праздник торжества справедливости, и совсем им не обязательно знать про ящик коньяка, который должен был компенсировать труды Витаса.

В приподнятом настроении он немедленно позвонил Агате на работу, и та отозвалась испуганным шепотом:

– Стас, ты же знаешь о наших ограничениях.

– И знать ничего не хочу, – весело отвечал Стас. – У меня тут возникает разговор к твоему работодателю. Спроси там, нет ли возможности связаться?

– Ты с ума сошел? Здесь все прослушивается!

– А у меня нет секретов ни от кого, – отвечал Стас с пафосом. – Так и передай тем, кто спросит.

Ему вдруг захотелось ускорить действия по расследованию, и он опять нырнул в сеть, чтобы порыться в тех крохах полезной информации, которые там было можно выловить. Так, к примеру, жизнь заключенных достаточно подробно освещалась на их сетевой группе, тем более, что Стас входил в эту группу еще с лагерных времен. Им предоставлялось право выхода в сеть, но не чаще двух часов в неделю. В послевоенном сумбуре многие искали через сеть своих родственников и знакомых, так что эта возможность там считалась подарком небес. Теперь, входя в группу, Стас испытал ностальгическое чувство, но достаточно быстро с ним расстался, коснувшись новостного блока. Его интересовали личные страницы, и он попытался найти страницу Вероники Мальцевой. Но эта женщина, как выяснилось, не заводила своей страницы, хотя электронный адрес у нее был. Стас едва избежал искушения написать ей письмо, но понял, что торопиться с этим не следует. Эта женщина по его расчетам должна была интересовать многих, так что светиться в этом плане не стоило. Зато он нашел страницу Алима Мирзоева, у которого там было несколько альбомов с фотографиями семьи. Он уже готовился к жизни на воле и строил планы, собираясь организовать в Индии рыбопитомник.

Феогност позвонил около двух, когда уже надо было собираться на службу. Опять же сладкоречивым тоном он сообщил:

– Владыка подписал вам назначение в Никольский храм вторым священником, – сказал он. – Завтра на литургии он сам это объявит перед прихожанами.

– А сегодня мне в каком чине служить? – спросил Стас, веселясь.

– Сегодня пока можете чтецом, – отвечал Феогност.

Можно было бы выразить протест в связи с тем, что распоряжение о его восстановлении имело четко обозначенное число, но Стас не стал. Победитель должен быть великодушным.

К трем часам, когда в храме начиналась служба, Стас подъехал на машине, оставив ее на стоянке. Не в том дело, что он таким образом хотел подчеркнуть свою состоятельность, просто решил не уклоняться от машины, если была такая возможность. Он предвидел, что в будущем ему этот навык непременно понадобится.

Как ни в чем не бывало, он прошел на клирос, поздоровался с клирошанами, и стал листать планшет с текстом службы. Закрутившись со своими делами, он забыл познакомиться со службой, и теперь спешил это возместить. Кто-то сказал батюшке про появление Стаса (не иначе, как шамкающая старуха), и тот выглянул из алтаря.

– Станислав! – сказал он сердито. – Мне сказали, что вас уволили.

– Ошибка, – сказал Стас.

– Что значит, ошибка? У меня вон в компьютере лежит официальное послание владыки!

– Нынче к вам придет другое послание, – пообещал Стас. – А завтра и сам владыка нагрянет.

Отец Глеб смотрел на него непонимающе.

– Откуда вы это знаете?

– Надо же кому-то представить меня, как нового священника, – сказал Стас. – Назначен к вам вторым. И вы не волнуйтесь, забот я вам не принесу.

Отец Глеб засопел.

– Но нам не нужен второй священник!

– Разве? – сказал Стас. – А мне говорили, что вы зашиваетесь!

– Меня вполне хватает на все мои послушания, – сказал батюшка.

– Значит, найдем для меня новые послушания, – сказал Стас. – Служить не пора начинать?

Отец Глеб бросил на него негодующий взгляд, но говорить ничего не стал. Стас заметил, как с другого клироса ему машут руками его новые знакомые, и поклонился им.

37

В прежние времена воскресное всенощное бдение продолжалось часа два. Еще тогда ветераны церковных служб рассказывали про трехчасовые бдения, которые были в обычае на приходах, и многочасовые – в монастырях. Теперь для этого оказалось достаточно часа с небольшим, так что еще до пяти прихожане стали расходиться, хотя предполагалось, что службы должны идти всю ночь.

К Стасу конечно же устремились певчие с правого клироса.

– Что у вас случилось, Станислав? – спросил Роман Петрович.

– Вы все уладили, да? – интересовалась Светлана.

– Более того, – отвечал Стас с улыбкой. – С завтрашнего дня можете официально звать меня батюшкой.

Светлана всплеснула руками, а Вера взвизгнула от восторга.

– Вам вернули сан? – спросил Роман Петрович.

– Да, – отвечал Стас. – Конечно, пришлось использовать скрытые резервы, но дело того стоило. Понимаете, они меня разозлили, и мне надо было успокоиться.

– Мы слышали, – сказала Вера. – Юрка на вас нажаловался, да?

– Юрка? – переспросил Стас.

– Это мой муж, – пояснила Светлана, покраснев. – Хочу извиниться за то, что доставила вам неприятности.

– Да нет никаких неприятностей, – сказал Стас. – А Юрку вы ко мне приведите, хочу сам с ним поговорить. В конце концов, если он ищет правду в церкви, значит он не пропащий.

Они хотели пригласить его на ужин, но Стас сослался на дела и отказался.

Домой он успел вернуться еще до того, как приехали Агата с Вандой, и стал готовить на ужин пирог с грибами и ветчиной. Пирог при приготовлении стал умопомрачительно пахнуть, и Стас запер его в шкаф.

Агата вернулась домой чуть позже обычного, и сразу спросила:

– А где Ванда?

– Как, где Ванда? – переспросил Стас. – Разве ты за ней не заехала?

Агата опешила.

– Мне сказали, ее вывез родственник!

– Но я… – начал было Стас и осекся.

Он понял.

Агата тоже поняла, и потом ухватилась за телефон.

– Я его уничтожу, – проскрипела она зубами. – Как он смел!..

Через минуту она уже немного успокоилась, потому что нашла Ванду в компании Адама, где она находилась со своего полного согласия. Агата высказала по адресу Адама немало грубых слов, и решила немедленно за ней выехать. Стасу пришлось ехать с нею вместе.

В машине он заговорил о своем.

– Ты передала Ланго мои слова?

Агата вздохнула.

– Что у вас там за дела? – спросила она. – Он не говорит, ты не говоришь…

– Если он не говорит, то как могу говорить я? – хмыкнул Стас.

Агата только покачала головой.

– Не лез бы ты в их дела, Стас. Особенно, если это касается Цингали.

– Прорвемся, – ответил Стас. – Так что он ответил?

– Завтра придет в гости, – вздохнула Агата. – Раньше я ждала каждого его визита, как праздник, а теперь начинаю за него бояться.

Ванда вместе с Адамом оказались в клубе, где собирались всякие богемные личности, чтобы поразить друг друга своими творческими откровениями. Томная девица под музыку демонстрировала стриптиз, а собравшиеся громко комментировали ее женские прелести. Ванда сидела на диванчике в объятиях какого-то обкурившегося юноши, и громко смеялась, глядя на стриптиз. Агата тотчас же нашла Адама, который что-то объяснял своему приятелю в стороне, чтобы устроить ему родительский разгон, а Стас вытащил Ванду из объятий юноши.

– Стас! – обрадовалась Ванда. – Ты тоже думаешь, что мне пора?

– Тебе домой пора, – сказал Стас. – Пошли!

– Марк обещал мне устроить кунилингус… – жалобно говорила Ванда, которую Стас уже тащил за руку к выходу.

Вдруг перед ними вырос здоровенный парень, голый по пояс лишь потому, что весь был украшен живописными наколками.

– Погоди-ка, дядя, – сказал он. – Девочка не хочет идти с тобой, понял?

– Ты еще кто такой?

– Я такой, что вполне могу расквасить нос, – сказал тот грозно.

Конечно он был крупнее Стас и выше, но годился разве что для рисования с натуры. Стас подумал, что встревать в драку накануне возвращения сана было бы нелепо.

– Отойди, – сказал он. – Это моя племянница.

– А мне насрать, – сказал парень, угрожающе вытягивая руку.

С этим он очевидно ошибся, и Стас не стал затягивать удовольствие. Он схватил татуированного красавчика за руку, и легким движением метнул его через себя. Это действительно было легко, потому что тот сам на него надвигался, надо было только его направить. Парень с грохотом упал на какой-то стул, который тотчас разлетелся под ним, а Стас не стал дожидаться результата, и вывел Ванду. Громоподобный хохот за спиной дал ему понять, что инцидент был воспринят без криминального оттенка.

Агата появилась спустя несколько минут. Она села в машину, хлопнула дверцей и перевела дыхание.

– Они ее опоили какой-то гадостью, – сказал Стас, а Ванда хихикнула.

– Заткнись, – повернулась к ней Агата. – Ты наказана! Всю неделю будешь сидеть дома. А если я еще раз увижу рядом этого типа, я сдам его в полицию.

– Мама, это было так прикольно, – произнесла Ванда и засмеялась.

– С ней сейчас бесполезно разговаривать, – сказал Стас. – Поехали.

Благо, пирог в шкафу сохранил все свои достоинства, но Ванда сразу же отправилась спать, и пирога не попробовала, а Агата была слишком возбуждена, чтобы оценить кулинарные успехи Стаса. Она все еще кипела.

– Этот подонок сказал, что нашел ей парня!

– Может ей действительно нужен парень? – осторожно спросил Стас.

Агата обернула к нему гневный взор.

– Ты на его стороне?

– Разумеется, нет, – сказал Стас. – Просто девочка и в самом деле задержалась в развитии. Я решительно против сексуальной ориентации отношений, но общение с противоположным полом ей бы пригодилось.

– Все опять закончится сексом, – махнула рукой Агата.

Стас не стал с ней спорить, и они разошлись по комнатам. Будучи давно лишен практики богослужений, он уже подзабыл многое, и ему пришлось вспоминать те правила, которые еще сохраняли силу. Забавно, но воздержание от брачных отношений все еще было обязательным перед литургией. Молитвенные правила были, конечно же, отменены, но Стас не отказал себе в удовольствии прочитать их на церковно-славянском языке. Перед самым сном вдруг зазвонил телефон, и Стас не узнал определяемый номер.

Он насторожился.

– Я слушаю?

– Простите, это полиция. Мы тут нашли на улице гражданку Стаунис Елизавету Марковну, и проверяем телефоны с ее трубки. Вы были знакомы с Елизаветой Марковной?

На экране телефона появилось фото той самой старушки, что свозила Стаса с Неделиным.

– А что с ней случилось? – похолодел Стас.

– Врачи говорят, обширный инфаркт. У нее был вполне почтенный возраст, таких в нашем городе уже и нет. Что вы можете о ней рассказать?

– Приятная старушка, – ответил Стас, вспоминая их встречу. – Я просто помог ей донести сумку до дому, и мы познакомились.

– Вам известны ее родственники, друзья?

– Кажется, у нее есть внучка, – сказал Стас и внезапно вспомнил, что когда он разыскивал Неделина, у старушки не было телефона.

Ему тогда пришлось звонить на телефон внучки.

– Вы не могли бы завтра подойти в участок, чтобы опознать старушку?

– Нет, завтра не могу. У меня завтра очень занятой день. И потом, могу ли я считаться ее знакомым? Мы виделись только раз.

– Но зато ваш телефон в ее трубке!

Стас потянул время, чтобы возникла пауза.

– А вы не ошибаетесь? – спросил он. – Она рассказывала мне, что терпеть не может мобильные телефоны. Откуда вдруг у нее взялся телефон?

– Видите, как интересно, – сказал полицейский. – Вы не заинтригованы? Из этого может получится сенсация, не так ли?

– Меня не интересуют сенсации, – отвечал Стас. – Кстати вы так и не назвались, а это, как мне кажется, требуется законом. Ваше имя, ваше звание, место работы…

– Вижу, вы расстроены, – заметил полицейский. – Я вас понимаю, и потому свяжусь с вами в другой раз.

– И легенду отработайте! – вырвалось у Стаса, прежде чем разговор прервался.

Потом он ругал себя за эту глупую реплику.

Особо теплых чувств к умершей старухе у него не было, но даже при этом такая неожиданная смерть вызывала ряд вопросов. Обширный инфаркт все же не предполагал немедленной смерти, на улице должны были быть люди, которые непременно вызвали бы парамедиков. Но даже если признать, что она умерла своей смертью, то этот звонок с проверкой несуществующего телефона не мог не насторожить.

Стас стал звонить в полицейский участок, и очень скоро выяснил, что у них не было вызовов по поводу смерти старушки. Стас стал жаловаться на то, что его разыгрывают люди под видом полиции, те стали проверять его звонки и не нашли в записях никаких звонков Стасу. Это было совсем удивительно, потому что полиция всегда хвасталась, что фиксирует все телефонные звонки, чтобы проверить их в случае надобности. Но звонок вовсе не был зафиксирован, и это было очень странно. Стасу пришлось назвать имя старушки, и уже через минуту полицейские подтвердили, что у нее нет своего телефона, что у нее есть внучка, которая находится в отъезде, и что она живет именно там, где указывает Стас. Они даже направили в ее квартиру патрульную машину, и через пять минут после того, как Стас положил трубку, ему сообщили, что старушка найдена мертвой в своей квартире. Причем на ней была уличная одежда, так что вполне можно было предполагать, что она выходила на улицу. Стаса обещали держать в курсе дела.

Выяснилось только то, что ему звонили не полицейские. Этим объяснялась ссылка на несуществующий телефон, но было совершено непонятно, чего добивались эти парни? Зато с

этим возникали серьезные подозрения в том, что старушку просто убили. Учитывая ее работу на Неделина это было нетрудно обосновать.

Только связаться с Неделиным теперь становилось проблемным.

38

На другое утро Стас так и не увидел владыку Иннокентия до того самого момента, как тот вышел его представлять. Стас, как всякий дисциплинированный священник явился в храм заранее, причем облачение для него заказала Агата, и оно было пошито в компьютерном ателье, то есть отличалось известной долей фантазии и яркостью красок. Поскольку речь шла о воскресном богослужении, цвет облачения был золотым, но без помпезности и аляповатости. Во всяком случае, певчие на правом клиросе были в восхищении. Облачаясь в алтаре Стас вслух читал молитвы на облачение, и отец Глеб кривился, потому что это тоже относилось к ушедшим правилам. Потом они вместе вышли читать входные молитвы, которые тоже были предельно сокращены, и тут на Стаса налетел подоспевший отец Феогност.

– Вы что делаете? – накинулся он на них. – У вас еще нет благословения, отче, и вы не имеете права облачаться и служить!..

– Это почему же? – спросил Стас, закипая. – Разве решение патриархии не является для вас основанием?

– Является, – тотчас испугался Феогност. – Только сначала должен владыка благословить.

– Ну и где же владыка? – спросил Стас.

– Подъезжает, – объяснил Феогност. – Пусть отец Глеб начинает проскомидию, а вы подождите!

Тут у входа поднялся шум, ознаменовавший появление епископа Иннокентия, и Глеб кинулся в алтарь, чтобы подхватить заготовленный крест на подносе, непременный атрибут встречи епископа.

– А как же проскомидия? – покосился на Феоктиста Стас.

Тот помялся и махнул рукой.

– Служите проскомидию, да побыстрее!

Так что пока владыку встречали в притворе, Стас у жертвенника служил чин проскомидии, приготовлении хлеба и вина к таинству. В алтарь то и дело входили и выходили вполне цивильные иподьяконы, прислуживающие епископу, а Стас сосредоточился на молитве. Это мгновение перед службой, когда все только начинается, всегда волновало его своим сугубо пороговым эффектом. Вот перед ним был хлеб и вино, но через мгновение начиналась служба, и все переходило на первую ступень таинства, чтобы постепенно подняться на вершину, где происходит чудо евхаристии.

– Отец, – позвал его иподьякон, когда он закончил все приготовления. – Вас владыка ждет!

Стас вышел из алтаря, и увидел, что владыка уже облачен для службы. Когда-то такие облачения составляли последовательную цепь одевания владыки, но в нынешних условиях все ограничивалось омофором и панагией на толстой золотой цепи.

– Долго вас ждать, батюшка? – проскрипел владыка, глянув на него недобро.

– Простите, – отвечал Стас. – Заканчивал проскомидию.

– Под благословение, – шикнул ему Феогност.

Когда-то благословение подавалось крестом, с поцелуем благословляющей руки, но этих сложностей даже Стас уже не застал. Теперь владыка просто положил руку ему на голову, тяжко вздохнув.

– Отныне, иерей Станислав, надлежит вам служить в храме Святителя Николая вторым священником!

– Аксиос, аксиос, аксиос, – проговорил Феогност весело, после чего правый клирос совсем не по уставу пропел тоже самое.

– Начинайте, отец, – сказал владыка отцу Глебу.

И служба началась.

Стас попытался отрешиться от всех обстоятельств своего возвращения к престолу, и попытался сосредоточиться на молитве. Несколько раз он оговорился, произнося слова на церковно-славянском, на что Феогност фыркал, а владыка бросал на него грозные взгляды, но скандала не возникло, и службу довели до причастия. Стас не причащался иерейским чином очень давно, так что испытал целую гамму чувств, вплоть до искренней и взволнованной симпатии ко всем присутствующим в алтаре, включая иподьяконов, которые стояли вдоль стен.

Перед выходом на причастие мирян епископ вдруг повернулся к Стасу и сказал:

– А теперь, отче, пожалуйте проповедь.

Стас испугался.

– Я не готовился, владыка!

– Ну, если вы готовы к совершению таинства, то тем более должны быть готовы к проповеди!

– Владыка, может не надо, – прошептал сбоку Феогност. – Еще наговорит тут лишнего…

– Пусть говорит, – проговорил владыка сурово.

И Стас вышел на амвон. Народу в церкви собралось много, а главное, он вдруг увидел в толпе Агату с Вандой. Обе были укутаны в платки, которые давно уже не были обязательными, и в их глазах Стас читал восхищение.

Это его и вдохновило.

– Сегодня у меня радость, – начал он. – И это неудивительно, потому что мы с вами находимся в доме радости, и только наше жестосердечье не позволяет нам ощущать эту радость каждый день и каждый миг нашего пребывания в храме. Но сегодня мне эта радость предоставлена самым явным образом, и я хочу поделиться с вами всей ее полнотой.

Его уже слушали, затаив дыхание, потому что привыкли к казенным и безличностным проповедям.

– Милостью Божией, – говорил он, – мне возвращен священный сан, я снова допущен к совершению таинства, и потому взволнован и растерян. Мне много говорили о переменах в обществе, но только теперь я ощутил их вполне. Господня милость коснулась меня самым непосредственным образом, и, прошедший все ужасы войны, я хочу от всего сердца произнести вам приветствие, идущее из древних веков: мир вам!

Его влекла волны умиления, и он остановился только тогда, когда увидел, что ближайшие к нему женщины чуть ли не рыдают.

– Аминь, – говорили люди чуть ли не после каждого его предложения, – Аллилуиа!

Стас поспешил закончить проповедь обещанием верной службы, и поскорее ушел в алтарь, потому что эффект от проповеди был зашкаливающим.

– Фу ты! – произнес насмешливо Феогност. – Это тебя в тюрьме так прокачали!

Стас только хмыкнул, но успел уловить взгляд отца Глеба, в котором было растерянное удивление.

Прихожан причащал сам епископ, и Стас нашел момент выйти в храм, чтобы переговорить с родственниками. По пути его ласково приветствовали прихожане, и он отвечал им с улыбкой. Агата протянула ему букет цветов.

– Вот спасибо, – сказал Стас. – Давно вы здесь?

– Выступление твое слышали, – сказала сияющая Ванда. – Это было здорово!

– Здорово будет, когда вы обе креститься соберетесь, – сказал Стас. – Как ты?

Ванда скривилась и не ответила.

– Она нормально, – отвечала за нее Агата. – Ты помнишь, что к нам сегодня придет Ланго? Надеюсь, ты не задержишься?

– Ну, полагается трапеза с епископом, – отвечал Стас. – А потом я бегу домой.

– Я теперь под контролем, – сказала Ванда. – Шаг влево, шаг вправо…

Она сделала жест, словно стреляет из пистолета.

– Скажи спасибо, что я тебя из дома выпустила, – сказала ей Агата.

– Спасибо, мама, – буркнула Ванда.

– Ну вот, вы тут еще ругаться начните, – остановил их Стас. – Успокойся, Агата, она уже раскаивается. Ты ведь раскаиваешься?

– Теперь, точно, – кивнула Ванда. – А мы могли бы ускорить процесс моего воцерковления?

– Во, какие ты слова говорить стала, – отметил с ободрением Стас.

– Это она свое раскаяние демонстрирует, – хмыкнула Агата.

– Это возможно только при согласии родителей, – сказал Стас. – Поскольку у тебя родитель точно есть, то все решает она.

– Это же все на показ только, – скептически заметила Агата. – Ты же сам понимаешь!

– Я помню, еще до войны у нас в храме один гопник крестился ради денег. Ему бабушка пообещала заплатить, если он крестится. Так что ты думаешь, так увлекся, что через месяц уже собирался рукополагаться. Наш владыка его в монастырь отправил, там их и накрыло в первые дни войны…

Он вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Вы ступайте, а я задержусь немного.

– Не задерживайся, – сказала Агата и увела Ванду.

Стас проводил их взглядом, и невольно отреагировал, когда у двери шевельнулась в сторону какая-то тень. Он присмотрелся, и узнал Неделина. Конечно ему хотелось бы немедленно подойти к нему, чтобы прояснить ситуацию, но делать это в храме, в полном облачении, когда на него смотрели буквально все окружающие, было верхом легкомыслия.

Заамвонную молитву обычно поручали священникам с минимальным стажем рукоположения, но когда епископ направил на молитву Стаса, тот не стал возражать. Потом был произнесен отпуст, и епископ вышел сказать свое слово прихожанам. В потоке сладких поощрительных слов там почти не нашлось упоминания о новом иерее, хотя в конце он выразил надежду, что Стас все же окажется нужным в жизни прихода. Подразумевалось, что все остальные в этом сомневались.

Крест прихожанам тоже подавал Стас, и Феогност предупредил его, что нынче крест никто не целует, и вполне достаточно касаться головы. Стас опять не стал спорить, благословлял прихожан по головам, но когда к нему подскочили певчие, он не удержался и подал им крест на целование. Владыка к этому времени уже вышел, хотя предположить, что о нарушении будет немедленно доложено, можно было смело. Девушки сразу стали расспрашивать его о планах, требуя от него решительного участия в их благих начинаниях, и Стас благодушно пообещал. Не рассказывать же девушкам про его практически безысходную ситуацию с наследством маршала Гремина.

К столу в трапезной он, занятый благословениями и поздравлениями, опоздал, и смиренно сел на самом краю, где уже сидели благочестивые прихожане, приглашенные на трапезу к епископу. Его появление оказалось почти незамеченным, разве что Роман Петрович ему улыбнулся, сидя неподалеку.

– Вы мясо едите, батюшка? – спросил официант.

– Да, конечно, – кивнул Стас.

Тот стал накладывать, а сидевший неподалеку иподьякон насмешливо спросил:

– Вы, отче, наверное и поститесь?

– По мере сил, – ответил ему Стас холодно.

Владыка во главе стола выглядело мрачным, что-то выговаривал едва слышно отцу Глебу, осадил архидиакона, когда тот хотел запеть какую-то песню, и вскоре стал подниматься. С ним поднялись и остальные, спели благодарственную молитву, звучавшую на русском языке

чудовищно, и потянулись за заключительным благословением к епископу. Здесь уже Стаса пропустили согласно рангу вперед, и владыка буркнул:

– Вы останьтесь, нам бы поговорить надо.

Разговаривали они в кабинете отца Глеба, оставшись наедине. Владыка некоторое время недовольно сопел, глядя в окно, как расходятся после службы люди, и Стас не спешил его торопить.

Наконец он начал:

– Я не знаю, какие связи вы использовали, но вы должны понимать, что сделано это было довольно грубо.

– Простите, владыка, – сказал Стас. – Но и меня пнули тоже без особой вежливости.

– Но вы ведь не в светское учреждение устраиваетесь, – напомнил епископ. – Нам с вами перед престолом стоять! И если мы будем использовать подковерные игры, то что же мы будем за духовенство?

– Да, действительно, – вырвалось у Стаса.

Епископ поднял голову.

– Что вы хотите сказать?

– Я про подковерные игры, – пояснил Стас. – Действительно, недостойно.

Епископ помолчал.

– Вы намерены со мной бороться? – спросил он прямо.

– Нет, разумеется, – отвечал Стас. – Я намерен служить Богу, и в этом очень надеюсь на вашу поддержку, владыка. Что до моих связей, то их использование было крайней мерой, к которой меня фактически принудили. Уверяю вас, что я не собираюсь устраивать свою карьеру таким образом.

Епископ тяжело вздохнул и кивнул.

– Что ж, посмотрим.

– Благословите, преосвященнейший владыка, – склонился Стас под благословение.

Тот осенил его крестом и положил руку под запрещенный нынче поцелуй.

39

Выходя из храма Стас готовился к встрече с Неделиным, но не обнаружил его. Садясь в машину, он специально заглянул на заднее сидение, но и там его не было. Он появился, когда Стас уже собирался трогать машину с места, быстро упал на переднее сидение рядом и захлопнул дверцу.

– Это что за фокусы? – рассердился Стас. – Кино насмотрелись?

– Вы уже знаете про Елизавету Марковну? – спросил Неделин отрывисто.

– Знаю, – ответил Стас неохотно.

– Как вы об этом узнали?

– Мне позвонил какой-то идиот, представившийся полицейским. Он звал меня явиться к нему, но мне это показалось подозрительным. Я позвонил в полицейский участок, и там ничего не знали о смерти старушки.

– Ее убили, – сказал Неделин.

Стас некоторое время молчал. После службы у него было благочестивое настроение, которое с появлением Неделина немедленно стало уходить.

– Откуда вы знаете?

– Ее внучку тоже убили, – сказал Неделин.

– Она тоже работала на вас? – удивленно спросил Стас, вспомнив недовольный голос внучки в тот момент, когда он позвонил ей, разыскивая старушку.

– В том-то и дело, что нет! – отвечал Неделин. – Просто они в панике.

– Кто? – спросил Стас раздраженно.

– Враги, – сказал Неделин. – Вы поедите, ли мы так и будем стоять здесь?

Стас тронул машину с места, и они выехали на дорогу.

– Кто это, враги?

– Наши противники, – сказал Неделин, устраиваясь поудобнее. – Возьмите, к примеру, Цингали! Сам он, конечно, никак не обозначен, но на него работают несколько силовых структур, от частных агентств до полиции. Конечно, они и сами об этом не знают, но Цингали их все же контролирует.

– Зачем Цингали убивать старушку? – не поверил Стас.

– Я же говорю, они явно стали нервничать, – сказал Неделин, осторожно поглядывая в зеркало. – Это убийство, хоть они и пытались его замаскировать, на самом деле выдает их с головой. Странно ведь, что одновременно умирает от инфаркта старушка, и сгорает в своем загородном доме ее внучка. С разницей в пару часов.

– Что это им дает?

– Они нас запугивают, – сказал Неделин. – Ответных ходов у них нет, вот и бьют по площадям. Но я смогу это раскрутить, в полиции немало достойных сотрудников.

– Они раскроют дело?

– Нет, конечно, – хмыкнул Неделин. – Но они доведут дело до того, что противнику придется ликвидировать своих агентов, замешанных в этом. Согласитесь, это тоже приятно.

– Не знаю, – буркнул Стас. – Это какие-то шпионские игры. Между прочим, я работаю в контакте с рептилидом, которого контролирует Цингали.

– Вы что-то обнаружили?

– Секретную базу на Балхаше, – сказал Стас. – Судя по всему, маршал Гремин отправлялся именно туда. Говорят, там был центр радиоэлектронной борьбы.

– Балхаш, – повторил Неделин. – И что дальше?

– Следствие покажет, – отвечал Стас. – У вас есть что-нибудь для меня?

– А что вас интересует?

– Ну, хотя бы координаты могилы Трускальда. Мой рептилид говорит, что Трускальда сожрали на погребальной церемонии на Болоте.

– Его похоронили, – подтвердил Неделин. – Вы хотите проверить?

– Мой рептилид хочет проверить, – сказал Стас. – Мне бы хотелось держать его на своей стороне.

Неделин покачал головой.

– Имейте в виду, этот Цингали дьявольски хитер. Я бы поставил на то, что он подослал вам этого рептилида. Или использует его.

– А где обитает Цингали? – спросил Стас.

– В Палестине, – ответил Неделин. – Там у них базовый лагерь, даже отряд барсифов есть для охраны.

Стас вздохнул.

– Не добраться, – отметил он.

– А что вам понадобилось от Цингали?

Стас бросил на него быстрый взгляд.

– Скажите лучше, чего они по-вашему испугались? Моей суеты?

– Скорее, нашего контакта, – сказал Неделин. – Чем больше вы обо всем этом знаете, тем вы опаснее.

– Вы уверены, что все идет от Цингали?

Неделин хмыкнул.

– Просто, если я назову вам фамилии основных игроков, вам это ничего не скажет.

– То есть?

– Эта не игра крокодилов, Стас, – пояснил Неделин. – Цингали участвует в ней, но только потому, что он представляет их в фирме. На самом деле идет игра за власть.

– Не понимаю, – сказал Стас. – Торговля младенцами так прибыльна, что ли?

– Это не торговля младенцами, – фыркнул Неделин. – Это торговля новыми современными технологиями, торговля будущим. Ведь по договоренности крокодилы снабжают нас технологиями и инструментарием, все наше Восстановление строилось на их помощи. Но когда планета была восстановлена, обмен продолжается, по условиям фирмы.

– Почему крокодилы на это идут?

– Во-первых, потому что они победили не без участия наших спецов. Во-вторых, тут есть сложный момент социального развития. Крокодилы фактически не развиваются, это все-таки закон природы, и крокодилам нет природной необходимости развиваться. Они уже добрались до своего потолка, и их лучшие представители это прекрасно понимают. Чтобы оставаться на лидирующем уровне, они должны воспользоваться плодами других культур. В данный момент они не нашли ничего лучше, чем Земля.

– Но как они используют нашу культуру! – воскликнул Стас. – Это просто какая-то ферма для кроликов!

Неделин усмехнулся.

– Это видимый слой, – сказал он. – Они все свои надежды связывают с новым поколением, которое воспитывается в лагерях. Там им закладывают нормы технократического общества, давнюю мечту всех масонов и утопистов. Нынешнее поколение остается разве что на прокорм. Я говорю метафорически, – поспешил добавить он.

– Можно принять и буквально, – сказал Стас. – Значит, против меня работает наше мировое правительство?

– Вот именно. Поэтому будьте предельно осторожным. Как только они почувствуют опасность, они вас уничтожат без промедления.

– И вы меня не защитите? – спросил Стас легкомысленно.

– Как видите, я не могу защитить даже своих рядовых сотрудников, – вздохнул угрюмо Неделин. – Я ведь только прикрываюсь работой на Хануиля, и его разведка следит за каждым моим шагом, так что большой свободы маневра у меня нет. Конечно, я приложу максимум усилий, чтобы обезопасить вас, но многого я не смогу.

Стас уже подъехал к дому Агаты и остановил машину неподалеку.

– Значит так, – сказал он. – Как я понял, у вас существует какая-то подпольная организация реваншистов?

– Что-то вроде, – отвечал Неделин не очень охотно.

– И вы надеетесь воспользоваться этим артефактом, чтобы перехватить инициативу?

– Да.

Стас кивнул.

– Теперь понятно, – сказал он. – Вам выходить.

– Не здесь, – сказал тот. – Здесь все просматривается автоматически, это же дом вашей сестры. Отвезите меня на остановку автобуса.

Через несколько минут Стас уже поднимался в дом Агаты, где его встречала Ванда, поднося ему букет цветов.

– С возвращением в духовный сан, батюшка, – произнесла она фразу, которую долго готовила заранее.

Агата рассмеялась за ее спиной.

Стас стал им рассказывать всю историю своего восстановления, от Светланы с ее мужем, до последних опасений епископа.

– А почему бы тебе не стать епископом? – подхватила Ванда. – Мама попросит своего крокодила, и тебя сделают вашим главным епископом. Как он называется?

– Патриарх, – смеясь, отвечала Агата. – Но я не думаю, что Стас метит так высоко.

– Правильно не думаешь, – кивнул Стас. – И вообще, мой потолок, это келья послушника в каком-нибудь забытом всеми монастыре.

– Монастыри запрещены, – напомнила Агата.

Стас со вздохом кивнул.

– Увы, уже половина наших епископов женаты. Хотя окончательного решения по этому вопросу так и не было принято.

Ванда подсела к Стасу ближе.

– Может, тогда и тебе забыть про твой целибат? – спросила она, лукаво усмехаясь.

Стас посмотрел на нее косо.

– Изыди, сатана, – сказал он. – Так когда придет Ланго, я хотел бы перевести дух.

– Часа через два, – отвечала Агата. – Вполне можешь подремать.

– Я думал о бассейне, – сказал Стас.

– И я с тобой! – подпрыгнула Ванда.

Она тоже намеревалась оголиться для плавания в бассейне, но Стас настоял на купальнике. Некоторое время они поплавали, потом Ванда начала хулиганить, и Стас поспешил выйти на берег.

– Тебе не кажется, что в воде мы возвращаемся в первобытное состояние?

– Ты так вообще становишься настоящим динозавром, – сказал Стас, вызвав ее нервический смех.

– Я же из семьи крокодилов! – напомнила она восторженно.

Стас успел немного отдохнуть, размышляя о рассказе Неделина. Он подозревал, что в этой войне значительная часть человечества была на стороне крокодилов, но даже не думал, что все был так глубоко структурировано и организовано. Конечно, какие-то разговоры о тайнах Луны шли еще накануне войны, некоторые прямо говорили о контакте с инопланетянами, но дальше досужих сплетен это не шло. А теперь оказалось, что там шли активные перего-

воры, где наши руководящие слои договаривались о цене младенцев для пропитания братьев по разуму.

Появление Ланго опять сопровождалось предварительным визитом охраны, приземлением летающего судна, и чуть ли не торжественным парадом с участием одного Ланго. Тот и сам заметил некоторую неуклюжесть этой церемонии, и поспешил сказать:

– Они ужесточают охранные мероприятия, представляете!

– Кто – они? – спросил Стас, здороваясь с ним у порога.

– Хороший вопрос, – кивнул Ланго. – Учреждение, которое мы создали для своей безопасности, берет на себя все больше инициатив. Это надо обдумать, но тут есть момент абсурда.

– Это точно! – сказал Стас.

Агата вышла к ним в новом наряде, была слегка взволнована и болтлива.

– Мы тебя совсем достали своими расспросами, – говорила она, пока Ланго пытался продемонстрировать поцелуй руки, что было довольно смешно.

Впрочем, он и сам над этим посмеивался.

– Ты же понимаешь, что только у тебя дома я по-настоящему могу расслабиться, – говорил он, устраиваясь в своем специальном кресле в гостиной.

– И мне это приятно, – сказала Агата. – Ты уже слышал, что Стас вернул себе свой духовный сан? Сегодня утром он уже служил в храме, представляешь?

– Плохо представляю, – отвечал Ланго. – Но все равно поздравляю. Как вам это удалось?

– Использовал элементы бюрократически игр, – сказал Стас. – Мне это действительно приятно, потому что я с юности шел к этому.

– Вопросы религиозного структурирования мне особенно интересны, – сказал Ланго. – Если хотите, я могу пригласить вас для работы в нашем центре консультантом. Но мне кажется, так много внешнего контроля вам вряд ли понравится.

– Это верно, – кивнул Стас.

Потом были напитки, невинная болтовня и обмен мнениями по актуальным общественным проблемам. Агата долго не хотела оставлять их, но наконец сам Ланго сказал:

– Дорогая, ты не позволишь нам на несколько минут уединиться.

– Я так и знала, – нервно заметила Агата. – Ты пришел не ко мне, а к нему!

– Я пришел к вам, – поправил ее Ланго. – Мне бы хотелось, чтобы ты не забывала о том значении, которое представляют для меня наши отношения.

– Да, я помню, – кивнула Агата. – Ладно, поболтайте немного, я пока займусь планированием обеда.

Она погладила Ланго рукой по его физиономии, и вышла.

40

Пристально глядя на Стаса, Ланго отпил глоток своего напитка.

– Так зачем вы меня звали? – спросил он.

– У меня есть идея, – отвечал Стас. – В кубанском лагере заканчивается срок заключения пары человек из центра «Балхаш». Не могли бы вы помочь мне извлечь их оттуда раньше срока, чтобы попытаться поговорить с ними.

Ланго опять отпил глоток.

– А что это за люди?

– Низшее звено, – сказал Стас. – Лаборантка и уборщик.

– И зачем они вам нужны?

– Я надеюсь извлечь из них полезную информацию?

Ланго насторожился.

– Вы собираетесь их пытать?

– Да нет же, – вскинул руки Стас. – Я просто поговорю с ними, как фронтовик, как свидетель последних минут жизни маршала Гремина. Я не очень уверен, что из этого что-нибудь выйдет, но это все же какое-то движение.

Ланго кивнул.

– Я постараюсь вам помочь, – сказал он.

Потом он посмотрел на Стаса, покачал головой и вздохнул.

– Я много думал над тем, что вы рассказывали, – признался он. – Я просто не знаю, как к этому отнестись.

– О чем вы? – спросил Стас.

– О младенцах, – сказал Ланго. – Я вполне понимаю, как чудовищно это выглядит.

– Оставим это, – предложил Стас. – Забудем, чтобы не напрягать наших отношений. Наверное, я никогда не смогу этого понять, но я вовсе не намерен навязывать вам своего мнения. Я же понимаю, это совсем другая культура.

– Дело в том, что я здесь занимаюсь изучением именно вашей культуры, – стал объяснять Ланго, – и искренне восхищен сложностью и многослойностью ваших отношений. У нас это выстраивается на уровне творческой элиты, которую представляют в основном гринбеи, но этот процесс находится еще в самом зарождении.

Стас кивнул.

– Я правильно понимаю, – спросил он, – что ваша задача разработать программу воспитания рептилидов в земном духе?

– Адаптировано, конечно, – сказал Ланго. – Вряд ли кто из рептилидов сможет постичь глубины вашей мысли. Что говорить, если для большинства нашего населения еще совершенно недоступна таблица умножения.

– Я понимаю ваше восхищение, – сказал Стас. – Но все же, неужели культура вашего народа настолько безнадежна? Вам совсем нечем гордиться?

Он посмотрел на Стаса взволнованно, так что тот вдруг подумал о крокодильих слезах. Но Ланго был предельно серьезен.

– Нечем, – сказал он. – Понимаете глубину моей трагедии, мне нечем гордиться!

– Такого просто не может быть, – уверенно заявил Стас. – Ведь должно быть что-то, что вспоминается вам с теплотой.

– С теплотой у нас обычно вспоминается победа над врагами, – с горечью произнес Ланго. – А уж если вам удается сожрать врага, то вы можете поддерживать эту теплоту достаточно долгое время. Если бы вы знали, как я себя ненавижу за то, что рожден крокодилом!

Стал раскрыл рот, чтобы возразить, но к своему ужасу не нашел возражений.

Ланго вздохнул и поднялся.

– О чем я мечтаю, – сказал он, – так это об технологии превращения крокодилов в людей. Увы, это невозможно в принципе, даже с участием воли Создателей.

Стас выдержал паузу, чтобы поменять тему, и заговорил:

– Кстати, о Создателях. Как проявляется воля Создателей в вашем обществе?

– Спросите у фенцеров, – сказал Ланго с тоской. – Это они оглашают волю Создателей, собирая для этого толпы рептилидов. Эти толпы потом разбегаются по всем концам, чтобы разнести волю всем остальным.

– Но речь идет о планете! – напомнил Стас.

– Да, о планете, – согласился Ланго. – Фенцеры собраны в постройках Гультанура, а все остальные разбросаны по болотам вдоль экватора. Там у нас проложены скоростные дороги. Мы не забираемся к полюсам, потому что там слишком холодно для жизни пресмыкающихся. Все население Болота составляет не более восьмисот миллионов голов.

Стас не мог не обратить внимания, что тот использует термины из области животноводства, но не стал протестовать. Слишком горек был тон несчастного Ланго.

– Пусть вам примером будет все тот же Трускальд, – сказал Стас. – Кажется, он нашел пользу в своем изучении человеческой культуры.

Ланго покачал головой.

– Ваша версия ничем не подтверждается. На центральной площади Гультанура есть пантеон для великих рептилидов, и памятник Трускальду там на самом видном месте.

– А могила на Луне, – сказал Стас. – Вы пробовали проверить этот вариант, или решили ограничиться официальной информацией?

– Я ищу подходы, – вздохнул Ланго. – Не могу же я открыто спросить, где там могила Трускальда?

– Я хочу заметить, – напомнил Стас. – Что если его все же похоронили по земному обычаю, то, наверное, остались те рептилиды, которые пошли на это!

– У него было много учеников, – кивнул Ланго. – Не большая часть из них погибла на войне, особенно когда вы взорвали орбитальную станцию. Там были тысячи погибших!

Стас вспомнил, как была взорвана орбитальная станция, и как все они ликовали по этому случаю. И даже теперь он не нашел в себе сил посочувствовать давно прошедшей трагедии.

– Кто-нибудь точно остался, – сказал он.

– Я поспрашиваю, – пообещал Ланго.

Стас вздохнул и поднялся из-за стола.

– Я понимаю ваши переживания, Ланго, – заговорил он тоном проповеди. – Но и вы должны понять, что у Господа не бывает лишних народов, даже если те и рептилиды. Если Господь допустил ваше появление прежде времени, то на то были свои причины, которые нам неизвестны. В конце концов, наше общество не настолько далеко ушло от каннибализма, если говорить прямо. Сейчас вы поводите программу роста народонаселения, чем бы это ни было вызвано, а в предшествующую эпоху тенденция была на уменьшение народонаселения, причем участвовало в этом все общество. Люди искусственно охранялись от зачатия самыми разными способами, вплоть до убийства младенцев в утробе, оставляя себе только область удовольствия. Которая, кстати, очень скоро переходила в извращения от естественного пресыщения. И я представляю, что ваше нашествие было попущено нам именно для того, чтобы мы опомнились. Теперь, в другой крайности мы начинаем совсем забывать о смысле продолжения рода, и это является нам безусловным предупреждением от последующих заблуждений в этом вопросе.

Стас остановился, почувствовав, что совсем скатился на менторский тон. Но Ланго слушал его с искренним воодушевлением, и когда он закончил, зачаровано спросил:

– Значит, вы полагаете, что и у нас есть свое предназначение?

– Безусловно, – подтвердил Стас.

Ланго откинулся на спинку кресла, испытывая очевидное возбуждение.

– Это тема! – сказал он. – Это может стать темой для моей работы! Я долго не мог найти точки сопряжения наших культур, но вы мне подсказали ее.

Стас сдержано поклонился.

– Я рад, что могу вам помочь, – сказал он. – Но давайте вернемся к нашей главной задаче. Какие у вас есть предположения о содержании той информации, которую поручили на мое хранение?

– Никаких, – отвечал Ланго.

– Трускальд был фенцером, верно?

– Он был Предвестником, то есть одним из верховных вождей.

– Значит, он участвовал в этих церемониях по призыву воли Создателей?

– Да, конечно.

Стас стал медленно вышагивать по комнате.

– А не могло ли быть связано сообщение маршала Гремина с какими-то особенностями этого ритуала?

Ланго усмехнулся.

– Мне льстят ваши попытки придать религиозные черты действиям фенцеров, но все же надо признать, что это технология. Просто время от времени фенцеры включают свою аппаратуру, и задают вопросы, на которые получают ответы.

– Аппаратуру? – повернулся к нему Стас.

– Я говорю условно, – сказал Ланго. – У них есть некие артефакты, которые они используют для подключения. Как вы понимаете, никому кроме фенцеров наблюдать эти церемонии не приходилось.

– Веритиан? – спросил Стас.

Ланго поднял голову.

– Что это?

Стас перевел дыхание.

– Вы никогда не слышали это слово?

– Нет. О чем это вы?

– Это только предположение, – сказал Стас. – Я тут натолкнулся… – он осекся. – В общем, есть версия, что ваш Трускальд основал здесь некое сообщество единомышленников. Я имею в виду, среди людей. Маршал Гремин вероятно был членом этого сообщества.

– Потрясающе, – произнес Ланго. – И я ничего об этом не знаю!

Стас, который пришел к предположению о сообществе буквально несколько мгновений назад, испытал смущение от того, что подал свои фантазии, как факт. Но тот так обрадовался предполагаемому сообществу, что разочаровывать его было бы еще большим злом.

– И я думаю, – продолжал Стас, – не посвятил ли он своих новых учеников в некие тонкости вашего ритуала?

Ланго на мгновение замер. Такой вариант развития событий безусловно представлялся весьма революционным, но слишком уклонялся в область предательства интересов Болотного общества. Ему понадобилось время, чтобы взвесить все доводы за и против.

– Как вы думаете? – прервал его рассуждения Стас.

– Я не знаю, – уклончиво отвечал Ланго. – Учитель Трускальд был вознесен на уровень пророка, и трудно представить, что это могло бы случиться, если бы он в самом деле… Совершил то, о чем вы говорите.

– Вы полагаете, что воля Создателей адресована только вам? – спросил Стас.

– Мне ничего не известно про тонкости ритуала, – стал объяснять Ланго. – Да мы никогда этим особенно не интересовались. Но ваше предположение… Оно все меняет!

– Что меняет?

– Всю картину! – сказал Ланго. – Если учитель на самом деле решился на такой подвиг, это по сути означает, что мы способны преодолеть свою судьбу!

– Я об этом сразу сказал, – заметил Стас. – Человек сам определяет свою судьбу, почему бы и рептилидам не поступать так же?

Ланго закачал головой.

– Мне это надо обдумать!

– Конечно, – успокоил его Стас. – Но давайте не забывать, что Цингали дал нам всем срок исполнения задания, и нам надо торопиться.

– Простите, – кивнул Ланго. – Я помню, конечно. Так что вы от меня ждете?

– Освобождения тех людей, о которых я вам говорил.

Ланго окончательно поднялся.

– Хорошо, – сказал он. – Я отдам распоряжение. Наша задача приоритетна, и со мной не посмеют спорить. Вы позволите мне перед уходом попрощаться с Агатой?

– Да, конечно, – отвечал Стас.

Ланго кивнул ему и прошел в стороны комнаты Агаты. Стас проводил его взглядом, оставаясь в сомнении, какой эффект могло произвести его предположение о Трускальде. Или он ему поверил, и воспарил духом по поводу судьбы рептилидов, или он обнаружил в этом предательство коренных интересов своих сородичей.

В любом случае, все это должно был дать скорый результат.

41

Уже с утра он был в храме, потому что отец Глеб был занят со своими благотворительными делами, и Стасу пришлось служить отпевание покойного. Покойный был довольно молод, и причиной смерти в документе было указано «отравление наркотическими веществами». Мать покойного сказала, что парень страшно стеснялся женщин, но под влиянием друзей был вынужден посещать Дом Любви, и для этого потреблял наркотики.

– Хоть будущее поколение будет нормальным, – говорила она со вздохом.

Стас не стал с ней обсуждать эту тему, отпел покойного по всем правилам, тем более, что на клиросе оказались знакомые певчие, хоть и не в полном составе. Светлана успела сообщить ему, что ее муж сам заинтересовался встречей с батюшкой, но только в плане творческой дискуссии.

Потом Стас беседовал в притворе с неким сомневающимся господином, который пытался разобраться, какое место среди творений Божиих занимают реплитиды. Позже появился отец Глеб с группой своих стариков, которые горели желанием поработать в саду, что принадлежал церкви, и потом они вместе трапезничали. Стариков, как уже понимал Стас, оставалось совсем немного, но их немощь и слабости воспринимались, как досадные помехи. Как правило со стариками после шестидесяти уже никто не жил, их сдавали в пансионаты, где было довольно приемлемое обслуживание, и там они доживали в своем кругу, вспоминая прошлое и занимаясь всякой чепухой. Отец Глеб взял их под свое попечение, чем доставил им немало радости, потому что комфорт пансионата явно не был для них достаточным.

– Меня вчера тронула ваша проповедь, – сказал отец Глеб за трапезой Стасу.

– Спасибо, – кивнул тот.

– Главное в ней было то, что вы явились к нам из другого мира, – продолжил отец Глеб. – Конечно, это был нелегкий удел, все же тюрьма, но вы явно не тронуты основными пороками нашего современного общества. И это радует.

– А что вы считаете основными пороками? – заинтересовался Стас.

Отец Глеб неторопливо утер губы.

– Лицемерие, – сказал он просто. – Люди давно уже отвыкли от искренних чувств и слов, с ранних лет у них начинается какой-то затяжной спектакль, где они фактически играют персонажей популярных сериалов, даже не замечая этого.

Стас располагающе улыбнулся.

– Батюшка, дорогой, ведь все мы пользуемся словами и категориями, которые не мы придумали. Это действительно похоже на спектакль, но на самом деле это просто язык, на котором люди говорят. А то, что сериалы являются основным окном в мир, это очевидно.

– Это не просто язык, на котором говорят, – сказал отец Глеб. – Это язык, на котором они думают. Этот язык подсказывает им выбор решений, заменяет им волю.

Стас покачал головой.

– Не знаю, – сказал он. – Я сериалы совсем не смотрю, и потому не знаю, о чем они там говорят. Меня больше угнетают эти чудовищные свинофермы, называемые Домами Любви.

Отец Глеб с улыбкой покачал головой.

– Не приведи Господь, батюшка, вам такое на проповеди сказать. Нас владыка на каждом собрании предупреждает, что политика роста народонаселения, это политика развития общества, и выступать против нее недопустимо.

– Ну, – сказал Стас. – Он-то понятно, почему так говорит. Но посмотрите сами, хоть мы и позволяем себе молчать по таким важным вопросам, но люди в церковь еще идут. Разве само это не чудо?

– Да, – насмешливо кивнул отец Глеб. – Я так понимаю, что от вас надо ждать еще многих сюрпризов.

– Я о том, что происходящее в храме выходит за рамки наблюдаемого, – сказал Стас. – Тут действительно вершится таинство, не ради нашего с вами косноязычия, а ради собирающихся людей. И я хочу быть к этому причастным.

– Дай Бог, дай Бог, – сказал отец Глеб и стал подниматься вместе со всеми остальными на благодарственную молитву.

От высоких духовных проблем Стас довольно быстро опустился до грубого насилия. Его машину на пустой дороге вдруг подрезала другая машина, и перегородила путь. Стас недоуменно выбрался, и вдруг увидел, как навстречу ему из той машины выходит сразу четверо крепких парней. Одним их них был тот самый татуированный малый, с которым у Стаса случилась стычка в клубе, где он искал Ванду. Оставалось предположить, что он приехал дать реванш.

Стас все понял и поднял руку.

– Спокойно, ребята, спокойно, – сказал он. – Я нынче священник, и мне по сану не положено драться. Но, если что, вы должны знать, что я пятнадцать лет отсидел в лагере, где подобные аттракционы были каждодневны. Не стоит нам устраивать эти игрища.

– Так и мы про что, – сказал татуированный. – Кому нужны неприятности? Так, только, слегка…

Из окна второго этажа соседнего дома выглядывала какая-то размалеванная девица, которой эта сцена доставляла удовольствие.

– Ну что, поп, влип ты, я погляжу? – воскликнула она и рассмеялась.

Конечно, Стас был священником, но он при этом начинал свою службу у престола, как капеллан, то есть, все же отчасти считался воином. Так что к непротивлению он не склонялся, хотя всегда был готов теоретически доказать, что это лучший способ борьбы со злом. Но в данную минуту он просто присматривался, вырабатывая тактику боя.

Татуированный, хоть и был здоровее всех, на серьезного противника не тянул. Скорее всего он нанял уличных драчунов, чтобы наказать своего обидчика. Но драчуны смотрелись уже куда серьезнее. У одного была бейсбольная бита, другой лез в карман за ножом, или кастетом, а тот, что шел чуть сзади, достал цепь, и принялся крутить ею круги в воздухе. Поэтому, когда татуированный полез вперед, он опять совершил ошибку. Не был он бойцом.

Стас сделал пугающий выпад, так что тот испуганно дернулся, после чего легко скрутил ему руку, и спрятался за ним. Тот отчаянно пытался вырваться.

– Убью, гнида, – шипел тот.

– Если еще приблизитесь, – сказал Стас, – я ему голову скручу.

– Да нам по фигу, – хмыкнул парень с битой. – Нам бабки отбить надо, чтобы не говорили, будто мы берем деньги за так!

Второй достал из кармана телескопическую дубинку, и со свистом раскрыл ее.

– Даже не дергайся, – сказал он.

Стас понимал, что им нельзя отдавать инициативу, потому что силы были не на его стороне. Он толкнул пыхтящего татуированного на парня с битой, а сам сумел ухватить за дубинку второго и вырвать ее у него из руки. Но не успел он порадоваться оружию, как третий подскочил сзади и хлестнул его цепью. Левую руку понизала боль, и хотя Стас ответил ему дубинкой, но без особой силы. Первый уже отбросил татуированного клиента, и замахнулся битой, так что Стасу поневоле пришлось прыгать ему в ноги, чтобы свалить на землю, но при этом он и сам упал. Парень с цепью немедленно подскочил, и снова хлестнул его, на сей раз удар пришелся по голове. Цепь рассекла кожу, и его глаза стали заливаться кровью, но он уже вскочил и прижался к стене, готовый отбивать очередное нападение.

– Упертый тип, – отметил парень с битой, снова готовый к атаке.

– Старик стариком, а хорохорится, – сказал второй.

Девица сверху кинула пластиковую бутылку с водой, намереваясь попасть в Стаса, но не попала, и бутылка упала на землю, разливая воду вокруг.

– Да уройте вы его! – крикнула она.

Стас рукавом вытер лицо. Дубинка все еще оставалась у него в руке, и он кинулся вперед, сразив ударом парня с цепью. Тот заорал от боли, и метнулся в сторону, но тут бита наконец нашла свое применение, и Стас получил мощный удар по руке. Его опять пронзила боль, и он понял, что левую руку ему все же сломали. Машинально он нанес ответный удар, и даже попал тому в плечо, но боль в руке не позволила ему насладиться успехом. Он понял, что эту схватку ему уже не выиграть.

Противники тоже поняли это, окружая его с наглой уверенностью и не торопясь заканчивать удовольствие.

– Вот, – сказал татуированный. – Это еще не все. Еще надо ноги поломать…

А парень с цепью хихикнул и стал раскручивать свою цепь для удара.

Тут неожиданно завыли сирены, и с двух сторон выкатились полицейские грузовички, из которых стремительно высыпали крутые автоматчики. Стас поначалу не понял, что происходит, и даже попытался позвать их на помощь, но это и была помощь. Полицейские мгновенно оказались рядом, повалили всех на землю и стали вязать. Офицер подскочил к Стасу.

– Как вы?

– Мне руку сломали, – буркнул Стас. – А так ничего…

– Немедленно в больницу! – прикачал офицер.

Откуда ни возьмись, появились два санитара с носилками, уложили Стаса и быстро понесли к машине. Стас все еще ничего не понимал.

– Как вы здесь оказались? – спросил он у санитара. – Так удачно!..

– Удачно, – язвительно хмыкнул тот. – За эту вашу сломанную руку нам еще намылят шею, вот увидите… А все от того, что этот идиот не проверил дорогу, и мы въехали в тупик! Опоздали на три минуты, еще бы чуть-чуть, и они бы вас завалили!..

Носилки задвинули в салон санитарной машины, и та немедленно двинулась с места.

– А из-за чего весь сыр-бор? – спросил Стас. – Из-за меня, что ли?

– Вам лучше помолчать, – сказал санитар, сидевший рядом.

– Но я не понял…

Санитар вколол ему обезболивающее.

– А чего тут понимать, – вздохнул он. – Вы у нас проходите по списку персональной охраны, за вами наблюдал отдельный сотрудник.

– За мной следили? – ошарашено переспросил Стас.

– Такой у нас приказ, – сказал санитар, и покачал с досадой головой, – три минуты опоздания! Не дай Бог, до начальства дойдет.

Стал перевел дыхание.

– От меня не дойдет, – успокоил он санитара.

Тот только рукой махнул.

– Желающие донести всегда найдутся. Мы, оперативники, проходим по третьей категории, так что завистников вокруг хоть отбавляй!

Доехали довольно быстро, и Стаса в оперативном порядке доставили к хирургу.

– Клиент класс «А», – сказал санитар.

Хирург немедленно подошел.

– Быстро диагностику! – приказал он, и больничные санитары подкатили какую-то аппаратуру.

– Просто руку сломали, – объяснил Стас.

– А также многочисленные ушибы, рана на голове, легкое сотрясение, – подтвердил хирург, глядя на экран своей машины. – Быстро в инкубатор!..

– Куда? – испугался Стас.

– Это мы между собой так называем, – махнул рукой хирург. – Инкубационная камера регенерации тканей. Через полчаса будете, как новенький!

Стас опешил.

– Я и не знал, что у нас есть такая аппаратура!

– Есть, но не у всех, – сказал везущий его санитар. – Только для клиентов класса «А».

– Помолчи, Кузьменков! – шикнул на него хирург.

Стас повернулся к нему.

– Я действительно являюсь клиентом класса «А»? – недоверчиво спросил он.

– Успокойтесь, все будет в порядке, – отвечал тот невпопад.

Его закрыли в какой-то камере, где у него в ушах мгновенно возник неприятный звон, а потом все его тело словно мелко завибрировало. Ощущение это не было слишком неприятным, но беспокойство вызывало. В камере быстро стало жарко, но для облегчения дыхания к нему опустилась маска с кислородом. Дальше с ним начались какие-то действия, то ли массаж, то ли вправление костей, но мяли его хорошо. Потом была стадия расслабления, когда массаж был легким и приятным, и снова начинались активные действия. И так Стаса мурыжили почти полчаса, но когда он выбрался, то сломанная рука и вправду зажила, хотя врач и предупредил:

– Руку пока старайтесь не перегружать. Голова не ломит?

Стас пожал плечами.

– Вроде ничего…

– Тогда все, – улыбнулся врач. – Вас отвезут домой на машине.

42

Дома Стас еще долго проверял работоспособность своей только что сломанной руки, и не мог поверить в ее исцеление. Часа через два стали звонить, сначала от церковных людей, потом епархиальное начальство выразило сочувствие, и наконец позвонила Агата, которая сообщила, что это досадное происшествие вынесли в сеть городских новостей, наверное, было снято кем-то из полицейских для протокола. Имя Стаса никто не назвал, но упомянули «некое духовное лицо», да и физиономия его была на экране крупным планом, так что ошибиться было трудно. Стасу пришлось отчитаться за происшедшее, и Агата была шокирована, узнав, что идейным организатором нападения был тот противный тип из клуба.

– Ты представляешь! – кипела она возмущением. – И в такое заведение он потащил Ванду!

Сама Ванда узнала обо всем от матери во время возвращения домой, и была в шоке, особенно узнав о переломе руки. Впрочем, встретив дома Стаса с обеими здоровыми руками она была несколько разочарована, хотя Стас и уверял ее, что его спасли новые технологии в медицине.

– Почему ты им не накостылял? – спрашивала Ванда. – Ты же солдат, ты их свободно мог в бараний рог согнуть!

– Значит, не смог, – вздохнул виновато Стас.

На другое утро ему позвонил отец Глеб и сказал, что на несколько дней он может считать себя свободным, учитывая то, что ему пришлось пережить. Стас рассказал ему про успехи новой медицины, но отдохнуть не отказался, разве что только пару дней.

А потом к нему на связь через сеть вышел Витас Лемба. На экране он выглядел довольно пошлым чиновником не высшего разряда, но амбиции у него кипели и выплескивались через край.

– Мне сообщили, – говорил он раздраженно, – что вы виделись с профессором Цингали! И вы даже ни словом об этом не обмолвились!

– Он вызывал меня к себе чтобы пропесочить, – сказал Стас смиренно. – Кому приятно рассказывать, как его ругали?

– За что он вас ругал?

– За старую историю времен войны, – сказал Стас.

Витас наклонился вперед, заняв собою весь экран.

– Вы хоть понимаете, кто такой профессор Цингали?

– Я понимаю, – кивнул Стас. – И вы должны понимать, что о контактах такого рода я не могу докладывать открыто. Если вам неизвестно, то некоторые собеседники профессора после разговоров с ним просто исчезают.

Он засопел.

– Есть шанс на то, что такая встреча повторится?

– Избави Господь, – отвечал Стас. – Моя сестра, как вы знаете, работает в центре и встречается с рептилидами каждый день, но даже она после разговора с профессором выбыла из рабочего состояния на три дня. А что вы хотели?

Он откинулся на спинку кресла и закачал головой.

– Нет, нет, ничего… Так мне вас надо поздравить с законным назначением в священство? – последнее он спросил со смешком.

– Я вас не поблагодарил, – кивнул Стас. – Поэтому спешу компенсировать это выражением самой искренней благодарности. Это состоялось очень вовремя.

– Мне уже сообщили, – ухмыльнулся Витас. – Говорят, ваш главный поп был в ярости!

– Да, – улыбнулся Стас. – Когда вам отослать ящик коньяка?

– С первой получки, как водится, – рассмеялся Витас. – Что у вас за дела с этим Ланго? Говорят, вы стали просто неразлучными друзьями!

– Да, мы встречаемся, – кивнул Стас. – Он же специалист по культуре, его необычайно интересуют вопросы религии. Представьте, он даже предлагал мне устроиться в его центре экспертом в этой области.

– Зачем же вы отказались? – удивился Витас.

Стас хмыкнул.

– Хотя бы потому, что тогда мне не удалось бы говорить с вами так запросто. У них там жуткие правила секретности.

– Да, я знаю, – вздохнул Витас. – А наши козлы не смогли даже уберечь вас от гопников!

Стас склонил голову.

– Так это с вашей подачи я записан в категорию «А»?

Он заулыбался.

– Круто, да? Но ситуацию они уже прокачали, этот дебил с татуировками решил вам отомстить за какие-то разборки в клубе.

– Это я понял, – кивнул Стас. – Кстати, а вы не следите за тем типом, который влез в дом Агаты?

Было видно, что Витас насторожился.

– Он появлялся?

– Пока нет. Просто мне интересно, чего он хотел?

– Темная личность, – сказал Витас. – Есть сведения, что он работал в военной разведке.

– Военная разведка полезла в дом Агаты? – не поверил Стас.

– Там много всего темного, – сказал Витас. – Да и вы не спешите меня просветить.

– Потому что сам мало знаю, – сказал Стас. – Я даже не очень понимаю, что конкретно вы от меня хотите? Информировать вас об интересах рептилидов? Мы их интересуем во всех аспектах, потому что они в самом деле отстают в развитии.

– Мне известно, – заговорил Витас чуть сдержанней, – что вас все пятнадцать лет пытали по делу маршала Гремина.

Стас всплеснул руками.

– И вы туда же! Вы могли поднять протоколы, я ничем не смог помочь следствию.

– Но я не понял, что собственно они хотели?

– Если бы я сам это понял, – ответил Стас устало. – Историю своей кроткой встречи с маршалом я уже пересказал, наверное, тысячу раз, честное слово. Со мной даже несколько раз случался нервный срыв. Я об этом больше не то что вспоминать, думать не хочу!

– А у меня есть сведения, что профессор Цингали запал на вас именно через маршала, – сказал Витас.

– Тогда он это тщательно скрывает, – буркнул Стас. – В нашем разговоре он ни словом не упомянул о маршале.

– А за что он вас тогда ругал?

Стас вздохнул.

– Просто мы там убили в бою какого-то важного рептилида, он приходился профессору родственником. У них считается традицией отомстить за убитого родственника. Профессор сказал, что по его приказу разыскали всех уцелевших участников боя.

– И что он с ними сделал? – с интересом спросил Витас.

Стал посмотрел на экран с укором.

– То, о чем не принято говорить вслух, – сказал он. – Он их просто сожрал.

Витас даже отшатнулся.

– Что за глупости вы говорите! – воскликнул он.

– Простите, – сказал Стас. – Но это его собственные слова. Я уверен, что это не пойдет дальше нашего с вами разговора. Понимаете, какие могут быть последствия.

– Я вообще ничего не слышал! – сказал Витас. – И никогда больше эту тему не поднимайте!

Стас просто пожал плечами. Глядя на ухоженную физиономию Витаса он гадал, знает ли он правду про работу детских центров воспитания? Или он заставил себя забыть это, даже если знал?

– Какая-то сила определенно интересуется вами, – заговорил Витас снова. – И я не смогу вас защитить, если не буду знать, кто это!

– Вы полагаете, что я не заинтересован в возможности узнать это?

– Так приложите усилия! – рявкнул Витас. – Используйте вашего друга Ланго. Что его так интересует в вашем семействе?

– Моя сестра, – сказал Стас. – Он влюблен в нее.

– Что? – насмешливо переспросил Витас. – Влюблен? Рептилид? Вы это серьезно?

– Он ученый, – напомнил Стас. – К тому же гринбей, творческая интеллигенция. Он старается понять суть нашей культуры, и потому преувеличивает некоторые из наших достижений. У них в культуре нет любви, и это его угнетает.

– Думаю, он водит вас за нос, – фыркнул Витас. – Я немного знаю рептилидов, они любят только сами себя.

– Тогда я не знаю, – Стас устал от спора. – Кстати, вы тоже можете заняться встречным расследованием. Вот мы только что списали моих гопников на оскорбленное чувство татуированного парня. А ведь это был самый простой способ узнать о степени моей защищенности. И мы им все это прекрасно открыли.

Витас встревожено вскинул голову.

– Вы полагаете, что это не простое хулиганское нападение?

– Разве такую вероятность вы не рассматриваете?

– И в голову не приходило, – признался Витас растерянно. – Я непременно попрошу заняться этим внимательнее.

Стас пожал плечами.

– Просто, вам это выяснить легче, чем мне.

– Ладно, – махнул рукой Витас. – Разойдемся мирно.

– Кстати, вы не скажете, а где Диана? – вдруг вспомнил Стас.

Витас усмехнулся.

– Где она, я могу вам сказать, – кивнул он. – Но с кем, это уже государственная тайна.

Стас поднял руки.

– Тогда пусть это все остается государственной тайной. Всего вам доброго, Витас.

– И вам не кашлять, – сказал он и отключился.

Стас еще несколько минут смотрел на экран компьютера, пытаясь избавиться от неприятного чувства, оставшегося после встречи с этим типом. Главным было сознание собственной нечистоты, словно он искупался в грязи. Он вспомнил, как отец Глеб хвалил его за отсутствие лицемерия, но теперь он лицемерил добрые десять минут, играя с Витасом в какую-то сложную и непонятную игру. Теперь он сожалел о том, что согласился встретиться с ним и начать цепь этих неприятных встреч. Хотя нельзя было не вспомнить что это Витас организовал ему такое эффектное восстановление сана, да и назначенная им охрана хоть и припоздала к началу событий, но все же успела спасти его от больших неприятностей. Витас был человеком своего времени, и нельзя было требовать от него духовного подвига.

Восстанавливался он в бассейне, накручивая круги по примеру Агаты. Полчаса интенсивного плавания взбодрили его, и он вернулся к компьютеру в своей комнате в самом рабочем

состоянии. Именно в таком состоянии его застал видеозвонок из военной комендатуры, что его сразу же насторожило.

– Бельский Станислав Семенович? – спросил его какой-то незнакомый лейтенант.

– Да, это я. Чем могу?

– Я лейтенант Давыдов из Кубанского лагеря строгого содержания. Я доставил в Верейск двух арестованных, которых мне указано передать с документами в ваши руки.

– Погодите! – испугался Стас. – А что я с ними должен делать?

– Понятия не имею, – сказал тот. – Вы их сорвали за два месяца до окончания срока, так что думайте сами.

Стас сдержано вздохнул.

– Как я могу из получить?

– В изоляторе комендатуры по предъявлению личного документа, – сказал лейтенант. – Они работают до восьми, так что свободно успеете сделать это еще сегодня.

– Спасибо, лейтенант, – сказал Стас. – Я непременно за ними зайду.

43

Для рептилидов космический скафандр представлял собой довольно сложный механизм, являвшийся скорее транспортной камерой, чем скафандром. Ланго помещался туда в утепленном костюме, и изолировался тремя слоями изоляции. В таком виде о собрался прогуляться по Луне в окрестностях базы «Тень». Эта база, как оказалось, была создана рептилидами еще лет тридцать назад, и именно здесь базировался тот отряд, который был совершил первое нападение на Землю.

– Почему об этом так мало известно? – спросил Ланго и пожилого румандея по имени Катрибус.

– Что я могу знать, – сказал тот философски. – Я и без того живу здесь уже почти пятнадцать лет, и никто не спрашивает, почему?

Ланго, который привык к тому, что румандеи никогда не критикуют начальство, немного удивился.

– Ты здесь один? – спросил он.

– Время от времени меня посещают, – сказал тот. – У нас тут сохранился передатчик, который достает до Болота, и некоторые пилоты об этом знают. Ведь этот передатчик не контролируется.

– Хитро придумано, – согласился Ланго.

– Так что вы хотите там увидеть? – прямо спросил Катрибус.

– А просто прогуляться по лунной поверхности я не имею права?

Катрибус оскалил зубы в улыбке.

– Вы потратили немалые деньги на перелет, – напомнил он. – Теперь платите за скафандр и ресурсы. И все для того, чтобы погулять по Луне?

– Деньги в жизни не главное, – отвечал Ланго высокомерно. – Закрывай меня!

Катрибус закупорил его в скафандре, после чего покинул его и началась откачка воздуха. Сам Катрибус поспешил в кают-компанию, где остался пилот того корабля, на котором прилетел Ланго, и наверняка стал предлагать тому неконтролируемую передачу домой.

А Ланго выбрался из шлюзовой камеры на поверхность Луны. Пыль от посадки их корабля еще оседала, хотя прошло не меньше часа. На гусеничном ходу его «скафандр» двинулся по поверхности Луны, и в компьютер уже был заложен нужный маршрут. Оставалось только наблюдать. Прожектор высвечивал перед ним круг поверхности, остальное освещалось солнцем, проходившим низко над горизонтом. База располагалась на той стороне Луны, откуда Землю не было видно, но Ланго особенно и не ждал этого. Будучи рептилидом с их довольно бедной фантазией даже для гринбеев, Ланго вовсе не благоговел перед бесконечностью космоса, и не испытывал никаких чувств, находясь на поверхности Луны, кроме естественного опасения за собственное здоровье. Он искренне считал эту поездку авантюрой, и пошел на это лишь потому, что настаивал Стас. Мысль о том, что учитель Трускальд мог настолько углубиться в земную культуру, что принял ее религию, пугала Ланго, потому что он и сам подумывал о таких кульбитах, но лишь в самых безрассудных мечтаниях. Но он считал себя лидером погружения в земную культуру, и известие о том, что великий Предвестник, учитель Трускальд опередил его в этом, разрывала его на части. С одной стороны, было лестно признать, что он является продолжателем дела великого рептилида, идет по его стопам, но с другой стороны его мечты о земной культуре вдруг обрели явственное реальное звучание, и теперь он не мог оставить их в разделе сладких грез. Теперь ему следовало или признавать этот путь, как надежду всех рептилидов, или отвергать его, как величайшее предательство родной культуры. А он не был готов ни к тому, ни к другому. Конечно, земная культура все еще оставалась для него светлым идеалом, но когда он представлял, какие опасности его ждут на этом пути, в его памяти

сразу возникали искорки в глазах профессора Цингали, отчего хотелось спрятаться поглубже в болото и замереть в ужасе.

Поэтому он полетел на Луну вопреки собственному желанию, только по последовательному развитию расследования Стаса Бельского. Он еще даже не до конца представлял, чем все это может кончиться, потому что отгонял от себя эти мысли.

Место, указанное на плане Неделина, располагалось не более чем в пятистах метрах от базы, и когда он туда подъезжал, то очень надеялся на то, что не найдет там ничего похожего на легенду Стаса, и успокоенный вернется на Землю. Но его надеждам не суждено было сбыться, и на указанном месте и в самом деле стоял массивный пирамидальный монумент из местного материала, но с ясно видным крестом на вершине. Ланго остановился перед ним в беспомощной растерянности, не представляя, что ему делать дальше. Ему пришлось взять себя в руки, и попытаться исследовать поверхность монумента, чтобы его экспедиция все же имела хоть какой-то результат. И точно, на одной из сторон он обнаружил дверцу, и после недолгих усилий с помощью сервомеханизмов и инструментов в багаже «скафандра» ему удалось ее открыть. Конечно, о том, чтобы пробраться внутрь не было и разговора, потому что даже без скафандра Ланго туда бы не забрался. Но когда он открыл дверцу, вдруг внутри загорелся светильник, и внутреннее помещение оказалось освещено. Не слишком ярко, но достаточно, чтобы рассмотреть стоявший посреди стеклянный ящик, в котором под каким-то расшитым покрывалом лежало тело рептилида. Ланго даже издал жалобный стон, когда увидел это, но жесткая дисциплина исследователя принудила его сделать снимки, чтобы запечатлеть невероятную картину захоронения рептилида на Луне. Там даже обозначилась надпись на небольшой металлической плите на английском языке: «Здесь захоронен несчастный раб Божий, избранный для пролития Божественной любви, но прервавший свое восхождение по смирению». Смысла фразы Ланго пока не уловил, но нашел, что она вполне подходит для захоронения учителя Трускальда, принявшего базовые принципы земной культуры.

Теперь его выбор обострился еще больше. Некоторое время он просто стоял у захоронения, глядя в оконце, и невольно обращался к своему предшественнику с вопросом, как ему теперь себя вести. По сути он самовольно проник в тайну Предвестника, и понимал, что ему грозит в случае раскрытия. Если это дойдет до Цингали, со стороны ли доброжелателей, или от него самого, его уничтожат довольно быстро. Как все рептилиды, Ланго был воспитан в презрении к смерти, но уже коснувшийся культуры иного рода, он не считал это высоким достоинством своей цивилизации. Но окончательный выбор предстоял впереди, и он закрыл дверцу захоронения и отправился в обратный путь.

Пока он с помощью Катрибуса выбирался из скафандра, в голове его билась одна и та же мысль, как подойти к теме.

– Как погуляли, господин? – спросил Катрибус, когда он наконец освободился от оков.

– Странное впечатление, – сказал Ланго. – Ты мне можешь сказать, что это за сооружение расположено тут неподалеку?

– Мне велено его не трогать, – сказал Катрибус.

– И ты не трогал?

Катрибус рассмеялся.

– Как бы не так! Сидеть здесь пятнадцать лет, и не обойти всю поверхность вокруг?

– И что ты об этом думаешь?

Катрибус засопел.

– Там внутри рептилид, – сказал он.

– Да что ты! – очень правдоподобно ахнул Ланго. – Почему?

– Загадочная история, господин, – сказал Катрибус. – Это относится к тем временам, когда здесь готовили войну.

– Так здесь готовили войну?

– Мне так объяснили, – кивнул Катрибус. – И это захоронение носит какой-то символический характер.

– Когда оно появилось?

– Говорят, незадолго до войны, – продолжал рассказывать Катрибус. – И поставили его люди, а не мы.

– Здесь были люди?

– Эту базу построили люди, – пояснил Катрибус. – По нашему заказу, конечно, но исполнителями были они. Конечно, я бы предпочел, чтобы внутри было что-то похожее на болото, но они видят комфорт только так.

– Когда это было? – спросил Ланго.

– Я же говорю, незадолго до войны. Видите, какая громадина? Тут собиралось до двух десятков рептилидов и столько же людей!

– И то захоронение относится к тому периоду?

– Да, судя по всему. Тот лустер, что сидел здесь до меня, говорил мне шепотом, что это люди похоронили там какого-то важного рептилида. Они так хоронят, – хмыкнул Катрибус.

– А кого именно? – спросил Ланго.

– Это неизвестно, – сказал Катрибус. – Но это довольно странно, потому что для людей мы ведь просто крокодилы, и зачем хоронить крокодилов по земному обряду?

– Да, странно, – согласился Ланго.

– В общем, я стараюсь это не обсуждать, – сказал Катрибус. – Между собой мы назвали эту могилу Памятником Неизвестному Рептилиду, – он захихикал.

Ланго тоже усмехнулся.

– А что на этот счет говорит начальство?

Катрибус покачал головой.

– За свои пятнадцать лет я только один раз видел здесь начальство, когда они отмечали здесь победу.

– Отмечали победу здесь?

Катрибус хихикнул.

– Чтобы без людишек. А то эти людишки считают, что это они одержали победу. Наши ребята по этому поводу ворчат.

Ланго покачал головой.

– Зачем вообще тебя здесь держат?

– Это резервная база, – сказал Катрибус чуть обиженно. – Здесь запасы ресурсов, топлива, даже техника есть в ангарах. Мало ли, когда пригодится.

– Наверное, в этом есть смысл, – кивнул Ланго.

– А то! – воскликнул Катрибус.

Пилот того корабля, на котором Ланго был доставлен на Луну, уже успел переговорить со своей семьей на Болоте, и Ланго уловил его последние слова:

– Зато кормят здесь от пуза!.. Ты вообще когда-нибудь пробовал *сьюхуму*? То-то!..

Сьюхумой называлось деликатесное мясо, и Ланго вполне мог себе представить, о чем говорит пилот. Сам он сьюхуму не пробовал никогда, потому что с ранних лет решительно перешел на синтетическую пищу.

– Мы отправляемся, – сказал он.

– Да, мой господин, – отвечал пилот, поднимаясь.

Ланго расплатился за услугу с Катрибусом, обменялся с ним впечатлениями от лунной поверхности, где оба не понимали, что в ней может быть привлекательного, и распорядился изъять из журнала запись о его посещении.

– Как? – растерялся Катрибус. – Это же регистрация! Я обязан!..

– Это специальная операция, – отвечал Ланго важно. – Мы не оставляем следов.

Катрибус испугался и поспешно закивал головой.

Ланго с пилотом прошли через коридор прямо в корабль, после чего Катрибус отвел коридор в сторону.

– Можно трогаться? – спросил пилот.

– Да, конечно, – рассеянно кивнул Ланго.

– Вас вернуть на Кавказскую базу, мой господин?

Ланго посмотрел на него и спросил:

– А где ты успел попробовать съюхуму?

Пилот нервно хихикнул.

– Мы подъедали праздничный стол после вечеринки генерала Хануиля.

– Повезло, – сказал Ланго. – Трогай!..

44

Виктория Маслова была довольно приятной внешности, но ее запуганный вид позволял предположить, что контакт с нею будет затруднен. Другое дело Алим Мирзоев, тот просто ликовал от возвращения к вольной жизни и с нетерпением ждал, когда ему позволят присоединиться к семье.

– Я отправлю вас немедленно, как только мы обсудим все вопросы, – пообещал Стас.

Он разговаривал с ними в номере гостиницы, которую снял для них накануне. Алим уже успел вкусить вольностей в ресторане гостиницы, и чувствовал себя превосходно, так что именно с него начал свой разговор Стас.

– Мне поручено разобраться с одной проблемой в истории войны, – пояснил он.

– Разве там не все еще ясно? – подивился Алим.

– Загадок осталось много, – сказал ему Стас. – Например, чем занималась ваша база?

Тот пожал плечами.

– Как я могу знать? – спросил он. – Я был призван из Намангана, у меня были ограничения по здоровью, вот я и оказался там уборщиком. У меня была такая машина, на ней я ездил по коридорам каждый день, утром и вечером. Важно было содержать чистоту.

– И вы совсем не знаете, чем они занимались?

– Знаю, почему, – сказал Мирзоев. – Они компьютерами занимались.

Стас понимающе кивнул.

– Много народу там работало?

– Человек тридцать, – уверенно сказал Алим. – Я это понял по количеству отходов в столовой. Мне их приходилось убирать.

– А с кем сталкивались вы лично?

– С завхозом Абдулахметовым.

– И как долго вы там работали?

– Не больше трех месяцев, – отвечал Алим. – До этого я был на разборках завалов в Ташкенте. Ерундой занимались, там ведь все в пыль разворотили, что там было искать.

Стас согласно кивнул.

– С вас брали подписку о секретности?

Алим подумал.

– Кажется, в самом деле я что-то такое подписывал. Но я так и не понял, что я кому смогу рассказать?

– Но вы же встречались с ними! Может у вас там были знакомые, друзья…

Алим закачал головой.

– Мне было запрещено. Я начинал уборку, когда они прятались по кабинетам, а выходили они, когда я уже сваливал. Мирза говорил, что их нельзя отвлекать.

– Мирза, это кто?

– Завхоз Абдулахметов Мирза.

– И чем все кончилось?

Алим вздохнул.

– Бойней кончилось. К нам ворвались крокодилы… то есть, рептилиды, и стали мочить всех подряд.

– Барсифы?

– Нет, другие. Это было странно, потому что им бы надо было поинтересоваться, что там на компьютерах осталось, а они палили прямо по аппаратуре. Все вдруг разметали. То, что мы с Викой остались, это было просто чудо. Меня потом из-под шкафов вытащили, а она под столом пряталась.

– Вы с ней познакомились уже потом?

– Да, конечно. Она совсем пала духом, мне пришлось ее приводить в чувство. Мы даже в лагере одном оказались, но общения между нами было не много. Мы просто разные, вы понимаете?

Стас кивнул. Ему осталось выписать Алиму разрешение на выезд по адресу проживания его семьи в Индии, и тот поспешно убежал на вокзал. Ему летать никто не предлагал, и его путь в Индию должен был занять немало времени и хлопот.

Потом Стас перешел в комнату Виктории, которая с безучастным видом смотрела сетевые новости на большом экране. Когда Стас вошел, она выключила экран, и ее улыбка носила явно какой-то вымученный характер. Она готовилась к очередному допросу.

Стас поднял руку.

– Сразу хочу сказать, что я не следователь. Я, как и вы отсидел свои пятнадцать лет, но в конце оказалось, что я был замешан в одну историю, которую до сих пор не могут расследовать. Поэтому у меня появились полномочия для того, чтобы освободить вас.

В ее глазах появились проблески интереса.

– Вы тоже были военнопленным?

– Да, представьте.

– А чем вы занимались?

Стас усмехнулся.

– Вообще-то я был полковым священником, но в конце войны мне пришлось взять в руки оружие.

– Вы… стреляли? – спросила она удивленно.

– Да, – сказал Стас.

– Почему же вас оставили в живых?

– Так получилось, – развел руками Стас. – Давайте оставим за скобками результат этой войны, примем по умолчанию, что война закончилась. Меня интересует эпизод, связанный с определенными героями. Расскажите мне о вашей работе.

Она нервно вздохнула.

– Я так много рассказывала о нашей работе. Как вы относитесь к тому, что я нарушила инструкцию о сокрытии результатов нашей работы?

– Судить вас я не буду, – сказал Стас с усмешкой. – Мне только что удалось восстановить свой духовный сан.

– Так вы – священник?

– Да, – кивнул Стас. – Так чем вы занимались?

– Средствами электронной борьбы, – отвечала она просто.

– Кто был вашим руководителем?

– Майор Эскин, Джулиан Эскин. Он был из Канады, и с ним была группа его соотечественников, но в основном коллектив состоял из россиян и киргизов. Как я поняла, мы работали по технологиям Эскина. Не могу сказать, что мы добились какого-то большого успеха, но однажды его все же наградили орденом. Значит, чего-то мы все же добились.

– Вас награждал какой-нибудь важный генерал?

– Да, у нас по этому поводу было собрание и банкет.

– Вы не помните имя генерала?

Вика нахмурилась.

– Помнится, он говорил по-русски с акцентом. Кажется, какой-то француз.

– А имя?

– Боюсь, я не разобрала, – она замолчала, подумала и заговорила вновь: – Я помню его имя, Анри. Будучи молодой и привлекательной девушкой, я оказалась рядом с ним за столом, и оказывал мне внимание. Мы даже танцевали, – она улыбнулась.

Стас взял в руки свой планшет, и стал перебирать там генералов армии обороны. На указанное имя там было несколько человек, и Стас стал показывать их фотографии Виктории. Через несколько пропущенных фото, она остановилась.

– Это он! Неплохо сохранился. Он жив?

Стас углубился в текст. Генерал Анри Десконье был работником генштаба, и представлял ведомство маршала Гремина. Интереснее было сообщение ниже, где говорилось, что генерал Десконье контактировал с разведкой рептилидов, оказал немалую помощь в преодолении сопротивления, и был кооптирован в генералитет армии рептилидов незадолго до конца войны. Это был обычный предатель.

– Он жив, – сказал Стас, не продолжая комментария. – Значит, он приезжал к вам, чтобы наградить вашего майора?

– И еще нескольких офицеров.

– А вы не слышали, чтобы ваше руководство упоминало маршала Гремина?

Виктория покачала головой.

– Я бы запомнила. Маршал Гремин был легендой, о нем говорили все.

– Генерал Десконье был его представителем, – сказал Стас.

– Он не говорил об этом.

Стас подумал, чувствуя, что его разговор увядает.

– Что за человек был ваш майор? – спросил он.

– Большая умница, – с улыбкой сказала Вика. – Он был фанатом своего дела, идеи из него так и выплескивались.

– Он погиб?

Вика помрачнела.

– Да. Я сама видела его труп. Это так ужасно!..

– Мне жаль, – вздохнул Стас. – У вас есть родственники, или знакомые. Куда вы намерены отправиться теперь?

Она подняла голову.

– У меня нет родственников, – сказала она. – Но один человек, с которым я познакомилась в лагере, готов меня принять.

Стас вспомнил, что у нее была связь с лагерным офицером.

– Мне бы хотелось не терять вас из виду, – сказал он. – Вы не могли бы оставить мне ваши координаты?

Она склонила голову.

– Я еще даже не знаю, как он меня примет, – сказала она. – Мы не виделись много лет.

– Позвоните мне, как только вы определитесь, – попросил Стас. – Конечно, я могу найти вас с помощью разведки, но мне бы не хотелось использовать против вас их силовые структуры.

Она посмотрела на него внимательно.

– На чьей вы стороне? – спросила она вдруг.

Стас пожал плечами.

– Я еще толком не разобрался, какие тут стороны, – отвечал он. – Пока я решаю свои личные проблемы.

Распрощавшись с Викой и вернувшись домой, он попытался заняться изучением генерала Десконье. Увы, вся информация по генералу сводилась к набору фраз о его работе в тылу врага во время войны, но его нынешнее положение было закрыто для широкой публики. Стас чувствовал, что связь Десконье с маршалом Греминым была не случайной, но никак не мог встроить это в свои схемы. Во всяком случае можно было признать, что маршал знал про существование базы на Балхаше, и вполне можно было предположить, что он направлялся туда с очередной попыткой расшифровать полученное послание от Трускальда. Только проку от такой догадки было немного.

Тут очень кстати последовал сетевой вызов, и на экране появилось счастливое лицо Дианы.

– Стас, дорогой! – воскликнула она. – Так ты уже священник! Я поздравляю тебя.

– Спасибо, – улыбнулся Стас. – Это твой Витас подсуропил.

– Я знаю. Хочу немедленно тебя видеть, и привезу с собой бутылку хорошего вина. Ты по мне соскучился?

– Просто ночи не спал, – отвечал Стас насмешливо.

– Ты расскажешь мне все что тут у вас было, – потребовала Диана. – Витас говорит, что тебя избили?

– Всякое бывает, – уклончиво отвечал Стас.

– Нет, серьезно?

– Меня поколотили, – кивнул Стас. – Но оказалось, я охраняемая персона, и в результате наша взяла. А мои травмы были излечены на каком-то крутом аппарате, так что домой я вернулся огурчиком.

– Расскажешь мне все подробно, – сказала Диана. – Я еду!

45

Диана была такая же жизнерадостная и сияющая, она расцеловала Стаса в щеки, наговорила кучу комплиментов и расположилась в гостиной в кресле, забравшись с ногами. Похоже, у них это было обычаем.

– Я устроила скандал Витасу, – сказала она, – когда узнала… Что это за охрана! Они сломали тебе руку, но могли и по голове шарахнуть!

– Думаю, голову они тоже восстанавливают, – отвечал Стас благодушно.

– Не смейся над этим, – покачала головой Диана. – Мне страшно подумать, что с тобой что-то может случится.

– Где ты была? – спросил Стас, чтобы сбить ее на другую тему.

Диана хмыкнула.

– Тебе это очень надо знать? Я работала!

– Больше вопросов не имею, – отвечал Стас.

– Ты умничка, – сказала Диана. – Если хочешь знать, я по тебе страшно скучала.

– Верю, – отвечал Стас. – Ибо абсурдно. Ты выглядишь, как человек с исполненным чувством долга.

– Не издевайся, – фыркнула Диана. – Значит у вас с Витасом наладились теплые отношения?

– Он мне помог, – кивнул Стас. – И потом эта охрана, тоже помогла.

– Не напоминай, – скривилась Диана.

– Я надеюсь, я увижу тебя на воскресном богослужении? – спросил Стас.

– Стас! – воскликнула с ужасом Диана. – Ты становишься занудой!

– Правда? – спросил Стас. – Это профессиональное. Но мне было бы приятно тебя там увидеть. Представь, Агата с Вандой были на моем первом богослужении и пришли в восторг.

– Они даже не крещенные!

– Но первый шаг уже сделан, – усмехнулся Стас. – Ванда очень хочет креститься вопреки запрету.

– Это классно, – согласилась Диана. – Ты пойдешь на это?

– Конечно, – отвечал Стас. – Только выберу момент.

– Ты рискуешь!

– Вы с Витасом вытащите меня, если что.

– Конечно, – рассмеялась Диана. – А я могу стать крестной матерью для Ванды?

– Конечно, – отвечал Стас. – Я другой крестной для нее и не вижу. Ты ведь уже знаешь, как Адам хотел ее совратить?

– Адам? – ахнула Диана. – Ничего не знаю, расскажи!

Пришлось Стасу живописать похождения Ванды в клубе, упирая в основном на яростную реакцию Агаты. Диана жизнерадостно смеялась, когда Стас рассказал о своем столкновении с татуированным красавцем.

– Это Фил! – сказала она. – Тот еще болван! Поверить не могу, что ему вздумалось тебе отомстить.

– Все обошлось, – сказал Стас, махнув рукой.

Диана погладила его по голове, и проворковала:

– Дай я тебя поцелую, бедняжку…

И чмокнула его в лоб.

Стас вытерпел это и усадил ее на диван.

– Слушай, – сказал он. – Я вот что хотел тебя спросить. Ты ведь витаешь в верхних эшелонах, точно?

– И что ты хотел меня спросить? – поинтересовалась Диана с усмешкой.

– Я хотел узнать твое мнение об одном человеке, генерале, – сказал Стас. – Какая-то загадочная фигура.

– Я общаюсь с генералами, – хвастливо поведала Диана. – Кто тебя интересует?

– Генерал Анри Десконье, – сказал Стас.

Он увидел, как Диана осеклась и вдруг побледнела от страха, так что Стас и сам испугался.

– Я сказал что-то не то? – спросил он растерянно.

Диана отошла к бару, налила себе какого-то напитка и выпила его залпом. Потом закашлялась и стала запивать его соком.

– Фу, – отдышалась она. – Ну ты даешь, дядя!

– Что такое? – не понял Стас. – Ты его знаешь?

– Я его знаю, – кивнула Диана, возвращаясь с бокалом виски. – Но ты его откуда знаешь?

– Это имя всплыло в моем расследовании, – сказал Стас. – Он награждал людей, но потом я узнал, что он при этом работал на рептилидов.

– Он всегда находил правильное направление, – процедила Диана.

– Расскажи мне про него!

Она покачала головой.

– Я не могу! Генерал Десконье, это член Управляющего комитета, фигура особо секретная. Мне голову снесут, если я стану рассказывать все, что я про него знаю.

Стас поднял руку.

– Конечно, дорогая, – сказал он. – Я не хочу ставить тебя в трудное положение, но мы сейчас находимся в доме, который в принципе не прослушивается. И если ты мне расскажешь про него что-то полезное, то никто не узнает, как я на это вышел.

– Не искушай меня, – проговорила Диана. – Понять, что информация идет от меня, довольно просто. Тут работают серьезные стихии, и лезть в такие дебри мне просто страшно.

Стас поднял руки.

– Забудь, – сказал он. – Меньше всего мне хочется тебя подставлять.

Она снова подсела к нему.

– Прости, – сказала она виновато.

– Проехали, – отвечал Стас. – Ты дождешься Агату с Вандой?

– Конечно, – отвечала она с растерянной улыбкой. – А пока ты можешь угостить меня каким-нибудь изысканным блюдом, которое не сделает меня толще.

– Свободно, – сказал Стас.

И они пошли на кухню, упражняться в кулинарии с помощью синтезатора. Прошло не меньше получаса прежде чем Диана взяла себя в руки, снова ожила, заговорила весело и расцвела. Стас, который внимательно за нею следил, воспринял это с удовлетворением, но в какой-то момент вдруг спросил:

– А ты не слышала про его контакты с маршалом Греминым?

– Стас! – простонала Диана. – Ты опять!

– Просто он у меня из голову не выходит, – сказал Стас. – Говорят, что он был одним из ближайших советников маршала, а тот был вовсе не самый доверчивый человек в мире. Почему же он его не раскусил в свое время?

– Это ты самый доверчивый человек в мире, – фыркнула Диана. – Да, Анри был правой рукой маршала. Но кто тебе сказал, что сам маршал был тем, за кого ты его считаешь?

Стас посмотрел на нее изумленно.

– Маршал Гремин работал на крокодилов?

Диана усмехнулась.

– Я ничего тебе не говорила, – сказала она. – Но Анри боготворил маршала!

– Но маршала убили рептилиды!

– Что мы можем об этом знать? Во всяком случае, тот последний полет маршала стал стартом ликвидации всех его людей в штабе. Анри сумел исчезнуть, и потому уцелел.

– Так его ликвидировали по подсказке из нашего штаба? – совсем обалдел Стас.

– Анри с Греминым были не единственные, кто работали на рептилидов. Я скажу больше, команда маршала пыталась снизить потери, даже контратаковать, если хочешь. Руководство армии прогнило насквозь, они только и думали о том, как бы вовремя перекинуться.

Стас невольно покачал головой.

– Похоже, ты знаешь его довольно близко, – заметил он.

– Достаточно близко, – буркнула Диана. – И хватит об этом, хорошо?

Стас только головой покачал. Несколько слов Дианы перевернули в его голове все представления о ходе войны. Конечно, многие и прежде поговаривали о предательстве, но только теперь Стас вдруг ощутил весь масштаб этого предательства, и его пронзил озноб. Получалось, это действительно была операция по уничтожению самых активных представителей человечества. Впрочем, он и теперь не стыдился своего выбора, потому что прошел эту войну в составе самых честных и убежденных в своей правоте людей.

Она опять погладила его по голове.

– Ты потрясен? – спросила она с участием. – Прости. Я не должна была говорить тебе об этом.

– Я должен был об этом знать, – сказал Стас.

– И ты не считаешь себя обманутым?

– Нет, – пожал плечами Стас. – Мы воевали потому что не могли иначе жить. Теперь выходит, мы воевали не только с крокодилами, но и с подонками в нашем руководстве. Конечно, силы были неравны, но мы держались достойно.

Диана всхлипнула, обняла его и стала целовать в лицо.

– Ты замечательный, – призналась она.

– Не настолько, – отвечал Стас, отстраняя ее.

– Прости, – произнесла она с виноватой улыбкой.

Тут очень кстати приехали Агата с Вандой, и избавили Стаса от нарастающего напряжения в отношениях с Дианой. Женщины принялись щебетать о своем, и Стас смог их покинуть, поднявшись в свою комнату. Конечно, после рассказа Неделина он был готов к такой картине истории, но все же до конца он ее прочувствовал только теперь.

Агата заглянула к нему спустя час, когда он просматривал новости в сети.

– Как ты? – спросила она.

– Нормально. Диана ушла?

– Играют с Вандой в какие-то игры с моделированием одежды. У тебя что-то случилось?

– Нет.

– Ты выглядишь… Ладно, как знаешь. Ты мне не можешь сказать, куда делся Ланго?

– А куда он мог деться? – не понял Стас.

– А вот делся, – сказала Агата. – Причем, рептилиды на вопросы не отвечают, дескать, это наши тайны. Я уж подумала, может он опять исполняет какое-то твое поручение?

– Ну, я бы тебе сказал, – напомнил Стас.

Агата присела в кресло, качая головой.

– С тех пор, как он познакомился с тобой, он страшно изменился.

– В какую сторону?

– Не знаю. Возникает впечатление, что ты ему открыл какую-то истину, какую он не знал. Я же понимаю, что ничего такого ты ему сказать не мог…

Стас посмотрел на нее испытующе, и она осеклась.

– Сказал? – спросила она.

– Что я мог ему сказать? – усмехнулся Стас. – Евангелие он знает лучше меня!
Агата перевела дух.
– Тогда что с ним?
Стас усмехнулся.
– Он вочеловечивается. Процесс тяжелый.

46

Ланго появился с утра в пятницу, но Стас в это утро был занят в храме, и узнал о его появлении только вечером, когда все вернулись домой. Агата сказала, что Ланго может появиться вечером, и просил Стаса никуда не уходить.

– А то я каждый вечер где-то шляюсь, – хмыкнул Стас.

– Он чем-то очень обескуражен, – сказала Агата.

А Ванда заявилась к нему в комнату для разговора о сексе. У них на уроке им начали разъяснять все секреты сексуальных упражнений, и она пришла озадаченная. Не то, чтобы она совершила какое-то открытие в этой области – все открытия были совершены еще в двенадцать лет, но ей вдруг показалось противным заниматься всеми этими глупостями.

– Я начинаю подумывать о целибате, – сказала она серьезно.

Стас сдержал нервный смех.

– Боюсь, я в вопросе отношений не специалист, – сказал он.

– Нет, но нельзя же так вот! – возмущено воскликнула она. – Ему захотелось, и я обязана!

– Конечно, ты не обязана, – сказал Стас.

– А училка говорит, что без практических занятий зачет не поставит!

Стас нахмурился.

– Может, пойдем на принцип? – спросил он. – Если что, Ланго нас прикроет.

– Мне не хочется обращаться за этим к Ланго, – сказала Ванда виновато.

– Не беспокойся, – утешил ее Стас. – К Ланго обращусь я. А ты просто заяви, что исходя из принципа свободы, ты сама будешь выбирать себе партнера.

– Так и скажу, – решительно заявила Ванда.

Ланго в тот вечер так и не появился, и Агата стала беспокоиться. Контакт у них был односторонний, так что теперь, по случаю наступления выходных, узнать о причине его неприбытия можно было только в понедельник. Но все разрешилось на следующее утро, когда к ним на лужайку сел летающий корабль, и охрана высыпала проверить безопасность дома.

Ланго прошел в гостиную, и извинился перед Агатой:

– Прости, вчера вдруг устроили узкое совещание руководителей отделов.

– Что-то случилось? – испугалась Агата.

– Нет, все в порядке.

Стасу он протянул свою когтистую лапу, и они устроились по своим креслам.

– Сегодня меня интересует вопрос сугубо теоретический, – начал Ланго, попивая свой зеленый коктейль из водорослей. – Ваша религия является существенным элементом культуры, или это проявление субкультуры?

– Я не специалист в культурологии, – отвечал Стас. – Но тут вопрос очевиден. Религия является мифологической основой культуры, изложением ее смысла.

– И вы считаете возможным представителю иной цивилизации настолько проникнуться веянием другой культуры, что взять ее в качестве базовой основы?

Стас понял, о чем он говорит, но Агата, присутствующая при разговоре, понимала все по-своему.

– Конечно, Ланго, конечно! – радостно подтвердила она. – Во всяком случае, в земной истории это явление достаточно обычное.

– В прежние времена, – вспомнил Стас, – женщины, выходя замуж, принимали религию своего мужа. Это было связано с неравенством полов, конечно.

Агата глянула не него возмущенно.

– Я же не о тебе говорю, – поправился Стас.

– Значит, факт крещения можно считать актом инициации?

– Это всегда было актом инициации, – сказал Стас. – И не только для представителей другой культуры.

– Но как примет его эта самая другая культура? – спросил Ланго. – В конце концов, если он вырос и воспитан совсем в других принципах поведения, которые представляются кому-то совершено дикими… Ведь нельзя же одномоментно оказаться от всего!..

– Да и не надо, – сказала Агата. – Не знаю, почему вы заговорили о религии, мне кажется, что религия тут совсем не главная.

Тут наверху что-то загрохотало, и Стас повернулся к Агате.

– Глянь, что там у Ванды?

Агата резво вскочила и торопливо ушла.

Как только она исчезла, Ланго сказал:

– Я был там!

– Где?

– На Луне, на нашей базе. Я видел эту могилу.

– И что? – Стас пытливо смотрел на него. – Все подтверждается?

– Там похоронен рептилид, – сказал Ланго. – Но я не могу утверждать, что это учитель Трускальд.

Стас снисходительно усмехнулся.

– А кого вы еще можете представить похороненным?

Ланго вздохнул.

– Вы считаете, он был прав?

– Я не знаю, – отвечал Стас. – Я очень мало что знаю об этом. Но мне кажется, что здесь еще остается пространство для уточнения. Кто мог создать это захоронение, чуть ли не на виду у всех рептилидов?

– Они называют это памятником неизвестному рептилиду, – вспомнил Ланго.

– И они не удивляются?

Ланго нервно засопел.

– Вы поймите, рептилиды вообще редко удивляются. Это считается признаком слабости. Конечно, такое захоронение должно было бы возмутить всех, но в силу общей неопределенности ситуации реакция была смикширована. В конце концов, это могли посчитать ритуальным памятником, поставленным землянами.

– Значит, эта могила вас не убедила?

Ланго посмотрел на него жалобно. У рептилида такой взгляд производил почти трагическое впечатление.

– Я не знаю, что думать, – признался он.

Стас просто кивнул.

– Я разговаривал с этими людьми, которые вышли из лагеря, – сказал он. – Большой пользы от этого не было.

– А время уходит, – проговорил Ланго.

– Какое время уходит? – спросила Агата, появляясь в гостиной.

– Что там упало? – спросил Стас.

Агата рассмеялась.

– Им дали надувные манекены для сексуальных упражнений. Ванда свой манекен жестоко избила…

– Я ей посоветовал отказаться от практических занятий, – напомнил Стас. – Если что, надо будет вмешаться, чтобы девочку не репрессировали. Ланго, вы нам поможете?

– Да, конечно, – отвечал тот рассеянно.

– Ты милый, – сказала ему Агата и погладила по голове.

Так эта утренняя встреча и завершилась, испуганным настроением Ланго и протестными демонстрациями Ванды. Настроение Ланго Стасу определенно не нравилось, у того начались какие-то надуманные сомнения, и в таком состоянии его могло увести в самом неопределенном направлении. Но чем ему можно было помочь?

К вечерней службе Стас явился вовремя, и был огорошен с порога заявлением отца Глеба:

– Станислав, на вас пришло распоряжение из управления.

– Какое распоряжение? – испугался Стас.

– Вас направляют на религиозную конференцию в Африку.

– Меня? – не поверил Стас. – Но почему меня?

– Вы оказались крайним, – печально улыбнулся отец Глеб.

Стас невольно покачал головой.

– А что это за конференция?

– Подготовка объединительного собора, – вздохнул отец Глеб. – Там море нерешенных вопросов, вот они и собирают конференции. Хоть вопросов не решают, зато есть чем отписаться. Потом продвинут все нужные решения, и скажут, что поделана огромная работа по обсуждению.

– Меньше всего я бы хотел участвовать в такой конференции, – сказал Стас.

– Короче, завтра после службы вам следует явиться в управление, там вам дадут последние указания.

Потом всю службу Стас только и думал об этом неожиданном назначении.

На другой день в управлении с ним говорил отец Феоктист, который сразу расставил все точки над «i».

– Это, отец, наше бремя, – говорил он нравоучительно. – Раз уж ведутся эти конференции, значит и нам надо участвовать. Ты в Африке когда-нибудь был?

Стас покачал головой.

– Вот и съездишь, – сказал Феоктист. – Посмотришь, как там и что. Принимай это, как ответственное поручение.

Стас поднял голову.

– Отче, а вы сами как к этому относитесь?

– К чему? – спросил Феоктист.

– К объединению?

– А чего там плохого?

– Так нет у нас оснований для объединения! Мы уже так далеко друг от друга разошлись, что объединить нас невозможно.

– Невозможное человекам, возможно Богу, – сказал Феоктист. – И ты там не очень копайся во всех этих вопросах. Не нашего это ума дело.

– Так ведь объединят, – сказал Стас.

– И что изменится? – хмыкнул Феоктист. – Ты не пугайся раньше времени. Авось!

Так что большой радости направление в Африку Стасу не доставило.

Хотя Ванда была в восторге, и даже захотела отправиться туда вместе со Стасом.

– Еще не хватало! – воскликнула Агата. – Ты не забыла, ты у нас в жестком ограничении!

– И потом, все же там неспокойно, – напомнил Стас.

– Что значит неспокойно? – удивлено посмотрела на него Агата.

– Религиозные войны, – пояснил Стас. – С кровопролитием.

– Так это опасно!

– Нет, нет, – поспешил ее успокоить Стас. – Мы будем в другом секторе.

– Все равно, будь там осторожнее.

Стас пообещал.

47

Сначала он должен был доехать до Липецка, где познакомился с отцом Германом, который был отправлен на конференцию главой от русской церкви. Затем им пришлось добираться до Праги, где формировался весь состав делегации. В Африку они отправлялись в составе двух десятков священников разных конфессий и трех епископов, в том числе одного православного митрополита из Софии. Лайнер, который вез их по назначению, был предоставлен службой правительственной охраны, и священники не могли нарадоваться на уровень комфорта. Стас никого их них не знал, кроме сухощавого и вечно всем недовольного отца Германа. В дороге с ним пытался заговорить некий баптист их Кракова, но его больше всего взволновала борода Стаса, как признак его мужественности.

Лайнер действительно поражал удобством, к их услугам был бар, их угощали напитками и бутербродами, а также было удобно наблюдать за проплывающей внизу поверхностью. Специально по заказу руководителей делегаций лайнер пролетел над Святой Землей, где после войны уже успели восстановить Иерусалим в виде реставрации двухтысячелетней давности. Теперь это был туристический и паломнический центр, а в храме Воскресения продолжалась борьба за право считать его своим самых разных конфессий. По предложению некоего лютеранина из Австрии они хором исполнили молитву «Отче наш» на арамейском языке, как она была записана в Евангелие. Арамейский язык знали далеко не все, и потому членам делегации раздали листки с записью молитвы латинскими буквами.

Потом пошла Африка, где война тоже натворила немало дел, но и простора для восстановления там было немало. Они не могли пролететь мимо пирамид, восстановленных в их первозданном виде, то есть с зеркальной облицовкой поверхности. Там уже крутились какие-то сомнительные организации, занятые восстановлением и египетской религии, но, как было известно Стасу, успех их деятельности оставался в неопределенной перспективе. Вдоль Нила они спустились в саванны, потом внизу потянулись джунгли Центральной Африки, почти нетронутые войной. Конференция была назначена в Киншасе, столице Федерации Западноафриканских государств, но государствами их можно было назвать только условно, потому что послевоенные эпидемии скосили три четверти африканского населения. Большинство из государств едва тянули на население своих столиц, оставляя окружающие территории в девственной нетронутости. Впрочем, столицы были отстроены заново и потом поражали великолепием и стройностью архитектурного замысла. Стас не мог не отметить величия и строгости главного православного собора Киншасы, хотя православие здесь не было в фаворе. Оставшиеся в живых африканские христиане больше склонялись к различным протестантским конфессиям. Поэтому православные делегаты были приняты в местной епархии с особым почетом.

Епископ Христофор, представлявший церковь в Западной Африке, улыбался им широко и приветливо, когда принимал в своем дворце. Делегатам был предоставлен день на освоение перед первым заседанием, и православные первым делом пошли сюда. Их было не так много, всего человек пятнадцать из восточной Европы, но епископ Христофор был счастлив этой встречей.

– Я согласен с тем, что христиане должны объединяться, – говорил он на приеме, поглаживая свою курчавую бороду. – Но я пока плохо просматриваю возможности такого объединения. У нас тут обстановка едва ли не религиозных войн! И хотя мы, православные, стараемся в этом не участвовать, но это не может не касаться и нас.

Европейцы смущенно переглядывались, потому что религиозная конфронтация была характерной чертой именно африканской жизни, и высказываться по этому поводу было неполиткорректно.

– Именно поэтому, – высказался митрополит Севастьян, – мы и приехали к вам, чтобы призвать христиан к миру.

Разговор шел вполне дипломатичный, хотя было очевидно, что африканцы едва удерживаются от желания пожаловаться на свои тягостные обстоятельства. Европейцы же сразу дали понять, что участвовать в местных склоках не собираются.

– Хотел бы я знать, что явилось камнем раздора? – спросил Стас в общем разговоре.

Епископ Христофор бросил на него внимательный взгляд.

– Вы не поверите, – сказал он с горечью. – В джунглях возникла легенда о том, что один из вождей рептилидов в наших местах принял крещение. Теперь разные конфессии приводят доказательства этой глупой истории, и претендуют на то, что именно они совершили этот акт, который как бы освятил пришествие рептилидов.

Стас замер, словно боялся, что в этот момент все будут смотреть на него. Он вспомнил рассказ Неделина о крещении Трускальда, и сразу взволновался, что вынудило его достать четки и заняться молитвой. Волноваться ему не следовало.

– Как интересно, – мягко улыбнулся митрополит Севастьян.

– А что говорят об этом сами рептилиды? – спросил Стас, чувствуя, что снова владеет собой.

– Стоит ли нам поднимать эту тему, если она является камнем раздора? – вмешался митрополит, глянув на Стаса с укором.

– Нам так или иначе придется столкнуться с этим вопросом, – заметил Стас. – Думаю, нам бы следовало прояснить эту историю.

– А я думаю, что нам бы следовало решительно отмежеваться от всех этих сомнительных историй, чтобы не оказаться смешными, – сказал решительно румынский богослов Григореску.

Стас уже успел узнать, что этот богослов был настроен на самое радикальное объединение, игнорируя традиционно консервативные настроения в церкви.

– Вам они могут показаться смешными, – заметил Стас, не смиряясь. – Но люди за это проливают кровь. Было бы странно, если бы мы не дали им высказаться по этому поводу.

– Ну, это будет решать наша конференция, – миролюбиво поднял руки митрополит Севастьян. – Но я рад, что православные браться не участвуют в этом дележе.

– Хотел бы с вами согласиться, – вздохнул черный священник, сидевший рядом со своим епископом. – Но и нас это коснулось не в последнюю очередь. Нет, нет, мы не проливаем кровь братьев за право называться церковью первосвященника, но среди нас есть устойчивые сторонники этой легенды.

– Помоги им Господь, – сказал митрополит и перекрестился.

Епископ Христофор пригласил их на вечернее богослужение, короткое и распевное, и Стас должен был отметить, что африканское пение был хоть и необычным, но довольно духовным. Как и многие другие из присутствующих, он сразу принялся записывать это пение на телефон.

После службы он уже собрался со всеми идти в гостиницу, когда его остановил черный диакон, который тоже участвовал в службе.

– Простите, – обратился он к Стасу. – Кажется, это вы заинтересовались легендой о первосвященнике, не так ли?

– Надеюсь, я не вмешиваюсь в ваши внутренние дела, – осторожно произнес Стас.

– Так странно, что европейцы относятся к этому столь высокомерно, – отметил диакон. – Разве это не могло бы быть знаковым событием в нашей религиозной жизни?

– А вы сами в это верите? – спросил Стас.

– Не только верю, – улыбнулся тот, сверкнув зубами. – Я слышал об этом из рассказов очевидцев.

Стас остановился. Ему конечно следовало задуматься, почему этот диакон выбрал именно его для своего рассказа.

– И кто же это был? – спросил Стас, глядя ему в глаза.

– Я не могу сказать, как его звали, – развел руками диакон. – В народе его прозвали Первосвященник, хотя он даже священником не был. Но, как говорят, мог творить чудеса.

Стас невольно скривился, хотя, при здравом размышлении, вполне можно было представить, что Трускальд со своим Веритианом вполне мог чего-то там сотворить.

– Почему же этим не занимаются всерьез? – спросил Стас.

– Вы смеетесь! – всплеснул руками диакон. – Только неделю назад фанатики из храма Пятидесятницы взорвали часовню Первосвященника в деревне Нгомо. А причиной было то, что баптисты, владевшие часовней, держали там четки Первосвященника!

– Баптисты? – переспросил Стас. – Но баптисты не признают реликвий и святынь!

– Это у вас, в Европе они не признают святынь, – хмыкнул диакон. – У нас они за эти святыни готовы глотки рвать. Вы же понимаете, если этот рептилид при жизни творил чудеса, то чудесной силой заряжены все его личные вещи. Пресвитериане, как говорят, держат у себя нательный крест Первосвященника. Адвентисты молятся на его башмаки.

– И чудеса происходят? – спросил Стас.

– В том-то и дело, – вздохнул диакон. – Но это ладно, в конце концов, человек может убедить себя в чем угодно. Но вы же понимаете, что нам в этой драке оказаться просто опасно. Мы здесь в меньшинстве!

– А у вас есть повод оказаться в гуще событий?

Диакон осторожно оглянулся.

– Я знаю совершенно точно, что он крестился в нашей юрисдикции.

– В вашем храме? – спросил Стас осторожно.

– Нет, конечно, – махнул рукой диакон. – Это произошло в глуши, в джунглях, но там был скит с поселением нескольких монахов. Деревня называлась Аколе Гхора, даже не понимаю, как они туда забрались. К сожалению, ни один из них не выжил.

Стас выдержал паузу.

– Почему вы не спросите об этом прямо у рептилидов? – спросил Стас.

– Мы уже спрашивали, – отвечал диакон. – Они отвергают такую возможность на корню. Вы же знаете, наверное, у них нет религии. В народе уверены, что Первосвященник пошел на это вопреки традициям своего народа.

Так оно и было, подумал Стас, если было на самом деле.

– Что вы хотите от меня? – спросил Стас прямо.

Тот помялся.

– Конечно, поднять этот вопрос на вашей конференции вряд ли получится, – сказал он со вздохом. – Но если бы в Европе хотя бы заинтересовались этим феноменом! Если бы сюда прислали войска, чтобы успокоить смутьянов!

– А что я могу для этого сделать?

– Выступить, – сказал диакон убежденно. – Вы же наверняка будете выступать у себя перед прессой по итогам конференции. Вот и вверните туда нашу легенду о Первосвященнике. Сначала они посмеются, потом заинтересуются, потом обратят на нас внимание.

– А что я могу им сказать? – спросил Стас. – Что один человек рассказал мне историю…

– У меня есть живой свидетель, – зашептал диакон. – Мы могли бы навестить его, и вы бы выслушали его рассказ.

Стас понимающе кивнул.

– Кто это? – спросил он.

Сам он при этом лихорадочно думал, случайно он оказался в этой истории, или его навели.

– А почему вы обратились с этим ко мне? – спросил он.

Диакон перестал улыбаться.

– Потому что вы единственный, кто этим стал интересоваться, – сказал он угрюмо.

Стас невольно улыбнулся.

– Ладно, – сказал он. – Самое скучное на этой конференции, это первый день. Давайте завтра с утра я встречу вас у входа в гостиницу.

Тот покачал головой.

– Нет, нет, не там. Подходите к нашему собору, здесь и встретимся.

– Договорились, – кивнул Стас.

– Благословите, отче, – диакон наклонил голову.

– Как вас зовут?

– Никодим.

Стас благословил его, и они разошлись.

48

Условия в гостинице были довольно комфортные, каждому делегату предоставлялся отдельный номер, где лежал планшет со всеми документами конференции. Стас перед сном полистал эти документы, но не нашел там ничего интересного. Как он и предполагал, эта конференция не несла за собой каких-либо серьезных решений, и требовалась кому-то из политиков для укрепления своих позиций. Устраивать конференцию в обстановке религиозной вражды было довольно нелепо.

Перед самым сном, когда Стас уже стоял на вечерних молитвах, к нему заглянул земляк отец Герман с финляндским епископом Смарагдом, улыбчивым и бритым толстяком в светском облачении с католическим воротником для приличия.

– Как вы тут, отец? – спросил Герман сухо. – Тут вот владыка Смарагд хотело с вами поближе познакомиться.

Владыка Смарагд мило улыбался, пожимая ему руку.

– Как вы получили такое редкое имя? – поинтересовался Стас.

– При пострижении, – отвечал тот весело. – Знакомые меня зовут просто Изумруд.

– Я совсем не знаю нынешнего чина пострижения, – заметил Стас. – Ведь теперь монашество как бы запрещено.

– Запрещено, – согласился епископ с той же веселой убежденностью. – И совершенно правильно, как мне кажется. Я просто не представляю себя без своих супружеских обязанностей.

– А что же остается вам для подвига? – спросил Стас.

– Любовь к людям, – улыбнулся епископ.

– Отец Станислав у нас несет обет безбрачия, – сказал Герман с неопределенной оценкой этого факта.

– И это меня заинтересовало, – сказал епископ весело. – Как вам удается держать себя в узде?

– Мне казалось, в этом смысл аскетизма, – проговорил Стас сдержано.

– Я понимаю, это ценности древнего мира, – согласился епископ. – Но теперь!..

– Наверное, существуют ценности, которые не меняются, – заметил Стас.

– Он из упертых, – пояснил чуть раздраженно отец Герман. – Представьте, он пятнадцать лет просидел в лагере военнопленных.

– Так вы и на войне побывали! – восхитился епископ. – И в каком качестве?

– Вначале был санитаром, – пояснил Стас. – Потом сделался священником. Но в конце концов пришлось взять в руки оружие.

Епископ перестал улыбаться. Он испуганно посмотрел на отца Германа, и поспешно стал откланиваться.

– Ну, не будем вам мешать…

– Благословите, владыка, – склонился Стас.

– Да, да, конечно, – пробормотал владыка и поспешно вышел.

Отец Герман хмыкнул.

– Во как! – сказал он.

Стас дочитал молитвы и улегся спать.

Утром митрополит собирал всех православных для консультации. Стас, хотя и не должен был оказаться на первом заседании, пошел на это собрание, чтобы не беспокоить коллег. Митрополит разъяснил позицию синода по вопросам конференции, и предложил делегатам не устремляться в изложение личных мнений.

– Будет очень славно, если мы будем голосовать солидарно, – говорил он. – Хотя я на этом не настаиваю, но рекомендую. Мы приехали сюда с миром, и этот мир должен отразиться в наших решениях.

– Простите, владыка, – не удержался Стас, – но я так и не понял, по какому вопросу мы здесь собрались?

Отцы зашевелились.

– Проснулся, – произнес иронично кто-то.

– У вас же в номере должен был быть планшет с документами!

– Спокойно! – митрополит поднял руку. – Давайте будем снисходительны к нашему брату. Наша конференция является новой ступенью к организации всемирного собора, где бы мы нашли формы единения всех верующих. На данном этапе идет общая работа над составлением формулы нашего единства, и в частности наша конференция должна рассмотреть предложения наших собратьев по вопросу представительства. У нас с католиками по этому вопросу есть согласное решение, его мы и будем придерживаться.

Стас смиренно кивнул, заметив на себе испуганный взгляд епископа Смарагда.

– И, пожалуйста, никаких политических акцентов, – произнес третий епископ из присутствующих, довольно молодой и худощавый румын Анастасий.

– Ну, это подразумевается, – с улыбкой произнес митрополит.

– Вы мне позволите? – Стас поднял руку.

– Конечно, – улыбнулся митрополит, хотя епископ Анастасий, сидевший рядом, зыркнул на Стаса довольно недоброжелательно.

– Я понемногу разобрался в тематике конференции, – сказал Стас. – Но вот чего я не могу понять, то кому пришло в голову устраивать ту бюрократическую возню на территории, где идут религиозные столкновения?

Собравшиеся зашумели.

– Что значит, бюрократическая возня? – проявил недовольство епископ Анастасий.

– Кто мог знать, что они тут бунтуют!

– Вы нас обвиняете, святой отец?

Митрополит с елейной улыбкой поднял руки.

– Успокойтесь, братья! Наш брат не давно вернулся в церковь, и потому еще не привык к тем парадоксальным явлениям современности, которые мы с вами вынуждены терпеть. Место для конференции выбрал комитет подготовки собора, и там старались раскинуть точки для собрания богословов как можно шире, чтобы принять участие в обсуждении столь важных вопросов могли все желающие. А что касается так называемых религиозных распрей, то их масштаб явно завышен в мнении общества. Речь идет о нескольких группах фанатиков, не более.

– Я полагаю, что риск появления этих фанатиков на конференции будет достаточно велик, – заметил Стас.

– Это уже вопросы полицейской службы, – улыбнулся митрополит. – А мы с вами будем уповать на Господа. Давайте, помолимся.

Прочитав короткую молитву, они еще обменялись какими-то мнениями, сугубо бюрократического характера, после чего владыка всех отпустил, рекомендовав являться на заседание без опозданий.

Стас, который явился на собрание в подряснике, зашел в номер переодеться, и вышел оттуда почти украдкой. У лифта он едва не столкнулся с группой соратников, окружавших митрополита, и уловил чью-то реплику:

– Непонятно, кто его вообще сюда прислал!..

– Бороду отрастил, – хихикнул кто-то.

– Типичный экстремист!

– Вы же знаете, как эти русские игнорируют соборные процессы, – отвечал митрополит. – Давайте воспримем это со смирением, как и подобает.

И они прошли в лифт.

Стас дождался следующего, и спустился вниз вместе с какими-то туристами, которые быстро говорили на своем языке, и при этом жизнерадостно смеялись.

Внизу он взял такси и велел отправляться к православному собору.

– Вы, наверное, в курсе, – заговорил с ним водитель по дороге. – Это правда, что есть икона Первосвященника?

– Ничего не слышал, – покачал головой Стас. – А вы тоже поклоняетесь Первосвященнику?

– Я не поклоняюсь, – вздохнул тот. – Но все вокруг поклоняются, вот я и подумал…

Собор оказался совсем рядом, и когда Стас вошел туда, там только заканчивалась утренняя литургия. Как ни странно, но среди служащих нужного диакона не оказалось.

Стас достоял до конца, приложился со всеми ко кресту, и опять стал ждать. Когда из алтаря стали выходить служащие, он осмелился обратиться к высокому черному священнику в сером костюме.

– Простите, отче, а где диакон Вадим?

Тот остановился и глянул на Стас с настороженностью.

– А вам он зачем?

– Мы должны были встретиться, – пояснил Стас.

– А вы кто? Что у вас за проблемы?

Стас глянул на него с прищуром. Пытливость батюшки явно уходила за пределы допустимой осторожности.

– Может это не у меня проблемы? – спросил он чуть язвительно.

Ни сказав ни слова, высокий прошел мимо и двинулся к выходу. Стас заметил, что он на ходу уже доставал телефон, и это было недобрым знаком.

– Отца Вадима арестовали, – шепнули Стасу тихо.

Тот резко обернулся, за его спиной стоял седой старик из группы певчих.

– Как арестовали? – спросил Стас. – За что?

– У нас тут смута, – пояснил старик, перебирая на клиросе ноты. – А отец диакон позволял себе разное. Нынче у нас и за меньшее хватают. Ступайте, молодой человек, пока за вами еще не приехали.

Стас кивнул и поспешил последовать его совету. На такси он вернулся к гостинице за пятнадцать минут, успел переодеться и появился в зале конференции, когда там еще зачитывали приветствия от руководителей церквей. Дисциплиной собравшиеся не отличались, свободно ходили по залу, негромко переговаривались, выходили и входили. Отсутствия Стаса здесь никто и не заметил.

После перерыва, где отцы довольно плотно покушали, пленарное заседание продолжилось, причем пришло время вступление митрополита Севастьяна, и по этому поводу проверялось наличие членов делегации. Выступление вышло скучным и казенным, с этой массой пустых слов, которыми они научились так ловко жонглировать, что невозможно было уже понять, о чем они говорят. Стас не спешил осуждать отцов, они вынесли на себе все эти перемены, особенно сказавшиеся на морали общества, и именно это было их подвигом. Церковь оставалась, Евангелие продолжало звучать, и это стоило всех этих послаблений, которые его так раздражали.

После заседания всех гостей повезли в музей истории Африки, где никак не было отмечено то обстоятельство, что именно здесь началась война. Территория бывшей португальской Гвинеи была выжжена в одно мгновение, чтобы организовать там базовый лагерь крокодилов. Именно африканские армии первыми попали под огонь противника, и даже некоторое время

держались вполне достойно, пока в дело не вступили энергетические разрядники. Западная Африка так до сих пор и не восстановилась, потому что туда некого было селить. Но музей рассказывал о другом, об истории континента, о периоде рабовладения, о колониальном времени и освобождении от зависимости. Но особенно ярким был рассказ о послевоенном восстановлении Африки, о ее городах и природных богатствах. При этом опять не было упомянуто, что население было практически на грани выживания после тех эпидемий, что прокатились по континенту после войны. Все было ярко и прекрасно.

А на выходе из музея Стас заметил, что румынский богослов Григореску ведет в их сторону группу местных полицейских. Он почувствовал, как екнуло у него сердце.

Они подошли, и Григореску ткнул прямо в Стаса.

– Вот он!

– Господин Бельский? – спросил полицейский офицер. – Вам надо будет пройти с нами.

Вперед выдвинулся отец Герман, спросив удивленно.

– Но по какой причине?

– В интересах следствия это предпочтительнее не раскрывать, – сказал офицер.

Все члены конференции, явившиеся на экскурсию, смотрели, как Стаса посадили в полицейскую машину и увезли. Им было что обсудить по дороге в гостинцу.

49

Полицейские в машине вели себя со Стасом довольно вежливо, но на вопросы не отвечали, ссылаясь опять на интересы следствия. Его привезли в полицейский участок, и по дороге он видел, как двое полицейских открыто избивали человека в кабинете. Он даже подумал, что это специально отрежиссировано, чтобы напугать его. А то он не видел, как бьют людей в кабинетах!

Следователь ему попался средних лет, но волосы он красил по молодежному в ярко-оранжевые тона, что немного шокировало Стаса.

– Вы кто? – спросил следователь, перебирая дела на столе.

Стас вздохнул, чего-чего, а поведение на допросе у него было выработано оптимальное.

– А вы кто? – спросил он.

Тот посмотрел на него удивленно.

– Я лейтенант Откала, дежурный офицер. За что вас задержали?

– Я представления не имею, – сказал Стас. – Спросите тех, кто меня задержали.

– Это по делу Кхати Синге, – сказал входящий в кабинет новый человек.

Тот был покрупнее, явно выше чином, и в руке у него был планшет. Он сел на кресло рядом, и произнес:

– Этот белый искал Вадима Тонде.

– У вас это считается преступлением? – спросил Стас.

Толстяк наклонился вперед.

– Как вы познакомились с Вадимом Тонде?

Стас выдержал паузу, глядя на него чуть склонив голову.

– Что? – спросил тот.

– Вы не назвались, – напомнил Стас.

Тот усмехнулся.

– Капитан Аркенго, – сказал он. – Моиз Аркенго. Я тут за начальника. И уже успел посмотреть ваше дело, Бельский. Пятнадцать лет в лагере, это круто.

Лейтенант Откала ахнул.

– Так он рецидивист! Мы нашли преступника, капитан!

– Он военнопленный, – процедил капитан. – Думай же головой, Откала!

– Простите, пробормотал тот.

– Я вас удовлетворил? – спросил капитан, опять обращаясь к Стасу.

– Тогда вы уже узнали, что я являюсь делегатом религиозной конференции, – стал говорить Стас. – Мы были на приеме у епископа Христофора, и там я познакомился с диаконом Вадимом, фамилии не знаю. Есть тут криминал?

Откала посмотрел на капитана и проговорил:

– Вроде нет.

– Тонде говорил вам о Кхати Синге?

Стас покачал головой. Он знал, что разговор записывается, и на суде отсутствие звукового подтверждения иногда лишает смысла доказательства.

– А как вы оказались священником? – спросил капитан.

– Простите, капитан, но это таинство, – сказал Стас. – Ничего не могу сказать.

Это было уже хулиганство, но капитан это поглотил. Разницу между таинством и тайной он еще не постиг.

– Ладно, – сказал он, поднимаясь. – Я и не ждал от него ничего хорошего. Вы свободны, святой отец, но если у нас возникнут новые вопросы, мы вас еще побеспокоим.

Возвращаясь на такси, Стас пытался понять, во что он влип. Было ясно, что капитан знает больше, чем сказал, но зацепить Стаса он не смог. Было ясно, что за освобождение Стаса кто-то походатайствовал, и не исключено, что это были люди, которые за ним следили. Его раздражало, что эту слежку он никак не мог заметить, и он подозревал, что в его одежду вшиты какие-то датчики. А может и в тело.

Вернувшись в гостиницу, он даже не успел дойти до своего номера, как его в коридоре перехватил богослов Григореску.

– Отец Станислав, – остановил он его. – Вас немедленно требует к себе владыка Севастьян.

Манеры у него были те же, что и у полицейских.

– Хотел бы знать, какова ваша роль в этой провокации? – задумчиво произнес Стас.

Тот набрал воздуха, намереваясь взорваться возмущением, но тут их увидел отец Герман, вынырнувший из-за угла.

– Отец Станислав! – обрадовался он. – Вас уже освободили?

– Это было полицейское недоразумение, – сказал Стас, глядя на Григореску с вызовом.

– Прошу вас, – буркнул Григореску и ушел.

– Куда он вас просит? – не понял отец Герман.

– К владыке на ковер, – сказал Стас. – Сейчас меня будут воспитывать.

– Пожалуйста, не устраивайте там сцен, – попросил Герман.

Митрополит пил чай в своем номере вместе со своим келейником, юношей в майке с надписью «Мы верим в Бога!» Когда Стас вошел, они обсуждали какие-то личные проблемы на болгарском языке, так что Стас поначалу ничего не понял.

– Садитесь, – предложил ему келейник, вставая.

Стас сел.

– Чай будете? – спросил митрополит.

– Спасибо, нет, – сказал Стас. – Вы меня звали, ваше высокопреосвященство?

Митрополит усмехнулся.

– Только, пожалуйста, без этих архаизмов! Я вас звал в связи с вашим арестом. Тут господин Григореску очень хочет вас выгнать с конференции.

Митрополит снисходительно улыбался, что говорило о его расположении.

– Это было недоразумение, – сказал Стас. – Вчера, когда мы были у епископа Христофора, ко мне подошел диакон и предложил углубиться в тему. Мы договорились встретиться сегодня в соборе, но его там не оказалось. Его арестовали утром, прямо в храме. Меня допрашивали, как свидетеля.

– А какая тема имелась в виду? – спросил митрополит, попивая чай.

– История пресловутого Первосвященника, – сказал Стас. – Диакон обещал свести меня с единственным свидетелем тех событий.

Митрополит поставил чашку.

– И вы относитесь к этому серьезно?

– А у вас по этому поводу есть какая-то объективная информация, владыка?

Тот пожал плечами.

– Просто, я не вижу в этом событии значительности, – сказал он. – Вы можете поверить, что рептилид, с их богатой и своеобразной культурой, пожелает креститься?

– Поверить в этом трудно, – кивнул Стас. – Но, знаете, владыка, я сейчас каким-то боком оказался причастен к работам рептилидов в области культуры. Могу сказать, что у них это вызывает просто благоговейный интерес. Религия для них, это вообще недоступная область, и потому они уделяют ей повышенной внимание. Я могу предположить, что некий рептилид увлекся этими поисками, что могло создать впечатление о его вовлеченности вплоть до крещения. Такого рода сплетни расходятся довольно быстро.

Митрополит задумчиво кивнул.

– У вас есть рецепт противостояния этому явлению?

– Это напрашивается. Надо создать комиссию, провести изыскания, и опубликовать все в сети. Что может быть криминального в изучении земной культуры?

Митрополит кивнул.

– Может быть вы и правы, – сказал он. – Вы, наверное, хотели бы войти в эту комиссию?

– Я не рвусь, – сказал Стас. – Но коснувшись проблемы, я уже вовлекся, так что материал знаю.

– Я поговорю с председательствующим, – сказал митрополит. – Создание такой комиссии было бы реальным делом.

Стас невольно улыбнулся.

– Я рад, владыка, что нашел у вас взаимопонимание.

– Мне это тоже приятно, – кивнул тот.

Стас поднялся в свой номер в приподнятом настроении. Конечно, расследование истории крещения Трускальда не было в числе его основных интересов, но прикосновение к жизни этого легендарного рептилида вполне могло приблизить его к разгадке.

Спал он довольно крепко, проснулся рано и первым явился на завтрак в ресторан. Предстоял день заседаний по различным вопросам, и Стасу было назначено присутствовать в комиссии по женскому равноправию. Посещать такого рода дискуссии он не считал возможным, и вместо этого остался в номере, чтобы посмотреть распространяемый на конференции фильм «Снова вместе!» Фильм был предельно амбициозный и настолько же лживый, хотя счастливых улыбок и достижений нового мира там было предостаточно. Когда ему позвонили в дверь, он решил, что кто-то из делегации вычислил его отсутствие в комиссии и напустил на него Григореску.

На пороге стояли двое полицейских и лейтенант Откала.

– Господин Бельский, – заговорил лейтенант с ним холодно и официально. – По распоряжению прокурора Западной Африки вам надлежит немедленно покинуть Киншасу и территорию Западной Африки. Прошу вас немедленно собраться и поехать с нами.

Стас опешил. Чего-чего, а такого спешного выдворения из страны он не мог ожидать ни с какой стороны.

– Могу я ознакомиться с официальным документом? – спросил он.

Откала подал ему бумагу, где был какой-то текст на французском, который здесь считался официальным государственным языком.

– А на английском есть? – спросил Стас.

Откала выдержал паузу, но все же подал ему другой листок. Там было написано, что иерей Станислав Бельский из состава делегации русской православной церкви является распространителем вредных религиозных сплетен, в связи с чем его полномочия, как члена делегации, прекращаются, а сам он должен покинуть Западную Африку в течение суток.

– Я не понял, в чем конкретно меня обвиняют? – спросил Стас.

– В распространении религиозных сплетен, – отвечал Откала. – Мы не можем себе позволить такого рода выступлений в такой трудный для нашего региона момент.

– Но где и когда я распространял такие сплетни?

– Член вашей делегации господин Григореску подтвердил это своими показаниями.

– Но это ложь! Это наговор!

Откала криво усмехнулся.

– Вадим Тонде сказал, что вы расспрашивали его о Кхати Синге. Это тот старик, который мутил воду в столице.

Стас вскинул брови.

– А что с диаконом?

– Он все еще находится под следствием, – отвечал Откала. – Кхати Синге был убит прошлой ночью, и мы проверяем всех его знакомых. Ваше счастье, что вам не довелось с ним повстречаться.

Продолжать расспросы было уже ни к чему.

Стас торопливо собрал свои вещи, нервно размышляя, стоит ли ему позвонить кому-либо из покровителей, но в конце концов передумал звонить. Витас Лемба на этом материке не имел никаких полномочий, а тревожить Ланго не стоило.

Он вышел к полицейским с сумкой в руке.

– Все, я готов, – сказал он.

– Прошу вас следовать за нами, – сказал Откала и пошел вперед.

Стас двинулся за ним, а позади него тронулись двое полицейских.

50

Хоста Оливарро, председатель Управляющего Комитета, был сухим, подтянутым и вполне еще стройным мужчиной, полным энергии и азарта власти. Не зря ходили слухи о том, что количество его результативных связей перевалило за две сотни, женщины все еще притягивали его, и он нравился им. Впрочем, не исключено, что им нравился его авторитет.

Совещание Управляющего Комитета было созвано им неожиданно для многих, и началось в присутствии помощников, советников и заместителей. Они терзались в догадках о причинах собрания, и Оливарро дал им потерзаться еще немного, готовясь к выходу. Анджелина Готторп была с ним и давала последние рекомендации:

– Ты не должен идти у них на поводу, Хоста! Это они влезли в дерьмо, и потому мы были бы вправе оставить их наедине с их проблемами.

– Разве твои люди не работали над этим?

– Я смогу защититься, если понадобится.

Оливарро посмотрел на нее снисходительно.

– Не заблуждайся, Лина. Тебя они съедят в самую первую очередь.

– Я готова к этому, – отвечала с вызовом Анджелина.

Оливарро только усмехнулся. Было время, когда Анджелина являлась не только его советницей, но и любовницей, и на фоне активных боевых действий эти отношения обострялись до экстаза. Потом она просто поставляла ему новых красоток, а потом и вовсе целиком ушла в политику, обеспечивая ему тылы. Он был признателен ей и по-своему любил ее.

– Если уйдешь ты, – сказал он. – То и я недолго продержусь.

– Значит, будем держаться, – сказала Анджелина. – Нам пора!

Оливарро решительно поднялся, глянул на себя в зеркало, и шагнул к двери.

Они уже сидели в ожидании, члены Управляющего комитета и их помощники. По сути власть Председателя на этом совете не была чрезмерной, но за прошедшие годы пришлось использовать такие скрытые возможности, что теперь Оливарро вполне мог считать себя хозяином. И ему нравилось, что его боялись, хотя переоценивать это обстоятельство не стоило.

– Всех приветствую, – кивнул он поднявшимся. – Прошу садиться.

– С чем связано это собрание? – спросил недовольно Уилл Дженнис. – В планах подготовки ничего такого не было.

– Не было, – согласился Оливарро. – Я собрал вас сказать, что ситуация, похоже, резко меняется. Генерал Хануиль оказал мне честь, посетив меня вчера вечером, и его информация может сильно повлиять на ход Новогодней встречи.

– Что там меняется? – пробурчал Рэнди.

Оливарро оперся руками на стол.

– Я бы хотел получить ясность от вас, господа. И в связи с деликатностью темы, я попрошу остаться только членам Управляющего комитета.

Собравшиеся зашумели, стали обмениваться мнениями, но в конце концов лишние потянулись к выходу. Оливарро уловил одобрительный взгляд Анджелины.

Когда зал практически опустел, оставив только пятерых лидеров, Оливарро произнес:

– Кто все это начал?

– Что, это? – спросил Дженнис.

– Всю эту суету с наследством маршала Гремина?

– Это так серьезно? – спросил Дженнис. – По моему ведомству это проходило, как отслеживание действий партнеров. Мои агенты отреагировали на инициативы мадам Готторп. Может лучше спросить у нее?

– Хватит болтать глупости, Уилл, – фыркнула Анджелина. – Рэнди навел своих людей первым. Значит, он что-то про это знает!

– А я отреагировал на инициативу Анри, – отозвался Рэнди с улыбкой. – Надеюсь, теперь мы добрались до края цепочки?

– Не понимаю, чего вдруг все всполошились? – пожал плечами Десконье. – Пока этот парень был в лагере, он проходил по ведомству Уилла, и я не мог до него добраться. Когда же он вышел, я посчитал возможным взять его в работу. У меня остались некоторые вопросы по этой теме. И что тут криминального?

Оливарро наклонился вперед.

– Я не знаю, что тут криминального, – проговорил он, – но наши друзья пришли просто в паническое состояние. А когда они в паническом состоянии, это всегда чревато.

– Нельзя ли нам объяснить, что он именно тебе предъявил? – спросил Рэнди.

Оливарро засопел.

– Я с самого начала был в стороне, – сказал он. – Это не значит, что я не знал про вашу суету с этим лейтенантом! Просто я не придавал этому значения. Я не верю в значительность наследства маршала, хоть он и был в числе моих учителей. Мне всегда представлялось, что вся эта история выдумана для отвлечения умов. И сам маршал ею чрезмерно увлекся, что и послужило причиной его гибели. Поэтому я не отнесся к вашим попыткам реанимировать вопрос серьезно.

– И что изменилось? – спросил Дженнис.

– Наши партнеры просто взбунтовались! – воскликнул Оливарро. – Генерал Хануиль сказал, что профессор Цингали взбешен, что он готов отдать приказ на начало новых боевых действий!

– Я бы на его месте не стал рисковать, – пробормотал Рэнди.

– Что? – Оливарро бросил на него гневный взгляд.

– Я о том, что в моих руках сила, достаточная для того, чтобы осадить кучку возбужденных барсифов, – сказал Рэнди. – Они сами нас вооружили, и должны понимать, что мы не будем безответными на этот раз.

– О чем ты говоришь, Рэнди? – скривился Оливарро. – Ты хочешь начать войну?

– Я не хочу, – сказал тот. – Но если мы ее начнем, то закончим довольно быстро.

– И с чем мы останемся? – фыркнула Анджелина. – Мы напрямую зависим от их технологий, от их помощи. Что мы сейчас можем, кроме услуг бытового характера и обеспечения роста народонаселения? Посмотри статистику, Рэнди, шестьдесят процентов населения заняты воспроизводством! Они уже не умеют делать ничего другого!

Дженнис поднял руку.

– Хочу дать справку, – сказал он. – В моем центре прогнозов просчитали вариант с полным освобождением от рептилидов. По сути это действительно возможный вариант, но дальнейшее развитие событий порождает хаос. Хаос, который первым делом ударит по нам.

– Вот именно, – усмехнулся молчавший доселе Десконье. – Кому мы будем сбывать продукцию наших воспитательных центров?

– Заткнись, Анри, – процедила Анджелина. – Это все начал ты, и ты должен объяснить, чего ты собственно добивался этой авантюрой?

Десконье язвительно усмехнулся.

– Хотел проверить вашу готовность сдать меня на Новый год.

Оливарро посмотрел на него внимательно.

– Ты не веришь в наш уговор не сдавать членов комитета?

– Ни на секунду, – сказал Десконье. – Скажи мне, а где наш любимый философ Абдель Салим? Куда делся Винсент, который имел все шансы на председательское место? Наконец, что стало с твоим предшественником Олафом Стринбергом?

– Не пытайся меня загнать в угол, – сказал Оливарро. – Ты лучше меня знаешь, что Салим с Винсентом просто съели друг друга. А Олаф захотел слишком много власти.

– И ушел на завтрак к Цингали, – кивнул Десконье иронично.

– Он просто сбивает нас с толку! – заявила Анджелина.

– Вернемся к сути собрания, – произнес Рэнди. – Так что сказал Хануиль?

Оливарро посмотрел на него.

– Оно сказал, что Цингали вне себя. Вы знаете, что Хануиль на нашей стороне…

– Покуда есть Цингали, – хмыкнул Десконье.

– Во всяком случае, он не спешит действовать. Цигали взбешен историей с вашим лейтенантом, который влез в чувствительные места. Куда он влез, Уилл?

Дженнис удивленно посмотрел на председателя, потом перевел взгляд на Десконье.

– Что ты там еще придумал, Анри?

– Я? – искренне удивился тот.

– Только не надо крутиться? – скривился Дженнис. – Я знаю, что командировку в Африку ему сделал ты. Зачем?

Анри почесал нос.

– Наугад, – сказал он. – Парень практически не проявляет инициативу, приходится его подталкивать.

– И куда ты его подтолкнул?

– В Африке набухает недовольство, – сказал Анри. – И это связано с тем, что именно там начинал свою деятельность вождь рептилидов учитель Трускальд. Кстати, он начинал ее задолго до консультаций на Луне.

– И что? – спросил Оливарро.

– Возникла легенда, что Трускальд в Африке принял крещение, – продолжал Десконье. – На базе этой легенды начались религиозные войны.

– В прошлом году мы отправили туда батальон десантников, – напомнил Рэнди. – Мне казалось, все кончено.

– Все продолжается, – сказал Десконье. – Там довольно кипящая обстановка, и я надеялся, что это поможет лейтенанту вспомнить нужные факты.

– Опять наследство маршала, – произнес иронично Оливарро. – Что же там такое у него запрятано?

Анри вскинул голову.

– А ты бы спросил у Хануиля, – сказал он. – Уверен, что он знает.

– Может, ты нас просветишь?

Анри откинулся на спинку кресла.

– Это легенда, – сказал он. – Вы знаете, что маршал был очень близок в Трускальдом. Есть легенда, что он оставил ему тайные секреты ритуала Вызова.

– Разве это доступно людям?

– Этого нельзя сказать уверенно, пока мы не попробуем.

– И ты все это время молчал? – воскликнула Анджелина. – Какое же ты дерьмо, Анри!

Анри нервно скривился и произнес:

– А ведь когда-то она умоляла ответить на ее любовь!

Анджелина фыркнула, а Оливарро глубоко вздохнул.

– Тут хотя бы можно понять, что так бесит Цингали. Если мы выйдем на прямой контакт с их Создателями, все изменится более чем радикально.

– А что изменится? – спросил Дженнис. – Вы прогоните рептилидов, и с чем останетесь? Они нужны нам! Конечно, соотношение сил изменится, но надо ли нам рушить все созданное за последние годы?

Анри наклонился, чтобы посмотреть на Дженниса.

– Ты это серьезно, Уилл? Тебя все устраивает? И ты готов продолжать людоедство на Новогодних встречах? Тебе это кажется приятным?

– Какие-то вещи изменить необходимо, – отозвался Дженнис. – Но вы должны признать, что мы с вами создали цивилизацию, производящую излишек населения. И рептилиды готовы этот излишек у нас взять, предлагая самые совершенные технологии. Да, мы можем переписать наш договор, мы избавимся от унизительных условий, но давайте не будем крушить мебель!

Анджелина повернулась к Оливарро.

– Он говорит дело, Хоста.

– А барсифов мы сами подавим, – хмыкнул Рэнди. – Нет, в таком ракурсе мне это уже нравится. Не надо никаких жертв, не надо улыбаться, пожирая человеческое мясо, и можно послать Цингали с его ужасами куда подальше. В конце концов, он там не единственный, и было бы правильно найти возможность судить его по справедливости.

– Что скажешь, Анри? – спросил Оливарро.

Десконье крутился в кресле.

– Поскольку вероятность моего устранения наиболее высока, – сказал он, – то я безусловно приветствую такой вариант. Но вы должны понять, что все зависит от памяти этого лейтенанта. Это он должен вспомнить, что хотел нам передать старик Трускальд.

– А ты знаешь, как на него можно воздействовать?

– Я над этим работаю, – сказал Десконье. – И если вы не будете мне мешать, то я выйду на результат.

– Только существует риск, что рептилиды вмешаются, – напомнил Дженнис.

– А тут уже я надеюсь на вашу помощь, – сказал Десконье. – Если мы начнем работать вместе, у нас непременно что-то получится.

51

Поскольку в обратный путь летающий корабль Стасу уже не давали, ему пришлось по дороге домой испытать немало приключений. Из Западной Африки самолетом и с сопровождающим его полицейским, он перебрался в Египет. Там, поскольку полицейский был в служебной командировке и мог погулять за казенный счет, ему быстро вернули документы, и он остался предоставленным сам себе. Был соблазн задержаться в этих исторических местах, но его средства не очень-то позволяли ему гулять. Прямой самолет доставил его в аэропорт Кубани, и оттуда он уже добирался автобусом. Так что домой он вернулся уже в третьем часу ночи, и его появление вызвало целую тревогу в доме.

Все это он довольно живописно изложил за завтраком. Ванда была покорена историей с Первосвященником, а Агата отозвалась довольно недоброжелательно о европейских богословах. Когда все разъехались, Стас позвонил отцу Феоктисту, и выяснил, что тот уже знает о его высылке.

– Как же ты вы так опозорились, отче? – спросил Феоктист с укором.

– Вы считаете это позором? – отозвался Стас. – А по мне так представляется, что опозорили конференцию, которой не дали вмешаться в ход религиозных споров. А ведь это могло быть реальным вкладом в дело мира.

– Не наше это дело, вмешиваться, – фыркнул Феоктист.

– Это уже ваш личный выбор, – отозвался Стас. – Мне составить отчет, или будет достаточно слухов?

– Отчет составьте, – сказал Феоктист. – Но вы там не сильно сочиняйте. Не думаю, что мы будем реагировать.

– Я собственно другого и не ожидал, – кивнул Стас.

Более подробно он рассказал о своей поездке в храме, куда поспел к спевке хора. Поскольку отец Глеб оказался на месте, он выслушал этот рассказ вместе со всеми.

– То есть, вы хотите сказать, что этот болгарский митрополит сдал вас властям? – недоуменно спросил он.

– Так получается, – развел руками Стас.

– Как же можно вместе с ними молиться? – подивилась Светлана.

– Молиться с ними можно, – вздохнул отец Глеб. – Собственно, именно они и нуждаются в нашей молитве.

– Особенно весело будет, когда мы объединимся, – пробурчала Светлана.

– Давайте не будем о плохом, – поднялся отец Глеб. – Завтра люди придут на службу, и мы охотно с ними объединимся. Отец Станислав, на минутку.

Певчие удалились, и отец Глеб заговорил конспиративным шепотом.

– Я не знаю всех ваших связей, отец, но имейте в виду, что в нашей среде тоже присутствуют свои Григореску. Разница в том, что у нас они будут притворяться в доску своими.

– Но я не говорил ничего запрещенного!

– Вы прекрасно понимаете, что тема разговора была откровенно оппозиционна. Сами вы наверняка сможете выехать на связях, но люди могут пострадать.

Стас склонил голову.

– Я учту ваше замечание, отче.

Выходя из храма он подумал о том, что его связи по сути ведут его совсем не к торжеству, и потому не почувствовал в укоре отца Глеба повода для сокрушения.

Звонок Дианы застал его, когда он уже ехал домой. Она тоже интересовалась его африканскими приключениями, и предложила ему заехать к ней в гости. Стас набрал маршрут на пульте, и тот привел его к дому Дианы спустя двадцать минут.

– Ты уже на машине! – обрадовалась Диана. – Крутой водила!

– Осваиваюсь, – вздохнул Стас. – Как ты узнала о моих делах в Африке?

– Витас сообщил, – сказала она. – Африканские ребята скинули ему официальное сообщение, а поскольку он был заинтересованным лицом, то дали еще и сопутствующие разъяснения. Так что там такое произошло?

Стас опять стал рассказывать, без лишней детализации, в основном напирая на нелепые порядки в Киншасе и на перестраховщиков из делегации.

– А что Витас? – спросил Стас.

– Что может понимать в этом деле Витас? – усмехнулась Диана.

– Если честно, меня заинтересовала вся эта легенда про рептилида, который стал там местным святым.

– Ты же сам говоришь, что это легенда!

– Значит были какие-то основания для ее появления, – заметил Стас.

– Перестань, – сказала Диана. – Африканцы, они же все немножко диковатые, живут сказками и сплетнями.

– Хорошо еще, что меня не посадили, – усмехнулся Стас.

Диана отошла к бару.

– Выпьешь чего-нибудь?

– Спасибо, не надо, – отказался Стас.

Диана вернулась с бокалом вина.

– А я выпью, – сказала она. – Скажи, а ты хотел бы встретиться с Анри?

Стас вскинул голову.

– О чем ты?

– Встретиться с Анри, – повторила Диана, разглядывая его через бокал.

– А ты можешь это устроить?

– Если ты убедительно попросишь, – сказала она, улыбнувшись.

Стас смотрел, как она пьет вино.

– Если честно, я не знаю, о чем я хотел бы его спросить, – сказал он.

– Без этого идти на встречу глупо, – согласилась Диана.

– Но если я все обдумаю, – продолжил Стас. – То разговор может получиться.

Диана смотрела на него испытующе.

– Он съест тебя, – сказала она. – Просто съест.

– Он, что, сам захотел встретиться? – насторожился Стас.

Диана только многозначительно усмехнулась.

– И не подавится, – она хмыкнула и допила свое вино.

– Зачем я ему нужен? – подивился Стас.

– Короче, подумай, – сказала Диана. – И не занимай вечер воскресенья. Мы с Агатой опять поедем на природу, ага?

– Ага, – сказал Стас.

Диана выглядела таинственной и загадочной. Ее улыбка, возникавшая без всякой связи с разговором, уводила в некую глубину, где открывалась новая Диана, о которой Стас пока ничего не знал, и это его слегка пугало.

– Что с тобой происходит? – спросил он, уже собираясь уходить.

– Кажется, ты называешь это процессами духовного пробуждения, – насмешливо отвечала она. – Я пробуждаюсь.

– С чего вдруг?

– Наступает время принятия решений, – отвечала она. – И мне надо для этого собраться. Поменять внешний вид, обновить гардероб, косметику…

– Да, это смешно, – сказал Стас без улыбки.

Она решительно повернулась к нему.

– А если мне приказано с тобой кончать? – спросила она нервно. – Если твоя возня кому-то надоела, и принято решение просто ликвидировать тебя.

– Кем принято решение? – спросил Стас. – Генералом Десконье?

Диана нервно отмахнулась.

– Анри здесь вообще не при чем, – сказала она. – То есть, он, конечно, при чем, но не в этом случае. Ты понимаешь, что я исполняю задание?

Стас сдержано вздохнул.

– Понимаю, – сказал он. – Но мы при этом прекрасно сосуществовали.

– А я не понимаю, – нервно продолжала Диана. – Ты ведь действительно чище, откровеннее и честнее всех этих политиканов!..

Она подошла, и прижалась к нему, обняв его за голову.

– Ты мне нравишься, Стас, – прошептала она, – я не хочу быть против тебя.

Стас не мог оттолкнуть ее сразу, но и в такой близости чувствовал себя не слишком комфортно.

– Разве ты против меня? – пролепетал он растерянно.

Она посмотрела ему в глаза.

– Я… я люблю тебя, – и она потянулась с поцелуем.

Тут Стас уже отшатнулся, решительно высвобождаясь из ее объятий.

– Подожди, Диана, – проговорил он. – Ты же знаешь!..

Она закрыла лицо руками и села на диван. Стас подумал и сел рядом.

– Успокойся, – сказал он. – Мы ведь с тобой друзья…

– Прости, – сказала она.

Стас помялся.

– Конечно, я сразу понял, что привлек тебя вовсе не духовными достижениями, – стал говорить он. – Но ты всегда была так деликатна и приветлива… Что бы тому ни было причиной.

– Довольно оправданий, – сказала Диана. – Ты умный, и должен все понимать. Мне было сказано последить за тобой, и даже соблазнить тебя при случае. Я пыталась…

– Правда? – усмехнулся Стас. – Я и не заметил.

– Но что-то изменилось, – сказала Диана. – Они потеряли к тебе интерес. И мне велено заканчивать дело.

Стас посмотрел на нее удивленно.

– Заканчивать? Как заканчивать?

– Рвать, – сказала она. – Но ты должен понять, что тебя не оставят без внимания.

– Зачем же рвать?

– Потому что теперь тебя просто убьют, – вырвалось у Дианы.

Стас шмыгнул носом.

– А этот генерал?

– Анри? Он не участвует в игре, он давно вне игры… Он тоже входит в число моих объектов, так уж случилось. Да, он готов с тобой повидаться.

– Я повидаюсь, – кивнул Стас.

Она посмотрела на него насмешливо.

– Ладно, ступай, – сказала она, махнув ему рукой. – Клянусь, я никогда не испытывала ничего подобного. Ступай, милый, и помолись там обо мне. Ты не представляешь, как мне сейчас тяжело.

Стас не стал выяснять причин ее тяжести, и поспешил уйти. Только в машине, пытаясь завести двигатель, он вдруг обнаружил, что у него дрожат руки. Это заставило его нервно усмехнуться.

Кто ему в этот момент действительно был нужен, так это Неделин. Этот человек и в самом деле знал больше других, и вполне мог прояснить возникшее вокруг напряжение. А напряжение и впрямь нарастало, и внутри Стаса, и вокруг него. И он совершенно не понимал, что ему теперь делать.

Телефонный звонок последовал, когда он уже практически подъехал к дому. Остановив машину, Стас ответил на незнакомый номер, и услышал в ответ жизнерадостный голос:

– Станислав Семенович, я так рад! Это Крис Вердиев, вы меня помните? Я приглашал вас на заседание нашего исторического кружка.

Стас воспринял этот звонок без удовольствия.

– И что? – спросил он устало.

– Завтра у нас заседание кружка, в университете. Вы не могли бы прийти? Я там уже всем наобещал…

– Но я-то вам ничего конкретного не обещал! – напомнил Стас довольно резко.

– Извините, – жизнерадостный тон поубавился. – Так что мне сказать людям?

Стал некоторое время молчал.

– Во сколько? – спросил он.

– В двенадцать, – радостно поведал Крис. – Уверяю вас, мы вполне управимся за один час.

– Ладно, – сказал Стас. – Я приду. Где находится ваш университет?

Крис стал рассказывать ему, как лучше проехать до университета, и стал только кивал на это головой. На самом деле к университету его довел бы указатель на пульте.

52

Вечером того же дня Агата напомнила Стасу:

– Завтра к нам, как обычно, придет Ланго.

– Буду рад его повидать, – кивнул Стас.

– В последнее время он очень расстроен, – заметила Агата. – Ты не знаешь, в чем дело?

– Как я могу знать? – удивился Стас. – Я с ним почти неделю не виделся!

– Будь с ним приветлив, – попросила Агата.

Стас тем временем занялся подготовкой к встрече с любителями военной истории. Прежде всего он нашел их сайт в сети, где были довольно подробно изложены их последние заседания. Как ни удивительно, они в самом деле углублялись в события глубоко и содержательно, и не стеснялись критиковать будущих победителей, отдавая должное армии коалиции. События, свидетелем которых был сам Стас, всколыхнули его воспоминания, и просматривая официальную хронику, он еще раз окунулся в ту совершенно дикую атмосферу смерти и азарта. Конечно, у них не было шансов.

Прибыв на следующий день в университет, который на самом деле представлял из себя довольно убогое учреждение, где учились разве что три десятка человек, Стас не без труда нашел нужную аудиторию. Хоть университет и был рассчитан на минимум учащихся, следовало отметить, что оформление здания здесь было проведено со вкусом и не без затрат. Крис Вердиев кинулся на встречу Стасу с приветствиями, хвастая оборудованием аудитории.

– Я не понял, на заседания кружка приходят все учащиеся? – спросил Стас, наблюдая довольно плотное заполнение аудитории.

– К нам ходят ученики старших классов, – пояснил Крис. – Хотя, как вы понимаете, контингент у нас ограниченный, и мы с нетерпением ждем, когда поступит пополнение из воспитательных центров.

Собравшиеся довольно вяло поприветствовали Стаса, и Крис сразу же начал просмотр хроник этого периода войны. До окончания событий оставалось еще более полугода, шли сражения и в России, и в Южной Америке, и на юге Африки. Некогда лидирующие в экономике США и Китай были полностью разрушены, Европа уже представляла собой развалины, Россия уже напрягала последние силы на окраинах, а в Индии лютовали барсифы. Крым представлял собою довольно незначительный театр военных действий, но именно здесь ожесточение сторон достигло максимума. Энергетический удар, уничтоживший полуостров, не был вызван стратегической необходимостью, и теперь Стас уже вполне мог признать, что это действительно могло быть вызвано бегством маршала Гремина.

Потом Стас с Крисом выбрались на сцену, и сели там у столика.

– Теперь мы можем услышать свидетельство об этих событиях от участника боев, – торжественно начал Крис. – И я бы хотел начать с вопроса, как вы там оказались, Стас?

Стас неспешно стал рассказывать, как он воевал на Украине, как был рукоположен в сан священника, и как ему приходилось вдохновлять усталых бойцов. Он должен был признать, что на войне и в самом деле неверующих не было.

– Значит, вы сами в боях не участвовали? – спросили его.

– На Украине, нет, – кивнул Стас. – В Крыму все было иначе. Я опекал военный госпиталь, когда туда ворвался десантный отряд рептилидов. И когда я увидел происходящее, мне пришлось взять в руки пулемет. Так я стал бойцом и перестал быть священником.

– Каково это, стрелять в рептилидов?

Стас угрюмо посмотрел на вопрошавшего юношу.

– Как будто вы участвуете в охоте на крокодилов, – сказал он, вызвав в зале шум.

– Но они же не крокодилы! – пытались объяснить ему. – Они же разумные существа, они явились к нам с целью улучшить наше общество.

– Я это понял уже потом, – сказал Стас.

– Вы испытали раскаяние?

– Разумеется, – кивнул Стас.

Румяная девушка подняла руку.

– Что заставило вас пойти на эту войну?

Стас пожал плечами.

– На ту войну пошли все честные люди планеты, – сказал он. – Ведь это было подано, как жестокое завоевание, и мы поднялись на сопротивление.

– Вы и теперь так думаете?

Стас глубоко вздохнул.

– Конечно, мы все ждали полного уничтожения человечества, – сказал он. – И к этому все шло. Было очень странно узнавать, что мир уцелел, и даже прихорашивается.

Кто-то даже рассмеялся.

– И как теперь вы все это оцениваете?

Стас покачал головой.

– Я совсем недавно вернулся на волю, – сказал он. – А в лагере мы все же были настроены достаточно агрессивно, даже несмотря на столь неожиданные новости с воли. Мне еще надо к этому привыкнуть.

– Но теперь вы понимаете, что эта война никому не была нужна?

Стас скривился.

– Звучит довольно наивно, – заметил он. – Если война началась, то она определенно была кому-то нужна. И я думаю, что если вы всерьез занялись историей войны, то именно вы и должны это определить.

Они зашумели.

– То есть, вы видите в этой войне чей-то злой умысел? – спросил Крис.

– Ну, добрым этот умысел назвать трудно, – заметил Стас.

Они опять засмеялись.

– А если не было никакого умысла? – спросил Крис. – Если вышло просто недоразумение, а когда начались боевые действия, остановить это было уже невозможно.

– Можно, конечно, думать и так, – сказал Стас. – Но попробуйте предположить, что рептилиды пришли с миром. Много ли революционных изменений у нас бы прошли без их давления?

Они растерялись, кто-то стал оглядываться на кого-то, другие зашептались.

– А какие изменения вы имеете в виду? – спросил кто-то почти с вызовом.

– Вы не замечаете изменений? – усмехнулся Стас. – Просто я помню время, когда планета двигалась в русле экономического и технологического развития, а теперь главным направлением развития является рост народонаселения.

– И что в этом плохого?

– По мне так это напоминает какую-то большую свиноферму, – произнес Стас, и понял, что едва не проговорился.

– Просто сейчас задача восстановления народонаселения является главной, – стал объяснять тоном лектора Крис. – Когда мы достигнем удовлетворительного уровня, мы опять вернемся к технологиям и экономике.

– Вы уверены? – скривился Стас.

– А как же иначе?

– Но вы же видите, что контроль за подрастающим народонаселением взяли на себя рептилиды! Все программы воспитания выстроены и контролируются ими.

– Это ложь! – прогремел чей-то низкий и уверенный голос.

Стас поднял руки.

– Я не настаиваю на своей правоте, – признался он. – Но и возражения должны быть достаточно убедительными.

В задних рядах поднялся некий решительный мужчина не слишком молодого возраста, и уверенно направился к сцене.

– Это Карен Самсонович, наш преподаватель, – шепнул Крис.

Карен Самсонович поднялся на сцену.

– Наш ветеран сказал тут, что весь процесс воспитания нового поколения контролируется рептилидами. А поскольку я немного причастен к их воспитанию, то могу сказать уверенно, ни один рептилид в систему воспитания никогда не вмешивался. Программа воспитания нового поколения составлена целиком и полностью земными специалистами.

– Тогда вы может быть проясните, какой основной смысл лежит в системе этого воспитания? – спросил Стас.

– Воспитание нового человека, – с пафосом провозгласил преподаватель, так что некоторые в зале даже автоматически зааплодировали.

Стас хотел начать спор, но осекся, понимая, что это может увести его в непредсказуемые дали.

– Дело в том, – поднялся Крис, – что Станислав Семенович является по призванию священником православной церкви, и можно понять его протест против нарушения традиционных норм воспитания.

Это вызвало шум, смех и восклицания. Педагогический авторитет Стаса таким образом был немедленно уничтожен.

– И все же давайте вернемся к теме нашего собрания, – попросил Крис. – Нас всех интересуют подробности того времени. Крым во время войны, это прежде всего катастрофический энергетический удар по полуострову. Одновременно погибло полтора миллиона человек, из них всего лишь полтора десятка тысяч солдат. Как вы выжили, Станислав Семенович.

Страсти поутихли, Карен Самсонович спустился в зал, и Стас стал рассказывать о своих личных переживаниях. Там был скользкий момент с атакой барсифов на госпиталь, но ему удалось обойти его. Свой переход к активным боевым действиям он объяснил тем, что его распалили страдания раненых.

– Значит, вы сталкивались с барсифами? – спросили его. – Как они?

Стас только пожал плечами.

– Страшные, – сказал он. – Но мы их не очень боялись.

– Станислав Семенович потом работал в госпитале, – опять стал объяснять Крис. – В его ведении находились самые известные фигуры того времени.

Его совершенно определенно толкали именно к одной фигуре.

– Расскажите про маршала Гремина, – наконец попросил кто-то.

Стас покосился на Криса, явно инициатива вопроса шли от него.

– Я был в госпитале, когда туда привезли раненого маршала, – сказал он. – Он умер во время операции.

– Он был в сознании? Может он о чем-то говорил?

– Он был без сознания, – отвечал Стас.

– Как вы отнеслись к смерти маршала?

– Я был в отчаянии, – отвечал Стас. – Но дело шло к концу, так что времени на скорбь не оставалось.

– У нас есть небольшой фильм о маршале, – вспомнил Крис. – Люк, вы принесли, как обещали?

– Да, принес, – отозвался один из слушателей, поднявшись. – Я хотел бы объяснить господину Бельскому, что этот фильм мы собрали из нескольких источников. Получилось шесть минут изображения, которое мы озвучили детской песенкой, которая, как утверждают знающие люди, была любимой песенкой маршала.

Он махнул рукой, и на экране возникло изображение маршала Гремина. Маршал принимал парад, и выглядел предельно торжественно. Но сопровождалось это детским хором, который весело распевал про жизнь какой-то акулы. Потом маршал участвовал в каких-то важных заседаниях, потом было поле боя и разрывы снарядов, и маршал наблюдал это из блиндажа, отдавая распоряжения. Стас смотрел, и чувствовал, что его не отпускает какие-то странное чувство, словно он нырнул глубоко под воду, и вот-вот собирается вынырнуть. Воздух уже кончается, но до поверхности осталось совсем немного.

Последние кадры показали маршала перед вылетом, он отдал честь сопровождающим и скрылся за дверцей самолета. Вряд ли это были съемки его последнего полета, но выглядело довольно символически.

– Что это было? – спросил Стас с сомнением.

– Это фильм о маршале, – растеряно пояснил Крис.

– Что за песенка там звучала?

Парень, который составил фильм, опять поднялся.

– Это детская песенка, довольно абсурдная по звучанию, называется «Акулья гора». По звучанию она короткая, но мы поставили ее два раза.

Стас почувствовал, что он наконец вынырнул. Слова «Акулья гора» явились для него тем самым ключом, который он так ждал. Который ждали также и все, собравшиеся вокруг него заинтересованные лица. Пароль сработал, информация открылась.

Остаток встречи Стас провел в самом рассеянном состоянии, так что покидая университет, он чувствовал стыд за свое неопределенное поведение. Но ему очень было нужно остаться наедине с собой, что он и сделал, сев в машину на стоянке.

Хриплый голос маршала ясно звучал в его ушах.

– «Акулья гора»!

И это было все, что было так строго засекречено в сообщении маршала Гремина.

53

В этом была какая-то чудовищная нелепость. Получалось, что учитель Трускальд заложил в память маршала, а тот передал четверым офицерам название детской песенки. Стас никак не мог это принять, и потому раскрытие его ключа не приносило ему радости.

В подавленном состоянии он вернулся домой, стал расследовать новые факты в сети, для чего нашел эту детскую песенку и даже проштудировал ее текст. Песенка эта относилась к детским годам самого маршала, и нести секретную информацию никак не могла. Зачем надо было так строго ее секретить?

Вечерний визит Ланго последовал совсем некстати, потому что Стас понимал, что должен сказать ему о своем нечаянном открытии, но испугался и смолчал. Ланго был как всегда предельно вежлив и обходителен, но в его поведении тоже чувствовалось напряжение, и Стас с нетерпением ждал, когда они останутся наедине.

Когда наконец Ланго удалось отправить Агату по какому-то делу, Стас спросил прямо:

– Что случилось, Ланго?

– Что произошло в Африке? – спросил тот.

– Да ничего серьезного, – отвечал Стас. – Местные религиозные разборки. Кстати, основой распри является легенда о рептилиде, который принял крещение!

Ланго посмотрел на него внимательно.

– Вы полагаете, это Трускальд?

– Я не строю предположений, – сказал Стас. – Но все идет к этому. Представьте, они боготворят его тапочки и четки.

– Четки?

– Молитвенные бусы, – пояснил Стас. – Во всяком случае, напряжение в районе только растет. Странно, что вы не вмешиваетесь!

– А мы должны вмешаться?

– Но вы же сами рассказывали, что это оскорбление вашей культурной базы!

– И как по-вашему, мы должны вмешаться?

– Я не знаю, – пожал плечами Стас. – Но если это для вас оскорбление, то ваша реакция должна была бы быть резкой и адекватной. А вы позволили этой легенде не только возникнуть, но и окрепнуть. Разве вы не чувствуете в этом проблемы?

Ланго поднялся, и прошел по комнате к широкому окну.

– Я вам скажу, что сказано в хрониках, – сказал он, глядя в окно. – Там утверждается, что Земля была обнаружена розыскной экспедицией лет сто я лишним назад.

– Все-таки, сто с лишним лет! – обрадовался Стас.

– Учитель Трускальд руководил всей системой розыска, но показания Земли его чем-то привлекли. Он перебрался сюда и провел здесь три десятка лет. Первые контакты были организованы под его руководством. Потом начались переговоры на Луне, в ходе которых он скончался. Тот могильный постамент, который стоит на Луне, является только памятником, а его тело было отправлено на Болото и похоронено согласно нашим обрядам.

– Но вы сами говорили, что там лежит тело рептилида!

– Эта мумия входит в комплекс памятника, – отвечал Ланго.

– Как это? – стал даже откинулся на спинку кресла. – Они убили кого-то из рептилидов, чтобы таким образом оставить память учителю.

– Это не рептилид, – сказал Ланго. – Это крокодил из Африки. Кажется, именно земные делегаты на переговорах настояли на этом.

Стас кивнул.

– Что за хроники вы сейчас цитируете?

– Хроники Предвестника, – сказал Ланго. – Жизнь каждого Предвестника фиксируется чуть ли не каждодневно. Конечно, это информация совершено закрытая, но мне удалось ей воспользоваться благодаря разрешению Цингали. И теперь я с ужасом думаю, как отреагирует Цингали когда узнает, что я рылся в архиве Предвестников.

– Это запрещено?

– Это строжайше запрещено, – вздохнул Ланго. – Но я должен был знать правду.

– И вы уверены, что это правда?

– Там не может быть неправды, – покачал головой Ланго. – Это архив Предвестников!

– И представьте себе, что он на самом деле принял крещение, – сказал Стас. – Он таким образом открыл путь рептилидам в земную культуру. Как должны были отреагировать на это ваши высшие руководители?

Ланго засопел, едва не фыркая.

– Вы считаете, что они могли солгать?

– Если они начали войну вопреки мнению Трускальда, то они были обязаны солгать, – уверено сказал Стас. – Теперь они подкинули эту ложь вам, зная, что вы примете это на веру. Им не нужен путь Трускальда, Ланго! И это понятно, потому что жертвовать приходится слишком многим. Ну а вы сами, что вы об этом думаете?

– Я не знаю, – жалобно отвечал Ланго.

Тут, как водится, вернулась Агата, и вечер продолжался в русле светской вечеринки. Но когда Ланго ушел, Агата ухватила Стаса за руку.

– Что происходит? – спросила она. – Он сам не свой!

– А, по-моему, все нормально, – отвечал Стас.

Главного он Ланго так и не сказал. Ожидание расшифровки сообщения маршала больше не требовалось, а поскольку нужной информации Стас так и не получил, то этим самым обрывалась вся нить расследования. Значит результата не будет, и Цингали должен будет уничтожить Стаса и всех его близких, включая и Ланго. Но говорить об этом Стас считал преждевременным. Не потому, что он чего-то еще ждал, но потому, что хотелось пожить.

В субботу с утра Стас был в храме, и пробыл там до самого вечера, отслужив по просьбе отца Глеба всенощное бдение под воскресенье. Больших хлопот это ему не доставило, но удовольствие получил. Он даже на короткое время отвлекся от всех своих неприятностей, чтобы вернуться к ним по возвращению домой. В гостях была Диана, и она с ужасом рассказала о том, что Витаса арестовала служба безопасности за какие-то наркотики.

– Это же такая чушь! – говорила Диана с досадой. – Все знают, что у Витаса всегда можно достать наркоту, и никому в голову не приходило арестовывать его за это.

– И что ты думаешь?

Диана посмотрела на него выразительно.

– Ты с ним знаком? – спросила Агата.

– Немного, – отвечал Стас. – Он помог мне получить сан.

– Я подняла нескольких важняков, – сказала Диана. – Но все будет ясно только завтра. Получается, что Витас кому-то перешел дорогу!

– Надеюсь, тебя это не коснется? – спросила с тревогой Агата.

– Как это может меня коснуться! – нервно воскликнула Диана.

Когда она собралась уезжать, Стас вышел проводить ее.

– Ты думаешь, это как-то связано с моими проблемами? – спросил он.

– Я не знаю, – отвечала Диана. – Но я чувствую приближение каких-то неприятностей.

– Может нам не надо завтра… ехать на природу?

Диана бросила на него быстрый взгляд.

– Наоборот, теперь это просто необходимо.

Когда Стас вернулся в свою комнату, его там ждала Ванда, по обыкновению сидя в кресле с ногами.

– Ты хотела у меня что-то узнать? – спросил Стас.

– Посоветоваться, – вздохнула Ванда.

Стас сел в кресло. Ванда ему нравилась, но глубоко погружаться в ее проблемы оно не считал возможным.

– Что у тебя?

– Я кажется влюбилась, – сказала Ванда. – Или меня просто водят за нос.

– Объяснись, – потребовал Стас.

– Адам, он ведь никуда не делся, – стала рассказывать она. – И, как он обещал, он познакомил меня с крутым парнишкой.

– Когда это он успел? – качнул головой Стас.

– Ну, на продленке контроль за нами не такой уж сильный, всегда можно отвалить по делам. Адам привел его дня три назад, симпатичный юноша, высокий, стройный, блондин.

– И ты влюбилась?

– Я не знаю, – отвечала она чуть раздраженно. – Он уж очень прямолинейно нацелен на постельные отношения, он любит в этом деле преодоление препятствий. Просто сексуальный экстремал! Вчера он едва не поимел меня в коридоре школы, я опомниться не успела! Хорошо, там появилась группа девчонок!..

– Если хочешь, я могу вмешаться, – сказал Стас, не очень представляя, как он это сможет устроить.

– Вообще-то я и сама могла ему врезать и отшить. Нас обучали уличному насилию, и у меня были прекрасные оценки. Но понимаешь, я ведь сдалась ему без слов!..

Стас вздохнул. Эту тему он считал для себя запретной, и нырять в нее никак не хотел.

– Ты обращаешься к человеку, который настроен крайне консервативно, – предупредил он. – Если ты хочешь моего совета, то должна иметь это в виду. Я лично не считаю это возможным, и советую применить твои познания по уличному насилию. Но ты воспитывалась совсем в другом духе, вокруг тебя девицы, для которых эти вопросы притягательны, и твои побуждения предельно далеки от моих установок.

– Поэтому я к тебе и обращаюсь, – сказала Ванда. – Я прекрасно понимаю, что я инфантильная дура, что в этих вопросах я себя не контролирую, и мне бы хотелось услышать от тебя резкую отповедь. Иначе в понедельник я просто сбегу с уроков, потому что он меня позовет.

Стас засопел.

– Тебя просто заказали, – сказал он. – Этот подонок Адам явно нацелен влезть в семью, и ты для него просто заветная дверца. Легче всего вас поймать на естественных влечениях, и твой экстремал для этого и существует. Когда он тебя бросит, ты ведь пойдешь плакаться к Адаму, ведь так?

Ванда нахмурилась.

– Почему ты думаешь, что я буду плакаться?

– Ну, не обязательно ты будешь плакаться, но настроение твое будет испорчено надолго. А поскольку именно Адам вас познакомил, значит с ним ты и будешь все это мусолить.

Ванда шмыгнула носом.

– Ты не говоришь о главном, – сказала она. – Почему это плохо? Почему я не могу попробовать это с экстремалом, если это представляется мне таким интересным.

Стас развел руками.

– Я не могу тебе этого запрещать, – сказал он. – Но ты разговариваешь с человеком, который никогда этим не занимался, хотя нельзя сказать, что никогда не хотел. Я взял себе за модель Евангелие, любовь к людям, где сексуальные отношения утягивают в глубины инстинктов, уводя с главного направления пути. Я преодолевал в себе свои желания, потому что решил

все силы обратить на дела любви христианской. Я не могу требовать от тебя того же, потому что ты далека от христианских идеалов, но я искренне советую тебя ориентироваться на высшие достижения духа.

Ванда затрясла головой.

– Я ничего не поняла, – сказала она с досадой.

– Я не смогу тебе передать это в двух словах, – сказал Стас. – Просто есть служение телу, и всем его потребностям, а есть служение духу, где потребности тела отходят на второй план. При этом тело все же сопротивляется и требует своего, и приходится с ним бороться.

Ванда вздохнула.

– Ты такой умный, Стас, – сказала она. – Скажи просто, мне позволить моему экстремалу мною попользоваться, или послать его подальше?

– Послать подальше, – сказал Стас.

Ванда в сомнении качнула головой.

– Я тебя послушаю, – сказала она. – Но если что…

Она не договорила, вскочила с кресла и вышла.

А Стас неторопливо осенил себя крестным знамением.

54

По окончанию воскресной литургии, которую отец Глеб доверил совершить Стасу, тот чувствовал себя на волне вдохновения, и придавившее его в последнее время уныние отступило. Он с удовольствием разделил трапезу с церковными активистами, и даже остался, чтобы провести личные беседы с желающими. Одним из желающих оказался муж Светланы, который был полон решимости дать отпор консервативным аргументам Стаса, но тот так провел беседу, что мужчина всерьез задумался. Во всяком случае Светлана была просто счастлива.

Домой Стас вернулся после трех, и его уже ждали для поездки за город. Помня о том, что его ждет в той поездке, Стас опять приуныл, но отказываться было невозможно. Они выехали на то самое озеро, купаться в котором было холодно, и потому занялись играми и рыбалкой. Диана нашла какой-то старый челн, и повезла Стаса на остров посреди озера, лукаво подмигнув при этом Агате.

– Мама, она его охмуряет? – спросила Ванда встревожено.

– Не говори глупости, – не очень уверено отвечала Агата.

Как и ожидалось, на острове они нашли еще одного рыбака, генерала Анри Десконье. Причем генерал так увлекся рыбалкой, что не сразу начал разговор. Диана оставила их, и отошла на другую сторону острова, чтобы не мешать.

– Так вы хотели меня видеть? – спросил Десконье.

– Да, – отвечал Стас. – Я узнал, что вы посещали базу «Балхаш». Мне было важно выяснить, что там искал маршал?

Десконье скривился.

– Майора Эскина. Маршал питал относительно его совершено неоправданные надежды. Он пытался расшифровать программу флешкарты, что была у маршала. И что?

– Что?

– А ничего, – вздохнул Десконье. – Не было там никаких секретов.

– Вы тоже заняты проблемой выявления секретной информации? – спросил Стас.

Десконье достал фляжку, открутил крышку и отпил глоток.

– А вы знаете, о чем речь?

– Знаю, – сказал Стас.

Десконье посмотрел на него вопросительно.

– Откуда? Ах, наверное Неделин! Конечно, разве генерал Хануиль может хранить секреты?

– Что с Неделиным?

– Боюсь, обрадовать вас нечем. Он в руках у Цингали, и вы можете себе представить, о чем они беседуют.

– Веритиан, да? – спросил Стас.

– Да, – кивнул Десконье и отпил еще глоток. – Так все надоело!.. Вот бы поставить себе домик прямо здесь, на острове, и остаться навсегда. Рыбалка, это чарующее занятие.

Стас посмотрел на поплавок.

– У мня клюет, – сказал он.

– Где? – спохватился Десконье. – О чем вы?

– У меня сработал механизм расшифровки сигнала, – сказал Стас.

Десконье медленно закручивал пробку фляжки, не поднимая головы.

– И? – спросил он.

– Глупость какая-то, – сказал Стас. – Акулья гора!

Десконье в досаде сплюнул.

– Я так и знал, – сказал он. – У меня эта гора уже в печенках сидит!

– Вы знали?…

– Знал, – отвечал Десконье. – Я только надеялся, что ваша часть информации даст что-то новое.

– Откуда вы знали про Акулью гору?

– Мы раскрутили вашего доктора Хаустова, – сказал Десконье.

– Он отреагировал на детскую песенку?

– При чем тут песенка? Он отреагировал на запах. А вы, значит, включились при звуках этой дурацкой песенки?

– Да. Какой запах? При чем запах?

– У него ключевым был запах, – сказал Десконье.

– А мне вы этот запах давали?

– Давали, – махнул рукой Десконье. – Это был запах духов Дианы в день вашего знакомства. На запах вы не отреагировали.

Стас невольно почесал лоб.

– Конечно! – сказал он. – Когда маршал заряжал нас этой информацией, я страдал от насморка. Но все же, что это за песенка?

– Песенка тут вовсе не при чем, – устало отозвался Десконье. – И это значит, что вы свое отыграли, приятель. Когда это дойдет выше, вас уничтожат.

– Но вы знаете про песенку?

– Еще бы, мы ведь пятнадцать лет уже ломаем голову! Акулья гора, если хотите знать, это название той точки на карте Луны, где похоронен Трускальд.

Стас склонил голову.

– И вы там все перерыли?

– До песчинки, – сказал Десконье. – Мы эту мумию располосовали по всем направлениям. Ничего!..

Он вздохнул, и опять потянулся к фляжке.

– А песенка откуда?

– Песенку мы тоже пропустили через все мыслимые фильтры, – усмехнулся Десконье. – Искали смысл даже в тексте, хотя сама песенка была написана задолго до нашествия рептилидов. Разбирали ноты, переводили ее на все языки… Ничего!

Стас покачал головой.

– Но я ясно слышал голос маршала, он произнес это четко и ясно: «Акулья гора»!

– Значит вы второй, кто это услышал, – усмехнулся Десконье. – Первым был доктор Хаустов. Правда с ним решили не останавливаться, и он умер уже во время пыток.

Стас поднял голову.

– Вы участвовали в этом?

– Вы мне еще обвинение предъявите, – хмыкнул Десконье. – Вы думаете, вы один пойдет на завтрак Цингали? Боюсь, в качестве десерта там буду и я.

– Но может кто-то из близких помощников Трускальда мог бы прояснить, что он имел в виду?

– Наверное, мог бы, – согласился Десконье. – Но их всех так быстро ликвидировали, что слова не дали сказать.

– Кто?

– Бдительные почитатели памяти Трускальда, – отвечал Десконье. – Цингали был в их числе. Он тогда был еще на вторых ролях, но уже старался выбраться.

– А вы где тогда были?

– Я вообще к этой истории не причастен, – сказал Десконье. – Я включился в дело уже в ходе войны, под руководством маршала. Но когда тот рассказал мне, что нам светит в случае овладения Веритианом, я сразу же перешел на его сторону.

– Вы воевали против своих?

– Поди разбери, кто там свои, кто – чужие? Если хотите знать, мы воевали серьезно, вспомните хотя бы диверсию против орбитальной базы! Рептилиды были в панике! Но маршал знал об исчезновении Веритиана, и потому ничего не боялся. Если честно, можно сказать, что раса рептилидов уже на финише своей истории. Без Веритиана они просто не выживут. Но об этом знают только несколько высших фенцеров, ну еще может Хануиль.

– Я слышал, они протянут еще лет двести.

– Что такое двести лет для цивилизации? Мгновение.

Он опять отпил глоток своего напитка.

– Собственно, чего мы радуемся, – сказал он. – Мы-то сгинем еще раньше. Уверен, что у старика Цингали уже заготовлен список жертв.

– Он грозил перебить всю мою семью, – вспомнил Стас.

– И он это сделает, – кивнул Десконье. – Эти рептилиды совсем без чувства юмора.

– Что мне делать?

Он покосился на Стаса удивленно.

– Что делать? Да ничего не делать! Жизнь, это борьба, и в этой борьбе кто-то выигрывает, а кто-то проигрывает. Стал бы я раскрывать вам всю подноготную, если бы не ужас наступающего конца. А ведь я был уверен, что именно вы, последний из четверки маршала, обязательно дадите нам шанс!

– Извините, – буркнул Стас.

Десконье фыркнул, быстро закручивая пробку фляжки.

– Действительно клюет, – сказал он весело.

Он вытянул удочку, и на крючке оказалась мелкая рыбешка.

– Ну вот, стоило стараться, – генерал бросил удочку на берег. – А смотрите, как все сходится! Вы говорили, у вас клюет, и в результате вышел пшик. Как и здесь!

Диана подошла к ним, заметив:

– Вы тут не заболтались? Мне страшно представить, что подумает Ванда о нашем здесь пребывании!

– Мы закончили, – сказал Десконье.

– Надеюсь, встреча была конструктивной?

– Предельно конструктивной, – кивнул насмешливо Десконье. – Наш лейтенант нашел способ быстрой самореализации.

Диана вопросительно повернулась к Стасу.

– Что это значит?

– Генерал шутит, – сказал Стас. – Но мы нашли общий язык, и согласовали наши позиции.

– Мне придется докладывать руководству, – сказала Диана. – Хотелось бы какие-нибудь наметки.

– Скажи, все было замечательно, – мрачно сказал Десконье.

Диана подошла к нему ближе.

– Анри, ты выглядишь покойником, – сказала она. – Он не оправдал твоих надежд, да?

– Вроде того, – сказал Стас.

– Ладно, – сказал Десконье. – Заканчиваем любезности. Мне приятно, ребята, что именно вы провожаете меня. Если бы в мире было побольше таких друзей, я бы ни за что не стал бы…

– Не стал бы – что? – спросила Диана строго.

– Не стал бы участвовать в наших Новогодних вечеринках, – сказал он с натянутой улыбкой. – На них рептилиды угощают нас мясом поверженных врагов. Это такая мерзость…

– Что за гадости ты выдумываешь? – скривилась Диана.

– Все, – сказал Десконье. – Напишешь в докладе, что я был в депрессии. На Новый год они наметили сожрать меня.

– Я не буду про это писать, – сказала Диана решительно. – А ты просто пьян.

Десконье только махнул ей рукой.

– Пошли, – сказал Стас.

Диана помялась, но склонила голову и пошла за Стасом.

– Я еще никогда не видела его таким, – сказала она.

– Дела обстоят неважно, – сказал Стас. – Не бери в голову.

Десконье проводил их взглядом, достал свою фляжку, открутил пробку и стал выливать свой напиток на траву под ногами.

55

Возвращались они в самом игривом настроении, потому что Агата с Вандой были уверены, что Стас пал под чарами Дианы. У самого Стаса настроения спорить не было, и он угрюмо молчал, зато Диана взялась подыгрывать им, томно вздыхая и позволяя себе самые двусмысленные намеки. Особенно радостно реагировала на это Ванда.

Когда Диану завезли домой, Стас взмолился:

– Скажи им, что ничего не было! Они ведь изведут меня своими насмешками!

– Милый, я не могу отрицать факты, – отвечала та насмешливо. – И я надеюсь, мы это повторим в ближайшее время.

Агата рассмеялась, а Ванда еще и зааплодировала.

Время было уже позднее, они едва успели поужинать, и разошлись по комнатам на сон. Когда спустя некоторое время к Стасу зашла Агата, он воспринял это настороженно.

– Будешь доставать меня намеками? – спросил он агрессивно.

– Нет, – сказала она. – Я насчет Ванды. Она с тобой говорила?

– Про своего потенциального любовника? Да, говорила. Я против.

– А я сомневаюсь, – вздохнула Агата. – Она итак отстает в развитии от своих сверстниц, надо ли нам так упираться?

– Надо, – сказал Стас. – Все дело в том, что это организовал твой Адам. Он хочет снова влезть в твою семью, и судя по тому, с какой последовательностью он это делает, ясно, что его направляют сюда какие-то силовые структуры.

– Да у него просто нет шансов!

– Да? А если он станет единственным конфидентом твоей дочери после того, как рухнут ее мечты о сладкой и вечной любви?

Агата посмотрела на него испуганно. Стас подумал, что она боится совсем не того, чего бы следовало. И в этом смысле им просто не о чем было спорить.

– Ладно, – сказал он. – Поступай, как знаешь. Свое мнение я донес, так что выводы делайте сами.

– Я хочу ей позволить свидание, – сказала Агата не очень уверенно.

Стас пожал плечами.

– Я думаю, ее первый опыт будет определять все дальнейшее, – пояснила Агата.

– Я умываю руки, – сказал Стас.

– Но я все же надеюсь на твою поддержку, если что, – напомнила Агата.

– Во всем остальном – сколько угодно, – отвечал Стас.

Она улыбнулась ему, поцеловала в щеку и вышла.

Раздосадованный Стас не сразу смог заснуть, и долго еще перебирал аргументы против внезапного порыва Ванды.

Когда ночью он вдруг проснулся, то чувство тревоги, знакомое ему еще по лагерным временам, заставило его напрячься. Он сразу почувствовал какой-то запах, не свойственный его комнате, и громко спросил:

– Кто здесь?

– Не пугайтесь. Стас, – услышал он характерный голос Ланго. – Это я!

Стас включил ночник, и увидел Ланго, стоявшего в углу комнаты.

– Ланго! – воскликнул он. – Что вы здесь делаете?

– Это очень важно, – сказал Ланго.

– Как вы здесь оказались? – спросил Стас. – Без охраны!..

– Это голограмма, – сказал Ланго. – Вроде того, как перед вами являлся Цингали.

Странный запах, который уловил Стас, был запахом электромагнитного поля.

– Понимаю, – сказал Стас ошеломленно. – Так что случилось?

– Это полный облом, Стас, – сказал Ланго. – Все рухнуло, и над нами возникла смертельная опасность.

– Что рухнуло?

– Генерал Десконье покончил собой, – сказал Ланго.

– Не может быть! Я виделся с ним только сегодня днем!

– Да, его нашли в нашем районе, на каком-то заброшенном острове. Стало известно, что ваше воспоминание оказалось ложным, и Цингали распорядился вас немедленно схватить.

– О, Господи, – пробормотал Стас.

– Он поставил ультиматум вашему Председателю Учредительного комитета, чтобы никто из землян не смел в это больше вмешиваться.

– И вы знаете, в чем дело?

– В чем дело? – не понял Ланго.

– Веритиан, – сказал Стас. – Та штука, с помощью которой вы выходите на Создателей. Желая остановить войну, учитель Трускальд похитил его, и теперь никто не знает, где она.

– Ихлемарунга? – спросил Ланго потрясенно.

– Веритиан, – сказал Стас. – Его назвали по земному именно так.

– Но это невозможно! Без этого не осуществима связь с Создателями, без этого мы остаемся беспомощными…

– Однако вам хватило запаса чтобы победить нас в войне, – заметил Стас. – Говорят, что вам еще хватит ресурсов на двести лет развития. Потом, да – финиш.

– Поэтому они так пристально исследуют вашу культуру, – понял Ланго.

– Да, – сказал Стас. – И в этом смысле учитель Трускальд оставил вам яркий пример восприятия земной культуры рептилидом. Путь к нашей культуре лежит через религию.

– Я сам об этом думаю, – кивнул Ланго. – Но сейчас нам думать не об этом. Вам надо бежать!

– Куда, – усмехнулся Стас. – Вся планета просвечивается вашими контрольными наблюдателями.

– Да, да, – нетерпеливо согласился Ланго. – Но вы должны знать, что ваши силовые структуры давно научились обходить все контрольные замеры. Я оставил для вас карточку, по которой вы сможете свободно регистрироваться без опасности быть узнанным. И еще тут финансовая карточка, тоже нераспознаваемая. Вы должны немедленно исчезнуть, понимаете?

– Но ведь тогда все равно пострадают и Агата, и Ванда…

– Нет! Пока вас не поймали, сохраняется возможность раскрытия секрета. Их не тронут, пока вы свободны, понимаете?

Стас кивнул.

– А вы?

Ланго промолчал.

– Знаете, – отметил Стас, уже торопливо надевая майку. – Мне кажется, вы настолько углубились в земную культуру, что уже становитесь человеком.

– Спасибо, – грустно отвечал Ланго. – Это всегда было моей мечтой.

– Выключайтесь, – сказал Стас. – Вы уже достаточно поучаствовали в моей судьбе.

– Прощайте, Стас!

– Удачи вам, Ланго!

Он махнул лапой, и растаял в воздухе.

Стас вышел из дома, совершено не представляя, куда ему деваться. Был соблазн взять машину, но с машиной его бы выявили достаточно быстро. Отойдя подальше от дома, он вызвал такси.

Таксист прежде всего зарегистрировал его финансовую карточку, и Стас ждал итога, затаив дыхание.

– Куда едем? – спросил таксист.

Стас кашлянул.

– В Липецк, – сказал он. – И быстро!

Липецк был региональным центром, там были вокзалы, и оттуда уже можно было двинуться в самые разные стороны. Только какую сторону выбрать, он даже не представлял. Ланго посоветовал ему запрятаться, но где на этой планете можно было запрятаться?

Решение пришло, когда он глянул на табло в аэропорту. Там было много разных названий, но в глаза Стасу бросился Египет, крупный туристический центр, где затеряться было достаточно легко. Он немедленно пошел покупать билет на Египет, и потом еще почти три часа ждал вылета. Самолет, который летал на этой трассе, был произведен уже на новых заводах, где попросту копировалась нужная техника, и потому эта техника выглядела устарелой. Во всяком случае, полет прошел нормально и вскоре они сели в Каире, откуда в сторону Гизы отправлялись регулярные автобусы.

Здесь Стаса ждало первое испытание, потому что при посадке на автобус на него обратили внимание полицейские и попросили отойти в сторону для проверки документов. Стас совсем обмер, ожидая немедленного ареста, и когда полицейский с извинением вернул ему карточку, он не сразу сообразил, что выкрутился. Уже через час он был в Гизе, где над горизонтом нависали пирамиды, блестя на солнце, и устроился в небольшом отеле. Народу здесь и в самом деле было много, и это Стаса вполне устраивало, хотя за все время своего бегства он даже не успел подумать, куда собственно он бежит. Его друзья в Верейске помочь ему уже не могли, отпали варианты Неделина и генерала Десконье, и в этом мире больше не осталось никого, к кому бы он мог обратиться за помощью. Можно было подумать о необитаемом острове в Тихом океане, но эту авантюрную идею Стас мог рассматривать только в шутку.

Выспавшись в отеле днем, вечером он вышел поужинать и погулять. Несмотря на общую депрессию, он немного взбодрился в атмосфере туристического азарта, и в ресторане даже познакомился с компанией туристов из Южной Африки. Туристы жаловались на обилие народа и отсутствие расовых проблем, о которых много говорили их друзья, путешествовавшие в Европе. Они считали Египет частью Европы.

– А мы видим, здесь немало черных, – говорил южанин. – И никакого расизма!

– Я не ставил целью высмотреть расизм, – отвечал ему Стас. – Хотя сам живу именно в Европе.

– Вы должны понять, – сказала ему доверительно жена туриста. – Это стало формой национального самоутверждения. Не принимайте это серьезно. Разговоры о расизме европейцев, это как бы мода на юге континента.

– Потому что в центре континента царит религиозное сумасшествие, – тоже вставил турист-муж. – Это по понятным причинам не афишируется, но в Конго опять были какие-то взрывы, погибли люди.

Стас кивнул.

– Да, я бывал там недавно, – сказал он и прикусил язык.

Не было никакой необходимости вспоминать реальное прошлое.

– Это такая дикость, – кивнула жена туриста.

А Стас, вспомнив о своей поездке, мысленно перекинулся на сложные события в той стороне, природа которых было ему столь понятна. Вспомнил несчастного диакона Вадима, и того свидетеля, с кем диакон хотел его познакомить. Кажется, его убили в ту же ночь.

– А вы знаете, что у рептилидов совсем нет религии, – сказал муж.

Он видел в этом вершину цивилизации.

– Было бы правильно ввести и нам обязательный атеизм, – сказала жена.

Стас промолчал. Он подумал, что было бы интересно поговорить с этим стариком свидетелем, которого убили. Кому понадобилось его убивать?

– Вы только представьте, – сказала жена. – Они уже и здесь устраивают какие-то религиозные шествия!

– Это реставрации, – сказал муж. – Точное воспроизведение религиозных шествий Древнего Египта.

– Это правда, что египтяне были неопределенной расы? Тогда почему их везде рисуют белыми?

Стас рассеянно кивнул. Кажется диакон Вадим даже называл этот поселок, где подвизался Трускальд. Как же он назывался?…

– Рекомендуем вам посетить Эль-Амарну, – сказала еще жена. – Представляете, они там все восстановили! Это просто удивительно!..

Стас вдруг почувствовал неожиданное волнение, вспоминая название деревни. А когда вспомнил, что невольно обомлел.

– Что с вами? – спросил турист обеспокоенно.

– Все в порядке, – кивнул Стас. – Я тут вдруг вспомнил… Извините.

Он поднялся и торопливо вышел на улицу. Толпы народу на освещенных улицах, музыка, разговоры вокруг его уже не отвлекали. Он вспомнил название деревни. Диакон произнес это достаточно четко: Аколе Гхора.

Что вполне можно было услышать, как Акулья Гора.

56

Добраться в Киншасу было сложнее, чем в Каир, его несколько раз проверяли военные и полицейские, но волшебная карточка Ланго действовала безотказно. Наконец утром вторника он оказался в Киншасе, и первым делом отправился в православный собор. Служили здесь на французском, которого Стас не знал, но угадывал по смыслу песнопения, снова находя их очень своеобразными. Каково же было его удивление, когда он увидел диакона Вадима произносившего ектенью. Было приятно, что тому удалось выбраться, и Стас стал с нетерпением ожидать его после службы.

Когда диакон Вадим уже шел к выходу, Стас его окликнул. Тот недовольно посмотрел в его сторону, и вдруг испуганно отпрыгнул.

– Что с вами? – удивился Стас. – Вы меня не помните?

– Прекрасно помню, – отвечал тот, все еще испуганно. – Мне сказали, что вы меня спровоцировали!

– Куда я вас спровоцировал? – скривился Стас. – Спокойно, приятель! Если уж вспоминать все, то это вы меня вовлекли в эту историю. Все обошлось?

Диакон осторожно посмотрел по сторонам.

– Меня выпустили после того, как я написал на вас жалобу. Странно, что они вас не арестовали! Вы меня извините, но они меня били!

– И что, меня посчитали убийцей вашего старца?

Диакон понуро кивнул.

– Я понимаю, что это глупо, – сказал он. – Но ведь дело все равно расследовать не стали. Извините…

– Ладно, – махнул рукой Стас. – Я к вам по другому вопросу. Напомните мне, как называлась та деревня, откуда был родом убитый?

– Аколе Гхора, – сказал диакон. – Вы все же продолжаете поиски?

– Как туда добраться? – спросил Стас.

– Там уже ничего нет, – сказал диакон. – Специальный отряд десантников выжег всю деревню.

– И все же? – спросил Стас.

Диакон скривился.

– Как вы туда доберетесь? – спросил он. – Это же джунгли! Непроходимые заросли!

– Это же деревня, – напомнил Стас. – Наверное, какие-то дороги сохранились.

Диакон посмотрел на него пытливо.

– Деньги у вас есть? – спросил он вдруг.

– Зачем деньги?

– Мой старый друг гоняет вертолет по заказу самых разных экспедиций. За полторы тысячи он доставит вас туда и обратно. А за две тысячи еще будет об этом молчать.

Две тысячи у Стаса оставались. У него оставалось больше, но усердствовать с тратами средств он не спешил.

– Договаривайтесь с ним, – сказал Стас. – Скажем, прогулка в джунгли.

– А меня возьмете? – спросил диакон с разгорающимся интересом.

– За те же деньги? Да нет проблем!

Диакон расцвел.

– У меня завтра как раз свободный день. Летим?

– Договорились, – кивнул Стас. – Встречаемся у собора?

– Лучше давайте ваш адрес, – сказал диакон. – Я подъеду на машине.

Весь последующий день Стас провел в своем гостиничном номере, нервно ожидая ареста. Он в этом деле пошел на действительно большой риск, и на протяжении всего дня не уставал корить себя за доверчивость. Когда улегся спать, то продолжал нервничать, вскакивая на каждый шорох, и потому совершенно не выспался. На завтрак он спустился, уже готовый к вылету, и диакон Вадим нашел его в ресторане.

– Все готово, – сказал он. – Нам бы следовало прихватить с собой еды, потому что путешествие займет весь день.

Стас предложил ему собрать еду в дорогу, и потом сам оплатил все со своей карточки. Диакон на своей машине отвез их к аэродрому на окраине города, и там их действительно ждал частный вертолет. Спустя еще полчаса они уже летели.

Пилот говорил на английском, также как и на родных языках, но в разговоре с диаконом он то и дело переходил на французский, и Стас подозревал, что они обсуждают его. Если бы не диаконский сан Вадима, Стас вполне мог бы предположить, что они придумывают способ ограбления. Летели долго, так что Стас даже задремал, и очнулся он, когда диакон стал дергать его за руку. Внизу были джунгли, и рассмотреть там признаки старой деревни было практически невозможно. Пилот с трудом нашел какую-то поляну, и посадил вертолет.

– В общем так, – сказал он на английском. – Жду вас не больше двух часов. Мне здесь как-то не по себе.

– Не наглей, – сказал ему диакон. – Мы оплатили тебе рабочий день, так что жди, пока мы не придем.

Деревню они нашли довольно быстро, ориентируясь на протекающую рядом реку. Дома были разрушены, со следами пожара, и поначалу казалось, что эта поездка результата не принесет. Но когда они нашли останки монашеского скита, где согласно легенде и крестился Трускальд, стало ясно, что потерей времени это не станет. Потому что внутри часовни, что стояла там, были явно заметны следы недавнего посещения. Здесь было и убрано, и иконы висели на стене, и даже огарки свечей остались в подсвечниках.

– Поразительно, – воскликнул Вадим. – Здесь есть люди!

– Причем, они были тут недавно, – отметил Стас. – И они молились!

– Но кто это может быть?

– Сам бы хотел знать, – сказал Стас.

Они бережно перебирали предметы на своеобразном алтаре, чьи-то четки, часть епитрахили, поручи.

– Хорошо, что ваши искатели редкостей сюда не добрались, – заметил Стас.

– Это ведь не вещи Первосвященника, – возразил наивный Вадим.

– А поди разбери, – усмехнулся Стас.

Диакон предложил отслужить панихиду по погибшим, но Стас напомнил, что их еще никто не отпевал, и они отслужили службу погребения. Стас произносил молитвы и возгласы на церковно-славянском, а диакон читал ектеньи на французском. Получилось славно, и они сели перекусить в добром настроении.

– Вряд ли сюда кто придет, – заметил диакон. – Я думаю, это здесь молились в воскресенье, значит до следующего воскресения здесь никого не будет.

– Почему же, – сказал Стас. – Если ночью зажечь костер, то кто-нибудь точно заметит и придет.

Диакон посмотрел на него изумленно.

– Вы хотите сказать, что останетесь здесь на ночь?

Стас улыбнулся.

– Надо, – сказал он. – Есть у меня тут незаконченное дело.

– Вы понимаете, где вы находитесь? – спросил диакон испуганно. – Это дикие джунгли, даже если вы попросите о помощи, к вам явятся не меньше, чем через десять часов! Уж на что

я обитатель здешних мест, но и я не пытаюсь так рисковать! Змеи, хищники, насекомые… Я не говорю о крокодилах, которых здесь кишмя кишит! Не вздумайте подходить к реке!..

– Значит вы оставите мне все припасы, и всю воду, – сказал Стас. – Вернетесь ориентировочно через неделю.

– Как мы вернемся? Все деньги у вас!

Стас немедленно протянул ему свою карточку. Диакон совсем обалдел.

– Что вы делаете? Это же ваша карточка, на меня она не сработает!

– Сработает, – сказал уверенно Стас. – Только не пытайтесь переплатить пилоту, на это могут обратить внимание.

– Но наших припасов не хватит и на два дня! Как вы тут выживите неделю?

– Выживу, – махнул рукой Стас.

Диакон покачал головой.

– Я считал вас изнеженным белым человеком, – сказал он. – А вы вроде как крутняк!

– Я не крутняк, – сказал Стас. – Просто выбор у меня небольшой.

Они вместе вернулись к вертолету, где пилот уже отстреливался от каких-то змей, и Стас забрал все припасы.

– Он сумасшедший? – спросил пилот на английском.

– Белый человек, – махнул рукой Вадим. – Причем я уверен, что он останется в живых. Мы бы с тобой точно загнулись!..

Вертолет улетел, а Стас собрал все вещи и двинулся к скиту. Он прекрасно понимал весь риск пребывания в диких джунглях, но у него действительно не оставалось выбора. К тому же тайна Акульей Горы манила его жестоким соблазном.

У него была палатка, какая-то химия для того, чтобы отгонять опасных зверей и насекомых, и кое-что из еды. Первым делом он стал располагаться около скита, разжег костер, и стал пристально изучать останки прежних подвижников. Судя по всему, их тут было несколько человек, Стас насчитал только шесть останков хижин, не считая часовни, где они собирались на молитву. Среди икон хорошо сохранилось изображение Богородицы на мраморной доске, хотя следы копоти на ней еще оставались. Чтобы обрести нужный настрой, Стас принялся читать молебен Богородице, и уже по ходу решил дополнить его чином водоосвящения. Для этого ему пришлось пройти к реке и набрать воды. Он проделал это со всей осторожностью, на которую был способен, и не стал там задерживаться, хотя не увидел ни одного крокодила. Вернувшись в скит, он продолжил молебен и довел его до момента водоосвящения, испытав необыкновенный подъем духа. После этого он уже смело кропил святой водой окрестности, веря в благодатную помощь своей молитвы.

Темнело тут быстро, и Стас едва успел собрать хворост и дрова, чтобы поддерживать костер ночью. На небе высыпали звезды, что только добавило молитвенного благоговения, но ночные звуки явно сбивали с толку. Звуки были резкие, угрожающие, агрессивные, словно его и в самом деле хотели изгнать из этого поселения. Стас добавил дров в костер, и снова пустился в молитву. Звуки вокруг казалось усиливались, причем среди них явно выделялся неприятный гортанно-хриплый вопль, свойственный крокодилам. Именно такой вопль издавали барсифы, когда шли в атаку, и забыть его Стас не мог. Когда что-то неподалеку рухнуло, видимо какая-то постройка, он испуганно вскочил. Пилот оставил ему карабин, но разобрать цель в темноте было невозможно, так что это оружие вносило только психологическую успокоенность. Что-то хрустнуло совсем рядом, и Стас резко повернулся туда с карабином.

Какой-то черный человек вдруг оказался в свете костра, он был старый, сгорбленный, испуганно поднимал руки и что-то бормотал. Стас опустил карабин.

– Сава, – сказал он на том уровне знания французского, каким владел.

Но старик явно не знал французского, зато активно тараторил на своем языке, с прицокиваниями, гортанным звуками и активными жестами. Он явно звал Стаса за собой, при этом

указывая в сторону реки с выражением показательного ужаса. При этом он затаптывал босыми ногами костер, пытался засыпать его землей, и непрестанно бормотал.

Стас позволил ему затушить костер, но включил фонарь. Старик стал звать его за собой, и Стас пошел, полагая, что именно старик и является искомым героем скита. Они пошли по ночным джунглям, причем старик постоянно оглядывался, затихал на мгновение, чтобы прислушаться к тишине, и снова что-то бормотал. Стас подумал, что это его молитва.

Шли они около получаса, причем за время передвижения до них доносились самые разные звуки, вплоть до рева какого-то большого хищника, которые, как известно, именно ночью выходят на охоту. Наконец они оказались в каком-то деревянном доме, стоявшем посреди джунглей, и только там старик стал успокаиваться. Его слова стали медленнее, но его претензии к Стасу явно не убавлялись. По интонациям Стас понял, что старик недоумевает, зачем он сюда приехал.

Стас достал свой наперсный крест, который носил под одеждой, и показал старику. Тот удивлено посмотрел на Стаса, и опять засыпал его вопросами. Стас в ответ просто перекрестился и сказал:

– Ортодокс.

– Ортодокс? – удивленно переспросил старик, но вдруг понял, что хотел сказать ему Стас, и потому чрезвычайно обрадовался. Слово «ортодокс» сразу вышло у него на первое место среди употребляемых.

Покопавшись в своих вещах, он достал старый и потертый потир, и благоговейно протянул его Стасу.

– Ортодокс, – сказал он.

Стас кивнул. Потир не был ценным, это был типовой предмет церковного обихода, но понимая, что он относился к службе погибших монахов, Стас благоговейно взял его в руки и поцеловал. Старик заверещал от восторга.

– Ортодокс! – восклицал он. – Ордотокс!..

После этого Стас начал вычитывать вечернее молитвенное правило, и старик благоговейно стоял рядом, хотя и крестился невпопад. Оставалось только лечь спать и ждать утра, когда все по природе своей должно было проясниться.

57

На утро все началось не с завтрака, а с представления. Старик приложил руку к груди и назвал свое имя – Кифери. При этом он раз пятнадцать поправлял Стаса в произношении, требуя от него, чтобы он букву «ф» произносил с уклоном в «т».

– Давай я буду звать тебя – Простокваша, – предложил Стас в отчаянии.

Зато с его именем проблем не возникло, хотя Кифери и сократил его до простого «Таас». Он еще пытался что-то рассказать Стасу, но осознавая, что тот его не поймет, махнул рукой. Они позавтракали какой-то сомнительной кашей без соли, и пошли к скиту, потому что Кифери был настроен поведать Стасу всю трагическую историю этого поселения. Как ни странно, но система жестов позволила старику передать цепь событий достаточно ясно, тут была и мирная жизнь людей, и подвиги монахов, был еще какой-то эпизод, который старик излагал в большим волнением, но Стас его не понял. Ему ничего не оставалось, как отнести его к легенде о Первосвященнике. Время от времени, указывая в сторону реки, старик издавал звуки, похожие на вопль крокодила, и тем как бы предупреждал Стаса об опасности.

Между разговорами, они занялись уборкой скита и приведением его в надлежащий порядок. Стас обратил внимание, что его палатка оставалась нетронутой, что можно было объяснить порцией химической защиты, и это вдохновило его на подвиг. Вечером, когда Кифери стал звать его уходить в дом, Стас покачал головой, и указал на палатку.

– Я останусь здесь.

Кифери сразу же стал отговаривать его и запугивать, но в конце концов собрался ночевать вместе с ним, хотя и пугался этого чрезвычайно. Ему не хватало молитв Стаса, он теперь сам молился на своем языке перед теми иконами, что оставались там. Наконец наступила ночь, и они затихли.

Стас разжег костер и прошел в скит. Он сам не знал, чего он ждет, но общение с Кифери дало ему понять, что от старика много информации он не получит. А поскольку он пришел сюда за информацией, то следовало предпринять что-то неординарное. Вот он и затеял всенощное бдение в брошенном монашеском скиту. Конечно, ему не хватало текстов богослужения, но основные песнопения он знал наизусть, а стихиры можно было и пропустить. Надо же было с чего-то начинать!

Кифери пришел к нему, когда он уже запел «Свете тихий…», что было только серединой вечерней службы. Кифери был напуган, но звуки молитвенного пения его завораживали, и он даже начал что-то подвывать. Когда дошли до пения «Богородице», Стас уверено возвысил голос, и они ясно услышали хруст ветвей и хрип чужого дыхания.

Кифери взвыл от ужаса, и стал чего-то лопотать, но Стас махнул на него рукой, и начал по памяти читать шестопсалмие. Теперь он почему-то был уверен, что с ними уже ничего не случится. Но Кифери не был в этом уверен в той же мере, и потому заканчивал шестопсалмие Стас уже в одиночестве. Старик тихо сбежал.

Стас не стал посвящать этому отдельной реакции, и запел на шестой глас «Бог Господь явися нам». Шум приближался, даже характерные вопли крокодилов звучали уже почти совсем рядом. А Стас наполнялся каким-то абсурдным восторгом, словно он и в самом деле пришел сюда служить службу для крокодилов. Когда он вместо кафизмы начал читать пятидесятый псалом, в дверь скита влезла крокодилья голова. Это было большое животное, и сунув голову в скит, он грозно захрипел, широко раскрыв пасть. Мало того, сбоку рухнула стена, и туда влез еще один крокодил, тоже угрожающе рыкнув. Стас машинально заканчивал чтение псалма, стараясь не шевелиться. Третий крокодил завалил стену справа, и визгливо пропищал.

«Съедят», – подумал Стас отрешенно.

Вдруг общую суету перекрыл чей-то мощный рык, так что крокодилы застыли. А потом стали отползать назад, оставляя после себя только разрушения. Стас только успел облегченно вздохнуть, как вдруг в дверь вторглась новая крокодилья голова, буквально огромная, просто какое-то чудовище, а не крокодил. Стас замер, потому что все тексты у него мгновенно выветрились из памяти. Крокодил раскрыл пасть, и его зубы показались Стасу ужасными, но шелохнуться у него уже не хватало решимости.

– Зачем ты сюда пришел? – вдруг спросил крокодил.

Голос у него был еще не адаптирован к произношению человеческой речи, и потому звучал хрипло и пискляво.

– Что? – удивлено переспросил Стас.

– Зачем ты здесь?

Стас перевел дыхание.

– Ты ведь не крокодил, – догадался он. – Ты рептилид?

– А ты? – спросил крокодил.

Стас развел руками.

– Я здесь по случаю, – сказал он. – Я православный священник Станислав Бельский, расследую всю эту историю про крещение вашего учителя Трускальда. Заодно решил помолиться на могилах прежних монахов. А ты здесь как?

– Что ты знаешь про Трускальда? – спросил крокодил.

– Я знаю, что ему на Луне поставили памятник, – сказал Стас. – А самого все же похоронили на Болоте по их обычаям. Ты, наверное, сможешь сказать мне определенно, было ли на самом деле совершено крещение?

– Было, – сказал крокодил. – Ты признаешь право рептилидов принимать крещение?

Стас пожал плечами.

– Вопрос, конечно, не простой. Если считать рептилидов животными, то ни о каком крещении нет и речи. Но рептилиды разумные существа, обладают волей и правом выбора, а крещение это и есть выбор. Думаю, это возможно.

– Ты так думаешь? – спросил крокодил. – Или ты просто меня боишься?

– После того, как ты заговорил, я боюсь тебя уже меньше, – заметил Стас. – И потом я так действительно думаю. У меня есть знакомый рептилид, гринбей Ланго, он изучает земную культуру, и сам настроен углубиться в нее до крещения.

– Ланго, – повторил крокодил задумчиво. – Не знаю такого.

– Да, он из молодых, – сказал Стас. – Приехал сюда уже после войны.

– А как закончилась война?

Стас некоторое время молчал.

– Рептилиды победили, – сказал он. – Хотя вернее будет сказать, что победили подлецы. Ведь земляне составляли чуть ли не половину армии рептилидов.

– Даже так!

Стас заговорил увереннее.

– А потом они построили здесь комфортную жизнь, стали поощрять рождение детей, и развели сеть воспитательных центров. А на самом деле половину из младенцев они продают рептилидам, как деликатес.

– И вы с этим миритесь?

– Так ведь вокруг сплошной комфорт, – напомнил Стас. – И основной работой становится воспроизводство детей. Для многих это просто мечта детства.

– А для тебя?

Стас засопел.

– Я воевал против вас, – сказал он. – Потом пятнадцать лет сидел в лагере. Меня не убили только потому, что я был замешан в секретное дело маршала Гремина. Случайно.

– Маршал Гремин жив?

– Нет, был убит в конце войны. Вы его знали?

– Кто же руководит всем?

– Профессор Цингали и генерал Хануиль.

Крокодил удивлено крякнул.

– Я вижу, изменилось многое, – заметил он.

– Но осталась одна заковыка, – сказал Стас. – Это связано именно с тем предметом, который ваш учитель Трускальд изъял из пользования. У нас его зовут Веритиан, у вас как-то еще. Вы об этом знаете?

– А ты откуда об этом знаешь?

– Меня пытали об этом пятнадцать лет, – сказал Стас. – Когда я вышел, нашлись люди, которые ввели меня в курс дела. Я понял, чего так хотел маршал Гремин, когда давал нам свои подсказки. Но, я полагаю, он сам не до конца понимал их суть.

– Как же ты это понял?

– Не знаю, – пожал плечами Стас. – Просто стечение обстоятельств. Никому в голову не пришло сообразить, что речь идет не об Акульей горе, а о поселке Акила Гхора.

– Наверное, в том ключе было заложено некое условие, не позволяющее людям с нечистой совестью воспользоваться ими.

– Но мне подсказка тоже ничего не дала!

– Она дала тебе направление.

– И вы скажете мне, где Веритиан?

– А тебе нужен Веритиан?

Стас вздохнул.

– Конечно, он мне не сильно нужен, – сказал он. – Я знаю, что одни хотели бы получить Веритиан для реванша, восстановить репутацию землян, обновить жизнь. Другие напротив хотели бы укрепить свою власть, довести ее до небесных высот. Ну, а ваши хотели бы просто восстановить статус-кво.

– А на чьей стороне ты?

– Для меня главной проблемой является безопасность моих близких, – объяснил Стас. – У меня там остались сестра и племянница… Ну, и друзья. Тот же Ланго, хотя бы.

– Рептилид тебе друг?

– Ну, вроде бы. Он рисковал жизнью, чтобы спасти меня. Цингали его точно казнит.

– Глупо рассчитывать на Веритиан, – произнес крокодил. – Он был изъят не для того, чтобы совершить реванш, или укрепить власть. Веритиан был изъят окончательно, чтобы рептилиды задумались о смысле жизни. Твой друг Ланго прав, земная культура богата смыслом, хотя нынешние ее носители недостойны ее.

Стас вздохнул и опустил голову.

– Да, – сказал он. – Я согласен. Они с такой готовностью пошли на этот вариант, на гибель детей, что надеяться на их совесть уже не приходится. И большинство населения тоже не сильно ропщет. Я думаю, что если они даже узнают о реальном положении дел, они найдут способ уговорить себя согласится с этим.

– И это ужасно, – согласился крокодил.

– Поэтому я никогда не думал о глобальных переменах, – сказал Стас удрученно. – Мне всегда было достаточно найти свое место и по мере сел служить Господу.

Крокодил раскрыл пасть, и снова сомкнул ее.

– Мне приятно, что такие люди еще сохранились.

– Не преувеличивайте мое значение, – поспешил сказать Стас. – Я не подвижник, я просто православный священник. Со всеми своими слабостями.

– Напомни, как твое имя?

– Станислав Бельский. Друзья называют меня кратко Стасом.

– Если ты священник, значит ты можешь служить литургию?

Стас покачал головой.

– Литургию я смогу служить только с благословения епископа. Но я могу служить молебны, панихиды, требы…

– Уверен, что епископ не будет против, – сказал крокодил. – Я столько лет мечтал о литургии…

Стас кивнул.

– Ладно, если мы найдем здесь все необходимые атрибуты, я сделаю это. Но скажите мне, кто вы? Один из учеников учителя Трускальда?

Крокодил помолчал.

– У Трускальда было много учеников из людей, – сказал он. – Но ни одного из рептилидов. Похоже, твой друг Ланго уже из нового поколения, и мне будет приятно встретиться с ним. Это дает надежду.

– Но кто ж вы? – спросил настойчиво Стас.

– А ты не понял, – произнес крокодил своим писклявым голосом. – Я и есть учитель Трускальд. Добро пожаловать в Акулью Гору, отец Станислав!

58

Когда Цингали вдруг неожиданно собрал на Лунной базе Колониальный совет, это вызвало легкую панику в рядах рептилианского общества. Колониальный совет состоял из семи вождей главных рептилианских племен, и являл собой орган скорее символический, чем работающий. Все прекрасно понимали, что главными силами в колонии были фенцеры в лице Цингали и грулли в лице генерала Хануиля, так что остальные там только присутствовали и поддакивали. Однако время от времени Колониальный совет собирался, чтобы отметить какую-нибудь историческую дату, или утвердить новые планы развития.

Но теперь никто не знал, зачем собирается Колониальный совет, и это вызвало лавину самых разнообразных слухов. Когда в зале собрались все лидеры общин со своими представителями и секретарями, между ними возник самый оживленный обмен мнениями, увлекший всех участников собрания.

Наконец в зале появился Цингали, и все встали, чтобы поприветствовать председателя. Тот на них даже не глянул, прошел на свое место и сел, чтобы следом сели и все остальные. За ним также важно прошествовали его помощники и секретари, и заняли свое место в задних рядах.

– Не мог бы наш председатель рассказать нам, ради чего нас сорвали с мест и притащили сюда? – спросил генерал Хануиль со своей обычной грубоватой прямотой.

– Конечно, мог бы, – отвечал ему Цингали. – Но сегодня главным лицом нашего собрания буду не я, генерал. Потому что созыва собрания потребовал один из работников моей лаборатории, гринбей Ланго.

– И вы стерпели? – недоуменно спросил Хануиль. – Какой-то занюханный гринбей позволяет себе такие выходки?

– Господин генерал, не стоит употреблять такие характеристики в среде членов Колониального совета, – позволил себе высказаться представитель гринбеев, учитель Сальва.

– А в чем там дело? – пробурчал надутый от важности барсиф Хатко.

Барсифов вообще редко приглашали на совещания, и потому они ценили каждый миг такого приглашения.

– Позвольте мне произнести вступительное слово, – произнес Цингали и все затихли.

Он некоторое время выждал, вслушиваясь в тишину, потом заговорил:

– Я должен вас предупредить, что такое наглое и беспрецедентное заявление от советника Ланго имеет под собой основу, о которой не все присутствующие знают. Я полагаю, все собравшиеся хранят почтительную память нашего Предвестника учителя Трускальда. Но мало кто знает, что учитель был противником войны с землянами, и в своей попытке предотвратить неизбежное, он совершил чудовищное преступление, он похитил и спрятал Ихлемарунгу, Ключ к Небу, бесценный и единственный атрибут нашей связи с Создателями.

Это известие всколыхнуло собрание, все зашумели, заговорили, послышались тревожные вопросы и восклицания. Цингали холодно ждал, когда все затихнет, и все затихли.

– Мы не могли известить об этом все сообщество, потому что последствия такой потери трудно переоценить. Все наше развитие строится на мудрых советах Создателей, и учитель таким образом просто взял нас за горло. Именно в такой напряженный момент он умер, унеся секрет Ихлемарунга в могилу. Нельзя сказать, чтобы мы бездействовали, мы проводили все необходимые процессы поиска нашего артефакта, но все было тщетно.

– Скажите, что вы его нашли! – взмолился гринбей Сальва.

Цингали опять выдержал паузу.

– Поскольку потеря Ихлемарунги была смертельна для нашего будущего, мы с самого начала стали искать альтернативные ходы, – продолжал он. – Благо, в культуре землян мы обна-

ружили немалый творческий потенциал, который и предполагали использовать, когда наши ресурсы подойдут к концу. Я хочу сказать вам всем, что мы все же нашли выход из безвыходной ситуации, проявив волю и твердость. Конечно, до разработки окончательного варианта действий нам еще предстоит немало поработать, но ситуация уже не была безысходной. Это я к тому, чем мы занимались все это время. А теперь главное, гринбей Ланго явился ко мне с самым решительным ультиматумом. В другой момент это могло бы меня возмутить, но он привел довод, который перевешивал все. Они нашли Ихлемарунга!

Опять все зашумели, закричали, застонали. Гринбей Сальва победоносно поднял лапу, барсиф Хатко зарычал, а генерал Хануиль стал что-то быстро говорить своему секретарю.

Цингали холодно поднял голову и все затихли.

– Вы еще не поняли? – спросил он надменно. – Гринбей Ланго вовсе не на нашей стороне, господа. И он пришел ко мне с ультиматумом от тех сил, кто нынче владеет нашим Ключом от Неба.

– Что они хотят? – чуть ни в один голос вскричали все.

Цингали улыбнулся и кивнул.

– Вот мы и подошли к главной теме нашего собрания. И я приглашаю на трибуну гринбея Ланго, чтобы он рассказал нам все.

Он кивнул, и стражники грулли ввели в зал Ланго. Тот был в каком-то немыслимом оранжевом костюме, с красным галстуком на шее, и с широким поясом того же цвета. Он не мог сказать почтенным заседателям Колониального совета, что в такой костюм его нарядила Агата, когда вопрос встал об ультиматуме. Сам этот костюм был по сути ультиматумом их вкусам.

– Почтенные братья, – начал Ланго, вызвав легкий шум. – Сейчас я представляю не просто гринбеев, или лабораторию, где я работаю. Сейчас я представляю новое поколение рептилидов, устремленное в будущее. Хочу сразу заявить, что мы ценим и любим культуру своей родины, но считаем это направление тупиковым, и ищем выход в пространстве культуры землян. Значит, я представляю еще и тех землян, кто готовы сотрудничать с нами на основе равноправия и единства.

Он выждал новую волну возмущения. Настроение его было решительное, им овладел азарт перемен, и остановить его было трудно.

– Профессор Цингали обещал мне что он изложит вам ситуацию в том виде, как он сам ее ощущает. Да, мы нашли Ихлемарунга, и мы овладели технологией проникновения в кладовку новых знаний. Однако вы не знаете главного, потому что тем рептилидом, кто сохранял Ключ от Неба все это время, был наш великий учитель Трускальд, который до сих пор жив и ведет нас по избранному им пути.

Волна возмущения поднялась на самый высокий уровень, так что даже Цингали, изумленный не менее других, послал секретаря за напитком, потому что почувствовал, как пересохло в его горле. Барсиф Хатко, хотя и понимал происходящее меньше других, вопил и рвался к действию, словно шел на битву. Гринбей Сальва испугано оглядывался, потому что боялся, что коллеги перенесут свое возмущение на него.

Цингали выпил свой напиток и вдруг громко рявкнул:

– Хватит! Заткнитесь вы, дикари! Чего теперь возмущаться и бесноваться? Они победили, и нам надлежит выслушать условия капитуляции.

– Погодите, – спохватился Хануиль. – Разве не вы только что сказали, что вы нашли выход! Почему же тогда капитуляция?

Цингали посмотрел на него с ненавистью.

– Потому, идиот, что теперь никто из землян в нашу сторону даже не посмотрит! Теперь у них поднимутся такие реваншистские идеи, что нас будут рвать на куски при каждой встрече. Они вспомнят нам все, и энергетические удары, и зверства барсифов, и пытки пленных…

– Минутку, – загремел голос Ланго. – Все не так страшно, господа. Разумеется, от так называемых воспитательных инкубаторов нам придется избавиться, но учтите, что большая часть военных преступлений проведена с прямым участием земных специалистов, который были на нашей стороне. Так что вопрос о реванше перед нами не стоит. Земляне намерены провести ряд реформ, конечно, так что торговля младенцами закроется, но нам остается главное, контакт культур. И именно здесь кроется надежда на наше будущее.

Кто-то уже спешно покидал заседание, восприняв угрозу земного реванша, как реальную, кто-то просто сник и затих. Генерал Хануиль понял, что ему светлое будущее в плане контакта культур не светит, и он отправился срочно эвакуировать свой контингент, пока мстительные земляне не вспомнили, что он является главным героем победы.

Цигали поднялся и подошел к трибуне, где оставался Ланго. Он был в смятении, и не сразу собрался с мыслями.

– Почему учитель Трускальд сам не явился перед нами?

– В его возрасте летать на Луну ради триумфа очень легкомысленно, – отвечал Ланго. – Правда, на случай чего мы приготовили возможность появления его голограммы.

– Я был в числе его учеников, – сказал Цингали.

– И оказались в числе его убийц, – сказал Ланго. – И хотя вы убили двойника из числа земных крокодилов, преступление произошло. Не считая всех остальных.

– Вы сами поставили нас в экстремальные условия, – заявил Цингали.

– Вы смеетесь? – покосился на него Ланго. – Кто кого поставил в условия?

– И вы прекрасно знаете, что мы в этом деле шли на поводу у землян.

– Это будет зачтено, – кивнул Ланго. – Но все же, при всем моем уважении, профессор, я не вижу места для вас в новом процессе культурного контакта.

– Но Ихлемарунга, – вспомнил Цингали. – Вы оставите нам возможность проникать в замыслы Создателей?

– Оставим, – сказал Ланго. – Учитель Трускальд позволил проводить церемонии раз в год с участием фенцеров. Но под контролем земных специалистов, чтобы вы не подались искушению снова напасть на Землю.

Цингали поднял голову и посмотрел ему в глаза.

– И все же я не понимаю, – сказал он. – Что вы, рептилид, нашли в этом ценного? Ведь они вряд ли примут вас по-братски!

– Братские отношения, профессор, – улыбаясь, отвечал Ланго. – Предполагают под собой религиозную основу. А вы, как я помню, всегда чурались религиозных вопросов.

Цингали фыркнул и отошел.

Когда Ланго прошел в ангар, где стояли корабли, на которых прилетели посланники земной колонии, там уже было довольно пусто. Печальный Катрибус сидел у стены, где был пульт управления выпускным шлюзом, и переживал сложные чувства.

– Привет, Катрибус, – обратился к нему Ланго. – Ты готов возвратиться домой?

– Вы уверены господин, что эта база больше никому не понадобится? – спросил тот.

– Разве не ты так страдал от того, что сидишь здесь пятнадцать лет?

– Я страдал, потому что у меня не было выбора, – отвечал Катрибус. – Но теперь, как я понимаю, выбор появляется. Я тут прикинул, так наша база может стать звездным вокзалом! К тому же тут неподалеку есть памятник, и думаю многие захотят его повидать. Я смогу наладить поездки по историческим местам.

Ланго рассмеялся.

– А домой, в родное болото не хочется?

– Я слышал, на Земле есть прекрасные болота, – вспомнил Катрибус. – Надо же их посетить, а то что это я, пятнадцать лет просидел на Луне, и даже ни разу не был на Земле.

– Ладно, – сказал Ланго. – Если хочешь, я оформлю тебя смотрителем базы.

– Так и я о чем, – оживился Катрибус. – Что же пропадать без толку такому славному заведению.

Ланго махнул ему рукой и пошел к своему кораблю.

59

Особого выбора перед Стасом не стояло, он ясно понимал, что оставаться в комфортном доме Агаты ему нельзя, если он все еще думает о вопросах спасения. Он искренне любил своих родственников, но чувствовал, что развитие этой любви в конце концов приведет его совсем у другую сторону. Особенно при участии Дианы, которая даже в отсутствие задания вожделела соблазнить его, просто потому, что он сопротивлялся. Надо было уходить, в полном согласии с саном и предназначением. А тут очень кстати последовало приглашение от епископа Киншасы Христофора, который решил возобновить службы в покинутом селении Акулья Гора (африканское название теперь переиначили вполне официально), где предполагалось восстановить монашеский скит. Конечно, главным инициатором этого вопроса был престарелый рептилид Трускальд, и это обстоятельство никак не могло помешать славной инициативе. Стас едва успел дать свое согласие, как в глухие джунгли уже направились первые добровольцы.

Свою последнюю службу в Никольском храме Стас служил в воскресенье, и все прихожане уже знали, что он от них уходит. Девчонки на правом клиросе даже расплакались, а отец Глеб в конце произнес прочувственную проповедь.

Агата с Вандой присутствовали на этой службе, и терпеливо дождались, пока Стас попрощается со всеми своими доброжелателями, которых набралось немало. Когда он вышел во двор, Ванда немедленно напомнила ему:

– А ты меня так и не покрестил!

– А вот приедешь ко мне, – отвечал Стас. – Там и покрестишься.

– Там же монастырь, – напомнила Агата с укором.

– Там не только монастырь, – отвечал Стас. – Там теперь будет центр культурного обмена. Уже началась стройка. Кстати, тебе бы, сестренка, это было бы интересно.

– Я там, где Ланго, – отвечала Агата.

Стас многозначительно улыбнулся.

– Я почему-то думаю, что он у нас окажется частым посетителем.

Диана как обычно опоздала, но зато успела поднести Стасу огромный букет цветов.

– Извините, – сказала она, запыхавшись. – Владыку Иннокентия освобождают. При пересмотре там нашли кучу нарушений, так что он выходит.

– Могу только поздравить, – сказал Стас.

– Я обещала ему, что познакомлю его с тобой, – с сожалением вспомнила Диана. – А ты улетаешь!

– Такая у меня планида, – отвечал Стас. – Вы должны понять, ребята, что я все же по своей природе монах, и мне крутиться среди женщин с их проблемами не подобает. И потом, я же буду настоятелем монастыря!

– Будешь крокодилов крестить, – фыркнула Ванда насмешливо.

– Буду, – кивнул Стас. – Если получится конечно. Старик Трускальд уверен, что из той команды, что собрал ему Ланго, есть несколько перспективных ребят. Представьте только, один из них – барсиф!

– У нас тут тоже дел немало, – сказала Диана. – Воспитательный лагерь расформировывается, а это столько проблем! Ведь каждому надо найти родителей, а там еще неизвестно, ждут ли его. К тому же надо еще разбираться с папашами, у некоторых уже по три десятка детей от разных женщин.

Диана, благодаря своим связям, оказалась в руководстве сил реформирования, и теперь даже выглядела совсем по-другому.

– Этих детей еще воспитывать надо правильно, – напомнила Агата.

– А мы о чем! – фыркнула Диана. – Теперь надо еще решить, что значит – правильно? Их же воспитывали, как будущих производителей.

– Девочки, мне пора, – напомнил Стас.

Они спохватились, и все вместе поехали домой к Агате, чтобы устроить там прощальную трапезу. Стас постарался не напрягать ситуацию, но и без этого женщины разревелись, а Ванда принялась запугивать Стаса картинами своего нравственного падения.

– Приеду и накостыляю, – сказал ей Стас.

– Ты нашел своего Неделина? – спросила Диана.

– Его довольно жестоко пытали, – сказал Стас. – Он сейчас в военном госпитале.

– А почему все-таки не судили ни одного крокодила? – спросила Ванда. – Они же столько натворили!

– Спроси лучше, почему не стали судить тех землян, кто им помогал, – вздохнул Стас. – Впрочем, я никого судить не собираюсь.

– Я слышала, толпа разнесла здание Управляющего комитета, – сказала Ванда.

– Толпа есть толпа, – философски заметила Агата. – Только представьте, какие-то идиоты даже пытались избить Ланго! Где бы они были, если бы не он!

– Нам еще многому предстоит научиться заново, – сказала Диана, и в этом тоже прозвучало ее обновленное предназначение.

Пришло время расставаться, за Стасом приехал специальный летающий корабль, не слишком большой, но весьма комфортный. Агата уткнулась брату в грудь и призналась:

– Ты перевернул мою жизнь.

– Это ты перевернула мою жизнь, – отвечал Стас. – А заодно и жизнь всей планеты.

Диана воспользовалась случаем расцеловать его в губы, и сказала с сожалением:

– У меня было столько случаев, чтобы соблазнить тебя, но я каждый раз останавливалась. Ты будешь обо мне молиться?

– Попробую, – сказал Стас с улыбкой.

– А я начинаю думать о монашеской жизни, – призналась Ванда.

– Если будут вопросы, я на проводе.

С горьким чувством он поднялся на корабль, и за ним закрылась дверь. Корабль ему прислал Ланго, и он же первым делом связался с ним, когда корабль взлетел. Сам Ланго в это время был в Австралии, где оформлялось присутствие рептилидов на планете.

– Я очень надеюсь на вашу помощь, Стас, – сказал Ланго с экрана. – Ваш авторитет поднялся на немыслимую высоту, и я уже слышал предложения о возведении вас в сан епископа.

– Избави Бог, – отозвался Стас. – Я так постарался спрятаться в джунгли, а вы хотите меня снова извлечь на свет. Когда же мне спасаться?

– Разве вопросы вашего спасения не коррелируются с состоянием общества?

Стас кашлянул.

– Возможно, – сказал он. – Но, если честно, меня пугает эта популярность. А если представить, как в Акулью Гору потянутся паломники, чтобы посмотреть на крещенного крокодила, то становится и вовсе не по себе.

– А меня это воодушевляет, – признался Ланго. – Если честно, я и представить себе не мог, что в нашем обществе поднимется вдруг такой интерес к земной культуре. Я даже грешным делом считал это привилегией гринбеев, но оказалось, это повсеместное явление.

– Я уверен, – сказал Стас, – что это явление станет примером для многих землян. Тех землян, кто забыл о смысле бытия.

– Это было бы прекрасно, – согласился Ланго. – Только я бы попросил вас, Стас, об одном одолжении. Не спешите адаптировать обряд под рептилидов. Мне кажется, в начале этого пути мы просто обязаны держаться не только духа, но и буквы. Пусть нам пока еще трудно дается крестное знамение, но пусть решение рождается из глубины верующего сердца.

Стас столько усмехнулся.

– А мы и не собирались идти в этом вопросе на послабления, – сказал он. – Вот появятся в вашей среде священники и епископы, тогда и будете думать, как вам креститься.

Корабль поначалу сделал посадку в Киншасе, где на борт поднялся епископ Христофор со своими сопровождающими лицами, и только после этого взял курс на Акулью Гору. В кратком полете епископ успел побеседовать со Стасом о самых разных проблемах. Так, например, он деликатно поинтересовался:

– Ваше имя, отец Станислав, кажется не вполне православное?

– Да, – согласился Стас. – Но после одного из объединительных соборов мы с католиками признали взаимное уважение канонизированных святых в обеих церквах. Так что теперь мое имя как бы утверждено церковно. Меня рукополагали уже с этим именем.

– А какое имя вы бы хотели получить при пострижении?

Стас улыбнулся.

– Когда в детстве я узнал, что у меня неправославное имя, я очень, чтобы меня называли древним именем Стахий, мне казалось, что оно подходит по звучанию. Так что если мое мнение учитывается, я бы хотел оказаться Стахием.

Епископ согласно кивнул.

– Как вам будет угодно. Поскольку монашество было под запретом, придется мне самому вас рукополагать, Станислав. Вы не будете против?

– Почему бы мне быть против?

– Ну, я не во всем являюсь монахом, – произнес епископ. – Вас может покоробить то обстоятельство, что я женился, как только это было разрешено собором.

Стас вздохнул.

– Мы все пережили период послабления, – сказал он.

Епископ удовлетворенно кивнул.

– Вы намерены поднимать вопрос о канонизации тех духовных лиц, что погибли во время военных действий?

– Я думаю, этот вопрос поднимут и без меня, – сказал Стас. – Если там, конечно, были проявлены категории святости – мученичество, исповедничество. Если честно, меня пугает некоторая торопливость в реформировании общества. Это питательная среда для карьеристов, которые кинутся доказывать свою реформированность. Вы понимаете, о чем я?

– Прекрасно понимаю, – усмехнулся епископ. – Очень надеюсь на то, что эта торопливость не коснется православия. Тоже ведь можно дров наломать.

В Акульей Горе на месте монашеского скита уже стояла церковь в византийском стиле, и прибытие епископа собрало всех, кто там был, человек тридцать. Колокольный звон взбудоражил дикие места, но каким-то образом органично вписался в мир джунглей, создавая праздник для всех. Благословив всех труждающихся и монашествующих, епископ в сопровождении Стаса прошел по уже настеленным мосткам к реке, где к нему выполз Трускальд для благословения. Потом, вместе с крокодилом во главе, все неторопливо перешли к храму, где уже все было готово для молебна. Здесь, под куполом храма, Трускальд кряхтя поднялся на задние лапы и не без труда осенил себя крестным знамением.

Диакон Вадим поднял свой орарь и поклонился епископу.

– Благослови преосвященнейший владыка!

Епископ с улыбкой посмотрел на всех окружающих, и тонким голосом произнес:

– Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков.

Епархиальный хор немедленно отреагировал, пропев:

– Аминь!

Служба началась.

Конец

Вадим Панченко
Бог Индерона
Книга первая

Часть первая
Машина

Глава 1

– Рой! Ты запасся подгузниками? – Джим Хонк заржал и захлопал по коленям, глядя, как Рой устало бредет по палубе с огромным вещмешком на спине.

– Не смешно, Джим! Не пытайся играть в эти игры со мной! Я тебе не какой-то молокосос! Я уже был в операции на Гарде и на Варгосе-5 и…

– Да-да, мы все знаем про твои подвиги! Ты серьезный боец, Рой. И пушка у тебя вон какая, и нож вон вижу, ух какой нож. И вещмешок у тебя – ого-го. Думаю, там у тебя и соска, и бутылочка, и раскладная колыбелька с качелькой поместились. А скажи, не завалялась ли у тебя там фляжечка с джином или виски? Нет? Эх, салага ты салага…

Десантники, сидящие на контейнерах с оборудованием, улыбались, слушая обычные подначки, которыми старина Джим традиционно сопровождал любое действие младшего в группе, лишь недавно заслужившего честь пополнить их ряды. Простое правило солдата – отдыхай, пока не дали приказ, наслаждайся последними минутами перед заданием, из которого, возможно, вернутся не все. Группа Альфа – двенадцать лучших бойцов десантного корабля «Гордость Республики», готовилась к вылету, о котором им ничего не было известно. Рой присел на один из ящиков рядом с Джимом, почти на границе гравизоны, бросил вещмешок на палубу и достал из внутреннего кармана сигарету. В картридже было еще больше половины спайса с Диноры – ценность, за которую он отвалил торговцу треть месячного жалования.

– О! А вот это вещь, – воскликнул Джим, хищно протягивая свою лапищу. Рой от неожиданности разжал руку, и с плохо скрываемым сожалением и раздражением проводил взглядом свое сокровище, которое Хонк бесцеремонно запихнул в свои потрескавшиеся губы. – Не жмись, салага! Карма твоя растет просто на глазах! А дядя Джим за твою доброту прикроет твою тощую задницу в нужный момент.

Наглость Хонка бесила Роя, и он отвернулся, чтобы не показывать свои бурные эмоции, стремящиеся вырваться наружу. Делая вид, что разглядывает стартовую зону, он заметил странную фигуру, сидящую полубоком у одной из опор десантного бота. С такого расстояния было трудно определить, но, похоже, что человек этот был ростом намного выше двух метров, и имел впечатляющую ширину плеч. Громадность фигуры еще больше увеличивала боевая броня – усиленная версия для групп прорыва. Все элементы были надеты, шлем снят с головы и пристегнут в плечевой держатель, а голова-то была интересная – совершенно безволосая и со странным зеленоватым оттенком. Свет прожекторов отражался брызгами от черепа незнакомца, и казалось, что он покрыт чешуей. С этого ракурса видно было лишь одно ухо, но и оно привлекало внимание: необычной формы – вытянутое вверх и очень большое, кроме того, оно слегка шевелилось. А линия скулы имела такой резкий перегиб, словно челюсти зеленого громилы должны были вмещать огромные зубы.

– Это еще что такое? – Рой толкнул Джима в бок и показал на далекую фигуру.

Хонк привстал, приглядываясь, а затем изумленно присвистнул:

– Ни…чего себе! Быть такого не может!.. Гекон!

– Геккон? – переспросил Рой.

– Не геккон, а гекон, – озадаченно протянул тот, продолжая вглядываться в фигуру, – плохо дело! Плохо наше дело, молодой. И плохо что ты подгузников не взял.

Бойцы, тем временем, потихоньку перемещались поближе к ним, украдкой поглядывая на загадочного гекона, и присвистывали от неприятного удивления, так же, как Джим мгновение назад.

– Что за гекон? – снова подал голос Рой. – Что в нем такого страшного?

– Не знаешь? Я же говорю, салага ты. Хотя, может тебе лучше и не знать.

– Не выпендривайся уже! Если тема важная, то давай говори!

– Ладно, слушай, боец. Давно, ты еще тогда, наверное, и в планах у мамки не числился, так вот, большие парни с большими погонами решили создать непобедимых солдат. Дело не новое, как понимаешь. Они это регулярно придумывают, хотя ничего лучше нашего брата нет, и это все знают, – Хонк обвел взглядом подсевших поближе товарищей, и те одобрительно закивали, – да, так вот, в этот раз им яйцеголовые предложили кое-что новенькое. Представь себе такую тварь, которая может меняться. Надо ей плыть – она себе жабры отращивает, надо ей бегать – ноги у ней становятся, как у денбийского гонца, а надо летать – отращивает себе крылья…

Барт, сержант и старейший солдат группы Альфа, насмешливо крякнул. Джим осекся и досадливо отмахнулся рукой:

– Ну ладно, ну про крылья может и сказки, но то, что эти твари могут меняться, что у них бывают и хвосты и жабры, это вот клянусь своим хреном! Для каждого задания он может готовиться и изменяться. Не так, как мы, не просто оружие и оборудование, но сам, целиком.

– Что, просто по своему желанию? – изумился Рой.

– Нее… Умники все-таки были не полными идиотами. Почему он «гекон»? Потому, как он не человек. И не зверь. Он – «генный конструкт». Вот так они и называются, да. А меняются они специальным образом. У каждого из них был свой командир и куратор. А куратор этот имел такую коробку – с большой чемодан величиной – черную, с желтыми полосами – ни с чем не перепутаешь. Называлась она «Генный модулятор». А сами геконы называли ее «коробкой боли» и боялись одного только вида. Так мне рассказывали. Сам-то я, никогда раньше гекона не видел – врать не буду. А отец мой – тот видел, и даже служил с одним таким. Он мне про них и рассказывал. Что, мол, когда ему нужно измениться, то его подключают к этой коробке, и он корчится в муках, а потом начинает как бы плавиться, плыть, как воск, и меняется. Страшное это зрелище. А уж как он кричит при этом…

Повисла неловкая пауза. Рой и еще пара бойцов смотрели на сидящего у опоры гекона, а тот словно и не шевелился. Даже снующие мимо него погрузочные роботы не волновали его ни капли. Возможно, он просто спал.

– Ну? – вопросительно посмотрел на рассказчика Рой, – и как же его заставляли к этой коробке боли подключаться, если это такая пытка?

Джим присел, затянулся сигаретой, нагло отнятой у Роя, и задумчиво посмотрел тому в глаза.

– А куда ж он денется? Он от этой коробки никуда. В ней его сила, в ней его жизнь… И в ней его смерть. Попробует только взбунтоваться – чик, и все. Одно нажатие на кнопку… – Хонк снова затянулся, эффектно выдерживая паузу, но никто не торопил его, не перебивал. – А знаешь, молодой, даже несмотря на это, они бунтовали. Разрывали своих кураторов зубами, отрывали им руки-ноги-головы, пытались бежать в гипере, думая, что так смогут разорвать связь с коробкой. Бывало, в ярости убивали весь состав группы, к которой их приписывали…

– Так почему их не ликвидировали? Да и вообще, зачем они? И почему этот сидит тут?

– Хорошие вопросы, салага, очень хорошие. Отвечаю по порядку: их ликвидировали. Во всяком случае, еще десяток лет назад писали, что они все поголовно вымерли от какой-то там ошибки в конструкции, – Хонк криво усмехнулся, и сделал рукой неопределенный жест у горла, – а нужны они были для самых опасных, самых дерьмовых миссий. Миссий, из которых люди, – он подчеркнул это слово, – не возвращались. И вот почему это меня так напрягает. Мало того, что мы ничего не знаем про наше задание, так еще этот… Что же до твоего вопроса, почему он сидит тут, то…

– Смирно! – зычно гаркнул сержант Барт.

Отряд вскочил, вытягиваясь в струнку. Прямо к ним, впечатывая тяжелые ботинки в металлическую палубу, приближалась пара старших офицеров. Первым был командир их бригады, полковник космодесанта Майк Зан, а второй был неизвестен Рою. Рослый седовласый человек с короткой стрижкой «ежиком», на груди которого поблескивали золотые треугольники полковника научной службы, был одет в легкую броню, сияющую новизной. Шлем брони был откинут и пристегнут к наплечному креплению – точно, как предписано в уставе. Неизвестный полковник смотрел прямо на них, неспешно переводя взгляд с одного бойца на другого; его правая рука при ходьбе придерживала потертую кобуру огромного размера. Кобура резко контрастировала с новенькой броней последнего поколения, и Рой, питавший страсть к оружию, с замиранием сердца вглядывался в обводы этой кобуры. «Не может быть!» – «Гром-12» – давно снятый с вооружения бластер, настолько же мощный, насколько и опасный, особенно в неопытных руках. Он мог пробить броню легкого танка… или превратить своего хозяина в огненный шар. Как кому-то могли позволить носить эту ужасающую вещь в наше время? Тем более – тыловой крысе из научной службы. Или кобура пуста, и это лишь эффектный элемент образа бравого солдата «старой школы», который этот холеный хлыщ пытался создать из зависти к настоящим боевым офицерам?

Между тем, ученый полковник приближался, и Рой наконец-то обратил внимание на его вторую руку. В ней он держал большой металлический чемодан – черный с желтыми полосами.

* * *

– Слава Республике! – отчеканил приветствие командир Зан.

– Славим и служим! – дружно грянул хор из двенадцати глоток.

– Это полковник Ден Кор из научной службы.

– Слава Республике, господа, – поприветствовал бойцов Кор.

– Славим и служим!

– Вольно, – полковник Зан небрежно козырнул отряду и снова медленно обвел всех взглядом. – Итак, полковник Кор и его парни в этой миссии будут вашими подопечными. На объекте, куда вы направляетесь, вы перейдете в подчинение к нему. Детали миссии знаете уже на борту из секретных пакетов. А пока я могу сказать вам лишь то, что она будет проходить не на планете. Так что, готовьтесь соответственно: вакуум, радиация, неизвестные излучения, отсутствие гравитации – все прелести. Ваша задача: проникнуть в… объект, обеспечить прикрытие и безопасность группы специалистов полковника Кора, а затем вывести их обратно. Вы будете работать не одни. Еще три группы будут приданы вам в усиление. Коды связи и всю необходимую информацию по взаимодействию так же получите уже на борту. С этого моменты вы переходите в состояние «ноль». Отлучаться никуда нельзя, всякая связь и разговоры вне группы с этого момента запрещены. Готовьтесь, джентльмены. И отправьте в казармы свои личные вещи. Они вам не понадобятся. Сержант, у вас тридцать минут на подготовку. Распаковывайте контейнеры с броней и получайте оружие и боезапас. Ведомости уже открыты. Вопросы?

– Никак нет, сэр! Разрешите выполнять?

– Приступайте, – Зан небрежно взмахнул рукой, и десантники поспешили к своим контейнерам с оборудованием. Хонк язвительно улыбался, глядя, как Рой тащит свой вещмешок к автоматической грузовой платформе, чтобы отправить его в казарму. Часто после таких пересылок найти вещи было уже невозможно, и Рой чувствовал себя полным дураком, осознавая, что никто, кроме него, не притащил свой вещмешок на погрузочную палубу. Кто же знал, что они отправляются не на планету?

Полковник Кор между тем оглядывался вокруг, и вдруг, заметив фигуру у опоры бота, козырнул Зану, резко развернулся на месте и направился прямо к неизвестному солдату. Рой увидел, как переступая линию гравизоны, полковник небрежным ударом пятки об пятку переключил ботинки на магниты, и, даже не пошатнувшись, уверенно направился к гекону.

Ал сидел на ступне посадочной лапы десантного бота, лениво наблюдая за суетой служебных роботов. Его огромные уши спокойно различали болтовню Джима и Роя, и время от времени он улыбался, когда слышал новые фантастические подробности в зловещих историях о геконах. Отчасти Джим Хонк был прав: генный модулятор и вправду назывался «коробкой боли» на жаргоне геконов, преобразование действительно было крайне болезненным, и геконы действительно восставали в прошлом. Но вовсе не от боли, которую каждый из них умел переносить с самого рождения (или создания, как считали люди), – геконы были созданы не только намного сильнее и выносливее людей, не только обладали способностью к трансформации, но, так же, были и умнее своих создателей. А потому всегда стремились выйти из подчинения существам, гораздо менее развитым, чем они сами. Именно поэтому разработчики сделали своих подопечных рабами «коробок боли».

Технология генных конструктов основывалась на способности синтетического организма поглощать извне специально подготовленные пакеты ДНК и интегрировать их внутрь своих клеток. Такой подход давал возможность перестроить уже существующие клетки тела, придать им новые свойства, но, с другой стороны, делал их нестабильными. Без внешней поддержки ДНК гекона быстро разрушалась, и он умирал, разлагаясь прямо на глазах. Создатели этой программы сочли такую особенность не только не вредной, а наоборот – чрезвычайно полезной. Как бы ни был силен и умен гекон, но без порций специально подготовленных цепочек ДНК, обновляющих клетки, он мог прожить лишь около года. Так что, даже без «коробки боли» конструкты были зависимы от своих создателей. Но генный модулятор мог куда больше. На самом деле он представлял собой целый комплекс: склад готовых конфигураций ДНК из библиотеки разных боевых форм геконов, микшер, а так же синтезатор новых цепочек. Кроме того, он же производил различные химические стимуляторы и ингибиторы, при помощи которых можно было полностью подчинить «генный конструкт», заставить его выполнить любое задание. Именно это делало черно-желтый чемодан самой ненавистной и в то же время самой желанной вещью любого гекона. Немало сородичей Ала погибло при попытке завладеть ею. Но все их попытки оказались тщетны. Пользоваться этим устройством мог исключительно куратор, только его пси-матрица давала доступ к возможностям коробки. Первые модели, защищенные при помощи генного кода кураторов, показали неэффективность такой защиты, когда несколько офицеров были убиты, а их ДНК использована для входа в систему. Ходила даже легенда об одном геконе, который поглотил ДНК своего куратора, превратившись в него, разгромил пограничный гарнизон, и улетел на угнанном корвете в неизвестном направлении. Ал не очень верил в эту легенду, ведь всякая угнетенная группа рождает свой фольклор, в котором один из рабов сбрасывает оковы, расправляется с угнетателями и обретает свободу. Как бы то ни было, современные модуляторы управляются пси-матрицей владельца, а ее подделать невозможно в принципе.

Ал все еще неспешно размышлял над словами того десантника, когда его тонкий слух уловил звук шагов по металлической палубе. Его чуткие уши развернулись в направлении

звука, а обонятельные усилители автоматически активировались при сосредоточении внимания. Знакомый запах. Запах, которого он не ощущал уже пятнадцать лет. Ал напрягся, когда сержант Барт рявкнул свое «смирно», а голос, услышанный вслед за этим, уничтожил все сомнения: да, это был его давний куратор, командор Кор.

Дэн Кор подошел к гекону, все еще сидящему в расслабленной позе на лапе бота.

– Ну, и долго ты собираешься притворяться? Ты же учуял меня еще от входа.

– Никак нет… господин… полковник! – Ал поднялся во весь свой рост, глядя сверху вниз на старого полковника. – Приветствую и повинуюсь, господин полковник!

Гекон прижал обе руки к груди на уровне сердец, и четко наклонил голову вниз. Полковник подошел ближе и тихо проговорил: «Брось, дружище. Я рад тебя видеть. Действительно рад»…

Ал поднял голову и заглянул в знакомые серые глаза. Полковник смотрел на него спокойным уверенным взглядом, только уголки глаз выдавали его искреннюю радость. «Идем внутрь», – сказал Кор и повернулся к грузовому люку бота: «Поговорим перед вылетом. Я столько хочу тебе рассказать».

Когда они скрылись в брюхе десантного катера, и бронированный бок скрыл их от посторонних глаз, Дэн Кор стал вплотную к гекону, и положил ему ладони на плечи, как это было принято у боевых побратимов: «Лицом к лицу»…

Ал, на секунду заколебавшись, положил свои руки на плечи человека, и произнес свою часть приветствия: «…и спиной к спине!» После пятнадцати лет разлуки это приветствие боевого братства давалось ему трудно. Слишком давно кто-то из людей подпускал его к себе так близко. Слишком далеко ушли те дни, когда он чувствовал, что такое дружба. И слишком велико было их неравенство сейчас: пропасть между высшим офицером и рабом, не имеющим даже настоящего имени. Но глаза полковника смотрели на него искренне, легкая улыбка, прошедшего через многие испытания воина, была настоящей. Такой же, какой Ал вспоминал ее все эти годы.

– Как же я рад тебя видеть!

– И я вас, командор… полковник!

– Для тебя – командор, – ответил полковник, отрываясь от гекона, и направляясь вглубь трюма. – Идем к кабине пилотов, поговорим. Вылет через полчаса, так что тут и разместимся.

Гекон и человек прошли к пилотской кабине и заняли пару откидных кресел для десанта. Их руки привычным движением пристегнули ремни, и каждый, не сговариваясь, надел свой шлем, после чего откинул забрало, чтобы можно было спокойно поговорить. Привычка, выработанная сотнями боевых вылетов, действовала на бессознательном уровне. Не один синяк и даже перелом приучили их обоих неукоснительно следовать правилам безопасности. Но если Ал все эти годы выполнял задания командования, то полковник представлял научную службу, и потому было удивительно, что его привычки были такими же стойкими. Гекон задержал взгляд своих больших желтых глаз с вертикальным зрачком на руках командора, которые быстрыми и четкими движениями прилаживали громоздкую кобуру на грудной пластине сияющей брони.

– А Вы не похожи на штабную крысу, командор.

– Да, ты как всегда наблюдателен, – усмехнулся тот, – приходится, знаешь ли, частенько надевать эту амуницию. Особенно в последнее время.

– Спрашивать, наверняка, нет смысла? Секретность?

– Ну, в общем-то, – да, но часть этой истории ты скоро увидишь сам. Так что, кое-что я тебе расскажу. Чуть позже. А сейчас расскажи, как ты. Чем жил все эти годы? Сколько же мы не виделись?

– Пятнадцать. И еще три месяца, командор. Пятнадцать лет… – Лицо гекона, и без того некрасивое, угловатое, с огромным ртом и губами, слегка отогнутыми выступающими клыками, стало еще более мрачным и зловещим. – Что тут рассказывать? После Магриба, когда Вас увезли в госпиталь, наш отряд расформировали. Республика подписала мир с антурийцами, и мы стали никому не нужны. Меня вернули на Зэту, в ИПИ, который и вел проект «ГМ». Там уже были собраны практически все геконы. Нас распределили по казармам, отобрали блоки питания и стали по одному вызывать на тесты. Тесты… Так они это называли. Многие наши не возвратились после этих тестов. Пошли разговоры. Когда во время обеда мы наконец осознали, что около трети столов пустует, то не выдержали. Ребята из серии Эс-Эр взорвались, Вы же знаете их характер. Когда эсэр выходит из себя, его невозможно остановить…

Ал поднял руку к лицу, лишь в последний момент успев остановиться, и едва не ударил себя боевой перчаткой по лицу. С удивлением взглянув на собственную руку, он отстегнул перчатку, и с силой протер ладонью лицо, будто сдирая невидимую пелену.

– Простите, сэр. Что-то я размяк, – его рука упала на колени, и он, не задумываясь, снова пристегнул перчатку на место.

Полковник скосил глаза на собеседника – повернуться корпусом мешали тугие ремни десантного кресла.

– Да, все мы изменяемся, – задумчиво протянул он. – И что было дальше?

– Дальше? Дальше было побоище. Наши дрались голыми руками, карабкались по бетонным шахтам под очередями скрытых турелей, проламывали бронеплиты дверей, старались добраться до центра управления – не судьба. Начальник станции распылил в коридорах деструктор. Да, не стандартные ингибиторы, не успокоители, а деструктор. Я был внизу, держался позади, не лез на рожон – особенность нашей серии, – гекон криво усмехнулся, – А-Эл – анализ и логика… В общем, меня и моих собратьев по серии не зацепило, но те, кто был ближе всего к центру, хлебнули отравы по полной. Вопли стояли по всем коридорам, геки кричали, умирая в агонии. Мы закрылись в рубке контроля, которую перед этим отбили эсэры. Можете себе представить, что мы чувствовали, когда увидели на экранах, как наши собратья буквально распадаются на части? Их крутило и корежило, тела меняли форму и цвет, они вопили от боли, пока клетки не начали распадаться, оплывая темными вонючими лужами. Да, этот запах… я его не забуду никогда… Когда они умерли, охрана продула коридоры, а потом на всякий случай еще обработала все жестким излучением. Нас нашли в рубке – семнадцать последних геконов. Все из серии А-Эл…

Полковник молчал, откинув голову на подголовник кресла. Ал помедлил и продолжил свой рассказ:

– После этого был только кошмар. Сначала мы под дулами автоматов убирали останки наших друзей, отдирали липкую жижу с пола и стен. Потом были долгие дни в камерах-одиночках, когда мы просто сидели взаперти. Никто не приходил, ничего от нас не требовали. Через два месяца меня вытащили из камеры и повезли в лабораторию. Там меня прогнали через серию опытов, о которых даже не хочется вспоминать. В общем… После еще трех месяцев всех этих пыток меня привели к новому куратору. Разговор был коротким: я подчиняюсь, выполняю задания и живу, или умираю, а уж способов смерти они могли мне предоставить множество. Я – «А-Эл 96» – один из последних геконов в своей серии. Да и вообще – один из последних выпущенных. Так что, рассудительности у меня даже в избытке, – Ал усмехнулся, обнажив ряд крупных острых зубов с выступающими клыками, – я согласился, конечно. Потом была служба. Неплохая служба, если честно. Иногда даже интересная. В сравнении с тем, через что мы с Вами прошли в свое время, это было не так уж сложно. Да и все эти новомодные электронные игрушки помогали. Опять же: страх перед биотехнологиями привел к тому, что почти во всех мирах генные конструкты стали запрещены, и мне было несложно преодолевать системы защиты, которые уже не имели всех старых фокусов. В общем – можно было жить. Я

регулярно получал подпитку и обновление – тут грех жаловаться, – но и похвастать тоже нечем. Я сказал «можно жить», но это неверно. Я не жил – выполнял функции. Мой куратор, как и все остальные, с кем я контактировал, относились ко мне, как к вещи, как к боевой машине. Нет, они не издевались, даже не оскорбляли, но они боялись меня, и никогда не разговаривали, как с человеком.

Я был на хорошем счету: за все время моей работы я ни разу не облажался. Мои кураторы шли на повышение и их место занимали новые. Лет через десять такой жизни я заслужил некоторые привилегии. Меня стали отпускать на прогулки, если это не человеческий город, конечно. Особенно хорошо было на дальних мирах. Я мог гулять по лесам, наслаждаться местной природой. Выжить я могу практически везде, всякие твари меня не пугают, а большинство сами боятся, так что, в периоды затишья в политике я мог даже на несколько дней уходить в походы. Палатка, охота и рыбалка, чтение у костра – лучшие дни в моей жизни. В остальное время я тренировался, осваивал новые профессии, следил за новыми технологиями и научными открытиями. Что случилось с остальными ребятами, выжившими тогда на Зэте, я не знаю. Все это засекречено до сих пор. Ну вот, а с месяц назад меня посадили в контейнер, запихнули на грузовой корабль, привезли на какую-то станцию, а там передали офицеру СБ. Тот меня перевел на курьер, закрыл в хранилище, и я перелетел на следующую станцию. Далее, закутанного в мешок смертника меня перевели на тюремный корабль, и в камере-одиночке переправили в колонию на какой-то луне. Ну а оттуда меня забрал катер военной полиции, который и доставил меня сюда. Куда «сюда», кстати, я не знаю. Но уверен: знаете Вы, как и все, что я Вам рассказываю. Ведь не просто же так Вы оказались в соседнем со мной кресле! Приветствую и повинуюсь!

Ал повернул голову, стараясь заглянуть в глаза полковнику. Тот молчал. Затем с металлическим лязгом похлопал по ноге гекона, и повернулся к нему всем корпусом, на время отстегнув ремни.

– Ты прав, Ал. Все это неслучайно. И я действительно много знаю. Сейчас. Но не тогда. Когда-нибудь я расскажу тебе свою историю подробно. Но пока скажу лишь одно. Я искал тебя все эти годы. И еще: для меня ты – человек. Мой друг и побратим. Ты – тот, к кому я могу повернуться спиной, кому я доверю свою жизнь. И за кого я сам готов драться до смерти! – полковник снова сел прямо, и тут же защелкнул ремни. – Тогда, после Магриба, я попал в госпиталь. Был на грани смерти: мне ампутировали ноги ниже колен, заменили пять ребер, а череп собирали по кусочкам. Год я проходил реабилитацию. Ноги отрастили, кожу восстановили, но с мозгом были проблемы. Я терял память, впадал в коматозное состояние без всяких причин. Иногда на пять минут, а иногда на пару дней. Бывало, меня скручивали судороги, и тогда я видел галлюцинации – что-то, что невозможно ни понять, ни описать. В общем, я постепенно сходил с ума. Через год мне предложили экспериментальную терапию, и я согласился. Мне вживили в голову прототип биопроцессора…

– О! – удивленно поднял безволосые брови Ал, – пятнадцать лет назад? Тогда ведь успешных операций было не больше двадцати процентов. Четверо из пяти умирали или уходили в виртуальный мир навсегда.

– Да, теперь ты должен понять, насколько мне было дерьмово, если я согласился на эти условия. Но я не растратил свою фортуну. Или то была мне компенсация от судьбы за то, что случилось тогда на Магрибе. В общем, я и был тем пятым. Процессор прижился великолепно. Я всегда шутил, что, возможно, это потому, что мои мозги уже были набекрень. Короче, после операции я стремительно пошел на поправку. Пока я отходил в палате института, где меня оперировали, я начал читать все, что попадало под руки: скучно было. А головид в палатах запрещен, якобы, – это мешает выздоровлению пациентов. Обычных книг тоже не было, зато в тумбочке у соседней кровати я нашел стопку разных научных книг – бумажных книг! Математика, биология, физика – якобы, их оставил какой-то профессор, который лежал тут долгое

время. Конечно, это все было уловкой тех врачей, что меня оперировали, – хотели посмотреть работу мозга и его нового дополнения. Но она сработала: я читал все больше и больше, потом стал делать пометки на полях. Потом стал проверять выкладки и уравнения. Потом потребовал себе нормальный планшет… Мои умственные способности не только вернулись, но и стали значительно мощнее. Чего нельзя было сказать про выращенные ноги и восстановленные внутренние органы. Я был уверен, что со временем окрепнут и они, но мое бывшее начальство так не считало: за прошедший год меня вывели из состава десанта, и перевели в службу тыла. Я вернулся в бригаду, и потребовал восстановить меня, но командование было непреклонно. Вот тогда меня и подстерег в коридоре штаба генерал До. Знаешь его?

– Глава отдела «Ф» научной службы? – брови Ала снова поползли вверх.

– А ты хорошо осведомлен, – усмехнулся полковник, – да, он самый. Знаменитый в узких кругах генерал До. Сначала я отнесся скептически к тому, что он мне рассказывал и предлагал, но ведь деваться мне все равно было некуда – или в службу тыла или на пенсию. Пенсионер в сорок лет в чине командора. Не лучшая перспектива. Я, как ты говоришь, конечно же согласился.

Через некоторое время я понял, что то, чем занимается отдел «Ф», вовсе не так безумно, как об этом говорят в боевых частях. Многие виды оружия и защиты вышли именно из его лабораторий. Я не могу тебе рассказать о том, чем мы там занимались, однако про одну тему я тебе расскажу.

– Наше задание?

– Оно самое. Что ты знаешь про Забон?

Ал задумался.

– Хм, не так и много, только то, что в прессе писали. Обычные археологические исследования, а я не любитель археологии. Ну, вроде как есть такое предположение, что это планета какой-то древней расы, не людей. И на этой планете нашли развалины города этой древней расы. Так?

– Так. До сих пор, как ты знаешь, все наши друзья и враги в космосе – потомки людей. Все мы – ветви одной расы, даже антурийцы, хоть их рожи и похожи на задницы, – оба они захохотали, вспоминая свою любимую шутку времен войны за сектор Магдар, – но не богоны – так назвали строителей того заброшенного города на Забоне. Отдел «Ф» посылал туда исследователей в течение нескольких десятков лет. Даже во время войны с антурийцами там постоянно работала наша исследовательская группа.

– Но ведь там ничего стоящего так и не нашли. Да и вообще, так и не доказали, что это не человеческий город. Ученые считают, что это – поселение первых колонистов, вышедших в космос до изобретения туннельного двигателя.

– Хм… Да, так считали все. Но не генерал До. Ничего, что представляло бы инопланетную науку и технологии там, действительно, не нашли. Зато нашли Куб.

– А, тот знаменитый таинственный артефакт, со странными узорами?

– Именно. Почти 30 лет ученые разных планет пытались понять, что там написано, но никто не смог продвинуться ни на шаг. В конце концов, Куб попал в руки генерала, и он подошел к процессу творчески: вместо лингвистов и дешифровальщиков, он набрал группу из людей, которых считали психами даже их друзья. Не могу раскрывать детали, но их подход сработал. И что же оказалось в Кубе?

– Понятия не имею!

– Карта! Карта древней империи богонов. И на этой карте одна из отметок была совсем рядом с нашей границей. После вычисления поправок на время, мы обнаружили звезду, указанную на этой карте. Группа из исследовательского судна и двух кораблей охраны отправилась туда. И обнаружила там… корвет антурийцев. Антурийцы тут же открыли огонь, но не по нам, а по какому-то объекту. На наше счастье капитан одного из наших кораблей сопровождения

оказался шустрым парнем, и без разговоров разнес антурийский корвет в пыль. Объект, по которому стрелял антуриец, уцелел, хотя и был сильно поврежден. Ничего подобного мы не видели раньше. Это не было человеческим изделием. Это был корабль богонов.

Полковник выдержал эффектную паузу, против чего Ал совершенно не возражал: ему самому нужно было время, чтобы переварить услышанное. Корабль чужой расы! Существ, которые жили и умерли сотни тысяч лет назад. Его мозг, жадный к новым знаниям, смаковал эту информацию.

– Вижу, тебя впечатлило, – ухмыльнулся Ден Кор, – погоди, вкусное только начинается. Все это произошло около пяти лет назад. К тому времени я уже не надеялся увидеть тебя. Все упоминания о геконах были засекречены. Официальная версия гласила, что все вы погибли вследствие несовершенства технологии и ошибки в изначальной генной конструкции. Я уже имел чин майора, работа в отделе «ф» давала доступ к очень широкому спектру служебной информации, но нигде не было ни единого упоминания о геконах, отличного от официальной версии. К чему я это рассказываю? К тому, что если бы я знал, что ты жив, я бы не только вытащил тебя из того дерьма в котором ты прозябал, нет, мы, все мы, не оказались бы в том дерьме, которое сейчас летим разгребать…

Полковник замолчал, задумавшись о чем-то. Ал не перебивал его.

– Так вот, после той стычки мы все ждали проблем по дипломатической линии, капитан корабля, сбившего антурийцев, мысленно прощался со службой и со свободой. Но имперцы молчали. Прошел месяц, и мы поняли, что ничего не будет. Стало совершенно ясно, что Антура скрывает все, что связано с этим инцидентом. Все это время наши люди оставались на орбите планеты и исследовали корабль инопланетян. Новые сплавы, новые технологии, новые научные принципы. Хотя в целом, ничего такого, что могло бы дать рывок нашей науке. Все это было, как бы это сказать, не настолько круто, как мы это себе представляли. И тогда генерал До задался вопросом: а почему, собственно, на карте была отмечена эта система. Не потому же, что на орбите висит корабль! Мысль о том, что древние раскидывают подсказки к своим артефактам, всегда смешила его. Никто же в здравом уме не делает такое сейчас! Представляешь: какой-нибудь мастер на Толе выплавляет в металле куб или шар, а затем режет на нем витиеватые узоры с зашифрованными в них координатами наших кораблей, станций сбора и переработки ресурсов или гравипогрузчиков, чтоб будущие поколения его нашли! Вот и генерал утверждал, что такая трактовка – бред из дешевых голопостановок.

– Но ведь Куб был, я видел его фото. И на нем действительно были какие-то узоры…

– Ну да, ну да… Только, не по узорам мы нашли эту карту. А внутри. В электронном виде. В общем, генерал До предположил, что этот Куб – ни что иное, как обычная игрушка, сувенир!

– Сувенир? – опешил Ал.

– Да, просто сувенир. Что-то вроде наших сувениров с картой границ Республики и всех систем, входящих в нее.

– Но ведь наши сувениры – просто… просто сувениры. Даже эти фигурки Статуи Порядка, которые создают голосферу со звездами вокруг себя, они же просто безделушки. Нельзя по такой «карте» найти реальные координаты звезд!

– Ну да, по нашим – нельзя. Хотя, если встать на Толе у реальной Статуи Порядка и посмотреть на звездное небо, то с некоторым напряжением ума можно найти соответствие. Но богоны были гораздо педантичнее, и потому даже их сувениры достаточно неплохо отображали реальную звездную карту. Короче: это была рабочая гипотеза, и мы взялись за ее проработку – ведь ее высказал сам генерал До.

Полковник замолчал и снова оглянулся на гекона:

– Я не слишком растекаюсь мыслью?

– Нет, что Вы, командор, мне действительно интересно. Такого не прочитаешь в новостной ленте.

В открытый грузовой люк было видно, как к боту подтягиваются десантники, уже облаченные в боевую броню. Вот только шлемы они держали в руках, что очень не понравилась и полковнику и гекону.

– Новое поколение бойцов не слишком соблюдает устав, а? – кивнул на них Ал. – В наше время сержант Го оторвал бы мне голову за такое.

– Да-а-а, мирные годы сделали свое дело. Они считают себя ветеранами. Лучший отряд из нынешнего десанта. А в каких боях они участвовали? «Битва на Гарде» – две сотни десантников с одной стороны, и шахтеры, с перешедшей на их сторону полицией, – с другой. Самый большой калибр – лучевая турель. Помнишь, Ал, как ты подползал под эти турели по стене, и переламывал ствол голыми руками?

Гекон только усмехнулся.

– Ладно, времени мало. Я тебе вкратце расскажу, что было дальше. Что я тебе там говорил? А, да, идея генерала. Вот он и спросил: «что именно на сувенирной карте мы бы поставили в первую очередь?» Военные базы? Наши институты? Во-о-от, ты уже догадываешься: вовсе нет! А разместили бы мы культурные объекты. Разные достопримечательности. А это означало, что в указанной звездной системе должно быть что-то гораздо более значительное, чем корабль. Мы спустились на планету, хотя изначально не предполагали этого делать, ведь она была совершенно мертва: атмосферы почти нет – гравитация слишком мала для ее удержания, – ни воды, ни жизни.

– Но она не была пустой, правильно?

– Правильно. И знаешь, что нас там ждало? Еще один отряд антурийцев, засевший лагерем в еще одном древнем городе. То есть, в руинах древнего города. На этот раз задницу надрали нашей группе. Но выжившие принесли ценную информацию про объект.

– А как антурийцы узнали координаты? У вас был Куб, а у них?

– А у них шпион в нашем научном секторе, – печально ответил полковник. – Так вот, с момента стычки на планете, исследования отдела получили приоритет в Генштабе. Если на каждом шагу нам встречаются антурийцы, то игра стоит свеч – так рассудило руководство. Тогда мы стали отправлять экспедиции в сопровождении пехоты и космодесанта. Мои прежние навыки снова вспомнили: ученый с опытом десантника показался им весьма перспективной фигурой, и я возглавил ведущую группу исследователей. За прошедшие годы мне не раз пришлось участвовать в стычках и боях. Мы дрались с антурийцами за каждый новый артефакт, на каждой новой найденной планете, и бог знает, сколько раз я вспоминал о тебе! Как же мне не хватало тебя и твоих способностей!

– Пять лет тайной войны, и ни одного упоминания в новостях! Ничего себе, – задумчиво проговорил Ал.

– Теперь ты понимаешь уровень секретности?

– Тогда почему Вы рассказываете это мне?

– Потому, что в этот раз ты, наконец-то, будешь прикрывать мне спину. И это место, куда мы направляемся, – нечто такое, куда не стоит соваться вслепую. Полгода назад мы получили очередную порцию данных, и наш корабль прибыл в эту систему. Да, вот в эту самую, куда мы сейчас направляемся. И вот тут мы увидели то, что так долго искали – настоящий уровень богонов. Планета, спрятанная от посторонних.

– Планета?

– Да, целая планета! И какая! Начнем с того, что она вращается по огромной орбите вокруг белого сверхгиганта. Единственная, замечу, планета в системе. Излучения в системе безумные, так что даже просто засечь ее было тяжелейшей задачей, но все усложняет то, что эта планета окутана каким-то полем, которое делает ее практически невидимой в этом потоке излучений. И, как оказалось, мы не в состоянии его преодолеть. Не только преодолеть – даже заглянуть под это поле. Мы не знаем что там, на этой планете, мы не знаем какая она: ни ее

массу, ни состав – ничего. Но вокруг планеты вращаются сферы. А точнее: ровно 512 сфер. Каждая – размером с пару наших тяжелых крейсеров. Назначение этих сфер нам непонятно. Все попытки приблизиться к ним, приводят к тому, что корабль отбрасывает назад: чем сильнее ускоряешься, тем дальше отбрасывает. Однако мы обнаружили, что одна из сфер имеет отличия: какие-то выступы и надстройки. Мы предположили, что это – главная, управляющая сфера. После нескольких попыток приблизиться к ней, кому-то пришла в голову светлая мысль попытаться это сделать потихоньку на малом катере. И это получилось! Тогда ученые установили оборудование на ее поверхности. Все там обследовали, зафиксировали состав, излучения, ну, – все, что было доступно. А еще нашли швы, которые могут быть местами люков или шлюзов. Проникнуть в эти люки им не удалось, но догадки о том, как входили хозяева, у нас появились, и сейчас мы везем кое-какое новое оборудование, – полковник многозначительно скосил глаза на «коробку боли», у своих ног, отчего Ала внутренне передернуло.

– В целом, – продолжил Кор, – полгода исследований дали слишком мало, чтобы делать какие-то выводы. Но ученые не перестают выдвигать гипотезы, одна фантастичнее другой. Судя по тем незначительным излучениям, которые нам удалось уловить на поверхности, эти сферы могут управлять различными формами энергии: гравитацией, магнитным, электрическим полем, и возможно – вытягивают энергию из звезды. Если верить расчетам, сделанным одним из наших лучших физиков, то энергия эта просто колоссальна. Куда она идет – непонятно. Возможно – на поддержание этого щита, а может и на что-то иное. Все бы ничего, но мы получили новую проблему: два месяца назад наша разведка на Антуре доложила, что имперцы готовят целый флот. Одних только тяжелых крейсеров не меньше десятка. А еще – «изделие А», о котором никто ничего не знает. Антурийцы называют его «Гнев Императора», и мы понятия не имеем, что это такое и для чего эта махина нужна. Известно только, что его размер просто невероятен. Генерал До получил карт-бланш и поддержку на уровне Совета Трех. Антура не должна завладеть сферой – чем бы она ни являлась. Через пару дней генерал вызвал меня к себе и сообщил, что я должен проникнуть в управляющую сферу, и что для этого задания мне может понадобиться нечто большее, чем то, что под силу человеку. Вот тогда я и увидел папочку с информацией об уцелевших геконах. Можешь представить мой шок, когда я прочел реальные данные… Еще через день я послал запрос на Тобос, где держали тебя… А остальное, судя по всему, сейчас ты услышишь от полковника Зана.

Полковник Зан прогрохотал ботинками по полу трюма, дождавшись, пока все двенадцать бойцов группы Альфа займут свои места.

– Итак, господа, – зычно пророкотал полковник, когда стих шум и лязг брони, щелчки ремней и застежек держателей оружия, – ваше задание: сопроводить вот этих двух джентльменов на объект, который мы условно назовем «Сфера». Группа Браво на втором десантном боте будет сопровождать ученых из команды полковника Кора, это шесть человек и дроиды с оборудованием. Группа Дельта прикрывает вас, группа Фокстрот прикрывает Браво. Они получат свои задания от своих командиров. Сержант, получите пакет с деталями задания, – полковник поднес свой командный модуль к планшету Барта, перебрасывая информацию о предстоящей миссии. – Обрисую ситуацию в общем: «Сфера» вращается вокруг планеты, которая, в свою очередь, вращается вокруг белого гиганта, – по трюму пронесся удивленный вздох, – Наши исследователи установили, что ниже орбиты «Сферы» располагается неизвестное поле, приближаться к которому запрещено. Любая попытка приблизиться к «Сфере» на боевом корабле оканчивается одинаково – корабль отталкивается от планеты и «Сферы». Однако малый бот на очень малой скорости может приблизиться к ней. Нам точно известно, что на сферу можно высадиться. И на ней есть нечто, что мы распознали, как входы. Вы должны обеспечивать безопасность полковника Кора и уничтожить любые проявления агрессии.

Один из десантников приподнял руку: – Сэр? Чьей агрессии, сэр?

– Антурийской, – по трюму вновь прокатилась волна удивления, – наша разведка докладывает, что вы можете столкнуться с противником. Прикрытие на дальней орбите будет осуществлять наш флот, но, как я уже сказал раньше, мы не можем приблизиться к самой «сфере», поэтому, вполне возможно, что вам придется применять стрелковое оружие прямо на ее поверхности или внутри – если полковник со своим помощником смогут открыть вход. Обращаю ваше внимание, что существование этого помощника строго засекречено. Любое упоминание о нем после задания классифицируется как государственная измена. Остальные группы о нем ничего не знают, и знать не должны.

В этот раз все удивлялись молча, недобро поглядывая на источник их новых проблем.

– На этом я покидаю вас, господа. С момента высадки на объект вы подчиняетесь полковнику Кору. Удачи вам!

– Славим и служим!

Полковник Зан еще спускался по аппарели, когда пилот запустил двигатели, и в трюме включились красные огни.

* * *

Два часа спустя малый десантный бот все еще подходил в своей цели. Десантники дремали, устав отпускать скабрезные шутки, подначивать друг друга и просматривать детали задания. Рой, сидящий в самом хвосте, все еще косился на пару у пилотской кабины. Пересесть поближе к ним никто так и не захотел, и Рой сожалел, что не может услышать, о чем разговаривали человек и гекон. Внезапно полковник окликнул сержанта:

– Сержант Барт!

– Что, сэр?

– Настоятельно рекомендую Вам и Вашим людям полностью облачиться, проверить подключение шлемов, затянуть крепежные ремни и пристегнуть личное оружие к броне.

Сержант, не скрывая недовольства, посмотрел в глаза полковнику:

– При всем уважении, сэр. Мы не салаги в этом деле. Тут сказано, что нам лететь еще, как минимум час на такой скорости, и что может угрожать нам в этом катере? У него же обшивка из метапласта, так что…

Внезапно завизжала сирена. Пилот подключил интерком, но вместо осмысленной речи десантники услышали отборную брань:

– ….! Так их и разтак! Тридцать девять фрегатов, двадцать один крейсер… А ЭТО что такое??? Матерь божья, ты видишь это, Мэл?

– Прибавь ходу! – истошно завопил второй голос

– Куда я прибавлю? Ты не знаешь, куда мы летим? Оно нас тормозит…

– Они стреляют! Они стреляют, Мэл! – вновь заорал первый пилот.

Внезапно катер сотряс чудовищный удар. Аппарель вспыхнула белым пламенем, и ее вместе со всей кормовой частью оторвало от бота. Воздух из трюма мгновенно вырвался наружу. Через автоматически закрывшийся щиток гермошлема Ал видел, как повис на ремнях сержант Барт, как вспыхнула голова Роя и тут же прекратила пылать с уходом воздуха, как истерично бьет по замку ремней молодой боец, а старина Хонк тщетно пытается поймать свой шлем, но ремни кресла держат Джима, и шлем, словно в замедленной съемке, удаляется от него… Несколько десантников потеряли сознание и повисли на своих ремнях – их головы дико болтались под действием вращения катера. Другие с выпученными глазами пытались пристегнуть шлемы. Второй удар сотряс десантный бот, не давая им совершить задуманное, и вырывая людей из кресел: такой удар не выдержали недостаточно туго затянутые ремни. Вопли пилотов в наушниках Ала словно отрезало. Катер завертелся вокруг поперечной оси, разбрасывая безвольные тела, как игрушки, и в огромную дыру на корме стал виден рой искорок вдалеке – там

шел бой между флотами Республики Толл и Империи Антуры. Ал переключил визиры брони на увеличение, и охнул от удивления: одна из искр выросла на внутреннем экране шлема, и превратилась в сияющую бусину. «Какой же у нее размер, если я вижу ее отсюда???» Вдруг на поверхности бусины начала разгораться ослепительная искра, и фильтр шлема включил полное отражение.

Катер неистово затрясло, броня раскалилась, система охлаждения не справлялась с таким потоком энергии. Звуки исчезли, экран шлема отключился, и лишь тряска и жар напоминали Алу, что он еще жив. Внезапно он почувствовал огромный прилив тяжести, словно катер стал ускоряться с невероятной силой. Тонко завыл инерционный компенсатор. «Пятьдесят «же» он может погасить – если недолго, сам я выдержу от силы двадцать», – подумал гекон. Но тяжесть все прибывала, оба сердца колотились с невероятной скоростью, и фиолетовая пелена уже начала заволакивать его глаза. Внезапно тяжесть ушла, и вернулась тряска. Экран прояснился и засиял голубизной. Ал сфокусировал зрение и вскрикнул от удивления: катер падал на планету, переворачиваясь в атмосфере. Внезапно в наушники ворвался звук – воздух ревел вокруг бота. Гекон оглянулся на полковника, но тот висел на привязных ремнях, выгнувшись дугой в кресле. «Ящик боли» болтался на его руке, пристегнутый к скафандру метапластовым шнуром, и колотил по полу трюма.

Ал отстегнул свои ремни, и, крепко держась за поручни, поднялся из кресла. Магниты были включены на полную мощность, но все равно при каждом рывке его ноги скользили по полу. Гекон стал передвигаться вдоль стены, переставляя руки по поручню, тянувшемуся вдоль всего трюма. Приходилось только сожалеть, что у него не было страховочного троса. Тело дергало и швыряло, ноги отрывались от пола при каждом рывке, но он упрямо продвигался к кабине пилота. Выбить дверь ногой, повиснув на поручне, в то время как бот беспорядочно вращается в свободном падении – задача невозможная для человека, но ведь Ал не был человеком. Он бил в бронированную плиту, вкладывая всю силу своих улучшенных мышц и мощь усилителей скафандра. Наконец дверь не выдержала, и он пробрался внутрь кабины. Две оплавленные дыры на стенах на уровне голов пилотов поясняли их внезапное молчание. Рассекаемый воздух ревел в этих дырах. Бронеплиты на лобовом стекле не были опущены, и гекон порадовался этому факту: скорость, с которой они подбирались к сфере, была слишком мала, чтобы удар об атмосферу мог расплавить стекла, а вот вести бот вслепую он точно не сумел бы. Непонятно было, правда, как катер преодолел расстояние между тем местом, где его обстреляли, и границей атмосферы. Но об этом пока не стоит думать.

Держась одной рукой за спинку сидения, Ал отстегнул обугленное тело первого пилота и рывком выбросил его на пол. После чего, несколько раз перевернувшись и ударившись о стенки кабины, он все же смог втиснуться в слишком маленькое для его габаритов пилотское кресло. Катер продолжал беспорядочно падать. На панели не светилась большая часть приборов. «Плохо дело». Гекон переключил все функции в ручной режим, и попробовал выпустить крылья. Его многолетнее обучение всему, что могло пригодиться в отряде специального назначения космического десанта, включало в себя и базовые навыки управления десантными катерами. Если бы бот был цел, посадить его не составляло бы проблем. Но сейчас катер был больше похож на дырявую консервную банку, чем на летательный аппарат. Внезапно он сильно дернулся, и на пульте зажегся синий огонек – аэродинамические плоскости все же вышли из своих пазов. Мысленно воздав хвалу такой надежной технике и ее конструкторам, Ал потянул ручку управления. Бот не отреагировал. «А вот это действительно плохо»: электропривод от ручки к плоскостям не работал. Это был конец. Ал расслабился в кресле, глядя, как перед ним растет и вращается чужая планета.

Внезапно он встрепенулся: его взгляд упал на табличку с маркировкой над лобовым стеклом – КД30В22У. «Господи, да это ж «неваляшка!» Бронированными пальцами Ал стал отдирать обшивку под пультом. Оторвав ее и отбросив назад, он вытянул конструкцию из мета-

пластовых труб. Рванув пломбы, он стал быстро разворачивать ее. Через несколько секунд трубчатая конструкция превратилась в древний штурвал с гидравлическим приводом. В свое время для нужд десантных групп особого назначения была разработана модификация стандартного бота, с литерой «У» в маркировке. За ее живучесть и способность выживать в самых сложных условиях, десантники прозвали ее «неваляшкой». Внешне такой бот ничем не отличался от стандартного, но все наиболее важные системы в ней были продублированы, и не только электронным способом, а еще и механически. Зачем это было нужно, и действительно ли эта система оправдала себя хоть раз, Ал не знал, но сейчас ему предстояло это выяснить.

Компрессор с независимым питанием быстро нагнетал масло в привод управления аэродинамических элементов – Ал увидел, как штурвал стал дергаться в такт рывкам бота. Значит, привод сработал. Удержать его вручную для такой махины, как этот катер, было нереально, но гекон надеялся на сервоприводы своей улучшенной брони и на свои нечеловеческие способности. Его руки на секунду зависли над дергающейся конструкцией, а затем решительно обхватили метапластовые рычаги.

Штурвал рвался из рук, тело нещадно дергало в кресле, готовом оторваться от пола, но Ал упорно держал рычаг, налегая всем телом. Через несколько минут изнуряющей борьбы ему удалось побороть вращение, затем и выровнять машину, выводя ее на глиссаду. Десантный бот не самолет, и тем более не планер – его сажают на антиграве, при всех включенных двигателях. Но сейчас двигателей не было, не работал и антиграв, а корма аппарата была начисто оторвана. Поверхность стремительно приближалась, и все, что мог сделать в такой ситуации Ал – удержать машину на такой траектории, которая позволит уменьшить силу удара. Внизу под катером показалась широкая река, и гекон решил использовать ее, плавно переведя скорость аппарата в горизонтальную плоскость, чтобы затем скользнуть по водной поверхности, подобно пущенному с берега плоскому камешку. Идея казалась очень здравой, вот только хватит ли ему мастерства? И удачи…

Водная гладь устремилась под брюхо катера. Сильнейший удар обрушился на корпус, невидимая ладонь ударила Ала по плечам, прижимая его вниз. Крепления кресла согнулись под тяжестью огромного тела в броне. Ремни на плечах лопнули, и если бы он не вцепился мертвой хваткой в штурвал, то сложился бы пополам. Десантный бот подкинуло вверх, на мгновение вернулась невесомость, после чего на машину обрушился новый удар, затем еще один, и еще. С каждым разом их сила уменьшалась, и последний был просто ласковым шлепком, в сравнении с первым. Со всех сторон послышался скрежет и треск, аппарат, вернее, то, что от него осталось, продолжал двигаться и трястись. Наконец он остановился и окончательно замер. Гора земли, камней и веток покрывала лобовое стекло, которое, несмотря на его фантастическую прочность, лопнуло в нескольких местах. Видимо, геконская фортуна все же существует: бот, проскакав по реке, вылетел на берег и зарылся в толстый мягкий слой прибрежной почвы. Когда движение и шум утихли, Ал расстегнул последнюю уцелевшую защелку на поясе, и вывалился из кресла.

Глава 2

Ал с трудом поднялся на ноги. После падения он позволил телу выключиться на пару минут. Но лежать было нельзя. Возможно – катер горит, возможно – его энергоблок нестабилен и вот-вот взорвется. А еще в трюме оставался полковник. Во время падения гекон отгонял мысли о человеке, безвольно повисшем в десантном кресле, сосредоточившись на выживании, но сейчас беспокойство о полковнике подгоняло его, подобно раскаленной плети. Оскальзываясь на мусоре, нанесенном в кабину из пробоин, и держась за стену, Ал поковылял в трюм. Ден Кор все так же безвольно висел на ремнях в какой-то неестественной позе, выгнувшись вперед, будто пытался вырваться из зажимов. Пять тел десантников тоже находились на своих

местах, остальных выбросило во время катастрофы. Все десантники были обезглавлены: сначала тот странный гравиудар, потом бешеный спуск и крушение. Тела выдержали, благодаря гравикомпенсаторам боевой брони, а вот их головы не были защищены.

«Эх, сержант Барт, расслабился ты, и потерял голову. Все вы потеряли. Причем – буквально. Не было на вас моего сержанта Го». Ал печально посмотрел на последствия падения подготовки и дисциплины в некогда безупречном роде войск. «Ну что ж, зато, ты оставил мне много оружия, которое очень пригодится… – он потянулся к импульсной винтовке, все еще прочно зажатой в креплении на стене бота, – …возможно. Если я выживу. И надолго ли?»

С этой мыслью он снова повернулся к полковнику. Рука того была вытянута шнуром от чемодана, который застрял под соседним креслом. Если полковник погиб, то Ал тоже обречен. Последнюю подпитку он проходил восемь месяцев назад, и без новой его тело распадется меньше, чем через полгода. И это в лучшем случае. Ведь сегодня организм потребовал немалую долю ресурсов. Ладно. К этому можно вернуться позднее, а сначала нужно осмотреться, понять, что делать: бежать из разбитого катера, или наоборот – готовить его к превращению в крепость. Ал, все еще держась за поручень, поковылял к хвостовой части. «Интересно, что за новое оружие применили антурийцы? Конечно, катера и раньше получали пробоины от ракет и лучевого оружия, но одним ударом оторвать такой кусок метапласта?» Края разрыва были излохмачены, словно корму отгрызло космическое чудовище, а силовые элементы конструкции оплавились и скрутились. Это при их-то способности выдерживать излучения! Что это? Одновременно и удар, и температура. Возможно, какой-то новый вид ракет, совмещающий в боеголовке все виды поражающих воздействий – гравиволну, излучение и кинетические элементы. «Что ж, эту загадку мне все равно не разрешить, посмотрим, не рванет ли все это». Ал выбрался из бота и оглянулся. Катер запрыгнул на невысокий пологий холм, и сейчас удачно возвышался над местностью, весьма привлекательной на взгляд человека. Или гекона. Ведь его эстетические предпочтения ничем не отличались от человеческих.

Слева направо неспешно протекала широкая река, ее бирюзовая вода в обрамлении поросших травами и цветами берегов была невероятно красива. Огромные деревья безупречной формы возвышались на берегах этой реки – между деревьями вились лианы и искрились соцветиями кустарники разных оттенков зелени. В целом картина производила неизгладимое впечатление: природа выглядела так, как ее изображают в головидах о сказочных мирах. Такие деревья были бы хорошим домом для эльфов, а в реке непременно должны были бы жить прекрасные водные нимфы. И единороги притаились в кустах. Да, это обязательно. Нигде не было видно ни единого уродливого или высохшего растения, колючего кустарника или гнилого валежника. Лишь огромная борозда от падения катера уродовала эту идиллическую картину. Ал поднял голову вверх: небо было невероятно голубым и прозрачным – лишь таял в облаках след от дыма его разбитого бота. Гекон проследил за ним взглядом и в самом зените вдруг увидел черное пятно, словно уродливая клякса плесени растекшееся на синеве. Клякса эта сжималась и затягивалась – небо лечило само себя. «Видимо, вот там мы и прорвали защитное поле планеты. Правда, я понятия не имею, как наш крохотный катер сумел это сделать. Или, все же, не мы прорвали поле, а поле затянуло нас? Та штука, гигантская бусина антурийцев, что она делала?» Ал вспомнил разгорающуюся искру, от которой его спас фильтр шлема: «Возможно, антурийцы стреляли вовсе не по нам. А по управляющей сфере. Так же, как и в истории полковника, стремясь уничтожить то, что не могли присвоить. Да, это вполне возможно. И тогда сфера что-то сделала. Что? Отразила удар? Логично, ведь ее создатели, скорее всего, и разрабатывали ее для защиты планеты. А мы были почти возле нее. И она втянула наш бот внутрь поля, распространив свою защиту и на нас… Хорошая теория. Мне нравится. Но проверить ее я не смогу никогда. Ну что ж. Главное, что я жив. Пока». Мысль о смерти заставила его вернуться к текущим проблемам. Ал, спотыкаясь, обошел искореженный катер – корпус был изрядно помят, аэродинамические плоскости сорвало при падении, а на правом

борту имелась огромная вмятина, но никаких признаков горения или искрения не заметил. Так что с этим проблем нет. Уже хорошо. С другой стороны, это может означать, что сработал аварийный протокол, и основной реактор отстрелился. Значит, превратить катер в свою новую штаб-квартиру и крепость не выйдет. Да, немного энергии осталось в аварийных аккумуляторах, но ничего стоящего к ним не подключишь. «Что ж, пока удовольствуемся тем, что есть». Ал медленно побрел к разрыву в корме, осознавая, что тянет время, страшась увидеть неизбежное. Мертвый полковник Кор – это не просто потеря товарища, которого он уже терял однажды, и к которому, положа руку на сердце, даже не успел привязаться снова, – это приговор. «Наслаждайся жизнью, А-Эл-96. Прекрасной жизнью в прекрасном новом мире. Пока не сгниешь заживо. И торопись, ведь осталось тебе недолго».

После яркого уличного света трюм, с его красным освещением, выглядел мрачно и угрожающе. Лужи крови и обезглавленные тела десантников добавляли в эту картину зловещие мазки. Полковник висел на ремнях, и его поза ни на волосок не изменилась с тех пор, как бот успокоился на грунте этой планеты. С замиранием сердец Ал подошел к нему, все еще не решаясь проверить, жив ли человек. Наконец, собравшись с духом, он присел и потянулся к замку на животе полковника. С груди свисала огромная кобура, которая мешала расстегнуть защелки. Ал заглянул за спину полковнику, и тут понял, почему ремни до сих пор так натянуты: внутренняя обшивка позади тела была разорвана, и из дыры торчала изогнутая дугой силовая балка бота. Так вот куда пришелся этот ужасный удар! Что бы ни ударило катер, но оно сумело настолько прогнуть силовую конструкцию, что одна из балок прижала полковника, заставив его повиснуть в такой кошмарной позе. Повозившись несколько минут, и поняв, что замок заклинило, Ал разрезал ножом ремень, и освобожденное тело рванулось ему навстречу. Он подхватил бесчувственного командира под руки, и потащил на плече к выходу. Вдруг что-то остановило его, не позволяя двигаться дальше. «Коробка боли», все еще пристегнутая шнуром к руке, крепко застряла под креслом. «О, черт! Я и забыл про нее». Пришлось опустить безвольное тело на пол и выдернуть заклинивший чемодан. Разобравшись с помехой, Ал снова взвалил полковника на плечо, перекинув шнур чемодана через шею, и так потащил эту связку к выходу.

Наушники молчали, связи с броней полковника не было, зеркальный фильтр на его шлеме наглухо закрылся еще в момент вспышки, и открыть его снаружи не представлялось возможным. Новая дилемма: чтобы посмотреть жив ли человек, следовало освободить его от скафандра, но если снять скафандр, то он может умереть… если еще жив. Ал проверил показания встроенного в броню анализатора – слишком хорошо, чтобы быть правдой. Показатели воздуха были даже лучше, чем на легендарной Праматери. Выглядело слишком фантастично, но показатели были именно таковы. Возможно, приборы в броне просто вышли из строя. С другой стороны, рано или поздно придется начать дышать этим воздухом – другого не будет. Ал отстегнул шлем и решительно вдохнул. Воздух был необычайно чист и свеж, даже несмотря на испарения и гарь от еще горячего корпуса катера. Он был так же прекрасен, как и все остальное вокруг. Гекон поднял голову вверх, желая увидеть небо собственными глазами, а не через визир шлема. Да, так небо выглядело еще прекраснее. Такой голубизны и чистоты он не видел никогда в жизни. Ни на одной из планет. Даже далекие облачка были безупречны. Безупречное небо, безупречная вода, безупречные деревья и цветы – безупречный мир. Мир-сказка… единственная планета на орбите смертоносной звезды-гиганта. Похоже, Ал нашел самый ценный артефакт богонов. Он на нем стоял.

Что ж, тогда нет смысла бояться. Гекон присел, и повернул замки на шее человека. Шлем с шипением отсоединился от скафандра. Лицо полковника было бледным, глаза закрыты, но индикаторы жизненных функций показывали, что Ден Кор жив, хоть и получил множественные повреждения. Ал вручную соединил инфосети обоих скафандров и снова надел свой шлем, чтобы прочитать телеметрию с брони полковника. Да-а-а, скафандры офицеров научной

службы это нечто! Данные говорили о том, что полковник получил несколько ударов такой силы, что это расплющило бы человека в легкой броне, а один, видимо тот, который выгнул балку катера, перерезал бы обычную броню напополам. А эта выдержала. Вот только это слабо помогло полковнику. Даже несмотря на такую чудесную броню, нагрузка на организм оказалась слишком высокой. Кор был лишь человеком. Серьезно повреждены печень и селезенка, одно легкое, переломаны семь ребер, сломана рука, на которой болтался чемодан, и, о боги, отбиты обе почки и переломан позвоночник. Медблок скафандра сделал все, на что был способен, чтобы спасти подопечного – это не дало тому умереть, но и выжить при таких повреждениях полковник не сможет. Лишь чудо может сейчас спасти его. А лимит чудес они, похоже, уже исчерпали. Сейчас Кор находился под действием сильного обезболивающего, и скафандр будет продолжать вливать в его кровь лекарство. Так он был запрограммирован, ведь в таких случаях спасти человека можно было только в госпитале, и потому машина будет поддерживать пациента в бессознательном состоянии до тех пор, пока у него будет запас лекарств. Но рано или поздно запас истощится, и полковник придет в сознание. Все так же смертельно раненый. Ал рассудил, что никто не знает, что может случиться в следующий момент, и потому, видимо, лучше разбудить полковника сейчас, чем откладывать это на потом, ведь скафандр все равно не сможет залечить его раны. Все еще колеблясь, он передал команду на выведение человека из сна.

Полковник застонал, и лицо его скривилось от боли. Ал ввел ему в кровь небольшую дозу специального анальгетика, который позволял бойцу оставаться в сознании, и при этом не чувствовать боли. Глаза человека с трудом открылись, и снова закрылись от яркого света с небес.

– Где мы? – хрипло проговорил он.

– Упали на планету. Не спрашивайте меня, как. Катер разбился, все погибли кроме меня и Вас, командор.

– Кроме тебя и меня… Да… Похоже, меня тоже придется записать в покойники. Не чувствую ног, да и руку только одну. Не пытайся обмануть меня, что там на медицинском мониторе?

– Да, сэр. Вот смотрите, – он надел Кору шлем на голову, чтобы тот мог сам просмотреть данные.

Через пару минут лицевой щиток шлема поднялся: «Дерьмово дело, Ал»…, – произнес полковник с кривой улыбкой.

– В этот раз фортуна изменила мне. Исчерпал я свой запас, видать.

Ал молчал, не желая произносить сентиментальные глупости.

– Слушай, Ал, подними меня, хочу увидеть, где мы.

Гекон, дернулся к полковнику, а потом со словами «одну минуту» убежал в бот. Послышался скрип и скрежет, что-то хлопало и шипело, и через несколько минут в дыре на корме катера появился Ал, волочащий пилотское кресло – крепление его было перерезано плазменной горелкой и еще слегка дымилось.

– Хорошая штука, эти катера, а командор! Живучие, выносливые, и всегда инструменты на борту есть, – с этими словами Ал затащил кресло на вершину холма, и стал копать яму раскладной лопаткой. Решив, что она достаточно глубока, он воткнул опору кресла в яму. – Вот, так будет – то, что надо!

– Знал бы я еще, как оно «так». Лежу тут, как жук безногий, в небо гляжу…

– Ничего. Сейчас, сейчас все будет. Нет… погодите. Закройте глаза.

Ал подхватил полковника под руки, и потащил на вершину. Закрепив его в кресле ремнями, он снял шлем с головы командира, и торжественно произнес:

– Все, смотрите. Вот оно – сокровище, которое Вы искали.

Ден Кор медленно открыл глаза и вгляделся в открывшийся перед ним пейзаж. Несколько минут он разглядывал реку, деревья, небо и холмы вдали, покрытые сказочной зеленью. Оба молчали.

– Знаешь Ал, оно того стоило. Жаль только, не смогу я побродить по этой планете. А ведь тут обязательно есть еще много чудес. Как бы я хотел обойти этот мир своими ногами, проплыть все моря, взобраться на самую великую гору, и окинуть взглядом горизонт от края до края…

– Не хороните себя, командор! В катере есть медавтомат. Я посмотрел – похоже, он цел!

– Эх, Ал… – грустно усмехнулся полковник, – ты же видел мой медблок в скафандре. Что такого может автомат в катере, чего не умеет мой медблок? Разве что делать хирургические операции. Но это мне не поможет. Он не вырастит мне новую печень, не склеит новые почки. Да и позвоночник не соберет. Все, что может медавтомат, я получаю и от своей брони. Так что угомонись, и дай мне уйти достойно.

– Нам, полковник, нам… Если уйдете Вы – я тоже не жилец.

Ден Кор повернул голову к Алу и пристально посмотрел тому в глаза.

– Не совсем, мой друг. Есть одна идея. И мы ее осуществим. Я многим обязан тебе, и не только за то, что ты спасал меня дюжину раз. Но и за то, чего я не сделал, не почувствовал, сдался, поверив в то, что тебя больше нет. Эх, не посидеть нам с тобой у костра, не потравить солдатские байки… А я так мечтал. А может – это рок, расплата за жизнь, которую я получил благодаря тебе. Может быть, сама судьба привела меня сюда, чтобы человек мог искупить грехи перед геконом. Пусть лишь перед одним, но все же, мне хочется верить, что это мое искупление.

Ал, молчал, не зная, что вообще можно сказать. Полковник говорил высокопарно, совсем не так, как они общались в годы своей боевой дружбы, но говорил он это искренне, от души, и ему было неловко произнести хоть слово.

Повисло молчание. Полковник смотрел вдаль, его лицо было спокойно и одухотворенно. Несколько минут лишь звуки окружающей жизни раздавались вокруг – природа уже оправилась после страшного метеора, свалившегося с небес.

Наконец полковник произнес:

– Видел там контейнеры с эмблемой научной службы?

– Да. Стоят. С виду даже целые – все в амортизационных захватах.

– Отлично. Найди там контейнер с маркировкой АН35К4. Вытащи его, и открой… Нет, ты же не откроешь. Так, вот что, мне нужно прикоснуться к нему. Придумай как. Или сюда его тащи, или меня туда.

– Подождите, сэр. Я сейчас что-то придумаю, – возбуждение от новой надежды овладело Алом, хотя он понятия не имел, что задумал полковник, и можно ли это сделать вообще. И даст ли это ему что-то в итоге. Но даже такая призрачная надежда возбуждала кровь, и он стремительно бросился к катеру.

Порывшись в инструментальном боксе, Ал вооружился виброрезаком, и бегом направился к роще высоких стройных деревьев, которые виднелись неподалеку. Стволы деревьев были белыми, с поперечными черными черточками. Кажется, он читал, что на Праматери были подобные деревья, называвшиеся березами. Странно, очень странно. Его аналитический ум отметил этот факт, как заслуживающий внимания. Позже, когда будет время, стоит об этом подумать.

Виброрезак рассекал стволы, не встречая сопротивления. Срубив несколько молодых деревьев, и срезав с них ветки, Ал получил охапку прекрасных ровных жердей. Закинув их на плечо, он снова побежал к катеру. Силовая броня делала эту ношу детской забавой, так что на все это ушло не больше десяти минут. Связанные стяжками из ремонтного комплекта, жерди образовали хорошую решетку, один конец которой был привязан ко вкопанным в землю ство-

лам, а другой закинут на край бота. Брошенные поверх ветки, образовали прекрасный навес, защищавший от солнца, но оставляющий возможность дышать свежим воздухом и любоваться сказочным пейзажем. Второе пилотское кресло Ал вбил в землю у борта бота так, чтобы с него можно было смотреть на реку, ящики с оборудованием образовали уютный закуток, а искомый контейнер установлен возле кресла. С ним пришлось повозиться. Он занимал два стандартных пако-места, и весил столько, что даже в силовой броне его было вытащить весьма тяжело.

Слава стандартам: в катере имелась типовая система охраны на случай посадки во вражеском районе – шесть мини-сторожей с лучевыми пушками. Ал расставил их вокруг катера, и окинул взором свой новый походный лагерь – все вышло неплохо для такого срока – и, удовлетворенный своей работой, он пошел за полковником.

На всю затею ушло около часа, так что Ден Кор успел снова впасть в забытье. Это даже к лучшему. Ал снова забросил через плечо злосчастный чемодан, и потащил безвольное тело в свой импровизированный лагерь. Усадив полковника в кресло, он снова ввел ему в кровь стимулятор, чтобы привести в чувство.

– Ох… Я отключился, – пробормотал Кор, облизывая губы, – сообрази мне попить. А то эта гадость в скафандре уже надоела. Да и поесть хотелось бы… О! А ты постарался. Весьма впечатляет. А где?.. Ага, вижу, отлично, ты все продумал. Так, давай, сначала сделаем кое-что, а потом займешься остальным. Открывай крышку. Да, вводи код, 1246784325. Отлично, теперь наклони короб ко мне, чтоб я дотянулся, чуть ниже, да, вот так…

Полковник изогнул запястье, и из брони выскочил разъем защищенного коннектора. Псевдонейроны сцепились с ответной частью оборудования контейнера, и с легким шипением крышка бокса открылась.

– Ну что ж, представляю тебе объект «Пи-0-12». Уровень секретности – «альфа-прим». Свидетелей без допуска разрешено расстреливать на месте, – полковник плотоядно улыбнулся. – Впечатляет, а?

– Да уж не то слово. Еще бы я знал, что это такое.

– Это, друг мой, не что иное, как комплекс построения, обработки и моделирования псиматриц, или попросту «ловец душ», слышал что-то?

– Нет, никогда. Но однажды я слышал историю, про некий груз вот в таком контейнере двойного размера с эмблемой научной службы на боках, который перевозили через станцию, где я тогда был приписан… Никто про груз ничего не знал, но, судя по сопровождению из трех крейсеров и бригады гвардейцев, эта штука была очень важной. Шептались, что это – супербомба, способная взорвать планету, или еще что-то, по силе пострашнее гиперкрейсера.

– Пострашнее, это точно. Эта штука, может взорвать не планету, а твой мозг. Она может вытащить из тебя твою псиматрицу, со всей памятью, всеми твоими эмоциями и реакциями, да – саму твою душу – и запихать ее в кристалл. А может наоборот – залить в твое тело чужую. Мало того, она может препарировать то, что пожрала, разрезать на кусочки, перекроить, и снова вложить тебе в голову. И будешь ты свято верить, что ты – верный слуга императора Ындыра девятнадцатого, выполнять его указания, любой каприз, даже отдать за него жизнь… до тех пор, пока не услышишь нужную фразу, или не увидишь некий образ. Это не просто гипноз или внушение. Ты действительно будешь верным слугой императора до поры. Ты будешь жить этим. И ни одна проверка, ни один аппарат не найдет подмены. Даже точно такой же, если все правильно сделать. Хотя, насколько мне известно, ни у кого таких больше нет, только у нашей службы, – Ден Кор гордо усмехнулся. – Такие дела. Детище безумных воспитанников генерала До.

– Впечатляет! – Ал разглядывал внутренности ящика.

– Представь ценность – то, что ты принимаешь за толстую стенку контейнера на самом деле система высшей защиты: бронированные стенки из старлара, противолучевой экран, затем усиленные пластины инерционных компенсаторов и виброгасителей – выдерживает до 200

«же». Ну и естественно: контроль температуры, влажности, противохимическая защита, питание от внутреннего реактора на сто лет – это уже мелочи.

– Сколько же это стоит?

– А вот как раз, как гиперкрейсер.

– Ради засылки шпионов в империю? Не слишком ли дорого?

– Нет, Ал, не ради шпионов, хотя и для этого тоже… Ты еще не понял. Ты можешь сохранить в ней свою душу. Понимаешь? Это путь к бессмертию. Именно поэтому Совет Трех выделил баснословные ассигнования на этот проект. При помощи этого аппарата Хранители Свободы могут править вечно, лишь меняя тела.

– Вот как, – задумчиво протянул Ал, – в таком случае, когда же на Толе в последний раз выбирали *действительно новый* Совет Трех?

– Ал, ты понимаешь, что уже допрошен с пристрастием, повешен, расстрелян и сожжен в крематории?

– Да уж… Хотя, какая мне разница? Еще вчера я был рабом, вещью в этом миропорядке, сегодня попал в мир за неодолимой стеной, а завтра… завтра может и не наступить. Хотя, да, скажи кому из граждан Республики… Смешно. Да, действительно смешно, – он громко засмеялся, – Свободная Демократическая Республика Толл! И триумвират бессмертных диктаторов… Да… Какая ирония. Был бы я человеком – наверное, расстроился бы. Но погодите, а как она вообще попала на наш борт, эта штука? При такой-то ее ценности? Почему ее не охраняет бригада республиканской гвардии? Зачем Вы вообще ее тащили сюда?

– Столько вопросов, Ал… Ладно, возможно у меня не будет случая рассказать тебе это после, а информация может помочь тебе выжить. С охраной все просто: меньше охраны – меньше внимания. Да и расстреливать бригаду гвардейцев как-то убыточно, – Кор хмыкнул, – а вот зачем она – тут интереснее. Те ученые, которые торчали месяцами на поверхности Управляющей Сферы, перепробовали все способы электронного и физического воздействия на входы, ничего не помогло. Однако, каждый раз, когда кто-то из людей приближался к этим дверям, наши датчики улавливали неизменный всплеск активности скрытых под поверхностью механизмов. Сфера знала о нас. Она следила за нами, и она читала нас. Вот тогда мы и предположили, что вход может открыть только богон. Существо с таким же геномом, и, возможно, с определенной псиматрицей. В одной из экспедиций мы нашли разбитый корабль богонов с телом пилота…

– И какой он? – воскликнул Ал.

– Не поверишь: точно такой же, как я. Ну, плюс-минус. Обычный человек. Внешне. А генетически довольно сильно отличается, хотя основная структура генома все равно похожа на нашу. Да, Ал, – полковник заметил вопросительный взгляд гекона, – похоже, мы, люди, как-то связаны с богонами.

– Дайте догадаюсь. Имея его тело, вы приготовили ДНК модификатор, и взяли в команду меня, чтобы я сошел за богона перед дверью?

– Без обид, Ал, да, так и было, но для этого подошел бы любой гекон. Любой из пятнадцати оставшихся. А за тобой я послал, потому, что мне был нужен человек, которому я доверяю.

– Не человек – гекон, которого потом бы пришлось расстрелять по соображениям секретности.

– Брось, Ал, ты и так знаешь такое количество грязных секретов республики, что это тянет на пять расстрелов. Твой статус вещи, принадлежащей службе тайных операций, дает и некоторые возможности, а не только… тяготы. Что же до «не человек», то это вопрос только личного отношения. Моего к тебе. И ты для меня – человек!

– Ладно, командор, простите, наверное, это не самый уместный разговор в данное время…

Полковник посмотрел пристально в глаза Алу.

– Ты меня прости, что не могу убедить доверять мне. Но ты поймешь чуть позже. Так, на чем мы остановились?

– На проникновении в Сферу. Хотя я все равно не понял при чем тут «ловец душ».

– Ну, мы сняли структуру мозга пилота-богона. И хоть у нас и не было его псиматрицы, но наши спецы построили модель, которую собрали на суперкомпьютере…

– Так Вы собирались мне в башку запихать какую-то программу, а меня стереть??? – взорвался Ал. – Хороша дружба!

– Отставить, рядовой! – гаркнул полковник и закашлялся.

С минуту он восстанавливал дыхание, пока системы в его скафандре вливали новую порцию химикатов, чтобы скомпенсировать эту вспышку.

– Дай сюда шлем… нет, вытащи планшет из вон того ящика и подключи к моему диагносту… Да… что там? Дай сюда, – несколько секунд Ден Кор изучал данные, потом отложил планшет в сторону. – Если ты будешь слушать и помогать мне, то мы успеем все сделать. И у тебя появится шанс не сдохнуть на этой прекрасной планете. Теперь сосредоточься и включи свои способности к анализу и логике, – Ал скривился, – теперь подумай сам – высшие лица государства переносят свое сознание, и делают это уже не раз. Этой технологии доверяют *такие* люди. А ты думаешь, что я тебя на убой отправляю! План был такой: мы подводим тебя модифицированного, а рядом ставим модулятор, который имитирует работу мозга богона. И следим за результатом. Если не прокатывает, то с учетом новых данных, снимаем твою матрицу на кристалл, записываем синтезированную в твое тело, и пробуем открыть. А потом возвращаем тебе твою душу назад.

– М-да… звучит логично, но если честно, командор, я бы не хотел этого добровольно.

– А вот я хочу! И ты поможешь мне сейчас перенести свою матрицу в этот аппарат.

– Я помогу Вам, командор. Но извините, Вы сказали, что это поможет мне. Как?

– А вот так. Где эта чертова коробка… чемодан?

– У Вас на руке.

– О боже! Ты так и не отцепил ее? Чертов перелом, я не чувствую руку вообще. Не думал, если честно. Думал, ты схватишь чемодан, сразу, как очухаешься.

– А смысл? Я же ее все равно не открою.

– Ну да, но у тебя ж есть плазменный резак и дезинтегратор на катере.

– Не работает. Питания нет. Видимо, реактор отстрелился при аварии. Я еще не залезал на крышу.

– Ну да… Понятно. Подай-ка мне его на колени.

Полковник подключил свой защищенный коннектор к «коробке боли», и открыл первую крышку. Под ней была уложена сеть из нейродатчиков. Ден Кор достал ее работающей рукой. Видишь? Ничего не напоминает?

– Напоминает. Это нейрогарнитура для управления электроникой посредством мысленной активности. Подобная сеть встроена в шлемы нашей боевой брони. Собственно, так мы и управляем спецфункциями и боевым модулем. Некоторые наши пытались приспособить сеть шлемов к коробке, которую отбирали у кураторов, чтобы сделать шунт и обойти защиту в модуляторе. Только это бесполезно. Не тот уровень. Сеть в броне – жалкое подобие этой, годное только для распознавания основных команд. Обмануть коробку боли она не способна.

– Точно! Она не способна, а вот она, – он повернулся к «ловцу душ», – очень даже способна. Как сеть модулятора сложнее сети шлема, так и сеть «ловца душ» сложнее сети модулятора. Теперь понял? Ты сможешь управлять своей коробкой боли!

Ал замер от смеси чувств, нахлынувших на него. Он был не в силах сказать хоть слово. Свобода! Настоящая свобода забрезжила перед ним. Не просто жизнь, а жизнь свободного человека! И даже если на этой планете нет разумных существ, тут есть жизнь, значит – он

сумеет прокормиться. Он пройдет эту планету от севера к югу, и от запада к востоку, он исследует каждую реку и каждую гору, он…

– Погоди мечтать. Времени мало. А я и так его растратил, чтобы вбить в твою башку, что ты можешь мне поверить. Так, теперь слушай внимательно. План такой: первое – ты переносишь мою матрицу в память «ловца», потом я авторизую тебя для работы с ним. Ты получишь доступ ко всей моей памяти, ко всем знаниям и секретам. Так ты узнаешь, как зашунтировать сеть «коробки боли», и через интерфейс «ловца» сможешь управлять ею. Ну, а с ней ты, считай, бессмертен и неуязвим. Так, погоди, – полковник надел сеть нейродатчиков с толстым кабелем псевдонервов себе на голову, – поправь: не могу одной рукой. Да, нормально…

Чемодан на его коленях щелкнул, и открыл внутреннюю бронированную крышку.

– Смотри, во-первых, возьми это: тут 12 полных заправок для базовой конфигурации. Если вдруг по какой-то причине ты не сможешь иметь доступ к «ловцу», то тут тебе хватит лет на пятнадцать, если будешь жить спокойно. Вот еще готовые боевые конфигурации. Посмотришь в моей памяти, что они могут. Сразу скажу, после применения придется не позднее, чем через месяц заправить базовую, так что, сам понимаешь – боевая сожрет годы твоей жизни. Ну и главное – сама коробка. Если моя идея верна, и ты сможешь обойти защиту, то сможешь готовить себе новые порции заправок. Любые, какие хочешь. Так что… Ну, нечего больше говорить. Зарядки возьми себе, и давай начнем.

Следуя указаниям полковника, Ал подключил его к сети «ловца душ», отстегнул, наконец, чемодан от его руки, устроил командира поудобнее в кресле, пристегнув для надежности, и отступил назад. Машина заработала, хотя понять это можно было лишь по единственному огоньку, засветившемуся внутри контейнера. Никаких внешних элементов управления не было, да они и не нужны были машине, которая улавливала любую, самую потаенную мысль. Глаза полковника закрылись, и можно было подумать, что он снова отключился. Но он предупредил, что это не важно. Машина будет работать, даже если человек впадет в кому. На перенос и зашифровку полного сознания потребуется не один час. Судя по всему, к тому времени уже наступит ночь, и нужно подумать о том, как ее встретить.

Ал зашел в разорванный трюм. «Ну что ж, вот и ваше время пришло». Втайне порадовавшись, что в катере осталось лишь шесть тел, гекон стал вытаскивать их наружу. Пять обезглавленных десантников, и один обезглавленный пилот. Второй, которого он выбросил из кресла, видимо вылетел во время падения. Следовало похоронить их, как положено, чтобы погибшие ушли с достоинством. В первый раз ему приходилось хоронить космодесантников на планете. По обычаю их тела, завернутые в знамя республики, выпускали в космос на звезду, так провожая в последний путь. Но сейчас это было проблематично. Сжечь на костре, как принято у гражданских планетников? Или похоронить в земле, как делают сторонники церкви Его Возвращения? Сжигать плазменным резаком своих, пусть и мимолетных, боевых товарищей, казалось кощунственным, а собрать необходимую кучу дров в таком зеленом раю скорее всего невозможно. Что ж, сначала наведаемся в лес. Ал зашел в трюм и выбрал себе оружие. До сих пор он не думал о необходимости защиты, да и признаков крупных животных не было, но планета может преподнести сюрпризы. Выбрав легкий и скорострельный автомат, он проверил обойму, проверил ускоритель, посмотрел в прицел – все на рефлексах. Неплохая вещь. И ухоженная. Чье это? Ах, да, малыша Роя, которого унесло первым. Видимо, он любил оружие. Мир его душе.

В лесу все было так же зелено и прекрасно, как и на холме. Побродив с полчаса, Ал смог набрать лишь охапку сухих веток и мелких сучьев. Да, этого маловато. Но и это добыча. Сбросив дрова у стенки бота, он заглянул к полковнику, но огонек светился точно так же – Ден Кор был все так же безмятежен и неподвижен. С трудом подавив желание разбудить командора, Ал взял лопату и виброрезак, и отправился к телам десантников. Что ж, значит, ваша судьба

– быть похороненными на этой новой планете. Возможно, адепты церкви Его Возвращения правы? Может их души отправятся к Великому Свету и там обретут вечное блаженство? Вот только голов нет. Как они без голов-то там, перед Великим Светом? М-да…

Закапывать тела в броне не хотелось. Во-первых, вся броня была казенной, и это было вбито в подкорку каждому солдату, и Алу тоже. Потому ее принято было снимать. Да, последние пятнадцать лет его опустили в правах до состояния вещи, но ведь когда-то и он называл себя космодесантником, и привычки еще остались. Броню следовало снять. А кроме того, тут есть и меркантильный мотив: если все получится, и он будет жить еще много лет, то детали от брони еще не раз ему пригодятся. Решено, нужно снимать. Хотя это будет не самым приятным занятием. Потом придется вычищать внутренности скафандров от крови и экскрементов. А если сделать это в реке? Это идея! И он потащил первое тело к берегу. Кажется, это был сержант Барт. Затолкав тело в воду, прозрачную и чистую, Ал открыл аварийные замки, и броня разошлась по бокам, освобождая погибшего. Десантники надевали броню на голое тело, ведь она становилась второй кожей и получала управление от иннервации мышц, становясь продолжением и усилением человека. Мерзкого бурого цвета муть разлилась в воде. Да, хорошо, что вода уносит все это. Гекон вытащил обезглавленное голое тело из брони, и немного повозил его по дну реки. Чистый золотистый песок уносил все нечистоты. С первым покончено. Еще пять.

Справившись с этой неприятной работой, Ал выкопал яму, в которую, по его прикидкам, должны были поместиться все шестеро. «Да, хорошо, что вас не двенадцать… или четырнадцать». Забросав обнаженные тела землей, Ал уложил сверху дерн, который предусмотрительно срезал виброрезаком. Выглядит вроде неплохо. Адепты Возвращения еще ставят знак у могилы, но вряд ли это уместно тут. Хотя, нужно же как-то отметить место их захоронения? Ал вернулся в бот, и, повозившись там некоторое время, вытащил из кабины штурвал, при помощи которого сумел посадить катер. Водрузив его у изголовья братской могилы, гекон вскинул руку в последнем салюте. «Спите спокойно – пусть этот штурвал укажет вашим душам путь к вашему Свету». Импровизированное прощание звучало неплохо, и он остался доволен проделанной работой. Теперь позаботимся о живых.

В своих частых отлучках в походы на Тобосе, Ал научился добывать себе пищу в любом месте. Лишь бы там была живность. Привычка иметь при себе набор для выживания стала второй натурой: многофункциональный нож, способный перерезать сталь, небольшой источник питания, он же фонарь и маяк, моток сверхпрочной лески, крючки, небольшой кусок шнура и кремень. Этот архаичный способ добывания огня вызывал у всех усмешку, но Ал считал, что разжигать костер любым другим способом неспортивно. Не раз бывало, он на голом месте строил себе шалаш, сооружал удочку или копье, добывал себе рыбу или зверя, готовя дичь на костре. Вкусно поесть Ал любил. Создав геконов мужчинами по внешнему образу, люди сделали их бесполыми по сути. Радостей секса гекон не мог ощутить в принципе, радости любви с такой внешностью тоже, зато у него был нюх, как у собаки, и вдесятеро больше вкусовых рецепторов на языке. Ведь гекон должен был распознавать сложные химические вещества: яды, снотворное, вещества, изменяющие сознание. Так что вкус он различал, еще как. И потому всегда носил с собой небольшую емкость, в которой хранилась его ценность – набор специй, который он старался всегда пополнять. Мало того, на каждой планете он всегда экспериментировал с местными растениями: нюхал, смакуя оттенки ароматов, жевал прочувствывая вкус, и, если ему нравилось, добавлял в свои блюда. Солдаты на Тобосе были неплохими – почти друзьями. Зная его пристрастия, они даже позволяли ему пользоваться кухней, подкупленные перспективой поесть что-то отличное от стандартных пайков питания. Поначалу, конечно, они отнеслись к идее очень настороженно. Ведь то, что мог без вреда есть гекон, могло убить человека. Однако, самые смелые рискнули. И после этого на базе всегда ждали его из его вылазок на природу. Ал притаскивал тушу рыбины или зверя, и устраивал кулинарное действо, результат которого всегда превосходил ожидания дегустаторов. Кстати, ни один из них ни разу даже

животом не заболел. Сейчас Ал решил устроить полковнику шикарный ужин, для чего нужно было добыть какую-нибудь живность, да еще и съедобную для человека.

Хоть у него и был с собой походный набор, но рыбачить в данных условиях было неуместно. Гекон подошел к реке, сжимая шоковую гранату. Вода уже успела унести следы подготовки к похоронам. «Вот так все в этой жизни. Ты жил, мечтал, планировал… А потом вода или ветер, или песок заметают твои следы, и все, нет тебя, как будто и не было. А река течет, и ветер дует, перекатывая песок»… Ал встрепенулся, отгоняя меланхоличные мысли. «Простите русалочки, простите наяды и единороги», и швырнул гранату в воду выше по течению. Вспышка озарила глубину, акустический удар вздыбил поверхность воды. Через несколько секунд на поверхности стали показываться тушки рыбы разного размера и формы – течение несло их к Алу. Он закрыл шлем и полез в воду. Выбрав несколько самых крупных рыб разного вида, он выбросил их на берег. Туда же полетели и несколько меньших. Остальные блестящие в закатном свете тушки медленно поплыли вниз, как свидетельство его надругательства над природой. Ал грустно проводил их взглядом. Не так он хотел бы начать свое знакомство с планетой. Но что ж поделать…

Длинным, слегка раздвоенным языком гекон попробовал кусочек филе самой крупной рыбы. Длинномордая рыбина была огромной, больше размаха его рук – почти черного цвета, со светлой и редкой, но крупной чешуей ромбовидной формы, а по ее спине шли пирамидальные костяные выступы. Белое мясо оказалось божественным. Ал не ожидал этого, и съел кусочек прямо так – сырым. Даже в таком виде это было очень вкусно. Бритвенный нож осторожно вспорол толстое рыбье брюхо, и оттуда стала вываливаться икра. Гекон попробовал и ее – оказалась еще вкуснее мяса. Он мысленно добавил немного соли к этому вкусу, и понял, что даже человек способен им восхититься. Да, планета преподносит сюрпризы!

В армии не предполагается, что солдат добывает себе еду или готовит обед. Действительно, странно было бы найти в катере кастрюлю или сковородку. А впечатлить полковника ужином очень хотелось. Ал перерыл все контейнеры, пытаясь найти хоть что-то подходящее, однако посуды там не было, даже химической. Затем он откопал в одном из контейнеров датчик, который, по всей видимости, предполагалось использовать для улавливания излучений того объекта, к которому летели. Датчик был похож на половину огромного апельсина, с параболическим концентратором снизу, зато его внешняя сторона была сделана из титанита – для экранирования от внешних воздействий. Соединение атомов титана с атомами железа и никеля в особой формы кристаллической решетке обладало рядом выдающихся свойств, среди которых важнейшим, с точки зрения Ала, было то, что этот сплав не имел вкуса. Ал выковырял начинку, чувствуя себя варваром, и получил сияющую кастрюлю. Если прокипятить эту кастрюлю пару раз, то запах химии из начинки должен исчезнуть, и в ней можно сварить прекрасную уху. Пластиковые ложки и кружки должны быть в пайке. Так что праздничному ужину быть!

Костер потрескивал, разбрасывая искры, которые весело устремлялись в небо. Вода в реке искрилась в свете луны. Луны, которой не было у планеты. Звезды мерцали в чистом высоком небе, словно и не было над ними никакого поля, непроницаемого для любого излучения. Думать об этих чудесах просто не хотелось. Хотелось наслаждаться воздухом, плеском воды и игрой света на волнах, стрекотом насекомых в траве, и одуряющим запахом ночных цветов. Над морем слегка колышущейся травы поднялись разноцветные точки светляков, которые кружились в воздухе в чудесном световом балете. Крупные ночные бабочки порхали между цветами, которые слабо фосфоресцировали в темноте. Каждое прикосновение бабочки к цветку вызывало выброс из него порции светящейся пыльцы, и бабочка взлетала, оставляя за собой шлейф искр. Невозможно было поверить, что эта красота реальна. Гекон и человек чувствовали себя зрителями в прекраснейшей из постановок.

Полковник отхлебнул уху из кружки, бережно держа ее голой рукой – боевую перчатку он отстегнул, чтобы хоть немного чувствовать окружающий мир. Остальное снимать было нельзя, так как лишь силами скафандра Ден Кор еще был жив.

– Как тебе это удалось? Это просто божественно! Давно я не пробовал ничего подобного.

– Погодите, вот уже подходит запеченная на углях рыба, вот это попробуйте. А! Вот еще деликатес, – Ал протянул полковнику ложку с темными блестящими бусинками.

– Это что?

– Попробуйте. Во-от. Ну как?

– О! Это нечто! Господи, Ал, ты просто творишь чудеса.

– Эх, командор, мне бы кухню, я бы Вас накормил. Но может еще… – он осекся.

– Ничего Ал, все нормально. Я не жалуюсь. А ну, добавь-ка мне еще этой чудесной ухи! И рыбы кусок! Только смотри, чтоб без костей.

– Да их и не было. Не рыба, а находка. Костей почти нет. А вкус. Вкус какой! М-м-м… Вот, держите еще.

Они перебрасывались ничего не значащими фразами, наслаждались вкусом блюд и смотрели вдаль, словно и не лежал в конце уродливой борозды разбитый десантный бот, не стоял штурвал у изголовья братской могилы, словно у них впереди бездонный источник времени, который не выпить, не осушить…

– А помнишь Толл-таллу?

– О да, командор! Как забыть! Как же мы тогда веселились! Помню, как Борг напился до такого состояния, что нам пришлось запихнуть ему под одежду грузовой экзоскелет, чтобы он не падал, когда объявили проверку.

– А ту девчонку с базы третьего флота? Не могу забыть ее лица, когда она выбежала из комнаты отдыха, – полковник заразительно рассмеялся, – что там вообще случилось? Может признаешься?

– Ну, Вы же помните, командор, тогда геконы хоть и были в диковинку, но жили вместе с солдатами, и частенько мелькали в частях. И вот эта… Тима, кажется – а она та еще была штучка – заинтересовалась, как же оно *там* у гекона. Не знаю, кто там и что ей нарассказывал, но это стало ее мечтой. Ну, понимаете, мужик двух с лишним метров роста, и метр в плечах, у такого мужика и остальное под стать. И она подбила нас сыграть с ней в карты. О! А правила были забавные. Кто выиграл, тот заказывал желание любому за столом. Играла она мастерски. И все на меня поглядывала. Когда уже дело шло к развязке, она не могла усидеть на стуле…

– А ты не стал ее разочаровывать раньше времени.

– Не-е. Мы тогда пьяные были, веселые, да и ребята ждали потехи. Ну вот, когда она меня выиграла, то потащила в комнату отдыха. Ну а дальше вы видели.

– О да… это весь бар видел. И слышал ее проклятья.

Помолчали.

– Ал, а вот ты никогда не жалел, не думал, как оно…

– Да что жалеть-то. Не судьба мне. Уж как есть. Зато… Вот теперь попробуйте печеную рыбу с местными травами.

– Местными? А они… А, какая разница! Тащи сюда!..

Луна неспешно ползла по небу, звезды вращались, как и положено звездам. Костер догорел, и лишь несколько угольков еще багрово светились в темноте. Тишина. Легкий ветерок качает верхушки диких злаков. Бабочки и светляки разлетелись по своим жучьим делам. В тишине лишь изредка раздавались крики ночных птиц, да в реке плескала рыба.

– Командор, можно я спрошу Вас о чем-то?

– Говори, Ал, можно. Уже можно.

– Можете сказать мне свое Имя?

– Хм, ты же скоро это узнаешь и так.

– Я хочу услышать это от Вас, командор.

– Имя… Давно я сам его не слышал и не произносил… Дениель Гарольд-Мария Корсон.

Ал повторил это имя про себя, словно смакуя звуки во рту.

– Вот, значит, как… Я тоже хотел бы иметь Имя.

– Теперь ты можешь. Какое захочешь. Теперь ты все можешь…

Последние угли костра дотлели, и дымок угасшего костра смешался с пряными ароматами неизвестной планеты. Плеск в реке. Невидимые в ночи крылья прошелестели над лагерем…

– Знаешь Ал, – прошептал полковник, – а я ведь хорошо пожил. Я видел столько миров. Я видел столько чудес. Я шел по следу сверхцивилизации и пришел сюда… И еще. Я здесь с другом. С настоящим человеком. Неплохой финал для простого десантника, которому судьба подарила лишних пятнадцать лет…

Ал сглотнул ком, подступивший к горлу.

– Командор! Сэр! Не надо… Мы еще… Вы…

Полковник Ден Кор не ответил.

Часть вторая
Человек

Глава 1

На рассвете Ал похоронил полковника на вершине холма. «Спи, друг, ты мечтал побродить по этой планете, так хоть насладись этим прекрасным видом». Впервые Ал обратился к другу на «ты», ранее, даже в мыслях не позволяя такой фамильярности. Целый час он вырезал из корпуса бота балку, которая перебила спину полковнику, и вкопал ее у изголовья могилы. Пусть это будет монументом его памяти. Ал не стал снимать скафандр с покойного, не желая видеть израненное, переломанное тело. А пользы от слишком маленькой по размеру брони, несовместимой с его собственной, не было никакой. Кстати, о своей броне тоже нужно подумать. Заряд в батарее не бесконечен. На две недели спокойного пользования хватит, а дальше? Боевые скафандры не рассчитаны на длительное использование, да и потом, тут даже санацию негде проводить. Не гадить же в него, когда приемный блок переполнится. Броню придется снять. А что надеть? Сплести травяную юбочку? Это было бы оригинально. Может, что-то есть в катере? Ал перерыл все отсеки и закутки, и, наконец, за одной из панелей в кабине пилотов нашел свернутую в комок грязную ремонтную робу. Ура! Хорошо, что эти робы безразмерные, и подходят для человека любого роста.

Гекон посмотрел на края штанин, туго натянувшиеся чуть ниже середины лодыжки. «Ну, да, для *человека* любого роста. Надеюсь, не лопнут, когда сяду», – иронично подумал он. Семь комплектов брони, включая его собственный, были пристегнуты в десантные кресла. Впрочем, комплект был, как раз, только один. И Ал размышлял, что же делать дальше. Нужно было идти, исследовать планету, искать разумную жизнь. Но оставлять это все тут вот так – без охраны – было неосмотрительно: а если эта разумная жизнь где-то рядом? А если она агрессивна? Даже если это какие-то туземцы с уровнем докосмических войн. Хороший топор и много дурной силы способны на многое. А много хороших топоров и много дурных голов… Больше всего его беспокоили «ловец душ» и «коробка боли» – две вещи, без которых он не жилец на этом свете. Нести без брони модулятор он еще мог, хоть это и было бы непросто, но передвигать огромный ящик «ловца» он не сумел бы, даже несмотря на свои нечеловеческие силы. Уйти, оставив это без присмотра, – нельзя, взять с собой – нельзя. Дилемма казалась неразрешимой. Ал прокручивал в мозгу разные варианты: напилить огромных деревьев и завалить корму, спрятав внутри бота, – но ведь можно и растащить по бревнышку – или попробовать найти оторванные аэродинамические плоскости и приварить их в качестве дверей, но они не бронированы – конструкторы не рассчитывали на это, – значит, при определенном старании эти мифические туземцы могли бы пробить и эту защиту. Конечно, вокруг катера стоят шесть стражей, и он не собирался их убирать, но это лишь временное решение. Если туземцы окажутся сообразительными, то смогут их свалить. В конце концов, он сам ведь в свое время пробирался, извиваясь между камнями, и ломал таких же сторожей голыми руками. Возможно, разумно снова надеть броню и обойти окрестности, разведать. С другой стороны, рано или поздно придётся ее снять и привыкать обходиться без нее, так почему не сейчас? Только нужно что-то решить с обувью.

Хвала создателям этого корабля: ремонтный отсек бота был набит разными инструментами и материалами. «Неваляшка» оправдывал свою репутацию. Сандалии, склеенные из обивки десантного кресла и ремней, были весьма неплохи. Мягкая и прочная подошва из пористого полимера получилась довольно удобной и наверняка долговечной (ведь кресла должны были выдерживать и бронированные тела). Ремни тех же кресел пошли на верхнюю часть и

хорошо обхватывали ступню. Выглядело почти стильно. Но главное – вполне удобно. «Нет, Ал, ты определенно молодец», – похвалил себя гекон, – «ну, теперь можно и на прогулку».

Ал поднялся на вершину холма и отсалютовал импровизированному обелиску из балки. Сначала он хотел повесить любимый бластер полковника на нее – так, представлялось ему, будет солиднее – но мысли о туземцах изменили этот порыв. Нет, пусть «Гретта» – как эту огромную пушку называл командор – полежит под охраной сторожей. С собой он взял приглянувшийся ему ранее маленький автомат Роя: он легкий, что становится решающим, когда на тебе нет силовой брони. С вершины холма Ал направился вдоль реки вниз по течению, намереваясь все время придерживаться возвышенности. Конечно, так его будет видно издалека, но зато он получает хороший обзор. Новые сандалии шелестели в траве, щебетали птицы, стрекотали насекомые. Идти по этой планете было легко: кажется, тут несколько меньшее притяжение, чем на Тобосе или Толе – определенно ниже. От удовольствия он даже стал насвистывать. Пройдя около километра, Ал взобрался на новый холм и увидел большой гладкий валун – отличное место, чтобы перевести дух. С этого холма панорама была еще замечательнее, ведь он был намного выше того, на который упал катер: насколько хватало глаз, вокруг расстилалось зеленое море, река, слегка извиваясь между пологими холмами, убегала вдаль и скрывалась среди деревьев. Но ее изгибы можно было проследить и дальше: в просветах зелени блестела вода, и деревья вдоль берега были особенно высоки. Внизу у подножья холма, ближе к воде росли высокие и густые кусты, укрытые розовыми цветами. И прямо из этих кустов за ним наблюдали.

Ал постарался удержать свои чувства под контролем, внешне не выдавая, что заметил слежку. Тренированное годами чутье указывало на то, что там, в кустах, действительно кто-то есть. Хотя пока что он не мог увидеть их или услышать. Унюхать тоже не получалось. Ветер дул ему в спину, значит – за ним следят опытные следопыты. Или охотники. Посидев так еще пару минут, и «беззаботно» насвистывая, гекон решил потихоньку приблизиться к тем кустам. Незаметным плавным движением он снял автомат с предохранителя, подтянув его так, чтобы можно было стрелять с минимальной задержкой. Если существа, которые прячутся в кустах, знают, что такое огнестрельное оружие, то их не стоит пугать и провоцировать, идя с оружием наизготовку. Что ж, делаем вид, что идем во-о-он к тому просвету, там, вроде бы, и спуск к воде, пусть думают, что я просто решил напиться. Ал приближался к реке. Теперь его чуткие уши различали приглушенные шорохи, хотя он так и не мог заметить притаившихся аборигенов. Это говорило о высоком мастерстве маскировки, ведь обмануть гекона с его усовершенствованными органами чувств было почти невозможно. Когда до кустов оставалось не больше двадцати шагов, их ветви внезапно расступились, и на поляну выступили трое. Ал мог поклясться, что видел, как кусты действительно расступились, и это не фигуральное выражение, что удивило его не меньше чем появление самих аборигенов. Все четверо замерли, глядя друг на друга. С виду это были обычные люди, только их уши были вытянуты и заострены, как и у него, хотя, нет, они все равно не были такими большими, и, судя по всему, не могли двигаться. Но их лица были красивыми. Правильные человеческие черты, стройная осанка, светлая и чистая кожа. Одеты они были в какие-то куртки и штаны из непонятного материала, – возможно, кожи каких-то животных – волосы с головы свисали длинными косами, а вместо плащей на них были сетчатые накидки с вплетенными растениями, которые так хорошо маскировали их в кустах. Все трое насмешливо улыбались, сжимая в руках длинные луки, с направленными ему в грудь красными стрелами.

– Оу! Полегче, эльфийские воины, – улыбаясь, произнес Ал. В самом деле, внешний вид этих существ больше всего соответствовал образу сказочных жителей леса, который обыгрывался в человеческой культуре уже не одну тысячу лет.

«Эльф» что-то громко сказал и дернул головой.

– Нет, друг, я не понимаю тебя.

«Эльф» снова произнес эти слова, но уже с более грозной интонацией. Двое его товарищей угрожающе повели луками.

– Давайте не будем накалять обстановку…

Правый «эльф» резко опустил лук и отпустил тетиву. Стрела воткнулась в землю, в сантиметре от пальцев Ала. Пока он изумленно поднимал глаза от черного жала с ярким красным оперением, стрелок уже успел наложить на тетиву новую стрелу – изрядное проворство.

– Э! красавцы, так дело не пойдет! – гекон отступил на шаг, и быстрым движением навел автомат на среднего, который, судя по высокомерному выражению на лице, и был главным.

Вдруг незнакомцы рассмеялись. Что-то дико веселило их, так, что главный опустил лук, и хлопал себя рукой по бедру, даже согнувшись от смеха. Двое его товарищей тоже смеялись, но продолжали держать Ала под прицелом. Главный, все еще веселясь, поднял свою руку на уровень груди, и сделал движение, будто нажимает на курок, потом ткнул пальцем в Ала, и снова несколько раз показал это же движение.

– Ты что, предлагаешь мне выстрелить? Больной, что ли? Откуда ты вообще знаешь про автоматы и курки, ты же вон с луком бегаешь. Или это у вас такой клуб диких охотников, почитателей сказок? А на самом деле в небе уже кружит невидимый беспилотник?

Между тем, главный не унимался: тыкал в гекона пальцем и «нажимал на курок», при этом что-то резко выкрикивая. Его крики становились все более угрожающими, двое других тоже что-то выкрикивали, злобно подергивая тетивы луков, явно давая понять, что сейчас выстрелят.

– Да что вам надо, дебилы? – стрела просвистела у ноги, и тут же полетела вторая. Не будь он усовершенствованным существом, она явно пробила бы ему ногу чуть ниже колена, но Ал молниеносно сдвинулся, и тут же выстрелил в руку первому из стрелков, который уже потянулся за новой стрелой, и, мгновенно сменив цель, прострелил ладонь второму. Электромагнитные автоматы стреляют очень тихо – слышен лишь щелчок переходящего звуковой барьер дротика, но все три «эльфа» замерли, словно пораженные раскатом грома.

Через секунду оба раненых эльфа закричали от боли, бросив луки и зажимая кровоточащие раны – дротики пробили незащищенную плоть насквозь. Главный дернулся к своему луку, но Ал направил ему автомат прямо в голову, и в этот раз «эльфийский вождь» не смеялся.

– Дай сюда руку! Руку дай! Что ты дергаешься? Не оторву я ее!

Раненый стрелок пытался спрятать руку за спину, и Алу пришлось пригрозить автоматом, чтобы убедить его вытянуть руку перед собой.

– Так, что тут? Нормально, скажи спасибо, что я так точно стреляю: могу позволить себе стрелять одиночными. А стрелял бы очередью – ты б без руки уже был. Что ты лепечешь? Ты думаешь, я тебя понимаю? Что ты мне показываешь на те кусты? Не отпущу я тебя! А не надо было стрелять! Так, держи руку ровно! Ровно, говорю, держи. – Ал наощупь достал из поясного кармана заживляющий пластырь, и залепил рану с обеих сторон.

– И твое счастье, что я нашел эту робу. А вот шел бы я голый, откуда бы я тебе пластырь достал? Да, оттуда, разве что, но вряд ли это заживило бы тебе дыру в руке.

– Иди, свободен, стань вот тут… не, не, к кустам мы не пойдем, ищи тебя потом.

Пленники все время норовили переместиться к усеянным цветами кустам, из которых возникли, и умоляюще показывали туда руками. Но Ал был непреклонен. Угрожая дулом автомата, и время от времени пиная «эльфов», он отгонял их подальше от реки:

– Второй! Ты! Теперь ты давай руку. Я не хочу, чтоб ты истек кровью.

Под дулом автомата операция по приклеиванию пластыря повторилась.

Ал поправил луки, которые перекинул через плечи, и, подгоняя пленников стволом автомата, повел свою небольшую группу к катеру.

– Входите, давайте! Так, ты, главный, не упирайся!

Пленники испуганно озирались, входя в пролом на корме катера. Видно было, что он производил на них ужасное впечатление. Еще на подходе к месту крушения «эльфы» стали возбужденно переговариваться друг с другом, указывая на вспухшие рыбьи трупы, застрявшие в прибрежной растительности, а борозда от падения десантного бота привела их в неистовство. Алу пришлось даже выстрелить в воздух, чтобы угомонить их: выстрел получился не очень впечатляющим, и он пожалел о далеких временах, когда пули вылетали под действием огня и дыма. Тем не менее, следопыты намек поняли, и послушно зашагали в указанном направлении. Проходя мимо стражей, раскрывших свои излучатели, словно устрашающие капюшоны на головах, вставших на задние лапы железных ящериц, они дрожали и опасливо косились, глядя в черные ребристые дула, поворачивающиеся вслед за ними. «Не зря боитесь, охотнички. Ваше счастье, что это я вас веду сюда, и в кармане у меня транспондер, а то поджарили бы вас эти исполнительные ребята».

Теперь Ал решил загнать пленников в трюм, и привязать в креслах, чтобы потом допросить. Сначала он затолкал их в пилотскую кабину, чтобы не дать шанса напасть на него, в то время как он будет пристегивать одного из них. В тесном пространстве трюма у двоих ловких охотников есть неплохой шанс взять над ним верх. Поглядывая на двери в пилотскую кабину, Ал открыл дверцу так полюбившегося ему ремонтного отсека, и достал несколько стяжек.

– Иди сюда, – Ал ткнул стволом в грудь главному и поманил его пальцем, – да, подходи… а теперь протяни руки. Вот так.

Стяжка захлестнулась вокруг запястий пленника и стала сжиматься. «Эльф» вскрикнул от боли.

– Не стони, это ненадолго, – Ал говорил уверенным тоном, хотя на самом деле беспокоился, не перережет ли самостягивающийся поясок тонкие кости охотника. Но сжатие остановилось, хотя и видно было, что нить «умного» пластика очень сильно пережала сосуды в руке. Нужно побыстрее разобраться с этим.

Гекон толкнул главаря следопытов в кресло, и защелкнул замок ремней в «тюремном режиме». Теперь их можно будет открыть только корабельным ключом. «Так что не вырвешься, ловкач». Двое раненых друзей главного так же отправились в кресла. Теперь нужно подумать, как их допросить.

Еще по дороге к боту, Ал прокручивал в голове план использования пленников. И ключевую роль в его планах должен был сыграть «ловец душ». Вчера, перед ужином, полковник дал последний урок гекону. Он приказал сесть у его ног, и надел на голову Ала нейрогарнитуру «пси-комплекса». Впечатления от работы с этой машиной были шокирующими. Внезапно, окружающий мир исчез, и Ал ощутил себя сидящим в удобном кресле посреди сверкающей белизной полусферической комнаты. Перед ним висел огромный экран с единственной надписью «Запустить обучение». Ал протянул руку, и дотронулся до этой надписи. Вспышка озарила его мозг, и вдруг он осознал, что умеет пользоваться базовыми функциями этого устройства. Комната и парящий экран были лишь начальной точкой, привычным образом для запуска обучающей программы. На самом же деле, для работы с комплексом не нужно было ни экранов, ни вводных устройств. Нужно было лишь четко формулировать запрос, и информация, подготовленная для конкретного мозга, тут же вкладывалась в сознание. Мозг не ощущал времени в этом режиме, и казалось, что знания возникают мгновенно. Теперь, после вводного курса, план полковника выглядел логично и весьма реалистично.

Поистине, «ловец душ» был величайшей машиной, с которой Алу приходилось сталкиваться в своей немалой жизни. Он давал почти безграничные возможности для управления сознанием: от обучения до полной его замены. Такая мощь страшила и восхищала. Теперь стало понятно, как можно допрашивать пленников, разговаривающих на незнакомом ему языке, и похоже: «ловец» может сделать это с легкостью. Вот только обнаружилась загвоздка: да, режим допроса был предусмотрен конструкторами изначально, но для этого к прибору

нужно подключить сразу две гарнитуры, а в этом комплекте есть только одна. Остальное оборудование летело с учеными в другом боте. Гарнитура же от «коробки боли» была не способна на передачу данных в мозг, она служит исключительно для разблокирования функций модулятора, считывая уникальный пси-образ мозга куратора. Почему никогда не бывает просто? И что теперь делать? Ал надел на голову нейрогарнитуру «ловца», и погрузился в память полковника в поисках ответов.

Через несколько минут он вскрыл панель прибора и вытащил параллелепипед, величиной с две своих ладони из темного нутра прибора. Полковник Ден Кор лежал на руке Ала: все его знания, мысли, планы и желания. Бесценный кристалл с душой человека, в прочной скорлупе высшей защиты. Ал бережно отложил картридж, и, порывшись в недрах контейнера, достал еще один – чистый. Всего в контейнере оказалось четыре таких картриджа, включая тот, на котором сейчас «спал» командор. Тратить целый кристалл на допрос было очень жалко, ведь кристалл нельзя перезаписать, но иного выхода он не видел. Вставив чистый картридж в прибор, Ал отправился за «языком».

Руки пленников под стяжкой побелели, рубцы уже багровели. «Сколько же я там копался? Ох, ребята, простите, я не садист». Ал спешно перепилил стяжки ножом и охотники застонали, когда кровь хлынула в их кисти.

– Ладно, все у вас заживет, давай, командир, вылезай, – гекон отстегнул ключом замок, и вытянул главного «эльфа» из кресла. Тот был уже подавлен, и не выказывал сопротивления. Однако когда Ал попытался надеть ему на голову нейрогарнитуру, охотник начал брыкаться, и пришлось ткнуть ему под ребра стволом автомата. Наконец программа, подготовленная для копирования личности, заработала, и «эльф» обмяк: теперь нужно ждать несколько часов, пока машина не закончит.

Ал зашел в трюм и протянул пленникам вскрытые упаковки с рационом. Один из них опасливо взял пластиковую тарелку в руки, понюхал, и брезгливо швырнул на пол.

– Брезгуешь? Я тоже не в восторге от этой жратвы, но ты хамишь. Я же к тебе по-доброму! – Ал угрожающе поднес огромный кулак к носу «эльфа», и тот отшатнулся, шлепнув головой о мягкую обивку. – Ну и что с вами делать? Я ж не хочу с вами ссориться! Мне нужны друзья, а не враги! О! А рыбу ты будешь есть? Или вы, эльфы, питаетесь только нектаром? А ну-ка… – он сбегал на улицу, и притащил кусок запеченной рыбы со специями и, оторвав кусочек, протянул «эльфу».

Пленник нерешительно протянул руку к рыбе, однако его ноздри слегка раздулись, выдавая прекрасное обоняние. Кусочек рыбы отправился в рот, и глаза «эльфа» удивленно раскрылись. «А-а-а! Оценил, значит. А ты думал! Я же – лучший повар на этой планете!» Второй парень тоже протянул руку за рыбой. Ал отрезал пару хороших кусков, и вручил каждому – они стали с удовольствием наминать блюдо. «Лучший повар» присел в кресло напротив них, и дружелюбно улыбнулся.

– Ничего, ребята, лопайте, я уверен, мы с вами еще подружимся. Но пока посидите тут, от греха подальше.

Поев, и пощебетав на своем певучем языке, оба «эльфа» уснули, не найдя себе больше занятия – откинув головы на высокие подголовники, они засопели. «Что ж, пока займусь своими делами», – Ал вытащил ящик с точными инструментами для ремонта корабельной электроники и пошел на улицу. Предстояло придумать, как обойти защиту «коробки боли». Конечно, теперь у него были готовые капсулы подзарядки для тела, но кто знает, что случится уже в следующий миг? Лучше не откладывать такие решения на потом. Идея полковника состояла в том, чтобы подключить «ловец» с его псиматрицей к «коробке боли» через вычислитель катера. Вычислитель был довольно мощным, и, по идее, мог преобразовывать запросы генного модулятора для передачи в «ловец», а затем выдать ответ в подходящей форме назад в «коробку». По сути, информация, которую запрашивал ген-модулятор, была огромным кодом,

который формировался из совокупности памяти и реакций куратора. Память и запись реакций у Ала теперь были, нужно только правильно организовать их передачу в модулятор, и тогда таинственный прибор откроет все свои возможности. Еще одной проблемой было то, что для организации всей этой системы нужен хотя бы один стандартный терминал с защищенными портами. Однако, в радиусе… э-э-э… всего мира, таких приборов не предвиделось. Из всех видов экранов в распоряжении гекона были только командный планшет, который, увы, защищенного порта не имеет, и тактический экран в скафандре. «М-да, это будет эффектная комбинация. Значит так, нужно соединить вычислитель с «ловцом» и «коробкой боли», и подключить экран брони к тому же вычислителю. При этом, очевидно, придется находиться в броне, и не иметь возможности двигаться, в течение всей операции. Нет, одной рукой можно двигать, значит, нужно еще продумать взаимное расположение приборов. Итак: во-первых, – вырезать замок в чемодане, чтобы он не мог больше закрыться, потом – аккуратно разобрать панель для обслуживания, и удалить стандартную нейрогарнитуру, чтобы в освободившийся разъем подсоединить вычислитель, потом еще составить программу обработки… ну это как раз можно через тактический планшет. Вроде бы, все должно получиться. За работу».

Современный бот имеет ручное управление, но в обычной ситуации управляется нейроинтерфейсом в шлемах пилотов. Головы им отстрелили вместе с концами шлейфов, но обрывки-то остались. И в ремкомплекте есть устройство для сращивания. Дело кропотливое, но Ал был уверен, что справится с этим. А кроме того там, под обшивкой, могут найтись шлейфы, подходящие для его затеи.

Следопыты, разбуженные шагами по полу трюма, с удивлением наблюдали за ним, разглядывая безволосое обнаженное тело зеленоватого оттенка, и то, что было у него между ног. А затем их глаза наполнились ужасом: забравшись в свою броню и став еще огромнее и страшнее, Ал прошагал мимо них, вызывая дрожь при каждом ударе бронированной ноги об пол катера. А дальше огромный железный зверь стал творить что-то совсем непонятное: опустившись на четвереньки, он начал крушить собственное мрачное логово. На самом деле, Алу пришлось выламывать защитные панели, чтобы добраться до вычислителя и другой полезной начинки. Разбирать все это цивилизованным способом не хотелось: долго и тяжело, а кроме того, вся эта начинка изрядно весит – как потом это тащить? Некоторое время спустя в импровизированном лагере оказалась горка оборудования: вычислитель, блок питания с небольшим автономным аккумулятором, разные шлейфы и провода – пригодятся. Пользуясь случаем, Ал так же взобрался на крышу бота, что трудно сделать без брони, и убедился в правильности своего предположения: основной реактор отстрелился. Кроме того выяснилось, что кормовые гравиторы вырваны начисто – наверное, во время того взрыва. «Интересно, реактор остался по ту сторону барьера или упал в этот мир? Если бы упал и взорвался, гриб от взрыва был бы виден даже отсюда, так что, скорее всего, он остался с той стороны. Или?.. Вдруг вычислитель переоценил угрозу, и отстрелил вполне стабильный реактор уже здесь? Тогда он сам перешел в спячку и упал, как большая болванка где-то в окрестностях. В таком состоянии ему вряд ли что-нибудь грозило. И даже такое падение не разрушило бы его защиту. А это значит, что где-то в радиусе каких-то 100–200 километров лежит мощнейший источник энергии! М-да… в радиусе 100–200 километров… И сандалии из обивки… Мечты, мечты».

«Решим задачи одну за другой».

* * *

Главный «эльф» ошалело крутил головой, не понимая, что с ним произошло, и как солнце успело прыгнуть по небосводу. Все говорило о том, что этот зеленый монстр украл у него кусок жизни, а возможно и душу, как это делают черные демоны в рассказах старейшин. Он запричитал, яростно жестикулируя, заглядывал в глаза и просительно складывал руки, но

Ал решительно не понимал, чего хочет этот абориген. Чтобы узнать это, Алу самому предстояло влезть в кресло.

– Раз уж ты стоишь, давай-ка я поведу тебя облегчиться, думаю, твой организм заметил течение времени, в отличие от мозга, – Ал погнал следопыта вокруг катера к ближайшим кустам, где он сам устроил отхожее место. Пленник удивленно смотрел на жесты гекона, особенно непонятные, если учесть, что на том был скафандр.

– Ну, извини, друг. Нет у меня тут ширинки, чтоб показать тебе пример! Давай, соображай как-то! Я после тебя в трюме мыть не собираюсь!

Наконец, понимание отразилось на лице «эльфа», которое затем сменилось недоумением, презрением, а затем и вызовом.

– Ага! Понятно. Ваше Величество эти дела так не делают. Тебе свита нужна? Или наоборот, гордый воин делает это в одиночестве? Не выкаблучивайся, а то сейчас сниму с тебя портки силой! – Ал недвусмысленно схватил бронированной перчаткой штаны пленника и дернул вниз. Пленник охнул, что-то зло прокричал, и начал с вызовом снимать штаны.

– Ничего друг, я за свою солдатскую жизнь разных «приборов» навидался. Ты меня ничем не удивишь.

После завершения необходимых процедур Ал отвел главного «эльфа» в трюм и пристегнул к креслу, затем отстегнул следующего и повел на выход. Этот был самым низким из троицы, с короткими темными косами, совсем не такими роскошными, как у его спутников, да и сами волосы были куда жиже. А еще Ал заметил, что у этого уши не настолько вытянуты и заострены. «Какой-то бракованный эльф». «Его Величество» быстро кричал «бракованному эльфу» что-то вслед, и тот испуганно оглядывался на своего командира. Проходя мимо «ловца душ», новая «жертва» смотрела на кресло широко распахнутыми глазами, но когда Ал повел его прямиком в кусты, не задержавшись у зловещего предмета, тот сделал все свои дела почти радостно.

С третьим – высоким длиннолицым воином с практически белыми волосами – проблем не возникло вообще. Пока Ал освобождал его из ремней, «бракованный», снова пристегнутый к креслу, без умолку щебетал беловолосому о чем-то – наверняка говорил, что нужно смело продемонстрировать свое мужское достоинство, и тогда этот злодей не будет красть его душу. «Величество» угрюмо молчал, наверное – жалел, что не снял портки перед этим зеленым извращенцем до того, как тот надел ему на голову страшную штуку, и украл кусок жизни. Может, и душа тогда осталась бы при нем. Впрочем, кто знает, что они там говорят и думают на самом деле, может, обсуждают побег? Поэтому, как только все трое сходили до ветру, Ал снова посадил их под замок, выдал каждому по куску рыбы, и отправился к «ловцу»: нужно как можно скорее получить необходимые сведения.

Первым делом пришлось сформировать базу данных, чтобы просмотреть память «языка» – не грузить же ее себе целиком. Встроенный анализатор уже разбивал всю информацию на смысловые группы: вот сведения о мире, вот ближайшие события, вот общие понятия. «Так, нужно выделить из этой кучи язык. Сформируем запрос, вот так, и так… О! Да наш парень не один язык знает! Та-а-ак, интересно, это значит, что у них есть разные народы, ну что ж, привет конфликты и войны. Не далеко я от вас убежал. Очистим семантические конструкции, ага, вот общая структура языков уже выделена, а вот обороты, вот идиомы, хм… весьма цветисто… Оп-па-а»… Язык говорит о жизни, явлениях и мировоззрении, да и об устройстве мира, в котором живет существо, его использующее. И вот тут Ала ждало первое открытие: «элива» – так звучит самоназвание народа следопытов. И, похоже, слово «эльф» придется использовать без кавычек. Ал стал перебирать знания о мире, просматривать сведения о народе пленника, просмотрел недавние события. «Та-ак», – протянул он, откидываясь в кресле виртуального мира, – «эльфы, то есть элива, магия, бессмертие, управление живыми существами, а еще орки, вернее тороки, варды, темные демоны и… Врата». Врата в иные миры!

Было от чего озадачиться. Или он сейчас считывал мозг безумца, или… Или он ничего не знает о жизни. В одной из сцен памяти, Ал видел, как седовласый элива ударил посохом по земле, и прямо из нее вырвался зеленый поток, который на глазах превратился в высокую стену колючего кустарника, преградившую путь приближающейся толпе тороков. В другой – окрашенной красками ужаса и боли – какой-то человек в длинном черном одеянии стоял на вершине голой скалы, и молнии били прямо из его рук, сжигая воинов элива. Черный Маг, так элива звали этого человека, и Ал видел эту сцену смерти и поражения глазами юного следопыта, бежавшего тогда с поля боя, и только так сумевшего сохранить жизнь. Энол Элава, Цветок Древа, наследник Элафа Элавы, Великого Воеводы, главы Хранителей Леса и Опоры Цветов – так звали его пленника. Не «величество», конечно, но «высочество» – самый настоящий наследный принц. Ал перескакивал между блоками памяти, прослеживал нити, стараясь получить как можно больше информации, при этом отсеивая разные личные сцены, считая, что ему незачем забивать голову разной ерундой. С другой стороны, кто знает, какие сведения могут помочь тебе выжить? Вот, например, заклинание для вызова диких животных. А вот это – способы приготовления разных зелий… «Ах! Так вот зачем вы тянули меня в те кусты! Цветы талаки невероятно лечебны, и могут отлично заживлять раны. Хм, только ваши, эливийские тела, или и для старого гекона тоже пойдут?»

В конце концов, напряжение от усвоения новой информации стало невыносимым, и Ал вынужден был выйти из системы. Солнце за это время зашло, и на землю снова опустилась волшебная ночь. Голова кружилась и болела от новых знаний, его подташнивало, и трудно было стоять на ногах. Нужно немного отойти от всего этого. Гекон выбрался из брони, и голышом отправился к реке. Бояться было совершенно некого: Оалава – река, в которой он собирался искупаться, – протекала в самом сердце Священного Леса – древней родины элива, и здесь не было никаких опасностей. Зато извиниться необходимо. Шоковая граната сильно ранила речных наяд. Их плач донесся до самого Корня Древа. Пока что, они прятались в камышах, но когда-нибудь Ал встретится с ними, и тогда придется просить прощения.

– Жители Оалавы! Простите меня! Не держите зла, не из подлых побуждений я обидел вас, – закричал Ал на эливийском. Но никто ему не ответил. Тишина, плещут рыбы в темноте. Да, глупо было ожидать чего-то другого. Какие наяды? Может быть, «ловец душ» не различает религиозные верования и реальные события? Ведь все, во что верит человек, для него совершенно реально. А как же стена кустов, и тот Черный Маг? Эти воспоминания машина совершенно четко отнесла к недавним событиям.

Искупавшись в прохладной и чистой воде, Ал вышел на берег, чувствуя себя перерожденным. Он натянул на себя робу и отправился в трюм, чтобы заново начать знакомство с Энолом Элава, наследником правящего Рода Священного Леса. Кажется, ему нужно научиться верить в сказки.

Глава 2

– Нет, ты – торок! Хоть и не такой уродливый.

– Я тебе уже в пятый раз говорю, я не торок! Я гекон. Ге, мать его, ко-о-он. Ты можешь это, наконец, запомнить? Из другого мира. С неба, – они шли по неприметной тропинке среди благоухающего леса уже второй день, и Ал в очередной раз вел с Энолом разговор, который ему уже порядком надоел.

Когда той ночью гекон зашел в трюм бота, и заговорил с элива, они сначала испугались, потом Энол разразился проклятьями в адрес «грязного хитрого торока, убивающего Священный Лес». Потом, когда Ал попытался рассказать ему свою историю и, проявив добрую волю, освободил элива, тот внезапно преисполнился высокомерия и потребовал подчинения и почитания… и получил по морде. Несколько раз ловкий и быстрый следопыт нападал на своего

противника, зная, что громадные тороки неуклюжи и глупы, но всякий раз получал по лицу. В конце концов он успокоился, поняв, что Ал вовсе не стремится его покалечить или убить, и даже не бьет во всю силу. Энолу стало очень обидно, что первый в его жизни торок, с которым его свела судьба в честной схватке, оказался таким необычным и хитрым. И еще наглым. И ржет, как канак по весне. Мало того, он еще и унижал его, Цветок Древа, перед его вассалами, один из которых – Надар Ровита – со скрытой улыбкой наблюдал за поединком. «Ничего, полукровка, свое ты еще получишь». Тогда Энол сел в кресло, и со злостью процедил сквозь зубы: «Чего ты хочешь, злобный торок?»

С того момента гекон уже несколько раз пытался объяснить гордому аристократу, кто он такой и почему он поступал так или иначе. Несколько раз он клялся, что не крал душу Цветка, что машина, к которой он его подсоединял, просто помогла изучить ему местные язык и культуру, однако Энол как-то неискренне соглашался, и время от времени тихо бормотал что-то – то ли проклятия, то ли заклинание. Ал вытащил из памяти элива целую кучу заклинаний, и тайком испробовал некоторые из них на жучках и цветах – ровным счетом ничего не произошло. «М-да, кажется, что-то не так с «ловцом душ». Хотя, ведь он сам видел, как Энол залечил руки своим бойцам! Практически первое, что они сделали, после того как поняли, что они свободны – побежали к кустам талаки на берегу. Ал оставил оружие, и спустился к ним. Сначала следопыты хотели бежать, но затем Надар Ровита – тот самый «бракованный эльф» – почему-то вернулся, и сказал, что доверяет ему. Так гекон стал свидетелем применения лечебной магии на живом человеке, вернее, на элива. Надар оторвал пластырь, и с удивлением увидел, что рана затянулась – все же ученые Республики знали свое дело – но ладонь его болела, и средние пальцы не работали – пуля перебила связки. Тогда Энол сорвал цветок талаки, белый, с желтыми прожилками (Ал знал, что Энол будет искать именно его, словно сверяя прочитанную инструкцию с реальностью), скомкал его между пальцами, и стал втирать сок цветка в рану, шепча заклинание. Рана тут же стала затягиваться, и уже через пару минут Надар мог спокойно действовать рукой. После столь впечатляющей демонстрации действия магии, Ал подозвал третьего следопыта по имени Илата Налада, и попробовал сделать то же самое. Гекон четко знал ритуал, знал, как выбрать цветок, знал каждую интонацию при произношении заклинания, но результат оказался нулевым.

– У тебя ничего не получится, торок! Хоть ты и украл мою душу, и знаешь Слово, но ты не сможешь этого сделать! Вы, грязные тороки, неспособны к Чистой Магии! – Энол победно выпятил подбородок.

– Дать тебе снова по лицу? – ласково осведомился Ал. – Я не торок, и я тебе это уже говорил. Я и сам вижу, что не получается, но не понимаю почему. Я же все делаю правильно!

– Если ты читал тайны его души, Ал-гакон-с-неба, то должен знать, что магия подчиняется лишь избранным. Лишь чистая кровь подчиняет Силу.

– Гекон. Ге-кон. Ну когда же вы запомните? Сложное для вас сочетание звуков? Я знаю, только то, что смог увидеть в башке у этого остолопа, а он сам не больно-то и понимает как работает его умение.

Энол, услышав оскорбительную характеристику в свой адрес, да еще и в присутствии вассалов, был дико оскорблен, что не замедлил отобразить на своем идеальном лице. Но портить это идеальное лицо в очередной раз у Ала не было желания, и потому он сдержался.

После нескольких минут уговоров, элива согласились вернуться к катеру. Там они снова развели костер из дров, которые притащил Илата, и просидели у огня до рассвета. Ал косился на темный лес, и размышлял, как элива смог найти дрова в зеленом лесу в темноте. К его удивлению, память услужливо подсказала Слово Прошения для того, чтобы дерево поделилось сухими ветвями с просящим. «А со мной бы поделилось? Вряд ли, не той крови ты, Ал»…

Они сидели у костра, болтали и пекли рыбу, которую Ал накануне заботливо спрятал в холодильнике медицинского отсека. Холодная рыба из ящика впечатлила элива, хотя они

потом жаловались, что она неправильно пахнет. Однако когда Ал ее приготовил со своими специями и травами, которые он успел присмотреть на холме, возражения его новых друзей исчезли. Соленая икра была встречена с недоумением, ведь элива не ели то, что должно было дать новую жизнь, и потому Ал наслаждался вкусом сам, под неодобрительные взгляды троицы. «Ну не пропадать же добру!» – увещевал их гекон, но Энол тихо ругал «мерзкого торока» сквозь зубы. «Мерзкий торок» сделал вид, что не слышит этих слов. «Хм… а ведь орехи жрут! Я же точно знаю, я видел это в памяти! Плохо вы биологию знаете, гуманисты чертовы».

Наутро они перетащили все вещи в трюм. Ал спрятал чемодан модулятора в грузовой контейнер с кодовым замком, вытащив из него менее ценное оборудование. «Ловец» тоже был возвращен в трюм и тщательно закреплен. Как и обещал, полковник авторизовал Ала в системе, и теперь прибор можно было открывать когда угодно, правда для этого приходилось залезать в броню. Но без нее контейнер все равно не потаскаешь. С глубоким сожалением он оставлял «ящик боли», ведь ему так и не удалось даже попробовать реализовать свою идею. Откладывать испытания до лучших времен было опасно: кто знает, что может случиться уже завтра, но и упустить возможность завести себе новых союзников, тоже было нельзя. Если он найдет общий язык с Элафом Элава, отцом своего следопыта, то сможет создать место для лаборатории, в которой можно безопасно пользоваться приборами. И еще у него брезжила надежда, что если вся эта магия, о которой Ал узнал из головы Энола, реальна, то элива смогут помочь ему отыскать упавший реактор – чем больше он вспоминал события от первого удара до падения, выстраивая их по секундам, тем больше он убеждал себя, что реактор лежит где-то в этом мире. Одному его не найти, но с их помощью…

Они все же нашли крылья, зарывшиеся в груду грунта и камней, и притащили их к боту. Энол сокрушался, видя глубокую рану в земле, и сетовал на то, что его Силы не хватит на то, чтоб залечить эти раны. Вот, если бы тут был его отец… А лучше дед – великий Алаола Элава. Ал вспомнил его, это же он в памяти Энола выращивал стену зелени. Ну да, этот, наверное, может. Если все эти чудеса не галлюцинации, вызванные какими-то травами, которые вы жрете.

Три элива с удивлением наблюдали за тем, как гекон подрезает сияющим лезвием края бота, а затем приваривает металлические детали друг к другу. Их пугали искры, шум и запах, потому никто из них не стал помогать ему, и Ал чертыхался, в моменты, когда дополнительная пара рук была бы совсем не лишней. Пожертвовав одним из грузовых ящиков, он сделал импровизированные петли и замок на двери из крыльев. Все вышло криво, но достаточно прочно. Закончив работу, и сняв броню, Ал обесточил все приборы в боте, ведь на создание дверей он и так потратил большую часть энергии резервного аккумулятора. Затем набил карманы вещами, которые, как он считал, пригодятся ему обязательно, повесил на пояс, сделанный из ремня кресла, свой нож, походный набор и пару обойм и закрыл свои «двери» на кодовый замок. Взглянув в последний раз на кусочек прежнего мира, он перетащил стражей поближе к корпусу катера, перекинул через плечо автомат, и махнул своим новым знакомым рукой – «можно идти». Через несколько минут обломки бота скрылись в море зелени, словно их никогда и не существовало. Перед ним и вокруг расстилался лишь бесконечный ковер Священного Леса в огромном мире под названием Индерон.

«Что в этой жизни реально, Ал?»

* * *

К вечеру следующего дня группа дошла до форпоста элива – небольшого города под названием Тимлав, из которого три дня тому назад Энол с товарищами вышел на разведку к месту падения «огненного камня». Подходя к поселению, Ал уже представлял его вид, план, количество жителей и даже их имена. Память отзывалась на ассоциации или прямые запросы.

Это было странное ощущение знания-незнания: еще мгновение назад ты шел по неизвестной местности, но стоило увидеть спуск к ручью, и ты уже знал его название, видел одинокое дерево, и уже знал, что это наблюдательный пост элива, и даже вспоминал, кто сегодня на дежурстве. Все, о чем знал Энол, появлялось в голове Ала в нужный момент, но то чего он не знал, приходилось узнавать самостоятельно. И таких вещей оказалось очень много. Энол Элава, наследный принц, сын Элафа Элавы, Цветок Древа, был прямым потомком правящего рода Священного Леса, и это делало его заносчивым, высокомерным и ограниченным. Энол не интересовался целым рядом вещей, окружающих его, считая, что мир таков, как есть: это данность, неизменная и непостижимая. Миропорядок был построен именно так, как и должен был – что его род и он сам занимали в нем центральное место, и других вариантов, по его мнению, быть просто не могло. Это означало, что он хорошо знал Древо Рода, этикет, был неплохим следопытом, посредственным Магом Жизни… и совершенно не интересовался иными вещами. Поэтому, Ал, получив память Цветка, прекрасно понимал, как выследить вирга или приманить рыбу к берегу, как приказать ветвям расступиться, или ускорить рост лиан, чтобы перепрыгнуть через овраг, но совершенно ничего не знал о принципах магии, об экономическом устройстве общества элива или их извечных врагов тороков. Не знал он и того, что такое Врата, и куда они ведут. Врата были запретным волшебством, и этого было для него достаточно. Как ни странно, но Ал не нашел в памяти каких-либо планов или проектов эливийского принца. Его отец, Ветвь Древа и Опора Цветов, был чем-то вроде главнокомандующего эливийскими войсками, дед – Ствол дерева – Верховным правителем, а вот прадед, носивший титул «Корень Древа», был уже патриархом, не занимающимся мирскими делами, а плетущим Нити Знаний где-то в отдаленной части Священного Леса, именуемой Землями Опавших Листьев. Энол знал, что когда-то, очень нескоро, его отец станет Стволом, он сам станет Ветвью, а прадед уйдет к теням предков. Это было просто знание, без планов или стремлений. Не было у него желания занять место военачальника или правителя. Цветок был послушным исполнителем, довольным своей судьбой и предназначением, считая, что его кровь уже сделала его исключительным, и потому не нужно особо стараться, тем более, что-то кому-то доказывать.

Послышался скрип натягиваемой тетивы, и маленькая процессия остановилась.

– Успокойся, Тивал, этот торок не опасен, – тетиву расслабили, и из густой кроны показался еще один следопыт, которого Ал сразу же узнал.

– Я не… А, бесполезно. Здравствуй, Тивал Фален, – элива дернулся, услышав родовое имя, и глаза его удивленно расширились. Так они и прошли мимо него, оставив стража в немом изумлении.

Как у всех порядочных эльфов, у элива дома располагались на деревьях. А город отличался от леса лишь обилием полян и паутиной переходов между огромными деревьями, несущими дома местных жителей. Дома были примечательными: разных размеров и форм, украшенные искусной резьбой, обставленные дорогой мебелью, с гобеленами искусного плетения на стенах, и посудой из серебра и даже золота. Все это было в памяти плененного следопыта, таким оно открылось и настоящему взору Ала. Изящные переходы, трапы и лестницы, кое-где вились легкие дымки – элива вовсе не были сыроедами – и много, очень много вложенного в это все великолепие труда. «Что ж ты за человек такой, Энол? Элива, то есть. В твоей глупой башке нет ни единого ответа на сто́ящий вопрос! Как устроена политическая и экономическая система народа Священного Леса? Кто это все создал? Кто добыл серебро и золото? Кто ковал? Кто резал доски и бревна? Кто, в конце концов, вырастил пищу? Ну ладно, я вижу сцены охоты из твоей головы, вот и рыбалка, но злаки к мясу ты откуда брал? Вот эта вот вкусная рассыпчатая каша нуман, и вот этот овощ… иафф, да, очень вкусный на гарнир, откуда они? Они появлялись на твоем столе просто потому, что их приносили слуги, но ты за пятьдесят четыре года ни разу не поинтересовался, откуда это берут они! Пятьдесят четыре… полковник лишь немногим больше прожил на этом свете. Целая жизнь! И вот я иду встречаться с твоим сюзе-

реном и командиром, но чувствую себя совершенно неподготовленным к этой встрече. Э-э-эх. Не тебя нужно было сажать в кресло».

Взобравшись по резным сходням к главному дому, пристроенному в развилке ветвей громадного дерева, Ал, и его сопровождающие предстали перед главой гарнизона Тоданом Элава – дядей Энола или Боковой Ветвью Древа. Тодан был высоким светловолосым мужчиной, очень похожим на Энола, только шире в плечах и старше в несколько раз, хотя на его лице так же нельзя было найти морщин или иных следов возраста. Глаза наместника города внимательно разглядывали пришельца, особенно долго задержавшись на автомате. Эта вещь была ему явно знакома и вызывала немалое беспокойство и интерес. Ал, естественно, узнал воеводу, и, глядя в его пронзительно зеленые глаза, произнес официальную форму приветствия, положенную для правителя его ранга: «Приветствую и почитаю твою Ветвь и твои листья, о, держащий их!» Вождь изумился, хоть и постарался не показать своего удивления.

– Да, ты действительно таков, как о тебе сообщили.

– Сообщили? – И тут же вспомнил, что Энол часто разговаривает с Духами Леса, чтобы Весть дошла к адресату, да и сам он был послан на разведку, когда в гарнизон пришло сообщение о падении огненного камня. Однако из памяти Энола не следовало, что кто-то из элива что-то знает о нем. Да и зачем было бы слать кого-то на разведку, если знаешь, что там происходит? Хотя, с такой любознательностью этого парня… Сказал начальник разведать, значит, идем разведывать.

– Ты удивлен, чужак? Видишь, не только ты умеешь удивлять, – напыщенно произнес предводитель гарнизона. «О, боги, неужели они тут все такие? А, да, точно – все. Я уже знаю»

– Пройдем же в мой дом, и обсудим все за кубком доброго вина!

– С радостью и почтением войду я в твой дом, Опора Листьев, – не задумываясь, произнес Ал, лишь через секунду сообразив, что ответил привычной Энолу цветистой фразой. Да, чужие знания начинают врастать в его мозг.

Тодан повернулся, и степенно пошел к двери – Ал направился за ним. Энол так же сделал несколько шагов ко входу.

– Не сейчас, Энол, – жестом остановил его Тодан.

Энол вспыхнул, но дисциплина взяла верх, и он, склонив голову и прижав руку к груди, отступил назад: «Слушаюсь, опора листьев».

Не успела еще захлопнуться дверь, как послышался недовольный шепот Цветка: «Вот как, значит… А приветствовать Цветок Древа, как положено, он не умеет!»

Двое стражников в сверкающих золотом доспехах закрыли за вошедшим гостем двери. Каждый из них держал руку на рукоятке меча в изукрашенных драгоценными металлами и камнями ножнах: личная стража военачальников вооружалась на славу. Эливийские рунные мечи из «лунного серебра» с наложенными на их клинки заклятьями были великой ценностью, и не зря: в тренированных руках такой меч запросто перерубал торока в боевой броне пополам. В дальнем конце довольно обширного помещения возвышался трон воеводы – горный дуб, резьба, золотые вставки, каменья. Слева – кресло поменьше, но так же вычурно украшенное – место для полноправной супруги Тодана, Ивалы Элава – Лона Ветви Элава. Справа же, немного в отдалении – кресло для дочери правителей Ветви – Аоны. Перед креслами установили стол, накрытый как для приема высоких гостей, что говорило о высоком статусе, который пришелец получил в глазах местной знати. Однако два лучника с заговоренными стрелами, стоящие за троном, могли очень быстро внести поправку в этот статус. Про меченосцев тоже не следовало забывать.

Хозяин торжественно проследовал к своему трону, и величественным жестом указал на массивное резное кресло за столом напротив, приготовленное для гостя. Высокая прямая

спинка, сидение, имеющее уклон назад, высокие перила – из него нелегко выскочить, большая масса – его нелегко откинуть назад… по меркам элива – все это сильно настораживало.

– Что ж, гость Ал-с-небес, расскажи нам, с чем ты прибыл в наш Священный Лес? Что привело тебя, и чего ты ищешь?

Имей Ал больше времени, он бы глубже покопался в кристалле, но нельзя же перетащить всю память другого человека в свою голову: так можно раствориться в чужой личности. Да и времени не было. И потому знания о мире, с которым сейчас придется столкнуться, были не только однобоки, но и фрагментарны. Манеры, голос, жесты знатного элива – все это было знакомо из памяти Энола – непонятны были мотивы и интересы, непонятны были отношения с правящим братом, а значит, следовало ожидать грязных предложений и намеков. Ожидать можно было вообще чего угодно.

– Тебе не стоит быть таким настороженным. Ты можешь убрать свое оружие, ведь оно явно мешает тебе. Мы чтим законы гостеприимства, это значит, что всякий добрый человек находится под защитой Священных Законов в этом доме.

Маячок тревоги сработал в голове. Привычка анализировать выражения, препарировать фразы и искать скрытые смыслы сработала подсознательно, и уже к концу высокопарной фразы, Ал отметил, что воевода не дал гарантий лично ему, а ограничился общими определениями, к тому же употребил слово, которое означало «человек» в том смысле, в каком говорят о представителе *своего* вида. Иными словами, Тодан сказал, что под защитой закона находится *добрый элива*, коим гекон никак не является.

Оба его сердца потихоньку начали разгоняться, гормоны-усилители разливались по телу, адреналин наполнял буферную железу, готовясь поступить в кровь в нужный момент. Будтобы не решаясь нагло сесть в кресло, Ал примостился на краешке, крепко уперев ноги в пол.

Элива выразительно смотрел в глаза чужаку, ожидая, пока тот положит автомат на край стола. Его лучники подняли руки к колчанам. Бесшумно (не для гекона) подошла служанка, наполнила бокалы и, глядя в глаза гостя, грациозно положила его оружие на поднос, который затем поставила на резную подставку недалеко от стола. «Или разоружайся, или станешь врагом» – вот что говорил этот спектакль. Воевода улыбался, поднося высокий бокал из прекрасного вардского стекла к губам, но глаза его, пронзительно зеленые и чистые, излучали настороженность и угрозу.

– Триста лет царил мир над кронами Священного Леса. Триста лет спокойной жизни для Листьев Древа. Жизни настолько беззаботной, что многие молодые элива не знают, как выглядит кровь торока на лезвии меча, не видели пламени, пожирающего кроны Священного Леса. Триста лет… Варды соблюдают границы, холин заняты своими грязными делами, даже тороки лишь иногда беспокоят нас мелкими набегами, не в силах зайти даже на опушку леса, – вождь пригубил вино, не сводя взгляда с гостя, – и вот, некоторое время назад, мы узнаем, что варды вдруг оснащают свою армию новым оружием, у холин снова война за создание Империи, а тороки по зову Роррага снялись с веками насиженных мест, и собирают свое Великое Собрание. И тут на наши головы сваливаешься ты. Случайность? Воля Судьбы? Или чей-то умысел? – последние слова элива произнес с нажимом, резко поставив бокал на стол.

– Ты украл душу моего сородича! – Внезапно рявкнул хозяин.

– Я не крал…

«А вот теперь дело плохо» – хитрый элива задал вопрос по-тороксски, а гекон, получивший знание языков пакетом, просто понял вопрос, и поспешил ответить.

– А-а-а, я так и думал! Грязный уродливый торок! Шпион, убийца Священного Леса! Тебе придется рассказать, какие мерзкие планы вынашивает Рорраг! Или ты узнаешь, что такое страдание.

Тодан поднялся на ноги, и, плавно передвигаясь вдоль края большого стола, стал подбираться к автомату, а стрелы его охранников нацелились точно в грудь Алу. Чуткие уши гекона

улавливали передвижение воинов за спиной, в ноздри ударил запах пота и адреналина противников.

– Я наслышан о твоем смертельном оружии, торок, но тебе не достать его. Ты можешь подчиниться мне добровольно, или я заставлю тебя силой служить мне.

– Я не хочу ссориться с вами, Опора Листьев, я пришел с миром. Но не стану подчиняться и служить. Я не служу никому! Больше я не служу никому, но тридцать лет я убивал, крушил и калечил по приказу других людей. Я умею это делать, и не советую ссориться со мной, Опора…

– Тридцать лет, – насмешливо произнес воевода, – эти воины служат у меня по двести! – он подошел к подставке, и взял с подноса автомат, наставив его на Ала. – Что же ты будешь делать теперь?

– Вы-жи-вать!

Пальцы лучников начинают разжиматься, мечи скользят в ножнах воинов, подступающих к креслу. Тодан медленно давит на курок. Бокал с вином, брошенный геконом, летит влево. Обманное движение вправо. Лучники колеблются, рассчитывая упреждение, сбитые с толку этими движениями, а Ал уже бьет в землю мощными ногами, выгибаясь дугой назад, и одновременно закидывая руки за голову. Зеленый громила должен был дернуться вперед, или попытаться уйти вбок, через перила – так сделал бы любой в его положении – но стрелки никак не ожидают такого от своей мишени. Огромное и при этом стремительное тело совершает сальто назад прямо из сидячего положения – стрелы жужжат, пронзая спинку кресла, и не задевая его – руки удивленных лучников тянутся за новыми смертоносными жалами и не успевают, не успевают… Тодан давит на курок – глаза его округлены от недоумения. Тренированные ноги гекона готовятся к встрече с полом, а пальцы рук уже крепко сжимаются вокруг резной спинки кресла. Ал скользит назад, приседая и одновременно раскручиваясь вправо, тяжелое кресло срывается с места навстречу ногам золотого мечника. Хруст. Воин еще переворачивается в воздухе, не осознав, что ему уже не на чем стоять, а дубовый таран уже догоняет вторую жертву. Снова хруст. Этому должно повезти больше: его ноги просто двинулись на встречу с красивым лицом их хозяина. Кресло летит дальше – грохочет, отводит внимание. А гекон уже перекатывается под стол, и стрелы пролетают над его головой. «А ребята-то шустрые». Подхваченный в перекате бокал запущен в лицо правому лучнику, а живая пружина распрямляется прямо с пола влево, и левый лучник, только успевший наложить на тетиву третью стрелу, уже падает с перебитым горлом. Его напарник, уворачивается от бокала, отходит, пытается прицелиться, но зеленая тень быстрее – вырывает лук, ломая запястья – твердый, как камень, лоб с хрустом вбивает нос стражника тому в лицо, и тут же тяжелый кулак влетает под дых.

Звон бокала, щелчки от нажатий пальца на курок, сдавленный хрип лучников. Лучи света заливают картину побоища через разноцветный витраж, кровь громко капает на пол, катится со звоном бокал из вардского стекла… Дикий вопль служанки разрывает тишину, и вслед за ним две глотки начинают орать от боли. Левый лучник уже молчит, правый пытается вдохнуть. Ал забирает автомат из рук изумленного, не способного к отпору воеводы, снимает предохранитель, и отходит к стене, за спину Тодана, наводя прицел на двери: сейчас они прибегут. «Кстати, второй ход тоже держим под контролем»… А вот и они – ждали сигнала, не иначе. Шестеро. Все в броне и с мечами. Воевода кричит, призывая на помощь. Шесть хлестких щелчков у него за спиной – мечники падают на пол с простреленными ногами. Служанка падает на пол, тонко визжа и укрываясь руками…

Крик, хрип и стоны. Воевода изумленно смотрит в дуло автомата, на лице страх и недоумение, он пятится назад, и упирается в подоконник прекрасного витража, через который уже видно, как в лагере начинается суматоха.

– Я мог убить тебя, воевода Тодан. Убить всех вас. Но я этого не хочу. Я пришел с миром! – Ал отступил, опуская оружие. – Вызови лекаря своим бойцам. Вот тот, возможно, при смерти. Мне некогда было рассчитывать силу – у него горло сломано. Поторопись. И вот

у того открытые переломы ног, ему тоже срочно нужна помощь, смотри, кровь так и хлещет… Прекрати орать, красавица! Лекаря зови! Беги уже! – Ал потряс служанку за плечи, и поднял на ноги. Та, оглядываясь от страха, выбежала во вторую дверь.

* * *

– И что ты теперь будешь делать? – Надар пошевелил угли в костре, и сноп искр озарил их лица.

– Пойду к Вратам.

– Зачем? Это запретная земля.

– А что мне остается? Я пришел сюда, в надежде найти союзников. Теперь с этой идеей можно попрощаться.

– Они выживут. Все, даже Надала, хоть ему и предстоит долгое лечение. Возможно, Опора Листьев еще передумает, и вы помиритесь?

– Вряд ли. Дело ведь не только в этой бойне. Которую, кстати, они сами и устроили. Дело в том, что после этого мы поговорили с ним уже без пафоса и всех ваших эливийских церемоний, – Надар повел бровью, – ваш Опора Листьев предложил мне поступить к нему на службу – хотел получить мои знания, мою подготовку и мое оружие.

– Ты не согласился, – сам себе ответил Надар. – Почему?

– Я не буду больше служить. Никому. И чужие приказы выполнять не стану. А просить он не умеет.

Ал отхлебнул из фляжки эля – напиток для воинов, не для знати. После побоища в доме воеводы, ему выдали немного еды, кожаную куртку, штаны и сапоги. Все это принадлежало раньше какому-то воину-тороку, и хранилось как трофей в одной из кладовых. Слава богам, за многие годы хранения из вещей выветрился ужасный запах, хоть и не пропал совсем. К удивлению Ала, вещи были пошиты аккуратно: сапоги выглядели весьма прочно, и хоть и были грубыми на вид, и немного великоватыми, но зато, несомненно, выигрывали у его самодельных сандалий. Проблема размера решилась просто: Ал обмотал ноги кусками эливийской ткани, мягкой и прочной – получилось удобно, хоть и далеко не с первой попытки. Но потом Надар ему показал, как это делают холин, и результат превзошел ожидания.

– Откуда такие познания про холин?

– Я ведь полукровка, – неохотно ответил Надар, – мой отец был хола. А разве ты не узнал этого, когда… ну, из памяти Энола?

– Нет, я не мог узнать все. Я лишь подсмотрел то, что показалось мне самым важным.

– Значит, ты действительно не крал его душу!

– О! Дошло, наконец! Так что с холин? И с твоим отцом.

– Ну, ты же знаешь, у элива редко рождаются дети: плата за долголетие, и поэтому иногда женщины элива… ищут любовь на стороне. Это позор… и изгнание. Дорога в Земли Опавших Листьев.

– Жертвовать жизнью ради ребенка, и затем быть изгнанной и разлученной с ним…

– Нет, ты не понял – детей не отбирают. Женщина растит ребенка до того, как ему исполнится 15 лет. А потом должна уйти в общину. Там она становится Тенью Служителей Древа. Это работницы, прислуга. Хотя и тогда матери не возбраняется видеться с ребенком.

– Хм… Я думал, на такое женщина может пойти только из-за любви. У нас в сказках так: эльфийка и прекрасный воин-человек, и они полюбили друг друга…

– Это сказки. А в жизни… Жажда иметь детей для элива может превысить все. Женщина не становится полноправной женой, пока не родит наследника мужу. И если тебя уже в седьмой раз променяли на другую… Элива живут долго – это благословение и проклятие: За длинную жизнь они могут поменять спутников не один раз. Лишь дети связывают их навсегда. Мою мать

после всех временных мужей считали уже бесплодной, порченой, и она в отчаянии обратилась к холин.

– Выходит, это брак по расчёту?

– Выходит.

– А отец?

– А вот он пылал к матери великой страстью. Отец был прекрасным человеком – сильным и мужественным. Незаурядной красоты хола. Я любил его. Он многому меня научил, и всегда брал с собой. Я жил с холин по нескольку лет, помогал отцу, занимался его делами. Он научил меня ходить под парусом. Ведь он был моряком – возил товары, иногда контрабанду. Не пиратствовал, нет, но время от времени позволял себе немного заработать со стороны. Мне нравилась эта жизнь.

– Так почему же бросил ее?

– Я не бросил. Отец умер. Его дело и дом забрали родственники-холин. Десять лет уже прошло. Он дожил до старости по меркам холин. Но для элива это только мгновение.

– А ты? Сколько тебе лет? Ты бессмертен?

– Нет, я же не чистокровный. Хотя, и чистокровные не вечны. Просто могут жить две, а то и три тысячи лет. Говорят, что Служители Древа могут прожить и вдвое дольше. А что до меня, то мне уже сорок шесть.

– Ничего себе! Выглядишь лет на двадцать от силы.

– Ну, а проживу еще семь раз по столько. Если повезет.

– Неплохо.

– А ты? Расскажи о своем народе.

– Ох, Надар. Сложный вопрос ты задаешь мне. Не знаю, что и ответить…

– Не хочешь? Не доверяешь мне? Думаешь, Опора отправил меня шпионить? – полукровка возмущенно сверкнул глазами.

– Нет, ты не понял, – Ал похлопал его по плечу, – я ничего от тебя не скрываю. Я просто не знаю, как тебе это рассказать. Я ведь не человек. Меня не рожала женщина, меня сделала… машина – он нашел нужное слово из языка вардов, «спасибо тебе Энол», и с удовольствием наблюдал за эмоциями на лице Надара.

– Ты – голем? Ты выкован из их колдовского металла и питаешься жаром? Но я же сам видел, как ты ешь! И как мочишься – тоже видел!

Ал рассмеялся, и это еще больше обескуражило Надара.

– Ты смеешься надо мной? Потешаешься?

– Да нет! Просто именно такой реакции я и ожидал. Потому и не хотел рассказывать. Погоди обижаться. Постарайся понять, в вашем языке еще нет тех слов, которые могут описать вещи, которые я хотел тебе рассказать. Ну, представь, что некое существо появилось, не в результате рождения, а, хм… ну как бы собрано из… из таких маленьких частиц при помощи магии.

Теперь Надар выглядел испуганным:

– Не говори так! Я знаю, какая магия может делать такое. Темная! Страшная! Запрещенная. Забытая. Ни элива, ни варды, ни тороки не могут делать этого. Говорят, это умеют холин – грязная, темная магия, убивающая все живое. Или порождающая грязную, темную жизнь.

Ал вспомнил армады кораблей, пожирающих целые астероиды и сжигающие поверхности планет, вспомнил лаборатории по выращиванию геконов, вспомнил Свободную Республику Толл, с ее бедными кварталами и правителями-деспотами, и бесконечные войны за все на свете.

– Да, Надар, похоже, ты прав. Такая магия меня и создала.

Надар немного отодвинулся, а затем с новой надеждой проговорил:

– Но я не вижу в тебе темной магии. Я не могу творить ее, но могу понять, когда кто-то наполнен ею – ты не наполнен ничем.

– Ну, значит, это была другая магия. Никакая. Магия ничего. Давай спать. Мне завтра уходить.

* * *

Роса еще не высохла на траве, птицы переливались звонкими трелями, лес просыпался, наполненный радостными звуками и запахом утренней свежести. Ал шагал по хорошо утоптанной дороге. Рядом, подстраиваясь под его широкий шаг, шел Надар, временами переходя на бег.

– Куда ты так спешишь? Давай идти медленнее. Я не могу идти так быстро.

– Я хочу побыстрее убраться отсюда. А ты сам напросился. Я вообще не понимаю, как ты ушел. Ты же вассал Энола!

– Я не вассал Энола! Это Энол думал, что я его вассал! Просто, я так давно служил у него, что он решил, что я принадлежу ему.

– А это не так?

– Не так! Законнорожденный элива является вассалом своего господина. Он – лист Древа, или Цветок – если повезло – и служит ветви. Но не полукровка. Мою мать лишили положения Листа Древа, когда она родила меня, потому и я не принадлежу к какой-либо из ветвей.

– Хм… А в голове у Энола я этого не видел.

– Энол не интересуется жизнью своих слуг. Десять лет назад я вернулся из Галинтана в Священный Лес, и попросил протекции у Ованавы Лавана – бывшего мужа моей матери и Опоры Листьев одной древней ветви. Не главного ствола, но все же, достаточно влиятельного. Он отправил меня к Тодану Элава, а тот отдал меня в служение Энолу.

– Взял, отдал, передал. Тут то же дерьмо, что и у нас. Вот поэтому я и не хочу тут оставаться. А ты чего за мной увязался?

– Ты чужой в этом мире – я тоже чужой. Чужой для холин, грязный полукровка для элива. Я не могу творить эливийскую магию и не могу сойти за своего у холин – я везде чужой. А ты мне нравишься. И ты идешь к Вратам. Я всегда хотел побывать у Врат. Но… Говорят, это гиблое место – самому лучше не ходить.

– Нравлюсь? Хм… Ну, ты мне тоже нравишься. Значит, идем вдвоем. Только все равно шевелись. Пока не отойдем от этой заставы хотя бы на пять километров, я не успокоюсь.

– Пять… чего?

– Иди давай. И не болтай, а то уже запыхался.

Торокские сапоги размеренно ударяли в утоптанную землю, рядом, временами сбиваясь с ритма, мягко шлепали изящные сапожки эливийской работы. Солнце стояло высоко, день был жарким, и путники молчали от лени и усталости. Наконец Надар не выдержал:

– Ал, а ты знаешь, куда идти? Ты дорогу к Вратам знаешь?

– Ну, в общих чертах. Энол ходил в те края не раз, так что, до границы Священного Леса я дорогу знаю прекрасно, а дальше – примерно. По карте, которую он видел у своего дяди.

– И долго туда идти?

– Тодан упоминал в разговоре с Энолом, что путь занимает две недели хода.

– Ну, не так и далеко…

Ал стал размышлять над сказанным. Неделя у элива имеет десять дней. При этом каждый день называется так же, как и пальцы – Цепкий, Лишний, Средний, Ловкий и Сильный. Плюс добавка: «левый» и «правый». То есть, шестой день недели будет – «правый цепкий». Суще-

ства, менее склонные к пафосу, давно бы заменили названия на что-то покороче, но элива, видимо, никуда не спешили. В каждом месяце ровно три недели, а в году – двенадцать месяцев. Ровно. И сутки тут длятся дольше стандартных, процентов на 15. Длинные тут дни. Все эти соотношения снова наводят на размышления. Год, длящийся ровно 360 дней, двенадцатеричная система, смешанная с десятичной. И если десятичную можно было пояснить строением тел элива, то двенадцатеричная никуда не укладывалась. Хотя вот она – в движении местных луны и солнца. Ал читал, что когда-то на Праматери так же существовала привязка к двенадцатеричной системе. Слово «дюжина» сохранилось в его языке до этого времени. И это так же наводило на размышления, как и некоторые виды растений, которые он уже видел здесь. Березы, то есть турнавы по-эливийски, – это точно березы, еще дубы – выше и крупнее тех, которые он видел на разных планетах, немного иные листья или желуди, но это точно дубы. Человечество тащило за собой свою экосистему, зачастую уничтожая местные виды, и потому растений, увезенных еще с Праматери, было вдосталь на каждой планете, где жили люди.

– О чем ты задумался, Ал?

– О странностях. Слушай, как вы пользуетесь всеми этими «левый лишний», «правый сильный».

– А мы и не пользуемся. Это Опоры Листьев да Цветы так говорят. А простые элива, тем более полукровки, как я, просто говорим «первый», «второй», «десятый»…

– Значит, есть расслоение в обществе элива?

– Конечно, есть! Есть знатные и богатые, а есть и бедные элива. Есть и вовсе бесправные…

– Ты про эриса? – Надар, дернулся и по привычке оглянулся по сторонам.

– Ну да. Про них не говорят вслух.

– Предатели расы, гнилые листья – существа, которых следует убивать и уничтожать без сожаления, – так Энол думал. Так ему говорили все его родичи.

Надар занервничал, и заозирался по сторонам.

– Что с тобой? Почему ты так нервничаешь? Что такого в этой теме?

– Давай выйдем к реке, или на какую-нибудь большую поляну. Отдохнем.

Ал понял, что его спутник боится продолжать разговор в лесу, среди деревьев, и решил не накалять обстановку.

– Там, впереди, если немного повернуть влево, можно выйти к Тавилоне. Идем.

Сделав небольшой крюк с дороги, путники вышли к Тавилоне – притоку Оалавы. Река была гораздо меньше той, где свалился с небес десантный бот, но так же чиста и полноводна. Надар с интересом наблюдал, как Ал достал из тубуса на поясе несколько мелких предметов, вырезал из куста орешника длинный прут, и соорудил удочку. Фабричные крючки и леска, которую он пытался порвать, но лишь порезал себе палец, привела его в восторг.

– Эх, жаль, я не могу творить магию. А то бы приманил рыбу.

– Не обязательно – и так поймаем, – Ал нацепил на крючок шарик химического атрактора, и затем еще насадил жирного червя. – Эта штука работала во всех водоемах, где я рыбачил, думаю, ваша и рыба его тоже полюбит. Не очень спортивно, конечно, но зато результат гарантирован.

День подходил к концу: сгущались тени, наступало время волшебной ночи Священного Леса. Надар притащил из зарослей небольшую охапку дров после долгого блуждания и чертыханья под кронами деревьев и бросил ее на землю у ног Ала.

– Не густо, – скептически выгнув бровь, заметил тот.

– А ты сам попробуй – найди. На рыбу хватит. А ночью не замерзнем. В Лесу всегда тепло.

– Ну, хорошо, разжигай.

Надар сложил дрова шалашиком и стал выбивать искры из огнива, которое достал из кармана своей куртки. Увидев вопросительный взгляд спутника, он произнес: «А чего ты ожидал? Я же говорил, что неспособен к магии. Выживаю, как могу».

– Ладно. Давай о деле. Что ты хотел сказать? И почему сюда? А, понял! Ваши духи леса – деревья элонка, это они передают мысли, так? Но почему тут не опасно?

– Так ведь элонка не растут возле самой воды. И на краю Священного Леса их тоже мало.

– А наяды? Они же тоже подслушивают.

– Подслушивают, но вот сейчас костер разгорится, и с этой проблемой мы тоже разберемся.

Как только веселое пламя запрыгало по сучьям, Надар скрылся в сумраке, сгустившемся вокруг костра, и через несколько минут вернулся с большими зелеными листьями, неся их не в руке, а зажимая двумя палочками. Листья полетели в огонь, и тотчас же поляну залила кошмарная вонь.

– Да ты с ума сошел! Я сам сейчас отсюда сбегу!

– Заткни нос и посиди немного – это ненадолго, – закашлявшись проговорил Надар…

Ал замедлил сердцебиение, закрыл носовые клапаны и задержал дыхание – благо, минут 10–15 он может посидеть и не дыша. Вокруг них распространялась тишина: живность во всей округе убегала подальше от поляны. В камышах послышалось сердитое сопение и сдавленный всхлип, после чего громко плеснуло несколько раз. Надар зажимал нос одной рукой, а другой затыкал рот краем куртки. Глаза его были выпучены и слезились. Через несколько минут дым развеялся, листья прогорели дотла, но Надар все еще сидел, затыкая рот и нос и стараясь не дышать. Гекон с ехидной усмешкой наблюдал за слезящимися глазами элива-полукровки и его рвотными позывами. Наконец Надар осторожно убрал куртку и отпустил нос.

– Ф-ф-ух. О-о-о! Эти были забористыми! О, мать тороков, до чего же вонючая дрянь.

Ал открыл ноздри и слегка втянул воздух.

– Ну, ничего – уже терпимо. Что за мерзость?

– Это чиф-тах. Говорят, боги создали его для защиты Священного Леса. Никто в здравом уме не станет поджигать лес там, где растет это растение. А растет оно везде.

– В памяти Энола я не видел применения этой штуки.

– А зачем это ему? У него есть магия.

Ал задумчиво поглядел на костер:

– А рыбу мы теперь как будем на нем жарить?

– Не беспокойся, листья выгорают полностью – запаха не будет.

– А наяды?

– Нее, они теперь сюда не скоро вернутся – пока не проблюются где-то подальше отсюда. Так что доставай свои чудесные приправы, и приготовим себе ужин.

Рыба запекалась на углях в большом куске глины. Ал был уверен, что не разочарует аборигена.

– Ну что ж, я весь внимание: что ты так боишься обсуждать, что мы пришли аж сюда?

Надар задумчиво покусал губу:

– Ты начал говорить об эриса. Эта тема табу у элива. Эриса не просто полукровки или преступники. Эриса – парии, изгнанные своими Ветвями. Многие – очень знатных Ветвей. У Энола был брат, Фавинол. Старший брат, понимаешь? Теперь он тоже эриса.

– Почему?

– Энол ничем не интересуется, как ты уже замечал, а вот его брат был полной противоположностью: он хотел многого – всего. Больше, больше… Он был наместником Тимлава до того, как дядя Энола, Тодан занял это место. Но и этого молодому Цветку Древа было мало.

Ему хотелось еще больше власти. Подговорив многих из молодых элива, особенно из тех, кто родился на боковых ветвях, он организовал заговор против самого Алаолы Элава. И отцу, командующему всеми нашими войсками, пришлось драться в открытом бою против собственного наследника. Бунт был подавлен, многие ветви тогда не досчитались листьев, а сам Фавинол бежал с остатками своего войска в Дикие Земли.

– Дикие Земли? Это же туда, куда мы и направляемся.

– Да, я слышал, что Врата находятся за границей Священного леса, на краю Диких Земель. Вот это меня и беспокоит: тысячи лет уходят туда бродяги, бандиты, отверженные и беднота. А из Врат выходят чужаки. Часто вот с таким же оружием. Потому я и не отправился бы к Вратам в одиночку. Никогда.

– Ничего, разберемся. Но не это меня удивляет. А удивлен я тем, что не знаю того, про что ты рассказал. Уж такая-то информация не могла быть незамеченной в голове Энола.

– Вот поэтому я и не мог говорить при деревьях элонка. Порядок в мире элива держится на неизменности законов. И Древо, с его системой наследования и порядка Ветвей, является основой основ этой власти. Оспорить этот порядок – самое страшное из возможных преступлений. Тогда, после восстания Фавинола, многие элива из ветвей зачинщиков заговора были уничтожены. Фактически, целые ветви были срезаны с Древа.

– Ничего себе! Но как такое можно не заметить или не знать!

– Потому, что их стерли! Эти ветви срезали навсегда – листья отряхнули, как будто их и не существовало. Когда свершается преступление такого рода, Служители Древа собирают большой Круг и творят мощные заклинания, отправляя по Лесу Волну Забвения. С этого момента все элива забывают преступников. Кем бы они им ни приходились. Навсегда.

– Разве не лучше помнить своих врагов?

– Зачем? Хоть они и изгнаны, но остаются родичами – сыновья, братья, отцы – зов родной крови снова может пересилить долг, и тогда жди новой беды. А забытые враги просто становятся эриса. Эриса, которых можно убивать просто так. Даже обязательно нужно.

– Но ведь такие, как ты, полукровки, не могут забыть. Ведь вы отторгнуты от Древа.

– Именно! Мы же дикие побеги. И потому жизнь полукровки в обществе элива – большой риск. Ты можешь даже не заметить, когда переступил черту между элива и эриса. Просто потому, что ты помнишь то, чего не должен. Вот почему я не могу говорить с тобой на подобные темы. Я действительно рискую.

– Да уж. А веселая у вас вырисовывается картинка общества. Совсем не сказочная.

– Это еще не все. Далеко не все. Вот ты смеялся надо мной, когда я принес дрова. Но ведь это реальная проблема. А представь полукровок или листья с далеких боковых ветвей, живущих в северной окраине Священного Леса. У них нет или почти нет магии жизни. Ни одно дерево в Лесу не поделится с ними дровами. А ночи там холодные, особенно зимой. Да и есть нужно готовить: мы же готовим пищу на огне. Даже овощи и злаки нужно сварить, не говоря о мясе. А где брать дрова? Покупать у вардов горючие камни? А за что, за какие богатства? Стоит срубить дерево, и бедный элива попадает на суд к местному Опоре Листьев. И ему очень повезет, если он отделается только телесными наказаниями или отработкой.

– Значит, элива тоже работают.

– А как же! А откуда брать все, что нужно для жизни? Ты не можешь просто так пойти в чащу, и поохотиться. Нужно совершить обряд Круговорота Жизни. А это означает, что все, что ты добыл, становится известно Опоре этого участка леса. И если ты берешь больше, чем позволяет Круг Жизни, то тебя ждет суровая кара.

– Но разве Круг Жизни не создан именно для того, чтобы ни один элива не голодал? Ведь ты можешь брать у леса столько, сколько тебе нужно для пропитания. Разве не так должен работать Круг Жизни? Я вижу в памяти Энола, что это именно так.

Дикий побег рассмеялся:

– Для Энола – так! Для него – действительно так. Но далеко не для всех. На окраине Леса давно нет столько дичи, чтобы прокормить всех элива. А сердце Священного Леса не для низкородных. Столетиями Лес беднеет. И никто не знает, почему. Говорят, в давние времена Служители Древа наполняли Лес жизнью, и всего было вдоволь. Тогда жизнь элива была действительно сказкой – гармония природы и ее детей. Но с каждым поколением Сила, которая дается нашим магам, ослабевает, и мир элива разрушается. А знатные листья скрывают это. И за разговоры на эту тему ты тоже можешь стать эриса. Каждая ветвь имеет свой надел Леса, и боковые Ветви постепенно теряют свои наделы. Города холин полны элива: лучники в страже правителей, бойцы в охране караванов на земле и даже на море. Можно ли было такое представить себе раньше? Но мало того: элива уходят на равнины и занимаются земледелием. Даже к вардам уходят!

– Но Опора Тодан говорил, что уже триста лет царит мир – благословенное время для всего Индерона.

– Да! Мир. Мир для толстых Ветвей Древа, и особенно для ствола. Но этот мир привел к тому, что элива стало слишком много для своего Священного Леса. И теперь они гибнут не в великих битвах, защищая свою Родину, а в стычках с разбойниками или друг с другом: за кусок еды, за место под солнцем…

– Тебя послушать, так война – благо! Не бывал ты Надар, на настоящей войне. Если бы ты видел, как в пламени плавится камень, как сгорает само небо, а города испаряются вместе с жителями раньше, чем те успевают закричать от ужаса, ты бы не произносил этих глупых речей! Двадцать пять моих лет назад, за одно мгновение в мире под названием Авилла погибло свыше двух миллиардов людей! – Ал долго составлял это ужасающее числительное средствами языка элива. Надар, услышав эту словесную конструкцию, потрясенно молчал, пытаясь осознать такую огромную величину.

– Неужели бывают миры с таким количеством жителей? И что за магия может сотворить такое разрушение?!

– Бывают, Надар, бывают. И магии такой у нас – хоть отбавляй. И рождается она из вот таких речей искателей справедливости.

– Так что же делать? Терпеть и умирать? Голод лучше войны?

– Не знаю, Надар. Я не предводитель, не вождь, не маг. Я – простой солдат, всю жизнь убивавший по чужому приказу. И убивать больше не хочу. Дай мне пожить для себя.

Повисло долгое молчание: Ал шевелил прутиком едва тлеющие угли, Надар смотрел на сонно текущую реку. Кричали в ветвях птицы, на поляну возвращались светляки и ночные бабочки. Луна заливала траву волшебным серебряным светом.

Ал прислушался, и запустил обонятельные усилители, да, чувства его не подвели, там кто-то есть. Во-он там, в кустах на краю поляны. И в этот раз ветер им не помощник. Стоит безветрие, и запахи медленно, но уверенно ползут во все стороны.

«Дай-ка мне свой лук», – тихо прошептал гекон. Элива удивленно подал ему оружие. Ал наложил стрелу на тетиву, а затем, резко подскочив, запустил ее в кусты. Послышался треск и вскрик, кто-то побежал, ломая ветки. Поляну залил веселый смех зеленого великана.

– Энол! Вылезай! Я тебя унюхал. Или мне из моего оружия пальнуть?

– Что ты себе позволяешь, торок?!

– А ты вылезай, я тебе поясню.

– Нет уж, я к тебе не пойду!

– А зачем тогда сюда пришел? Целый день, видать, бежал по следу, а теперь будешь в кустах сидеть? Илата, ты же тоже там? Выходи. У нас рыба подходит. С моими специями. Я готовил!

В кустах послышалось яростное перешептывание.

– А ты не будешь стрелять в нас, торок?.. И бить по лицу?

– А ты веди себя прилично, и все будет нормально. Выходи, на тебя тоже хватит: тут большая рыбина.

– Мы идем!

– Стрелу сначала найдите, это вам в наказание, за то, что подкрадывались.

– Ты – предатель! И тебя ждет суровое наказание! – промямлил невнятно Энол, жадно пережевывая кусок рыбы. Что ж, кулинарные способности гекона они все явно оценили. – Я из-за тебя целый день не ел! Утром меня Опора Листьев вызывает к себе, и спрашивает сурово, где, мол, твой следопыт! И я должен целый день бежать за вами, будто мне делать больше нечего!

– Я не предатель! И не твой вассал! Я вообще не Лист Древа. Я тебе не присягал. Вспомни, как ты меня принял на службу! Увидел меня, сказал: «а, дикий побег… зайди в оружейную, скажешь, что Цветок послал, получишь доспехи, а лук у тебя свой есть. Будешь дежурить по ночам до конца недели». Вот и все! Я десять лет за тобой бегал – прислуживал и подносил. А теперь моя служба у тебя закончилась. Не веришь, у Опоры Тодана спроси. Закон я не нарушал.

– Да ладно, нет дела твоему Опоре до Надара, – прервал перепалку элива Ал, – послал он тебя за мной шпионить. Можно подумать, я не понимаю. Да только я не скрываю, куда иду: к Вратам.

– К Вратам… – изумленно протянул Энол. – Ты уверен? – он покосился на бывшего подчиненного, – тебе же известно, сколько там опасностей? И твое оружие…

– А что с ним?

– Опора Листьев сегодня кое-что рассказал мне, перед тем, как отправить за тобой. Ты же уже догадался, что мы видели и раньше такие вещи?

– Конечно, догадался. Даже у тебя в памяти я видел нечто подобное – ты держал его в руках,

При упоминании об источнике знаний гекона, Цветок Древа кисло поморщился:

– Верни душу, а? Чего ты хочешь за это?

– О, боги космоса… – Ал от расстройства перешел на родной язык. – Так, ладно, я тебе обещаю, что если ты будешь себя хорошо вести, я тебе верну твою душу. Я добрый! Я тебя, можно сказать, полюбил! Вот для начала расскажи про мое оружие.

Элива просиял:

– Да, я скажу, я сделаю, что скажешь. Вот что мне сказал Опора Тодан: существа с таким оружием и разными такими штуками давно приходят сюда. Сотни, даже тысячи лет. Иногда целые отряды прибывают из других миров. Они бывают одеты в броню и шлемы, у них на одежде множество разных коробочек и штучек. А в руках вот такие вещи, и разные: такие и вот такие, и даже такие, – Цветок Древа показывал руками, какие были эти штуки, разводя ладони все шире и шире, пока хватило размаха рук. – Но вот что было дальше: дальше они все погибали, или бежали назад. Наши стражи или тороки, или… – он оглянулся на Надара, – эриса убивали их всех и забирали трофеи. Иногда эти пришельцы дрались ножами или неплохими мечами, но никогда, никогда не пускали в ход свои штучки и оружие. Знаешь, почему?

– Ну, и почему же? – насмешливо протянул гекон.

– А потому, торок, что оно *никогда* не работало!

«Как интересно», – размышлял Ал, – «Выходит, если верить этому заносчивому элива, то ни один прибор, ни одно оружие не действуют в этом мире. «Магия этого мира сильнее, и не позволяет действовать магии ваших миров», – так заявил Цветок. Но я не могу понять, как такое может быть. Как сделать так, чтобы дротик не вылетал из ствола? А тем более, как заставить не воспламеняться порох? Вся жизнь, любая часть живого существа, действует на

тех же принципах: движение ионов в нервах, процессы окисления и восстановления в мышцах и легких. Как остановить одно, и не затронуть другое? Какая сила способна на это?» И в голове настойчиво всплывало единственное слово – магия. Как просто можно объяснить все непонятное одним этим словом. Просто смирись и прими – магия. Ал так не умел.

– Торок, ты все же решил туда идти?

– У меня имя есть – Ал. И зови меня по имени.

– Хорошо, то… Ал! Так ты все же идешь?

– А тебе-то что? Беспокоишься обо мне?

– Ну… Опора Листьев говорит, тьма сгущается над Лесом. Тороки собирают орду, и могут напасть уже совсем скоро. Маги холин готовятся к войне, варды, и те готовятся. А у тебя есть оружие из другого мира, которое работает. И убивает. Такая магия нужна элива. Присоединяйся к нам. Хоть ты и торок… по виду, но ты добрый. А этот мир хранят только элива. Это все знают! Падет Священный Лес – весь Индерон поглотит тьма!

– Не поглотит: каждый думает, что мир держится на его плечах. А потом уходит в сторону, и ничего – стоит мир.

– А душа? Кто вернет мне душу, если ты умрешь или уйдешь?

– Не беспокойся, Ал дал тебе слово, Ал его сдержит! Хочешь, идем с нами. Ты пригодишься. Хотя бы дрова добывать, – гекон громко засмеялся собственной шутке.

* * *

Четверка невольных союзников шагала по дороге. Энол периодически заводил разговор о возвращении, соблазнял, обещал, взывал к совести и гуманизму. Ал шел вперед, препираясь для развлечения. В сущности, Цветок Древа был неплохим парнем, и если обломать его заносчивость, они могли бы стать друзьями.

Восемнадцать дней похода остались позади. Дней, наполненных переходами по укрытым мягким мхом или твердой землей дорогам, дней совместной охоты и рыбалки, вечерних разговоров у костра, шуток и подначек. А еще это были дни сближения. Энол обкатывался под влиянием силы и харизмы Ала: хоть он и был старше гекона, но его воспитание в условиях всеобщего потакания сделало из него инфантильного ребенка в теле взрослого. Лишь две серьезные стычки с врагом, в одной из которых победу принесла магия, а из другой его спасли быстрые ноги, состоялись в жизни этого знатного элива. И даже в этих стычках он был далеко не в первых рядах. В остальном его опасности создавались лишь хитростью и силой зверя во время охоты. Энол не был трусом, и в одиночку ходил на вирга – а этот зверь чрезвычайно опасен – но, послушав рассказы зеленого пришельца у костра, проникся к тому неподдельным уважением и пониманием, насколько жизненный опыт этого некрасивого великана превосходит его собственный. Некоторые вещи Ал не хотел рассказывать, некоторые пытался рассказать, но не мог. Не захотел он рассказывать и того, где родился, и каким было его детство – Энола чрезвычайно заинтересовала эта тема.

И вот сегодня они стояли на краю владений его рода. Лес не обрывался в этом месте, но здесь заканчивался Священный Лес. Именно тут пролегала черта, за которой не росли больше элонка. А без них лес был лишь местностью с высокими деревьями.

– Значит, не пойдешь?

– Я б пошел – с вами не боюсь. Но у меня приказ… Опора передал через Духов Леса, что я не должен выходить за границу. Я – Цветок Древа. Мать с отцом, венценосные Опоры Ветвей, так и не смогли больше родить ребенка кроме меня. Если со мною что-то случится – это приведет к плохим последствиям.

– Понимаю. Удивляюсь, что тебя вообще отпускают одного без охраны. В иных мирах вельмож твоего ранга охраняет целая армия.

– Меня тоже охраняет, – и Энол обвел рукой лес позади себя. – И магия. Я ведь тоже кое-что умею.

Младшие элива молчали. Надар за спиной Ала, Илата за спиной Энола. В этом походе каждый имел своего командира.

– Ну, что ж, тогда будем расходиться.

– А ты вернешься?

– Я постараюсь. Я же обещал.

– У тебя нет лука.

– У меня есть это, – Ал похлопал автомат.

– А если Опора прав, если его догадка верна? Если магия Врат побеждает магию твоего мира? Ведь ты же не проходил Врата, ты обманул их. А что будет сейчас?

– Не знаю, Энол. Но если не пойду – не узнаю. Я чужак в этом мире. Так может за Вратами, в другом мире, я найду для себя место?

– Ты можешь остаться с нами. Не служить. Просто остаться…

– Заманчивое предложение. Но я должен идти. Я решил.

– У тебя нет лука… Возьми мой!

Глаза других элива расширились от удивления. Удивлен был и Ал:

– Я знаю, что это за лук. Я знаю его цену. Я не могу взять его.

– Ты вернешь мне его! Можешь дать мне на обмен что-то такое же ценное.

– Да ничего ценного у меня и не осталось… Разве что… Вот, смотри какая штука. Вряд ли она мне понадобится.

– А что это?

– Ну… раньше это была ценная вещь: она давала… э-э… силу для э-э… разной магии нашего мира, – глаза Энола заблестели, – а теперь у меня больше нет всех этих вещей, которые она приводила в действие. Зато, она может вот так, – с этими словами Ал включил встроенный фонарь на полную мощность. Несмотря на то, что солнце уже поднялось над кронами деревьев, луч отчетливо осветил их стволы, разгоняя тени у подножья живых исполинов.

– Ого! Вот это магия! Это достойный обмен! Я буду хранить его для тебя!

– Тогда прощай, Энол Элава, сын Элафа.

– Я буду ждать тебя тут. Три дня. Потом ты сможешь найти меня в Тимлаве.

– Бывай… Обойдемся без слез и поцелуев.

Ал повернулся и быстро зашагал вперед, догоняя Надара.

Глава 3

– Не нравится мне здесь.

– Понимаю тебя, Надар. Я тоже чувствую, что здесь что-то не то, – Ал задумчиво обводил взглядом окрестности, стоя на высоком остром камне, выпирающем из земли, словно гигантский зуб. Два дня они шли по Диким землям. Лес постепенно поредел, превратившись в кустарник, перемежающийся большими проплешинами. Затем и кустарник тоже поредел. Пошли каменные россыпи, валуны и голые скальные выступы с темными холодными тенями у их оснований – место тут было мрачным, и гекона не покидало чувство неясной опасности. За ними следили. Но все его попытки выявить слежку были напрасными. Что-то ускользало, уходило из-под его внимания, не давало сосредоточиться. Это нервировало, и в прошедшую ночь Ал почти не сомкнул глаз у костра, держа руку на снятом с предохранителя автомате.

– Думаю, мы почти дошли: мы сейчас стоим на «Зубе дракона» – так было на карте, а вон там видишь – высокий дуб, а там, судя по кронам деревьев, – Гнилой ручей. Значит, воон там должны быть Врата. До полудня должны дойти.

– Слышишь, как тихо в лесу? – шепотом произнес Надар.

– Слышу. Странная это тишина.

– Может прав Энол, не стоит туда ходить?

– Неужели струсим? Надо же попробовать. А если это наш шанс найти свое место в мире?

– Эх… – полукровка нехотя стал спускаться с камня. Ал немного задержался, еще раз вглядываясь вдаль, и запоминая ориентиры. Уже поворачиваясь к спуску, он боковым зрением заметил какое-то мутное мерцание между камнями, но сдержался, чтобы не оглянуться.

Немного поблуждав между валунами и высокими колючими зарослями, они вскоре вышли к большому ровному полю. Солнце уже перевалило за половину небосвода, в воздухе стоял зной, и звенела какая-то неестественная тишина. Кажется, они пришли. Друзья взобрались на высокий валун и замерли, разглядывая открывшуюся картину: посреди поля располагалась совершенно ровная круглая площадка, метров сто в диаметре. Ни камней, ни даже песка не было на ней. По краю этого идеального круга вился затейливый узор. Или, может быть, надпись на неизвестном языке с вычурными буквами. Остальная поверхность этой площадки была совершенно гладкой и чистой. И лишь в центре, будто шпиндель гигантской юлы, вверх поднимался тонкий блестящий столб. Отсюда он казался дротиком, победно воткнувшимся в центр мишени.

– Это и есть Врата? – задумчиво почесал голову Надар.

– Не спрашивай… Давай подойдем, что ли?

Вблизи эта постройка выглядела еще более странной и нелепой, чем издалека. Столб торчал на добрых три роста гекона. Площадка под ногами словно поглощала все звуки. Тишина стала невыносимой. А ощущение, что нечто злое наблюдает за ними, достигло апогея.

– Ну и что будем делать? Может, какое-то заклинание нужно сказать для перехода?

– Понятия не имею… – Ал прошелся вокруг столба, и даже попрыгал, проверяя, не является ли сама поверхность диска некой мембраной.

– А может это и не Врата вовсе? Может мы нашли какой-то другой артефакт?

– Не знаю. На карте, которую я откопал в памяти Энола, никаких других артефактов поблизости не было. Знаешь что, давай-ка присядем, подумаем.

Гладкая поверхность была прохладной, несмотря на жаркий день. Безветрие и безмолвие. Надар свешивает голову, незаметно проваливаясь в дрему. Зеленый громила безотрывно всматривается в сияющую иглу в центре диска. Солнце ползет по небу….

– Смотри! – Ал ткнул элива в бок локтем, тот встрепенулся, продирая глаза кулаком.

– Что? Где?

– На столб смотри. Внимательно смотри. Видишь?

– Э-э-э… что? Куда смотреть?

– На отражение на его поверхности.

– Ну, и что… О… Ви-и-ж-у-у-у… – восхищенно протянул Надар. – Это же *не наше* отражение!

– Вот именно! Сдается мне, мы битый час смотрим на вход. Так и до ночи досидели бы. Значит, что делаем – просто идем в этот столб. Думаю, не столб это никакой, а какая-то щель в пространстве, свертка.

– Я ничего не понял из твоих пояснений, но готов идти за тобой.

– Тогда стань вот тут, перед столбом, и закрой рукой глаза.

– Для чего?

– Видишь, столб значительно темнее, чем наши камни. Это значит, что там может быть уже вечер, или ночь.

– Ага, ясно – как перед входом в пещеру.

Постояли, готовясь к темноте.

– Ну, удачи нам! – Ал решительно шагнул вперед, все же страшась возможного нелепого окончания своего действия. Расшибить лоб о дурацкий столб на глазах у аборигена было бы весьма позорно.

Внезапно похолодало и потемнело. Ал открыл глаза и осмотрелся. Тотчас в спину ему ткнулся головой Надар.

– О-ох! Ал, ты был прав! Мы прошли!

– Тихо… что это… о черт!!!

В этом мире был вечер. По периметру точно такого же круга были расставлены какие-то прямоугольные штуки. Бетонные они, что ли? Вдруг завыла сирена, внезапно высоко вверху зажглись прожектора на тонких решетчатых опорах. «Штуки» оказались бетонными брустверами, и теперь черные силуэты в касках и броне поднимались над ними, нацеливая свое оружие на непрошеных гостей. Усиленный динамиками голос рявкнул что-то на незнакомом языке, впрочем, перевода и не требовалось.

Ал положил руки на автомат, и черные воины что-то закричали, показывая друг другу на его оружие. Один из черных встал за турель угрожающего вида, и направил ее на пришельцев. Ал в ответ прицелился в него, и стал медленно пятиться назад к столбу, оказавшемуся неожиданно далеко за спиной.

– Ты, Надар, не дергайся, отступаем. Иди тихонько, осторожно… Но если крикну – падай на пол.

Стрелок за турелью что-то требовательно закричал. Гекон продолжил осторожно пятиться. Абориген демонстративно передернул затвор. Нога делает еще шаг… Палец в черной перчатке задрожал на огромном курке турели.

– На пол!

Ал рухнул вниз, и поток раскаленного металла под неистовый грохот орудия прошел над его головой.

– Назад! Назад!

Ал дал длинную очередь, срезав пулеметчика и пару бойцов рядом с ними. Грянули новые выстрелы черных воинов. Судя по грохоту и пламени – огнестрельное оружие. Пули ударили в пол, не оставляя ни царапины. Рывок, перекат – смена позиции, и осознание, что все равно они открыты как на ладони. Столб был всего в паре метров сзади, но эти метры можно было и не успеть преодолеть. Ступня уперлась во что-то мягкое. Надар лежал на полу, и кровь растекалась из-под его тела. Ал изогнулся, схватил его за ноги, и прыгнул спиной вперед прямо на столб. Плечо пронзила острая боль, и тут же вторая пуля обожгла бедро. Рывок. В голове помутнело. Зной и солнце, окровавленное тело элива перед лицом. Кто-то за спиной! В сторону! Удар по голове. Вскользь, не страшно.

Ал упал лицом на жесткий гладкий пол. Заглушив боль, перекатился на спину и направил автомат на огромного темно-зеленого вонючего громилу, заносящего дубину для второго удара. Щелк. Щелк. Щелк… Палец еще нажимает на курок, а где-то внутри уже орет невидимый голос: «тебя же предупреждали!» Уклониться в сторону. Дубина бьет в пол. Бесполезный автомат цепляется ремнем за шею – даже не швырнешь. К черту его! Нож в руке. «Мой холодный друг, ты никогда не подведешь!» Второй громила замахивается топором. Сложился от удара в пах натренированной ноги. Выпрыгнуть в стойку. Уход, захват. Зеленая кровь бьет фонтаном из горла торока. Еще один. «Получи», – нож легко рассекает зеленую плоть, пронзая сердце. Провернуть. Вырвать нож. «Спасибо за знание анатомии тороков, Энол. Иди сюда третий… Хочешь автомат? Н-на, лови в морду». Промазал! Морок. Пелена закрывает глаза, тело плывет. Что это? «Я заблокировал утечку крови из ран!» Человек на краю круга. Хола – черный плащ до земли – капюшон скрывает лицо во мраке. От пальцев черного хола тянутся мутные

темные нити. Оплетают руки, опутывают ноги, лишают зрения и слуха. Третий торок бьет в бок. Сильный удар. Трещат ребра. Шаг к нему, поймать дубину… еле получилось, потянуть на себя, захватить. Враг блокирует руку с ножом. Звон металла по полу. Все, ножа нет. «Да я тебе руками башку откручу». Удушающий. Торок не умеет освобождаться от таких приемов. Шея его трещит в железном захвате. Стройные фигуры на камнях. Длинные луки. Элива? Эриса. «Кончайте», – голос из темноты капюшона. Обжигающая боль по всему телу. Оперенные жала торчат из ран. Боль. Невозможно заблокировать. Тьма вяжет руки и ноги. Черная магия, злое колдовство. Еще фигуры, огромные и вонючие. «Как же я вас не унюхал раньше?» Картинка заваливается на бок. Удары, еще удары… Тьма.

Ал очнулся и немного приоткрыл глаза, оценивая свое положение. Плохо дело. Руки связаны в кистях прочной веревкой, переброшенной через высокую толстую ветку. Ноги не достают до земли, ствол дерева далеко. Ни зацепиться, ни оттолкнуться. Опытные, гады.

– Уварр! Уварр! Саккх очнулся. Гок видел, грязный саккх открывал глаза! Гок все видел!

У ног подвешенного за руки гекона крутилось отвратительное мелкое существо: крупная уродливая голова, хилое покрученное тельце, обернутое в непонятное рванье – грязное, вонючее.

Нет смысла дальше притворяться, можно осмотреться. На камне, торчащем из земли, сидел огромный темно-зеленый торок. Никак не меньше самого Ала. Жесткие, уложенные в высокий гребень, ярко-рыжие волосы, на висках свисают косицы с вплетенными в них клыками и амулетами. Амулеты на запястьях. Амулеты на толстой мощной шее. Узкие глаза и широкий нос. Клыки не помещаются во рту. Торок разглядывал сапоги, снятые с пленника, куртка уже была на новом хозяине. Рядом лежал пояс с ножом и разный мелкий скарб, который торок нашел в карманах своей жертвы. Захватчики не сняли только робу.

– Эй, гоба, посмотри, может этот грязный саккх спрятал что-то под той странной одеждой? Может быть, у саккха клад в заднице. Ты посмотри, покопайся.

– Гок сделает, Гок проверит! Уварр сказал! Гок нужен Уварру!

Мерзкий вонючий карлик стал стягивать с тела пленника робу, но ткань в Республике Толл умели делать, и порвать ее этот коротышка не сумел, а дотянуться до застежки на груди гекона ему было просто невозможно. Вонючий гаденыш прыгал вокруг, лапал своими кривыми ручонками, пихая их во все места.

– Гок не может! Крепкая шкура. Ох… Уварр, дай Гоку нож, дай нож. Гок разрежет крепкую шкуру. Гок найдет клад в заднице грязного саккха. Для Уварра!

– На, держи, гоба, – торок заржал, предвкушая развлечение.

Гоба разрезал одну штанину снизу-вверх, затем то же сделал с другой. Подняв получившийся спереди лоскут, заморыш вдруг заорал:

– Уварр! Смотри! Уварр! У саккха нет орехов! Саккх не воин! Орехи саккха куга съел! Ах-ха! Нет орехов у саккха! Саккх не только грязный саккх, а еще и ко! Саккх-ко! Саккха теперь можно делать женщиной – ска! Грязной женщиной саккха! Ха-ха-ха!

Торок ржал, получая удовольствие от этой ситуации. Его товарищи-тороки подошли поближе, и тоже гоготали, показывая пальцами на голый пах пленника. Сзади приблизились эриса и хола в черном плаще. Даже им было любопытно.

– Эй, гоба, пощупай. Может орехи такие маленькие, что не видно?

– Сейчас Уварр! Гок сделает!

Ал собрал силы, и одним точным сильным движением ноги нанес удар в горло карлика. Голова дернулась, и тело уродца с переломанной шеей повалилось на землю. Повисла тишина. И вдруг главарь тороков хлопнул себя по коленям и затрясся от смеха:

– У-у-х-ха, саккх! Ты очень смешной. Уварр смеялся два раза! С орехов саккха и с шутки саккха. Саккх смешно шутит! Уха-ха! Глупый гоба искал орехи, а нашел свою смерть. Смешно!

Уварр не будет убивать саккха! Саккх поедет с Уварром к Роррагу! Роррагу понравится подарок Уварра. Саккх будет шутить, Рорраг смеяться. Рорраг сделает Уварра правой рукой! Уа-х-ха-ха!

– Напоминаю про уговор, Уварр.

– Уварр помнит уговор! – рявкнул торок, резко разворачиваясь к хола. – Ты уже получил, что хотел!

– Я просил всех.

– Ты просил сына вождя и его друзей. Ты получил! Эти были сами по себе!

– Ты понимаешь, о чем я говорю! Не нарушай уговор!

– Не угрожай Уварру, хола! Твоя грязная магия не страшна Уварру! Уварр может убить тебя одним ударом!

– Уварр может. А что Уварр скажет Роррагу, когда холин не получат того, что им нужно, чтобы сделать обещанное для Роррага? Уварр готов говорить с Роррагом, и объяснять, почему холин не могут сделать обещанного?

– Уварр выполняет уговор! – уже значительно тише сказал вожак тороков. – Уварр не дурак. Уварр знает, что магам холин нужен чистый элива. А этот саккх хола не нужен. Хола жадный и хочет забрать саккха. Зачем тебе саккх?

– Это дело холин. Ты не поймешь. Подарок для Роррага сложный. Саккх может пригодиться.

– Хорошо, хола, Уварр отдаст саккха хола, но после того, как поиграет с саккхом сам. Саккх должен шутить, Уварр любит смеяться!

Хола пробормотал что-то, чего Ал был не в состоянии понять. Видимо говорил на языке холин, которого не знал Энол.

– Эй вы, бездельники, собирайте обоз. Тороки идут на встречу с Роррагом!

– А с этим что делать? – спросил один из тороков. Ал с трудом повернул голову, и краем глаза увидел тело в знакомой одежде. Надар. К лежащему на земле полукровке приблизился маг. Наклонился над телом, послушал, осмотрел раны.

– Огненные осы вадаров прошли насквозь. Он жив. Его половинка крови элива может вылечить его.

Уварр выслушал хола, при этом наблюдая, как его солдаты стаскивают пожитки и трофеи к трем повозкам, запряженным шестью рукатами – огромными травоядными животными с мощными гороподобными спинами, широкими лбами и толстыми рогами, торчащими вперед. Нос их имел мягкое рыло, скорее похожее на короткий хобот, а в дополнение к рогам морда была украшена еще и бивнями – довольно пугающее сочетание. Тороки, как Ал узнал из памяти Энола, испокон веков использовали этих могучих и выносливых зверей в хозяйстве.

– Тогда бросьте этого саккха в клетку! К остальным. Если выживет, продадим. Или будет мясом для воинов.

* * *

Грубая скрипучая повозка уже вторую неделю тащилась по степи. Ал безразлично смотрел на проплывающий мимо однообразный пейзаж. Лес сменился пятнами кустарников, затем потянулись покрытые высокой травой равнины. Трава постепенно становилась жестче и ниже, на двенадцатый день появились большие участки практически голой земли. Воздух стал сухим и жарким. Воды не хватало. Израненное тело гекона залечивалось, восстанавливалось, но без должного питания оно постепенно истощалось, и Ал бездвижно лежал в клетке целыми днями, экономя силы. Эриса откололись от обоза на третий день пути, и повернули в сторону леса. Какие мотивы связывали их с тороками, было загадкой. А маг-хола остался. Он все время шел рядом с первой повозкой, вернее, большим дощатым фургоном, на огромных колесах. Время

от времени черный колдун заглядывал внутрь, что-то проверяя. По ночам, когда обоз останавливался на ночлег, он приказывал отводить эту повозку подальше в сторону, и оттуда были слышны ужасные крики и мольбы о помощи. Алу казался знакомым этот голос, а когда он его узнал, то метался в клетке всю ночь, словно безумный зверь. Но клетка выдержала: толстые прутья были ветками гласка – дерева прочнее железа. И веревка, которой все время были связаны его руки за спиной, тоже выдержала. Все приемы и ухищрения по освобождению от пут, которых гекон за свою жизнь узнал немало, оказались бесполезны. Узлы не расслаблялись, волокна не перетирались. Ничем, кроме магии – будь она не ладна – это было невозможно объяснить. Магия этого мира победила его, как и предсказывал Энол.

Гекон с друзьями были не единственными пленниками. Перед обозом шагала огромная толпа разных существ, связанных за шеи грубой веревкой, видимо, такой же неразрушимой, как и та, что сковала руки Ала. Пленники шли безвольно, не сопротивляясь и не пытаясь бежать. Раз в день их кормили недоваренными или вовсе сырыми злаками. Гекону тоже пододвигали в клетку кривую грязную миску с этой снедью. У него не было врожденной или воспитанной брезгливости, к тому же за многие годы сражений он прошел через такие испытания, что миска с недоваренной и перепревшей кашей была только источником энергии, а никак не унижением. Он ел, ныряя лицом в кашу, голый, со связанными руками, справлял свои потребности через дыры в днище, вызывая радостный хохот стражников-тороков, шагающих рядом, и думал не о своей наготе или смехе охраны, а только о выживании. Бесправное орудие военных и политиков – за время своей службы он бывал на допросах, подвергался пыткам, его насиловали, выдумывали различные издевательства и истязания, но это не оставило в его психике никакого следа. Ведь для него главным было одно: он выжил. А его враги – нет.

На седьмой день пути к обозу присоединился еще один отряд тороков, и вечером, когда караван стал на ночлег, Уварр приказал надеть на шею гекону железный ошейник с толстой цепью, и двое громил вытащили его из клетки на потеху воинам. Тороки сидели у костров, расположенных полукругом, жрали мясо и пили какое-то гнусное пойло. Предводитель новой шайки громко хлопал по ногам и хохотал, увидев голого пленника, а потом в пьяном угаре стал подначивать вождя-конкурента.

– Уварр, ты стал совсем слаб! Ты держишь на цепи этого жалкого саккха, будто он – двуглавый сорон. А ведь у него даже нет орехов между ног! Ха-ха! Может быть, ты уже без цепи не можешь обуздать и своих ска?

Уварр начал закипать, и вскочил, хватаясь за ручку своей дубины, усеянной железными шипами.

– Убью!!!!

– Стой, Уварр! – Из тьмы выступила темная фигура в плаще до земли.

Торок гневно повернулся к нему:

– Не влезай в дела тороков, хола!

– Это и мои дела, торок, – голос тьмы во тьме. Холодный настолько, что охлаждает даже бурлящую торокскую кровь. – Рорраг не одобряет ваши стычки. Ты знаешь, зачем он собирает все кланы. Ты желаешь затеять междоусобицу? Убьешь Дарата, и клан его отца начнет войну с твоим кланом. Хочешь все пояснять Роррагу?

– Я не потерплю таких оскорблений! – торок в ярости использовал язык равных, не называя себя в третьем лице.

– Накажи его, – спокойно продолжал маг, – но не так. Пусть саккх убьет Дарата.

– Саккх!.. Да-а! Саккх убьет! Он умеет. Он умеет шутить. Смешно шутить. Уварр посмеется!

– О-о! Да-а! – тороки клана Уварра поднимали свои кружки, радостно выкрикивали, и тут же предлагали ставки на бой. Воины Дарата ставили в ответ, чувствуя легкий выигрыш.

– Что, Дарат! Не побоишься сразиться с грязным саккхом? С сакхом-ко? Может, у тебя самого нет орехов?

– Я разорву твоего саккха! А потом разорву тебя! – оскорбленный вождь воздел в небо огромный топор. – Дарат убьет тебя! И заберет твой клан! – с этими словами он повернулся к Алу и заревел.

– Иди, и убей его, чужак. Или он убьет тебя, – послышался леденящий голос за спиной.

– Может, оружие какое подашь, маг?

– Покажи, что умеешь. Оружия не будет. Иди, он уже приближается, – и колдун отступил во мрак.

– Значит, без оружия придется. Не впервой, – Ал сделал решительный шаг, дернув цепь, – ослабьте хотя бы, дайте возможность драться.

Его охранники стали вытравливать цепь, при этом не отпуская ее совсем. Дарат приближался, громко топоча ногами. Торок был очень велик и силен. Но еще – молод и пьян. Ал спокойно ждал, обострив все свои чувства. Сейчас этот дурак ударит топором. Эх-х… красиво было бы подставить цепь под удар, но это не головид. Так можно только упустить возможность для правильного маневра. Или саму жизнь. Дарат поднял топор над головой и резко рубанул, одновременно сделав длинный шаг вперед. Ал лишь немного сдвинулся. Лезвие просвистело совсем рядом с плечом, и встряло в землю. Торок потянул топор назад обеими руками, и в этот момент стремительное тело гекона взметнулось вверх. Ноги скрестились в воздухе и обхватили шею воина. Ал крутнулся, и огромная туша полетела через него, врезаясь головой в землю. Гекон отчетливо слышал хруст позвонков, но для верности не разжимал ноги. На поляне слышно было только потрескивание пламени в кострах. Молодой вождь неподвижно лежал в смертельной хватке ног. Все… нет сердцебиения. Ал молча встал, гремя цепью.

– Х-х-а-а!!! Саккх умеет шутить! Одним прыжком! Х-х-а-а! Дарат сдох, как поганый бабат!

– О-о-х-р-р! – грянули глотки уварровых воинов. Тороки Дарата, потупив взор, снимали с шеи амулеты в уплату долга.

– Саккх, ты сегодня хорошо шутил для Уварра. Шути так и дальше для Уварра, и Уварр будет добр к тебе! Дайте ему мяса!

Ала потащили в клетку. Сразу четверо воинов-тороков держали цепь, а еще шестеро сопровождали их с оружием наизготовку. Цепь продели сквозь прутья клетки, и затянули его внутрь. В ту ночь он впервые получил мясо, и старался не думать, откуда тороки берут его, не выходя на охоту. Съев все без остатка, он лег на дно клетки и запустил программу восстановления. В темноте истошно вопил знакомый голос.

* * *

На пятнадцатый день вдали показался невысокий горный хребет. Из разговоров охраны следовало, что это – граница Диких Земель. Дальше начинались владения тороков. Ал теперь каждый день получал мясо, моля богов, чтобы оно не было плотью кого-то из его друзей. Он быстро восстанавливал силу и набирал запас. Его руки до сих пор были намертво связаны за спиной, так что тороки просто втыкали кость с мясом в щель между прутьями клетки, и Ал обгладывал эту кость. Если же у охранников было настроение повеселиться, то они бросали его на пол клетки, и смотрели, как «грязный саккх» пытается откусить кусок от ускользающей еды. Практически каждый день Уварр устраивал бой между пленником и одним из воинов. Теперь не насмерть, а только для развлечения. Тороку полагалось иметь только гладкую дубинку, а гекону – вообще ничего. Руки ему тоже не развязывали, лишь отпускали цепь, чтобы он мог двигаться по полю битвы. Ал знал самые смертоносные приемы, и потому даже одними ногами мог драться очень эффективно. Поэтому, каждый вечер один из воинов отправлялся на лече-

ние, а один раз гекону удалось переломать противнику обе ноги, и того добили его же соплеменники. Уварра эти бои неизменно приводили в прекрасное настроение, и гекон каждый раз получал дополнительную порцию мяса, от чего становился еще сильнее и проворнее. Но победить свои путы все так же не мог. Время от времени к его клетке подходил черный маг, шептал что-то, и веревка, которую Ал тер накануне с таким старанием, снова восстанавливалась, да еще и больно впивалась в плоть, наказывая за попытку освободиться.

Количество пленников явно уменьшилось, и Ал отгонял от себя мысли о приятелях-элива. Надара вытащили из своей клетки уже на четвертый день, решив, что он достаточно окреп. Энол страдал в руках хола, подвергаемый непонятным обрядам каждую ночь, а об Илате не было известно вообще ничего.

Торокский отряд постепенно пополнялся новыми воинами. Иногда с ними приходили и пленники, которых привязывали к остальным. Горы приближались.

Еще через три дня изрядно разросшийся караван вышел на террасу между скалами, усыпанную серыми валунами, и там встретился с еще большим обозом, который стоял лагерем, видимо, поджидая их. Лагерь, был весьма значительного размера, и хорошо устроился на ровной площадке рядом с небольшим водопадом. В центре его стоял просторный шатер вождя – пожилого, но очень сильного и крепкого торока по имени Кхур-Дар – главы одного из крупнейших кланов и нынешней правой руки самого Роррага. С ним были не только воины, но и женщины-тороки (то есть ска), дети, рабы, а еще целая куча гобов, которые бегали на кривых ножках между повозками. Увидев клетку с пленником на цепи, мелкие уродцы сгрудились вокруг, хохотали, тыкали в него пальцем и кривлялись – до того момента, как один из охранников рассказал им про участь Гока. Тогда гобы, вереща от страха, убежали подальше от страшного саккха. Потом пришли торокские дети, кричали, насмехались, и пробовали кидать в него камешками. Уварр рявкнул на них и запретил портить свою потешную игрушку. Ближе к вечеру поглазеть на него пришли и ска. Они перешептывались, показывая на его промежность друг дружке, но потом кидали сквозь прутья кусочки разной еды и смеялись, глядя на то, как он подбирает их с пола зубами.

Вечером в кочевом дворце вождя устроили званый ужин. Рабы приготовили богатое угощение, расстелили мягкие шкуры, разожгли жаровни, которые бросали на стены танцующие пятна оранжевого света. На вечерний пир пригласили Уварра и еще пару предводителей кланов, был там и маг хола. Повозку с Алом подтащили поближе к шатру, чтобы Уварр мог повеселить публику чуть позже, так что гекон мог видеть тени пирующих на ткани шатра и слышать их разговоры.

– Уварр! Что за урода ты возишь в клетке?

– Это мой трофей. И подарок Роррагу.

– Уварр! Этот саккх мой, – прошипел ледяной голос.

– Убедишь в этом Роррага! Ха!

Злобное шипение и бормотание хола.

– Увар! – голос Кхур-Дара дрожит от злости. – Это не поясняет, зачем ты поставил его клетку за шатром.

– Хочу повеселить всех вас. И тебя, славный Кхур-Дар. Этот саккх умеет развеселить.

– Не до веселья нам сейчас. Ты знаешь, зачем Рорраг собирает все кланы? Ты знаешь, зачем я здесь?

– Рорраг приказал – мы идем.

– Ох-хо…. Вы, молодые, стали совсем глупыми! Вырождаетесь. Как и все вокруг! Вот это – причина, по которой мы здесь. А теперь ты, и все вы, слушайте меня внимательно. Наша земля умирает. Поля не дают урожаев, хоть мы и наказываем рабов. Мы вынуждены пускать их на мясо. А новых брать не от куда! Наши походы за стену мира не приносят добычи. За последний год из трех проходов только из одного мы смогли получить хоть что-то полезное.

Те миры пусты и разграблены предыдущими поколениями наших воинов. А вадары создали такое колдовство, которое мы не можем одолеть. В прошлом году Харабир повел туда войско в три сотни клыков, а вернулось трое, истекших кровью от укусов их огненных ос.

– Прости, что перебиваю, вождь, – прошептал тихий голос, – но этот бледный саккх тоже ходил туда. И вышел оттуда…

– Не время говорить об этом! Сакха отправьте в загон к остальным пленникам. Повозки пригодятся нам для других целей. Их и так не хватает!

– Но Кхур-Дар! – протестующий возглас Уварра, – его нельзя вытаскивать из клетки. Он убивает воинов со связанными руками. Одними голыми ногами!

– Г-м-м… Возможно, ваш саккх имеет ценность… Вот что. Отправьте его к остальным, но в клетке. Утром разберемся, что это за саккх такой.

– Но Кхур-Дар!..

– Кхур-Дар сказал сделать! Уварр выполняет! – рык наполнил шатер.

– Уварр выполняет, великий Кхур-Дар.

Послышались раздраженные шаги, прошелестел полог шатра, голос Уварра отдал резкие приказы, а немного погодя несколько рабов под присмотром восьми тороков сняли клетку с платформы и потащили к скалам, где в расщелине был устроен загон для живой добычи. Но до прихода рабов Ал успел увидеть, как в шатре появилась высокая тень.

– Приветствую тебя, Улаван, – вождь говорил с плохо скрываемой насмешкой.

– Приветствую тебя, вождь Кхур-Дар, – произнес голос с явным эливийским акцентом.

* * *

Рабы натужно хрипели, затаскивая тяжелую клетку с массивным телом вглубь расщелины.

– Туда, заталкивайте ее туда, к стене, – орал старший стражник. Клетка грохнула по голому камню. – Позовите кузнеца. Пусть прибьет эту цепь к скале. Мне не нужны сюрпризы!

Молот пригвоздил пленника к каменной стене, и стражники направились к выходу.

– Не сбежит?

– Как же он сбежит? – кузнец поднял факел над головой, и оранжевое пламя осветило его фигуру. Ал отметил, что тот с похож на обычного крупного человека, гражданина Республики. – Да и путы на нем волшебные. Как он их снимет? И клетка из гласка…

Старший охранник с силой подергал цепь: «Не сбежит. Но вы двое стойте у выхода. Мало ли что! Не спать. Замечу – сдеру шкуру!» – и с пятеркой подчиненных отправился к костру отдыхать и есть мясо. Двое оставшихся с завистью смотрели им вслед.

Ал лежал на дне клетки, камень расщелины холодил сквозь дыры в деревянном полу. Некоторое время спустя среди пленников началась возня и суматоха. Рабы зачем-то перемещались с места на место, словно живой водоворот. Внезапно у клетки послышался знакомый голос:

– Ал! Это ты? Ты здесь?

Ал рванулся навстречу этому голосу:

– Надар! Дружище! Ты жив!!! Как я рад это слышать!

– А уж как я рад…

– А Илата?

– Тоже жив. Но привязан с другой стороны. Нам пришлось заставлять всех переходить по кругу, чтобы дойти до тебя. Я сказал им, что ты – наш шанс на спасение. Но вижу, что я им солгал, – по морю голов, обращенных к говорившим, пробежал безутешный стон.

– Вот тут ты неправ.

– Не понял. Я не должен был разочаровывать их, и продолжать врать?

– Нет, ты неправ в том, что шанса нет.

– Как?! Ал, не давай мне ложной надежды. Я не вынесу, если все снова сорвется!

– О, ч-черт… я же забыл….

– Что? Эх, я был прав…

– Ваша проклятая магия – я забыл про нее. Не знаю, получится ли то, что я задумал. Но Надар, мы обязаны попытаться!

– Что ты задумал?

– Я должен умереть. И переродиться. Чтобы освободить нас всех.

Надар молчал, вглядываясь в светящиеся, как у ночного зверя, глаза.

– Мы попытаемся. Что надо делать?

Ал помедлил, собираясь с духом.

– Отгони их подальше, насколько хватает веревки. А потом подползи ко мне и приблизи сюда лицо. Я скажу это тебе на ухо.

Послышалась возня, тычки и возмущенное сопение. Лицо Надара прижалось к прутьям.

– Надар, помнишь наш разговор, про мое рождение?

– Помню. Что именно?

– Злая, темная магия, которая меня создала… Ее нужно выпустить. Другого выхода нет.

Надар задумчиво молчал.

– А это не опасно?

– Опасно. Я даже не обещаю, что все останутся живы.

– Но шанс есть?

– Может быть. Если магия этого мира не окажется сильнее.

– Я не хочу стать обедом у тороков. Я видел, как они разделывают еще живых… Я помогу тебе. Если нет другого пути, пусть зло убьет зло.

– Тогда ложись на пол, и просовывай руки в клетку. Я лягу поближе. Получилось? Так. Слушай меня. Нащупай мой пупок. И засовывай в него пальцы.

– Что???

– Слушай и делай.

– Делаю… о духи леса, что это?..

– Глубже! Двумя пальцами. Чувствуешь что-то?

– Да! Что-то твердое.

– Подцепляй и тяни. Есть? Тяни давай, это не очень приятно!

– Есть! Что это?

– Неважно. Что там? Покажи. Та-а-к. Вот эту штуку с двенадцатью горошинами засунь назад, и вот эту с треугольниками тоже… Не стони, так надо. А теперь нужно достать из этой… штуки четвертую… ягоду, синюю. Цветов не видишь? Ну пощупай поверхность, там должен быть выдавлен символ, вроде четырех клыков. Чувствуешь?

– Вроде да…

– Покажи пальцем мне перед лицом, какую выбрал. Да, она! Теперь подставь ладонь и надави сверху на эту выпуклость, ягода упадет тебе в ладонь…

– Ой, на пол упала.

– Лови, дурак!

– Вот! Нашел!

– Ф-ф-ух… Ну ты… Засунь то, что осталось снова мне в пупок. Затолкай все поглубже. А теперь давай мне ту ягоду в рот, и бегите. Если тут есть какие-то ответвления и щели, лезьте туда и не высовывайтесь. Давай!

Надар бросил «ягоду» в открытый рот, и стал толкать остальных пленников, шепотом объясняя им, что нужно прятаться. Ближе к выходу было ответвление, узкое и изгибающе-

еся кверху, стоять там было просто пыткой, но Надар пинал и толкал всех, выполняя указание. Ал лежал на полу, и боялся, сам не зная, чего больше. Преобразование было кошмаром, но перспектива остаться в плену у тороков еще страшнее. Отступать некуда. Он с силой прижал капсулу языком к нужной точке на верхнем нёбе, хрустнула предохранительная перепонка, и капсула с новой формой провалилась в полость генного приемника. Но подействует ли? Гекон напряженно прислушивался к ощущениям, ожидая старта программы. Внезапно по телу пошли первые судороги. «Работает!» Ал почти с радостью закусил губу, чтобы не застонать от боли: нужно терпеть, сколько хватит сил. Стражники не должны прибежать раньше времени.

* * *

Уварр разложил на шкуру свои трофеи.

– Видишь, Кхур-Дар, какие диковины были у саккха. А вот это я нашел у высокородного элива.

– Что тут особенного, Уварр?! Я видел такие вещи и раньше. Что толку от них? Это лишь игрушки чужаков, бесполезные в нашем мире!

– Х-ха! Смотри, Кхур-Дар! – Уварр поднял какую-то блестящую штуку, и нажал на маленький выступ сбоку. Потолок шатра засиял нестерпимым светом, который вырвался из чужой вещи. Кхур-Дар потрясенно молчал, моргая заслепленными глазами.

– Дай! Дай это мне! Я хочу попробовать!

Старый вождь схватил добычу, и выбежал из шатра. «Как это»… – бормотал торок, – «а… вот, нащупал»

– О-о-х!!! – со всех сторон раздались удивленные возгласы тороков. Мощный луч ударил в склон горы, вырывая из темноты камни и чахлые кусты.

– Уварр! Это великая добыча!

– А я тебе что говорил! Этот саккх нам нужен! Если его амулеты действуют, то…

Дикий, ужасный звук разорвал ночь. Рукаты в страхе заметались на привязях. Бывалые воины почувствовали, как по спинам побежал холод. Крик раненного животного, боль разумного существа, вой ветра и шум водопада были слиты в этом кошмарном завывании, которое постепенно перешло в рык, а затем в хрип. И смолкло.

– Что это? – Уварр шептал, что было невероятно для торока.

Кхур-Дар выключил свет и негромко произнес: «Кажется, мы вызвали демонов этой магией»

– Демоны? Здесь? – Тихий но взволнованный голос хола послышался за спинами тороков.

– Готовь свою магию, колдун! Возможно, нам потребуется защита от демонов. Уварр, отправляйся к загону с рабами. Звук шел оттуда. Нужно проверить.

Уварр нехотя повиновался.

– Воины, за мной!

– Ну, что там такое?

– Не знаю, Уварр! Мы не заходили! – страж на входе в расщелину отвечал невнятно, и был явно испуган.

– Бабат! Сын бабата! Прекрати дрожать, и иди туда! Или я сам тебе оторву голову!

– Но вождь… Демоны…

– Нет там никаких демонов! Идите вдвоем! Быстро! Дерьмо руката! – Увар рывком развернул воина ко входу в расщелину и подкрепил приказ крепким пинком.

Двое тороков пробирались по дну расщелины, держа топоры наизготовку.

– Где пленники, Кадакар? – тихо спросил один из стражников, вглядываясь в темную пустоту расщелины.

– Не знаю… Кажется вон там, в трещине. Что они там?.. Эй, вы, зачем вы туда забились?

– Там. Оно там… В глубине… – с ужасом прошептал стоящий с краю раб.

Стражники придвинулись друг к другу, и осторожными шагами стали продвигаться в темноту.

Пусто. Лишь клетка одиноко стоит на камнях.

– А где саккх? Куда он делся? Смотри, цепь…

Кадакар потянул цепь, и она, звеня в пугающей тишине, вышла из клетки с целым ошейником на конце.

– Как это?

– Подойди ближе, посмотри. Там что-то темное на полу.

– Сам иди! Я не хочу встретить демона!

– Тогда вместе… Идем.

– Ты что-то видишь? Что это такое? – прошептал торок, по имени Кадакар, прижимая лицо к прутьям клетки.

– Не зна…

Черное копье стремительно ударило в грудь воина, пронзая ее насквозь. И в тот же миг длинная пасть, усеянная острыми, как бритва, зубами перекусила шею второму. Раздался дикий победный крик неведомой этому миру твари, грянул треск ломаемых прутьев из гласка – дерева, прочнее железа. Затем послышался скрежет когтей по отвесным стенам. И снова наступила тишина.

* * *

Бежать. Опасность. Вверх. Вверх. Тяжело. Мало сил. Хочу еду. Вверх. Вверх. Опасность. Правильное место. Ночной свет. Прятаться в тени. Между камнями. Тень. Хорошо. Можно есть еду. Хорошо. Еда. Много. Хорошо. Отдыхать. Восстанавливаться. Набирать силу. Лежать…

– Где эти вонючие бабаты? Почему до сих пор не возвратились!? Ты! И ты! Проверить!.. Хорошо! Идите вчетвером. Вперед, трусливое дерьмо! – Уварр бушевал у входа в пещеру, впрочем, не стремясь лично отправиться на разведку. Бесстрашные в любом бою, тороки теряли отвагу при одном лишь упоминании демонов. Древний, мистический страх сковывал их конечности, лишая сил. Позор и смерть трусу, но бояться демонов не зазорно.

Время ползло раздражающе долго. Воины притихли, настороженно озираясь во все стороны. Тихо. Только шумит ветер в камнях, и вдалеке испуганно подвывают рукаты. Нервы на пределе. Терпение иссякло. «Где эти грязные бабаты, дети бабатов?..» Послышался быстрый стук сапог по камням: из расселины появились посланные на разведку воины. Все четверо.

– Пусто, Уварр!

– Что значит, пусто?!

– Расселина пуста. Рабы забились в щели в стенах. А клетка разбита и пуста.

– Что с саккхом?

– Пропал. Цепь валяется на полу. И ошейник цел. Веревка тоже на полу. Узел не тронут.

– Как это не тронут?! А как он освободился?

– Не знаю, Уварр! И наши воины…

– Что с ними?

– Один пропал, второй лежит без головы. Кажется, это Кадакар. Выходит, Бидубар пропал.

– Дерьмо! Отрыжка бабата! Как такое может быть?

– Уварр… Мы подумали… Ребята говорят… Демон это! С крыльями. Сверху залетел. Кадакару голову откусил. Бидубара унес. Клетку сломал. Саккха унес…

Уварр зарычал от злости. Сзади послышались многочисленные шаги.

– Что у вас тут, Уварр?

– Демоны! Демоны убили моих воинов и украли смешного саккха!

– Здесь нет демонов, – послышался тихий голос из глубины черного капюшона, – я не чувствую их.

– Тогда иди и посмотри сам, грязный хола!

– Дайте факел.

– У нас нет факелов! Настоящему воину не нужен факел! Воин не боится темноты!

– Дурак… Принесите факелы! Или хоть ветки зажгите, ничего же не видно!

Забившиеся в щели рабы с ужасом смотрели на проходящую мимо процессию. Черный маг-хола шел впереди, передвигаясь плавно, словно сама смерть. Его силуэт дрожал в свете наскоро сделанного, роняющего на пол капли масла, факела, который нес воин-торок позади. Хола внимательно вглядывался в темноту, шарил по каменным стенам взглядом. Дошли до клетки. Маг задумчиво перебирал в руках звенья цепи, шепча заклинания.

– Ее не рвали. Подайте веревку. Хм… Она тоже цела.

– Демоны! Я говорил – демоны, – по толпе тороков прошел взволнованный ропот.

– Здесь НЕТ демонов! – внезапно рявкнул хола. Это было так неожиданно, словно заговорил камень. Тороки притихли. – Я все проверил. Я плету заклятья от самого входа. Демонов здесь нет!

– А кто же тогда это сделал? И куда делся саккх? – Кхур-Дар требовательно смотрел во тьму под плащом.

– Не знаю. Скорее всего, он мертв. Я перестал чувствовать его душу. Нити разорваны. Его нет. Может быть, торл спустился сверху, разбил клетку и вырвал саккха. А воину твоему оторвал голову.

– Куда же делась голова Кадакара? – возмущенно выкрикнул один из воинов Уварра. – И крови саккха нет! Мы видели кровь саккха раньше! Такой тут нет!

– Я не знаю! Может быть, торл унес тела! И голову тоже, – хола был явно взволнован.

– И вылез по отвесной стене? – Кхур-Дар ткнул рукой вверх. – Стены отвесны, а выход в двадцати ростах вверху. Или в ста шагах там, – он махнул рукой в сторону выхода, – торл стал, как куга, и проскочил между ног воинов?

Колдун помолчал.

– Мне нужно вернуться к моему фургону. Там я смогу сказать больше, – с этими словами он повернулся и невозмутимо пошел к выходу.

Двигаться. Директива. Двигаться. Смотреть вниз. Враг. Враг. Много врагов. Основная цель! Опасность! Враги. Отступить. Следить. Ждать. Цель движется. Преследовать. Держаться в тени. Тихо. Подкрасться. Смотреть вниз. Еда. Много еды! Запрет! Еда! Запрет! Еда!!! Запрет. Запрет! Запрет! Директива! Преследовать цель. Еда… Запрет! Преследовать цель! Враги. Враги. Осторожность. Следить. Преследовать. Скрытно. Скрытно. Цель впереди. Преследовать. Обойти. Скрытно. Готовиться. Спрятаться. Ждать…

Черный маг спокойно и уверенно шел по лагерю тороков, за ним на некотором отдалении шла толпа воинов. Они негромко переговаривались, проклиная чужака-хола. Уварр молчал, разрываемый желанием закричать в лицо Кхур-Дару: «Я же говорил!» Но пока этого делать было нельзя. Пока нельзя. Маг дошел до шатра вождя, и остановился, поджидая его.

– Дальше я пойду сам. Не следует торокам приближаться к магии.

– Нам не нужны твои грязные секреты, хола. Иди, твори свою темную магию. Мы ждем тебя тут, в шатре. Иди, и принеси мне ответы!

Хола все так же невозмутимо развернулся и пошел к своей повозке, стоящей в отдалении от всех ниже по склону.

Опасность! Опасность! Опасность! Спрятаться. Приближается основная цель. Опасность! Двигаться. Скрытно. Преследовать. Цель движется. Прогнозировать маршрут. Двигаться. Скрытно. В тени. Бесшумно. Расчетная точка. Прятаться. Приготовиться. Ждать. Ждать. Ждать… Готовность. Условия оптимальные. АТАКА!

Черный маг хола умер мгновенно. Никто не заметил бесшумную тень.

* * *

– Вы чувствуете? Чувствуете?

– Что?

– Веревки! Будто ослабли! Трите их о камни!

– Получается! Они трутся! Получается! Трите, трите!

– Тихо! Не радуйтесь раньше времени!

– Куда?! Стоять! – Надар схватил какого-то раба за обрывок веревки на шее. – Стоять! Не выходи из расщелины! Там смерть!

Несчастный, почувствовав свободу, побежал в темноту:

– Они ушли, они все ушли. Я свободен! – шлепки его босых ног по камню затихали вдали.

– Верьте мне! Стойте! Я не выпущу вас. Илата, помоги мне, – Надар растопырил руки и ноги, не позволяя пленникам сбежать. В глубине тесной щели послышалась возня и удары.

– Здесь нет места!

– Нас слишком много тут!

– Мы еле стоим!

– Нам уже дышать нечем!

– Хотите жить, стойте! – заорал Надар.

И вдруг тишину разорвал крик, полный боли и ужаса.

Цель уничтожена! Радость! Опасность уничтожена! Директива выполнена. Свободное действие. Возможности! Смена цели. Много целей. Еда! Цели. Еда! Уничтожать. Зачистка. Еда! Полная мощность! Убить! Еда!

Матово-черная молния выстрелила из-за камней. Ряды зубов сомкнулись на голове воина. Хруст. Тело еще стоит, а молния бьет следующего. Зубастая треугольная голова на длинной шее пробивает грудь торока, который пытается выхватить из-за спины топор, вырывает его сердце, сжирая еще трепещущий комок на глазах у жертвы. Хвост с бритвенно-острым наконечником хлещет по горлу третьего. Черная тварь выворачивается, словно не имеет костей, и впивается в бок фонтанирующего кровью несчастного, чтобы попробовать вкус его плоти. Воин роняет топор, трогает свою грудь, и рука его проваливается в глубокую дыру. Тишину разрывает крик, полный боли и ужаса.

Кхур-Дар вскочил на ноги, хватая свой боевой топор:

– Что за вопли?

– Демон! Демон напал на лагерь!

– К оружию! Защищайте детей! Защищайте ска!

– Демон непобедим! Кхур-Дар! Нужно спасаться!

– Трусы! Дерьмо бабата! – топор сверкнул в пламени жаровен, и голова паникера покатилась по полу. – Драться! Тороки умрут с честью!

– Умрут с честью! Уа-х-р-рр!!!

Вождь во главе толпы воинов рванул к источнику криков и звона металла. Из груды тел вылетела окровавленная нога, и шлепнулась перед ним.

– Не дайте демону пройти к обозу с детьми! Стоять насмерть!

Воины становились плечом к плечу, держа топоры и дубины наизготовку. Из кровавого месива тел перед ними вырвался огромный черный зверь. Стелясь над самой землей, он словно перетекал с камня на камень. Длинный зазубренный хвост с острым клинком на конце извивался над черным телом в смертоносном змеином танце. Зверь медлил, оценивая новую угрозу.

– Иди сюда, демон! – взревел старый торок, – Кхур-Дар сразится с тобой! Кхур-Дар отправит тебя в твой поганый мир!

Черный демон медленно сполз с камня, выходя на небольшую площадку. Его треугольная голова со светящимися в свете луны глазами, неотрывно следила за главным тороком. Мощная гладкая лапа, завершающаяся четырьмя пальцами с длинными и острыми, как загнутые клинки, выдвижными когтями, протянулась к вождю. Коготь на среднем пальце поднялся и спрятался, словно тварь манила противника к себе.

– Аа-а-а! Драться хочешь! Ты честный демон! Когда Кхур-Дар убьет тебя и сделает из твоей головы талисман, тороки воздадут тебе честь! Иди сюда!

Зверь шипел, стелился по земле, мотая хвостом. Кхур-Дар заревел во всю глотку и рванулся вперед, занося топор над головой. Никто не мог ожидать такой скорости от огромного черного чудовища. Рывком оттолкнувшись от земли, демон рванулся навстречу врагу и с громким хрустом перекусил воину шею. Голова, с удивленно выпученными глазами, покатилась под ноги его собратьям, застывшим на месте в немом изумлении. А дальше началась бойня.

Боль и ужас волнами перекатывались по лагерю. Тонко визжали дети, им вторили ска. Скрипучими голосами скулили гобы. Рукаты рвались на привязях. Некоторым животным удавалось порвать широкие кожаные ремни и вырваться на свободу. Массивная фигура с торчащим над головой гребнем подбежала в темноте к ревущим животным. Сверкнул кинжал, разрезая путы. Мохнатый гигант заревел и рванул, убегая от криков и суматохи, наполненной ужасом. На спину ему, взбираясь по кожаной упряжи, прямо на ходу забрался таинственный всадник с гребнем на голове… Затем все стихло, и лишь слышно было, как в темноте хрустят кости и рвется плоть.

Надар, дрожа всем телом, подкрался к выходу из расщелины. Его собратья по неволе робко жались к стенам в отдалении. Элива-полукровка осторожно выглянул наружу. Никого и ничего. Ветер шумит в камнях, треплет порванные стенки шатра вождя. Тихо.

Посидев некоторое время за камнем, Надар решился сделать шаг наружу, затем еще один, и еще. На плечо вдруг легла рука. Следопыт дёрнулся, и в слабом свете наступающей зари увидел бледное измученное лицо Илаты.

– Я с тобой.

– Тихо! Идем осторожно, – прошептал Надар.

Крадучись между камнями, они дошли до шатра. Вокруг валялись части тел тороков. Камни залиты зеленой кровью. Обрывки одежды, покореженное оружие. Надар взобрался на высокий валун и огляделся: багровые лучи солнца озарили сцену кошмарной бойни. Рядом встал Илата. Элива молча смотрели на останки тороков и животных. Не уцелел никто. Все мертвы. Тишина…

Рассвет огласился чужеродным криком, холодящим кровь. Криком, который они уже слышали этой ночью.

Глава 4

– Там! Туда! Оттуда шел звук, – Надар спрыгнул с валуна, и запетлял среди следов побоища в указанном направлении, – догоняй, Илата!

Элива поколебался, а затем нерешительно пошел в ту же сторону.

Немного поблуждав среди выступов скал, они обнаружили гекона в небольшом углублении между камнями. Ал лежал, свернувшись в луже и ошметках тошнотворного вида. Его голое тело еще подрагивало от судорог.

– Нужно вытащить его, подсоби мне, Илата.

– Ты уверен, что это следует делать?

– Ты что? Илата!

– А что ты о нем знаешь? Ты слышал, что было в расщелине? Ты сам говорил, это он – та тварь, что вырвалась из клетки! Видел остатки лагеря?

– Он освободил нас! Спас всех!

– Да? Какой ценой, Надар? Я видел то, что осталось от тороков. Он их жрал! – гневно прокричал Илата в лицо Надару.

– А они жрали нас!

Надар влез в отвратительное месиво и попытался поднять Ала, но это оказалось ему не по силам. Полукровка пыхтел, старался, но ноша была слишком велика. Наконец Илата не выдержал, и подхватил бесчувственное тело под вторую руку. Даже вдвоем они едва подняли этот огромный груз.

– Духи леса! Почему он такой тяжелый? – пыхтя от натуги процедил сквозь зубы Надар.

– Пояснить тебе? Отожрался!

– Хватит! Не сделай он этого, ты сам стал бы обедом у тороков. Не сегодня, так завтра. Мы живы, и хватит об этом. Лучше тяни сильнее.

С огромным трудом, совершенно выбившись из сил, товарищи дотянули гекона к шатру, и уложили его на толстые мохнатые шкуры.

– Я должен найти Энола, – Илата повернулся к выходу, – ты пойдешь со мной?

– А Ала оставим одного?

– А кто к нему рискнет подойти?

Пленники уже потихоньку выбирались из расщелины и разбредались по горной террасе: одни сразу бежали опьяненные чувством свободы и страхом, что эта свобода временна, другие, брезгливо и робко переступая между останками, старались найти что-то полезное. Рабы Кхур-Дара держались обособленно, сплотившись за время своей неволи.

Надар заметил молодого парнишку элива, с которым был связан веревкой все эти дни, и поманил его к себе:

– Иди сюда, Тамалин.

Парень быстро поскакал по камням к шатру.

– Есть дело. Нужно посторожить шатер. Никого не впускай, если кто-то сунется, то скажи, что он будет иметь дело с тем, кто совершил все это, – Надар обвел рукой окрестности, – договорились? Жди нас. Мы вернемся и обсудим, что делать. Нам нужно держаться вместе, если хотим выжить.

Илата уже поджидал Надара ниже по склону, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. Он торопился на поиски своего сюзерена, который был для него не просто командиром, но надеждой Рода и будущей Опорой.

Повозка стояла там же, где ее приказал вчера установить черный хола. Рукат, тащивший ее, валялся рваной мохнатой тушей рядом, сам маг превратился в растерзанные ошметки, на которые невозможно было глядеть без содрогания. Илата взобрался на подножку фургона, и

со смесью надежды и страха отодвинул плотный занавес. В нос ударила вонь человеческих испражнений и смесь каких-то резких чужеродных запахов. Все внутреннее помещение было превращено в передвижную лабораторию черной магии. Вдоль стенок теснились узкие полки, на которых были расставлены магические предметы и снадобья, а в центре возвышался стол, с прикованным к нему Энолом Элава. То, что открылось дальше, повергло друзей в шок и ярость: в обнаженное тело Цветка Древа были воткнуты амулеты и иглы, из вен на руках и ногах через тонкие стеклянные трубочки медленно сочилась кровь и собиралась в сосуды, покрытые таинственными знаками магии хола. Голова подопытного элива покоилась на специальной подставке, прочно зажатая широким кожаным ремнем с застежкой. В выбритом налысо черепе зияли пугающие дыры, из которых тянулись мерзкого вида нити и гибкие трубки, концы которых терялись в чане, стоявшем под столом. Илата задрожал, давясь слезами от горя и потрясения. Внезапно Энол дернулся и открыл глаза. Рот его искривился, издав нечленораздельное мычание. Из угла губ несчастного потекла слюна. Со стола закапала на пол моча. Оба следопыта отшатнулись, прикрыв лица руками. Цветок Древа судорожно дергался, словно жертва на алтаре, подготовленная к приношению варварским богам, вращал глазами и стонал. Было совершенно очевидно, что он не воспринимает реальность.

– Мы должны доставить его домой. Наши лекари и Маги Жизни помогут ему. Мы обязаны это сделать!

Надар молчал.

– Надар! Я взываю к той части твоей крови, которой ты обязан элива. Поклянись, что поможешь мне!

– Илата! Успокойся. Я помогу тебе. Но нужно подумать, как это сделать. И можем ли мы это сделать вообще?

Решив пока не снимать жертву со стола, они покинули тошнотворную повозку черного мага. Надар указал на драные куски плоти в остатках черного плаща: – Все еще думаешь, что Ал слишком жесток?

Илата промолчал, лишь взмахнув неопределенно рукой, и зашагал вверх по склону.

Возле передвижного дворца Кхур-Дара сидели около трех десятков освобожденных рабов. В основном это были элива, но были и холин, и даже несколько существ, явно не принадлежащих этому миру: кузнец – очень похожий на местных хола, но куда крупнее их, с красновато-коричневым цветом кожи и пышной шевелюрой на голове, – женщина, подобная кузнецу и еще один. Этот был совершенно незнаком следопытам: ниже элива, даже ниже хола, серый цвет кожи, больше похожей на чешую ящерицы, конечности с четырьмя длинными пальцами на руках и ногах, лицо с немигающими янтарными глазами и вертикальным зрачком. Нос у незнакомца был приплюснут, еле выделяясь на лице, а губы тонкие и жесткие. Но больше всего удивлял хвост, на который он упирался, как на подпорку. В целом это существо было похоже, скорее, на ящера, а не на человека. Откуда появился этот странный чужак, как его звали, как называлась его раса – никто не знал. Ящероподобный сидел в стороне от остальных, но явно не хотел уходить. Непонятно было и то, откуда он пришел, ведь его не было в той расщелине, куда вечером загнали рабов. От толпы отделился Тамалин.

– Я все сделал, как вы велели. Никто не входил в шатер.

– Молодец. А что это за собрание?

– Они решили, что хотят пойти с нами.

– А остальные?

– Остальные сами по себе. Многие уже разбежались.

– Дураки, – Надар осмотрел толпу. Большинство были уже знакомы ему: элива, которых захватили в тех же краях, что и его самого, холин, еще пара элива и чужаки были из обоза Кхур-Дара.

– Тамалин, – тихо произнес Надар, – возьми из этой толпы нескольких элива, выбери тех, что покрупнее и посильнее, желательно – не меньше десятка. Подберите себе какое-то оружие и идите к месту, где стояли повозки Кхур-Дара. В этих повозках должна быть провизия. Возможно, найдется что-то еще полезное. Еще десяток людей отправь к повозкам Уварра. Проследите, чтобы их не разграбили: нам все это нужно.

– А что с холин и чужаками?

– Оставь с ними самых слабых элива, пусть пока посидят тут. Но постарайся сделать все непринужденно, не вызывая паники.

– Постараюсь! – парень оказался шустрым и сообразительным, и тут же пошел к толпе, как ни в чем ни бывало, по пути поманив одного из элива, видимо, своего товарища.

Надар проводил его взглядом и откинул полог шатра. Илата отстраненно смотрел себе под ноги и что-то тихо шептал под нос. Пришлось схватить его за руку и затащить внутрь.

На большой шкуре в центре шатра сидел разодетый в торокские наряды Ал, примеривая на себя сапоги. За время отсутствия элива он уже успел очнуться и обшарить сундуки, расставленные у стен.

– Ну что, друзья, посмотрите, идет мне? – он встал и продемонстрировал свое новое убранство. Выделанные по торокскому обычаю вещи явно предназначались для особ высокого положения: качественная кожа, выделка, множество украшений и вышитых узоров. – Мое счастье, что старый вождь любил хорошие вещи. Их немало в тех сундуках. Не хотел бы снимать вонючие шмотки с трупов, – Ал провел по узорчатой вышивке куртки пальцами. – Не ожидал, что эти варвары умеют делать такие вещи своими грубыми лапами.

– Они и не делают, – угрюмо пробормотал Надар, – думаю, все это – дело рук их рабов. Как ты?

– Нормально. Жив.

Надар явно хотел спросить что-то еще, но не решался. Ал догадывался о чем, и потому не собирался ему помогать начать этот неприятный разговор. Вдруг Илата заплакал:

– Ал, – он впервые назвал гекона по имени, – помоги нам! Помоги, прошу тебя! За тобой он пошел сюда, это ты его привел, ты! Ты виноват!

Надар вдруг схватил Илату за плечи, и сильно встряхнул:

– Прекрати! Вы сами увязались за нами! Не мы виноваты в этом! Не Ал! Благодари своего Опору Листьев Тодана! Это он послал Энола шпионить за нами!

Ал положил руку на плечо Илате в примирительном жесте.

– Что произошло, Илата?

Сбиваясь от волнения, элива рассказал об их находке в фургоне мага.

– Что нам делать? Что делать? Мы не можем его бросить! Мы должны доставить его в Священный Лес!

– Сядьте, друзья, надо подумать. Это дело непростое. Надар, что вообще там за стенками? Какая обстановка?

Надар быстро и четко описал ситуацию.

– Отлично! Ты молодец, Надар. Нужно идти и организовать все. Стягивайте все ценное сюда.

– А как быть с теми, кто будет спорить?

– Предложите выбор. Или пусть присоединяются к нам, или… Или применяйте силу. Нас меньше, но мы организованы.

– А что делать с холин и другими?

– Я этим займусь. Илата! Посиди пока здесь. Стереги то, что тут лежит, и принимай то, что будут тебе приносить.

Отправив Надара к обозу Кхур-Дара, Ал подошел к толпе недавних пленников и рабов. Холин сгрудились вместе и возбужденно переговаривались, с недоверием оглядываясь на элива.

– Меня зовут Ал, – громко крикнул гекон, подойдя к толпе, – это я вчера был закован в клетке.

Ропот сразу стих, некоторые стали испуганно озираться, словно ища пути отступления.

– Успокойтесь! Я понимаю, что вам страшно – вы только недавно освободились из ужасной неволи, и боитесь новых бед. Но я обещаю, что не причиню вам никакого вреда. Предлагаю присоединиться к нашей группе, и вместе мы будем куда сильнее, что повышает наши шансы на спасение. Не стоит забывать, что для возвращения всем нам нужно преодолеть Дикие Земли, где велика вероятность встретить новый отряд тороков или… других врагов. Я вижу, что вы не доверяете элива, я понимаю вас, но я не элива, как видите, я ко всем вам отношусь одинаково, – некоторым удалось улыбнуться, – так что, считайте, что присоединяетесь ко мне. Что скажете? Кто хочет вступить в мой отряд, подходите, становитесь рядом.

Вдруг, обходя толпу, к Алу быстрым шагом подошел ящероподобный чужак и молча сел на свой хвост.

– Хм… Ну, я так понимаю, это – первый член отряда.

Ящер молча кивнул головой. Слегка поколебавшись, подошел кузнец, затем женщина его расы, а затем и все остальные окружили гекона.

– Вот и хорошо. Тогда слушайте мой первый приказ: подбираем брошенное оружие, кто что может удержать, идем вон туда: будем делать запасы в дорогу.

Возле повозок Уварра собралась куча народу, творился полный беспорядок. Пятеро элива стояли на одной из телег со скарбом, грозно размахивая топорами. Их окружала толпа существ разных рас и возмущенно выкрикивала проклятия в адрес маленького отряда.

– Это не ваше! Слезайте! Кто вы такие? Кто вам дал право? Грязные элива! Вы всегда считаете себя лучше других! – десятки глоток заорали, одобряя эти слова. Как ни странно, но в одобрительный хор внесли свои голоса и элива, стоявшие в толпе.

– Мы заявляем право на эти припасы и все, что в других телегах. Это наше! Мы… Мы – отряд! Слушайте нас! Нужно сделать все, как приказано!

– Кто приказал? Кто? Какой умник? Я сейчас ему скажу пару слов, – хола высокого роста с топором в руках угрожающе поднял оружие.

– Ну, я приказал. Говори, – послышался спокойный и уверенный голос за его спиной.

Толпа разом замолкла, испуганно глядя на подошедшего. Мало кто узнал в огромном незнакомце в одежде знатного торока вчерашнего грязного голого пленника. Вид нового участника дележа отбивал у них охоту предъявлять претензии на припасы тороков.

– Я… э-э-э… А чего они? Сказали бы сразу, что ты приказал… Прости, вождь, не знаю твоего имени и племени.

Гекон прошел через толпу, спешно расступающуюся перед ним, и легко запрыгнул на груду мешков и сундуков.

– Меня зовут Ал. Я командир вот этого отряда. Вы тоже можете войти в мой отряд или идти своим путем. Но припасы я забираю. Все. Те из вас, кто пойдет в моем отряде, получат справедливую долю: питание, одежду, оружие. Остальные – выживайте, как хотите. Но если вы решите присоединиться, то будете подчинятся своему командиру, то есть мне. Вопросы?

Народ мялся, не решаясь говорить. Наконец, одна женщина-хола подняла руку, привлекая к себе внимание – остальные недовольно зыркали на нее, выражая недовольство тем, что женщина позволяет себе такое поведение.

– А куда ты поведешь нас, господин?

– Эй, вы, там! Хватить шипеть на нее! Если кишка тонка самим задать вопрос, то заткните свои пасти. А ты не бойся, женщина. Как тебя зовут?

– Инвира, господин.

– Эх… м-м-м. Значит так, называть меня «сэр». Или сэр Ал. Теперь к твоему вопросу, Инвира. Думаю, мы пойдем к Священному Лесу. У нас там э-э… важное дело. И добраться до границы Леса нужно как можно скорее. Далее все холин пройдут через земли элива в свою страну, – холин недоверчиво переглядывались, элива тоже выражали скепсис, – у меня есть основания думать, что Элаф Элава, Опора Цветов – да и сам Ствол Древа – прислушаются к моей просьбе пропустить вас. Так что, вы сможете оказаться дома уже совсем скоро.

В толпе начались бурные обсуждения и споры. Какой-то хола, успевший приодеться в торокскую куртку и шаровары, снятые с торока-подростка или женщины, угрожающе поднял над головой кинжал, видимо, не в силах удерживать огромный топор – любимое оружие ордынцев:

– Мы не собираемся идти к этим заносчивым лесным ублюдкам! Дай нам нашу долю, и мы пойдем своим путем! – за его спиной, агрессивно наставляя разное оружие на окружающих, стояли еще пятеро холин, одетых так же, как и их главарь.

Ал не спеша прошел по краю повозки к смельчаку, который успел подойти поближе: «На», – и двинул наглеца в лоб сапогом. Хола отлетел на своих подельников, повалив еще двоих, и затих на земле.

– Еще кому-то дать? – желающих не нашлось, – тогда повторяю: вступайте в мой отряд, или идите своей дорогой.

Толпа зашевелилась, в ней забурлили живые течения и жаркие обсуждения. Наконец, от собрания потихоньку стали отступать самые хитрые, понявшие, что тут им ничего не светит, и потому решившие, что успеют ухватить себе что-то там, куда еще не пришел этот громила. Это заметили другие, и одиночки начали быстро разбегаться по террасе. Осталось лишь около двух десятков бывших рабов разных рас, не считая тех, кто пришел сюда с геконом.

– Прекрасно! Вы теперь мои подчиненные, – он повернулся к элива, высланным Надаром для защиты припасов, – вы тоже. Есть возражения? – те нехотя помотали головами. – Тогда так: вы десятеро берите эту повозку и тяните ее к шатру. Вы – вторую. Вы, – он показал на элива на телеге, – охраняете и помогаете. А вы идете со мной.

«Ящер» снова первым молча стал рядом, готовый к выполнению приказов. Кузнец, вооружившийся солидным топором, тоже подошел поближе.

– Теперь идем разбираться туда.

У обоза Кхур-Дара все повторилось, только Алу пришлось приложить кулаком троих: тут скарба было больше, и желающих им поживиться собралось тоже больше. Солнце уже перевалило далеко за полдень, когда Алу, наконец, удалось навести порядок и собрать свою маленькую армию у шатра. Используя одну из огромных телег как сцену, Ал произнес короткую воодушевляющую речь, приказал разделать всех павших рукатов и собрать с них все мясо. Вечером вчерашние пленники – а сегодня – солдаты Ала – должны получить шикарный ужин.

Теперь предстояло провести ревизию всего, что досталось «Армии Ала». Надар взял на себя роль заместителя и прекрасно с нею справлялся. Он опросил всех на предмет их умений и навыков, создал группы обеспечения и боевые отряды, назначил командиров. Его авторитет и право распоряжаться никто не посмел оспорить, видя, как он по-дружески общается с командиром. Наконец, улучив момент, Илата затащил гекона в шатер и, заглядывая снизу-вверх тому в глаза, стал горячо упрашивать заняться проблемой его сюзерена.

– Илата, успокойся! Давай рассуждать здраво. Мы не можем никак улучшить положение Энола. Мне тоже небезразлична его судьба. Но что мы можем сделать? Ты понимаешь что-то в магии хола? Вот и я тоже. Я в вашей магии вообще ничего не понимаю, и меня это просто бесит! С другой стороны – смотри сам – эта магия поддерживает в нем жизнь. И, несмотря на то, что он в таком состоянии, он живет уже столько дней. Поэтому, разумнее всего – ничего не трогать. Поищем лекарей среди тех, кто примкнул к нам. Возможно, они смогут уменьшить

страдания Цветка. А сами будем тянуть фургон с ним внутри. И еще, думаю, нам не стоит особо распространятся о том, что там в этом фургоне.

– Может ты и прав, Ал. Но мысль о страданиях Энола заставляет мое сердце обливаться кровью. Я был с ним последние тридцать лет! Он мой командир, и когда-нибудь станет главой всего рода. Мы не можем допустить его смерти. Нового ребенка у его родителей может уже и не быть! И тогда в Священном Лесу начнется хаос! Неужели ты допустишь это?

– Нет, конечно, хватит меня убеждать. Я не хочу его смерти. Я не зверь, что бы ты там ни думал обо мне. Я понимаю все. И Энол дорог мне, хоть мы и не успели подружиться по-настоящему. Но мы не станем ничего менять. Именно для того, чтобы он не умер по дороге! Вот что: осмотрись, посоветуйся с Надаром, отберите несколько верных элива, введите их в курс дела – пусть станут охраной Цветка. Но будьте осторожны в выборе. А нам нужно решить, как тащить эту тяжелую дуру.

Всего в «Армию Ала» вошло 74 существа разных рас, включая его самого и следопытов. Из них около четверти были женщины – бывшие рабыни и игрушки тороков. Остальные – а это свыше трех четвертей всех пленников – решили добираться до дома сами. Ал не стал их принуждать присоединиться к нему. Он позволил им собрать некоторые из трофеев и оружие, которое посчитал для себя бесполезным. Самые шустрые успели уйти, прихватив с собой еду до того, как он установил охрану. Раздать все поровну с его точки зрения было безумием. Ал не был альтруистом, а тем более – глупцом: хорошо экипированный отряд давал ему намного больше шансов добраться до Священного Леса, который, без сомнения был, куда приятнее Диких Земель, не говоря уже о торокских степях за перевалом.

Ал стоял у шатра, наблюдая, как его люди готовятся к походу. Конечно, здесь не было ни одного существа расы Homo sapiens, но для себя он всех их считал людьми, да и как их еще называть? Костры из разбитых повозок пылали в ночи, жарилось мясо, в походных котлах кипели злаки. Это был настоящий пир, особенно для многих из них, тех, кто давно не ел нормальной пищи. Мясо погибших рукатов разделили, немного пустив на праздничный ужин, а большую часть нарезали полосами и подвесили на жердях у костров, чтобы оно прокоптилось. Разные виды злаков, орехи, немного овощей – общая добыча обещала что прокорма должно хватить, хотя бы на большую часть пути. Тороки питались еще и пленниками, им же придется полагаться на то, что смогли собрать в разбитом лагере. Во всем обозе, во всем скарбе тороков нашлось лишь семь луков: зеленые воины презирали стрельбу, предпочитая драку лицом к лицу. Зато среди этих семи луков нашлось оружие Энола. Прекрасную работу узнавали даже варвары, и потому Уварр сохранил длинный лук Цветка. Илата радовался находке, как ребенок. Хотя и Ал был рад немало, ведь этот лук был зачарованным и мог стрелять на пятьсот шагов. Нашлись и пожитки Ала: один из элива принес неизвестные вещи и выложил их перед своим новым командиром на небольшом гобелене на земле.

– О! Мой походный набор! А вот и транспондер для стражей, глядите-ка, они его на шнур прицепили, как амулет. Автомат… эх, жаль, бесполезен… и батарея тут… А нож? Ну-ка признавайтесь, у Уварра мой нож был, не ошибетесь, у вас таких не бывает: серый, с зубьями на тыльной части. Я всех проверю!

Тамалин, записавший себя в адъютанты, тут же побежал между людьми, требуя отдать нож и пугая за его невыдачу страшными карами.

– Нашел! Нашел, сэр Ал! Этот?

– Тащи сюда! Вот молодец. Да, он, родимый. Будет теперь висеть на этом прекрасном кожаном поясе. А сюда мой любимый походный набор. Эх… а рядом с ним обычно батарея висела. Вот эта. Хорошая штука была. Э-эх. Чертова магия ваша. Вот я б тебе показал, какая штука была. Надо было нажать на этот выступ и…

Ал ошарашенно моргал ослепленными глазами. Его армия была потрясена не меньше: в небо бил яркий столб света.

– Как же так, Надар? – гекон недоуменно таращился на вполне рабочую батарею с фонарем. – Значит, не работает ваша магия! Или… погоди, может ее создавал этот гад в капюшоне? Ну-ка… – он подхватил автомат, и отбежал в сторону. С замиранием сердца Ал нажал на курок. Щелчок. Еще щелчок – никакого эффекта.

– Зря ты все это, сэр Ал, – послышался голос кузнеца из темноты. – Не работает тут такое оружие. Магия. Уж что я только не пробовал. Не работает.

– А это почему работает? – фонарь снова включился.

– О, мать тороков! Я ж до ветру ходил, за камни, видел столб света в небе, думал, магия какая… а оно вот что… – потрясению собеседника не было предела. – Как же это? Я же все пробовал! Смешивал … как тебе объяснить… вещества, делал… огонь… из трубки… о, демоны, в этом языке нет таких слов! – горько проговорил он и сокрушенно махнул рукой.

– Ты хотел создать оружие, которое… э-э… выталкивает из трубки кусочки металла силой горячего дыма, который получается если горит… э-э-э… смесь древесного угля с серой, и… и… вот этого не знаю.

Кузнец стоял с сияющим лицом:

– Ты понял! Ты знаешь!

– Ну-ка, пойдем к нам – посидим, поговорим.

Ал подвел кузнеца к костру, возле которого сидели Надар, Илата и Тамалин. Не подходя вплотную, но и не отходя далеко, тут же примостился и «ящер». Гекон покосился на него, но ничего не сказал.

– Подвиньтесь, друзья. Я познакомился з замечательным парнем. Кстати, как тебя зовут?

– Вигол. Вигол Талано.

– Откуда ты, Вигол, как оказался тут?

– Тут я уже давно, почти двадцать местных лет…

– Местных?

– Да, я не из этого мира.

– А откуда же?

– Я из того мира, который за проходом, где, как я понял из разговоров, и вас взяли. Мы называем себя умма, тороки зовут нас вадарами – им кажется, что мы похожи на здешних вардов.

– Так вот, в чем дело! Но погоди, Вигол, как тебя могли взять, ты что, сам сюда полез? Там же такая оборона, что не пройти!

– Сделали! Значит, построили оборону! – кузнец вытер глаза рукой, – вот бы тогда успели…

– Ну-ка, расскажи, как это произошло, и про свой мир расскажи.

– Это долгая история…

– Мы послушаем. Не возражаете, друзья?

Никто не возражал, лишь Илата сидел совершенно отстраненно.

– Ну, постараюсь кратко. Уже много столетий подряд – или тысячелетий, даже – на нашу землю приходила страшная беда – тороки. Раз в несколько лет их войско приходило из неизвестного места. Разрушали наши поселения, грабили, убивали, уводили людей в рабство – так говорят наши летописцы. Сами-то мы этого не знали, и сейчас поймете, почему. В общем, когда-то очень давно, наши предки – не в силах побороть это зло – стали убегать от него. И так они дошли до огромного моря. Очень большого. Моря морей. Но и там их настигали. И тогда самые отчаянные решили построить корабли. И плыть подальше от этой напасти – вперед, и только вперед. Легенда говорит, что они плыли полгода. И лишь немногие смогли выжить. Но они нашли прекрасный остров и основали там свое поселение. Шли годы, поселение росло, возле первого острова нашелся еще один, и еще, в общем – это была целая куча островов, среди которых были и очень большие. Так стала развиваться наша община, наш народ. Но нация не

смогла остаться единой. Мы раскололись и стали воевать друг с другом, а для победы делали свое оружие все лучше и лучше. У нас появились э-э-э, как их называют тороки, «огненные осы» и другие вещи – разные вещи. Для того, чтобы разговаривать друг с другом на большом расстоянии, или видеть друг друга, или повозки, которые толкает огонь. И еще – корабли из металла, которые могли переплыть наше огромное море.

Элива зачарованно слушали, даже Илата, а Ал покачивал головой, вспоминая курс истории Праматери.

– И вот, – продолжал Вигол, – однажды наши правители решили нарушить вечный запрет, и отправили воинов, чтобы найти нашу древнюю землю. Она удивила нас: огромная территория, покрытая нетронутой растительностью, но даже крупных животных на ней не было не то, что людей. Мы основали город. И он рос на новом месте без преград. Но через пять лет после основания этого города на нас напали. Дома горели в ночи, люди умирали, и огромные зеленые существа рубили всех без разбору. У нас был лишь небольшой отряд для защиты, ведь никаких врагов вокруг не было, и мы не думали об опасности. Бойцы отряда сумели убить нескольких нападавших, но остальные бандиты отступили, угнав с собой несколько человек. Утром наши воины пошли по следам врага, и обнаружили в пустыне странную круглую площадку, в центре которой стоял столб.

– Ох-хо, понимаю, – вздохнул гекон. – Вы догадались, что это за столб, и решили построить заслон.

– Именно, сэр Ал. Я был тогда молодым… не знаю, как сказать, нет у тороков такого слова. Я разбирался в… чудесных вещах, и при этом был воином.

– Военным инженером?

– Не понимаю, что ты сказал, сэр Ал.

– А, не важно, это я на своем языке. Продолжай.

– Ну, а продолжать тут особо и нечего. Мы еще только строили укрепления, когда на эту площадку снова хлынули тороки. Их было много, очень много. Они убивали всех, у кого было в руках оружие. А у меня не было. Они схватили меня и забрали сюда. С тех пор я был в рабстве. Меня перекупали друг у друга вожди, ведь я показал, что умею работать с металлами. Я делал различные вещи: инструменты, украшения, оружие для торокских вождей. У меня хорошо получалось, поэтому я считался ценным рабом. У меня даже было свое место для сна – моя кузница.

– А бежать не пробовал?

Кузнец помолчал.

– Сэр Ал, мне бы хотелось сказать, что я это делал, что я бесстрашен. Но я не стану врать тебе. Я не герой… Сразу после того, как меня и еще нескольких наших людей взяли в плен, некоторые из них пробовали бежать – тороки поймали их и на глазах у всех разорвали на части. После чего съели, глумясь и потешаясь над несчастными. С тех пор я не раз видел, что эти варвары делают с беглецами. Да и вообще со всеми рабами, которые стали для них бесполезны. Тороки – зло, которое не имеет оправданий. Если б я мог… Если б я только мог! Если бы наше оружие действовало тут!!! Я пробовал, я все пробовал. Я тянул проволоку, накручивал на катушку, чтобы сделать… Ты понимаешь, о чем я?

– Хотел приложить к проволоке силу, как если в… кислый фрукт вставить один железный и один медный штырь?

– Да! Да! Ты понимаешь!

– Мы называем это электричеством. Если приложить его к проволоке, накрученной на сердечник из железа, то получится магнит, как в торокских Камнях Пути, по которым они находят дорогу.

– Да, электричество! Магнит, да! – кузнец смаковал незнакомые слова.

– Что за магию вы обсуждаете? – вмешался в разговор Надар.

– Не магию, Надар. Знания, умения. Знания о том, как устроен мир и действуют силы.

– А это не то же самое, что я сказал? – усмехнулся полукровка.

– Нет! – отрезал гекон, – ты не понимаешь. Это не магия! Мы делаем это руками. Мы считаем, размышляем, потом соединяем разные вещества, металлы и… жидкости, и еще много разного, мы используем силу, которая действует на все вокруг, простую силу природы.

– Прости, Ал, я не понимаю разницы.

– О, боги! Ну, попробую вот так: смотри, вот есть река, она течет, так?

– Ну, так, – осторожно согласился элива.

– Вот, теперь представь: берем плоскую доску, и ставим поперек течения. Что будет?

– Унесет ее. Это ж река!

– А не магия? – хитро прищурился Ал.

– Э-э-э, нет…. Вроде бы. Течение.

– Именно! А теперь представь, берем колесо, на него цепляем несколько таких досок…

– Я видел! У холин есть такое. На мельницах! И еще, говорят, у вардов такое есть: они перегораживают горные реки и ставят такие колеса, а к ним прицепляют свои вардские штуки – разные инструменты и приспособления – чтоб долбить камень или возить руду.

– Вот! Вот оно! Об этом я и говорю тебе! Так вот, все, о чем я говорю, это всего лишь продолжение вот таких простых хитростей. Например, можно использовать огонь и пар, чтобы толкать повозки, – Ал торжествующе посмотрел на Надара, при этом кузнец-умма радостно закивал, подтверждая слова командира.

– У вардов есть такое. Все знают про магический вардский караван, который бегает по железному пути и в сердце его пылает огонь. Варды гордятся своим огненным караваном.

– Как?! – одновременно вскричали Ал и Вигол.

– Как это возможно? – продолжал кузнец, – я же перепробовал все, но у меня не получилось. Простейшее устройство не работает!

– Ну, – со снисходительной усмешкой ответил Надар, – у каждого народа своя магия. Вот никто же не удивляется, что у элива есть Магия Жизни, а у холин – Черная Магия. А вот у вардов магия огненная. И водная. Магия стихий. А у кого-то никакой нет, как у тороков, например… и у меня, – грустно закончил он.

– М-да… Видимо, и у нас нет. Хотя это никак не объясняет батарею. Ладно, хорошо говорить, но нужно ложиться спать. С рассветом собираем пожитки, и в путь. Надар, проследи, чтоб часовые были выставлены – мало ли что. И отправь к фургону кого-то: надо ребятам поесть отнести и выпить чего-то согревающего – ночи тут прохладные.

С рассветом начали собираться, и столкнулись с новой проблемой. Тащить пожитки на плечах было нерационально: мало того, что это означало распорошить припасы, дать сомневающимся повод сбежать потихоньку, так еще и распределить их было просто некуда. Никаких сумок у тороков не обнаружилось. Значит, нужно сложить все на телеги, и тащить их. Но повозки тороков сами весят немало: ведь их делали из очень толстых деревянных досок и брусьев.

– Загрузим все, приделаем хомуты из веревок и потащим! – кричал какой-то парень-хола, – ну не так и тяжело это будет – одна повозка на такую толпу-то.

– Две! – поправил их командир.

– Зачем нам две? Сложим мешки в кучу, свяжем, чтоб не развалилось. Я покажу, как мы подпираем жердями, чтоб поместилось побольше…

– Две! – отрезал Ал, – еще мы потащим вот ту, которая стоит внизу.

– Зачем нам она? – зароптали те, кто был в пленниках у Уварра, – это же фургон черного мага?

– Вот поэтому и надо! Без него мы никуда не пойдем!

Люди раздраженно переглядывались, но возразить никто не решался.

– Кхм… тут такое дело, – вмешался Надар, – боюсь, нужно брать три.

– А это зачем?

– Вы, когда сюда шли, много деревьев видели? Даже кусты, которые можно было бы жечь для костров, в пяти днях пути отсюда закончились. Тороки жгли сухой навоз рукатов, который эти твари поставляют весьма охотно – я сам не раз его собирал – а у нас рукатов нет. Чем топить собираетесь? Я уж не говорю про воду. Вдоль дороги нам попалось лишь четыре стоянки у источников. Воду тоже придется тащить с собой. И еще. Я предлагаю взять шатер: жерди на дрова, а ткань всегда нужна. У нас две недели хода по жаре.

Люди озадаченно перешептывались и топтались, в ожидании, когда кто-то придумает решение.

– Ну, так может, навалим дров, а сверху припасы, как этот предлагал?

– И какой размер кучи получится? Нас почти восемьдесят, нужно готовить пищу. Мы не будем есть сырое мясо, как тороки. Если навалим все на одну телегу, она в первой же песчаной плеши завязнет. Предлагаю сложить груз на две. Одну потом пустим на дрова, когда до деревьев останется недалеко.

– Надар говорит верно! – подытожил Ал. – Делаем, как он сказал! Разбирайте сломанные повозки, складывайте бревна и доски на дно, поверх положим бурдюки с водой, да, пусть кто-то наберет свежей. Так что взяли инструменты, и за работу! Выходим через… а, черт… через четверть пути солнца до полудня.

Люди подняли головы, пытаясь понять, сколько это. В их мире еще не созрела необходимость делить день на такие мелкие части. Ал сокрушенно махнул рукой, и отправился вниз, проверить, как дела у Энола.

Стража из шести элива бодро приветствовала командира. Надар выдал им луки, определив повозку приоритетным для охраны объектом. За прошедшие сутки они сильно изменились: еще вчера – полуголые рабы с потухшим взглядом, обреченные – сегодня они были одеты и экипированы, и, что самое главное, выражали готовность драться насмерть. «Вот это уже солдаты», – удовлетворенно отметил Ал. Полог фургона отодвинулся, и наружу выглянула Инвира – смелая женщина-хола, задавшая вчера вопрос про цель похода. Надар узнал, что она была помощником лекаря и повитухой в своем селении, и, не найдя никого лучше, решил определить ее ухаживать за Энолом.

– Как он? – любезно осведомился Ал. Ему нравилась эта женщина. Особенно ему импонировало, что она, будучи из племени холин, охотно согласилась ухаживать за элива.

– Зайди, посмотри, сэр, – женщина отошла в сторону, приглашая войти внутрь. Несчастный подопытный все так же лежал на столе. Но он был вымыт и прикрыт покрывалом – все вокруг было убрано, и приведено в порядок. «Молодец, – похвалил гекон, – ты хорошая хозяйка».

– Я осмелилась осмотреть его и убрать амулеты и трубки из его тела, лишь голову не рискнула трогать. Теперь он не теряет кровь, и, кажется, меньше страдает, – Инвира откинула покрывало, показывая руки и ноги пациента без колдовских приспособлений черного мага. На места, где они стояли, были аккуратно наклеены полосочки ткани, пропитанные каким-то веществом.

Ал вопросительно взглянул на женщину: «Что это?»

– Я сходила вчера на закате вниз. Там, ниже по склону, есть растительность – я собрала немного трав, и сделала мазь. Она хорошо заживляет раны у холин, и я подумала, что элива тоже это может помочь.

– А ему не станет хуже?

– Не думаю, посмотри сам, сэр Ал, раны затягиваются, и он сегодня уже не стонет и не мечется. Ему явно лучше. Взгляни на его лицо. Я покормила его утром жидкой кашей, и теперь он спит.

– Да, похоже, ты права. Ты еще и хороший лекарь, Инвира.

– Я не лекарь, – засмущалась она, – женщина не может быть лекарем.

– Не слушай никого. Делай свое дело, – усмехнулся Ал, – и ты еще многих удивишь. Оставайся с ним, береги его. Я на тебя надеюсь.

* * *

Пять дней прошло с тех пор, как они покинули горы, вершины которых все еще можно было разглядеть с платформы повозки. Это очень нервировало Ала: не думал он, что его отряд будет двигаться так медленно. Каждую повозку тащили по десять человек, сменяясь каждые полдня. И все равно люди уставали. Если так пойдет дальше, то обратная дорога к Священному Лесу займет целый месяц. Колеса скрипели на хорошо утоптанной дороге, видимо, караваны часто ходили этим путем. Монотонно переставляя ноги, Ал бессмысленно оглядывал такой же монотонный пейзаж: степь и степь до горизонта. Элива, вооруженные луками, отдалялись на пару километров от обоза для охоты, но она не приносила особого результата. Иногда им удавалось принести несколько птиц. Но чаще – ничего. Даже животные предпочитали обходить эти места. Ал вспомнил свой разговор с Надаром, да, запустение и умирание планеты было заметно невооруженным взглядом. Лишь такие существа, как надменные вожди элива могли не замечать этого. Гекон прокручивал в голове события прошедшего времени – от самого своего падения на берега Оалавы. Времени было вдосталь, и он сопоставлял, размышлял, анализировал. Почему этот мир так похож на те, в которых он бывал и раньше? Почему растения и даже некоторые животные похожи на тех, которых можно встретить на многих планетах Республики, или прочесть о них в истории Праматери? Почему элива похожи на эльфов из сказок? Почему все они похожи? Тороки – орки, элива – эльфы, варды – дварфы, а холин – люди? Холин действительно мало отличались от людей. Те же руки и ноги с пятью пальцами, те же круглые головы с человеческими глазами на человеческих лицах. В общем, такие же люди, разве что немного ниже людей с Толы, Гарды или Тобоса. И еще у холин совершенно безволосые тела, круглые, прижатые к черепу уши, слегка голубоватая кожа, и глаза цветов от коричневого до оранжевого. В остальном они точно такие же люди. Но при этом такие далекие от людей его мира. Что это такое – магия? Откуда берется сила для совершения заклинаний? Почему тут не работают машины, даже примитивные? Но не у всех. В то же время вся техника на катере работала. Тогда почему перестал действовать автомат? А батарея работает исправно. Напрашивается простой вывод: причиной всему переход через Врата. Причем только тот, который приводит в этот мир: в мире умма оружие работало. «Что ж, давай размышлять так, как будто никакой магии нет. Что бы ты подумал, Ал, если бы некая вещь, прекрасно работавшая ранее, вдруг перестала работать после прохождения через некий портал? Правильно: портал испортил эту вещь. Но почему тогда не работают и те вещи, которые перешедший через врата пытается создать тут? Что врата сделали с ним? Или что нашли? В голове вертелись обрывки фраз, услышанных в этом мире: «…чистая кровь элива», «…огненный караван вардов», «…у каждого народа своя магия», «…или никакой», «… тороки неподвластны магии», «…у каждого … своя магия», «… чистая кровь», «… у каждого своя»… КРОВЬ! Кровь! Генный код! Вот что имеет значение. Я не знаю, почему не работают здесь приборы из иных миров, но я знаю, как овладеть магией этого мира – кровь! И я смогу ее покорить!»

От возбуждения Ал глубоко задышал и резко остановился, так, что ему в спину уткнулся носом Надар.

– Что с тобой, Ал? Что случилось?

– Ничего. Но, кажется, я придумал способ стать своим в этом мире!

Надар странно посмотрел на него и не нашелся что сказать.

– Кхм, Ал, очень полезные идеи у тебя сейчас. А ты ничего странного не замечаешь?

– Чего именно?

– Да, никогда тебя таким рассеянным не видел. Ал, мы все еще в Диких землях, рано предаваться мечтаниям.

– Надар! – резко перебил его гекон, – если ты не понимаешь, то это не повод… ближе к делу! – перебил он сам себя, – что ты хочешь сказать?

– Прости, Ал. Прости. Я, наверное, действительно не понимаю. Но ты стал очень невнимательным. Никогда тебя таким не видел. Я беспокоюсь.

– Проехали. Что у тебя?

– Ящер…

– Что ящер?

– А ты сам понаблюдай, – Надар махнул рукой вбок и назад.

Там действительно находился странный чужак. Всегда спокойный и невозмутимый, он вел себя весьма необычно: то припадал к земле, то вытягивался на ногах и хвосте, замирая на некоторое время. Затем отбегал в сторону, и повторял то же самое. Или становился на четыре конечности, что еще больше удивляло наблюдателей, и быстро перебегал вперед, словно догоняя кого-то.

– А раньше за ним водилось такое?

– Не видел. Хотя, кто его знает. Он не разговаривает ни с кем. Ест один, сидит всегда рядом с нами, но не подходит. Кто он и откуда никто не знает. Даже не знаю, как он оказался среди нас. Его ж в расщелине никто не видел, хотя там были все пленники и рабы.

– Пора, видимо, поговорить с нашим другом, а? Как думаешь, Надар?

Ал решительно зашагал к странному существу. Надар пошел за ним. Ящероподобный заметил их, сел на хвост и стал поджидать, глядя своими немигающими глазами.

– Привет, дружище. Думаю, нам стоит познакомиться ближе. Ты не против?

Существо молчало, смотрело бездвижно, лишь колыхалась вокруг его тела высокая буроватая трава, доходившая ему до пояса.

– Пусссть он уййтетт, – внезапно прошипел «ящер», – путту ховоритть сс топойй…

– Хм. Ну что ж. Оставь нас ненадолго, Надар.

– Кто ты? – спросил Ал, когда Надар отошел на достаточное расстояние.

– Ссаккхаатиакссуутт.

– Это имя такое?

– Тааа…

– А… можно, я буду звать тебя Сут?

– Хоррошшо… Ссовии… Толжен претупретитть тепя… Они итутт… За нами итутт…

* * *

Ал оторопело оглянулся вокруг: насколько хватало глаз, расстилалось нескончаемое море травы, ни единой черточки или точки вокруг, лишь неровный край горного хребта ломается в горячем мареве у самого горизонта.

– Кто идет? Откуда? Откуда ты это взял?

– Я Ссаккхаатиакссуутт, ис нарота кхтатшатста. Я вишу. Мы ффсе виттим… Мне труттно хофорить с трухими. Ты не такой, как они, я фишшу. Ты имеешь схоттстфо со мнойй. Тай мне рукку…

Ал нерешительно протянул руку, и почувствовал прохладное прикосновение четырехпалой ладони. Вдруг волна энергии пробежала по его нервам, и ударила прямо в мозг. Мир

изменился и исчез. Теперь он сжался до одной абсолютно белой круглой комнаты, в центре которой стоял Сут.

– Здравствуй Ал, гекон из республики Тол, приветствую тебя в моем сознании.

– Кто ты? – ошарашенно проговорил Ал.

– Не важно, ты же решил звать меня Сутом. Значит, я – Сут.

– Что ты сделал со мной?

– Ничего, что бы могло навредить тебе, Ал. В этом мире я твой союзник.

– А в другом?

– Мы в этом мире, остальное неважно сейчас.

– А ты не прост, я смотрю. Откуда ты? Каковы твои цели?

– Я, как и ты, лишь хочу выжить. И еще – вернуться домой. И ты можешь помочь мне в этом. А я помогу тебе. Симбиоз. Откуда я – неважно. Помоги мне, и мы разойдемся. Каждый своей дорогой.

– Ты просишь довериться тебе. Как я могу это сделать? Я не знаю даже того, как ты оказался в нашей группе! А вот ты копаешься у меня в мозгах, как в шкатулке с безделушками!

– Что тебя смущает, Ал? У вас, людей, есть «Ловец душ», а нам он не нужен. Но принципы ты понимаешь. Не беспокойся о своем сознании. Я лишь заглянул, чтобы узнать кто ты и откуда. Наши моральные принципы запрещают вторжение в чужое сознание, и если бы не смертельная опасность, я бы не сделал даже этого. Если тебе так важно, я отвечу, откуда появился в группе: тороки захватили меня много лет назад. Очень много. И заставили служить себе. Я все время находился рядом с Кхур-Даром, под охраной его воинов. Или в одном из тех сундуков, которые ты видел в шатре. У меня есть множество талантов, но сила не в их числе. Как и стойкость к боли. Я не имел иного выхода. Я давал торокам сведения. Информацию об их врагах, о местах нахождения вражеских патрулей, засадах и других опасностях…

– Так вот, как они!..

– Да Ал, не суди меня. Я – не ты. Я не способен терпеть боль и страдания. Нашей расе чуждо насилие. И мы не можем сопротивляться ему.

– Вот черт, из крайности в крайность… Ладно. Мы слишком много болтаем! Говори, что там у тебя?

– Не сердись, Ал, и не жалей утраченного времени. Там, в реальном мире не прошло и секунды. А теперь я покажу тебе. Смотри.

Под ногами внезапно разверзлось небо, земля стремительно приближалась, словно они падали с высоты. Внизу стала видна степь, покрытая травами, дорога и караван из трех повозок, запряженных людьми, затем вид начал скользить вдоль дороги в направлении гор, от которых они ушли, и от увиденного у Ала застыла в груди кровь.

По дороге, вздымая рыжую пыль, несся отряд тороков: тридцать рукатов с необычными легкими повозками – по два-три воина в каждой – летели во весь опор в направлении перевала. Тороки погоняли своих мохнатых скакунов, и те бежали, бешено вращая алыми глазами и роняя слюну себе под ноги. Но больше всего ужасал авангард этого войска: два рогатых исполина невероятного размера бежали один за другим, связанные гигантской рамой из целых бревен. Впереди, закрывая грудь вожака, на раме был установлен огромный, окованный железом клин. Посередине, между зверями, возвышалась платформа, на которой, как на командной башне, стояли ездоки. Ал присмотрелся и узнал в одном из них Уварра. Второй правил этим живым тараном, вращая длинную плеть над мощными тушами рукатов.

– Как это можно остановить? Не могу поверить, что они могут двигаться так быстро!

– Их накормили тартыром – особой смесью трав и зелий. Теперь эти рукаты могут бежать без отдыха и остановки не один день. Потом, если не дать им лекарства, половина из них умрет. Как минимум половина.

– Здесь не меньше шестидесяти воинов-тороков. Все отлично вооружены. Они вырежут нас, как цыплят! Я уж не говорю про этот таран!

– Думай Ал. Ты командир. Я не могу драться, но могу помочь знаниями. Смотри. Вот так они обычно действуют, когда используют бешеных рукатов.

* * *

– Что будем делать, сэр Ал, – задал за всех вопрос Вигол, – нас слишком мало. Я боюсь смерти, но не хочу снова стать рабом.

– Как они узнали про нас?

– Уварр. Это все он. Он сбежал в ту ночь. Сбежал на рукате. И так смог избежать смерти. На следующий день он вернулся к лагерю, и следил за нами из-за камней. Убедившись, что демон, убивший тороков, ушел, он помчался через перевал к орде. Нам не повезло. С той стороны он уже на третий день встретил большой караван своего родича Наргара – вождя одного из крупных племен – и получил от него помощь. С учетом того, что мы целые сутки собирались, их отставание от нас не так и велико. Мы ползем как черепахи, а они несутся, как сороны. Даже если мы сможем ускориться, они нагонят нас через два дня. И там, если мне не изменяет память, все такая же голая степь. Без деревьев или скал.

– Откуда ты все это знаешь, сэр Ал?

– Мне… рассказал Сут, наш новый друг, – Ал показал на ящероподобного, но тот остался неподвижен, как обычно.

– Ты ему веришь?

– Лучше поверить.

– Значит, мы обречены?

– Нет! Мы будем драться!

– Ал, – неуверенно позвал Надар, – прости… а может… может снова сделать, ну, ты понимаешь?

– Ты спятил! – Илата вскочил на ноги, – ты хочешь вызвать… то существо? А что потом? Что будет, когда оно разберется с тороками?

– Да, Надар, Илата прав. Нельзя этого делать здесь.

Кузнец испуганно переглядывался с парой элива и хола – новыми командирами отрядов, которых так же пригласили на совет. Они не знали точно, о чем речь, ведь не видели «демона», но воспоминания о прожитой ночи, вкупе с недомолвками Надара и Илаты, только еще сильнее пугали их.

– Успокойтесь, друзья. Нам придется драться своими руками. Никто за нас этого не сделает.

– Как?

– Мы хорошо осведомлены, благодаря Суту, а значит – вооружены. Сделаем засаду.

Всю ночь беглецы готовились к битве. Бревна, которые везли на повозке, и ее саму разобрали, от второй оставили лишь ободранный остов с кучей пожитков. Из брусьев нарубили кольев, которые вбили в землю россыпью невидимых в траве огромных наклонных шипов на пятьдесят шагов в каждую сторону от дороги. Следующий ряд глубоко забитых штырей соединили веревкой. На самой дороге всю ночь копали большую яму, которую накрыли досками и жердями, застелили куском ткани от шатра и снова засыпали землей. Самая сложная задача была поставлена лучникам. За две сотни шагов до линии препятствий для них выкопали узкие глубокие лежки, прикрытые импровизированными крышками из досок. Там они должны были дожидаться удачного момента, чтобы сыграть свою роль в предстоящей битве. Фургон с Эноломи остатки повозки с продовольствием поставили прямо на дороге, как приманку. Между

ними насыпали вал из земли, поднятой из ямы. Всех вооружили и накормили перед боем, после чего оставалось лишь ждать.

Солнце перевалило за полдень, когда на горизонте показалось облако рыжей пыли. Солдаты «Армии Ала» нервничали, сжимая в потных руках оружие. Облако росло, враг приближался.

– По местам!

Командиры повели свои группы на позиции. Всех людей разделили на пять отрядов. Четыре из них спрятались в траве, напротив толстых бревен, а пятый, самый большой, остался у повозок. Ал предполагал воспользоваться однообразностью тактики тороков и их самоуверенной ставкой на силу, которая веками оправдывала себя при разгроме чужих караванов и укреплений. Вся надежда была на то, что орда не меняет свою тактику степной атаки: ездоки на бешеных рукатах неслись на врага по прямой, нацеливаясь прямо на противника, и лишь вблизи цели расходились веером. Живой таран пробивал укрепления, и за ним по пятам неслись колесницы, перемалывающие тех, кто отскочил с его дороги. Животные, и без того сильные и живучие, под действием тартыра и ударов плетей впадали в неистовство, и их невозможно было остановить. Стрелять из луков по приближающейся «кавалерии» было бесполезно, так как воины были укрыты тушами зверей, сами же наездники всласть рубили несчастных, избежавших копыт рукатов. Дело довершали длинные острые лезвия, расположенные на колесницах на уровне шеи пешего противника. Мощный кулак боевых колесниц сметал врага, после чего тороки разворачивались по большой дуге и снова возвращались. И лишь на третьем заходе воины соскакивали с колесниц и завершали бойню. Ал надеялся, что его идея станет для них большим сюрпризом.

Безумная орда стремительно неслась по дороге, вселяя страх в хилых, не отошедших еще от страданий людей. Многие шептали, мысленно прощаясь с жизнью. Тридцать громадных рыжих туш неслись на них неодолимым бронированным копьем.

– Где твои беглые рабы, Уварр? Я не вижу их! – Наргар азартно щелкнул кнутом.

– Прячутся, помет бабата! Трусливые мелкие куга попрятались в траве и под повозками, как обычно. Раздавим их, Наргар! А остальных заберем в стойла. Мы найдем их всех! Главное – найти большого зеленого саккха. Нам нужен именно он!

– Расходимся, – скомандовал Наргар, и поток повозок разделился в стороны, превращаясь в смертоносный серп.

– Уа-а-хрр! Вперед! Сметем этих трусливых бабатов! – заорал Уварр, и вдруг взвился в воздух. Передний рукат неожиданно провалился в яму и намертво там застрял, а наездники вылетели вперед, словно ими выстрелили из пращи. В каком-то странном замедлении Уварр видел, как рама тарана изогнулась в неимоверном напряжении, и рассыпалась брызгами щепок, как подскочил вверх, срываясь с упряжи задний рукат, и тут же двинулся всей своей массой вниз, хороня под собой следующую колесницу с воинами. Дырявый скелет повозки, груженой мешками и бурдюками, проплыл под парящим в воздухе Уварром; за ним вздыбился земляной вал, и медленно рос перед глазами толстый торец оглобли, стоящего за насыпью фургона. Он с невероятной четкостью увидел веревочные петли, болтающиеся на ветру, годовые кольца на срезе дерева, и… это было последнее, что он видел в своей жизни.

На дороге образовалась жуткая свалка тел. Возницы, следующие за тараном, попытались уйти в сторону. Но и в траве захватчиков ожидала смерть: рукаты с ревом натыкались на колья, ломали ноги, путались в веревках и сталкивались друг с другом, переворачивая колесницы и разбрасывая ездоков. Некоторые из них поднимались на ноги и, истекая кровью, в ярости топтали собственных хозяев. Один из рукатов со всей силы врезался грудью в наклонно вкопанный и заостренный столб, вывороти его из земли и насадив на него свою тушу, словно кусок мяса на шампур. Тороки из его колесницы сделали головокружительный пируэт в воздухе и грохнулись в траву рядом с засевшим в засаду отрядом. Люди не растерялись, и навалились на

врагов, забивая их насмерть, пока те не встали. Ал яростно прокричал команду, и все отряды выскочили из укрытий вперед, чтобы успеть уничтожить как можно больше ненавистных варваров, оглушенных и дезориентированных падением и ударами. Задние колесницы, успев среагировать, отвернули далеко в сторону, избегая общей участи, но как только отгремел стук тяжелых копыт над головами, из-под земли выскочили лучники, ждавшие своего часа. Первый залп – пятеро тороков упали, пронзенные стрелами. Элива еще не отошли от тягот плена и потому промазывали. Последовал второй залп, и еще четверых догнала смерть. Но колесницы быстро удалялись, и лишь одну цель поразила стрела после третьего выстрела.

Ал не видел этого, занятый другим делом: нужно было отбить атаку тех, кто пережил падение. Его воины нападали на врага гурьбой: так у них был хоть какой-то шанс одолеть сильных и значительно лучше подготовленных противников. Раненых его бойцы убивали успешно, и к счастью, таких было очень много, но уже подбегали те, кто удачно вывалился или успел соскочить на подходе к побоищу. Недалеко от гекона трое тороков теснили его отряд – положение людей было плачевным. Ал побежал им на выручку и с разбегу рубанул по шее ближайшего из тороков, а затем, продолжая движение, вспорол живот второму. Третий замешкался, увидев нового противника, и люди тут же стали резать и колоть его куда только могли достать. Торок закричал и попытался замахнуться дубиной с железными шипами, но орущая толпа повалила его на спину, и он замолчал под грудой тел, булькая дырой в горле. Впереди звенела следующая битва, и Ал повел бойцов туда.

Лучники, как и было задумано, рванули к повозкам мимо сцепившихся в схватке противников. Не ввязываясь в ближний бой, они взбежали по насыпи и залезли на крышу фургона. Двадцать две колесницы были разбиты на первом заходе, две потеряли своих ездоков, но остальные уже разворачивались вдалеке для нового захода. Их нужно было любой ценой остановить. Пара боевых повозок уже разгонялась прямо на них, четыре завершали разворот немного дальше. Илата натянул зачарованный лук Энола. Стрела просвистела в воздухе и воткнулась прямо в голову ведущему рукату. Зверь заревел, но только прибавил ходу.

– Бейте все в одного! В левую сторону! – скомандовал Надар, назначенный командиром стрелков.

Луки заскрипели и выбросили семь стрел, вонзившихся в шею и голову безумного исполина. Рукат дернулся от боли вправо, и со всей силы ударил соседнюю упряжку. Колесницы столкнулись, рассыпаясь обломками, трое оставшихся в них наездников взлетели вверх и упали под смертоносные косы собственных повозок. Четыре последних колесницы повернули, обходя свалку по дуге. Это было ошибкой. Совершив такой маневр, тороки подставили бока своих животных под стрелы. А они были гораздо менее защищены, чем крепкие рогатые головы и холки, покрытые толстым слоем шерсти.

– Бейте без остановки!

Лучники стали быстро выпускать стрелы в бока рукатов. Звери ревели от боли, метались, и, перестав слушаться возниц, рванули в противоположную от битвы сторону. Ездоки спрыгнули на ходу, и устремились к фургону пешком.

Двенадцать тороков приближались к линии обороны с тыла. Надар кричал Алу, но тот со своим отрядом дрался с противоположной стороны насыпи и не слышал его в шуме борьбы. Придется защищать фургон с Энолом своими силами. Двенадцать целей были бы не проблемой для эливийских лучников, если бы у них были стрелы, но их почти не осталось. Отступить тоже нельзя, ведь под их ногами последний наследник Рода.

– Дайте сюда все, что есть! Сколько их у вас? Семь… Всего семь стрел! Илата, возьми их. Ты стреляешь лучше всех! И у тебя лук Энола. Он бьет без промаха.

– Я не он!

– Не спорь! Бери! Цельсь! Спокойно, без спешки. Этот лук бьет далеко и точно, ты же видел, что с ним делал Цветок, ты, главное, успокойся и хорошенько прицельсь.

Свистнула тетива. Стрела ударила торока в плечо. Он вырвал ее рукой и, победно захохотав, припустил к фургону.

– Ничего, спокойно, еще раз….

Снова зазвенела тетива, и один из нападающих упал со стрелой между глаз.

– Вот так! Еще давай. Не старайся попасть в голову, можно и в грудь.

Лучник расслабился и стал стрелять, словно на турнире в родном лесу. Пять оставшихся стрел попали точно в цель. Четверо были явно убиты, один ранен в живот – пока добежит, сильно ослабнет. Между тем оставшиеся враги уже почти добрались до их позиции. Шесть озверевших тороков, против семи ослабленных элива.

– Держитесь ребята, будет трудно.

Элива достали кинжалы тороков, которые для них были, как короткие мечи.

– Приготовьтесь. Они в ярости, ничего не соображают и бегут порознь, так что у нас есть хороший шанс. Когда вот та пара, что впереди, подбежит к фургону, вы втроем прыгайте на правого, а вы, Илата, – на левого. Дождитесь, пока они ударят топорами, и прыгайте. Главное, рассчитать момент.

Два торока, выпрыгнувшие из одной повозки, быстро приближались к их последней крепости. Первый с разбегу подпрыгнул вверх, стараясь рубануть по ногам Илату. Второй был умнее, и ударил по стойке крыши фургона. На счастье лучников топор не перерубил дерево с одного удара, и лезвие застряло. Элива заорали и бросились вниз, на лету вонзая кинжалы в шеи и головы врагов. У фургона образовалась куча тел. Третий торок уже поднимал дубину над упавшим элива, и Надар, размахнувшись изо всей силы, швырнул кинжал в грудь варвара. Лезвие проткнуло кожаный доспех и застряло. Торок дернулся, но устоял на ногах. Лучники вскочили на ноги и набросились на недобитка. Еще трое тороков приближались к ним, размахивая над головами топорами, а сзади за ними ковылял последний – со стрелой в животе. Трое против семи. Нет, с раненым их четверо, шансы есть, но победить сложно. Надар спрыгнул с крыши и нагнулся, чтобы подхватить свой кинжал. Ближайший из врагов устремился к нему, занося топор над головой. Молодой элива, выставив кинжал, преградил тороку путь. Громила рубанул изо всех сил и перебил подставленное оружие. Лезвие топора продолжило свое смертоносное движение и вошло в бок несчастного парня. Огромный торок победно заорал, и потянул топор на себя, но тот же миг пара клинков вонзились в его руку, а Надар, не поднимаясь с колен, рванулся вперед и всадил свое оружие врагу прямо между ног. Элива толпой кололи и били убийцу их товарища, пока тот не упал без дыхания. Оставшиеся враги решили объединить усилия, и теперь подступали медленно, вдвоем. Словно дикие звери, играющие с жертвой, они кружили вокруг уставших лучников. Внезапно один из варваров сделал резкий выпад топором и вонзил край лезвия в живот Илате. Тот отшатнулся и со стоном повалился на спину. Торок победно оскалился и перекинул топор из руки в руку. К паре свирепых хищников присоединился отставший сородич. Три огромных торока против пяти изможденных элива! Длинные тяжелые топоры против коротких кинжалов в уставших руках. Это конец. Элива отступали, ощетинившись клинками, пока не уперлись в борт фургона. Тороки кровожадно ухмылялись клыкастыми ртами, демонстративно облизываясь. Медленно, словно насмехаясь, они стали поднимать свое оружие. «Вот и вся жизнь», – подумал Надар. И тут тяжелое лезвие секиры пронеслось по воздуху, разрубая зеленую плоть. Правый торок валился назад, лишившись головы, средний хрипел перебитым ручкой секиры горлом. Из-за края фургона с безумной скоростью выскочил Ал, и, выхватив на бегу топор из рук обезглавленного противника, разрубил его товарища от плеча до пояса. Зловонные зеленые внутренности брызнули во все стороны. Третий торок, раненый Илатой, пережил собратьев лишь на мгновение.

Внезапно Надар осознал, что наступила какая-то пронзительная, звенящая тишина. Ал подошел к нему, и заглянул в глаза:

– Ты как, цел?

– Нормально. А ты? Ты весь в крови.

– Моя фиолетовая. Ее тут не много.

Надар задрожал и сполз на землю.

– Надар! Ты что, друг? Все кончено. Мы победили!

К повозке стали подходить остальные «солдаты» – многие были окровавлены, некоторые зажимали раны или хромали, опираясь на плечи товарищей – люди оглядывались по сторонам, все еще не веря в то, что им удалось совершить.

– Победа! – зазвенел вдруг какой-то молодой голос. И вдруг тишину разорвал многоголосый вопль восторга.

* * *

– Что с Илатой?

– Ранен. В живот топором получил.

– Инвира! Инвиру позовите сюда! Лекарку найдите!

К фургону подбежала запыхавшаяся женщина-хола.

– Отойдите. Я посмотрю на него.

Все отошли, давая место лекарю.

– Рана тяжелая. Ему нужен Маг Жизни. Боюсь, я не справлюсь с таким повреждением.

– А твоя мазь?

– Это не поможет при таком тяжелом ранении. Я сделаю, что смогу, но ничего не обещаю. У нас много раненых. Нужно помочь всем. Сэр Ал, прикажи развести огонь и вскипятить воды, нужно промыть их раны и сделать отвары, которые облегчат боль раненых.

– Вы слышали ее. Быстро займитесь делом! Найдите, что сможете, сделайте укрытие для пострадавших, ставьте котлы на огонь. Не жалейте воды и дров. У нас их теперь достаточно.

– Какие у нас потери? – спросил Ал. Он обходил место побоища, осматривая результаты, раздавая приказы и подбодряя выживших. Все старались подойти к нему, выразить свое восхищение и преданность.

– Убито двадцать три наших. Ранено много, но тяжелых только пятеро и среди них Илата.

– Да-а… На ногах, значит, осталось лишь сорок шесть человек. Из них половина – женщины. Дело дрянь, Надар. У нас некому тащить повозки. А тащить нужно многих. Мы в ловушке.

– Сэр! Сэр Ал!

Гекон повернулся на зов, и увидел худого элива, робко переминающегося с ноги на ногу.

– Чего тебе? Извини, сейчас мне не до разговоров.

– Нет, сэр Ал, я услышал вашу беседу, и, думаю, у нас есть выход.

– Говори!

– Понимаешь, сэр Ал, я немного владею магией, и мое искусство – управление животными. Тороки держали меня при рукатах. Я всегда мог их обуздать и успокоить. Еще я умею их призывать и лечить.

– Отлично! Только где мы возьмем рукатов?

– Мой друг Уванава, лучник, рассказал мне, как вы, Надар, отбивались от тороков, которые хотели зайти с тыла.

– Так, понимаю, – кивнул Надар, – да, четверо рукатов ушли, сбросив ездоков. Только они все побиты стрелами.

– Нет! Уванава говорил, что сначала вы стреляли оттуда, в спины колесницам, и я так понял, что две колесницы оказались пустыми, а рукаты продолжили бежать. Еще один рукат был сбит товарищем, и он тоже мог выжить. Нам нужно отправиться в степь и догнать их!

– Как же мы их догоним? – спросил Ал, – они же накачаны тартыром! Их уже, поди, у Священного леса нужно ловить.

– Нет. Я знаю их повадки. Те, которые не ранены, бегут без остановки, это так, но даже они без ударов плетей потихоньку остановятся. А раненые упали где-то в траву и отдыхают, пытаясь унять боль. Если мы их найдем, я смогу вытащить стрелы и залечить раны, и еще тут в степи я смогу найти нужные травы, чтобы сделать лекарство против действия тартыра. Мне только нужны люди, чтобы прочесать степь и найти животных. Нужно только увидеть их, и тогда я смогу подманить их к себе!

– Да ты представляешь, сколько придется пройти, чтобы прочесать это пространство? Если эти туши попадали на землю, мы сможем увидеть их только с близкого расстояния.

– Не торописссь Алл, – послышался свистящий голос. Сут вынырнул из травы в нескольких шагах от них.

– А я все думал, куда ты делся. Прятался?

– Я не воиин. Я пряталсся. Таа… Я помогу вам найти сверейй. Тай рукку, Ал…

К вечеру у них было шесть рукатов. Седьмой, хоть и пришел, но не производил впечатление способного дожить до утра. Тем не менее, Канамук – так звали их мага-звероведа – взялся лечить и его. Два совершенно неповрежденных руката приплясывали на месте, не в силах сдерживать энергию, бьющуюся в них.

– Я уже готовлю зелье, – сообщил Канамук, – тогда они успокоятся и смогут еще долго жить. Эти тоже через пару дней смогут тащить повозку. Наши стрелы для них не смертельны.

– Погоди, не давай свое зелье этим, – внезапно вмешался Надар. – Ал, мы можем поговорить?

Ал отошел с Надаром подальше от костров и присел в траву.

– Что у тебя?

– Плохие новости, Ал. Похоже, Цветку становится хуже. Я не знаю, что будет дальше. Если мы подождем пару дней, а потом двинемся в путь, то он может не доехать. И еще одно меня тревожит: Илата. Он бредит. Просит отвести его к отцу. Разговаривает со мной, будто я – Энол. Инвира говорит, что ничем не может помочь.

– И что ты хочешь сделать? У тебя же есть идея, раз ты позвал меня.

– Два руката. Те, которые на зельях.

– Понимаю… Хочешь запрячь одного из них в ту быструю колесницу?

– Да. Если его разогнать так, как они бежали сегодня, мы сможем добраться до Священного леса за три дня.

– А если он не выдержит и сдохнет по пути?

– Я попрошу Канамука. С его магией все должно получиться!

– Как ты сможешь его убедить? Он же влюблен в животных, а после такого броска зверь точно погибнет.

– Придется показать ему Энола.

– А что будет с Энолом в дороге? И с Илатой. Ты ведь хочешь забрать их обоих?

– Да, обоих. Илата тоже при смерти. Если ему не помогут Маги жизни – он не жилец. Ну а что до дороги… если духи леса на их стороне, то они доедут. Но больше недели тащиться по жаре – верная гибель для обоих.

– Тогда расскажи подробнее, каков твой план.

– Возьмем колесницу, одну из тех, которые притащили раненые рукаты – они же целые – перенесем Энола в нее, привяжем с краю. С другого краю положим Илату. Я стану посередине и буду править.

– Хороший план, но дурной. Три дня! Им нужно есть, пить, справлять нужду. Ты будешь их обслуживать?

– Ну… А если я возьму с собой Инвиру?

– В маленькой колеснице? И потом, Надар, ты предлагаешь мне отдать тебе единственного лекаря. А у нас тут больше десятка серьезно раненых, и еще четверо кроме Илаты в тяжелом состоянии. Ты понимаешь, что обрекаешь их на смерть без должного ухода?

– Что же делать, Ал? Ты сам рассказывал, что иногда нужно делать сложный выбор!

– Не тот случай, Надар. Я понимаю, что для тебя Энол и Илата значат больше, чем все остальные, но для меня они равны. Они пришли ко мне, доверились, признав своим командиром. И я не стану ломать их доверие!

– Что же тогда, – вскричал Надар, – пусть Энол и Илата умирают? Они же были твоими друзьями! Ну, пусть не друзьями, но… – он обессиленно упал в траву и закрыл лицо руками.

– Погоди, Надар, не кипятись. В жизни не два пути, не черное и белое. Есть и обходные маршруты! Давай поразмышляем. Твоя идея хороша, но нужно ее доработать. Давай-ка, сделаем по-моему.

Ал позвенел топорами, призывая всех к себе. Через несколько минут толпа обступила повозку, на которую он взобрался.

– Что случилось, сэр Ал, – раздавались взволнованные голоса, – неужели новая напасть?

– Успокойтесь все. Сейчас я обращаюсь в первую очередь к элива. Теперь я раскрою вам тайну, и расскажу, что находится в этом фургоне.

Голоса смолкли и все затаили дыхание.

– Здесь, в этой повозке, лежит раненый Энол Элава, Цветок Древа вашего рода! – элива разом охнули. – Он смертельно ранен, и его жизнь стремительно уходит. Я понимаю, как вы устали и измучены, но сейчас мы должны срочно поработать. Нужно облегчить этот фургон. Выбросить все лишнее и устроить места для перевозки Цветка и еще пяти наших тяжелых раненых. Если мы сделаем все быстро, у них будет шанс выжить! И вы, холин, помогите им. Мы бились плечом к плечу – среди раненых есть и ваши сородичи, так не предадим наше боевое братство! За работу!

Вдруг Ал увидел, как сквозь толпу к нему пробирается Вигол.

– Сэр Ал! Сэр Ал! Погоди, послушай!

– Слушаю, Вигол, но только если это по делу.

– По делу, сэр Ал, по нему… фу-ух – бежал сюда аж от колесниц, когда звон услышал…

– Так что за дело?

– Колесницы, сэр Ал!

– Что, колесницы? – с недоумением уставился на кузнеца Ал.

– Не надо разбирать фургон!

– Эй, погодите там пока, обождите!

– Ну, говори.

– Я же при тороках все годы кузнецом был. Они всегда при себе возят разный инвентарь для починки, я и на нашу повозку закинул, там, под дрова, думаю, ну, вдруг что…

– Ну да, опыт не пропьешь…

– Что?

– Не важно, продолжай. Так что с тем инвентарем?

– В общем: фургон, как и все грузовые повозки, делается очень прочным, но и тяжелым. Даже если его облегчить – а это нужно делать с умом – он все равно будет очень тяжелым: толстая основа, огромные колеса… Даже два руката будут сильно уставать. И могут просто не дойти. Я предлагаю соединить две колесницы – они очень легкие. Сделаем настил между ними, пару досок на борта, натянем сверху ткань с шатра – получится легкая и прочная вещь. Хоть и тесно, но шесть человек сможем разместить.

– Добавь еще троих-четверых: возницу, лекаря и, пожалуй, мага тоже нужно с ними отправить. Им бы еще охрану какую…

– Не натто оххрану, – послышался голос из темноты, – нетт никоххоо. Я вишшу. Пусто то самоххо лесса.

– Ты всегда вовремя, я гляжу. Уверен?

Сут кивнул, и молча отступил во мрак.

– Вигол, выдержит твоя повозка? Они же будут гнать во весь дух.

– Выдержит, сэр Ал! Головой ручаюсь!

– Тогда руководи!

Кузнец созвал народ, объясняя задачу. Несколько человек бросились за обломками колесниц, чтобы разжечь поярче костер, другие собирали хорошие доски и брусья. Вигол полез в кучу припасов в поисках своего инвентаря.

Через часа четыре – по ощущениям Ала – новая повозка была готова. Раненых переносили на полки, которые сделали из досок вдоль бортов, и привязали ремнями: импровизированные лежаки были очень узки. Труднее всего пришлось с Энолом, так как отсоединить трубки никто не решился, и его так и переместили вместе с чаном. При виде того, что сделали с их Цветком Древа, элива сжимали кулаки и громко посылали проклятья на весь род тороков. И, украдкой, – на холин. Затем загрузили припасы: воду, копченое мясо и кашу, – не долго будет оно пригодным на такой жаре, но придется обойтись этим. Больше решили ничего не брать: костры жечь некогда, управлять повозкой можно по очереди, отдохнуть тоже можно в проходе между полками. Инвира запаслась отварами и чистыми прокипяченными тряпками. Все, больше ничего сделать нельзя.

Наконец все подготовили, и Надар забрался на козлы, которые Вигол соорудил впереди сдвоенной колесницы. На этих козлах могли поместиться все трое, кто отправлялся в путь с ранеными. Канамук запряг обоих целых рукатов, которые аж дрожали от возбуждения.

– Я приготовил им еще отвара, который их заводит, – ответил он на немой вопрос Ала.

– Постарайся, чтобы они не сдохли по дороге.

– Я буду очень стараться.

– Все, время дорого! По местам! – Надар нервно теребил вожжи.

– Удачи тебе, Надар. И не слети с дороги. Остановить их невозможно.

– Пока, Ал. До встречи в Священном Лесу! Их-ха! – и он размахнулся своей плеткой.

Канамук сплел пальцы и зашептал заклинания; плетка ужалила спину руката и тут же обожгла второго. Животные заревели и рванули с места так, что Инвира с трудом удержалась на ко́злах.

Заря едва разгоралась на востоке. Наскоро сбитая повозка, запряженная безумными зверями, быстро уменьшалась вдали.

– Помогите им, духи леса, – тихо сказал Ал, и вдруг, будто эхо пробежало по степи: «Помогите им, духи леса», – шептал многоголосый хор.

Глава 5

Два дня победители отдыхали после побоища. Чтобы не оставаться рядом с трупами тороков и рукатов, решили переместить лагерь подальше. Сняли с туш животных лучшие куски мяса – их было все равно больше, чем можно было успеть съесть – погрузили все ценное на легкие колесницы, чтобы не утомлять раненых рукатов, и перевезли за несколько ходок на новое место. Забрали и старые повозки, споря, нужно ли оставлять в фургоне магические предметы хола. Ал считал, что стоит оставить, чтобы изучить и использовать новые знания в лечении Энола. Но неожиданно оказалось, что и холин, и элива за то, чтобы все уничтожить: и те и

другие боялись этих вещей пуще огня. И если элива можно было понять, то холин удивили. На его недоуменное замечание они пояснили, что далеко не все холин владеют магией. Вернее наоборот: лишь ничтожная часть их народа может контролировать неведомую Силу. Кроме того, обнаружилось, что не все хола считают себя представителями одного народа. Энол считал холин одной монолитной расой, такой же, как его народ, или варды. Так их воспринимал и Ал, подчерпнувший свои знания о мире из его памяти. На самом деле холин были разделены на несколько государств, и в этих государствах не только отличались законы и культура, но и существенно отличался язык. Маги же жили, преимущественно лишь в одном государстве – в других их было мало, а кое-где их считали врагами и истребляли.

Как бы то ни было, но все убеждали его, что магические вещи абсолютно бесполезны для всех, кроме черных магов, ведь кроме них никто не сможет овладеть этими инструментами. Так зачем же тащить целую кучу груза, да еще, вполне вероятно, опасного? Не лучше ли фургон использовать для перевозки раненых и женщин? В итоге фургон очистили и сбросили все богатства темного колдуна на землю. Повинуясь какому-то импульсу, Ал выкопал яму – на что ушло не меньше полдня – и сложил в нее магический инвентарь, воткнув сверху сбитый из брусьев крест.

– Что значит этот символ? – пожилой элива, с морщинами на лице и совершенно седыми косами тихо подошел сзади.

– Если честно, не знаю. Место отметил или что-то мне нашептало… Я видел такой раньше. Оберег от сил Зла. У нас, в нашем мире, есть такая вера – «Церковь Его Возвращения». Ее адепты верят, что наш мир создал Творец, который покинул нас, увидев, как низко пали его создания. И еще они говорят, что когда-нибудь Создатель вернется, и тогда мы все обретем счастье.

– Да… Говорят, и у Индерона когда-то был такой Бог.

Степь проплывала под колесами в обратном направлении. Рукаты, как и обещал маг, вполне оправились для похода и уверенно тащили свой груз. Фургон отдали раненым, во вторую повозку сложили припасы, а впереди них ехала легкая тачанка, собранная Виголом из частей от колесниц. Пятый рукат действительно выжил, хоть и лежал первый день неподвижно, набираясь сил. Однако, зелье, которое оставил Канамук, было действительно волшебным. Теперь и другие члены группы могли периодически давать своим ногам отдохнуть. По словам Сута впереди было чисто до самого Священного Леса, и путники нежились на солнце, сидя или даже лежа в тачанке, или шли рядом, ведя неспешные разговоры обо всем понемногу.

В основном собеседниками Ала были элива. Холин держались в стороне, да к тому же могли говорить с ними только по-торокски, а далеко не все они знали этот язык. Впрочем, кажется, кто-то из них знал язык элива. Но все равно они не набивались в друзья. Может, у них так было принято, может, его огромный рост – в сравнении с ними – их подавлял. Кто знает? Надар уехал, и Ал стал больше общаться с Виголом, который рассказывал о своем мире, о его обычаях и технологиях. Было это одновременно комично и раздражающе: в языке тороков не было таких понятий, которые позволяли бы им нормально обсуждать вопросы науки или культуры, и им все время приходилось использовать иносказания, которые зачастую приводили к конфузам. В итоге они стали просто использовать слова своих народов, и так каждый уже изучил по паре сотен понятий из языка собеседника, и это позволило описывать достаточно сложные природные или социальные явления. Ала это смешило. Не так обычно люди начинают изучать новый язык. Многие элива часто сидели или шли рядом, не вмешиваясь, впрочем, в разговор. Между собой они периодически бурно обсуждали события в горах, и особенно – свою битву с тороками. Каждый желал в подробностях рассказать всем, как он бился, и каким храбрым воином он оказался. Но если к ним подходил Ал, они замолкали. Однако, было очевидно, что все, как один, уважают его (или боятся): «солдаты Армии Ала» четко выполняли приказы. Пережитый опыт научил их, что им выгодно слушаться этого странного, похожего на

торока чужака. Сут тоже был плохим собеседником, хоть все время и маячил рядом. Наконец, Ал не выдержал и прямо спросил его, почему тот так странно себя ведет и не отходит от него ни на шаг.

– Ты обещщал. Симпиосс. Помошешшь мне. Вернутьсся…

– Обещал. Я помню. И не отказываюсь от своих слов. Ну, так ты бы поговорил что ли?

– Трруттнооо говорить…

– Ну так и сидел бы себе где-то там в фургоне молча.

– Неееет. Не мохху… С ними ряттом труттно. Плохо… думать…

– Эээ. Все тебе не так. Слушай, Сут, кстати, ппро «думать»: ты сказал как-то, что твой мозг действует по тем же принципам, что и мой «ловец», так может, ты можешь помочь мне выучить язык холин?

– Нееееет. Нельсяя. У них плохой моск. Моххут умеретть. Я не мохху ховоритть с ними черес мыссли.

– Жа-аль… Это мне здорово пригодилось бы. А сам ты не знаешь их язык? Меня мог бы научить?

Сут замолчал, и по его неподвижному лицу было непонятно, то ли он размышляет, то ли ему стала неинтересна эта тема.

– Я потумаал. Снайю немношшко. Нет запретта… Мошшно. Но я учу не так, как твой «ловетс», это путет труттно. Мошешь полетть. И не помнить фсьо… што-то запуттешь.

– Ну, все равно неплохо, я бы попробовал.

– Хорошшо. Я толшен потххотовитьсся… Чересс тва тня смохху. Ты тошше хотовься. Осфопоти мыссли. И не ешшь. Поссле урокка путетт тошшнитть.

– Хм… Надеюсь, оно того стоит.

На козлах передней повозки освободилось место, и Ал решил немного прокатиться. Усевшись на доску, он взял вожжи у элива, который спрыгнул чтобы размять ноги. Сут тенью шмыгнул на место рядом. Некоторое время ехали молча. Рукат мерно переставлял ноги, скрипели колеса, шелестела высокая трава вдоль дороги.

– Не могу я понять, – ни к кому не обращаясь, произнес гекон вслух, – такие травы, такая степь… Когда мы копали яму, я обратил внимание: земля жирная, плодородная. Да вон – трава какая! А животных нет. Мелочь только. А ведь тут могли бы разгуляться такие стада…

– Они и были, – неожиданно откликнулся голос сзади.

Ал повернулся, и встретился взглядом с тем элива, который спрашивал его про крест.

– Валалион, если не ошибаюсь?

– Он самый, сэр Ал.

– Думаю, ты можешь опустить «сэр», почтенный элива. Так что за стада тут были?

– О! Когда-то, очень давно эти степи были пастбищами для целых туч степных канаков, ваитов и даже имаима. Я уж не говорю про рукатов. Огромные, не то, что сейчас. Говорят, наши предки охотились на них. Мяса в те времена всегда было вдоволь.

– Никогда про таких не слышал. И что же произошло?

– Сороны. Орды соронов. Реки. Живые реки огромных хищников двигались по этой степи, пожирая все на своем пути. Они сожрали всех. Потому ты и не мог слышать про них.

– Удивительно. Сороны? Но как? Я знаю, что сорон имеет одного детеныша, иногда двух в год. Как они могли так размножиться?

– Не знаю. Некоторые говорили, что тогда у них могло быть по 5–6 детенышей, а то и больше. И все выживали, ведь пищи хватало.

– Ясно… Значит, сороны сожрали всех травоядных, а затем?

– А затем вымерли сами.

– Если соронов было так много, то почему они не напали на Священный Лес?

– Они не могли. В те времена наши маги были гораздо сильнее, чем теперь, и сороны не посмели перейти через границу леса. А с юга им преграждал дорогу хребет Кадагара. Им некуда было идти. В те времена еще не было Голодной Пасти – так называется перевал, к которому направлялись наши захватчики. Он появился позже, возможно, тоже благодаря магии.

– Ну ладно, некуда, но разве так бывает, чтобы вымерли все? Всегда остается кто-то, и выживает, и цикл повторяется снова.

– Не в этот раз. Сороны рыскали по степи, и уничтожали все, что только могли найти, а потом им стало нечего есть.

– Странно это. Никогда не слышал, чтобы происходили такие вещи. Природа всегда стремится к равновесию.

– Да… так и было. Раньше. Очень давно. А потом начало меняться. Что-то изменилось в этом мире, будто бы и наш Бог, Бог Индерона, ушел от нас.

– Валалион! – послышался раздраженный шепот из повозки.

Молодой элива гневно смотрел на старика, сжимая кулаки.

– Ты молод, Инава. И слишком веришь нашим Опорам…

– А ты… – молодой сдержался, и отвернулся.

Повисла тишина. Ал молчал, ожидая, когда старик продолжит.

– Знаешь, Ал, – собрался с духом седовласый элива, – я расскажу тебе то, что обычно никто не рассказывает. И даже хуже: никто не хочет слушать об этом.

– Я слушаю.

– Да… Эта степь. Ведь это не было степью всегда. Когда-то, вся эта земля, все это, было Священным Лесом.

– Замолчи, старик! За такие речи ты отправишься к эриса!

– Эриса… Ха! Нашел, чем меня испугать, юноша. Я прожил больше тысячи лет на этом свете, и последние триста лет живу не в Священном Лесу. Я не наделен большими талантами. Могу усиливать рост растений или изгонять вредителей, но сделать что-то действительно впечатляющее не способен. Я – представитель ветви, настолько отдаленной от Ствола, что уже почти полукровка. Да, в общем-то, в моем роду и были полукровки. Веками нас, таких, как я, вытесняли на окраины, давали нам угодья не только самые отдаленные, но и самые бедные. А лес в это время отступал. Все дальше и дальше. Это происходит незаметно. Но однажды, ты понимаешь, что дом, на котором стоит твое дерево, вот-вот обрушится, так как это дерево сгнило внутри. И вот, не успел ты оглянуться, а земля, которая дана тебе Опорой, уже в степи! Так что, я уже много лет, как отлучен от Леса! А нашему царственному Стволу Древа, и даже его Корням, плевать на это!

– Замолчи! Предатель! Как смеешь ты…

– Эй! Парень! – резко гаркнул Ал, – сдается мне, что ты засиделся и очень хочешь размять ноги. Где-нибудь в конце обоза.

Элива сверкнул глазами, но покорно спрыгнул с повозки, и стал отдаляться.

– А я бы послушал. Можно мне на его место? – крепкий хола среднего возраста, с ярко-оранжевыми глазами привстал с места, показывая желание сесть поближе.

– Отчего же нельзя? – с улыбкой ответил старый элива, – если мой народ не хочет слышать, то, может быть, мудрость старого элива пригодится народу холин? Я ничего не имею против холин. Жизнь обкатала меня и, признаю – сбила спесь. Мы, элива, всегда считали вас существами более примитивными: мало живете, магией не владеете… Ну, темная магия не в счет. А вот ведь как. Пришлось и мне строить свой дом на земле, садить деревья, простые, а не магические, такие, за которыми нужно ухаживать, поливать, собирать плоды. Да, я трудился на земле, поливая ее своим потом, а иногда и кровью. Вот тогда я и стал уважать холин. Вы много достигли и без магии. И если бы наши Опоры посмотрели правде в глаза, то увидели бы, что уже давно не могут обойтись без товаров, которые поставляют им холин.

Элива, сидящие в повозке, напряженно молчали, еще один хола придвинулся поближе к козлам.

А Валалион продолжал:

– Я скажу крамольную мысль: этот мир скоро забудет об элива, – соплеменники рассказчика вздохнули с возмущением, – да, да, послушайте, не возмущайтесь понапрасну. Выслушайте сначала… Ох, Ал, прости, я увлекся, и забыл уже, что рассказывал.

– Нет-нет, продолжай. Наконец-то я могу услышать о реальной ситуации в этом мире. Мне очень интересно, – холин тоже кивнули, подбадривая старого элива к продолжению.

– Ну, тогда слушайте. Я уже говорил про Священный Лес, который стал в несколько раз меньше того, каким он был когда-то, еще до моего рождения – очень давно. Но из этого следует, что и самих элива стало гораздо меньше. И это правда! Заткните уши, если боитесь, что можете стать эриса… Нет? Интересно? Тогда слушайте: при моем прапрадеде было три Древа Рода! Три! А еще раньше, говорят, их было то ли семь, то ли девять. Вот так! – элива в повозке выглядели ошарашенными. – Я так давно уже живу за лесом, что пропустил очень много Волн Забвения. Я слушаю, запоминаю, думаю. Да, так вот, элива становится все меньше, а холин? А холин стало в десятки раз больше! Земли, некогда принадлежавшие элива, стали землями холин. Холин плавают по морям, и никто не знает, что они там делают. Ведь элива не строят кораблей. Элива вообще ничего не строят! Народ Священного Леса торгует тем, что дают деревья: ценной древесиной, мехами, снадобьями, и, конечно же, – правом прохода через Лес. Но самое главное, что могут предложить жители Леса – Магия Жизни. И за это холин готовы платить. Вот и поставляют изделия из металла, инструменты, зерно. Дошло до того, что и овощи, и мясо уже привозят в Священный Лес. Но магии мало. Лишь Листья центрального Ствола еще достаточно сильны. Дети боковых ветвей почти лишены магии. Так чем же элива смогут торговать в будущем? Я вам отвечу – не то, что торговать, сохранить собственный дом не смогут! Священный Лес наполнен магией, он такой именно потому, что магия питает и оберегает его. И эта сила исчезает у нас на глазах! А что же холин? Холин учатся жить без магии. Строят мельницы, корабли… Я слышал – если это не вранье – в каком-то из городов холин построили такой же огнедышащий караван, как у вардов. И если это правда… Знаете, а ведь когда-то у холин были свои маги. И могущество их было не меньше нашего. Но они теряли свою магию куда быстрее нас. Не знаю, с чем это связано, но и жить без магии они научились раньше нас.

– Вот как, любопытно. Короткая жизнь, плодовитость, быстрое изменение генома за счет мутаций. И как следствие – потеря способности творить магию. «Только чистая кровь», как говорил Энол. Вот так-так. Значит, существует геном, который позволил бы управлять действительно огромными силами…

– Что ты говоришь, Ал? Я не понимаю.

– Э-э, да ничего такого. Послушай, Валалион, а не знаешь ли ты, могли ли холин творить магию элива? Или наоборот.

– О! Как ты догадался? Да! Именно. И вот об этом я и хотел рассказать. Ты спрашивал про животных, про всех, кого истребили сороны, но не спросил, что было до этого. А до этого не было не только всей этой степи, но и гор! Не было хребта Кадагара. Эй, вы, молодежь, знаете, почему эти горы так называются? – элива отрицательно помотали головами. – Так и думал. А называются эти горы так, потому, что их создал Кадагар! Вырастил!

– Ого! – удивился Ал, – ты хочешь сказать, что целый горный пояс создал один элива?

– Не-ет! – хитро улыбнулся Валалион, – не элива – хола!

– Ох! – возглас удивления вырвался из уст всех слушателей.

– Да, да! Хола. С магией, о которой не смеют мечтать ни в одной Темной башне, ни в одном древесном доме, ни в одной подземной лаборатории. Магия, которая могла порождать или останавливать бурю, создать реку или вот – вырастить горы.

– Но зачем?

– Чтобы спасти мир от тороков…

– Да… ты умеешь удивить, старик.

– Вы думаете, что это сказки, бред старого элива, но все, что я вам рассказываю сегодня, – правда и только правда. В нашей семье всегда берегли историю. Понимаете, ведь мы не только передавали эти сказания друг другу, мы их записывали!

– Ого! Я не слышал, чтобы элива вообще писали! Все сведения передаются через деревья. Разве не так?

– Так, но письменность у элива есть. Только никто не учит больше детей писать. Ведь если история записана в книге – ее не смыть Волной Забвения.

– Удивил ты меня сегодня, ох удивил! Знаешь, если мне повезет, и я не сдохну в этом мире, я бы хотел почитать эти книги.

– Я с радостью дам тебе их! Это честь для меня! Ух, долго рассказываю, аж горло пересохло, дайте там бурдюк, молодежь… Вот спасибо. Так вот, тороков не было в этом мире. Они чужие! Вы знаете, что от связи холин с вардами или с элива получаются дети. Не всегда, но получаются. А вот с тороками – никогда. Их ска неразборчивы в этих делах и очень похотливы. Рабы часто служат им игрушками в постели. Но никогда, никогда от этого не рождались дети. Я пробыл в рабстве у Кхур-Дара восемь лет. К счастью, мое умение растить урожай в степи очень ценилось у тороков, иначе был бы я их обедом. Но за эти годы чего я только не повидал, скажу я вам. И лучше об этом не рассказывать. Так вот поверьте, я знаю, что говорю: тороки чужие в этом мире!

– Так если они чужаки, то как они проникли сюда?! Я еще понимаю, когда один или там десяток существ проходят через Врата, но ведь ты сам говоришь, их так много было, что они чуть не погубили мир! И почему древние маги не смогли их просто перебить? На них не действовала магия? Как так?

– Не знаю, сэр Ал. Не знаю. Давно это было, задолго до того, как родился мой пра-пра-прадед. Но легенды нашей семьи говорят, что в те времена по этой земле ходили великие маги. И сила их была так велика, как и их честолюбие. Жили они в высоких дворцах, таких огромных, и таких прекрасных, что дар речи отнимало у всякого, кто смотрел на них. Вокруг башен маги создавали целые города для своей свиты и вассалов. А в этих городах творились такие чудеса, которые мы и представить себе не можем. И вот эти маги стали спорить между собой и выяснять, чье искусство лучше и сильнее. Разразилась война. Страшная это была война! Война, после которой близкие родственники – холин, элива и варды – бывшие когда-то вассалами трех верховных магов, навсегда разошлись и рассорились. Маги бились и на земле, и в небе, и в море. Великие города были разрушены, леса горели, высыхали озера и реки. И вот, как-то раз сцепились в смертельной схватке Иоланева и Дарит. Где-то там, далеко на юге, в землях, в которые мы уже очень давно не смеем заходить, и которые сейчас принадлежат торокам. В книге написано, что бились эти маги семь лет. И, в конце концов, каждый начертал огнем в облаках заклинание такой силы, что само небо загорелось, земля разверзлась, а сами великие маги погибли, убив друг друга Силой, которую они выпустили на волю. Так Кадагар оказался единственным верховным магом на Индероне. И стал править всеми городами и народами. Но вот прошло немного времени, и в опустошенных той великой битвой землях началось какое-то шевеление. Из того места, где случился разлом, стали выползать на землю порождения Тьмы и Зла, то есть тороки. И потекла по земле ненасытная река, река зеленого цвета: это тороки шли по нашему миру. И было их столько, что сметала эта река все на своем пути. И тогда Кадагар поставил на пути орды горы. Это остановило тороков, и отрезало целый кусок континента от остального мира. Но сам Кадагар сильно ослаб, потратив столько сил. И был убит своим учеником. Ученик тоже не смог удержать власть, уступив другому магу… Ну и так далее. Так

Индерон лишился магов, которые владели всеми видами колдовства. И с тех пор каждый род может контролировать лишь малую часть Силы.

* * *

Через два дня, когда их караван остановился на ночлег, Ал устроил место для проведения сеанса обучения: в высокой траве, подальше от всех, он вытянулся, лежа на спине, и закрыл глаза. Сут сел у его головы и положил свои прохладные руки ему на лоб. Яркая вспышка засияла прямо где-то внутри глаз, и по телу пробежала волна, как от статического электричества. Перед глазами закружился вихрь ярких узоров, уши заполнил странный шум, в котором то нарастал, то затухал пробирающий до костей ритм. В животе образовалась пустота, как при невесомости. Калейдоскоп картинок и тяжелый ритм вызывали головокружение и боль. Ал инстинктивно дернулся и открыл глаза.

– Тепе плоххо? Перестанем?

– Нет, ничего. Я смогу, ты не прекращай. Просто от неожиданности. Я справлюсь.

Ал закрыл глаза, и волна света и звука снова захлестнула его. Сияющий всеми цветами водоворот затягивал в себя, словно огромный радужный торнадо, шумел, гремел и визжал на все лады. Временами казалось, что сознание утонет в этом вихре, и выхода назад не будет. Но он терпел, твердо решив, что знание языка стоит того, чтобы немного потерпеть. Ведь он терпел и не такую боль. Калейдоскоп вращался, минута за минутой, час за часом, и когда уже казалось, что это вращение никогда не закончится, вдруг наступила тишина и темнота. Ал открыл глаза. На небе бешено танцевали в хороводе звезды, цветные пятна плавали перед глазами. Половину неба занимало расплывающееся, перевернутое вверх-тормашками лицо Сута. Оно тоже вращалось и кружилось, причем одновременно в разные стороны.

– Что, все?

– Таа. Фсьо… – Сут медленно кивнул, и, хоть на его лице невозможно было прочесть эмоции, но по движению головы было понятно, что и он вымотан изрядно.

Ал перевернулся на живот и попытался встать. Его тут же повело в сторону, и он упал на четвереньки. Как хорошо, что он послушал совета, и не ел почти два дня. Рвотные позывы были так сильны, что его словно наизнанку выворачивало. Наконец, головокружение немного успокоилось. Гекон смог подняться и встал, широко расставив ноги и уперев руки в бока, при этом покачиваясь, как пьяный моряк на палубе.

– Ээх, Сут. С тобой можно море выпивки сэкономить. Голова болит, как с похмелья, соображаю плохо, да еще блевать тянет. Ну, точно, как после попойки.

– Ффффшшш… – только и выдал Сут, сидя в той же позе.

– Ой, ты прости, я вижу, тебе тоже плохо. Я немного пошутить хотел. О-ох… нужно потихоньку пройтись. Успокоить организм. Ты идешь со мной?

Пришелец отрицательно мотнул головой, и лег плашмя в высокую траву.

– Ну ладно, ты отдыхай. А я пойду к ребятам.

Качаясь из стороны в сторону, Ал нетвердой походкой направился к стоянке. Голова понемногу прояснялась. Впереди в свете звезд и костра поблескивало крохотное озерцо с кристальной прохладной водой. Холодная влага брызнула в лицо. Ох, как хорошо было бы залезть в этот водоем целиком. Но даже в таком состоянии он соображал, что этого делать нельзя. Вода в степи была священной. Действительно живой водой. Ал лег на живот и напился прямо из источника. Ох, как же хорошо! Вода холодила внутри, будто тушила пожар, голова прояснилась, и он смог сесть, упираясь руками в землю. Шелестела трава, ночные насекомые стрекотали в темноте. Волшебных светляков и мотыльков не было в этой степи, но ночь все равно была волшебной и пахла свежестью и разноцветьем трав. Звезды остановили свой танец, мир

обретал четкость и стройность. Руки и ноги отзывались, наконец, на сигналы из головы и выполняли именно то, что от них требовалось. Внезапно стало понятно, что пустота в животе носит совершенно иной характер: очень хотелось есть. Гекон поднялся и направился к костру. В круге танцующего рыжего света ели и беседовали несколько холин. В прошлом Ал отправился бы к другому костру, но сегодня он подошел к огню, сел между удивленными товарищами, и, покопавшись в голове, произнес на их языке самую сложную фразу, которую смог составить: «Хотеть сидеть с вы. Дать мясо», – чем вызвал всеобщее онемение.

Большой кусок мяса был неспешно доеден с миской необычайно вкусной после двух дней голодания кашей. Холин подшучивали над его новообретенными знаниями, поправляя корявые фразы, которые ему удавалось построить. Надо было признать, что теперь, с базой языка в голове, процесс обучения шел невероятно быстро. И к концу второй порции он уже мог рассказать несложную шутку. Холин поражались темпам его обучения, и все расспрашивали про магию, которая позволила ему так быстро освоить незнакомый язык. Послышался шелест травы, и из темноты, еле переставляя ноги, вышел Сут. Голова его была опущена, руки висели вдоль тела. Он плюхнулся на землю задницей, чем немало всех удивил.

– Есть хочешь? – спросил его по-торокски Ал. Сут вымученно кивнул.

– Так, как это… А! Дайте моему… другу… э-э… пищу. Я правильно сказал?

– Да ты просто на лету учишься! Вот бы мне так! – восторженно воскликнул Девин, высокий – как для хола – и очень тощий молодой парень.

Сут получил миску с кашей и мясом и стал молча поедать пищу, вяло шевеля челюстью.

– Что это он такой сегодня?

– Устал наверное. По степи бегал, – сострил Ал. Сут уставился ему в глаза, словно укоряя. – Ладно, дружище, ну что ты? Я ж шучу! – перешел он на торокский, – парни, оставьте его. Он устал.

«Охо-хо! А ведь у нас получилось! Да и не так-то и скверно мне было. Вот еще Сут отойдет, и все будет отлично!»

Еще через пару дней Сут окончательно пришел в себя, наконец, слез с повозки, и убежал куда-то в степь по своим делам. Ал шел у передней телеги, непринужденно болтая с Валалионом и Виголом. Беседы приходилось вести на торокском, и они временами по нескольку раз переспрашивали друг друга. Вдруг из травы выскочил Сут:

– Они итутт! Элиуаа.

– Йо-ххо! Вы поняли, друзья? Значит, у Надара получилось! Ну, ждем, ждем.

К вечеру на горизонте действительно показалась россыпь темных точек. Элива ехали быстро, так как уже через полчаса были перед обозом. Отряд на лесных канаках – животных, похожих на известных Алу из головида, оленей, только крупнее и почти зеленого цвета – возглавлял уже хорошо знакомый ему Тодан Элава. Опора восседал на своем скакуне все с тем же надменным выражением на лице, разодетый в дорогое платье и с позолоченным шлемом на голове, увенчанным немаленькими рогами.

– Здравствуй, Ал, чужеземец. Или тебя теперь следует звать сэр Ал? – напыщенно начал разговор воевода.

– Да мне без разницы, как ты меня называешь, – по-торокски ответил гекон, игнорируя все правила приличия.

– Вижу, ты не желаешь проявлять должного уважения, – все с тем же надменным выражением произнес Тодан.

– А ты веди себя нормально, и я буду с тобой уважительно разговаривать.

– Что ж, не за любезным обменом приветствиями я приехал сюда. Наш господин, великий Алаола Элава, Ствол Древа и могущественный Маг Жизни послал за тобой!

– Тодан! А ты можешь опускать все эти цветистые титулы? Я знаю, кто такой Алаола. Зачем я ему нужен?

– Это не… Это решение Опоры Ветвей. Он приказал доставить тебя!

– Приказал. Вот как. Видишь ли, Тодан, у меня есть свои обязательства. Перед вот этими людьми. Я обещал им, что они смогут пройти через Священный Лес к своему дому.

– Кто ты такой, чтобы давать такие обещания?!

– Я? Тот, кто спас из торокского плена вашего Цветка Древа, наследника и продолжателя Рода. Единственного продолжателя, замечу.

– Ты его туда и отправил! Из-за тебя он попал к торокам!

– Что?! Я отправил? Это я заставил его идти за собой? Или это сделал ты? По твоей вине наследник стал жертвой тороков, и подвергся пыткам! Это твоя, и только твоя вина! И не перекладывай её на других!

– Довольно! Я не стану выслушивать эти оскорбления от какого-то… какого-то чужеземца! И даже речи быть не может о том, чтобы эти холин шлялись по Священному Лесу!

– Ты хорошо подумал, – прищурился Ал, – а, Опора Листьев? Ты уже ссорился со мной однажды. Напомнить тебе, чем это закончилось?

– Но сейчас, – высокомерно улыбнулся элива, – я что-то не вижу твоего магического оружия. А со мной два десятка лучших лучников. Может, ты быстрее стрел?

Кровь начала вскипать в жилах, сердца учащенно застучали: Ал снова переходил в боевое состояние. Медленно, намеренно оскалив зубы, он приблизился к надменному элива и обхватил рукой рог воеводиного канака.

– Может быть, я и не быстрее. Но ведь ты видел Надара. Говорил с ним. И знаешь, что вместо меня может прийти кое-кто другой. Может быть, ты хочешь встретиться с ним, с этим другим?

Лучники нацелили стрелы в Ала. Холин за его спиной тихо отступали к повозкам, где было сложено оружие. Элива, спасенные из плена, растерянно переглядывались между собой. Один только Валалион потихоньку двигался за холин.

– Тебе не запугать меня, торок, – буквально процедил Тодан, – я знаю все. Илата рассказал мне. Так что, не думаю, что ты успеешь превратиться в ту тварь.

– Илата? Ну, что ж, я рад, что он тоже жив. Говоришь, не успею? А ты попробуй, – прорычал в ответ Ал. – И еще подумай вот о чем: сейчас ты можешь заставить меня поехать с собой. Может быть, – рука гекона, железной хваткой потянула голову канака. Животное дико замычало, вращая глазами и силясь поднять голову, – хотя не факт, что у тебя получится. Но подумай вот о чем: даже если ты сейчас сможешь меня заставить, – рука давила все ниже, канак дергался всем телом, но не мог даже сдвинуть стальные тиски, прижимающие его голову к земле, – ты же не сможешь держать рядом со мной эту армию. И однажды в твоем лесу появится стремительный черный демон… – канак дрожал, мелко переступая передними лапами, и постепенно припадал к земле. Благородный элива стал съезжать ему на шею, теряя свою величественность и комично ерзая задом в попытке усидеть на склоненной спине животного, – … голодный демон, убивающий всех без разбору. Хочешь ли ты, чтобы этот демон пришел к тебе?

– Хватит! – Тодан увидел, как, прикрываясь повозками, к его отряду подбираются вооруженные холин, а на крыше фургона появился пожилой элива с луком в руках. – Хватит! Я не хочу с тобой ссориться! Давай поговорим по-хорошему.

– Ну что ж, поговорим, – Ал отпустил рог канака, и Тодан едва не свалился на землю.

– Ал!.. Сэр Ал, прошу тебя поехать со мной. Это вопрос жизни наследника. Опора Цветов и сам Опора Ветвей Алаола Элава просят тебя посетить их как можно скорее. Прояви уважение и сострадание к горю отца и деда!

– Сострадание? Это я могу. Я не злой человек. А как насчет моих друзей? Они получили мое обещание, а я не нарушаю данного слова.

– Хорошо, – проскрипел воевода, – я разрешаю этим… твоим друзьям… пройти через Священный Лес до границы земель холин.

– Что ж, тогда я согласен. И прошу тебя тоже кое о чем. Тут есть не только холин. Но и элива – многие были в рабстве долгое время. Им нужно помочь. Но больше всего меня беспокоят мои новые друзья, пришедшие из других миров. У них нет дома здесь. Пусть их приведут ко мне. Я обещал помочь им вернуться в свой мир.

– Хорошо. Я распоряжусь. Эй, Аникама, подведи канака для сэра Ала.

– И еще. Ты оставишь пару, а лучше четырех канаков, и мои люди запрягут их в повозки. Их седоки тоже смогут прогуляться. Заодно и охрана для обоза будет.

– Ладно! Мне некогда спорить. Дело не терпит промедления! Эй, вы, сделайте, как он говорил!

Воины Тодана засуетились, выполняя приказание. Вигол уже возился с упряжью, Ал подошел к нему.

– Ну что, дружище. Я ненадолго оставлю тебя. Скоро вас приведут ко мне, и я лично сопровожу тебя до Врат.

– Ты мне не обязан ничем, Ал. Я говорил с элива: здесь ведь недалеко до прохода, а если меня сначала поведут в лес, а потом назад… Зачем тебе ходить со мной?

– Я не оставлю тебя. Земли возле Врат – гиблое место. Я помогу тебе добраться. Вам обоим.

– Спасибо тебе. Тогда жди меня.

Рядом снова незаметно появился Сут.

– Уешшаешшь?

– Уезжаю, Сут. Оставайся с этими элива. Они будут охранять вас. Но скоро мы встретимся. Не переживай. Я обещал тебе, и я сдержу свое слово!

– Бесс тепя путет труутно. Я путу штать встреччи…

Вокруг своего командира, вырвавшего их из рабства, и приведшего к славной победе над ужасным врагом, постепенно собирались «солдаты Армии Ала». Все они хотели выразить свою благодарность за то, что он для них сделал.

– Ну, бывайте, друзья! Возможно, я не увижу уже многих из вас. Так что… Пусть вам сопутствует удача. Прощайте!

Глава 6

Тимлав встретил Ала необычайной суетой и многолюдьем. Кроме обычных его обитателей, тут во множестве находились слуги и воины верховных правителей элива. Сам городок был оцеплен и на каждом дереве устроен пост с лучниками. Отряд Тодана несколько раз останавливали, внимательно рассматривая и проверяя. Ал прошел мимо парадно одетых воинов с различными видами оружия – длинные копья, мечи, луки. Кажется, вельможей сопровождала немалая армия. Гекон не нашел в памяти Энола подобных примеров организации безопасности. Видимо, пора легкомысленных прогулок по лесу прошла для наследников навсегда.

В сопровождении охраны Ал поднялся по знакомым ступеням в дом Опоры Листьев. Сегодня это была резиденция его суверенов. В большой комнате в кресле воеводы сидел сам Алаола Элава – Ствол Древа – по правую руку от него – его сын, Элаф Элава, он же – командующий войсками элива.

Ала еще в степи удивил рогатый шлем на голове Тодана, но на головах Элафа и Алаолы покоились еще более удивительные головные уборы. Рога богато украшенного камнями и хит-

рыми узорами золотого шлема Ствола Древа почти доставали до потолка, и непонятно было, сможет ли правитель встать, не упершись рогами в деревянные балки. Это страшно насмешило гекона, и он неподобающе прыснул от смеха.

– Тебе что-то кажется смешным? – грозно насупив брови, вскричал Элаф Элава и привстал с малого трона.

– О, нет, Опора Цветов, это я так, вспомнил одну шутку.

– Не до шуток сейчас! Прояви должное уважение в присутствии самого Ствола Древа!

– Оу, благородные элива, я вас уважаю, и все такое, – с плохо скрываемым ехидством произнес Ал.

– Хм… – внезапно перебил своего готового уже вспыхнуть сына Алаола, – почему ты, чужестранец, ведешь себя так вызывающе и непочтительно? Я не стану угрожать тебе, но, все же, ты мог бы проявить больше почтения к тем, перед кем стоишь сейчас. Перед тобой правитель Священного Леса и командующий его армией. Что же в таком случае позволят тебе вести себя столь вызывающе? Ты не боишься? Ты бессмертен?

– Я уже прожил гораздо больше, чем мои братья, пережил вещи, гораздо страшнее вашего гнева, и, как я уже говорил твоему младшему сыну Тодану, я тридцать лет был подневольным убийцей у своих хозяев, и больше не желаю и не буду никому служить. Что же до моего неуважительного поведения, то вы, знатные элива, делаете все, чтобы это уважение разрушить.

– Ты слишком много себе позволяешь, странный торок! – не выдержал Элаф, – возможно, небольшая трепка научит тебя уважению!

– Попробуй, – осклабился гекон, – пару месяцев назад, в этом самом доме твой брат уже хотел проучить меня. И если бы я не был таким добрым, был бы ты уже единственным сыном своего отца.

– Хватит! – ударил в пол своим посохом правитель всех элива, – некогда заниматься этой ерундой! В другой раз, наглый чужеземец, я научил бы тебя почтению. Однако я готов закрыть глаза на твое неподобающее поведение, ибо есть дела поважнее! Выйдите все из зала!

– Но, Опора Опор, этот торок очень опасен!.. – воскликнул элива в богатых доспехах, видимо – начальник охраны.

– Ждите за дверью! Он ничего не сделает нам. Или вы забыли, что я не только ваш повелитель, но и верховный маг?

– Слушаюсь, Опора Ветвей.

Охрана, следуя за начальником, вышла из комнаты. Слышно было, как командир расставляет воинов за дверью, давая указания на случай необходимости вмешаться.

– Эти рога на шлемах, которые так тебя насмешили, торок, не просто украшения, как мог решить только такой… необразованный ум, как ты, а магические инструменты, которые открывают нам твое сознание. Так что знай: ты не сможешь обмануть нас или утаить необходимые нам сведения! Мы будем задавать вопросы, а ты отвечай.

– Твои рога позволяют читать мои мысли? Ну, давай, попробуй, – усмехнулся гекон, выставляя в голове шумовой заслон, – огорчу тебя, но в нашем мире подобные игрушки не редкость, и мне, как солдату особого рода, не раз приходилось противостоять желающим покопаться у меня в мозгах. Так что, тебе уже удалось узнать место, куда я вас посылаю?

Элаф в ярости вскочил с места:

– Мне надоело это! Стража!..

– Подожди, Элаф. Ты! Как тебя… Ал! Мы можем действовать по-плохому, или помочь друг другу. Помоги нам – мы готовы заплатить тебе! Назови свою цену.

– Мне от вас ничего не нужно. Не ожидал я, что вы окажитесь такими м… Хотя, с самого начала я не собирался с вами ссориться. Все, чего я хотел – жить в мире и дружбе с обитателями Леса. А сейчас я вижу, как высокомерны и самолюбивы элива, особенно вы, высокородные, и у меня нет желания иметь с вами дела. Ах, да, единственное, чего бы я мог попросить от вас –

пропустить моих друзей холин через ваши владения, чтобы им не пришлось подвергать себя опасности, проходя через Дикие земли.

– Видишь, мы все же можем начать диалог, – сказал Ствол Древа, – твое пожелание мы услышали, а теперь я скажу, что нужно от тебя нам. Ты, конечно же, видел, что сделал этот мерзкий колдун с моим внуком и наследником трона элива? Так вот, я сообщу тебе тайну государственной важности, за разглашение которой последует немедленная смерть, – неприкрытая угроза засветилась в глазах повелителя Леса, – наши лекари и маги лечили его раны все эти дни, и им удалось восстановить израненное тело Энола. Но разум моего наследника угасает, и чем сильнее наши старания, тем быстрее тает его рассудок. Уже теперь он не узнает никого из нас, не может выполнять простейших действий, но дальше, как говорят лекари, все станет еще хуже – он полностью превратится в безмозглое существо.

– Так чего вы хотите от меня?

– Мой сын Тодан сообщил мне, что ты украл душу моего внука! Верни ее!

– О боги всех миров! Да я не… Хотя… Погодите. Да, у меня есть душа вашего сына и внука!

– Вот! Я же говорил, – воскликнул Элаф, – Тодан был прав! Этот демон торок украл душу моего сына! Может быть, именно поэтому сейчас бедный Энол превращается в траву! Верни душу Энола, мерзкая тварь, иначе я вырву твое сердце! Я… я сделаю такое… ты будешь страдать вечно!

– Попробуй! Заставь меня, сукин ты сын! Как же вы уже мне надоели! Вы умудряетесь все испортить и поссориться со мной тогда, когда я сам мог бы вам помочь по доброй воле, но вместо этого…

Возле дома внизу послышались возбужденные возгласы и шум. По лестнице затопало множество ног, двери резко распахнулись, и в сияющем проеме появился совершенно седой и морщинистый старик. Такого старого элива Ал видел впервые – с глубокими морщинами на лице, почти прозрачными волосами до самого пола. Старик энергично прошагал к трону, опираясь на большой узловатый посох, отполированный долгим использованием. Повисла тишина.

– Отец! – вскочил с места Ствол Древа.

«А, нет, не достают», – подумал Ал, глядя на рога, едва не коснувшиеся балки, и тут же сам удивился неуместности своей мысли. Только теперь до него дошло, что на пороге стоит не кто-нибудь, а отец самого Опоры Ветвей. То есть, это прадед Энола, о котором тот знал только то, что его зовут Сибадал, что сильно выбивалось из традиции называть наследников именем, созвучным с названием народа. Сибадал стал Корнем Древа свыше тысячи лет назад, отрекшись от власти, и добровольно передав её своему сыну. С тех пор он жил в Землях Опавших Листьев, среди таких же, как он сам, Служителей Древа. Энол ни разу не видел его и никогда не интересовался, чем конкретно занимается его прадед. Известно было лишь то, что Служители хранят мудрость и – какое совпадение! – служат благополучию Древа Рода.

В комнате повисла тишина. Было видно, что не только Ал удивлен появлением древнего элива, но и сами нынешние правители поражены не меньше.

Между тем старик прошел внутрь и остановился возле иноземца, глядя снизу вверх прямо ему в глаза.

– Здравствуй, сэр Ал, благородный странник, пришедший из-за края мира. Я рад, что увидел тебя воочию. Не будешь ли ты так любезен прогуляться со мной.

– С радостью, уважаемый… прости, я не знаю, как обращаться к элива твоего ранга.

– Зовут меня Сибадал, и имени будет вполне достаточно.

– Что ж, досточтимый Сибадал, я с радостью составлю тебе компанию.

Не обращая внимания на своих ошарашенных потомков, почтенный элива направился к двери, громко ударяя в пол своим посохом при каждом шаге. Было заметно, что этот древний предмет вовсе не является поддержкой при ходьбе, а служит совсем иным целям. Ал огля-

нулся на все еще растерянных рогоносцев и последовал за величественным гостем. Стражники покорно расступились, давая им дорогу. Опоры молча буравили спины взглядом. Но никто не посмел даже окликнуть.

Тимлав скрылся за пышными кронами высоких деревьев. Гекон и древний элива неспеша шли по широкой тропе, змеившейся между зелеными исполинами. Никто из обитателей города не решился преследовать их, и Ал размышлял о реальной власти в обществе Священного Леса.

– Как тебе наш мир? – первым нарушил молчание старец.

– Не знаю. Даже не знаю, что сказать. Много всего здесь произошло со мной. И многое мне не встречалось в моей жизни дома.

– Ты про магию?

– Да, это главное, что меня здесь поразило. В нашем мире есть множество историй про магию, но все они лишь выдумка, сказки. А здесь она есть, она работает, и я не могу понять ее сути, не могу вообще понять, что это такое.

– А ты всегда стремишься понять смысл и суть вещей? Может, нужно просто поверить и принять?

– Не знаю, почтенный, – после небольшой паузы ответил Ал, – я всегда стремился все осмыслить, докопаться до внутреннего слоя, увидеть причины и связи. Просто верить? Вера слепа. Вера может дать ощущение счастья, но вера не дает ответов, и в конечном итоге, она лишь маскирует ложь красивым покрывалом обрядов.

– Да… Понимаю. Знаешь, ведь на самом деле я сам такой. Вот уже тысячу лет, или больше – уж и не помню – я занимаюсь поиском истины. Там, в Землях Опавших Листьев, я каждый день пытаюсь хоть на волос приблизиться к пониманию истинной сути магии этого мира. Да, не удивляйся, я тоже не знаю ее. Мы все не знаем!

Ал молчал, заинтригованный темой, и, видя интерес слушателя, Сибадал начал свой рассказ:

– Много тысячелетий назад, нет, не тысячелетий даже, а эонов, здесь, в этом мире жили могущественные существа. Настоящие боги, способные по одному своему желанию создавать сущности или уничтожать их. Они звали себя «крадаг». Некоторые легенды говорят, что крадаги были настолько могущественны, что создали этот мир из праха и света. А затем наполнили магией. Миром этим правил Бог Индерона – сущность непостижимая с непостижимым же могуществом. Эта сила хранила наш мир множество тысячелетий, наполняя крадагов силой и властью. Но затем что-то случилось – никто не знает что именно. Легенды говорят, что крадаги сами решили стать богами, и поселились на небесах, но другие утверждают, что в своей гордыне они стали воевать друг с другом, и разрушили в этом мире все до самого основания. Как бы там ни было, но основатели этого мира исчезли, ушли, а на их место пришли элива. Затем появились варды, а потом – холин. Точно неизвестно, как именно это произошло – возможно, кто-то из крадагов еще оставался в этом мире, – но наши предки получили первые знания о магии. И так элива тоже постигли ее мощь. Но затем эта сила стала вырождаться. Мы не можем понять, что именно мы делаем не так. Наши предки могли двигать горы и создавать моря, а мы лишь жалкие тени их могущества. Мы заучиваем заклинания, копируем магические символы, тренируемся, но все равно наша магия становится все слабее и слабее, наши заклинания действуют ненадежно, и даже такие артефакты, как этот посох, уже не спасают положения. Немалую роль тут играет и кровь. Ты уже знаешь, наверняка, что лишь отпрыски центрального ствола могут управлять Силой, которая питает Магию. Но ты вряд ли знаешь, что все это достигается только тщательным выбором супругов для этой линии Рода. Именно потому Опора Цветов не может просто так взять себе другую женщину и родить нового наследника. Энол еще слишком молод – фактически ребенок по меркам элива – потому его способности в магии невелики. Но его кровь хороша – мы все чувствуем это. Со временем, когда он пройдет обучение… если пройдет… Со временем, он может стать очень хорошим магом, и,

заняв трон Ствола Древа, будет надежной опорой и защитой Священного Леса, а значит – всех элива, живущих в нем. Вот почему вопрос выживания этого молодого следопыта настолько серьезен. Это не просто жизнь одного мальчишки, это – жизнь целой страны, целого народа! Помоги моему народу, Ал, прошу тебя! Помоги! Я же вижу, ты добрый человек. Скажи, что я могу сделать для тебя? Я все…

– Почтенный Сибадал, не нужно ничего говорить! Я с радостью помогу тебе. Я с радостью помогу Энолу и сделаю все, что от меня зависит. Я сам хотел это сделать – Энол понравился мне. Мы почти стали друзьями. Просто твой сын и внук… Почему они такие заносчивые ублюдки? Разве нельзя было поговорить со мной так же, как это делаешь ты?

– Не суди их строго, Ал. Ты – пришелец из другого мира, у вас другие законы, другая жизнь. Элива живут долго. Наблюдают, как уходят из жизни представители иных народов, пока они сами лишь подбираются к молодости. Это делает нас высокомерными. Кроме того, из всех народов мы наделены самой сильной магией. Я тоже был таким заносчивым когда-то. Мне потребовалось не одно столетие, чтобы научиться видеть мир с иной точки зрения. Прости их, и попробуй сам посмотреть на все это иначе.

Ал не знал, что тут ответить, и они снова шли несколько минут в полном молчании.

– Знаешь, Сибадал, я понимаю, о чем ты говоришь, но все равно не могу принять этого. Вряд ли у меня получится наладить отношения с твоим сыном или внуком. Давай покончим с этим. Я пообещал тебе помочь, и сделаю это. Просто скажи, чего ты хочешь от меня.

– Эх… Прошу тебя, не торопись. Ты действительно очень молод и слишком горяч. Когда-то и я был таким. Ты сказал, что много лет тебя принуждали делать то, что нужно было кому-то, и сейчас твоя гордыня застилает тебе взор. Погоди! Не перебивай. Поверь, я знаю, о чем говорю. Ты был бесправен, и я понимаю мотивы твоих поступков сейчас. Но придёт время, когда ты почувствуешь себя настолько уверенным, что чужие намерения или мнение не будут тебя беспокоить так, как сейчас, и тогда ты поймешь, что важно лишь то, что ты делаешь, что думаешь, и какой путь избираешь. Я не буду читать тебе нотации, просто прошу не торопиться с выводами. Ты говоришь, что элива надменны и высокомерны, но ты не видел правителей других народов. Ты даже не был в их землях. И я говорю это не потому, что сам принадлежу к роду лесных обитателей, а потому, что пытаюсь быть объективным. Правда в том, что тут, в Священном Лесу, остался последний островок старого Индерона. Тьма сгущается над этим миром, мы все на грани большой беды. Никто, даже правитель Леса, еще не знает всей ужасной правды. А она в том, что если мы все – все, в ком еще тлеет искра добра и сострадания – не объединимся, то этому миру придет конец. Мы обязаны научиться слушать и понимать друг друга. Иначе – смерть всего. Знаешь, я даже думаю, что Бог Индерона послал тебя к нам. Я не верю в случайности. Прости, что говорю так долго, но я уже много лет не разговаривал так ни с кем. И я чувствую в тебе того, кто сможет меня понять, распознать угрозу, о которой я говорю, действительно заглянуть за занавес, скрывающий Зло, копящее силы, чтобы уничтожить нас. Мне важно, чтобы ты поверил мне, я хочу быть твоим союзником.

– Я пока не понимаю тебя, почтенный Корень Древа, но готов внимательно слушать.

– Ах, оставь эти церемониальные обращения, да, понимаю, что все хожу вокруг, но я боюсь раздавить тот крохотный росток доверия и понимания, который, как мне кажется, уже начал расти между нами. Ох, мне тяжело это спросить прямо, но… Что ж, скажи, Ал, ты действительно украл душу Энола?

– А! Вот ты про что… О-ох, ну как же мне объяснить вам… У вас и понятий-то таких нет…

– А ты не переживай. Я не Ствол Древа, не Лист, я уже давно – Корень. Знаешь, что это означает? Много, очень много лет изучения манускриптов, легенд, сказаний. И долгие годы раздумий. Я многое видел и еще больше слышал или прочел. Я хороший ученик, как бы забавно это ни звучало. Попробуй объяснить.

– Ну, хорошо, давай начнем издалека. Вот у вас есть варды, и у них есть… э-э-э… как же это… эх, Энол, плохо ты знал вардский… В общем, вот есть у них огненный караван, и еще всякие штуки, которые роют землю, или перекачивают воду. Вот это все, как оно называется – все вместе?

– Индара? Вещи их магии?

– Индара? Да, наверное, или по-нашему – механизмы, машины. Вещи, которые делают работу вместо людей.

– Я понял тебя. Продолжай.

– В нашем мире мы тоже развивались так, как это делают ваши варды – у нас много своих машин, то есть индара. Мы достигли многого: научились управлять огромными силами, перемещаться между звездами, строить и разрушать…

Ал, сбиваясь и запинаясь из-за нехватки слов, стал описывать мир, в котором он вырос: жизнь его обитателей, технологии, достижения и войны. Описал, как смог, технику записи личности, и ее назначение. Седой элива внимательно слушал, лишь иногда задавая уточняющие вопросы.

– Да, – восторженно воскликнул старец, когда гекон завершил свою историю, – твой рассказ впечатлил меня. Вы кажетесь мне могущественными, как сами крадаги. Поистине, достижения вашего народа восхищают и ужасают одновременно! Значит, ты сохранил знания моего правнука в той чудесной машине. Только для того, чтобы узнать наш язык и добыть сведения о нашем мире?

– Ну, в общем-то, да. Ведь иного способа у меня не было. На изучение языка могли уйти долгие месяцы – это, если бы мне не пришлось воевать со всем вашим народом из-за непонимания.

– Понимаю тебя. Но, – со вздохом продолжил элива, – значит, у тебя нет души Энола. То, что хранит тот ящик, лишь тень наследника.

– Ты так думаешь, Сибадал? А что такое «душа»? Что есть наше собственное «я»? Как ты понимаешь, что ты – это именно ты? Моя машина записывает не только память, но и способ мышления, эмоции, привычки – все. Все, что мы понимаем под определением «личность». Собственно, правители нашего мира именно так и продлевают свою жизнь. Если ваши лекари восстановят ткани мозга, мы можем попытаться вернуть личность Энола в его тело.

– Но будет ли это Энол?

– Что я тебе могу сказать, почтенный? У нас говорят, если оно выглядит, как утка, ходит, как утка и крякает, как утка, то это – утка.

– Интересная позиция. Хоть я и не знаю, кто такой этот «утка», но мысль я уловил. Мне нужно подумать над этим. Давай вернемся в город, а завтра мы примем решение. Не волнуйся, никто не посмеет тебе причинить зло. Ты найдешь там кров, еду и заботу. Идем, Ал.

*** * ***

Ночь была наполнена комфортом и спокойствием. Пришельца, получившего неожиданную протекцию от Корня Древа, хорошо накормили, приготовили ванную и прекрасную спальню. Пока «дорогой гость» отмокал в теплой воде с ароматными травами, стройная служанка с золотистыми косами унесла его одежду, оставив взамен огромное полотенце, вышитое цветами. Изрядно насладившись купанием и очистив тело различными средствами, в обилии расставленными на полочке, Ал накинул полотенце и прошлепал в спальню, где его ждала роскошная кровать. На смущенно-взволнованный вопрос служанки нужно ли дорогому гостю еще что-то, он ответил отрицательно, заметив в ее глазах промелькнувшие радость и облегчение, после чего накрыл колпаками склянки с магическими светляками и блаженно растянулся на чистой, пахнущей травами простыне.

Утренний свет, пробивающийся сквозь крону дерева, заполз на лицо спящего гекона, и он сразу открыл глаза, но тут же расслабился, вспомнив, где находится. На спинке резного стула лежала выстиранная одежда, вызывая вопрос о том, как могла высохнуть за это время кожа. Магия. Списывать все на нее становилось уже привычным.

На деревянной террасе, увитой каким-то лианоподобным растением с большими цветами разных оттенков, уже был накрыт стол с легким завтраком – на двоих. Ал присел к столу, и почти сразу после этого появился Сибадал, все такой же спокойный и величественный.

– Доброе утро, Сибадал.

– И тебе приятного утра, Ал. Как тебя тут приняли, как спалось?

– О! Благодарю. От такой роскоши я давно отвык. Ванная, чистая одежда, постель, о-о… Я уже успел забыть, что такое нормальная жизнь. Впрочем, думаю, ты хочешь поговорить совсем о другом.

– Ты прав. О другом.

– Так что вы решили?

– Будем пробовать, – глядя вдаль произнес старик, – но это решение совета. Скорее – политическое. Лично я все еще не могу определиться, можно ли вообще делать такое.

– Тогда, отбрось сомнения, и сделай. А дальше – будь, что будет.

– Что ж, тогда давай начнем.

После детального обсуждения решили перевезти тело Энола к разбитому боту, так как Ал настаивал на том, что только там вероятность негативных последствий будет минимальной. Хотя на самом деле его мотивы были совершенно иными: перевозить все оборудование в город элива было слишком рискованно – так можно было и лишиться его. А перетащить весь катер в форпост он не видел никакой возможности. Поэтому Энола, вернее тело Цветка – ибо разум уже давно покинул его – погрузили в специальный фургон, запряженный четверкой канаков и в сопровождении лекарей и целого отряда охраны под командованием воеводы Тодана двинулись к месту падения десантного бота.

Через два дня пути небольшой отряд достиг памятного места на берегу Оалавы. Ал сразу заметил, что кто-то был здесь после его ухода.

– Тодан! Ты посылал людей сюда?

– Это не твое дело, – воевода осекся, увидев грозный взгляд Сибадала, – нет, не посылал я никого!

– Ты или лжешь, или у тебя в лесу хозяйничает противник! Я не верю в последнее. Сколько людей ты послал? И с каким приказом?

– Пятерых, – нехотя ответил воевода.

– Все вернулись? – Тодан попытался промолчать, но взгляд Корня Древа словно ожег его изнутри.

– Нет, – процедил он, – трое.

– Дурак! Тупой ублюдок. Я же говорил тебе, что сюда нельзя подходить. Что это – смерть! Ты не знал этого? Послать бы тебя самого к катеру, посмотреть, как тебе башку оторвет! Сибадал, отправь его назад! Если он еще раз что-то подобное учудит, я его сам придушу.

– Успокойся, Ал, никого душить не нужно. Тодан, ты будешь выполнять все приказания, которые даст тебе Ал, я ясно выразился?

– Повинуюсь, Корень, – сглатывая обиду и багровея от ярости, процедил Опора Листьев.

– Вот и хорошо. Пока отведи воинов и жди меня вон там. Энола тоже пока там держите.

Гекон прошел немного вперед, осмотрелся, и махнул рукой Сибадалу: «иди за мной». Через несколько сотен шагов он резко остановился и выставил ладонь, приказывая замереть.

– Видишь, вон там? Это тело. Видимо, один из тех, кого отправил на убой Тодан. Это граница охранной зоны. Второй, наверное, где-то с другой стороны. Присмотрись, видишь такие

столбики возле катера, то есть возле этой большой железной коробки? Да, вот там, это и есть стражи. Они убьют любого, кто пересечет охранную черту. Нам нужно придумать, как обмануть их.

– А разве ты не можешь приказать им пропустить тебя?

– Не могу. Они подчиняются только… ключу, который был у меня с собой, когда я полез во Врата. Теперь он не работает. И я для стражей тоже враг.

– Что же делать? Неужели мы зря шли сюда?

– Нет. Сейчас что-то придумаем. Не впервой. Только вот ломать их не хочется. Они еще могут сослужить нам добрую службу. Погоди, надо подумать.

Старый элива терпеливо молчал, пока Ал вглядывался вдаль, отбегал к кустам, взбирался на пригорок, затем снова менял позицию и что-то оценивал.

– Так, смотри, Сибадал, что я придумал. Скажи, а может ваш лучник пустить стрелу с привязанным к ней шнуром так, чтоб забросить этот шнур вот отсюда до во-он того края катера, так, чтоб шнур лег за крайним стражем?

– Думаю, сможет. А зачем?

– А вот зачем: привяжем к веревке какой-то куст, оббежим со вторым концом шнура по кругу на ту сторону – шнур мы брали длинный – а второй шнур со стрелой закинем за стража с этой стороны, и стрелу возьмем с крюком. Значит: один боец будет тянуть куст по краю охранной зоны, тогда стражи отвлекутся на него и повернутся в противоположную от нас сторону, а второй подцепит стража, и начнет его заваливать вниз, пока тот не видит нас. Тогда я рвану к дверям с этого угла, и, надеюсь, успею добежать. Даже если меня заденет, я успею вырубить второго стража. Вот такой план.

– Ага, значит, план – отвлечь, а затем повалить стражей?

– Ну да! Надо, чтоб они повалились на спину, то есть в сторону, противоположную от того направления, куда смотрят. Чтоб они видели небо – тогда они отключатся.

– Ага, а ты побежишь?

– Ну да!

– А вот так не проще? – древний маг ударил посохом, тихо бормоча себе под нос скороговорку заклинания. Внезапно прямо из-под земли вылетели длинные побеги, которые стремительно обросли листвой, формируя фигуру, похожую на человека. Все стражи мгновенно развернулись к новой цели, и в этот момент у их основания вздыбилась земля, и прочные цепкие корни оплели их, заваливая «на спину», и крепко связали, не давая боевым головкам возможности даже шевельнуться. Охранные приборы заверещали, сигнализируя о непреодолимой ошибке, и вскоре отключились.

– Да… – потрясенно протянул Ал, – так действительно проще.

Он покосился на посох, слегка мерцающий голубоватым светом, и, с опаской глядя на поваленных стражей, направился к самодельным дверям своего бывшего катера – теперь уже просто склада. Стражи молчали и лежали бездвижно. Замок на двери принял код и открыл темный трюм. Все было на месте и совершенно не тронуто. В полумраке темнели контейнеры с оборудованием, и поблескивал шлем его боевой брони. Ал достал запасной транспондер, обрезал лианы и включил перезагрузку одного из стражей. Программа успешно запустилась, и головка устройства зашарила в поисках цели, остановившись на седом элива, совершенно невозмутимо стоящем на том же месте.

Транспондер пискнул, и страж погрузился в спячку.

– Все, можешь подходить!

Сибадал неспеша подошел, переставляя свой посох, словно он был нужен для опоры, и с интересом заглянул внутрь.

– О! – не удержался маг, – такого мне еще не доводилось видеть… А что это за ужасные железные воины?

– Это не воины. Это костюмы. Броня, вроде той, что носят ваши солдаты, но эта защищает все тело – от макушки до пят. А еще дает дополнительные силы, усиливает зрение и слух, а так же позволяет дышать под водой или даже в… там, где нет воздуха.

– Хм… интересно. А это что?

– Я все тебе покажу и расскажу, почтенный, только давай сначала подготовим все для того дела, ради которого мы сюда прибыли. Но перед этим мне придется переодеться. Так что отвернись, если смущаешься.

Спустя немного времени, из разбитого катера послышались гулкие удары, и в проеме на корме показалась огромная, сияющая металлом фигура. Увидев ее, воины-элива сначала оторопели, а затем дружно натянули луки – все же выучка у них была хороша. Первая стрела уже готова была сорваться в полет, когда рядом с железным чудовищем показался старый маг, и воины изумились во второй раз. Ал откинул передний щиток и всласть посмеялся, чем вызвал новую вспышку злости на лице воеводы.

– Эй, Тодан, тащи людей и фургон сюда, будем готовить место.

Возле останков бота закипела работа. На сохранившиеся жерди накинули тент, затащили под него оборудование, перенесли ложе с телом Энола. Ал приказал завесить полотном стенки получившегося шатра и расставил охрану вокруг так, чтобы никто не мог видеть, что он делает. К таинству возрождения наследника правящего рода он допустил лишь Сибадала, из-за чего Тодан в очередной раз побагровел и теперь ходил вдалеке, срывая раздражение на подчиненных.

– Я страшусь и волнуюсь, – прошептал маг, – мне одновременно хочется, чтобы ты начал, и жутко от того, что твоя магия может оказаться чем-то, схожим на грязное колдовство холин. Я боюсь увидеть чудовище, демона в умирающем теле моего правнука.

– Успокойся, Сибадал. Мы же решили. Отступать нельзя.

– Тогда… Начинай творить свои заклинания.

– Думаю, тебе предстоит снова удивиться, – Ал подключил всю систему, как когда-то планировал, проверил, и вставил в приемник «ловца душ» кристалл с записью полковника, – заклинаний ты не услышишь.

«Что, ж, – пробормотал он себе под нос на родном языке, – вот сейчас и проверим, сработает ли план полковника». Затем надел на голову нейрогарнитуру, и быстро стал просматривать сведения о переносе личности в тело. Все выглядело не так уж и сложно. В памяти устройства была прошита базовая программа – следовало лишь немного ее подкорректировать в соответствии с параметрами объекта и его нового тела. Когда гарнитура была снята, маг успел лишь поменять позу.

– Это все?

– Нет, я сейчас только смотрел, как это делать.

– А ты делал это раньше?

– Нет, конечно. Я же говорил тебе: я не демон и не маг, а это – просто машина. И я сам только учусь ею пользоваться.

– Ох… помоги нам Священный Лес…

– Ничего, Сибадал, все получится. Присядь вон в то кресло – я пока подготовлю тут кое-что.

Игла заборника воткнулась в основание черепа бессознательного тела Энола. По экрану генного модулятора побежали сводные данные.

– Да! Получается! Работает! Работает, Сибадал! Понимаешь!

– Нет, я не понимаю. Но вижу, что у тебя что-то получилось. И начинаю верить, что у нас все выйдет.

– Выйдет, старина! Теперь точно выйдет!

– А что ты воткнул ему в голову?

– Ну, он же не такой, как я или люди моего мира, я беру пробы ээ, как сказать… а! – крови, чтобы уточнить свойства тела Энола. Машина, которая возвратит ему память, должна получить эти данные, иначе могут быть очень плохие последствия. Ну вот, почти. Это очень умная машина, она почти все делает сама. И ты не представляешь, как я сейчас рад! Видишь, она слушается меня! Значит, мы сможем очень многое! Вот. Смотри: она обрабатывает информацию. Подождем немного… – старик аж подался вперед, пытаясь проникнуть в смысл знаков, появляющихся и исчезающих на странной пластине. Да, такой магии он еще не видел за всю свою долгую жизнь.

– Ну вот. Готово. А теперь, делаем так, – гекон отключил соединение с «коробкой боли», и заменил кристалл в «ловце», – ну, пожелай мне удачи, почтенный.

– Удачи тебе! Нам всем удачи.

Ал вошел в интерфейс и быстро запрограммировал «ловца» на загрузку личности в тело элива. Бортовой вычислитель, кажется, вполне справлялся с расчетом корректировок. Так, еще раз все проверить, ага, и тут еще, ну все – осталось запустить программу, и молить всех богов об успехе.

Нейрогарнитура плотно обхватила голову безвольного Цветка Древа. На панели ловца загорелся индикатор запуска программы. Больше ничего сделать было нельзя. Ал проверил ремни, стягивающие руки и ноги Энола, и окликнул старца:

– Идем, Сибадал, теперь осталось лишь надеяться. Если у тебя есть какие-нибудь молитвы, то молись. Выставляй охрану и будем ждать. Это надолго. Если хочешь, можем сварить уху. Умеешь рыбу ловить?

Большая блестящая рыбина подплыла к берегу и уткнулась носом в берег.

– Вот. Я поймал тебе рыбу, Ал, – с улыбкой произнес маг.

– Нууу, как-то это неспортивно

– Как?

– Ну – нечестно, неправильно.

– Почему неправильно? Хорошая рыба. Я проверил – она уже готова к новому витку Круга Жизни, и может отдать нам свою силу.

– А, – махнул рукой гекон, – я не про то. Ну да ладно. А почиститься она сама может?

– Ну нет! Это обязанность жителя Леса – отправить ее в новый круг по всем правилам. Можем позвать кого-то из охраны, и они сделают.

– О, а вот это правильно. И пусть костер разведут. Я пойду поищу у себя… там у меня кастрюля есть. Сам сделал. Маловата на всех, конечно, но понемногу…

– У Тодана в повозке наверняка есть все нужное. Я распоряжусь.

– Хм, а командовать приятно! Пусть делают все приготовления, а я займусь творчеством. Тут у вас на лугу росли чудесные травы. Пойду соберу.

Ал с удовольствием бродил по поляне, все такой же прекрасной и живописной, как и в тот день, когда он увидел ее впервые. Он срывал листики, нюхал, задумчиво жевал, или выдирал растения с корнем, если ему казалось, что самая вкусная и ароматная часть спрятана под землей.

– Возьми во-он тот цветок, – посоветовал подошедший к нему старик.

– А что в нем такого? Вроде бы не пахнет.

– А ты аккуратно выкопай, посмотри, что там в земле.

– Ого! Большие какие, – на корне висели приличного размера клубни.

– Это тамир. Его не подают в знатных домах элива: считается, что это не приличествует положению. Но простые элива находят его очень вкусным после варки. А холин вообще разводят у себя на полях.

– Хм, надо попробовать. Эй, боец, а ну иди сюда! Бери эту штуку и хорошенько промой.
– Вакан, ты же знаешь, что с этим делать? – перебил Ала Сибадал.
– Да, почтенный Корень, знаю. У нас дома часто едят тамир.
– Ну вот, сделай все, как надо.
– Хм, ну посмотрим. А что еще можешь порекомендовать?
– Идем, здесь есть чем поживиться ценителю. Я покажу тебе.

Неспешно переходя от одного растения к другому, пока солдаты чистили рыбу и корнеплоды, готовили костер и ставили треногу с большим котлом, Ал и Сибадал дошли до глубокой рытвины – началу рва длиной около полукилометра, отмечающего падение десантного бота. В самом глубоком месте земля была вырвана почти в рост элива и разбросана высоким валом вдоль всего следа катастрофы.

– Какая ужасная рана в теле Леса, – вздохнул Сибадал.
– Ну, прости, я не по своей воле.
– Я не виню тебя. Но думаю о могуществе сил, которые подчиняются вам, людям из иного мира. Страшное могущество. И те невероятные магические коробки… Я не понимаю этого. Но все это кажется мне очень опасным.
– Что есть, то есть. Наш мир далек от идеала. И жестокости в нем – хоть отбавляй.
– Ну-ка, отойди подальше. Попробую я исправить то, что ты тут накопал. Эх, непросто это, даже для моего уровня. А раньше, говорят, мои предки сделали бы это мимоходом. Ну, смотри.

Сибадал поднял засиявший посох, и стал вычерчивать им светящиеся знаки в воздухе, при этом нараспев произнося длинное заклинание. Почва задрожала. Из стенок рытвины стали выползать корни растений, они шевелились, как миллионы щупалец, вибрировали, толкая частички земли и камни. Черные валы будто оплавлялись и потекли вниз, заполняя ров. Затем из чистой полосы грунта выстрелили вверх зеленые иглы ростков, которые тут же оперились крохотными листьями и потянулись к небу. Через несколько минут восхищенный Ал смотрел на ровную поляну, укрытую зеленью, и лишь необычайно яркий цвет свежих растений еще выдавал линию бывшего шрама.

– Да… Умеешь ты впечатлить! Вот это магия!
– Ох. Знал бы ты, как тяжело мне это далось. Не хватает сил…
– Обопрись на меня. Идем, отдохнешь у костра.

Костер освещал довольные лица воинов. На поляне снова царила волшебная ночь, озаряемая танцующими светляками. Элива нахваливали рыбную похлебку, которую приготовил гекон, и все расспрашивали, как ему удалось приготовить такую вкуснотищу. Многие уже взяли себе добавки. Охрана на страже шатра грустно завидовала остальным. Лекари, севшие отдельно, и сначала вежливо отказавшиеся от угощения, теперь присоединились к солдатам и похвалам, с удовольствием уплетая варево из медных тарелок – Тодан знал толк в удобстве, и хорошо организовал экспедицию. Сам он сидел в походном кресле рядом с Сибадалом. Алу кресла не взяли, но его только смешил этот укол воеводы. Скрестив ноги в позе бабочки, которую тщетно пытались повторить воины, он наслаждался ужином и покоем. Атмосфера становилась весьма дружественной и располагала к шуткам и байкам. Даже высокомерная и раздраженная физиономия воеводы не портила настроение. Лишь старый маг время от времени бросал на плотно закрытый шатер взволнованный взгляд. Один из лекарей подошел за добавкой и вдруг замер, выронив тарелку из рук: поляну огласил дикий вопль из под навеса.

– Проклятый торок! Что ты со мной сделал! Отпусти меня, или, клянусь лесом, тебе не поздоровится!!!!

Элива толпой бросились к шатру, и лишь окрик Сибадала заставил всех остановиться. Тогда трое лекарей во главе с великим магом, сдерживая нетерпение, но стараясь изобразить спокойствие на лицах, торжественно вошли в шатер. Охранник откинул занавесь и осветил внутреннее пространство факелом. Энол дергался всем телом, пытаясь освободиться из кожаных захватов, прочно прижимающих его к обитому мягкой подкладкой постаменту. Увидев целую делегацию уважаемых соплеменников, он удивленно замер, а когда в шатер величественно вошел Корень Древа с посохом, мерцающим магическим светом, его глаза просто полезли из орбит. Затем, осознав, что факел держит воин в доспехах цветов его дяди, пленник радостно завопил:

– Вы здесь! Вы пришли за мной! Как вы узнали? А где эта тварь? Вы его убили?

– Да тут я, тут, – послышался насмешливый голос из-за полога, и в круг света вступил страшный «торок». Энол в недоумении переводил взгляд с одного лица на другое.

В проеме появился Тодан, и глаза Цветка озарились надеждой и радостью.

– Дядя! Помоги! Что тут происходит? Что со мной? Ты пришел спасти меня?

Тодан угрюмо молчал, исподлобья глядя на Сибадала и стараясь не встречаться взглядом с наследником.

– Не тревожься, Энол, – наконец ласково заговорил маг, – ты сильно заболел, и мы здесь для того, чтобы помочь тебе. Сейчас лекари обследуют тебя, и мы снимем с тебя эти путы.

– Я не болел! Меня пленил вон тот наглый торок! А кто ты, почтенный?

– Я твой прадед, Энол. Да, ты не видел меня ни разу, но, уверен, слышал обо мне. Я – Сибадал Элава, Корень Древа.

– О! – только и смог выдавить из себя Энол, – почтенный Корень, почему ты говоришь, что я болен? Я не болел! Сегодня утром этот торок захватил меня и моих следопытов. Кстати, посмотрите в том огромном железном доме, там привязаны Надар и Илата, их нужно освободить! Они все подтвердят.

– Мы уже освободили их. Они все нам рассказали. Ты не волнуйся. Вот, возьми лучше росток каниса.

Молодой наследник с недоумением посмотрел на старого мага:

– Не понимаю. Что вы делаете? Я же не на экзамене! Какой канис? Я привязан! И тут торок! А вам нужен этот проклятый канис! Что вам от меня надо? Цветок пробудить? Вот вам, подавитесь! – в ладони элива побег каниса выпустил почку, которая тут же лопнула, распустившись прекрасным голубым пятиугольником правильной формы.

– Чудесно, – улыбнулся Сибадал, – кажется, мы можем его развязывать. Осмотрите Цветка, – приказал он лекарям, – накормите и постарайтесь успокоить. Завтра я сам ему все расскажу. Ал, похоже, мы все в долгу у тебя.

* * *

Следующие три дня были наполнены суетой лекарей и охраны вокруг молодого наследника. Историю, рассказанную Сибадалом, Цветок отказался воспринимать напрочь, и все твердил, что странный торок зачаровал всех вокруг, и он не собирается слушать всю эту чушь. Его пыл и возмущение несколько уменьшились, когда он услышал предложение пощупать собственную голову, где на макушке волосы едва только начали расти, а кожа опасно прогибалась под пальцами в тех точках, где кость еще только начала твердеть на месте ужасных дыр. Тем не менее, он не прекращал ворчать, жаловался на то, что его излишне опекают и заставляют ехать на повозке под охраной, проклинал злобного торока, требовал прекратить прятать Надара и Илату. Эта версия Энола не получала по зубам от Ала, не прошла через лес к вратам в одной команде с геконом, так что, это был все тот же высокомерный и прихотливый наследник королевских кровей.

Гекон шел в самом хвосте обоза, погруженный в свои мысли. Даже Сибадал оставил его. Все эти дни старик неотступно следовал за повозкой, внимательно следил за каждым движением и каждым словом своего пациента, с напряжением ожидая подвоха, проявления неистинности Цветка, и в то же время, надеясь, что этого никогда не произойдет. Впереди Энола ждала наследная должность воеводы, командующего, а затем и он должен был стать опорой всех элива в Священном Лесу. Перед Алом же была неизвестность. На спине в этот раз висела автоматическая винтовка, пояс оттягивал бластер полковника, в котомке, которую он вытребовал у Тодана, лежали обоймы, пара гранат и некоторые железяки, которые нашлись среди оборудования. Самым полезным, на его взгляд, был небольшой тактический визор, который покойный сержант носил на поясе, так что в очередной раз пришлось поблагодарить его безалаберное отношение к Уставу. Ала все время беспокоила мысль о том, что кто-то может забраться в катер. После увиденной мощи магии доверять только стражам он уже не мог, и потому два из шести охранных пулеметов он поставил внутри, прямо напротив двери, а оставшиеся четыре приварил к корпусу по углам снаружи. Тем не менее, этого показалось ему недостаточно, и он спрятал в траве у входа несколько растяжек. Тодан в это время опекал наследника, который пожелал сразу же подальше убраться подальше от катера, а Сибадал, хоть и заметил его манипуляции со сваркой и ползанье в траве, ничего не сказал. Ну и на том спасибо. «Что имеем в активе? Рабочую связку между «коробкой боли» и «ловцом душ». Что в пассиве? Полное отсутствие цели». Всю жизнь ему приказывали, и он не думал о будущем. Потом, после падения, события закрутились так стремительно, что ничего планировать и не пришлось. Узнав про Врата, он просто пошел туда в надежде попасть в более понятный мир, это и было планом. Теперь планов не было вообще. Нет, в крайнем случае, можно отправиться с Виголом. Умма тоже пошли по пути развития технологий, и вполне возможно, что там можно неплохо устроиться с его знаниями. Вот только есть проблемка: перетащить туда оборудование не представляется возможным, значит, срок его жизни там ограничен одиннадцатью оставшимися зарядками. А если перетащить, сможет ли он его там уберечь? Тяжелые пулеметы показались ему весьма убедительными. А победить всю планету мог рассчитывать только полный кретин. Да и зачем ему новая война? Сходить же туда просто, чтоб глянуть и вернуться, так с этой стороны уже могут ждать. Чем тогда отбиваться? В общем, к Вратам лучше больше не ходить. Во всяком случае – к этим. Но вот к другим, наверное, придется. Да, открытие, что врат на планете много, впечатляло. Обещания нужно выполнять. Значит, нужно еще найти Сута, который, скорее всего, прибудет в Тимлав, и потом отвести его к тем Вратам, через которые его притащили сюда тороки. А еще есть Вигол. Ему, вроде как, Ал тоже обещал помочь. Говорил же перед отъездом, что проведет до дома. Ну, тогда на ближайшее время снова появляется цель. Жить в этом мире можно. В лесу есть дичь, и вряд ли кто-то захочет ссориться с ним из-за того, что он возьмет немного себе для пропитания. Вот что делать с Сутом – это непонятно. Ящер сказал, что те врата далеко на юге, но не стал уточнять, где это. Ладно, пойдем, там и узнаем. Пока можно просто путешествовать, и наслаждаться жизнью. А подстрелить или захватить себя он больше не даст.

Впереди замаячила знакомая роща гигантских деревьев, в кронах которых скрывались дома элива. Издалека было видно, как наполнен Тимлав суетой и гомоном. Конечно, ведь Сибадал или Тодан наверняка сразу же отправили весть о выздоровлении наследника через духов леса – элонка. Так что неудивительно, что в городке кипели приготовления к его встрече. Подходя к дозорным деревьям, Ал вглядывался в просветы между волнами зелени, в надежде увидеть обоз, с которым пришли его друзья. Кажется, вон там, на окраине виден фургон черного мага. «А площадь-то заполняется встречающими. Вон и царственный Ствол с сыном, ага, солдат нагнали целый полк. Что это они? Собираются теперь охранять Энола такой армией?» Тодан на головном канаке уже въезжал на центральную поляну, рядом с ним ехал Энол. Отец

и дед спешили к нему, протянув руки. Нужно было придумать, как в намечающемся празднестве найти своих друзей и добыть припасов в поход. Этих элива не поймешь: он, конечно, вернул им наследника, но с такими тараканами в их головах не исключено, что его же и сделают виноватым в пропаже Цветка. Так что, нужно еще больше отстать, и затеряться в толпе позже. Хотя, как тут затеряешься с такой-то мордой? Да, как бы пробраться в тот дом, где он ночевал? Может, служанка снова постирает и накормит?

– Ааал… ссюта! Ити ко мне! – из кустов у дороги послышалось знакомое шипение.

Гекон резко остановился и зашарил взглядом по сторонам. «Да, совсем расслабился, не засек Сута», – раздраженно подумал он. Маленький пришелец выглядывал из кустов и манил его тонкой рукой.

– Ты чего, дружище? Они что, нехорошо приняли вас? Да я сейчас…

– Плоххо, Ал. Польшая петта… Ф этот мир итетт смеерть.

Глава 7

– Зачем ты позвал нас, отец? – Ствол Древа восседал на троне в доме воеводы, рядом с ним нетерпеливо ерзал в кресле его сын. – Какая необходимость заставила тебя прервать наш праздник? И зачем ты привел с собой этого… чужеземца. А это кто такой? – воскликнул Алаола, увидев Сута, выступившего из-за спины мага.

– Не время веселиться, Опора Ветвей!

Официальный тон заставил раздраженного правителя выпрямиться в кресле, Элаф также напрягся, вцепившись в подлокотники

– Эти почтенные гости мои друзья, – бесстрастно продолжил Корень, – и прошу не забывать о том, что сэр Ал сделал для нас, для всех элива, – Алаола кисло поморщился, – а это Сут, прошу с уважением отнестись к нему.

– Ты ради почестей этим чужеземцам оторвал нас от пира?

– Молчи! И слушай, когда я с тобой разговариваю! – тяжелый посох ударил в пол, так, что из щелей в дощатом настиле взвились столбики пыли. – Вы разложились за время моего отсутствия! Не таким я передавал тебе Священный Лес! Чего ты добился за тысячу лет? Лишь год от года теряешь земли. Степь пожирает наши окраины, элива теряют дома, нас содержат холин за продление жизни их вельмож. А вы лишь устраиваете пиры и увеселения! Ты, Элаф, чего добился ты? Где наша армия? Во что она превратилась? Мы уже боимся выходить в Дикие Земли без сотни воинов! Тороки безраздельно правят на юге, вы даже с эриса не можете справиться, хоть я и не разделяю стремления их уничтожить, ведь благодаря вашему правлению в их ряды попадают все бедные элива, которых вы оставили без дома и леса! И даже теперь, когда я – Корень Древа – прошу твоей аудиенции, ты думаешь лишь о дорогих яствах и вине, не из наших погребов, кстати! А между тем вашему веселью скоро придет конец! Всем нам придет конец! Всему Индерону!

– Прости, отец, но я не понимаю…

– Молчи! Я и не удивлен, что не понимаешь, – все еще раздраженно, но, уже возвращая свое самообладание, произнес Сибадал. – Вот этот чужестранец, мой новый друг, показал мне то, что поселило ужас в моем сердце. Нашего гостя зовут Сут, и он тоже обладает магией. Особенной магией. Он наделен даром истинного видения. Сосредоточьтесь, вам нужно включить свои мозги наконец-то, ибо нам предстоит решить, что делать. Если мы не найдем решения, нас всех ждет смерть!

Потрясенные правители переводили взгляд с одного гостя на другого.

– Что мы должны делать?

– Наденьте свои шлемы – сейчас вам понадобятся все силы. Мы сделаем Круг Слияния, и Сут покажет вам то, что мы уже увидели. Откройте свое сознание и призовите всю магию, какой обладаете, если не хотите, чтобы наш друг поджарил ваши мозги.

Сибадал прошептал заклинание и поставил в центре комнаты свой посох, который остался стоять вертикально, словно его воткнули. Из коряжистого навершия полилось сияние и образовало сферу, переливающуюся, словно огромный мыльный пузырь. Маг вошел в нее, стал лицом к посоху и вытянул руки в стороны, приглашая присоединиться. Все последовали его немому приказу. Сут вложил свою четырехпалую ладонь в правую руку старейшины, Ал стал слева, правители элива, слегка поколебавшись, тоже протянули руки и замкнули круг.

– Приготовьтесь, – взволнованно прошептал Сибадал. – Ну, Сут, начинай.

Навершие посоха засияло ослепительным белым светом, и вся пятерка оказалась в уже знакомой Алу белой полусфере, хотя теперь они уже не стояли, взявшись за руки, а сидели в удобных креслах напротив хозяина этого места.

– Приветствую вас, друзья. Сейчас вы находитесь в моем сознании. Несколько дней назад я почувствовал изменение в инфосфере этого мира. И стал наблюдать, расширяя круг внимания. Смотрите, что я увидел.

Мир замерцал и изменился: Ал снова парил над Дикими землями, лишь каким-то особым чувством улавливая присутствие остальных, которые не были видны в этой картине. Видимо, и они ощущали то же самое. Земля приближалась, тонкая ниточка выросла в дорогу, и перед глазами зрителей раскинулась картина, которую гекон сразу же узнал: огромная яма на дороге с гниющими останками рукатов и тороков, остатки земляного вала, вытоптанная и смятая трава вокруг дороги. И много живых тороков, в ярости потрясающих дубинами и топорами.

– Я отследил их путь, – зазвучал в пустоте голос Сута, – это отряд Тазгыра, сына Наргара. Они вышли из восточных Врат четыре дня назад и двинулись к дороге через Дикие Земли, видимо, чтобы поживиться. Думаю, их привлекла стая падальщиков, которые кружили над местом битвы. Как видите, Тазгыр нашел тело своего отца и его воинов. Почти семь десятков тороков убиты, многие имеют раны от эливийских стрел. Молодой вождь решил, что армия элива нарушила перемирие, и двинулась в наступление.

– Вот! Я говорил, – услышали все голос Алаолы, – этот чужак принес нам лишь беды!

– Молчи, и смотри дальше, – прошептал на удивление спокойный голос Корня.

– Да. Смотрите дальше, – снова Сут, – не стоит делать выводов раньше времени. Скоро вы поймете, что Ал сослужил вам хорошую службу, и если бы не он… В очередной раз, между прочим.

События резко ускорились, словно в головиде на прокрутке, и тороки помчались к перевалу.

– Видите, они поскакали к Голодной пасти. Очень быстро помчались. Бросив добычу, и убив своих рабов. Куда же они так спешат? Я стал смотреть дальше, и еще дальше…

Горы под ногами уплыли, перейдя в такую же степь, а затем в полупустыню. Вдруг в поле зрения вплыло огромное шевелящееся море: несметная толпа тороков – с повозками, женщинами, детьми, рабами – пылила по сухой потрескавшейся равнине.

– Это орда Роррага, – пояснил Сут. – Вы, конечно же, знаете о нем, но вряд ли кто-то из вас мог его видеть раньше. Думаю, вы и не представляли, какая огромная орда у него. Рорраг призвал все кланы. И они движутся на север.

– Значит, ваш сэр Ал виновен в этом!

– Не торопись, Великий воевода, смотри – тороки движутся давно, они ничего не знают об Але, как не знают и того, что погибли Наргар, Уварр и Кхур-Дар. Нет, Ал тут ни при чем. Зато, благодаря ему торокский отряд появился снова на месте нашей битвы и привлек мое внимание. И именно благодаря этому я увидел движение этой орды. Хочу так же заметить, что они движутся пока просто на север, и может быть их цель не Священный Лес, а земли вардов.

Завоевав горный народ, они смогут двигаться дальше: покорить холин, и зайти в тыл армии Священного Леса. А вы даже не узнали бы об этом до тех пор, пока эта толпа не начала бы вас вырезать.

– Скажи, Алаола. Или ты Элаф, – спросил Сибадал, – давно ли вы засылали разведчиков в степи за перевалом? А к вардам? Думаю, вы не имеете в тех землях ни одного шпиона.

– Нам это не было нужно! Мы триста лет ни с кем не воюем! Наши соседи соблюдают мир!

– Разложение. Упадок. Вот об этом я и говорю.

– Стой, отец, я вижу, что орда велика, но большая часть этой толпы – дети, ска, гоба и рабы! Сколько тут воинов?

– Орда примерно в полмиллиона. А воинов около восьмидесяти тысяч. Но присмотритесь, видите, вот тут отдельный поток? Это – черные холин, примкнувшие к торокам. Их много: около шести тысяч, и не менее полутысячи из них – черные маги. Сильные маги.

– Да, это большая армия. И маги холин тоже проблема. Но это не конец света! Мы уже предупреждены и сможем собрать большую армию! Мы обратимся к вардам. Вместе мы сможем выставить двести, а то и триста тысяч воинов!

– Да, ты прав, Опора Цветов, однако, приготовься к тому, что увидишь сейчас.

Земля снова отдалилась и поплыла под ногами. Видишь, как мала теперь эта орда с такой высоты? Я решил узнать, откуда же идут тороки. Смотри, что они оставляют за собой. Потянулись бесконечные мертвые пейзажи: лишь голая степь и остатки сожженных лесов – кое-где виднелись черные пепелища городов и деревень.

– Кто здесь жил? Никогда не думал, что тут могут быть жилища.

– Да, ты многого не знал, Алаола, мы очень далеко на юге, вернее, на юго-западе нашего материка, за землями, которые тороки считали своими. Видишь эти развалины на побережье? Это холин. Холин откололись от своего племени, переплыли моря, и основали тут новые поселения. Но теперь и они разрушены и сожжены. Тороки опустошили эту землю, забрали или уничтожили все, до чего могли дотянуться. Они умеют только разрушать и грабить. И они сожрали все, подобно саранче. Однако посмотри их путь дальше, – земля быстро прокрутилась на восток, – видишь? Это земли тороков. Тут были их владения. Рабы обрабатывали для них землю, выращивали скот. Тороки охотились на рабов в землях холин или в степи, иногда ловили вардов, но основную массу добычи приносили им походы во врата. Пока я был у Кхур-Дара, я слышал, как тот говорил, что добыча из врат совсем иссякла. Видимо, тороки убили все живое и там. Их поля стали хиреть. Реки исчезают, леса вымирают, степи превратились в пустыню. Чтобы прокормиться, Рорраг начал свой поход на запад, разорил поселения холин, и теперь ему не остается ничего, кроме как искать поживу на севере. Все это началось давно, и его нападение на вас было лишь вопросом времени.

– Все равно! Мы сможем одолеть их! Их только восемьдесят тысяч! Ну, еще маги.

– Что ты знаешь о своем мире, Элаф?

– Все, что мне нужно!

– Да? Тогда посмотри сюда.

Земля стала вращаться быстрее, приблизилось побережье. Граница между сушей и морем бежала танцующими изломами перед глазами, и вдруг с другой стороны тоже показалась водная гладь. Полоска суши стремительно уменьшалась, превратившись в узкий перешеек.

– Тороки идут на север. Почему не на юг, Великий воевода? Почему, Опора Ветвей? – элива промолчали, – Смотрите же!

Панорама рывком передвинулась, и зрители перестали дышать от изумления: на огромной равнине шевелилась гигантская масса. Орда Роррага была лишь каплей, в сравнении с этим живым потоком.

– Что это? – потрясенно прошептал Элаф.

– Это тгар-ха – первородные тороки. И все они идут сюда!

* * *

– Духи леса! – прошептал Алаола, снимая шлем с гудящей от боли головы, – я не могу поверить, что это правда! Откуда ты это знаешь? Может, это какой-то трюк? Ты обманул нас своей магией, хитрый ящер!

– Прекрати, сын! Это правда! И ты сам понимаешь, что это правда! Вот уже больше ста лет я чувствую, как над Индероном сгущается тьма. Все мои попытки проникнуть за завесу этой тьмы, увидеть угрозу не приносили плодов. Но теперь я вижу, что мои предчувствия не обманывали. Смерть совсем рядом.

– Но как? Как это все получилось, откуда?

– Вы многое не знали о своем мире, Алаола, – ответил Ал, – позволь мне говорить за Сута – ему очень тяжело общаться словами. Вы, элива, уже тысячи лет боялись сунуться за хребет Кадагара, да что там, вы даже в Дикие Земли не вылезаете. Покажи мне хоть одну вашу карту, которая бы отображала хоть что-то южнее торокских степей! Неудивительно, что вы не знали, что ваш материк соединяется перешейком с другим. Сут говорит, что это тот самый материк, с которого тороки стали расползаться по всему Индерону. А тгар-ха – изначальные, – которых вы видели, это родоначальники всех тороков, от которых когда-то очень давно откололись и те варвары, дружелюбие которых вы хорошо узнали на собственной шкуре. Не знаю, откуда Сут черпает эти сведения – он отказывается мне пояснять – но я ему верю. Так вот, по его словам, эти «изначальные тороки» жили там тысячелетиями, но и на этом континенте начались непоправимые изменения. Так же, как и тут, добыча их уменьшалась, а рабы уже не справлялись с пополнением запасов, и гигантская орда двинулась в новые земли, на север, то есть – к нам. Именно потому Рорраг не пошел на юг. Изначальных, я так понимаю, он боится, и его спасение в добыче на севере. А вот сами изначальные не боятся ничего, они просто идут за едой. Проблема в том, что там, куда они идут, все уже разрушено ордой Роррага, значит, тгар-ха ускорятся, чтобы поскорее добраться туда, где еще есть чем поживиться.

– Сколько же их?

– Сут говорит, не меньше трехсот миллионов, а может и пятисот.

Повелитель Леса молчал, потрясенно переваривая услышанное.

– Как такая толпа может двигаться?

– Они гонят перед собой стада ранрагов – эти животные поедают любую траву, быстро размножаются и растут. А тороки едят их. Когда травы не станет, будут есть рабов – они вообще съедают всю живность на пути, не брезгуя и растениями. Потом, вероятно, они начнут пожирать своих слабых и больных. Возможно – детей, чтобы дотянуть до мест, богатых добычей. Вы же знаете, как плодовиты и похотливы их ска. Да и сами они растут очень быстро. Когда появится пища, они быстро пополнят свою численность. Сут грубо рассчитал, что такими темпами они доберутся до наших земель примерно за четыре года. Максимум – пять. При этом их все еще будет не меньше пятидесяти, а то и семидесяти миллионов. Пятьдесят миллионов прожорливых безжалостных убийц! Они прокатятся по этой земле, как ядовитая волна и уничтожат все вокруг. Вообще все. Думаю, даже травы не останется после них!

– Неужели, это конец? – Алаола упал в свое царское кресло и безвольно свесил руки.

– Не знаю, как ты, Ствол, а я буду драться! Я только жить начал! – рявкнул Ал.

– Чем драться? Ты видел, сколько их?

– Нам не нужно драться со всеми! Прекрати истерику и возьми себя в руки! Я научен решать задачи по одной. И советую тебе научиться тому же!

– Сэр Ал говорит дело, – поддержал гекона Сибадал, – послушай его, сын. И ты Элаф, прислушайся. Этот чужеземец искусен в войне и убийствах. И наше счастье, что само прови-

дение прислало его нам в этот час. Видимо, Бог Индерона не забыл о нас и дает нам еще один шанс.

– Ох, отец, хватит этих сказок про Бога Индерона. Это только истории! Мифы!

– Хорошо, оставим эту тему, послушаем, что скажет Ал.

– Ну, тогда давайте-ка, тащите карты всех окрестных земель, лучшие, какие есть; прикажите поставить тут большой стол и, да, пусть еще принесут что-то поесть и выпить – нам предстоит большое дело. Устроим мозговой штурм.

* * *

– Ну что, подытожим все, что мы тут наговорили, – произнес Ал, потирая уставшие глаза. – Наша первая проблема – Рорраг. Как только Тазгыр доберется до его войска – а это произойдет примерно через две недели, то есть двадцать дней – Рорраг получит информацию о событиях в Диких Землях. И куда он после этого пойдет? Думаю, что изначально он шел к перевалу в хребте Кадагара – к вардским горам идти далеко. И хоть проход через Большой Разлом шире и удобнее, и орде там легче пройти, чем через Голодную Пасть, но, как я уже говорил, Рорраг сейчас к ней ближе. А еще тут можно пройти незаметно. Кроме того, по вашим словам, тороки беспокоили вардов на протяжении всех последних столетий, и, в отличие от элива, горные жители не имели трех сотен лет мира. Значит, Рорраг должен понимать, что потери при прорыве через Большой Разлом будут немалыми. И потому остается один путь – Голодная Пасть. Однако, вскоре к нему заявится Тазгыр с новостью. Что изменит его донесение? Думаю, Рорраг захочет устроить разведку боем. Следует ожидать, что он выделит авангард из нескольких сотен – а может и тысяч – воинов и пошлет их вперед налегке, чтобы те разведали опасности, заняли перевал и обеспечили переход всей орде. Согласны? – Ал окинул взглядом своих союзников (все кивнули), – тогда немного отвлечемся. Как вы думаете, варды помогут нам?

– Сложный вопрос, – пожал плечами Элаф, – мы почти не имеем с ними дел.

– Да, мой сын прав: последние несколько столетий наши контакты с вардами сильно поубавились. В общем-то, мы лишь время от времени отправляем к ним послов, по случаю каких-то торжеств, как и они к нам, ну и немного торгуем. Они всегда были настроены по отношению к нам настороженно. Наша магия недоступна им, и они завидуют…

– А! Старая сказка, – Сибадал мотнул седой головой, – мы никак не хотим признать, что варды не ниже нас. Их магия хоть и своеобычна, но дает результат ничуть не хуже. И то, что они живут меньше нас, не делает их существами второго сорта. Мы сами оттолкнули их!

– Погодите, уважаемые, не до истории сейчас. Мне нужен простой ответ – да или нет?

– Думаю, нет, – грустно ответил за всех Элаф, – во всяком случае, пока им самим не будет угрожать опасность.

– Ну, тогда мне придется показать вам пример военной логики моего мира: если варды не хотят быть союзниками, им придется почувствовать угрозу.

– Как?

– Вот тут нам пригодится передовой отряд тороков. Мы должны устроить засаду в Голодной Пасти. И нанести им такое поражение, которое ужаснет их. Тогда орда повернет к вардам.

– Ал, – тихо произнес Сут, сидящий безмолвно в уголке, с самого окончания демонстрации, отнявшей у него уйму сил, – маххи хоолин.

– Да, это проблема. Сут показал мне одну картинку, которую подсмотрел где-то за перевалом. Там один из отрядов тороков штурмовал город холин. Маги были на стороне орды. Я видел, как три мага провели какой-то ритуал и принесли в жертву пленников, и тогда перед ними сгустилась фиолетовая тьма. Эта тьма поплыла к стенам крепости, и вдруг лучники стали кричать и царапать собственные глаза – они просто выдирали их из глазниц. Так все стрелки

были выведены из строя, и для варваров не составило труда разбить ворота и захватить поселение. Нам нужно помнить об этом. Там было только три черных мага. В орде Роррага их полтысячи! Не пойму, что заставило их присоединиться к этим зверям, но, похоже, что Черные Маги уже дальше от холин, чем элива или варды.

– Так что же делать? – Элаф был совершенно подавлен.

– Думаю, – с подчеркнутым оптимизмом ответил Ал, – в авангард не пошлют много магов. Они передвигаются со своими фургонами, в которых возят магическое оборудование, а фургоны не отличаются быстроходностью. Значит, к передовому отряду либо вообще не придадут магов, либо их будет немного, и они будут без своих магических усилителей. И это дает нам неплохой шанс.

– И что дальше? Даже если нам удастся победить на перевале, что потом? Как разбить орду Роррага, я уж не говорю про изначальных, – подперев голову кулаком произнес Алаола.

– Одна проблема за один шаг, я уже говорил. Рорраг снизит скорость после отправки передового отряда. Или вообще остановится, дожидаясь гонца с перевала. Когда мы закроем этот путь, он будет некоторое время обдумывать, что делать дальше, попробовать прорваться или повернуть к вардам – это даст нам время подтянуть войска к Большому Разлому. Нам необходимо уже сейчас начать собирать войска и выдвигаться в Вардские горы. К тому времени, как мы туда доберемся, сами варды, я уверен, уже получат донесения о наступлении орды. Тут-то мы и появимся, как союзники и спасители. Пока я не знаю, как победить в Большом Разломе, но есть у меня надежда на чудо. И мне нужна будет ваша помощь. Элаф, прикажи принести что-то, на чем можно рисовать или писать, и то, чем у вас пишут.

Пока служанка бегала за бумагой и стилом, Ал немного промочил горло и прикрыл на минутку глаза, стараясь сфокусировать образ из памяти. Бумага появилась перед ним, и служанка снова бесшумно растворилась. Некоторое время Ал сосредоточенно рисовал что-то на листке.

– Вот, прошу всех посмотреть сюда.

– Что это?

– Это – важный кусок корабля, на котором я свалился с неба. В нем заключена мощь моей машины. Так вот, она пропала. Я не знаю, произошло это там, в моем мире, или она отвалилась тут, но если она здесь, то это все меняет. Нам просто позарез нужно ее найти. С такой штукой у нас есть шанс на победу. Рассмотрите ее хорошенько и отправьте послание по всему Лесу, во все уголки и закутки. Пусть все, кто могут, ищут ее. Пусть вспоминают, не видели ли они в небе дымный след, в тот день, когда я упал. Духи Леса! Пусть он найдется!

– Я пойду к элонка, – произнес, вставая, Сибадал, – призову других Служителей Древа. Мы обыщем каждую трещинку в земле. А какого она размера, эта штука?

– Ну, примерно, как от той стены до этой.

– О! Большая трещина должна быть. Что ж, я займусь этим.

– Отлично! Теперь вы, господа правители. Ты, Ствол, начинай мобилизацию, а ты, Элаф, собирай своих людей, снаряжай повозки – мне нужны две пустые, самые большие, какие есть – и запрягите их рукатами, которых привезли мои друзья: они сильнее и выносливее ваших канаков. О! Еще, пусть найдут Вигола. Это такой иноземец, кузнец. Здоровый такой, на хола похож, только он волосатый и кожа у него красная. Я тоже подготовлюсь.

Высокородные элива со странным выражением на лицах выслушивали приказы чужака. Внутри каждого кипела борьба между раздражением от командования этого выскочки, и страхом, перемешанным с пониманием, что лишь он один и может спасти их всех от неминуемой смерти.

– Говоришь, Алаола, чем драться? Ну что ж, поедем ко мне за оружием.

* * *

Вигола, к удивлению Ала, вовсе не пришлось упрашивать. Как только он узнал, зачем его позвали и куда отправляются, кузнец тут же согласился. После боя в степи его самооценка значительно поднялась, и теперь он уже не боялся схватиться с тороками в битве. А узнав план Ала, бывший раб моментально ухватился за шанс поквитаться со своими мучителями. Два дня пути до катера гекон ехал с умма на повозке, продолжая развивать культурные и научные связи. К сожалению, Сут наотрез отказался даже попробовать обучить Вигола языку Республики, сославшись на то, что кузнец неизбежно умрет или сойдет с ума (а может и он сам сойдет с ума, пытаясь вытащить эти знания из головы Ала). После чего он лег на кучу соломы в конце повозки и всю дорогу дремал, глядя в небо. Так что пришлось рисовать стилом по бумаге, писать слова и повторять их звучание вслух. К счастью, несмотря на то, что умма далеко отставали от Республики в технологиях, общие принципы и знание законов физики позволило Виголу достаточно неплохо усвоить материал.

Впереди показалась знакомая местность. Это означало, что пришло время проверить, хорошим ли учителем оказался гекон. На этот раз транспондер был предусмотрительно спрятан под корнями приметного дерева, и, отлучившись, будто-бы по надобности, Ал отключил охрану. Затем, приказав всем остановиться подальше, долго совершал разные странные движения по поляне, словно выполнял магический ритуал – на самом же деле выискивая и снимая растяжки. Весь этот цирк, по его мнению, должен был убедить элива, что земля заколдована, и сюда заходить нельзя. В этот раз с ними не было ни Тодана, ни Сибадала, потому можно было надеяться, что остальные владеют магией не настолько хорошо, чтобы распознать у него отсутствие хоть какой-то склонности к колдовству, или повторить трюк старого мага.

За оружием пришел маленький отряд, в котором, не считая иномирцев, было лишь десять воинов. Все элива ехали на канаках, так как им нужно будет еще нагонять основное войско. В предстоящей битве у всех была своя роль: Сибадал с другими старейшинами должен был отыскать генератор (или сообщить, что его точно нет в окрестностях), Элаф собирал армию, которая должна была как можно скорее выдвинуться в сторону Большого разлома, Алаола отбыл в Сулатван, столицу Священного Леса – крупный по меркам элива город, расположенный на берегу прекрасного озера Илвасул. Стволу Древа предстояло донести ужасные вести всем знатным элива, выработать планы на ближайшее будущее, в том числе для самого плохого расклада. Опора ветвей решил построить верфи вблизи Эптимы – единственного города элива, расположенного недалеко от моря в устье Оалавы. Узнав о том, как умма смогли пережить нашествие орды, он решил разработать план отступления: если сдержать тороков не удастся, то хотя бы часть народа можно спасти, отправившись в новые земли. Тороки строить корабли не умели и никогда не подходили к морю – это давало надежду. Тодан же спешно призывал воинов окрестных деревень и должен был, не дожидаясь отряда Ала, выдвинуться к Голодной Пасти, чтобы опередить возможный авангард Роррага и устроить засаду на перевале. Вообще, он не сильно рассчитывал на помощь зеленого чужака, считая, что один воин – даже с чудесным оружием – не сможет быть достаточно весомым аргументом в предстоящей схватке. У пришельца из мира технологий было иное мнение.

– Ну, Вигол, заходи.

– Ух ты! Вот это да! Вот это оборудование! О! А это что? О! А тут что? – умма перебегал от одного ящика к другому, попробовал разложить десантное кресло, потрогал оружие, а затем зачарованно остановился у боевых скафандров, – это и есть она, твоя броня? О! Какая вещь! Нам бы такую тогда! А шлемы где?

– Нету шлемов, дружище. Были бы шлемы – в этих костюмах сидели бы солдаты. Так, вроде бы вот этот должен тебе подойти. Раздевайся догола: будем тебя одевать в этот скафандр.

Ал сбросил одежду и раскрыл створ своего бронекостюма, залезая в него спиной вперед. Вигол еще больше покраснел, увидев промежность гекона, и стыдливо отвел взгляд.

– Не смущайся, брат, я бесполый. Таким меня в лаборатории сделали, – фраза из смеси торокских и республиканских слов была чудовищным коктейлем и звучала ужасно, но Вигол очевидно все понимал. Кажется, они изобретали новый язык.

– Э-э-э, прости, у нас это не принято – рассматривать то, что у других между ног. А я поддался искушению.

– Я же сказал, не придавай значения. Ты видел, как я это делал? Давай теперь ты, – Ал, уже облаченный в броню, прогрохотал по полу и раскрыл второй скафандр для кузнеца. Тот немного помялся, смущаясь предстоящего раздевания, а затем решительно стянул с себя одежду.

Все тело умма оказалось покрыто мощной растительностью, особенно в паху. Достоинство тоже было весьма мощным. Ал хотел сострить по этому поводу, мол, аккуратнее застегивайся, а то прищемишь, но решил, что Вигол может обидеться. Видимо, у них там тема секса и всего, что с ним связано, была слишком интимной. Эх, такая шутка пропала. Наконец, кузнец упаковал себя в броню и восторженно подвигал руками. Затем сделал осторожный шаг.

– Правильно – аккуратно. Походи, привыкни. Выйди наружу, сделай кружок вокруг катера. А я пока подумаю, какие инструменты нам понадобятся.

Покопавшись в ремонтном боксе, Ал собрал то, что посчитал необходимым для осуществления его задумки, и потащил все на улицу. Вигол аккуратно, но довольно уверенно шагал по поляне. Элива у обоза с удивлением и даже завистью разглядывали его, отчего кузнец преисполнился великой гордости и напустил на лицо самое грозное выражение. Это было очень забавно, и Ал не сдержался от смеха.

– Ладно, ладно, Вигол, не обращай внимания. Все нормально. Я так, по-дружески. Ты как уже освоился с ощущениями? Давай сюда, становись, будешь помогать. А я наверх полезу. Тамаск! Тащи сюда телеги! И пусть все сюда подходят. Будете тоже что-то делать. Только ничего не трогать без моей команды!

План Ала состоял в том, чтобы использовать посадочные бомбы для подрыва скалы в ущелье. На всех десантных ботах в верхней части фюзеляжа располагалась пара кассет с реактивными бомбами, которые часто приходилось сбрасывать на место посадки, для зачистки территории от скрытого противника и ловушек. По меркам Республики – не бог весть какое оружие, но тут это была сила. Как всегда, все оказалось не так просто, как хотелось бы. «Неваляшка» не зря считалась надежным аппаратом. Бомбы устанавливались в бронекапсулах на крыше, чтобы они не сдетонировали от попадания в катер выстрелов оборонительных систем, стреляющих с поверхности. Кроме того, детонаторы бомб хранились отдельно: в специальном заряжателе, который их и программировал на цели за миг до выстрела. Электропривод открывал бронестворки, выдвигал кассеты, и небольшие реактивные двигатели выталкивали бомбы из гнезд. Теперь привод не работает, а в горах не будет программатора. Это означает, что нужно вручную открыть створки, вывести кассеты, достать бомбы и – отдельно – детонаторы, а затем придумать, как это все заставить взорваться без блока управления. Услышав описание Голодной Пасти, до которой он совсем чуть-чуть не добрался, Ал решил, что запускать бомбы ему и не придется. Несколько скал огромной высоты, издалека похожие на гигантские клыки, обрамляли неширокий проход, за что перевал и получил свое название. Если установить под этими скалами бомбы и подорвать их в нужное время, можно прихлопнуть немало тороков – заодно и проход завалить. Ну что ж, теперь нужно потрудиться. В каждой кассете по 16 бомб, так что времени это займет немало.

– Так, тяни, тяни, еще… Да. Засунь в щель отвертку. Да, я держу, суй туда руку, видишь? Тамаск, посвети ему. Не играйся с этим фонарем! Вигол, вставь отвертку в шлиц и крути по часовой стрелке. Да! Да, сверху направо и вниз. О, мать тороков, давай быстрее! Я себе моторы в броне спалю! Вот! Пошла, да. Еще один привод разблокируй с другой стороны. Тамаска не зацепи! Аккуратно! Ааа… Ну прости Тамаск, давай поднимайся. Ничего, заживет твоя голова, он не хотел… А мне легко? Этот эливийского не понимает, ты по-торокски почти не говоришь. Я вам переводчик? Я работаю тут. Прекращай ныть, залезай и свети ему.

Створка наконец освободилась и поднялась вверх. Открылись внутренности боевого модуля.

– О! Сколько тут всего! Это моторы? Это бомбы. Ага, а тут детонаторы, правильно? – Вигол ткнул пальцем в барабан заряжателя.

– Э! Ты полегче! У тебя усилители в костюме, сейчас двинешь куда-то – поломаешь тут все, или – еще хуже – один из них сработает. Давай-ка держи руки при себе. Так, смотри, теперь вот что: вот тут открутим и тут. Вот это отрежем, толкнем – кассета выйдет. Я буду держать, а ты вытягивать бомбы и передавать их элива. Они не тяжелые – два солдата должны удержать. Так, ребята, вы будете принимать эти штуки и укладывать в солому на повозке. Сут! А ты так и будешь просто сидеть? Ага, ну да, как обычно. Ну, хоть ужин организуй. Проследи, чтоб костер развели и поесть приготовили… Вигол, потяни и подай сюда ключ, да, этот…

– Ал!

– Что?

– А давай их полностью снимем.

– Что снимем?

– Кассеты. Смотри, можно открутить крепления, вот загляни изнутри. Вот тут.

– Зачем?

– Ну… Только не смейся, я понимаю, что у вас технологии гораздо сложнее наших, но я подумал, понимаешь… Ну, вот если взять эти ракеты…

– Это бомбы. Просто управляемые бомбы.

– Ну да, но у них же есть двигатели. Вот если их взять прямо с кассетой и сделать какое-то пусковое устройство, то можно будет ими стрелять прямо по врагу.

– Э-э-э, Вигол, идея красивая, только это не ракеты. У них мощности двигателя недостаточно, чтоб далеко пролететь.

– Далеко? Ал, а что такое «далеко»? В твоем мире это недалеко, а тут воины луками и мечами убивают друг друга. Как далеко может пролететь эта бомба?

– Хм. Ну, дай прикинуть. Думаю, если стрелять с земли – где-то на пару тысяч шагов. Ну, может, на три. Это в лучшем случае.

– А лук, даже зачарованный, стреляет на пятьсот. В местных условиях такая разница может быть решающей.

– Интересно, хотя и сложно. Это же не система управления – это просто труба, и если ими не управлять дистанционно, бомбы полетят куда попало.

– Но ты говорил, что они предназначены для уничтожения противника на большой площади, так что точность не имеет особого значения. Главное – чтобы летели вперед. Кроме того, в этом мире войска двигаются плотно. Ведь им нужна концентрация для рукопашной. Что-то обязательно попадет.

– Да зачем нам стрелять?! Зачем все эти сложности? Это же нужно придумать, как сделать пусковую установку, как их направить, как запустить, как заставить взорваться. А ради чего? Нам нужно просто сделать мину и подорвать скалы!

– А если нет? А если они не полезут в проход? Если они учуют засаду?

– Да как? Как они это сделают? Мы будем замаскированы, будем сверху над проходом. А они пойдут снизу. Они же даже не догадываются, что мы знаем про них! Эливийские лучники стреляют точно. Куда тороки денутся в таком узком месте?!

– Магия, Ал! Ты снова забыл про магию! Ты же сам рассказывал про крепость и мглу, которая ослепляла лучников! А если и сейчас будет то же самое?!

Ал задумался. Да, магия – серьезная проблема. Тогда у Врат один единственный Черный Маг скрыл отряд тороков от него самого, хотя геконов специально разрабатывали с целым набором способностей для обнаружения противника. А та картина, которую показал Сут, произвела действительно удручающее впечатление. Что, если эта магия действует даже через скафандр?

– Может, ты и прав, Вигол, но как мы это сделаем? В сборе эта конструкция очень тяжелая, как сделать ей опору? Да еще она должна регулироваться, иначе в этой идее нет никакого смысла. И потом, я все равно хочу подорвать скалы – проход надо перекрыть.

– Давай так. Я думаю, из этих выдвижных механизмов можно собрать хотя бы одну стойку, а из второй достанем бомбы и подорвем проход. Если правильно расставить, и тех шестнадцати должно хватить.

– Хорошо. Я спрошу Сута, если он скажет, что мы успеваем, то тогда попробуем реализовать твой план.

Два дня спустя они смогли собрать одну стойку, и водрузить на нее кассету. К сожалению, взять с собой корабельный вычислитель было невозможно, поэтому Ал запрограммировал половину детонаторов на срабатывание от удара, перемотал тряпицами с пучками соломы и рассовал по сумкам элива, наказав обращаться с ними, как с драгоценным вардским хрусталем: эти должны были стать основой для мин. Остальные были настроены на срабатывание по времени. Вигол оказался действительно хорошим кузнецом: из металлических обломков он выковал на походной наковальне примитивное ударно-спусковое устройство для подрыва самодельной мины, а затем занялся своей ракетной турелью. Основу смастерили из частей выдвижного механизма, к кассете приделали длинные съемные ручки, чтобы можно было наводить импровизированную ракетную установку на цель. Ал попробовал покрутить орудие. В броне это было вполне реально.

– Ну, Вигол, ты просто мастер! Осталось прикинуть траекторию полета, и можно стрелять. Сейчас загляну в бортовой вычислитель и составлю таблицу для разных высот и дальностей. Кажется, у нас может получиться.

– Нужно еще подумать, чем их запускать. Нужен немалый ток.

– Ну, это, как раз, несложно, – улыбнулся Ал, – у меня же осталась моя чудесная батарея с фонариком.

* * *

От катера до перевала пошли напрямик, и через пять дней вышли на границу Леса. До хребта Кадагара с таким багажом было не меньше недели пути. Передвигаться быстрее никак не получалось. Даже для рукатов груз был слишком велик. Кроме ракет и пусковой установки, взяли два боевых костюма и несколько единиц стрелкового оружия. Предупреждение кузнеца постоянно звучало в голове у Ала, и он все время продумывал варианты на случай применения черной магии. Поэтому идея захватить дальнобойную винтовку, стреляющую разрывными снарядами, показалась ему не лишенной здравого смысла. Все это железо весило очень много – бедные животные и так выбивались из сил, и подгонять их еще больше было рискованно – можно было их и загнать. Сут сообщил, что Тазгыр уже прибыл к Роррагу, в стане тороков происходило какое-то движение – очевидно, вождь советовался с главами кланов и решал, как

поступить. Если тороки совершат стремительный бросок, то могут успеть к Голодной Пасти быстрее элива. Два дня спустя в орде началась перегруппировка, и тут случилось то, чего никто не ожидал: Сут перестал видеть.

– Плохие новости, ребята, – Ал собрал всех у костра, чтобы ввести в курс дела, и решить, что делать дальше, – эти гады что-то там придумали. Похоже, они поняли, что за ними следят, и их маги сделали какую-то завесу. Сут их не видит. Они как будто пропали. Что делаем?

– Я вот, что думаю, Сут говорил – он у Кхур-Дара давно в плену был. Тороки заставляли его рассказывать про ситуацию в окрестностях. Так ловили караваны, совершали набеги. Тазгыр видел бойню на дороге. Видел и остатки обоза в горах. Если он все это рассказал Рорраргу, тот мог предположить, что Сут у нас.

– Разумно. Они знают Сута, знают его способности, возможно, они так же умеют и блокировать их. Теперь вопрос – что делаем. Едем мы медленно. А Рорраг за время нашего похода продвинулся к перевалу, если они отправят авангард немедленно, мы просто не успеем. Нам до гор дней десять, а там нужно еще забраться на вершину с вот этим всем, подготовиться. На это уйдет еще дня четыре, а то и пять. А им при хорошем броске хватит и десяти дней. И тогда все. А если тороки захватят перевал и переправятся, то разорят половину леса. Элаф собирает войска в Элкаде. Оттуда он направится сразу на восток к Большому Разлому. Значит, он разминется с врагом, и тороки пройдут беспрепятственно на юг, а тогда их уже не удастся удержать.

– Ал, – взял слово Вигол, – я думаю, что Рорраг понимает, что идти через Разлом – и дальше, и опаснее. Если он не дурак – а пелена, которую создали маги, говорит, что он неплохо соображает – то он понимает, что мы сосредоточили наш интерес именно на Голодной Пасти. Тогда у него один выход: попытаться ее захватить. И он рванет именно туда.

– А если нет? Что, если он решил, что мы уже на перевале, что там его ждет многотысячное войско? Тогда он просто морочит нам голову, а сам уже движется в сторону вардов.

– Можно я скажу? – внезапно вмешался Тамаск, – мне кажется, вы зря тратите время. Никто из нас не знает истинных намерений этого варвара. Ты, Ал, прости мою дерзость, но хоть и великий воин, но пришел из другого мира, а там у вас другие враги, другое оружие и другая тактика. Ты в Индероне пару месяцев, а Рорраг не знаешь вообще. Мало того, оказывается, мы сами ничего не знаем о тороках. И маги… Как вообще холин воюют на стороне тороков? Воюют против холин. Убивают, разрушают города. Мы, элива, всегда презрительно относились к холин, к их слабым способностям к магии. Но те темные колдуны, которых ты видел во снах Сута, они другие. Их сила ужасает. Ты говорил, что их тоже могут взять в передовой отряд. А с ними наш перевес может исчезнуть. Волшебные луки элива заставляли всех врагов с осторожностью вступать в битвы против нас, но если наши стрелки тоже вырвут себе глаза своими руками, то тороки просто раздавят их, как беззащитных раненых куга.

– Мда… ты прав. Так что же делать?

– Двигаться быстрее. У нас много веревки. Мы взяли очень много, как ты и приказал. Давай соберем всех канаков, свяжем из веревок упряжь и прицепим этих канаков к повозкам. Так рукатам станет легче, и обоз сможет двигаться быстрее. У нас двенадцать канаков и три повозки. Распределим – получится существенное усиление. Свои вещи мы сложим в повозку – да их и не много – сами пойдем пешком налегке, а вы с Виголом и Сутом поедете с вещами. Если отстанем – не беда, у гор мы вас нагоним.

– А провизия? Вы же ни костер развести не сможете, ни каши себе сварить. Много вы с собой не возьмете. Что будете есть?

– Не беспокойся. У нас есть с собой походные запасы. Там орехи, сушеные сладкие ягоды… Воины элива всегда берут с собой такую еду. В конце концов, неделя скромного питания никого не убивает.

– Погодите! Я тут взял кое-что. Вот. Это наша солдатская еда. Из моего мира. Занимает очень мало места, на вкус… ну, такое, можно потерпеть. Зато дает кучу сил. Я взял с собой, на всякий случай. Тут месячный запас на одного бойца. Давайте, я себе половину оставлю. Вы помельче меня, и вам меньше нужно есть. Думаю, вам этого количества хватит на два раза каждому. Вот так вот разорвете упаковку и поделите между собой – там на порции порезано – маленькие кубики такие. Как почувствуете, что устаете и ослабеваете, съешьте одну порцию. Так вы сможете двигаться быстрее.

– Спасибо, сэр Ал. Тогда давай вязать упряжь, и с рассветом выдвигаемся.

* * *

Через семь дней маленький обоз достиг перевала. На террасе уже расположился лагерем Тодан. Увидев их повозки, он направился им навстречу верхом на своем канаке.

– А где мои люди?

– Идут сзади пешком.

– Снова твои глупые шутки, Ал-чужеземец?

– Не до шуток, воевода. Дело дрянь. Тамаск сам предложил этот план. Мы гнали, что есть сил, чтобы успеть.

– Ну, это он зря. Мои наблюдатели уже второй день сидят на вершинах, и по их словам, на неделю пути в ту сторону нет ни одного пыльного облачка, ни точки.

– Напрасно радуешься, Тодан. Эти твари что-то придумали. Мы так поняли – они накрыли войско какой-то магической пеленой, и так они могут стоять у тебя под носом, а ты ничего не увидишь.

– Быть такого не может! Что за магия способна на такое?

– Может, к сожалению. Потому мы и гнали сюда. А нам, между прочим, вот это все еще нужно затащить наверх и подготовиться. Это не на один день работы.

– Ты уверен в том, что эта пелена существует?

– Как в том, что ты сейчас передо мной.

– Духи Леса! Значит, тороки могут быть сейчас где угодно, даже совсем в другом месте!

– Вот и я о том. Нам нужно приготовиться. Никто не знает, что будет уже в следующий миг. Сколько у тебя людей, Тодан?

– Больше пяти сотен. Думаю, достаточно, чтобы остановить ту тысячу, про которую ты говорил.

– Тысячу? Не знаю, воевода. Я уже ни в чем не уверен. Помоги нам – надо поднять это все на вершину.

Следующие три дня на перевале кипела работа. Когда-то Кадагар вырастил этот горный хребет прямо посреди равнины. Стремясь отделить свою землю от торокской территории, он поставил скалы по прямой линии от Вардских гор до Бадарона – естественного горного массива, который когда-то ограничивал Священный лес на юге. Хребет сросся со старыми горами, образовав барьер из скал, наклоненных к югу так, что стена, обращенная к Торокской Степи, была почти вертикальной. Но эрозия работала над скалами не одну тысячу лет. Да и камень, сотворенный магией, оказался не настолько прочным, как естественный. Поэтому стены немного осыпались, а затем, по какой-то причине, в этом барьере появился пролом в виде узкого каньона, получивший название Голодная Пасть из-за скальных клыков, отколовшихся от массива, но так и не упавших вниз. Была ли причина появления этого ущелья естественной, или это тоже результат работы магии, никто не знал. Но Пасть существует уже больше трех тысяч лет, и через нее неоднократно проходили тороки. После последнего крупного поражения, произошедшего еще тогда, когда Стволом Древа был Сибадал, орда значительно присми-

рела, а триста лет назад согласилась на мир со Священным Лесом. С тех пор между тороками и элива происходили лишь небольшие стычки в несколько десятков, иногда сотен бойцов с каждой стороны. Тороки перестали водить армии к Священному Лесу, а элива не выходили за Хребет Кадагара. Лес между тем отступал, сжимался, Дикие Земли наоборот – становились все больше. И Элива потеряли контроль над перевалом, не желая держать заставу так далеко от магических деревьев. Тороки же получили проход к Вратам, откуда привозили рабов и добычу, и даже проходили по кромке Леса на юге, совершая набеги на холин. Элива предпочли закрывать на это глаза. Их это не касалось. Теперь же беспечность жителей леса могла им дорого обойтись.

– Ну что, Ал? Что скажешь?

– В общем, мы готовы, теперь нужно ждать. Может, ты имеешь связь с Алаолой или Элафом? Было бы хорошо сообщить им, и самим получить вести.

– Нет. Мы не умеем передавать мысли на расстояние. Только деревья элонка делают это. А здесь нет элонка. Нигде в этих окрестностях нет элонка на много дней пути. Потому элива и не живут в таких местах!

– Ладно, ладно! Не заводись. Не понимаю я вас. Хоть бы приучили птиц каких-то весточки носить.

– Фу! Птицы, носящие новости, есть у холин. Элива выше этого!

– Ну да, ну да. И вот сидишь ты тут, весь такой на высоте, а сделать ничего не можешь. Что ж, тогда будем просто ждать.

Ракетницу Вигола установили на удобной скальной площадке, обращенной в сторону тороков. Уступ этот располагался примерно в трехстах метрах над длинным пологим языком, в который переходило ущелье Голодной Пасти. Сам хребет Кадагара был невысок: всего пятьсот-семьсот метров приблизительно. Когда он был новым, почти вертикальные стены были непреодолимой защитой от варваров. Теперь же, осыпи, обломки скал и нанесенные ветром почва и песок сделали в этой стене достаточно неплохие места для подъема. Одиночки или даже маленькие группы опытных воинов могли бы пробраться в тыл засаде. Сама же пасть со стороны тороков представляла собой пологую и широкую насыпь из мелких камней и песка – «язык», как называли это место, – а дальше сужалась воронкой, обрамленной скалами-клыками по бокам. Еще дальше располагалась удобная и ровная площадка, на которой свободно могли бы разместиться несколько тысяч воинов, переходящая постепенно в равнину, по которой можно вести хоть миллион солдат.

Ал нашел глубокие трещины у оснований скал-клыков и заложил туда по несколько бомб. К ближней закладке он подсоединил ударный механизм Вигола и протянул длинный шнур, который присыпали песком для незаметности. В нужный момент дежурный элива должен был дернуть этот шнур, чтобы подорвать заряд и завалить проход. Не имея никаких приборов связи, Ал придумал поставить возле себя знаменосца, которого научил подавать команды разными взмахами большого полотнища, а дежурный должен был по этим знакам сделать все в правильный момент. Все было проверено и перепроверено. В местах, которые могли стать тропками для подъема лазутчиков, установлены засады, выбраны позиции для стрелков, получившим задание отстреливать бегущих через сужающийся проход тороков. Все бойцы ожидали в постоянной готовности, даже пищу на кострах не готовили, чтобы не выдать себя даже малейшим дымком. Четыре дня, как Тамаск привел своих людей. Два дня, как Ал и Вигол в пятый раз проверили все приготовления и провели третий «последний инструктаж». А врага все не было.

* * *

– Где же твой авангард? Где твоя тысяча воинов, чужак?! Может, ты водишь всех за нос? Может, на самом деле Рорраг сейчас рвется к Большому Разлому, пока мы тут с войсками прохлаждаемся? А может, ты не просто так похож на торока?..

– Заткнись, Тодан! Не то я вмажу тебе в твой высокородный нос!

Ал уже несколько часов чувствовал себя беспокойно. Ощущение неясной тревоги не отпускало, давило в груди. Он вглядывался в равнину, раскинувшуюся под ногами, но нигде не замечал ни единого признака наступления. Глаза его говорили, что все чисто, но чувства и инстинкты – тот самый внутренний голос – просто вопили в черепе. Ситуацию усугубляло состояние Сута, который со вчерашнего дня валялся без движения на площадке у ракетной турели, куда накануне забрался, чтобы посидеть рядом с друзьями. Сейчас он лежал в тени валуна, лишь вяло открывая глаза, когда его окликали. Да что же происходит?

Ал отвернулся от злобно оскалившегося воеводы, игнорируя его вызов, и подошел к краю обрыва над ущельем. Внизу было все так же пусто и тихо. Марево. Странное марево над самой землей. Камушек покатился по дну, звонко стуча при каждом прыжке. Тишина… Марево… Что это? Что это такое? Что-то тут не так! Ал выхватил из сумки визор и поднес его к глазам. Пару секунд он переключал режимы наблюдения, а затем замер и ошарашенно уставился вниз.

– Они здесь! – дикий вопль гекона прокатился эхом между скал, – они везде! Стреляйте! Стреляйте перед собой!

Одной рукой удерживая визор, Ал другой снял автомат с предохранителя, и дал длинную очередь куда-то вниз по склону. Среди камней закричали, и вдруг прямо из воздуха брызнули струи зеленой крови.

– Бейте в проходы, которые мы наметили! Слушайте звуки! Следите за мелкими камешками! Стреляйте, демоны вас дери!

Тодан в растерянности смотрел, как гекон мечется по краю площадки, все еще не понимая, что делать. В этот момент Ал нагнулся над расщелиной, поднес свой прибор к глазам и выхватил из сумки какой-то цилиндрический предмет. Тодан побежал к нему, и успел увидеть, как предмет полетел в провал. С полным недоумением воевода следил за движением этого цилиндра к голым камням внизу. Вдруг дно ущелья озарилось ярчайшей вспышкой, дрожь взрыва прошла по ногам, и тут же ударила по ушам. Сквозь радужную пелену ослепления воевода успел увидеть зеленые ошметки, разлетающиеся по стенкам. На мгновение возникло ощущение, будто прорвалась завеса перед глазами, и на дне ущелья проявилась толпа тороков, тихо крадущихся к позициям элива. Много, очень много тороков. И тогда он тоже заорал.

– Стреляйте! Бейте, куда показывает чужеземец! Не жалейте стрел! Бейте!

Туча стрел зажужжала в воздухе, послышались вопли боли – кому-то повезло попасть. Гекон в это время судорожно сдирал с себя одежду, крича Виголу, чтобы тот делал то же самое. Сут бездвижно лежал, держась за голову руками, и тихо подвывал. Из завесы невидимости внизу проступили силуэты мощных фигур, стремительно приближающихся к небольшому заслону из мечников и копейщиков, оставленному в горловине прохода. Огромный топор проявился прямо в воздухе и молнией рванулся к десятнику, пробив его доспехи и тело под ними. Десятник повалился на спину, не издав ни звука. Сотни глаз элива вглядывались вперед, ища малейшие признаки движения. И пелена начала отступать под давлением этого внимания. Лучники метили в малейшее дрожание воздуха, в место над покачнувшимся камушком. Вопли от попаданий стрел участились. Над камнями проступили размытые силуэты нападавших. Внизу, у выхода из Голодной Пасти завязалась рукопашная. Звон металла и крики боли заполнили ущелье. Ал наконец-то забрался в броню и пристегнул тактический визор к шлему. Крутнув-

шись на месте, он выпустил несколько очередей из автомата, и на край площадки повалились три тела тороков – вовремя!

– Вигол! Давай сигнал! Взрывай. Взрывай мины!

Автомат протрещал еще несколько раз, и ниже по склону на камни упали новые окровавленные тела врагов. Вигол вырвал флаг из рук растерянного сигнальщика и яростно замахал им над головой. Оставалось надеяться, что внизу хоть кто-то не пропустит этот сигнал в пылу битвы. От свалки тел на выходе из расщелины отделилась стремительная фигура, и рванула к шесту, к которому был привязан конец шнура. Молодой элива подхватил шест и побежал, натягивая веревку. Несколько секунд ничего не происходило, и парень яростно дергал шест. Вдруг земля ударила в ноги, противники, сцепившиеся в смертельной схватке, попадали на камни. Огромный каменный зуб посреди Голодной Пасти подскочил вверх и начал валиться вниз. Из ущелья вырвалась волна пыли и мелких обломков, ударив в спины торокам, бегущим на помощь своим собратьям. Пелена, скрывавшая варваров, разом исчезла, и вдруг стало видно, как много их движется по ущелью. Скала, раскалываясь в воздухе, обрушилась на их головы. И вдруг все стихло.

– Вигол! Мы ошиблись! Остальные заряды не сработали! М-мать тороков! Они не взорвались! Нужно что-то делать!

– Ал! Ал!!! – Тодан орал и махал рукой, вглядываясь в степь перед Голодной Пастью, – Духи Леса! Смотри, Ал! Ты ошибся и тут!

Гекон подбежал к Тодану и с ужасом замер у самого края: внизу по степи шла целая армия – не меньше трех тысяч зеленых варваров собралось на языке перед проходом. Шлем рывком приблизил картину, и Ал охнул. За толпой тороков стояла шеренга повозок. Перед ними располагался десяток передвижных алтарей на колесах. Целая толпа темных фигур в балахонах суетилась вокруг них. И судя по одежде там… тридцать магов! Тридцать! Боги всех миров, помогите! Служители магов тащили на алтари рабов. Тороки внизу отступали от прохода, группируясь для новой атаки. Ал схватил винтовку и упал на камни. «Ну, мрази, сейчас получите». До алтарей было около километра – расстояние достаточно простое для опытного стрелка. Винтовка привычно легла в руку. Дыхание успокоилось, курок плавно пополз под пальцем. Выстрел! Пуля громко хлопнула, перейдя в гиперзвуковую скорость и оставляя за собой линию ионизированного следа. Струя крови вырвалась из тела мага, пробитого бронебойным снарядом. В земле позади повозки блеснул взрыв. «Да мать… тороков! Пули даже не замечают препятствия! Они не взрываются при попадании! А у меня всего два десятка зарядов! Ну ладно, твари, хоть пару десятков гадов я вам продырявлю!» Ал снова прицелился. Вдруг перед мишенью замельтешили фигуры адептов и прислужников. Похоже, они готовы были собственными телами закрывать своих хозяев. «Не поможет, гады. Эта пуля вас прошьет, как шампур куски мяса. На!» В воздухе повис еще один безупречно ровный след. Безупречно ровный? Что это? Несколько тел упали. Совсем не в том месте, куда он стрелял. «Как? Как?! Чертова магия! Они что-то делают с пулей, или со светом, искажая вид, словно огромная линза. Как целиться?» Повинуясь команде, тороки бежали к алтарям, обступая их и загораживая своими телами магов. Некоторые обхватили борта и колеса и стали толкать алтари к перевалу. Это же магические танки! Черные колдуны творили заклинания прямо на ходу. Что же делать? Магия отклоняла пули или сбивала прицел – и это для такой винтовки! А что будет со стрелами? Да они вообще, скорее всего, не долетят! Если не уничтожить колдунов, то бороться с захватчиками станет невозможно! Скала, упавшая в проход, лишь частично перекрыла его, так что тороки все еще могли пройти. Черные маги вонзили ножи в тела жертв, и вокруг алтарей заклубилась красная завеса. Тороки стремились сгрудиться под ней – видимо, она давала какую-то защиту или добавляла сил. Служители тащили на алтари новые жертвы. Орда, словно чудовищное хищное пятно плесени, ползла к проходу под защитой красной завесы. Звуки борьбы внизу затихли. Элива все-таки смогли устоять в битве с прорвавшимися тороками. Если бы

Ал хоть на минуту позже заметил наступление, всем им был бы конец. Вигол сообразил надеть броню, и уже затягивал последние соединения.

«Ну, хорошо. Не могу попасть в магов – буду косить тех, в кого попаду. Так, немного опущу прицел, если повезет, взрыв будет под повозкой, так, вот так. Держи!» Прозрачная игла в воздухе. Далекая вспышка взрыва. Несколько тел упали. Еще раз. Хорошо. И еще. И еще. «Попал! Ага, получите, мрази»: сразу два мага упали на землю – взрыв позади них раскидал кучу адептов. «Так держать, солдат, – подбодрил сам себя снайпер, – ну-ка, ловите еще… Есть!» Вспышка разорвала платформу, раскидав черных магов и их помощников. Тороки полезли на алтари, создавая живой щит перед ними. «Не поможет, ребятки, я буду бить прямо по куче. Кажется, я просек принцип искажения. Теперь вас не спасет уже ничто».

Внезапно красная пелена над войском тороков закрутилась, словно водоворот, и свернулась в шар, который начал разбухать и менять цвет. «Что вы там мутите? Не поможет. Ну, идите сюда, идите…еще ближе»… На камни рядом опустился Тодан и похлопал гекона по бронированному плечу: «Давай, приятель. На тебя вся надежда». Шар над тороками окрасился в мерзкий коричневый цвет с гнилостно-зелеными прожилками, и вдруг рывком разбух. Волна отвратительной зыби прокатилась во все стороны. Тодан схватился за голову и дико заорал. Ала замутило, все поплыло перед глазами, и он вырвал прямо в шлем. Заработал автомат очистки. Воевода катался по земле и вопил. Другие элива вокруг тоже бились и кричали от дикой боли. Некоторые уже бездвижно лежали между камнями. Превозмогая сумасшедшее головокружение, Ал поднялся на четвереньки. Все элива были небоеспособны. Вигол стоял, упираясь бронированными руками о большой камень. Стоял!

– Вигол! Вигол! Ракетница!

– Да, Ал. Понял.

– Таблица! Не забудь. Таблица пристрелки. Помни! Целься в середину толпы. Вот. Лови батарею!

– Сделаю, Ал. Ложись! Падай!

Вигол тоже страдал, но его не так сильно зацепило это колдовство. Тоже непонятно, по какому принципу оно выбирает жертву. Кряхтя от натуги и боли, кузнец разворачивал установку.

– Правее, Вигол. Я их вижу. Правее. Вот так. До них метров семьсот, и они ниже нас на три сотни. Поднимай ствол. Пусть рассеет… Дай упреждение… Смотри таблицу… – Ал бормотал, не зная, слышит ли его кузнец. Сам он был не в силах встать на ноги и проверить наводку. Рявкнули двигатели. Огненный поток устремился вверх. Вигол все же не представлял мощности, необходимой для того, чтобы выбросить из направляющих такую массу: кузнец отошел недостаточно далеко, и реактивная струя ударила его в грудь, отчего он не устоял, и покатился вниз. Ал лежал на самом краю площадки, и глядел, как шестнадцать огненных стрел поднимаются вверх. Вдруг они раскололись и рассыпались на тучу крохотных точек, которые, словно семена, стали опускаться вниз. «Падайте, падайте, милые. Из вас вырастут прекрасные цветы». Многоногое и многорукое пятно живого зла ползло вверх по насыпи, а семена смерти приближались к нему. Почему все происходит так медленно? Вот над проклятой многоножкой снова начал набухать магический шар, вот колдуны снова воздели свои кинжалы в небо… Весь язык озарился яркими вспышками. Столбы камней, пыли и кусков плоти взметнулись вверх. Тороки загорелись, как факелы. Вопль сотен глоток огласил ущелье. Но большинство не успели даже открыть рта. Огненный смерч прокатился по языку Голодной Пасти, смывая заразу. Мерзкая сила, сдавливающая голову и грудь, мгновенно исчезла. Эхо грохота и воплей несколько раз отразилось от скал, и все затихло.

* * *

Ал приподнялся на локте, и осмотрелся. Тодан лежал на земле, часто дыша. Сут сидел, опершись боком о камень, и тер голову – похоже, с ним все будет в порядке. Мысль о необходимости подняться на ноги уже приводила к тошноте, но, к счастью, броня делала большую часть работы. Гекон подошел к воеводе и приподнял его. Элива открыл глаза и застонал.

– Ал… Что там? Что с тороками? И с нами?

– Им конец. А что с нашими – пока не знаю. Ты сможешь встать?

– Попробую. Погоди, нужно сделать кое-что, – Тодан забормотал что-то под нос, видимо применял магию. По телу его пробежала волна, и он встряхнулся. – Да, подействовало. Я в порядке.

– Нужно проверить людей, у тебя в отряде были лекари? Найди всех. Тут многим нужна помощь. Иди. А мне нужно еще сделать кое-что.

Вигол нашелся ниже по склону: голова его была в крови, но он дышал, что уже давало надежду. Ал подхватил его под руки, и потащил вниз на террасу, где располагался лагерь. Голова несчастного болталась при каждом шаге. На камнях оставались капли невероятно алой крови.

– Лекари! Лекари! Есть тут хоть один лекарь?

Из-за большого камня далеко ниже по склону высунулась голова элива.

– Эй! Ты лекарь? Давай сюда! Да, здесь уже безопасно!

Лекарь шатаясь побежал вверх, видимо его тоже задела волна магии.

– Ну как он?

– Ничего страшного. Шея цела, к счастью. Сейчас я его поправлю.

Маг прошептал заклинания, протер раствором из стеклянного пузырька раны, из другого сосуда накапал в рот раненому несколько капель темной, сильно и резко пахнущей жидкости. Кузнец хрипло втянул воздух, закашлялся и открыл глаза. Ал еле успел поймать его бронированную руку, которой тот инстинктивно хотел прикрыть рот. Такое движение могло переломать незащищенный нос.

– Ну и напугал ты меня, приятель! Как ты себя чувствуешь?

– Ой! Голова трещит. Кажется, я ударился.

– Ага, немного ударился, – Ал не стал говорить про огромную рваную рану на затылке, которую сейчас обрабатывал лекарь.

Между тем элива посыпал на края раны какие-то крохотные семена и провел над ними руками, сплетая пальцы в замысловатые знаки. Семена тут же выпустили тончайшие белесые нити, которые внедрились в кожу и стали тянуться друг к другу. Пациент этого совершенно не замечал, судя по его поведению. Нитевидные ростки сплелись между собой, и стали сжиматься. Края раны плотно сошлись, а паутинки сомкнулись, образовав полупрозрачную пленку, которая остановила кровь. Гекон восхищенно присвистнул.

– Понюхай, чужестранец, вот это. Так, хорошо. И вот эту горошину проглоти. Все, думаю, с тобой будет все в порядке. Я должен идти. Там еще много раненых.

– Да, иди, ты прекрасно поработал. Благодарю тебя от всей души, – напутствовал лекаря Ал, – Вигол, как ты теперь?

– Прекрасно! Сам не верю, что такое возможно! А ну, дай я поднимусь. Ух! Немного голова кружится и затылок болит…

– Стоп! Не забывай про броню! Оставь в покое свою голову, если хочешь, чтобы она осталась на плечах.

– Да, все забываю про усилители и массу. Все, уже я пришел в себя. А ты как?

– Да нормально. Только проблевался. Теперь костюм мыть опять.

– Ну, не самое страшное, что могло произойти.

– Это точно, – протянул гекон, оглядывая поле битвы, – посмотри, сколько наших полегло. Да, как же они подкрались?! Эта магия беспокоит меня все больше и больше. Элива говорили, что магия холин слаба и не представляет серьезной угрозы. Но это все, – он обвел побоище рукой, – говорит о совершенно противоположном. Три десятка черных магов едва не раскатали нас в блин. И если б не твой выстрел, мы бы уже были мертвы. Должен признать, ты был прав. И куда более прозорлив, чем я, – Ал хохотнул, – видишь, а я считал, что это у меня аналитическая и тактическая подготовка.

– Ага, ну спасибо за похвалу. Что теперь делаем? – смущенно проговорил польщенный кузнец.

– Идем. Надо посмотреть, что там в проломе. И у меня есть еще кое-какая идея. О! У тебя оружия нет. К счастью, моё при мне, – похлопал он по автомату, – рефлексы – полезная штука.

– Я топор возьму.

– Да, хорошая идея, с броней будет весьма убойное сочетание. Давай вооружайся и догоняй. И возьми себе хоть шлем какой-то на голову.

Пара бронированных воинов гулко топала по каменному полу. Шаги эхом отражались в глубоком узком проходе. Повсюду валялись тела погибших тороков. Многих порвало каменной шрапнелью – камни вокруг тел окрасились зеленой кровью. Некоторые поймали смерть от удачных выстрелов лучников. Кое-кто из варваров еще стонал. Ал поднял огромную секиру и стал методично добивать тех, кто, по его мнению, был еще жив. Вигол сначала остановился, удивленный такой жестокостью, но затем вспомнил все, что видел в долгом плену, и тоже принялся за это неблагородное дело. В проеме между стенами показалось несколько выживших эливийских воинов, нетвердо переступавших на дрожащих ногах. Увидев, что делают чужаки, они начали перешептываться друг с другом, а затем стали одобрительно подбадривать союзников. Сами они были не в силах пока поднять оружие. То, что еще недавно казалось любому солдату армии элива немыслимым, вдруг стало единственным возможным выбором. Жестокость по отношению к беспомощному врагу – теперь единственный способ выживания всего их вида. Та ужасная сила, с которой они столкнулись сегодня, не оставляла места для благородства, когда речь шла про выбор между существованием и несуществованием жизни в этом мире.

– Смотри, Вигол, вот куда упала скала. Совсем не туда, куда мы планировали.

– Да, тут вполне может пройти повозка. Особенно, если убрать вот эти камни. Нужно попробовать подорвать остальные заряды.

– Хорошо, сделаем. Но сначала пойдем на ту сторону, там у меня есть дело.

* * *

Язык перед Пастью дымился. Пахло паленым мясом, кровью и нечистотами. Друзья аккуратно шли между телами, стараясь не вступить во что-то неаппетитное. Бомбы с кассетными зарядами выжгли огромную площадь, ударная волна покорежила и разбросала тела, иглы из оболочки порвали в лохмотья тех, кто оказался ближе к местам разрывов боеприпасов. Залп Вигола оказался чрезвычайно эффективным. В круге, диаметром не меньше полукилометра вся жизнь была уничтожена. Почти в центре этого круга смерти догорали остатки передвижных алтарей. Там куча тел была особенно большой. По краям этого побоища еще стонали раненные, но на выходе из расщелины показались элива, и Ал решил, что они сами разберутся с ними.

– Куда ты идешь, Ал? Там же сплошное месиво! Боги, как же тут воняет!

– Можешь не идти за мной, а мне нужно добраться к тем алтарям.

– О, нет! Ну зачем тебе это? Я же не оставлю тебя одного. Ай! Фу, я все же влез… Фу, мерзость!

У одного из алтарей возвышалась особенно внушительная куча тел. Гекон направился именно к ней и стал растягивать окровавленные и обожженные останки.

– Даже не буду спрашивать, зачем ты это делаешь. Тебе помочь?

– Да. Оттягивай тороков налево, а холин, или то, что от них осталось, – направо. Мне нужно найти более-менее целого мага. А еще лучше – нескольких. Чем больше, тем лучше.

Вигол с отвращением потянул частично разорванное тело торока в указанное место.

– Слушай, Ал, а тебе обязательно найти мага целиком? Может, тебе хватит и половины? Я тут нашел.

– Голова есть?

– А это принципиально?

– Желательно, чтобы была. И в капюшоне. Иначе, как ты отличишь мага от прислужника?

– Хм, тоже верно. О, смотри. Есть голова. Гляди, тут на виске знак какой-то.

– Брось мне, я посмотрю. Да, точно. А ну, погляди еще, может у них у всех такие знаки. Было бы хорошо. Тогда их легче было бы опознать.

Разобрав кучу тел, друзья обнаружили почти нетронутое тело черного мага. На виске у него оказался похожий символ.

– Может, ты и прав Вигол. Но символ совсем другой. Черт его знает, что это значит.

– Смотри, Ал, служки пытались закрыть его своими телами. Значит, он был очень важным. Тогда выходит так: вот это все обслуга, а вот этот и этот, похоже, тоже маги.

– Да, похоже. Тогда ты прав. Символы только у магов. Причем, заметь, у этого, которого они защищали с таким рвением, этот рисунок на виске самый сложный. И еще на затылке вижу, и вот, под ухом. Это что-то действительно значит.

– Величину силы? Мастерство?

– Вполне возможно. Так, помоги мне. Это очень важно. Я еще не знаю, выйдет ли из этого что-то, но я хочу взять образцы плоти и изучить их.

– А как ты это собираешься сделать?

– Я с собой заборник принес. И контейнеры для образцов.

– Ты тащил их из Леса?!

– Да, я сразу подумал, что легче всего получить материал после битвы.

– А ты, гляжу, даже не сомневался в победе.

– Ну да, каюсь, моя самонадеянность нас чуть не подвела. Недооценил я силу магов. Потому нужно исправить эту ошибку. Значит, смотри, тащи всех магов, каких найдешь, в кучу и постарайся рассортировать. Будем считать, что этот символ на голове тем сложнее и больше, чем сильнее маг. А служек складывай отдельно. Да, еще, смотри, тут есть одни вот в такой одежде – в серых капюшонах – а есть вот такие: у них вообще нет накидок.

– Эти, наверное, ученики, а вот эти – просто прислуга.

– Я тоже так думаю. И это очень ценно.

– Будешь делать сравнительный анализ, считая, что эти – базовый образец без способностей, а вот те с нужным свойством?

– Молодец! Правильно. Только наоборот. Если верить Сибадалу, то как раз вот этот, с самым сложным символом, – норма. А эти – деградировавшие мутанты. Задача не в том, чтобы найти хитрый признак, дающий сверхспособности, а в том, чтобы отсеять все мусорные и вывести ту самую чистую кровь.

Отряд элива обходил по периметру свалку тел, добивая еще живых, и с недоумением оглядываясь на чокнутых чужаков. Впрочем, никто из них на непонятное поведение парочки

не жаловался. Эти ребята сегодня спасли не только воинов, но и их родных и близких. Страшно даже представить, что сделал бы этот маленький кусочек орды, доберись он до Леса. Что уж говорить обо всей орде?

Сортировка и отбор образцов заняли немало времени. Ал старательно срисовал все символы с голов и подписал все контейнеры с образцами соответствующими заметками. Когда Ал и Вигол возвращались, уже вечерело. Элива тоже вернулись. Смывали с себя грязь и кровь, собирали своих мертвых товарищей, чтобы провести их в последний путь. Мертвых оказалось очень много. Ранеными были лишь те, до кого успели добежать тороки, и завязали рукопашную. Магическая волна действовала иначе. Те, кто смог ее выдержать, уже поднялись на ноги, и полностью отошли от кошмарного действия магии, а вот остальные больше уже не встанут никогда.

Навстречу Алу и Виголу вышел Тодан.

– Мы все в долгу перед вами. Ты был прав, Ал – это страшное нашествие. И ты не зря торопился. Жаль, что мы не знали об этой магии раньше. Возможно, мы смогли бы придумать что-то против нее.

– Поздно жалеть. Нам нужно спешно возвращаться. Мы должны донести вести о том, что увидели, Элафу. Эх, ну почему у вас нет птиц-посланников?

– Поздно жалеть, как ты сам сказал. Я пошлю вестовых отсюда прямо в Вардские Горы. Пусть предупредят вардов.

– Не уверен, что это поможет. Нужно ехать к Сибадалу. Сейчас нам нужны ваши маги, и побольше.

– Да, это так, но варды должны узнать о том, что тут произошло. Возможно, они придумают способ, как с этим бороться.

За разговором они незаметно подошли к рядам погибших элива, уложенных на земле.

– Сколько их?

– Много! Очень много! Двести тридцать два. Это моя вина. И мой позор! Я был слишком легкомысленным! Я не поверил тебе! Нужно было что-то делать! Нужно было…

– Успокойся, Тодан! Никто не мог даже предположить, что за сила появилась у орды.

– Все равно. Это моя вина, – прошептал воевода, – эти земли… Когда-то тут была граница Священного Леса. Мы делаем вид, что не знаем об этом, но на самом деле мы все – все, кто имеет власть – прекрасно осведомлены о том, что происходит с Лесом. Но закрываем на все глаза. Мы убрали отсюда заставу, мое воеводство, которое раньше как раз и защищало проход, теперь так далеко от Голодной пасти, что тут могла бы пройти целая армия. А мы бы даже не заметили. Если бы не ты со своим страшным оружием, мы бы все погибли. А торокская армия уже двигалась бы прямо на на наши селения. Ты прав, Ал. Все это – наша гордыня. Будь у нас простые вестовые птицы холин, мы послали бы донесение, но теперь вынуждены терять время, а там Ствол Древа и все остальные, возможно, принимают неверные решения из-за отсутствия сведений.

– Давай завершим все дела и поедем. Время дорого.

– Нам нужно похоронить своих товарищей. Не бросать же их тут.

– Ты прав, но тут нет леса. Мы не сможем провести обряд завершения Круга Жизни. Что вы делаете в таком случае. Я не знаю этого.

– По хорошему, мы должны были бы переправить их в лес и похоронить. Но у нас просто не на чем. Воины шли пешком. В обозе места не хватит для всех тел. Если элива оказываются очень далеко от леса, мы хороним своих мертвых в земле с семенами элонка – мы всегда их носим с собой – или, хотя бы, дуба, чтобы их тела проросли когда-то ростками жизни. Но тут и похоронить невозможно. С этой стороны стены камни тянутся очень далеко. А тут почти нет почвы. Наверное, придется просто устроить могилы из камней, чтобы горные торлы не растащили тела.

– Тодан, не знаю, как ты к этому отнесешься, но я тебе предложу кое-что: эти элива погибли, защищая проход. Пусть же это ущелье станет их местом вечной службы и почета.

Воевода, не понимая, уставился на иномирца.

– Если ты считаешь, что можно похоронить их под камнями, то мы можем сложить их в ущелье, а затем я подорву оставшиеся заряды и обвалю стенки. Мы закроем этот проход, а обвал станет могилой для воинов.

Тодан задумался, затем подозвал своих десятников, и они стали обсуждать предложение.

– Мы согласны, Ал, только помоги нам вышвырнуть трупы этих мерзких тороков на ту сторону. Мы не хотим, чтобы они покоились рядом с нашими братьями.

Утро начиналось кровавым рассветом. Красный свет, казавшийся зловещим, переливался через стену Хребта Кадагара. Обоз был снаряжен, броня и оружие упакованы и размещены на повозках. Воины построились в торжественном порядке сбоку от провала Голодной Пасти. Ал протянул воеводе конец шнура, привязанного к кольцам на двух последних гранатах, уложенных в щели у несработавших зарядов.

– Сделай это, Тодан. Ты вел их в бой, ты и отдашь им последнюю дань уважения.

– Воины, внимание! Во имя Священного Леса! Во имя самой Жизни!.. Покойтесь с миром, братья. Возвращайтесь в этот мир на новом обороте Круга Жизни. Прощайте! – и решительно рванул шнур на себя.

Повисла невероятная, глубокая тишина. Даже ветер, кажется, застыл между камнями. А затем земля дрогнула. Воины едва не попадали от сильнейшего толчка. Голодная Пасть извергла из себя поток пыли и щебня, косы элива затрепетали от мощного потока воздуха. Послышался грохот дробящихся и катящихся камней…

Когда пыль немного улеглась, бойцы подошли ко входу в ущелье и замерли в молчаливом поклоне. Голодной Пасти больше не было. «Пока не появится тот, кто владеет еще большими силами», – грустно подумал Ал.

– Идем, Тодан, нам пора.

* * *

Канаки с посланниками устремились вниз по склону и разделились: пара помчались к вардам на северо-восток, еще пара направились на северо-запад неся новости Элафу в Элкад. Бойцы собирали в обоз последние вещи, грузили раненых. Ал и Вигол проверяли свое оборудование – забыть тут что-то совершенно не хотелось. Побитая, но все еще живая, батарея с фонарем снова переместилась на пояс гекона. Оружие и патроны на месте. Броня уложена, как следует. Жаль, заряд ее за последние дни сильно истощился. Сзади послышались тихие шаги. Ал обернулся и встретился взглядом с Сутом, хромой походкой направляющемуся к нему. «О, боги! Неужели опять что-то случилось?»

– Ну, что на этот раз? – осторожно спросил Ал.

Ящер без разговоров схватил гекона за руку. Вспышка. Без всяких переходов он увидел степь, и как-то понял, что это земли за хребтом. Внезапно по степи прошла рябь, и на земле проявилась вереница повозок и пеших фигур. Затем рябь прошла еще раз, и живой поток исчез, словно это была лишь иллюзия. В голове возникло понимание места и времени, когда это произошло. Это катастрофа! Видение растаяло, и Ал снова очутился на террасе у повозки. У его ног сидел, поскуливая, Сут.

– Тодан! Срочно! Сюда!

– Что делать будем? – спросил воевода, когда Ал рассказал о том, что увидел, – я так понимаю, что Рорраг обманул всех.

– Да. Судя по всему, он приказал переместить основные силы северо-восточнее еще тогда, когда отправил передовой отряд сюда. Видимо, он достаточно умен, чтобы рассчитать точку, из которой было бы одинаково выгодно начать движение, как при удачном, так и при провальном исходе битвы на Голодной Пасти. Но хуже всего то, что весть о поражении дошла до него мгновенно, и он сразу рванул к вардам. Маги холин имеют связь друг с другом – вот, что это значит. И еще это значит, что вы, элива, да и я, считали тороков гораздо глупее, чем они есть на самом деле! Ты понимаешь теперь, что делал Кхур-Дар здесь, на перевале? Ты понимаешь, почему Тазгыр так безошибочно нашел место битвы?

– Да, – с болью в голосе проговорил Тодан, – теперь понимаю. Они готовили все это. Не окажись ты в плену, мы даже подойти к перевалу не смогли бы. Кхур-Дар собирал тут мелкие кланы, чтобы охранять перевал до подхода орды. А это значит, что мы проспали все.

– Это точно. Теперь орда Роррага гораздо ближе к Большому разлому, чем мы могли бы представить. У Элафа нет месяца на сбор армии. У него вообще нет времени. Уже сегодня нужно выступить, чтобы успеть вовремя. Я не представляю, что делать. Чертова связь! Почему у вас нет никаких способов связаться?

– А у тебя нет никаких средств?

– Есть! Вот в этом шлеме. Беда только в том, что других шлемов нет в этом мире. Ни одного!

Элива промолчал. Его десятники тоже растерянно топтались на месте.

– Так, Тодан, скажи, помнишь тогда, когда мы Энола отправляли, его привезли трое: Надар, женщина-хола, и еще один элива, его звали…

– Канамук.

– Точно! Ты его знаешь? Где он?

– В обозе у меня. Ухаживает за животными.

– Быстро! Быстро прикажи тащить его сюда!

Несколько минут спустя, удивленного Канамука привели к гекону.

– Канамук! Дружище! Что ж ты раньше не подошел ко мне?

– Да я просто…

– Не важно! Видишь этих рукатов? Мне нужен тартыр! Можешь сделать?

– Если спустимся в степь, думаю, там смогу собрать травы.

– Тогда быстро! Садись на канака, бери все, что надо, и бегом в степь. Быстро! У нас нет времени!

Канамук непонимающе озирался на своего воеводу, но тот кивнул, подтверждая приказ, и зверовед побежал к своим животным. Несколько солдат, повинуясь жесту Тодана, побежали за ним.

– Тодан! Выдвигайся к вардам. Быстро, как только можешь. А мы поскачем в Лес. Я не знаю, сможем ли мы успеть. Я вообще не знаю, что делать. У меня нет плана в этот раз. Не успел я его продумать. Но я должен ехать. Не знаю, увидимся ли мы еще раз. Прощай! Постарайся выжить.

Повозки, запряженные рукатами, гремели по камням, уходя влево – остатки войска Тодана двигались вперед, им предстояло преодолеть многодневный переход вдоль хребта Кадагара до Вардских гор. Воевода поник головой, сидя на своем породистом канаке. Ал смотрел на эту удаляющуюся фигуру, и его мучили плохие предчувствия. Вдруг он сорвался с места, спрыгнул с борта и побежал за уходящими элива.

– Тодан! Тодан, погоди!

– Что случилось? – удивился Опора.

– Имя! Имя вспомнил. И голос. Тогда, когда меня сюда привезли.

– О чем ты? Не понимаю.

– Имя. Ты слышал когда-нибудь такое имя – Элуван… нет… Улаван! Точно, Улаван!

Воевода дернулся в седле, по его лицу пробежала тень.

– Нет. Никогда. Прости, нужно спешить.

– Ну да… Извини… Удачи вам!

Элива уходили, цокот копыт и топот ног стихали вдали. Ал задумчиво провожал глазами воеводу. Все это очень странно. Предчувствие беды лишь усилилось.

– Ал! Надо ехать!

– Едем Вигол, едем…

Глава 8

Рукаты неслись по степи. Шел третий день их безумного забега. Глаза на рогатых головах налились кровью и дико вращались в глазницах, из раскрытых ртов капала слюна, хрип вырывался из пересохших глоток. Канамук время от времени шептал заклинания для поддержки сил животных, которые, судя по всему, истощали его собственные силы. Повозки неслись по дороге, вздымая столбы пыли. Никакого особого плана у Ала не было – он просто стремился добраться побыстрее до Леса, чтобы Канамук смог передать через элонка предупреждение. Какие-то неясные мысли и врожденная интуиция заставили его ехать не к ближайшему краю владений элива, а севернее. Оттуда до вардов было ближе. И, хотя у него не было понятия, чем он может там помочь, все же Ал намеревался после передачи новостей двинуться именно к Большому Разлому. День уже тускнел, скоро наступит ночь. Как и в предыдущие ночи, Ал не планировал останавливаться, рассчитывая на луну и пустую дорогу. За ними стучали копыта второй повозки. Засыпающий от усталости Вигол старался не отставать. Сут безвольно валялся на куче соломы. Ночь быстро сгущалась, тьма укрывала дорогу. Канамук погонял Рукатов, Ал вглядывался во тьму, время от времени поднося визор к глазам. Впереди и слева уже проступила тоненькая полоска деревьев. Внезапная вспышка в далеком лесу привлекла их внимание. Еще раз. Еще.

– Это сигнал! Я уверен. Правь туда! – закричал Ал.

– Почему ты так думаешь, – удивился Канамук, – кто нас может тут ждать? Мы обогнали вестовых еще вчера.

– Не знаю, я чувствую. Я знаю, что должен довериться своей интуиции. Направляй туда!

– Я же не вижу ничего! Там кусты, кочки!

– Я вижу! Ты подгоняй, а я буду рулить!

– Ну, как знаешь. Эй-хха! Бегите, родимые. Еще немножко!

Ал оглянулся, боясь, что Вигол мог уснуть, и повозка промчится дальше. Нет, следует за ним. Хорошо, что ночь ясная и луна почти полная. В лесу снова блеснул свет. Снова три раза подряд. «Никакого сомнения, что это сигнал. Кто это может быть? Непонятно. Непонятно и то, чем могли светить из леса. Ничего, скоро все станет ясно». Темные силуэты кустов проносились мимо, Ал выбирал путь через визор, не доверяя уставшим глазам, хоть в другое время света луны было бы ему вполне достаточно. Снова три вспышки. Забавно, что в приборе ночного видения они не вызывали никакого эффекта, их просто не было на экране. А вот Канамук видел их совершенно отчетливо. Стена темных деревьев приближалась, кусты становились все крупнее, гнать так дальше стало опасно. Зверовед начал успокаивать животных, нараспев произнося магическую формулу. Затем он повернулся назад и повторил свое заклинание, глядя на повозку Вигола, и едва успев закончить, до того, как задние рукаты врезались в них. Лес приближался. Визор показал светящиеся силуэты, движущиеся им навстречу из глубины леса. Кто мог звать их, к тому же, находясь в чаще, откуда нельзя было в принципе разглядеть повозки на такой далекой отсюда дороге. Рукаты перешли на шаг. Ал взял в руки автомат и снял с предохранителя. Визор пришлось повесить на грудь. Но глаза и так различали несколько существ,

выходящих на опушку леса. Одна фигура вышла на поляну, словно поджидая их. Рукаты приблизились к ней, и без всякой команды остановились.

– Здравствуй, Ал! – раздался знакомый голос из темноты. – Рад тебя видеть!

Свет из коряжистого навершия посоха озарил поляну, и Ал увидел изборожденное морщинами лицо, обрамленное седыми волосами.

– Здравствуй, Сибадал!

* * *

– Как ты нас нашел? Как ты вообще тут оказался?

Сибадал обходил повозку, делал какие-то пассы руками, и рукаты успокаивались, прекращали дрожать.

– Канамук! Рад тебя видеть! Да, кто же еще мог устроить такую гонку! Ты хорошо справился. Иди отдохни. Мои друзья поправят твои силы, – маг махнул рукой в сторону деревьев, под которыми собралось уже с десяток фигур. – И ты тут, Вигол! Как же я рад вас видеть! А где…

– Тут я, – прошептал Сут из повозки, и медленно поднял голову над краем борта.

– Ох! Как же тебя так!.. Тебе тоже нужно к нашим волшебникам. Ты совсем плох. Что с тобой?

– Тааавит. Сиила тавит холоффу…

– Ему совсем плохо в последние дни, – заметил Ал, – что-то происходит, думаю, Черные Маги направляют против него какие-то чары, зная, что он может раскрыть их планы.

– Да, так и есть.

Маг махнул рукой, и из леса неслышно вышли четверо, видимо, его прислужники. Все они оказались женщинами-элива. «Ах, вот какие вы – Тени Служителей Древа». Женщины молча вытащили Сута из повозки и понесли в чащу.

– Они позаботятся о нем. Не волнуйся. Ну а ты как, Ал? И ты, Вигол?

– Да ничего, нормально… Ты так спокоен. Не понимаю. Думал, ты сразу бросишься расспрашивать.

– До утра нам незачем торопиться. Поэтому, сейчас наши умелые служители устроят нам хороший ужин, вы отдохнете и обстоятельно мне все расскажете.

– Сибадал! Есть новости, которые не терпят промедления!

– Ты про то, что тороки уже близко к Разлому?

– О! Вот как… И как же ты это узнал?

– Ну, у элива тоже есть сюрпризы. Особенно у такого старого, как я. Есть такие нити силы, которые непросто удержать…

Видя, как лицо Ала приобретает черты явного раздражения, Сибадал примирительно поднял руки:

– Ладно, ладно, привычки тяжело победить. Привык я так общаться. Ну, понимаешь – старейшина, Корень Древа. Элемент загадочности и таинственности в каждом слове… Все, с тобой не буду, – улыбнулся маг. – После того, как мы расстались, я отправился в Эдравир. Ты же знаешь, это древнейший город, и центр изучения магии элива. Там достаточно мастеров, способных к самой сложной магии. Мы нашли заклинания, которыми не пользовались в Лесу уже много тысяч лет. Было непросто, но совместными усилиями мы смогли сплести заклинание, которое позволило нам почувствовать пелену, которой Черные Маги укрыли орду. Да, эта пелена скрывает тороков от глаз наших воинов, но она же выдает местоположение самих колдунов, ее создавших. Чтобы укрывать такую массу существ, они используют просто уйму Силы, и эта сила оставляет след. Мы засекли его и, конечно же, были изумлены, когда вычислили, откуда идет сигнал.

– Да уж, представляю. Я летел сюда, чтобы предупредить, что у Элафа нет времени. Выходит – зря.

– Надеюсь, что не зря. Элаф отправился еще девять дней назад.

– Он успел собрать войско за такой срок?

– Нет. Не успел. У него лишь семнадцать тысяч воинов. В основном – гвардия Ствола Древа и воины из тех гарнизонов, которые смогли прислать подмогу по пути.

– Это даже не мало. Это… это просто ничего.

– Знаю, Ал. Поэтому, я снова надеюсь на тебя. Ваша битва привела к новому выбросу силы, и мы поняли, что на перевале произошло что-то ужасное. Мы снова провели ритуал и попытались пробить завесу черной магии. На какое-то мгновение мы успели увидеть картину побоища, и вдруг почувствовали… Сута. Я узнал его. Это было похоже на тот сеанс показа, который он провел нам в Тимлаве. Я понял, что он тоже пытался смотреть.

– Да, так и было. Тогда-то он и увидел движение войска Роррага.

– Именно. Вот тогда я и подумал, что ты обязательно бросишься к Лесу с вестями.

– А ты, Сибадал не перестаешь удивлять. Твоей проницательности любой гекон мог бы позавидовать. Почему ты оставил трон? Под твоим руководством Священный Лес был бы другим.

– Эх, Ал, я не был таким, когда был правителем. Тогда я вел себя точно так же, как Алаола. Власть сильно расслабляет, дает множество соблазнов. И я не достиг бы такого мастерства в магии, если бы не познавал ее так долго. Этому искусству нужно отдать все свое время, иначе твой удел – балаганные фокусы. Нет, Ал, видимо, все так и должно было быть. Он – властитель, а я – хранитель.

Пока Сибадал говорил, он подошел к рукатам, и похлопал одного из них по спине.

– Прекрасные животные. Хорошо, что ты привел их.

– Не уверен, что они нам еще пригодятся. Кажется, я загнал их.

– Нет. Не торопись их списывать. Они нам еще послужат.

Маг поднял посох, который снова засветился мягким голубым сиянием, и воткнул его в землю. Мерцающие во тьме ростки потянулись из-под копыт рукатов и оплели их ноги. Животные испуганно дернулись, но уже не смогли сделать ни шагу. А ростки продолжили удлиняться, оплели тела, головы, затем из ростков стали вытягиваться тонкие усики, которые пробили кожу и устремились внутрь. Это было видно по бледному свечению, которое начало растекаться под шкурой призрачными узорами. Рукаты, на удивление, вели себя спокойно – их мышцы немного дрожали, но животные не издавали ни звука.

– Им не больно, не беспокойся. Сам Лес сейчас наполняет их тела своей энергией. Утром ты удивишься. Идем со мной, наши Тени уже подготовили все необходимое для отдыха. Вигол, тебя, конечно же, тоже ждут там.

Сибадал провел их в лес по тропинке, обрамленной светящимися цветами, на поляну, в центре которой сверкало маленькое озерцо, из которого вытекал ручеек, убегавший под корни большого раскидистого дуба. По краям поляны стояли небольшие хижины, сплетенные из тонких лоз, по всей видимости, живых. В хижинах светились облачка светляков и бутоны цветов, растущих прямо из лоз. Самая большая из хижин была больше похожа на беседку с такой же плетеной из лоз мебелью и большим столом, на котором гостей уже ожидал прекрасный ужин.

– Э-э-э, – только и смог выдавить из себя Ал, – это давно тут? Или ты вырастил это специально для нас?

– Не я – это дело рук наших служительниц. Теней. Они непревзойденные мастерицы в своем ремесле. Можете совершить омовение в озере, а затем присоединиться ко мне за ужином.

– В озере? – удивился Вигол, – вот в этом?

– А что тебя удивляет?

– Сибадал, в его культуре не принято обнажаться при всех. А вот те прекрасные девушки, которые ждут у воды, совсем ему непривычны.

– Не знаю даже, что и сказать. Ты можешь совсем не смущаться. Они сделают все, что ты пожелаешь. Это их работа.

– Вигол, старина, – вмешался Ал, – завтра мы отправляемся на войну. Снова. И кто знает, может быть, такого приема нам уже никогда не испытать. Так что, отбрось сомнения и наслаждайся. В конце концов, за годы рабства ты, наверняка, навидался всякого.

– Так то у тороков. А эти женщины, они такие…

– Как знаешь – я полез в воду.

Служанка налила вина в высокий деревянный бокал, такой изящный, что ему мог бы позавидовать любой хрусталь. Ал отхлебнул и блаженно откинулся в глубоком кресле, наслаждаясь комфортом и чистотой. За время купания, сопровождавшегося массажем в четыре руки, другие прислужницы успели почистить его одежду и даже освежить ее ароматами цветов. Вигол все еще не вернулся из озерца. Видимо, что-то его удерживало.

– Умеете вы жить, Сибадал.

– Ну, даже я не каждый день себе это позволяю, а раньше, говорят, любой элива мог так проводить свой вечер. Да… много мы утратили. И еще больше можем потерять вскоре. Все потерять. Пора вернуться к делам. Расскажи мне подробно, что произошло у Голодной Пасти.

Ал залпом допил бокал, и начал свой рассказ.

– … так что, нет больше перевала «Голодная Пасть». Ну а потом Сут рассказал про орду, я нашел Канамука… А дальше ты уже знаешь.

– Да, Черные Маги застали нас врасплох. Кто бы мог подумать, что холин, которых тороки используют исключительно, как рабов и еду, объединятся с этими варварами.

– Не уверен я, Сибадал, что Черные Маги – все еще холин. Сдается мне, мы все ошибочно считаем их представителями одной расы. Возможно, Черные Маги – новая веха в истории народов Индерона.

– Возможно, ты прав. И все же, как мне не хватает понимания причин этой связи. Я, как будто, во тьме. Истина ускользает от моего взгляда. Может быть, ты видишь яснее. Ты пришел из другого мира, ты смотришь на все свежим взглядом. Возможно, ты предложишь какие-то новые идеи?

– Не знаю, Сибадал. Признаюсь, единственной моей идеей было – добраться сюда.

– А та вещь, что ты искал, может нам помочь?

– Не знаю. Что об этом гадать? Нет ни времени что-то придумывать, ни самой этой вещи.

– Ошибаешься. Мы нашли ее!

Ал аж подпрыгнул в кресле.

– Где? Где она? О, боги! Нет, даже если вы нашли ее, она же огромная, мы не сможем ее с места сдвинуть, я уж не говорю о том, что мы не можем ее доставить в Вардские горы.

– Не забывай про магию, Ал. Все получится. Думай, как можно применить свое оружие. А как его доставить, подумаю я.

– Это не оружие, почтенный Корень, это – источник силы. А оружие там, на катере. И если мы отправимся за ним, потратим время на то, чтобы его откопать – ведь оно под днищем того огромного железного дома – потом его нужно отсоединить от корпуса, потом придумать, как подсоединить к этому источнику силы… Мне месяц нужен на это.

– Думай, Ал, нужно торопиться. У меня тут лишь тридцать верховных магов. Завтра прибудет еще около двадцати, максимум – три десятка. Итого будет шестьдесят в лучшем случае. А у Роррага, как ты знаешь, почти в десять раз больше. Если ты не совершишь чудо в очередной раз, то мы обречены. А! Вот уже возвращаются твои друзья, поужинайте, отдохните.

Может быть, Вигол поможет тебе что-то придумать? Ты сказал, он неплохо понимает вашу магию, вдвоем вы сильнее. А мне остается только надеяться и выполнить свою часть работы. До завтра, встретимся на рассвете.

* * *

Ал проснулся от щебета птиц и яркого света, наполнившего ажурную хижину. На мягкой постели рядом с ним лежала прекрасная женщина. Вчера ночью он пытался ее выставить, но она сказала, что ее обязанность – оставаться с ним до утра и помочь расслабиться. «Ну, раз так, то гладь меня по спине, пока я не усну. Это мне нравится». Чувствовал он себя и вправду отдохнувшим и полным сил. Наверное, эти эливийские женщины действительно мастера своего дела и какой-то своей магии.

На поляне собирались люди. Из своих отдельных хижин вышли Вигол и Сут, из лесу появился Канамук. Сибадал тихо подошел сзади.

– Ну что, как отдохнул? Вижу, что хорошо. А твоя вещь уже скоро будет тут.

– Как она сможет прибыть? Здесь же непроходимая чаща.

– Немного подожди, сейчас сам все увидишь.

Далеко в глубине леса послышался нарастающий шум. Звуки приближались. Скрип дерева, шелест листьев и переливчатое пение хора из многих голосов. Кроны ближайших огромных деревьев зашевелились, зашумела листва, ветви, толщиной в тело элива, вдруг стали изгибаться, словно щупальца, и Ал с изумлением увидел, как к поляне, переплывая между кронами, приближается пятиметровый цилиндр генератора. Огромные деревья перемещали многотонную вещь, будто великаны, передающие игрушку из рук в руки. Между стволами лесных исполинов шли седовласые маги, нараспев читая заклинания и управляя движением деревьев. Генератор обогнул поляну и продолжил движение к краю леса.

– Вот это да! – только и смог вымолвить Ал, – а дальше что? Лес заканчивается совсем рядом.

– Идем, сам увидишь.

Ал быстрым шагом направился за процессией. Деревья замедлили свое движение, и их огромная ноша зависла над землей. Послышался шум с противоположной стороны, кусты и деревья наклонились, создавая широкий проход, и в конце этого живого тоннеля показалось нечто, что сначала он принял за большой деревянный дом. Но неизвестная конструкция приближалась, и превратилась в гигантскую повозку на огромных, в два роста, колесах. Ал вглядывался в эту конструкцию и не мог понять, почему она ему что-то напоминает. Вдруг его осенило: это же его собственная повозка, только, измененная и увеличенная. Было такое впечатление, что она выросла, словно каждая доска или брус, из которого состояла телега, ожили и растянулись, как вырастают побеги в могучие стволы. Но что же двигало эту титаническую телегу? Ал оббежал вокруг огромного борта и остолбенел: два гигантских животных, в которых лишь с большим трудом можно было узнать рукатов, пятились назад, толкая повозку-переросток. Бока и ноги рукатов бугрились толстенными жилами, скорее похожими на лианы, чем на животную плоть, и по этим жилам пробегали волны слабого голубого свечения. Головы украсились невероятного размера рогами, похожими на полированные стволы деревьев. Но больше всего поражали морды, на которых выросли мощные бивни, по три с каждой стороны, загнутые вперед, как тараны. Могучие холки выгибались шипастыми горбами на высоте никак не меньше четырех ростов элива, ноги стали толще столетних дубов. В целом эти чудовища производили просто неизгладимое впечатление. Кузов повозки остановился прямо под ветвями, и ценная находка мягко опустилась в подготовленное ложе.

– Я свою часть работы выполнил, – послышался голос Сибадала за спиной, – а как с идеями у тебя?

– Не густо, Корень. У нас нет времени ни на что. Единственное, что мне приходит на ум в данных условиях – превратить эту вещь в бомбу, то есть – подготовить западню, заманить туда всю орду и устроить один огромный взрыв. Это будет ужасно. И очень далеко от благородства и воинской чести.

Сибадал помолчал, глядя в землю, затем вздохнул и тихо сказал:

– Такое время сейчас: или мы, или они. Некоторые решения очень тяжелы, и от их принятия невозможно отвертеться.

Подошли Вигол и Сут. Сут как всегда был флегматичен, а Вигол таращил глаза и периодически что-то шептал на своем языке, задирая голову вверх.

– Тут, в этом фургоне, уже сложены все ваши вещи, включая оружие, броню и те инструменты, что были при вас. Готовь свою бомбу, Ал, а я буду вести наш караван, – старый волшебник решительно развернулся и пошел вперед. Остальные маги последовали за ним.

Ал заметил заботливо выращенную лесенку на корме, и вскарабкался в повозку. Прямо на его глазах из бортов начали расти новые ветви, которые переплетались в высокий свод, и вскоре повозка стала похожа на огромный передвижной ангар. Вигол и Сут присоединились к нему и стали обследовать их мобильный цех. Из бортов выросли лежаки, сиденья и стол, затем начали прорастать дополнительные кровати и стеллажи, вызвав недоумение присутствующих. Однако вскоре в телегу взобралась одна из женщин-Теней, потом еще одна, и еще, и загадка прояснилась. Эливийки притащили кухонную утварь, какие-то свои загадочные предметы, и вырастили перегородку, за которой стали размещаться сами. Ал прикинул, что длиной их повозка стала около пятнадцати, а то и более, метров. Да, тут можно разместить не один десяток пассажиров.

– Эх, жаль, что Канамука нет, – заметил Вигол, – славный он малый.

– Я тут, – раздался голос откуда-то сверху.

Вигол задрал голову, но ничего не увидел.

– Сейчас, погодите! – и куда-то в сторону, – Файлина, сделай мне лестницу внутрь, будь так добра.

Потолок образовал большое отверстие, и вниз протянулись гибкие побеги, которые переплели ветви, разбухли и тут же отвердели, образовав лесенку.

– Ал! Вигол! Лезьте сюда, вам понравится.

Над крышей фургона оказалась еще одна пристройка – кабина, из которой можно было управлять рукатами. С этой высоты открывался потрясающий вид на море трав вокруг. Панораму впереди заслоняла еще одна, точно такая же повозка, в которой суетилось множество элива. Было видно, как они доращивают и перекраивают свой транспорт прямо на ходу, организовывая условия для перевозки нескольких десятков магов. Ала немного кольнуло, что разделение пассажиров получилось таким своеобразным: в переднем фургоне ехали одни маги, а в заднем – они и прислуга. И он сказал об этом Виголу. Вигол рассмеялся, и сказал, что это не потому, что маги считают себя выше них, а потому, что у них уже не стоит. Пошлая шутка из уст кузнеца немало удивила гекона. Видимо, Вигол провел ночь куда интереснее, чем он сам. Между тем, только тут до него дошло, что вокруг уже степь, а это означало, что ход у этой громадной махины настолько мягкий, что он и не заметил, как она тронулась. Это отлично – работать можно будет с комфортом.

Канамук остался в своей кабине – управлять своим сухопутным крейсером, который понемногу набирал скорость, а Вигол с Алом спустились вниз – им предстояло многое сделать. Сут молча сидел рядом с женщинами, одну из них держа за руку. Кажется, ему было сейчас хорошо.

* * *

Магические животные тянули свои огромные фургоны по степи без сна и отдыха. Ал и Вигол разобрали генератор, чтобы соорудить из него бомбу. Однако, несмотря на все их старания, даже через пять дней пути им так и не удалось придумать, как эту бомбу активировать. Вигол впадал в инженерное безумие, предлагая разобрать броню, чтобы соорудить телеуправляемый детонатор, Ал пускался в пространные пояснения невозможности такого подхода. Впереди уже маячили вершины Стены Раздора, а у них так и не появился приемлемый вариант. Генератор протестировали, убедились, что он вполне исправен и стабилен, все системы защиты работали надежно, и Ал запустил его для проверки. Мощность была в порядке, расход топлива – всего шесть процентов. Если бы удалось превратить его в бомбу, то взрыв получился бы просто фантастическим – не менее сотни килотонн, но вот как заставить его взорваться? Лучшее, что им совместно удалось придумать – запустить цикл выработки энергии, предварительно заблокировав датчики перегрузки, но даже это не помогло бы: разработанная для армии модель все равно не переходила в самовозбуждение, так как срабатывал внутренний блокиратор, до которого добраться в таких условиях не представлялось возможным. Единственным способом его разрушить было – пробить бронированную пластину крышки модуля управления и разнести блок защиты вдребезги. Недостатком такого метода являлось то, что проверить эту теорию можно было ровно один раз. Со смертельным исходом для того, кто это сделает. Ну, и еще тех несчастных, кто окажется в радиусе нескольких километров. Положение казалось отчаянным.

На шестой день пути они прибыли к Стене Раздора. К повозкам приблизились вардские всадники на приземистых мохнатых животных и образовали конвой вокруг маленького каравана. Сибадал громко переговаривался с их предводителем, но Ал очень мало понял, так как знание вардского у Энола было слишком примитивным, а сам он видел вардов впервые. В воспоминаниях Цветка образ жителей гор был очень расплывчатым, видимо, сложенным на основе рассказов, а не на личном опыте, и сейчас гекон с интересом разглядывал воинов на мохнатых скакунах. Животные эти, если Энол ничего не напутал, назывались трампарами, и были приручены вардами много тысячелетий назад. Дикие их собратья стали редкостью и почти не встречались в Вардских горах. Трампары были ниже канаков, но гораздо массивнее – с короткими и мощными ногами, заканчивающимися широкими копытами, и толстыми бивнями, представлявшими из себя грозное оружие. Тело их было укрыто прядями длинной теплой шерсти, свисающей на брюхе, подобно юбке. Наездники выглядели под стать своим скакунам: невысокие, но очень мощные, с широкими плечами и толстыми руками и ногами, явно привычными к высоким нагрузкам. Тело воинов было укрыто густой растительностью, скорее шерстью, чем волосами. На головах вздымались пышные копны волос разных оттенков – от черного до огненно-рыжего. Растительность на лице начиналась прямо под глазами, и переходила в роскошные густые бороды, заплетенные большим количеством косичек. У некоторых косы с бороды перетекали в косы на голове, образуя вычурные прически. За спинами вардов сверкали остро наточенные широкие топоры, лишь немногим меньше торокских, а вот то, что было у них в руках, немало удивило: это были самые натуральные мушкеты с массивными зарядными полками и огромными курками. Горцы явно гордились этим оружием – на элива оно так же производило впечатление – по всей видимости, им уже приходилось сталкиваться с ним. Пока Ал разглядывал вардских солдат, их животных, сбрую, кожаные доспехи и оружие, Сибадал закончил переговоры, и предводитель охраны горцев взмахнул рукой, позволяя проезд. Повозки снова ускорились и взяли куда-то правее. Через некоторое время стало понятно, куда их направили: впереди показалась группа строений, явно похожая на железнодорожную станцию. От нее к горам шла насыпь, на гребне которой что-то блестело, видимо – рельсы. Насыпь подходила к скале и упиралась в темное отверстие тоннеля. На платформе у насыпи их

уже ждала группа вардов в одинаковых зеленых куртках, похоже – служащие дороги. Повозки остановились, и маги во главе с Сибадалом, стали спускаться по лесенке. Последовал новый темпераментный обмен фразами, из которых можно было понять лишь то, что маг просил срочно пропустить их куда-то. Группа в зеленых куртках стала бурно обсуждать что-то между собой, после чего варды убежали по своим делам, а Сибадал подошел к фургону с генератором.

– Что тут происходит? – спросил гекон.

– Это самый короткий путь к Большому Разлому. Варды построили тут дорогу для своего магического каравана, и прорыли тоннель сквозь Стену Раздора. Я попросил перегрузить нас и наш груз на их огненный караван. Так мы сможем уже к полудню быть на той стороне.

– А как мы это перегрузим? Тут не видно деревьев.

– У них есть какие-то свои приспособления. Так сказали сами хозяева этой дороги. Скоро увидим. А у вас как?

– Не могу обрадовать, если честно. Мы добились того, что можно устроить взрыв, но вот как это сделать на расстоянии, мы так и не придумали.

– А если сделать это вручную?

– Тогда тот, кто это сделает, мгновенно погибнет.

Сибадал снова задумчиво помолчал.

– Смерть одного ради жизни всех. Не слишком высокая плата.

– Да? И ты будешь решать, кому умирать?

– Нет. Думаю, найдется немало тех, кто сам сделает такой выбор.

– Мне не нравится эта философия! Я буду думать дальше. Я уж не говорю о том, что такой подход слишком ненадежен: торокам достаточно убить или ослепить этого добровольца, и вся наша идея пойдет прахом.

– А вот это действительно серьезная проблема. Тогда думай. Думай, Ал. Времени почти не осталось.

Со стороны станции послышались крики, Ал повернулся и увидел, как крупный вард в похожем на каску головном уборе машет им, указывая на платформу у края насыпи. В то же время по рельсам к этой платформе приближалась вереница тележек на металлических колесах – местный поезд. Толкал его пузатый паровозик, сверкающий начищенными до блеска бронзовыми боками. Машина была украшена узорами или рунами, и было непонятно, то ли это просто образец местного дизайна, то ли это элементы магии вардов – на Идероне все возможно. На последней платформе поезда возвышалась конструкция, в которой можно было узнать сложенный подъемный кран.

– Это за нами, поехали Канамук!

Следующие полдня были сущим кошмаром. Все попытки вардов перегрузить тяжелый генератор на тележки оказались безуспешными. Канаты в подъемной конструкции рвались, варды заменяли их, усиливали, но ничего не помогало. В конце-концов лопнуло крепление одной из опор самого крана, и надежду на то, что им удастся пройти Стену Раздора насквозь, пришлось похоронить. С тяжелым сердцем Ал снова поднялся на свою гигантскую повозку, и скомандовал гнать в обход. Драгоценное время было потеряно впустую. Всех четырех магических рукатов запрягли в одну повозку, и Канамук погнал вперед со всей скоростью, на которую были способны эти чудо-животные. Гнетущее предчувствие сдавливало грудь при виде того, как удаляется платформа станции с рассаживающимися на поезде магами и Сибадалом, провожающим их взглядом, наполненным страхом.

Снова гонка, снова летит по степи гигантская повозка с генератором, ведомая четверкой животных, невозможных в нормальном мире. Все прислужницы сошли вместе с магами, и теперь на борту гигантского транспорта остались только четверо. Ал и Вигол в сотый раз

перебирали варианты, споря на дикой смеси языков, Канамук валился с ног, засыпая урывками на несколько минут в своей рубке, а Сут лежал на лавке рядом с Алом, и все время молчал.

– Ну хоть что-то скажи!

Сут молча покачал головой в очередной раз, и снова уткнулся в сложенные под головой руки.

– Зачем ты вообще с нами поехал? Только погибнешь зря!

– Ссимпиоосс…

– Ну да, ну да. Толку от тебя! – Ал в раздражении грохнул кулаком по корпусу ненавистного куска металла, – а, черт! Вигол! А ты чего со мной увязался? Бежал бы в свой мир. А тут… кто знает, переживем ли следующий день.

– А сам-то что? Мог бы тоже уйти. Со мной, например. Или в другие Врата.

– Куда? За теми вратами эти твари все сожрали давно. Не зря же они так ринулись сюда. Там не выжить. А у вас меня как-то не очень приняли. Дырки были весьма болезненными.

– Сейчас ты со мной – это совсем иное дело. Но только ты прав: за остальными Вратами эти звери все уничтожили. И в моем мире они сделают то же самое. У нас есть пулеметы. И корабли, да, но этих тварей много. Очень много. Если они ринутся во Врата, их невозможно будет остановить. Они не ценят жизнь. Ни чужую, ни свою. И они пойдут по собственным трупам. Они пустят перед собой обозы с детьми и женщинами. А потом ринутся в бой, втаптывая тела своих соплеменников в землю. И убьют всех. Заберут все. Возможно, мы остановим этих, но вскоре придут изначальные. А остановить такой поток мы не сможем. Видел круг вокруг столба врат? На нем невозможно ничего построить, никаких сооружений. А выходить можно в любом направлении.

– Стену постройте вокруг. Мощную.

– Возможно, ты прав, но времени уже нет. Да и поверят ли в угрозу те, кто обладает властью?

– Не знаю. Я только спросил, почему ты остался. А ты придумываешь причины.

– Может быть, – едва слышно проговорил Вигол. – Я давно не был дома. А ты спас меня тут. Я обязан тебе жизнью. И вообще… Ты мой друг. Как я могу тебя оставить?

Ал почувствовал, как к горлу подступил комок. За всю его жизнь он впервые почувствовал, что нужен кому-то. Не его услуги, а он сам. Это было новое, и очень волнующее ощущение.

– Спасибо, Вигол. Не знаю даже, что тут сказать. Для меня честь быть твоим другом.

– Ссиимпиииооссс… – прошипел со своей полки Сут.

– Ну да, ну да. Ты, как всегда, вовремя. Ну что, Вигол, попробуем снова начать все с начала?..

Семь дней изнурительной гонки подходили к концу – горы справа и слева сходились все ближе и ближе. Впереди ждал Большой Разлом. Фургон с генератором несся по долине, где варды устроили свои сельскохозяйственные угодья. Ощущение беды нарастало все больше и больше – Ал видел следы тревоги повсюду: отряды вардов спешили в том же направлении, какие-то всадники на трампарах проносились им навстречу, возможно с дурными вестями. Наконец, стены скал сошлись так сильно, что между ними осталась лишь узкая вертикальная щель – горловина Большого Разлома. За ней уже выход в Торокскую степь. Сердца гекона учащенно забились, магические рукаты вдруг заревели, задергали головами, а Сут снова застонал, схватившись за голову. До чуткого слуха Ала донесся шум: крики, звон металла, топот ног – там уже шел бой. Они опоздали.

– Хрен вам! – взревел разъяренный Ал, – Гони, Канамук, как угодно, делай, что хочешь, только гони быстрее!

Вверху послышалось высокое пение, затем резко щелкнула плеть, и вдруг звери рванули так, словно им приделали реактивные двигатели. На полке зашипел Сут, слабо шевельнув рукой, подзывая к себе. Ал подбежал к нему, сел на пол и схватил маленькую руку иноплане-

тянина. Вспышка в сознании. Ощущение страха, боли, отчаяния. Лицо Сибадала. Жилы вздулись на шее, пот заливает глаза, посох бешено выписывает светящиеся знаки в воздухе. Панорама отодвинулась, стало видно редкую полоску воинов элива и чуть большую – вардов рядом с ними. Защитники Большого разлома медленно пятились под натиском жуткой силы. Толпа воинов-тороков атаковала грубо, в лоб, но все равно теснила объединенные силы защиты. Тела тороков светились багровым сиянием – над их головами клубилась уже знакомая красная завеса. Лучники неистово били по противнику, но стрелы будто вязли в воздухе, отклонялись, не достигая цели. Залпы вардов были эффективнее: тяжелые пули большого калибра пробивали магическую защиту, но зарядка длилась так долго, что второй выстрел многие стрелки уже не успевали сделать, падая под ударами огромных топоров. Самым ужасным было то, что все эти громадные потери объединенные силы элива и вардов несли от отряда всего в десять-двенадцать тысяч варваров. Торокский авангард, накачанный магией по самую макушку, разносил в пыль всю оборону союзников, числом не менее пятидесяти тысяч. Основные силы тороков медленно продвигались вперед, как и на перевале окружая собственными телами передвижные алтари. Сияющие алым светом тороки, пробивались к магам элива, которые изо всех сил сдерживали темных колдунов орды. На пути врага вырастали целые заросли цепких ростков, корни обвивали ноги варваров, вцеплялись в колеса повозок, но их рубили десятки тысяч топоров, жег магический огонь, даже зубы ска и гобов истребляли эту защиту. Целые реки горных животных – от крупных хищников до мелких грызунов – атаковали море зеленой смерти с флангов, призванные повелителями зверей, но и их уничтожала черная магия. На небольших горных террасах варды установили орудия, похожие на мортиры, и пытались бомбить медленно подступающую орду, но их снаряды отклонялись и взрывались, не достигая цели, или лишь задевая крайних солдат. Сибадал снова заполнил сознание Ала, и стало видно, как древний элива плетёт нити Силы, направляя их в сторону Черных Магов. А те уже составляли огромный круг из алтарей, готовясь создать тот ужасный зелено-коричневый шар, который, лопнув, убьет все живое вокруг. Лишь усилия Корня Древа мешали им сделать это. Но силы его таяли, гекон понял, что старик отдает последние их капли, убивая себя. Внезапно в сознание вторгся Тодан. Лицо его, покрытое брызгами крови разного цвета, озарила молния надежды, он крикнул что-то кому-то сбоку, невидимому в этой странной передаче, и побежал к своему канаку. Ал понял, что воевода направляется к нему, хотя и не понял, зачем. Вид битвы померк, связь прервалась. Сут безвольно упал на полку и, кажется, потерял сознание.

– Вигол, быстро надевай броню. Бери оружие, обоймы – все, что может понадобиться. Нам придется драться. И очень скоро. Канамук! Притормози, когда увидишь Опору Листьев, нужно его подхватить!

Едва они успели облачиться в боевые доспехи, как над краем борта показалась голова Тодана, сумевшего запрыгнуть на лестницу прямо на ходу.

– Ну, наконец-то, Ал! Ты вовремя!

– Боюсь, что уже опоздал…

– Нет! Мы успеем, должны успеть! Твое оружие готово?

– Готово… И нет. Оно может сработать, но запустить его можно только вручную, и только ценой жизни того, кто это сделает.

– Прекрасно! Показывай, как!

– Как ты собираешься это сделать? Мы же не установили ее! Дай команду отступать. Мы установим, дождемся пока они подойдут…

– Ал! У нас нет времени! И второго шанса тоже нет! Если они подойдут, то все мы умрем. Все! Сибадал держится из последних сил, я не знаю, на сколько его хватит. Показывай мне, что делать, я поведу фургон прямо туда, и там все сам запущу!

– Ты не пробьешься! Перед нами эти красные тороки, а потом еще целое море варваров. Они просто разнесут повозку в щепки! Ты не доедешь до места! Запустить это оружие нужно там, в самой гуще, чтобы наверняка убить всех черных колдунов.

– Тогда помоги! Прошу! Помоги нам! Я знаю, что прошу много, но… ради… я не знаю, ради чего ты можешь идти на такие жертвы, но я прошу тебя… умоляю!

– Встань, Тодан! Ты не должен унижаться. Я думаю. Я не знаю, что делать…

– Впереди наши! – заорал Канамук из своей «кабины», – вижу Сибадала!.

Ал принял решение.

– Вигол! Ты беги к Сибадалу! Скажи, пусть пробьют нам путь! Любой ценой! Быстро хватай Сута и выпрыгивай с ним! Быстро, сейчас!

Огромная стальная фигура метнулась к лежащему «ящеру», подхватила его и одним махом перелетела через борт.

– Что дальше? – враз поникнув, тихо проговорил Тодан, – покажи, что делать, и прыгай. Тебе незачем погибать со мной. Только помоги пробиться.

– Я сделаю, что смогу… Канамук! Канамук наверху! Прыгай, Канамук!

– Нет, – послышался спокойный голос сверху, – я буду вести. Сколько смогу. Я семь лет был их рабом. Я отомщу.

– Черт! Хорошо! Тодан, смотри сюда. Это оружие, оно стреляет вот отсюда. Оно слишком тяжелое для тебя. Без брони ты не сможешь его поднять. Я поставлю его здесь и направлю. Нужно, чтобы вот эта трубка была направлена прямо вот сюда. Если от тряски она сдвинется, постарайся снова ее направить. Когда поймешь, что время настало, просто потяни за вот этот крючок. Изо всех сил.

– И это все?

– Все. Остальное я сейчас готовлю.

– Так просто… Это хорошо. Настрой все правильно. Я хочу завершить свой Круг красиво.

– Это будет невероятно красиво, Тодан. Я ошибался в тебе. Ты достойный человек. Держись. Выбери момент правильно, а я должен идти.

– Иди. Ты…

– Некогда! Все! Пусть… а-а-а, черт! Гони, Канамук, не останавливайся. Не жалей рукатов. Удачи!

Ал выпрыгнул на ходу из фургона, и сразу упал всем корпусом на землю. Вовремя! Красные тороки оставили солдат вардов и элива, и собирались в живую стену, которая наливалась багровым огнем. Красная пелена клубилась, загустевала и уплотнялась – Черные Маги верно определили, что угрожает им больше всего на данный момент. «Вот и пришло твое время, Грета», – мысленно произнес гекон, вытягивая из кобуры бластер полковника. Красная стена налилась почти ощутимой плотностью, тороки оскалились, предвкушая победу и в этот раз. Ал прицелился, и выпустил вереницу плазменных шаров, пробивая в этой стене путь для фургона. Цепь ослепительных вспышек разорвала строй тороков. В живом заслоне возникла черная, дымящаяся пробоина, воины рядом с ней загорелись, повалились на землю, катаясь и вопя от боли. «Не ожидали? Ловите еще!» Ал бил и бил во врагов – уже сотни трупов укрыли землю. «Гром-12» опасно нагрелся, загорелся сигнал тревоги. Фургон достиг заслона, и без препятствий пронесся сквозь вражеский авангард. Магические рукаты ревели, разбрасывая бивнями тороков, огромные колеса перемалывали тех, кто пытался остановить смертельную повозку. Воспользовавшись передышкой, варды и элива, уцелевшие в бойне, бежали к гекону, сзади так же слышался топот множества ног. Ал обернулся, и увидел, как к нему спешно приближаются маги элива, во главе с Виголом, несущим на руках Сибадала.

– Помогите! Помогите ему! Все силы туда! – Ал указал на удаляющийся фургон, – я попытаюсь прикрыть его, а вы усиливайте его защиту. Делайте все, что можете! Это решающий момент!

Маги сгрудились, а затем начали собирать свой Круг Силы. Вигол поставил Сибадала на землю, но продолжал поддерживать его. Элива и варды окружали свои последние силы барьером, ощетинившимся копьями и топорами. Ал поскакал огромными прыжками к валунам, намереваясь получить лучшую позицию для стрельбы. Тороки в это время немного опомнились и снова бросились к своим врагам, поняв, что те закрывают что-то ценное. Их красное покрывало существенно поблекло, но все еще плыло над головами. А вдали уже потянулись в небо грязно-зеленые струи, сплетающиеся в кокон, который вскоре лопнет волной всеобщей смерти. «Ну что ж, я задержу вас, насколько смогу». Плазменные шары снова понеслись над голой землей, найдя в густой живой массе достаточно топлива для ярких костров. Визор на броне приблизил море тороков, и следующая очередь попала точнее – сразу два алтаря вспыхнули, сбив общий узор плетения черной магии. Ал переключился на одиночные, опасаясь взрыва оружия, но даже одиночные выстрелы наносили немало урона противнику. На сколько выстрелов еще хватит бластера? Сигнал перегрева уже сиял, оружие могло взорваться в любой момент. Нужно было дать ему хоть немного передышки. Сбоку послышались крики и звон оружия – тороки снова атаковали защитников магов. Ал схватил автомат, и дал длинную очередь прямо в гущу врагов. Прекрасное место! Тороки были развернуты к нему боком, и пули прошивали нескольких воинов за раз, пролетая вдоль красной пелены без препон. За несколько секунд в торокском строю образовалась изрядная просека. Варвары заревели и разом обернулись к нему – пелена заклубилась, сгущаясь между ними и геконом. Вдруг откуда-то со стороны круга волшебников-элива застрекотал второй автомат, и еще несколько десятков тороков упали. «Ага! Попали в клещи, сволочи! Попробуйте теперь выкрутиться. Варвары явно были сбиты с толку – красный туман носился хлопьями, не в состоянии собраться в монолитную преграду. Видимо, его создатели не могли определить, откуда идет угроза. Растерянность врага дорого ему стоила: хлестнули сотни луков, и сразу за этим грянул залп мушкетов. Не меньше пяти сотен врагов тут же упали. Хор тысяч глоток защитников радостно взревел между скалами. Автоматы косили врагов безостановочно, легко прошивая незащищенные броней тела. Снова залп стрел, еще один. Остатки авангарда варваров рассыпались на несколько несогласованных групп. Красный туман рассеялся, и элива с вардами с утроенной силой набросились на врага. Для передового отряда тороков все было кончено.

Время будто спрессовалось: с момента прыжка из фургона прошло лишь четыре минуты с небольшим, если верить цифрам на экране шлема. А фургон уже был рядом с основным войском орды. Ал видел, как маги элива вычерчивают в воздухе символы своими посохами, их губы шевелятся, непрерывно произнося заклинания. Казалось, они полностью погрузились в свой мир, и недавняя битва была ими не замечена. Визор приблизил повозку, которая была уже почти в пяти километрах от того места, где гекон покинул ее. Фургон изменился за время боя с красными тороками. Ветви и листья сплелись на его бортах так плотно, что создали почти сплошной кокон, острые шипы, размером с бревно, выросли наружу, превратившись в смертоносные острия. Изменились и рукаты, которые совсем потеряли сходство с оригинальными животными: их тоже окружила живая броня, а спереди, насколько это можно было понять с такого ракурса, так же, как и на торокском таране появился огромный треугольный щит. Ал видел, как от круга черных магов потянулись к фургону синие молнии, сжигающие защиту, обугленные ветви отваливались, но их место занимали молодые побеги. Битва жизни со смертью продолжалась непрерывно. И все же было заметно, что слой ветвей истончается, и долго защита фургона не продержится. Еще хотя бы пару минут хода! Ал снова схватил «Гром», и пару раз выстрелил в сторону черных колдунов а затем, повинуясь какому-то инстинкту, бросил оружие далеко вперед, и оно упало за валун. Буквально через миг там яростно полыхнуло,

и каменная крошка ударила по броне. Все, «Грета» умерла с честью. Больше он ничего не может сделать.

Вдруг из центра круга алтарей Черных Магов в небо потянулась грязная лента, похожая на змею, которая выискивает жертву. Лента немного помедлила, а затем с невероятной скоростью потянулась к магам жизни. Элива закричали и упали, содрогаясь в болезненных корчах. Лишь Сибадал невероятным усилием удержался, упав на колени. Вигол тут же метнулся к нему и поднял мага на ноги.

– Так, мальчик, держи, помоги мне… Сейчас. Сейчас… Инвалла ато дина го! – древний посох ударил в землю и вспыхнул зеленым пламенем. По черной ленте потекла струя ослепительной зелени. Посох чернел, трескался, и вдруг взорвался тысячей черных обломков. Но в небе вместе с ним разорвалась губительная змея.

Фургон с генератором врезался в массу торокских тел, разбрасывая их, словно тряпичные куклы. Но новые воины, будто совершенно не имея страха смерти, вставали на его пути – рукаты раскидывали и топтали их, но скорость продвижения постепенно падала. «Сейчас или никогда, Тодан».

– Ложитесь! – прогремел в разломе усиленный броней голос Ала. – Все ложитесь быстро! Развернитесь спиной к орде и падайте на землю! Закрывайте глаза! Укройте головы руками и…

Сработал фильтр на шлеме, защищая глаза. Ал вслепую спрыгнул с камня и распластался на земле. Камни под телом вздрогнули, спустя несколько секунд по ущелью пронеслась ударная волна, вырывая кусты и швыряя камни. Сколько защитников погибнет сейчас? Гул ветра и рокот осыпающихся камней постепенно стихли. Ал медленно поднялся на ноги, и осмотрелся вокруг. Рядом, насколько можно было видеть, лежали тела тороков и защитников Большого Разлома. Есть ли среди них живые, предстояло еще узнать. Над степью поднимался высокий дымный гриб, уходящий в небо. Орда исчезла. Это победа. Но сколько героев заплатили за нее своей жизнью?

Глава 9

Остатки орды убегали в степь – обозы, отставшие от основных сил, и потому избежавшие удара. Ал смотрел им вслед с высокой скалы, максимально приблизив изображение на экране шлема – воинов среди тороков не было заметно: старые мужчины, ска, гобы и немного оставшихся в живых рабов. Эти небольшие отряды, удиравшие от ужасного взрыва, больше не представляли угрозы. Скорее всего, их ждет скорая смерть в голой бесплодной пустыне. Чуть ближе к эпицентру лежали или неприкаянно бродили те, кто чудом пережил вспышку и ударную волну. Но все равно они были уже мертвецами – радиация вскоре доконает и их. В эпицентре взрыва зиял кратер, все еще дымящийся и оплывающий раскаленным песком. Тодан верно выбрал момент. «Да, воевода, ты закончил свой Круг Жизни по-настоящему красиво». Орда Роррага перестала существовать. Теперь нужно спуститься и заняться своими ранеными и мертвыми.

Лекари элива и вардов уже суетились между телами, командовали солдатами, отделяя еще живых от погибших. Раненых было очень много: ударная волна посекла воинов камнями, разбила их тела об острые скалы. Многие были обожжены или кричали, осознав, что ослепли – далеко не все выполнили приказ чужака, и остались стоять лицом к ядерному взрыву. Многие, очень многие из них умрут уже в ближайшие дни, многие умрут от лучевой болезни немного позже. Вот и этот мир познал ужас применения оружия массового поражения. Что ждет вас дальше, жители сказочного Индерона?

Вдалеке показалась группа вардов, приближающаяся к гекону. Какой-то вельможа в окружении охраны и придворных шел явно к нему. Все это не предвещало ничего хорошего.

Объяснять необходимость применения такого ужасного оружия вардскому военачальнику, да еще в окружении его погибших и искалеченных собратьев совершенно не хотелось. Но и уйти было нельзя. Где-то тут, среди тел, лежал Сибадал. И Вигол куда-то пропал. Нужно было найти их. Ал побрел между мертвыми, вглядываясь в груды тел и мусора, наметенного ужасным ударом. Вот, кажется, рукав одеяния мага элива выглядывает из-под кучи трупов вардских воинов. Ал аккуратно стянул погибших солдат в сторону и увидел искалеченное тело одного из верховных магов, стоявших в круге с Сибадалом. Вот еще один – тоже мертв. Посох мага с резным навершием, украшенным драгоценными камнями, – вот и все, что осталось от элива, прожившего не одну тысячу лет в этом мире. Бронированные пальцы сомкнулись на отполированном многовековым использованием дереве. Прекрасная вещь. Нужно оставить ее себе. Возможно, она еще послужит кому-то. Вардский военачальник подошел вплотную – его охрана стала обступать Ала по кругу. Один из спутников вельможи, видимо какой-то важный придворный чиновник, выступил вперед и громко произнес на эливийском языке:

– Его Каменная Мощь, повелитель гор и недр, владетель вершин и провалов, предводитель и защитник всех вардов, отец горного народа, покровитель тайных знаний и великий Мастер Огня и Металла – король Дорнар Великий!

Ал помедлил, обдумывая дальнейшие действия, затем включил звук на полную мощность, и устало произнес:

– Ты и вправду считаешь, что сейчас самое лучшее время для таких церемоний?

Королевский герольд ошарашенно открыл рот и замер на месте. Затем резко втянул в легкие воздух и заревел:

– Да как ты…

На плечо его легла властная рука.

– Оставь Крондин. Этот неизвестный воин прав: сейчас не время для церемоний.

Герольд поджал губы и отступил в сторону, давая пройти своему сюзерену.

– Кто ты? Мы не знали, что у элива есть такие солдаты.

– А я и не элива, – Ал откинул щиток шлема, и свита короля ахнула. Король тоже дернулся от неожиданности, но сохранил самообладание. Варды молча разглядывали незнакомца – он так же изучал их.

– Ты похож на торока. Но не такой уродливый. Кто ты?

– Меня зовут Ал. Я прибыл из другого мира.

– Удивительно. Я не раз видел пришельцев из других миров, но ни один из них не мог похвастать ни таким оружием, ни такими доспехами. Всем известно, что магия чужих миров не действует на Индероне.

– Это долгая история, уважаемый король, прости, не знаю, как следует обращаться к тебе.

– «Уважаемый король»? Меня это устраивает. Я люблю долгие истории. Не желаешь пройти в мой шатер?

– Нет, уважаемый король, сейчас действительно не время. Нам всем нужно убираться отсюда. И как можно быстрее.

– Почему это?

– Ты видел вспышку?

– Нет. То есть, я видел вспышку в небе, но ее закрывала от нас скала, а потом, когда прошла эта ужасная буря, мы увидели огромное облако, которое росло из земли, словно магический гриб. Что это? Темная магия этих зеленых выродков? Или это магия твоего мира?

– Это оружие моего мира. Страшное оружие. Я использовал его против тороков Роррага. Ты знаешь, что орды больше нет?

– Я послал туда своих разведчиков.

– Они не вернутся, король. Они обречены. Мне жаль… Нам тоже нужно уходить. Да, тот гриб – результат действия моего оружия. И он продолжает убивать. Мы все здесь рискуем.

Многие из этих воинов, – Ал обвел поле битвы рукой, – умрут вскоре. Нужно скорее забрать выживших, и убегать отсюда. Не медли, уважаемый – каждый миг пребывания здесь отнимает здоровье у твоих людей.

– Ал! – послышался возглас сзади.

– Элаф! Ты жив! Я рад тебя видеть, хоть в это и трудно поверить. Нужно собирать раненых и бежать отсюда.

– Твое оружие?

– Да. Тут где-то Сибадал. Я искал его. Его могло унести бурей. Здесь столько тел. Помогите мне.

Король вардов все это время с интересом наблюдал за их разговором, не убежав после предупреждения об опасности. Видимо, мужества ему было не занимать. Дорнар дал знак своей свите, и варды помчались выполнять приказание. Элива, пришедшие с Элафом, так же молча занялись делом.

– Нужно привлечь всех магов жизни, какие остались, всех лекарей. Вскоре эти воины – все, кто тут сейчас – начнут болеть. Я не знаю, как пояснить природу этой болезни. Пока что просто собирайте всех, кого еще можно спасти, и увозите подальше. Это место будет опасным еще долгие годы.

– Значит, – вмешался Дорнар, – путь через Большой разлом теперь станет смертельным?

– Да, особенно там, где сейчас стоит этот огромный гриб. Почему вы еще здесь? Разве король не должен быть в безопасности в первую очередь?

– Я в безопасности. Думаю, – он пристально посмотрел в глаза Элафу, – наш новый союз включает в себя и магию жизни для меня и моих воинов?

– Разумеется, Великий Мастер.

– Великий Мастер? Мне нравится такой титул, – произнес Ал, – я могу называть тебя так, уважаемый король?

– Да, именно так. Что ж, у нас еще будет время для беседы, я надеюсь. А пока – давай найдем того, кого ты ищешь.

Долгое время они бродили по полю боя. Солдаты вардов и элива переворачивали тела, прислушивались, пытаясь уловить хоть малейшие признаки жизни. Ал потребовал, чтобы оба предводителя своих народов приказали оставить павших. Им было трудно понять это требование, ведь по древним обычаям воинов следовало с почестями проводить в последний путь. А оставлять их, брошенными рядом с телами врагов, выглядело, как полное неуважение к памяти павших. Однако, рассказ об отваливающихся с живого тела кусках мяса и выкашлянных легких все же подействовал, и к нему прислушались. Драгоценное время уходило, а Алу приходилось убеждать, запугивать и даже угрожать. В конце концов, оба короля угрюмо согласились и приказали уделять внимание только живым.

Ал обыскал все вокруг. Представил, куда могло раскидать людей ударом, осмотрел трещины в скалах, но все безуспешно – Сибадала нигде не было. Наконец, совсем рядом с тем местом, где маги держали свой Круг Силы, послышались крики, на зов стали сбегаться воины и он тоже устремился туда. Несколько солдат сдвигали достаточно крупный валун – под ним что-то блестело среди мусора и каменной крошки. Камень поддавался с трудом, Ал ухватил его за выступ – искусственные мускулы брони застонали от напряжения – и глыба, уступив общим усилиям, откатилась в сторону, открывая фигуру в доспехах. Мелкий щебень и ветки полетели в сторону, показалась неестественно повернутая голова Вигола – вся в порезах и ссадинах, с огромной раной на затылке. Руки скрывались внизу, будто он удерживал что-то. Ал подхватил его за плечи, четверо сильных вардских воинов взяли за ноги. Осторожно они подняли массивное тело, и вдруг увидели, что же держит Вигол. Это был Сибадал.

* * *

– Как он? – отодвинув полог палатки, спросил Ал.

Пожилой лекарь взмахнул рукой у лица, прося тишины, и указал наружу.

– Он в тяжелом состоянии: сломана шея, пробита затылочная кость. Но ему повезло: наша магия действует на его тело. Думаю, через неделю он сможет снова почувствовать свои конечности. Мы позаботимся о нем, не волнуйся. Элива умеют быть благодарными.

– А Сибадал?

Лекарь вздохнул и помедлил с ответом.

– С ним дело обстоит еще хуже: мало того, что у него много ран – сломано несколько костей и повреждены глаза – он, к тому же, отдал все свои силы в бою. Его тело полностью истощено, но страшнее всего то, что Великий Корень не принимает наше лечение. Что-то произошло, когда он схватился с той черной лентой. Тьма вошла в него. Он умирает. Мы будем поддерживать его столько, сколько можем, но конец неизбежен.

– Что же делать?

– Не знаю. Никто из нас не знает. Наш совет решил, что его нужно отправить в Священный Лес. Может быть там… Может быть, сам Лес сможет дать ему силы…

– Я хочу поехать с ним. Можно?

– Я не могу ответить на этот вопрос. Я – всего лишь лекарь. Думаю, тебе следует говорить об этом с Опорой Цветов.

Ал покинул палатку и понуро побрел по лагерю. Видеться с Элафом не хотелось. Единственный элива, который понимал его и уважал, лежал сейчас палатке, которая осталась за спиной, и медленно умирал от действия темной магии. Все планы и надежды рассыпались. Что делать дальше? Тгар-ха – изначальные тороки – приближаются как неотвратимое наводнение, как этому противостоять и что делать – непонятно. Возможно, Сибадал имел какие-то идеи, но с ним уже не поговорить. Элаф – самовлюбленный болван с завышенным самомнением, неспособный к масштабному мышлению. Может быть, самое лучшее, что можно сейчас сделать – дождаться, пока Вигол встанет на ноги и отправиться с ним в мир умма. Если его сородичи все же прислушаются к ним, за четыре года можно построить бетонную стену вокруг Врат. Установить пулеметы, огнеметы, колючую проволоку под напряжением… У Ала богатый опыт в преодолении систем защиты: он изучал их, знал досконально все особенности, преимущества и недостатки. С его опытом они смогут построить действительно надежный барьер и отстоять проход. Да, наверное, это самый разумный путь сейчас.

– Кхм… Сэр Ал, – послышался низкий голос. Ал очнулся от раздумий, и увидел перед собой незнакомого варда, – я Кадарал – личный подмастерье нашего короля, Великого Мастера Дорнара, могу я поговорить с тобой?

– Да, – с удивлением ответил Ал, – можно поговорить. Хотя, если честно, я не знаю, о чем сейчас можно говорить.

– Я – личный подмастерье короля, но это не значит, что я неопытный помощник, это такой титул. Он означает, что я искусен в нашем главном деле настолько, что сам король покровительствует мне. А я создаю наши новые… индара. Тебе знакомо это слово? Ты видел образцы нашего искусства?

– Вашей магии?

– Нет. Не магии – искусства. Варды не используют магию, ну, почти не используют. Во всяком случае, такую, как элива. Мы развиваем искусство. Мы познаем свойства камня, металла, воды, огня, воздуха. И так создаем свои чудеса.

– Я вспомнил это слово. Индара, да. Мой друг, маг элива, рассказывал мне. Так вы называете то, что мы называем машинами. Значит ты – мастер индара, Кадарал.

– Спасибо за такие слова, но лучше не произноси их при посторонних. Мастерами можно называть лишь знатных вардов. А я простой подмастерье. Вернее – Его Личный Подмастерье.

– Странно, ваши титулы звучат так, что складывается впечатление, будто у вашего народа в большем почете тот, кто наиболее искусен, а не тот, кто богат или родовит. Значит, у вас важнее личные знания и мастерство, а не род.

– Да, так и было когда-то, – осторожно произнес Кадарал. – Но об этом тоже не стоит говорить вслух.

– Хм… И ты так просто говоришь об этом со мной? Не боишься?

– Боюсь. Немного. Но я наблюдал за тобой. Ты беспокоишься о том маге элива, и еще о том пришельце из-за Врат, хотя они и чужаки для тебя. Значит, у тебя доброе сердце.

– Хм, сердца, – усмехнулся Ал.

– Не понял, извини, сэр Ал.

– Это я так пошутил. У меня ведь два сердца, тут и тут.

– О! Никогда о таком не слышал. Из какого же ты мира? Я собирал знания обо всех иномирцах, но не слышал о вратах, за которыми живут такие, как ты.

– Это долгая история, Кадарал. И мне сейчас не хочется ее рассказывать. Слишком это все не к месту. Посмотри вокруг: сколько боли и страдания, сколько раненых. Ты действительно думаешь, что это – хорошее место и время для историй?

– Прости. Ты прав, конечно. Но я боюсь, что не увижу тебя больше. А мне так хочется поговорить с тобой, узнать о тебе, твоем мире, ваших достижениях, и…

– Об оружии. Конечно же.

– Не смотри на меня так, сэр Ал. Да, действительно, мне хочется узнать о нем. Ведь я оружейник. Это я придумал те огнестрелы, которые ты видел сегодня в бою, – в голосе мастера-варда слышалась явная гордость, – ты видел, как хорошо они противостояли торокам, даже когда тех защищала магия темных холин. Если бы я смог сделать их скорострельнее, придумать, как упростить зарядку, мы не потеряли бы столько воинов. А твое оружие стреляет так быстро, что я не могу в это даже поверить. Так говорили мне наши солдаты, которые видели его в деле. И еще, что оно стреляет очень тихо. Это правда?

– Правда, мастер. Но я не знаю, могу ли я рассказать тебе про это оружие.

– Почему?!

– А ты хотел бы, чтобы я раскрыл тайну этого оружия элива? А торокам?

– Но мы не тороки!

– Вы и не элива. Не холин. Хочешь, я научу холин, как делать такое оружие?

Оружейник замолчал, не найдя, что ответить.

– Но может быть… Может что-то не такое смертоносное… Ведь ты, наверное, знаешь очень много. Ты мог бы научить нас мирному искусству.

– Может быть. Но знаешь, Кадарал, все знания, рано или поздно, превращаются в оружие.

– Тогда, какая разница? Значит, рано или поздно, мы сами додумаемся до этого. Разве не так?

– Так. Но лучше – как можно позже.

– А если бы ты не использовал свое страшное оружие сегодня, мы бы смогли победить?

Теперь настала очередь Ала смущенно молчать.

– Нет. Вы бы погибли. Все. Все до единого. И не только воины.

– Вот видишь!

– Вижу. Вот только, если дать вам такое оружие, вы сами не превратитесь в тороков? В пошесть, уничтожающую все живое? Вот ты совсем недавно говорил, что я не должен называть тебя мастером. Что все изменилось, и, похоже, – в худшую сторону. Почему? Можешь ответить мне? Вот у вас раньше появился огненный караван, теперь ты придумал огнестрелы, а что,

ваш народ после этого стал жить лучше? Можешь ты сказать, что вы, варды, счастливы под управлением вашего короля?

На мохнатом лице варда трудно было уловить мимику, понять эмоции, но глаза выдавали смущение и страх.

– Прости, сэр Ал, я не могу говорить об этом.

– Вот именно. Не можешь. Подумай о моих словах.

– И все же, я хотел бы увидеться с тобой еще раз. Я бы отвел тебя в свою мастерскую, показал свои находки и изобретения. Для тебя это, возможно, примитивно – я понимаю – но все же, я хотел бы показать свои творения такому человеку, как ты.

– Я не могу этого обещать – все стало так сложно. Но если у меня будет возможность, я обязательно приду в гости к тебе.

– Спасибо! Я буду с нетерпением ждать твоего визита.

Вард с достоинством поклонился и повернулся, чтобы уйти.

– Погоди, все хотел спросить. А откуда ты знаешь язык элива? И еще, ты обратился ко мне «сэр Ал», откуда ты это узнал?

– Ну, язык элива изучают все, кто работает при дворе. К тому же, я часто имею дело с торговцами из Леса. Ведь элива любят наши изделия и предметы роскоши. Я веду с ними переговоры. А про твое имя я узнал от элива. Я спросил у их мага, он и подсказал.

– О, боги! Кто-то из них остался жив! Я должен идти. До встречи, мастер Кадарал.

* * *

Дилнот – самый молодой из высших магов Священного Леса – занимался подготовкой Сибадала к отправке домой. Он и еще пара его коллег выжили в схватке с Черными Магами. Трое из всего отряда. В Священном Лесу больше некому было учить молодежь, некому следить за благополучием Леса. Тень печали и беспокойства не покидала лица молодого Мага Жизни, который совершенно неожиданно для себя стал одним из троих величайших волшебников элива и членом Совета старейшин. Конечно, были еще чистокровные вельможи, такие, как Элаф или Алаола, который даже имел титул верховного мага. В действительности же его мастерство было весьма посредственным в сравнении с тем, что умели Служители Древа. Мало иметь хорошую кровь, нужно еще долго и упорно учиться, для чего у Ствола Древа не находилось времени. Или желания. Дилнот видел Ала раньше, знал, что Корень Древа был привязан к нему и благоволил чужаку. Но сейчас все изменилось. Идти против воли своего суверена он не решился бы никогда, а какова эта воля, было совершенно непонятно. Поэтому, он соврал, сказав, что ничего не знает о Сибадале и плане его перемещения в Лес – пусть кто-то другой решает, что делать с этим огромным зеленым пришельцем. Так безопаснее.

* * *

Ал сидел у палатки с раненым Виголом, охраняя броню. В его собственном костюме заряда осталось совсем немного: хватит на пару дней не очень активного использования. А потом он станет просто грудой металла. Оставить такие артефакты этим – он не мог подобрать слова – в общем, вардам или элива, он совершенно не желал. Возможно, лучшее, что можно сделать – оттянуть оба костюма подальше и там активировать самоликвидацию. А дальше? Гекон вспомнил слова лекаря: «Элива умеют быть благодарными». Видимо – не все. Или не ко всем. Возможно, нужно вернуться к тому лекарю? Может быть, он поможет найти какую-то повозку, и можно будет вернуть скафандры в катер? Захватывать силой не хочется. Конечно, он еще может драться и положит немало противников. Но станет врагом для всех. Их много – он один. А может, черт дери, устроить переворот? Пройти через их ряды огненным мечом, устро-

ить им Армагеддон, убить обоих королей и захватить власть? А что? Ал Первый – король Леса и Гор. Под его руководством варды уже через три года смогут выпустить танки. Ну, во всяком случае, изделие сможет ездить и стрелять. Должна же тут быть нефть, например? Если есть нефть – можно сделать примитивные двигатели. Это просто. Вот только тороки… Их сотни миллионов. Даже совместная армия вардов и элива, даже с теми танками, которые успели бы они создать за это время, не справится с такой массой. Слишком мало их. А про холин ничего не известно. И времени на захват всех земель и построение империи на всем материке просто нет. Это только фантазии. Да и вообще – перебить половину народа в имперской войне, только для того, чтобы было кого отправить на другую войну – идея отдающая безумием. Ал долго служил тем, кто мыслил подобным образом, и видел результат воплощения этих идей. Остекленевшая обугленная поверхность планет мало походила на то, что обещали в своих речах эти вожди. «Я устал от войн. И устал от Индерона. После всех битв, которые я выиграл для них, после всего что сделал, чтобы их народы выжили, я все равно виноват. Виноват в том, что погибли тысячи их соплеменников, виноват, что унизил их предводителей. Сею, видишь ли, смуту. Уходить. Подорвать броню и уходить к Виголу».

– Досточтимый Ал, к тебе взываем! Опора Цветов, защитник Священного Леса, Великий Воевода Элаф и Его Каменная Мощь, Мастер Огня и Металла, король вардов Дорнар изволили видеть тебя и ждут без промедления, – сразу два герольда от вардов и элива торжественно стояли перед ним. Сзади их авторитет подкрепляли по два десятка воинов каждой расы.

«Много же вас со мной воевать собралось, где вы были, пока тороки наступали?»

* * *

– Садись Ал, гость из другого мира, – Дорнар на правах хозяина указал на невысокое кресло, установленное напротив его передвижного трона почти в центре большого шатра. «Будто суд», – подумал Ал. Рядом с королем вардов на троне поменьше сидел Элаф, как гость (и, всего лишь, военачальник), – у нас с Опорой Цветов есть разговор к тебе.

– Что ж, давай поговорим, хотя, пожалуй, твой стульчик вряд ли сможет выдержать мой вес, так что я постою. Итак, о чем вы, вожди своих народов, хотите поговорить со мной?

– А ты дерзок, как меня и предупреждали.

– Кто предупреждал? Элаф? Может быть, он рассказал тебе, что я – вежливый человек, до тех пор, пока на меня не начинают давить?

– А на тебя уже давят?

– А ты позвал меня для светской беседы, послав кучу солдат, чтобы «пригласить» меня? Или дело в том, что у тебя ко мне есть предложение, от которого я не должен отказаться?

– Что ж, в проницательности тебе не откажешь. Хочешь разговора начистоту? Хорошо, поговорим. Нам нужно твое оружие, нужны твои знания. Я хочу, чтобы ты стал моим подмастерьем.

– Ты хочешь, чтобы я присягнул тебе и служил всю жизнь? – насмешливо проговорил гекон. – Что дает тебе основания думать, что ты можешь властвовать надо мной? Разве Элаф не рассказал тебе, чем кончились попытки элива подчинить меня себе?

– Мы не элива, а ты уже растратил свое оружие, и вряд ли сможешь воевать со всей моей армией. С нашими объединенными армиями, – Дорнар взглянул на Элафа, – тебе придется выбрать себе хозяина или…

Ал вскипел. Мгновенно закрыв щиток шлема, он одним прыжком подлетел к королю и поднял того в воздух на вытянутой руке, слегка сжимая варду шею метапластовыми пальцами.

– Хочешь быть моим хозяином? Хозяином? – Засвистели стрелы, тут же грянул залп мушкетов, несколько раненных слуг закричали, поймав рикошеты. Ал засмеялся, усилив звук и сместив свой голос в низкие частоты. Получилось демонически ужасно. Слуги бросились

наутек, элива выпустили еще порцию стрел с тем же результатом. Несколько вардов выхватили топоры, и попытались напасть с тыла. Ал взял королевский трон второй рукой, пока Дорнар сучил ногами, цепляясь руками за броню, и с демонстративной вальяжностью отмахнулся от них круговым ударом. Воины упали, и больше не вставали.

– Идиоты. Тупые пещерные ублюдки с горой амбиций! Вы, неблагодарные твари, задницы которых я спас уже много раз!..

– Ты убил сотни элива и вардов! А может быть, и тысячи! – заорал Элаф.

– А! Вот ты как заговорил! А что было бы, если бы я не применил свое оружие? Кто бы из вас выжил?

– К нам шло подкрепление! Ты видел войска, которые подошли буквально сразу после той страшной вспышки? Еще пятьдесят тысяч бойцов! А через три дня было бы еще больше!

– У вас НЕ БЫЛО трех дней! Даже полдня! У вас вообще ничего не было. Если бы не мой удар, маги холин раздавили бы вас, как насекомых! Ты не веришь мне, но твой брат Тодан видел их силу собственными глазами. Ощущал ее на своем горле! И потому он сам вызвался запустить мое оружие. Он жизнь отдал, потому, что понимал опасность!

– Именно! Он отдал жизнь! Из-за тебя! Ты заморочил ему голову своими чарами! Ты придумал какую-то вселенскую опасность. Каких-то изначальных тороков, которых никто не видел. А ведь почтенный Мастер Дорнар не раз посылал экспедиции на юг. Он рассказал мне все. Там нет ничего! Пустыня, которая упирается в море! И все! Никакого перехода не существует! Ты солгал нам! Ты смог провести всех, даже моего отца! И я больше не куплюсь на эти уловки! У тебя есть лишь два пути: служить нам, передав свои знания, или умереть! Пусть ты силен, но твоя сила не беспредельна. А заряды в оружии закончатся! Великий Мастер открыл мне тайну любого индара! Так что, рано или поздно у твоего оружия и брони закончится магическая сила, и что ты будешь делать потом?

– А не будет никакого «потом». Сейчас я раздавлю шею этому ублюдку – видишь, как ножками сучит? – потом тебе голову оторву.

Элаф отступил за спину охраны, вжав голову в плечи. Варды и элива ходили кругами вокруг злобного пришельца, но не знали, как к нему подступиться: ни стрелы, ни заряды «огнестрелов» не оставили на чудесной броне даже вмятинки. Оставалось только ждать момента, когда прибудет подкрепление или закончатся те силы, о которых говорил Ветвь Древа.

– Вы, воины-элива, опустите оружие, – изменив голос на нормальный, обратился к солдатам Ал, – выйдите из шатра, найдите своих соплеменников, которые воевали рядом со мной у Голодной Пасти, делили место у костра и опасности в боях. Спросите их, каков я, за кого я бился, и каков я в бою. Найдите тех несчастных, которых я вытащил из торокского рабства, может, тогда поймёте, какие убожества правят вами. До чего вы опустились? Вы, элива – когда-то властители всего живого! Вы, которые могли управлять животными и растениями – каждый из вас! Разве тогда вам нужны были эти вельможи? А вы, варды? Разве в былые времена мастером считался тот, кто принадлежит к какому-то там «знатному» роду? Или тот, кто умеет лучше созидать, лучше творить, а? Вы забыли свою историю! Кто из вас знает о крадагах, которые привели вас всех в этот мир? Эх вы…

Ал брезгливо отбросил Дорнара, словно кучу тряпья, в сторону и пошел к выходу из шатра. На пороге он обернулся и, полуобернувшись к королю, которого слуги поднимали на ноги, отчеканил:

– Через десятую часть дня у врачебной палатки, где лежит мой друг, ты поставишь самую большую и крепкую повозку, какая есть у тебя. Не просто повозку – крытый фургон. С четырьмя канаками. Нет, пусть их будет шесть – попроси у своего нового союзника. В фургон ты прикажешь погрузить достаточный запас продуктов и воды для двоих, нет, для четверых человек на две недели. Если фургона не будет, я тебя убью. И Элафа убью. Может быть, я и не смогу победить всю вашу армию, как ты говоришь, но вас двоих я убью совершенно точно. И

без сожаления. Если ты попытаешься украсть вторую броню – я вас убью. Так что пошли гонца отменить свой приказ – что, удивлен, что я знаю? Я все знаю, имей это в виду. Если пошлешь за мной шпионов, или Элаф пошлет – не важно – я вас убью. Если вы сделаете – или даже просто подумаете сделать – что-то плохое моим друзьям – я вас убью. Если вы мне не понравитесь – я вас убью. Попробуйте хоть посмотреть на меня косо – я вас убью! Убью ваших близких, ваших друзей – всех, кто вам дорог. И вы ничего не сможете сделать, чтобы меня остановить. Но если вы будете упорствовать, если заставите меня отступить и спрятаться, то однажды в ваших владениях появится демон. И тогда вас убьет он. Он будет жрать ваших детей у вас на глазах, разрывать ваших женщин, а вы будете подыхать в лужах собственной крови и дерьма, глядя на это. Подумайте об этом очень хорошо, когда соберете здесь совет, чтобы измыслить какую-то пакость против меня. Я ухожу из вашего мира. Не мешайте мне или умрете. И еще. Мне жаль вас. Через пять лет вы все умрете. Сибадал понимал это, но вы слишком тупы. Я хотел спасти этот мир, но вижу, что он не достоин спасения. Прощайте. Хорошо вам провести оставшиеся пять лет жизни.

Камера заднего вида показывала испуганные лица воинов, тех, кто понимал эливийский, на котором гекон произнес свою прощальную речь. Остальные озирались на тех, кто понял, слушали их сумбурный перевод, и на их лицах так же появлялась тревога. Солдаты переводили взгляд с фигуры чужака, которая решительно удалялась от шатра, на своих повелителей, ожидая приказа. Но его все не поступало. В сердцах тех, кто услышал пророчество страшного пришельца, начинал зарождаться ужас.

* * *

Старого лекаря звали Калафин, ему было уже свыше двух тысяч лет, и он лечил очень многих знатных элива за свою долгую жизнь. Глаза его сверкали гневом из под густых, почти сросшихся в одну нить, белых бровей. Он кричал, возмущался, пробовал угрожать и замолчал только тогда, когда Ал пообещал убить всех его пациентов. Лекарь взглянул на него с ужасом и отвращением, но затем взял себя в руки, приказал своим ассистентам продолжать его дело, и с видом подчинившегося, но гордого мученика отправился к фургону, снаряженному Дорнаром. Оба правителя в окружении своих солдат молча наблюдали за ним, сжимая кулаки и стискивая зубы от бессильной ярости. Ал игнорировал их гневные взгляды. Проверив снаряжение, воду и пищу, он погрузил броню Вигола и самого кузнеца в фургон, загнал внутрь лекаря, заявив, что если тот вдруг на середине пути вспомнит, что у него кончились лекарства или еще что-то нужное, то он сдерет с него кожу заживо. Наконец все было проверено, все заверения в подготовленности к пути получены, канаки, которых Ал реквизировал у Алаолы, подвергнуты тщательному осмотру, и фургон неспеша покатил в сторону Диких Земель. Колеса тихо стучали по каменистой дороге. Воины вардов и элива стояли отдельными группами, глядя вслед удаляющемуся чужаку. Ал равнодушно отвернулся от них, демонстрируя полное презрение к их возможной угрозе. Батарея в броне показывала 8 % заряда. Этот блеф может пройти еще раз, не более. «Что ж, надеюсь, я вас больше не встречу».

* * *

Дорога медленно ползла под колесами, ярко светило вечернее солнце, длинные тени скал пересекали путь. Лагерь союзных войск давно скрылся из виду. Внезапно в тени валуна далеко впереди, Ал заметил признаки движения. Еще в лагере он избавился от меланхолии и рассеянности, снова собрал в кулак свою волю и очистил восприятие. Поэтому, как бы ни старался скрыться шпион, ему не удастся подкараулить гекона. Тем более – в боевом состоянии. Предохранитель на автомате щелкнул, переходя в боевой режим – камень, с врагом, прячущимся за

ним, медленно приближался. Ал делал вид, что просто смотрит вперед, – щиток был откинут – подставив лицо лучам уходящего за горы светила. Калафин забился в дальний угол фургона и не шевелился. Видимо, он был не в курсе засады. «Что ж, его убивать не будем». Валун все ближе, ближе, чувства обострились – мозг уже рассчитывает варианты возможных событий и позиций врагов. Вот там хорошая позиция. И еще с этой стороны. Ствол автомата незаметно сдвигается в сторону предполагаемого места появления противника…

– Аал! Этто йя! Суут!

Ал замер, даже открыл рот от удивления. Как он мог забыть про Сута? «О, Боги! Какой стыд!» Отправив того в пылу схватки подальше, он сначала решил, что маленький ящер куда-то ушел, потом, что он погиб во время взрыва. На поле боя его не нашли и гекон мысленно похоронил хвостатого пришельца.

– Сут! Дружище! Беги сюда! Как же я рад тебя видеть!

Сут забрался в повозку и сел рядом.

– Ты ссапыл про меня. А опещал. Симпиосс.

Ал смущенно потупился.

– Прости, Сут. Не стану врать, на некоторое время я забыл о тебе. Но как же я рад, что ты выжил! Я рад тебе. И теперь исполню свое обещание.

Сут протянул вопросительно свою тонкую четырехпалую ладонь, слегка шлепнув пальцами по броне.

– Хочешь поговорить? А это уместно тут? – Сут кивнул, подтверждая безопасность разговора, – ну что ж, давай, поговорим.

Перчатка отстегнулась, и Ал протянул открытую ладонь навстречу маленькой четырехпалой руке. Мир привычно засиял и перевернулся. Снова белая комната, в которой Сут – полновластный хозяин, сильный и независимый.

– Ал, как ты мог забыть обо мне?

– А ты видел, что там творилось? Посмотри на Вигола! Ему нужна помощь. И его нужно отправить домой. А еще на меня ополчились варды и элива.

– За что?

– Все хотят мои знания, всем нужно оружие! Они хотят, чтобы я работал на них, а я отказал! Мало того, Элаф меня обвинил в том, что я убил своим оружием их соплеменников!

– Можно я посмотрю в твоей памяти то, что случилось после нашего расставания?

– Валяй.

– Вижу Ал, у тебя действительно много проблем. Понимаю. А как же я? Ты не поможешь мне теперь?

– Почему ты так решил?

– Но ты же едешь к Вратам, ведущим в мир Вигола! Если ты войдешь в них, то уже не сможешь вернуться. Теперь у тебя тут ни друзей, ни союзников. А твое оружие перестанет работать. Получается, ты бросишь меня тут? Я понимаю, что не могу требовать от тебя ничего – ты не обязан мне ничем. Но я верил, что ты поможешь…

Сут поник головой и упал в кресло, которое за мгновение до того возникло у него за спиной.

– Сут… Сут! Послушай. У меня почти нет друзей в этом мире… Да и в том не было. Вигол – мой друг. Ты тоже мой друг. Я обещал тебе, я помогу.

– Как?!

– Давай подумаем спокойно. Что у нас есть? Вигол, который сейчас в тяжелом состоянии, и его нужно доставить домой, еще есть ты со своими вратами, ну и я, грешный. А давай сделаем так: заедем в Лес, к катеру. Пополним батареи скафандра, патронов возьмем. Еще там армейский паек остался – тоже не лишним будет. Вигол как раз немного отойдет – Калафин

постарается, или я ему ноги откручу. Вот. А оттуда поедем к его Вратам. Там его высадим, он пойдет к своим – как думаешь, сможешь определить границу действия Врат? Ну, чтоб моя техника не выключилась?

– Думаю, могу.

– Ну вот. Отвезем Вигола, а потом поедем к твоим Вратам. Кстати, где они?

– Мы как раз удаляемся от них.

– Сут!.. Да что ж такое, м-мать тороков! Ну и что делать? Почему ты не сказал сразу? Вообще, почему ты пропал – ты же с Виголом был! Не мог сразу объявиться?

– Ал, в последнее время ты стал слишком эмоционален. Где твои логические способности? Если эти два вождя пытались прикарманить тебя, то, что было бы со мной?

– Эх… да, в последнее время я не в форме, ты прав. Да, и про вождей тоже.

– Я прятался. Украл немного продуктов во время боя, и изо всех сил рванул в обратную сторону. Или нужно было получить хорошую дозу радиации?

– Радиации? Хм… Значит, ядерные генераторы для тебя не в новинку?

– Не думаю, что мне нужно отвечать.

– И ты еще говоришь об ответственности? Упрекаешь, что я забыл о тебе! А сам скрываешь от меня… черт знает что, ты вообще там скрываешь!

– Ал! Не упрекай меня! Я… Я и так уже много раз перешел черту в общении с тобой!

– Какую черту?

– Такую! Какую ты не захотел перейти, когда отказался делиться с элива и вардами своими знаниями.

Вот это новость! Ал будто получил под дых.

– Ты? Ты! Вот так, значит?

– Вот так, Ал! И у меня тоже есть обязанности и правила.

– Значит, я для тебя, как варды для меня? А что же ты в таком случае такой беспомощный?

– А что я должен сделать, по-твоему? Построить звездолет из веток и шишек? Или взглядом поразить всех врагов? Я не такой, как ты. Не могу голыми руками разрывать противников. Я только исследователь. И без… моих инструментов я бессилен. Знания не всегда помогают. Иногда не хватает простой грубой силы, увы, – Сут потупился и грустно вздохнул, – кто, кроме тебя может мне помочь на этой планете? Кому я вообще могу здесь доверять?

– Грубой силы… Спасибо! Прекрасно. Все лучше и лучше…

– Ал! Я не это хотел…

– Хватит!

Оба замолчали, не зная, как продолжать разговор.

– И что теперь, когда ты знаешь? Бросишь меня? – Сут обреченно уставился на Ала.

– А ты, что сделал бы? Бросил?

– Если бы ты просто хотел вернуться, я бы доставил тебя домой.

– А если…

– Ал, давай прекратим это. Я ответил на твой вопрос. Честно ответил. Нашу жизнь ты не понял бы. Мы не вмешиваемся в чужие дела.

– И не воюете?

– Не воюем. Мы стараемся уходить от конфликтов.

– Народ, который не воюет. Что ж, я помогу тебе. Наверное потому, что мне просто хочется верить, что вы лучше, чем все, с кем я встречался. И что ты достоин помощи. Давай закончим эту болтовню. Скажи куда тебе нужно.

В воздухе возникла карта Индерона. Ал отметил, что хорошо прорисованы на ней были только те области, о которых он уже знал ранее. Сут, видимо, не желал расширять его знания.

«Ну что ж, сам узнаю все, что надо». На карте замигала красная точка на востоке Торокской Степи. Ал мысленно присвистнул.

– И как, по-твоему, мы туда попадем? Как ты вообще туда планировал попасть?

– Никак. Я не выживу в таком месте. Я знал это всегда, потому даже не пытался бежать. Когда появился ты, я понял, что только с тобой смогу попасть домой. Потому старался помочь тем, чем мог. Я надеялся, ты придумаешь, что делать. У тебя есть опыт выживания.

– Ну да. И еще – опыт убийств, так?

– Так. Ты прав. Там нужно драться. И убивать. А я этого не могу. Не нужно меня упрекать. Я же не осуждаю тебя за то, что ты делал. Просто я не способен на убийство сам. Но поверь, тебя не осуждаю.

– А как?.. А, черт, снова отклоняюсь. Чертов Индерон, чертова Вселенная. Все вокруг – или тупые идиоты, или хотят меня поиметь. Или все такие в белом, а я, значит, – кучка дерьма! Вот поэтому я так дорожу Виголом! Один нормальный человек!

– Ал. Мне уйти?

– Нет! Черт тебя подери. Нет, если я обещал. Я дал слово! И не смей во мне сомневаться, ты… Ты… Тоже мне гуманист! Видишь ли, он весь такой добрый, весь такой правильный… А Ал за всеми дерьмо выгребает! Всю жизнь, мать ее!

– Ал, прости, я отключаюсь.

– Я тебе отключусь! Сиди! Сиди и не выделывайся! Будешь делать, как я сказал! Хочешь домой? Хочешь, чтобы я придумал? Тогда сделаешь, как я говорю!

– Слушаюсь, сэр Ал.

– Сэр Ал? Вот и отлично! Тогда выполняй!

Сут смотрел на него своим немигающим взглядом, по которому не читались эмоции, но почему-то Ал ощущал, что сейчас его непонятный приятель переживает крушение своего мира.

– Что я должен сделать сэр Ал? – голос начисто лишенный эмоций.

– Покажи, есть ли проходы в Торокскую степь, кроме тех, о которых я уже знаю. И через которые мы уже не сможем пройти, кстати.

– Нет.

– Нет, или ты не хочешь показывать?

– Нет, сэр Ал, их не существует.

– Мда… Прекрасно! Так, дай подумать. Сейчас… А ну, покажи, есть ли морской путь вот сюда.

– Есть. Вот он.

На карте появилась пунктирная линия.

– А это что?

– Это порт в городе Галинтан. Городе холин.

– А тут?

– Это развалины города Такава, тоже принадлежавшего холин.

– Не его ли ты показывал нам тогда, когда рассказал про изначальных тороков?

– Не его, но рядом.

– Хорошо, что дальше? Вот тут?

– На север от Такавы – Гнилые Болота, которые идут аж до Бадарона, от которого восточнее начинается хребет Кадагара; на восток – Ливарские горы, на юго-восток – проход к Южной Пустоши.

– Значит, нам нужно или пройти по болотам или каким-то образом преодолеть совершенно непригодные для жизни земли, на которых мы гарантированно погибнем, если не будем тащить с собой всю еду, воду и корм для животных. Так?

– Ну, рукаты могут питаться теми бедными травами, которые растут в Южной Пустоши.

– Осталось найти рукатов. И корабль, который довезет нас до места высадки. Прекрасно. Так. Слушай, что я тебе скажу. Везем Вигола к его порталу, возвращаемся в Тимлав, находим Надара, идем за оружием к катеру, потом идем в Галинтан. Там снаряжаем экспедицию, и я отвожу тебя к твоим Вратам.

– А где ты возьмешь корабль. И все, что нам понадобится?

– А это уже не твое дело, чистюля. Все, отключай меня.

* * *

Ал снова вернулся в фургон: лекарь все так же сидел в углу, Вигол все так же бездвижно лежал на скамье. Дорога все так же ползла под колеса. Сут залез под навес, забился под лавку и тихо заскулил. Кажется, он горько плакал. Или что там делают существа его расы? Алу стало стыдно за то, что он наговорил этому беззащитному пришельцу, но бушевавшая в душе ярость мешала признать это, тем более извиниться. Калафин мрачно наблюдал за этой сценой – на его лице красноречиво кривились губы, выражая презрение.

– Что такое, лекарь? Не нравится что-то? – старик молчал, – Ну, говори! Говори, что не так?

– Чем ты лучше торока?

– Чем я лучше торока? Торока, да? Хотя бы тем, что не оторвал тебе твою глупую голову! Ты теперь тоже добренький? Правильный? А как ты со мной обошелся? Как ты повел себя, когда я просил тебя отправить меня с Сибадалом? С единственным человеком из вашего народа, кто относился ко мне, как к равному! А вы – после всего того, через что я прошел, чтобы помочь вам – что вы, элива, сделали для меня? Как отблагодарили? Может быть, вы устроили праздник в мою честь? Осыпали меня богатствами? Дали титул какого-нибудь Цветка или Ветви? Да что там – просто дали спокойно пожить?! Что? Я скажу тебе, что: вы захотели надеть на меня ярмо! Оседлать, чтобы я пахал на вас, возил ваши задницы всю свою жизнь. Вот что вы сделали! А теперь ты еще смеешь упрекать меня? Твой вождь говорит, что я лжец, но ты, Калафин, ты ведь общался с лекарями Тодана – я уверен в этом. И ты знаешь про способности Черных Магов, ты знаешь, что они творили на перевале, и что спасло твоих сородичей и твоих коллег от этой магии! И что же? Что лично ты сделал в знак благодарности? А ведь именно ты сказал когда-то, что элива умеют быть благодарными. Так вот она какая – ваша благодарность?

Лекарь промолчал и отвернулся, делая вид, что пришла необходимость уделить внимание пациенту.

* * *

Фургон тарахтел по дороге, Сут тихо поскуливал под лавкой, канаки размеренно цокали копытами по камням. Ал ощутил свою чужеродность всему, с чем сталкивался. Все было плохо: вот и Сут ненавидит его, Калафин презирает, варды и элива не упустят возможности отомстить за унижение правителей. Может, умма? А что умма? Ну, пойдет он в их мир с Виголом, но ведь и там он успел отличиться: как минимум троих он убил тогда, при первом проходе через Врата – как после этого они его примут? Не будет ли и там все точно так же, как и в этом мире?

«Хотел ты, Ал, начать новую жизнь, да старая никак не отпускает».

Солнце медленно пряталось за горы, окрашивая острые зубцы в тревожный оранжевый цвет. Повозка скрипела и тряслась по старой дороге. Тьма накрывала Индерон – древний мир, который усталый солдат пытался спасти любой ценой – да, видно, не справился – мир, который

должен был стать новым домом для него, но отвергнувший чужака. Чужой умирающий мир, не пожелавший стать своим. Не его мир.

Где он, твой мир, Ал?..

Конец первой книги.
Киев, лето 2017.

Алексей Рудаков
Записки пилота

Молодой

Предисловие:

Никогда не пробовал что-то писать. Данный текст результат попытки заинтересовать знакомых игрой Elite: Dangerous. К моему удивлению текст из просто записок, рассказывающих о механике игры, разросся до размеров книги.

Как-то само вышло.

Хочу поблагодарить всех, кто поддержал меня в этом начинании, помог, критикуя и корректируя мои косяки. Особая благодарность интернет сообществам http://www.elite-games.ru/ и http://oldfangedfarts.ru/

Надеюсь, вам данная проба пера понравится…

P.S. Некоторые персонажи выдуманы, а некоторые имеют вполне живых прародителей.

Глава 1
Повествующая откуда ноги растут

Прохладным летним днём года 3.300 a.d. я вступил на лётное поле космодрома имени А. Нортон. Рука судорожно сжимала личную карту с моими данными об окончании лётного училища, и теперь я направлялся к автомату-психологу, который должен был, проанализировав мою психоматрицу, направить меня к наиболее подходящему экипажу. Дабы я мог гармонично вписаться в уже сложившийся экипаж.

Данному моменту предшествовало множество разнообразных событий.

Во-первых, человечество уже около тысячи лет как расползлось с Земли и колонизировало большую часть Галактики. Представители вида Homo sapiens обнаружили других разумных, но жить с ними мирно не получилось. Повоевали и накостыляли им так, что эти таргоиды убрались в свои неведомые дали и уже около трёхсот лет носа не казали.

Успешно отметив победу над чужим разумом, земляне тут же переругались – не могли решить, кто же теперь будет за главного. Ну, всё как обычно. Некогда монолитное сообщество раскололось на несколько группировок.

Аристократия – те, кто считал себя представителями таковой, быстренько нарисовали себе гербы, придумали-возродили дворянские звания и организовали Империю. На Золотой трон, по слухам сделанный из цельного золотого астероида, уселся бывший Маршал объединенных Земных сил некто Дюваль.

Его оппоненты, в основном представители среднего военного звена организовали Федерацию, а т. к. не смогли договориться о лидерстве, учинили у себя Сенат с регулярными выборами.

Третью силу, точнее силы – представляли различные тыловые службы, счастливо оказавшиеся на окраине боевых действий и благодаря этому сохранившие свои небольшие структуры. Пока большие дяди кроили галактику под себя, они быстренько объединились и провозгласили Альянс. Благодаря своей удалённости от возникших центров силы они успешно отбили несколько атак молодой Империи и Федерации и добились признания со стороны основных игроков.

Плюс к этому, на карте галактики присутствовали различные кланы «свободных людей», различных «независимых», представленных в основном бандами дезертиров, уклонистов, военных преступников и прочих подобных личностей. Данный расклад сил оказался, как ни странно, весьма устойчивым и просуществовал все прошедшие с последней большой войны 300 лет без особых изменений.

Во-вторых, родился я. На самой обычной планете, максимально удалённой от всех галактических потрясений. В дыре, короче. В нашей дыре народ гордился тем, что за прошедшие 300 лет в ней ничего не изменилось. И не изменится в будущем. До начала той войны моя планета была резервно-вспомогательным центром подготовки пилотов и складом различного хозяйственно-бытового барахла. Ни один из кораблей Таргоидов таки и не появился в нашем секторе. При последующем разделе Галактики так же никто про нас не вспомнил, и мы так бы и остались забытыми, если б уже после того, как всё устаканилось, наш тогдашний руководитель не решил бы отправить запрос в бывший центр: «Как жить дальше?». Бывший центр оказался на территории Федерации. Это закономерно привело к тому, что мы стали числиться планетой Федерации. И именно что числиться, так как ни кто из больших Начальников нас так и не посетил, ограничившись отпиской: «Типа платите, ребята, налоги, как и раньше, и все будет ОК». Единственное, что было новым – нас подключили к вновь созданной новостной системе Галнет. На этом все изменения на последующие 300 лет и закончились. На моё счастье.

Новые власти не стали закрывать пилотскую школу и даже изредка присылали нам корабли новых моделей и запасные части к ним. Правда, это происходило не часто. Совсем не часто. Тренажёры так же были древними, ПО в них давным-давно устарело, но силами энтузиастов всё это ещё работало. Вот туда я и двинул после окончания стандартного курса обучения.

Не то что бы меня манили просторы космоса, но альтернатива – проработать всю жизнь на планете фермером или инженером, ну как-то совсем не радовала.

Перед глазами был пример родителей, уважаемых людей, долги и честно трудившихся на производстве, имевших все положенные блага – в строгом соответствии со своими заслугами перед обществом.

Не то что я был против подобной схемы мироустройства – всё было по честному, но скучно. Ну и что мне светило? Окончил стандартный образовательный цикл. Далее по плану шло стандартное профессиональное образование по направлению одного из планетарных производств и – стандартная трудовая карьера. На заводе, где трудились отец и мать, или на их брате-близнеце. Годам к тридцати – звание мастера, к пенсии – инженера, может быть даже Главного Инженера Завода. После тридцатника – плановый брак с какой-то местной девчушкой, потом детишки и – и всё. А душа просила приключений, новых ощущений, хотелось увидеть далёкие звёзды, подышать воздухом чужих планет. Короче, обычная юношеская романтика, увы, недоступная при моём запланированном свыше образе жизни.

Наверное, если бы на планете не было того старого центра подготовки пилотов, я бы и стал очередным уважаемым винтиком производственной цепочки… но центр был, и с его микро-космодрома регулярно взлетали учебные корабли. Не скажу, что моё решение стать пилотом вызвало одобрение родителей. Нет, мне пришлось выдержать кучу упрёков и критики

в свой адрес. Тут я мог и сдаться, всё же родители вели слаженную атаку, но положение спасло моё юношеское упрямство. И, в конце концов, меня отпустили. Как я сейчас понимаю, с тайной мыслью: сам обломается. Но – не обломался и вытерпел весь четырёхлетний курс подготовки.

Не могу сказать, что он был слишком сложным, скорее задача ставилась отбить у потенциальных пилотов всякое желание покинуть родную планету. Все четыре года мурыжили нас конкретно: выжимали все соки на центрифугах, заставляли месяцами жить в невесомости, кормили древней дрянью с довоенных складов. Пару слов расскажу о наших мучениях.

Первый курс был посвящён нашему физическому состоянию. Тут были изматывающие кроссы в скафандрах, причём мучители частенько отключали систему кондиционирования. Были многочасовые кручения на центрифугах и разбор конструкций кораблей. На этой стадии отсеялись первые курсанты, решившие, что любоваться звёздами можно и с палубы прогулочного шаттла.

На втором нас вывезли на нашу орбитальную станцию и поселили в невращающейся секции. Понятно: нет вращения – нет псевдо гравитации. Так что весь семестр мы болтались в невесомости. И, если поначалу это было весело, то уже спустя несколько дней наш состав понёс новые потери – не каждому удавалось победить банальный сортир в невесомости. А отмывание, после неудачного посещений заветного кабинета «00» так же было не простым делом. Питание из древних тюбиков, на некоторых ещё сохранялась довоенная маркировка, так же поспособствовало прореживанию наших рядов. Те же, кто выжил к концу семестра, снова испытали на себе все прелести физ. подготовки.

Зато третий курс поначалу обещал нам много интересного. Начали мы с изучения основного корабля – Сайдвиндера. Это была, да и есть, наиболее распространённая в Галактике модель. Простая и надёжная. Но и тут нас ждал облом – мы-то ожидали полётов, а нас обрекли на копание в его потрохах, осваивание полевого ремонта и изучение его узлов. На наши вопросы: «А когда уже начнутся полёты?» – преподаватели туманно отвечали, что вот как только изучим мат часть, так сразу. И опять многие не дожили до этого «сразу». Целый семестр перед нами висела морковка – кто сдаст все зачёты по потрохам Сайдвиндера – тот получит допуск к полётам. Сдали. Кто смог. И… получили следующую. Типа на последнем курсе будут полёты.

И на четвёртом мы начали, наконец, летать. Вокруг станции. Отрабатывали взлёт-посадку. Отрабатывали патрулирование в составе звена. Даже каботажные полёты – от нашей станции до соседней.

Несмотря на наличие бортового вооружения, пострелять нам не дали. На все наши вопросы отвечали: «А зачем это вам? Сейчас войны нет, сектор мирный. А если что – вон полиция есть. Она и разберётся».

Так что вся наша подготовка свелась к не напряжным полетушкам. Но это было уже хоть что то.

Всё же когда ты сидишь в кабине пусть крохотного, но независимого кораблика и только от тебя зависит, куда он двинется – эти чувства с лихвой компенсировали мучения всех предыдущих лет. Те немногие из нас, которые дожили до этого момента, отрывались по полной. И, увы, те, кто потерял голову, были отчислены по причине «лётная недисциплинированность». К счастью, мне удалось этого избежать, и я попал в скромное число выпускников. До финиша нас дошло около двух десятков, притом, что на первом курсе нас было около трёх сотен.

На выпуске нам вместе с прощальными словами нам выдали личные карточки пилота. Эдакий паспорт, куда уже были занесены наши физические и психологические данные. Перед

нами раскрывался, наконец-то, весь космос – с одним ограничением. Психологический контроль. Этот судья был неподкупен, по крайней мере, так нам втолковывали. И был Судьёй последней инстанции для начинающих пилотов. Он сравнивал наши учебные успехи, наши психологические портреты, привычки и направлял нас туда, где наши таланты или их отсутствие могли наиболее полно раскрыться. По договору всех Сил Галактики новые пилоты имели равный шанс попасть на службу в Федерацию или Империю или куда ещё.

Согласно неписаной традиции на свидание с психологом шли по одному, и секрет назначения действительно оставался секретом. Если же ты был не согласен с назначением – ты мог ему и не следовать, но это навсегда закрывало для тебя путь в космос.

Как я и не оттягивал этот момент, пришла и моя очередь.

В душе я, как и все выпускники, надеялся получить направление либо в действующий флот, где, с учётом мирного времени карьера шла ровно по выслуге, либо в крупную транспортную компанию. Это давало шанс посетить дальние уголки изведанной Галактики. Немного ниже по престижности шло назначение в картографическую службу. В ней ты мог облететь массу звёзд в поисках неисследованных систем и заработать приличные деньги, заодно увековечив своё имя на карте, но мог и сгинуть, выпрыгнув около чёрной дыры или сверхгиганта. Рулетка.

Так что, зажав в потной ладошке свою карту, я подошёл к Судье.

Сунул карту в приёмную щель. Аппарат загудел и задумался. По моим ощущениям думал он долго – минут пять, я уж решил, что он завис. Уже начал оглядываться в поиске техника, как Психолог зажужжал своими потрохами и выплюнул мою карту вместе с распечаткой первого назначения.

Странно, но эмблема Федерации или Империи отсутствовала. Увы, большие дяди от меня отказались. Эмблем малых Сил также не было. Строка ниже, где должна была помещаться эмблема транспортной компании или иной фирмы, прельстившейся моими талантами, также была пуста.

Единственной заполненной была строка с указанием типа рекомендованного корабля. Там красовалось одно слово – Сайдвиндер.

Всё. Более ничего.

И что это должно означать? Чешу затылок и иду отлавливать техника. Благо курилка рядом, а в ней ясно видны несколько техников в серых комбезах.

– Извините, говорю, – по-моему, Психолог того, сломан.

Наверное, мой вид сказал им больше чем слова, они даже ржать не стали, а молча поднялись и подошли к аппарату. Прогнали тесты.

– Нет, всё верно, а что случилось то?

– Вот, – протягиваю им распечатку. Один из них взял, покрутил в руках, посмотрел на свет и передал дальше, по кругу. Когда все вдоволь насмотрелись и вернули распечатку мне, один, наверное, наиболее авторитетный, огорошил меня.

– Ты, паря попал… Конкретно!

– К-куда?

– В вольные пилоты. Станция обязана теперь выдать тебе этот Сайдвиндер, одну заправку и… и всё.

– И куда мне дальше?

– Да куда хочешь. Космос большой.

Сказать, что я был в шоке – это ничего не сказать. А вы встаньте на моё место. Только выпустился, надеялся на карьеру, полёты, исследования – и что? Как котёнка в пруд. Либо барахтайся и плыви, либо тони, в смысле забудь про звёзды и сиди на поверхности. Обидно стало – аж до слёз. И страшно. Я ж маленький, зелёный, а космос-то он… уххх!

– Да не бойся ты! – начали меня успокаивать техники, – это же лучший выбор! Не на дядю горбатиться, а на себя. Да хоть с каботажа начни, транспортных заявок море висит. Не жирные, жирные куски у корпораций, но на хлеб с маслом хватит.

– Да?

– Да! Пошли лучше твой кораблик посмотрим, – говорит мне обладатель роскошных усов, судя по всему, он в этой банде старший. На нагрудной бирочке его комбеза значится: «Ст. тех. Янсен».

Судя по всему, этот Янсен решил взять надо мной шефство, он решительно отобрал у меня пилот-карту и возглавил наше шествие.

По пути мне завизировали пилотскую карту, теперь я был полноправным обладателем лёгкого истребителя. Зашли в мед. Центр, оформили мед. страховку и договор клонирования с моментальным переносом сознания. Привязали её к кораблю. В отделе соц. страхования оформил полис молодого пилота – право на бесплатное предоставление корабля, аналогичного утраченному, и ещё кучу бумаг. Про это нам в лётной школе не рассказывали, а зря – это было поважнее знаний об устройстве реактора. Если бы не техники, так и полетел бы безо всех нужных бумаг.

Наконец добрались и до посадочной платформы. На ней красовался новенький Сайдвиндер.

Новенький. Мой. Мой первый корабль. Совершенство. Любовь с первого взгляда.

Осторожно обошёл его.

– И… и что – он мой?

– Твой. Только с завода. Уже на твой ключ настроили. Владей!

Не утерпел и залез в кабину. Вдохнул запах новенького пластика. Активировал системы. Работают! Вылез.

– И что, могу лететь?

Ржут и кивают.

– Лети куда хочешь, только вот совет.

– Д-да?

– Ты информацию по нашей системе почитай, ознакомься с реалиями.

– А что? Я ж летал тут уже, на практике.

– Ну, паря, практика – это одно, тогда вас прикрывали, а вот когда ты один…

С сожалением вылезаю из кабины и бреду в общагу, постоянно оглядываясь на своё богатство, одиноко стоящее на платформе…

Глава 2
Первые шаги

В общаге, подключившись к Сети, почерпнул из разных источников массу ценных знаний об обстановке в Системе и Галактике, немедленно ощутил зуд приключений (в известной части тела). Проворочавшись всю ночь на узкой курсантской койке, наутро я понял, что готов бросить вызов враждебной Вселенной.

Как вы помните, своё корытце я оставил на станции.

Забираюсь в кабину своего собственного корабля. Это. Мой. Корабль. И на нём я могу лететь куда угодно! Меня переполняет чувство восторга.

Даю команду на взлёт. Медленно опускаются грузовые аппарели, втягивается в стену ангара трап, и лёгкий толчок сообщает мне, что мой Сайдвиндер отделился от поверхности посадочной платформы.

Кладу свои слегка дрожащие руки на рукояти управления – на джой и ручку газа. Так… как это нас учили? Чуть-чуть прибавляю газку и плавно тяну джой на себя.

Корабль начинает двигаться! Я лечууууу!!!

Бууухххх…ХХРрррррррзззззззззиииииииикккк! Противный мерзкий скрежет оглушает меня.

Что за? Я явно, за что-то зацепился. Но чем? Как? Обо что? Я же лечу?! Уже в полёте?!

Ещё немного задираю нос корабля и прибавляю газу, скрежет прекращается. Уффффф… но что это было?! Хотя… прекратился же? Ну и славно. Может так и нужно?! Хотя, при полётах в Училище такого не было.

Приближаюсь к щели шлюза. Какие тут огонёчки по краям красивые – и красненькие и зелёненькие. Симпатично! Ориентирую корабль по центру прохода и прибавляю газ. На моё счастье никакого встречного движения, я спокойно выползаю из Станции и оказываюсь в открытом пространстве. Выжимаю газ до полного – ну, сейчас полетаем!

И действительно, станция начинает отдаляться. Вот только медленно как-то.

Смотрю на спидометр. Странно – всего около 70 узлов, ну или в чём тут скорость меряют? Очень странно, насколько я помню ТТХ/ТТД этого кораблика, он за сотку давать должен. А тут всего то…

В панике осматриваю индикаторы и различные шкалы. Вроде, всё нормально. Сбрасываю скорость до нуля, проверяю реверс – всё нормально, вот только скорость? Скорость по-прежнему никакая.

А может, мне бракованный корабль подсунули? Типа, нуб же, и так схавает?

– Компьютер – спрашиваю, а у нас всё нормально? Ну, то есть все системы функционируют штатно?

– Все системы функционируют штатно.

– А скорость где?

– Все системы функционируют штатно.

Гад железный.

– Компьютер, как мне увеличить скорость?

– Для увеличения скорости корабля необходимо перевести рукоятку управления газом в…

– Знаю, знаю! А быстрее как?

– Вопрос неясен. Открыть полётную инструкцию?

Чёрт, чёрт, чёрт!

– Давай.

На лобовом стекле загорается оглавление полётной инструкции. Так. Взлёт – ну это мне не нужно, я уже типа лечу. Переход на сверхскорость, переход в гиперпространство – ну это пока мне рано. Ага, вот: полёт и маневрирование в обычном, не сверхскоростном/гипер режимах.

Тыкаю в заголовок, и передо мной разворачивается страница текста с картинками. Ну, посмотрим.

Так, газ – верно, джой – угу,… индикаторы скорости, радар, управление маневровыми.

Хм… всё верно. Просматриваю раздел до конца. Ничего полезного. Далее идёт раздел посвящённый переходу на сверхскорость.

Поднимаюсь в начало раздела. Нет – всё верно сделал. Прокручиваю текст вверх, в раздел взлёт.

Но и тут ничего особенного.

Картинка схематическая площадки, как взлетать, как определить направление движения… о как? И тут полосы движения ввели? Эммм… это значит, я на красный пёр? Прокатило, но нужно поаккуратнее, в дальнейшем. Ничего путного.

Просматриваю картинки заново. Площадка, коридор к шлюзу, индикаторы кабины. Хм… а скорости-то нет!

Внезапно обращаю внимание на обведённые рамочкой три индикатора в нижнем правом углу кабины. На рисунке только один обозначен как включённый.

Ищу их взглядом в кабине – ага, вот они. Странно, но у меня два из них светятся светло синим. Читаю подписи.

– Управление посадочными опорами.

– Индикатор блокирующей массы.

– Грузовой люк вкл/выкл.

В моём случае первые два и работают. Упс… это что: я с выпущенными лапами взлетел? Ой, позорище… ой, нуб… стыдоба. Шарю по панели в поисках нужных тумблеров.

Щёлкаю одним – и к двум первым добавляется открытый люк.

– Ой.

Закрываю.

Ещё пара минут и при помощи инструкции нахожу нужные кнопки.

Уфф… есть. Мой кораблик резко прибавляет скорость – 70… 80… 100… 110… Получилось!!! Я отлетаю от станции, и гаснет индикатор блокирующей массы. Всё, теперь я готов к прыжку!

Ну, или хотя бы к переходу на сверхскорость.

Жму кнопку перехода.

– Начата подготовка к переходу на сверхскорость, – рапортует комп.

Отлично! Откидываюсь в кресле и ёрзаю в нём, устраиваясь поудобнее. Тесное оно какое-то. Надо подлокотники того – поправить…

– Внимание! Начата подготовка к переходу на сверхскорость!

– Ну да, ну да.

– Продолжается подготовка к переходу на сверхскорость!

Что долго-то так? И это мне кажется или теплее стало? И какой-то дымок над панелью управления? А это что моргает красным?

Чего не переходим-то? Может, форсаж включить нужно? Типа толчок стартовый нужен? Жму форсаж.

– Критический нагрев! Перегрев систем! – верещит комп.

Что?! Ищу глазами индикатор нагрева. Мешает дым в кабине. Машу руками, пытаясь его разогнать, ага, вот он, слева от радара.

Что! 170 градусов?! 190? Что за…

Ба-Бахххххх!

Слепящая вспышка заставляет меня зажмуриться. Открываю газа.

Эммм… где это я? И где мой корабль?

Я лежу на койке и, судя по характерному запаху, в медчасти.

– Ну-с, молодой человек, – надо мной склоняется кто-то в белом халате, – как мы себя чувствуем?

– Эээээ… доктор?

Человек кивает.

– Ааа… что?… эээээ… где Не понимаю…

– Всё нормально. Не переживайте. Ваш корабль был уничтожен, и вы умерли. Всё штатно, не переживайте.

– Как уничтожен? Кем?

Доктор разводит руками.

– Ну, я не знаю, как выйдете отсюда, проверьте логи. Для меня ясно, что вы умерли в космосе, и ваше сознание перенесли в этот клон. Вы же военный?

Киваю, – бывший.

– Ну вот. Стандартное дополнение к военному контракту, пожизненное клонирование. Не переживайте.

– А мой корабль?

Он опять разводит руками.

– Увы, информации у меня нет, – он просматривает что-то на своём планшете, – Ну-с… вы в полном порядке и можете идти. И будьте аккуратнее. Мы-то вас восстановим, но нервное напряжение вещь неприятная, советую вам несколько дней отлежаться.

Благодарю доктора и выбираюсь из мед. центра.

Отлёживаться? Когда меня ждёт космос? Но я же остался без корабля? Эх… недолго музыка играла…

В самых расстроенных чувствах бреду по станции не разбирая дороги.

– Эй, нуб, чё грустный такой?

Поднимаю голову и узнаю тех же техников, что давеча помогли мне.

– Ну, эта… вот, вылетел, только в сверх хотел перейти, а он как нагреется и как жахнет…

– Из клона чтоль?

– Да, – понуро повесив голову отвечаю.

– И что расклеился Корабль жалко?

– Угу, он красивый был… первый… мой.

– Забей! Штамповка. Новый получай и летай дальше. Постой – а груз у тебя был?

– Не. Не взял, я освоиться хотел поначалу.

– Это ты правильно поступил. Ну, пошли, логи твои посмотрим.

И вся толпа конвоирует меня к терминалу.

– Ключ давай, – командует старший, уже знакомый мне, седоусый Янсен.

Вот ему что? Делать нефиг? Шёл бы работать, так нет – тут околачивается…

Протягиваю ему пилот-ключ, он его всаживает в щель считывателя.

– Так… это нас не касается, это твои личные разделы, персоналка только по ДНК откроется, он заодно поучает меня.

– Вот, смотри, – он показывает мне одну из плашек меню.

– Статистика вылетов, – читаю.

– Давай, – он подбадривает меня, и я тычу в неё пальцем.

Дальнейшие полчаса стали для меня пыткой. А для техов – свежим выпуском передачи «Вокруг Смеха».

– Шасси-то, шасси убирай – орал один.

– И как ты в шлюз-то пролез с лапами в раскоряк? – глумился другой.

– На красный попёр, гляньте! – веселился третий.

Мои поиски кнопки убирания шасси и открытие люка так же были высоко оценены ими.

Ну, а когда я начал поджариваться, народ разошёлся вовсю.

– Ах-ха-ха… нууух. Кресло править при разгоне стал!

– ЛОЛ! Локтём…эвон как раскорячился, локтём-то газ сбросил.

– Не, паря, – хлопая меня по спине, сгибаясь от смеха, ржал громче других Янсен, – ну ты дал: газануть форсажем при переходе на сверхскорость! Ну, повеселил!

Финальный взрыв веселья был вызван моими паническими размахиваниями руками, это когда я дым разгонял.

Отсмеявшись, техи поволокли меня в бар.

– Ну, с почином тебя! – пододвинул ко мне стопку старшой.

– С каким?

– Как же?! Угробил первый свой корабль, обновил клон! Да не парься, все через это проходили.

Присутствующие закивали головами, типа, да, всё так, верно.

– Да вы хоть объясните: что я не так сделал?!

– Ты скорость при переходе убрал, а корабли при переходе на сверхскорость греется жуть как. Да ты ещё и форсажем подогрева добавил. Вот и рванул кораблик-то твой.

Начинаю понимать.

– А делать-то что? В смысле: правильно-то как? Ну – переходить в смысле?

– Тапок в пол и ходу!

– Что?

– Газ до упора и делов-то. Ты только убедись, что твой корабль не нагрет, ну сверх меры-то. Иначе, если и не бумкнешь, то модули подпалишь точно.

– А этот перегрев, он как-то лечится? – спрашиваю.

– Легко! Ставь модуль распределения энергии нормальный, а не тот заводской хлам. И будет счастье тебе. И нам работа!

– И сколько такой модуль стоит? – спрашиваю.

– У всех кораблей по-разному. Для Сайда твоего в пределах десятки-пятнашки косых, для разведчика дальнего – Аспа пару сотен, для Анаконды, думаю, лямов тридцать-сорок.

Ого… а у меня всего-то одна тысяча в кармане.

– Спасибо, мужики, побегу я, – хочется уже нормально кораблик обкатать.

Мне желают удачи, и я сбегаю к своему новому-два кораблю.

Взлетаю, и пока корабль медленно ползёт к зеву шлюза, жму кнопку шасси. Клац!

– Посадочные шасси убраны, – рапортует комп.

Кораблик приободряется и начинает двигаться быстрее.

Проскальзываю шлюз, держась ближе к зелёным огонькам.

Отгребаю от станции подальше, врубаю полный газ и жму переход на сверхскоростной режим.

– Внимание! Начата подготовка к переходу на сверхскорость!

Так… слежу за индикатором температуры, столбик начинает ползти вверх.

60 градусов… 65…

– Начат обратный отсчёт! четыре… три…

А температура всё растёт:– 80… 87… 92…

– два… один… Прыжок!

Звёзды смаргивают и растягиваются в линии, это длится краткий миг, и вот передо мной новый образ системы. Компьютер заботливо дорисовывает орбиты планет и их спутников, глазом их не увидеть, но так становится понятно, где они. Кручу головой во все стороны. Красота!

Слева от меня ярким жёлтым огнём горит шар солнца. Справа откатывается за корму планета, на чьей поверхности прошла вся моя жизнь. Шевелю джой, и корабль послушно маневрирует! А ведь получилось! Я в космосе и лечу! Класс!

Осматриваю пространство с мыслью: куда бы смотаться. Ага… вот какая-то отдалённая система. Дистанция – аж полторы тысячи световых секунд. Отлично, нацеливаюсь на неё.

Интересно, полторы тысячи секунд – это сколько в привычных км будет-то? Если свет проходит триста тысяч км в секунду, то полторы тысячи он пройдёт… пройдёт за…

Запутываюсь во всех этих миллионах-миллиардах. Ясно, что далеко. Смотрю на экран.

Что за дела? Дистанция 8 тысяч? Была же меньше? Как это возможно? Я что: опять что-то не так сделал? Нужно остановиться и подумать.

Задним числом могу с уверенностью сказать, что подумать было верной идеей. Именно, сначала подумать, а потом останавливаться. Но, увы, мы все сильны именно им – задним умом.

Так что я, не додумав, резко и решительно нажал на кнопку выхода из сверхскорости. Комп только пискнул:

– А вы точно хотите прервать полёт? – но я не дал ему шансов что-либо изменить, продолжив тыкать в кнопку выхода.

– Внимание! Аварийная остановка!

Хрясть! – меня чувствительно, даже сквозь шлем, прикладывает головой, точнее шлемом, а потом и головой о лобовой обзорный экран.

Оххххх… что это так меня? И почему?

Твою ж мать! Я же не пристегнулся! Вот и выбросило из кресла. Усаживаюсь и пристёгиваюсь.

– Внимание! – господи, да как же он достал!

– Внимание! Вследствие аварийной остановки получены повреждения корпуса. Целостность корпуса нарушена!

Осматриваю индикаторы: минус десять процентов прочности. За-ши-бись! И на какие шиши мне ремонтироваться?

Снова лезу в Полётную инструкцию. Раздел сверхскорость.

Ага, для предотвращения повреждений при выходе из режима необходимо заблаговременно снизить скорость до допустимых пределов. При достижении оптимальной величины загорится индикация безопасного выхода.

Тьфу ты! И куда я всё время спешу?

Ложусь на курс к станции. Аккуратно разгоняюсь и перехожу на сверхскорость. Увы, ненадолго.

Внезапно вокруг моего кораблика вспыхивает какое то сияние. Как будто миллионы крохотных сверкающих точек. Красиво!

– Внимание! Обнаружена попытка блокировки сверхскоростного режима!

Это ещё что?!

На экране вспыхивают два индикатора-столбика. Синий и Красный. А в пространстве перед кораблём змеится какая-то кишка.

– Следуйте туннелем для избегания перехвата, – советует комп.

Пытаюсь маневрировать, чтобы удержаться в этой кишке-коридоре, но куда там! Синий столбик снижается, а Красный растёт и, как только он достигает максимума шкалы, меня выносит в обычное пространство.

И… и что теперь? На радаре я вижу ещё один кораблик, он движется ко мне.

– Ну и кто это у нас тут? – обращается ко мне пилот того корабля.

– Эммм… извините, – говорю, – а в чём, собственно дело?

– Нуб! – как сплёвывает пилот, – сдохни нубище! – и открывает огонь. По мне.

По мне?! За что?!

– Эй, мужик? Ты чего?!

– Сдохни! – и палит из двух стволов.

Судорожно вспоминаю, чему меня учили, и начинаю вертеться. Пару раз он оказывается в прицеле, жму спуск… и ничего! Я что, безоружен? Щёлкаю всеми кнопками подряд на джое:

Не активирован.

– Система не подключена.

– Оборудование в узле отсутствует.

А щиты-то мои уже почти того – ёк!

– Активировано бортовое оружие.

Ну, наконец-то! И что я нажал-то? Ладно, потом разберусь.

Сближаемся и лупим друг по другу.

– Наши щиты сбиты! Повреждения корпуса!

Бросаю взгляд на индикацию состояния корпуса – 83 %.

Противник проходит надо мной, стремясь зайти мне в хвост. А вот фиг тебе! Врубаю реверс и делаю обратную петлю, он вплывает в мой прицел. Зажимаю спуск, и мой единственный лазер разрождается очередью импульсов.

Ага! Не нравится! Противник пытается уйти из-под огня, но я, играя газом, удерживаю его в прицеле, поливая импульсами.

– Щиты цели сбиты! – вещает комп.

Отлично! Поймав его в очередной раз в прицел, жму спуск – ничего. Что такое? Осматриваю индикаторы, я сжёг всю энергию в конденсаторе-накопителе. Теперь ждать перезарядки. Цель, словно почуяв, что у меня временная пауза рвётся в отрыв. Я – за ней. Хрен уйдёшь! Жму форсаж и вишу на хвосте. Капаситор – половина заряда есть! Огонь!

Его корпус начинает сыпаться. Ещё… ещё… готов!

Передо мной вспухает шар взрыва.

– На ваш счёт поступил платёж, 100 монет за уничтожение лица в розыске.

Ого, а тут так и заработать можно? Интересно. Правда, мой кораблик повреждён, но я, в отличие от этого типа, всё ещё жив.

Перехожу на сверхскорость и двигаю назад к станции.

Опять перехват! И откуда тут в мирном-то районе столько гопоты?!

Пытаюсь избежать перехвата, кручусь-верчусь, пытаясь следовать указаниям своего бортового компьютера, и мне это удаётся. Противник посрамлён и остаётся с носом. Я продолжаю полёт, но одна мысль не даёт мне покоя – кто же это такой наглый?

Осматриваю радар – на нём только одна засветка. А ну-ка, посмотрим-проверим…

Делаю петлю и захожу ему в хвост. Сканирую… Ого. Мастер. Некто Джек Саммер. На Кобре. В розыске. Просматриваю его данные, он числится в этой системе в розыске за многочисленные преступления против Человечества. И награда за его голову тоже солидная – аж целая тысяча монет.

Эххх… мне б такие деньги. Но – Мастер и на Кобре. Увы, от такого мне следует держаться подальше, отворачиваю обратно к станции. Но пилот кобры внезапно маневрирует и выходит мне в хвост. Ой, мамочка… он же сейчас меня будет убивать. Начинаю вертеться, меняя высоту и направление, тщетно.

– Внимание! Обнаружена попытка блокировки сверхскоростного режима!

Снова начинаю выкручиваться но, увы: или я где-то протупил или он учёл предыдущий опыт моего перехвата, красный столбик-индикатор уверенно растёт, и меня, несмотря на все мои старания, выбрасывает в обычный космос. И сразу Кобра открывает по мне огонь.

– Ну что, нуб, отлетался? – обращается ко мне этот мр. Саммер.

Молчу, некогда отвечать, под его залпами мои щиты просто тают: только что было 100 %, уже, всего после пары его залпов – 30 %. Всё. Это конец.

Представляю себе сарказм доктора и очередной ржач Сержа. Ну, понимаю, что я нуб, что шансов нет, но всё же – обидно!

Джек использует классическую тактику боя: встречаемся на сходящихся курсах, поливая друг друга огнём, просто и надёжно когда ты имеешь превосходство в огневой мощи и прочности щитов. Увы, я в этой схеме безусловная жертва. Нужно что-то менять. А что?

Внезапно вспоминаю, как в Училище мы проводили учебные бои, и мой сокурсник – Саваж с 71 дистрикта планеты придумал манёвр. Это, конечно, не панацея, но может дать мне шанс подольше потрепыхаться.

Сходимся.

– Наши щиты уничтожены! Повреждения корпуса! – надрывается комп.

Да уж… один проход и от моего корпуса остаётся 45 %. Ещё один такой заход, и я – труп.

Из динамиков несётся уничижительный смех Саммера.

– Ну что, нуб? Штанишки намочил? Не парься, в мед. центре новые дадут.

Молчу. Не стреляю, накапливаю энергию в капаситоре.

Мы сходимся на минимальную дистанцию, и я врубаю реверс, одновременно резко рву ручку джоя на себя. Мой Сайд начинает задирать нос, сдавая задним ходом. Прожимаю маневровые, заставляя корабль как бы просесть вниз.

Если смотреть со стороны, мой кораблик описывает дугу-петлю, опрокидываясь «на спину» и из нижней точки начинает движение в след удаляющейся цели. Хорошо, что в космосе нет ни верха, ни низа. Для меня – я просто кручусь, загоняя Кобру в прицел.

Теперь уже я на его хвосте. Мне хорошо видны его дюзы, пылающие ярко синим огнём.

Огонь!

Я зажимаю спуск, и мой пульс. лазер начинает поливать его корму очередями когерентного излучения.

– Ты охренел, нуб?! Теперь я убью тебя медленно, ты будешь долго дохнуть в своей жестянке! – продолжает угрожать мне Саммер.

Увы, у меня нет ни времени, ни желания, ни возможности ему ответить: все мои силы брошены на то, чтобы не упустить его из прицела.

Он жёстко крутится, и мне приходится использовать все свои бедные навыки, чтобы не потерять его.

Внезапно дистанция начинает сокращаться – ага! Он сбрасывает скорость, надеясь, что я проскочу над ним, и мы поменяемся местами. Фиг тебе! Сбрасываю скорость и готовлюсь повторить манёвр Саважа, но это оказывается лишним, Кобра резко врубает газ и форсаж, пытаясь разорвать дистанцию. Также перекидываю РУД в крайнее положение и жму форсаж, дистанция, поначалу начавшая увеличиваться, начинает сокращаться. Странно, Кобра-то – она поскоростнее будет?

Продолжаю вести огонь, его щиты спадают, и начинает ломаться корпус.

– 70 % целостности корпуса цели, – докладывает мне комп.

Огня! Больше огня!

Кидаю взгляд на состояние капаситора, упс… ещё немного и придётся делать паузу, осталось менее трети энергии.

– 54%

Дистанция не меняется, мы летим ровно, изредка Кобра пытается стряхнуть меня с хвоста, но я отслеживаю все её манёвры.

– Внимание! У цели активирован модуль гиперперехода! – докладывает комп.

Что? Сбежать решил! А вот хрен тебе!

Перекидываю энергию с систем корабля на оружие, полоска заряда капаситора вздрагивает и начинает медленно ползти вверх.

Огонь!

Эх… жаль, что у меня только один ствол, было бы два…

– 32%

Успеть бы… Намертво зажимаю гашетку.

– 18%

Кобра прекращает маневрировать и летит идеально ровно – явный признак того, что корабль уйдёт в прыжок через 5 секунд.

– 6%

Огня! Больше огня!

– 2%

Ой, обидно-то как будет, если свалит! Сжимаю зубы и продолжаю стрелять.

Ба-Баххххх…!!!

В черноте космоса вспухает облако взрыва. Я, продолжая стрелять, на полном ходу влетаю в него, успеваю заметить проносящиеся мимо покорёженные куски того, что вот только что было Коброй.

С трудом разжимаю пальцы, прекращая стрелять, надеюсь, я не сломал триггер управления огнём.

– Внимание! На Ваш счёт поступил платёж в размере 1.000 кредитов за уничтожение лица, находящегося в розыске. Для получения награды следует прибыть в системный офис СБ.

Не, ну неплохо так подзаработал. Считай, удвоил капитал за второй вылет.

Выбираю станцию как цель, перехожу в сверхскоростной режим и устремляюсь к ней.

На сей раз мой перелёт проходит штатно, и никто не пытается на меня напасть. Выскакиваю в обычное пространство в девяти км. от Станции, сближаюсь и с семи посылаю запрос на посадку.

– Вам разрешена посадка, пилот, – радует меня приятный женский голос.

– Следуйте на восемнадцатую платформу. Вам предоставлено десятиминутное окно для производства необходимых манёвров.

Аккуратно, с соблюдением полосности, прохожу шлюз и ищу свою платформу. Выпускаю шасси и захожу на посадку. Увы, но первые пару раз проскакиваю мимо центра, приходится подлетать вверх и заново заходить. С третьей попытки мой Сайд плюхается довольно жёстко, нужно заметить, в центр площадки.

Йееесссс! Я сделал это! Краем глаза вижу, как к моему кораблю выдвигаются решётчатые фермы сервисных служб. На конце одной замечаю фигурку в скафандре, она машет мне рукой.

Вылезаю из кабины, рядом плюхается тот человек в скафандре. Его шлем открыт и я узнаю всё того же Янсена.

– Ого! А сильно тебя потрепало, он обходит мой Сайдвиндер, рассматривая дыры и подпалины корпуса. Ремонт нужен. Ты как, потянешь? Финансово?

Я киваю: «Угу, я там» – кивок в пространство, – «подзаработал малость».

Он вопросительно приподнимает бровь.

– Ну, двоих завалил.

– Да ну? – он явно удивлён.

– Они первые напали! Я защищался!

– И сколько дали?

– Сотку и тысячу.

– Молодец! – Янсен одобрительно кивает, – ремонт у тебя копеечный, ещё и останется. Что ставить будешь?

– Не решил ещё, – отвечаю, – не знаю.

– Ну, ты иди, получай свою награду, а мы пока приведём твой Сайд в порядок, – он утыкается в планшет, раздавая команды. Повинуясь им, оживают какие-то фермы, начинают суетиться ремонтные дроиды, и я понимаю, что являюсь тут лишним.

Двигаю в конторку СБ Станции – сверяюсь с планом станции и направляюсь в административный сектор. В указанном на плане месте нахожу обычную скромную дверь с неприметной табличкой – СБ. Всё, более никаких пояснений. Стучусь.

Из-за двери раздаётся приглушённый голос.

– Да?

Отворяю дверь и вхожу. Моему взору предстаёт крохотная, бедная коморка, вся мебель в стиле минимализм. Хотя и мебели-то тут практически нет – стол, пара стульев – на одном сидит хозяин кабинета – и стеллаж с бумагами. Замечаю висящий на стене китель с нашивками суб-лейтенанта.

Разворачиваю, выпячиваю грудь – всё же не зря нас столько времени на строевой гоняли – и чётким шагом захожу в кабинетик.

– Здравия желаю, господин лейтенант!

Он морщится и устало смотрит на меня.

– Что у Вас?

– Я, это, извините, за наградой пришёл.

Он протягивает руку, и я с готовностью её пожимаю. На середине пожатия лейтенант выдёргивает руку и бухтит:

– Карту давайте.

– Извините, я думал… – протягиваю ему свою пилот-карту.

– Думать не нужно, за нас начальство думает, – он берёт карту и суёт её в какую-то щель на столе.

– Так, ну посмотрим. Вылетов – два. Побед – две. Ну… угу, первая – да, ясно, вторая – хм… интересно. И как же вы, – он переводит взгляд с экрана на меня, – как же вы умудрились его завалить? Всё же известный, так сказать, наглец был, да.

Начинаю объяснять: ну он на меня и на сближение, я тогда вот так уклонился, – пытаюсь руками изобразить течение нашего боя. Клерк некоторое время задумчиво смотрит на меня и прерывает мой рассказ как раз на том месте, где я рассказываю о своём «С» манёвре.

– Это был риторический вопрос, молодой человек. Мне все эти ваши, – он что-то изображает ладонями, – манёвры, – он кривится в непонятной гримасе, – не интересны. Ну, победили – и молодец. Награда переведена на ваш счёт. Я вас более не задерживаю.

Я молча кланяюсь и удаляюсь. А староват он для субчика. Интересно, за какие грехи его сюда сослали?

Проверяю счёт: всё чётко, мои активы пополнились ровно на 1.100 монет. Теперь оплатить ремонт, и я готов к новым приключениям. Иду к Сайду.

В доке кипит работа. По поверхности кораблика ползают дроиды и что-то отскрёбывают, полируют, сверкают огни сварки.

– Ну, ты крепко кораблик уделал, – говорит мне Янсен. Он сразу подошёл ко мне и сейчас стоит рядом, протирая руки какой-то ветошью.

– В принципе ничего критичного, в основном броню тебе продырявили, но эти дырки мы уже залатали. Внутренние модули в норме, так, кое-где подпалило, не критично. Ты расскажи, где ты так нарваться-то сумел?

Я рассказываю, уже подробно и с деталями о своём вылете, он слушает внимательно, не то, что тот недо-лейтенант.

– Послушай меня, – когда я закончил свой рассказ, говорит он мне.

– Ты так больше не нарывайся. Как видишь перехват – сбрасывай газ и потом уже, как выдернут – сразу всю энергию на двигло, форсаж и ходу.

– А зарабатывать как?

– Попробуй в астероидном поясе. Там, конечно, крутиться нужно, но там и полиция постоянно дежурит. Ты, главное, сам в драку не лезь, ты смотри за общей картиной. Как только полиция начнёт кого-то бить – ты к ним присоединяйся. Им поможешь, они это любят. Примелькаешься, глядишь, и тебе помогут, когда горячо станет.

– Усёк?

Я киваю.

Ну что же, план на следующий вылет ясен. Теперь – отдохнуть и готовиться к новому вылету.

Глава 3
Все современные капиталы нажиты незаконным путём

Утро началось бурно.

Прежде всего, я побежал осваивать честно нажитые средства, тратить короче.

Немного поплутав по Станции, я нашёл станционный привоз, гордо именуемый «Натуральной Биржей». Чего тут только не было! И различные продукты, начиная от контейнеров с охлаждённым мясом и заканчивая экзотическими пятнистыми лангустами с системы LTT 23-1371, и различные минералы, драгоценные камни, масла, благовония, лаки, технологические новинки, короче, было всего много. Наверное, я бы потерялся среди всего этого многообразия, но на моё счастье заботливые проектировщики сего базара озаботились расстановкой столбиков-справочных на каждом перекрёстке.

Так что, немного поблуждав и поглазев на диковинки, и успев в очередной раз осознать себя нищебродом, я направился к оружейным рядам.

Уж не знаю, по какой причине, но смутно догадываясь, что это было сделано неспроста я, по пути к заветным стеллажам с оружием был вынужден пройти по рядам с живым товаром.

Да-да. Рабы, они самые. Если вам кто-то скажет, что в Федерации нет рабства – плюньте ему в глаза! Есть! И вполне себе процветает, неужто вы поверили, что Федеральные олигархи, в угоду каким-то высоким моральным принципам откажутся от такого бизнеса?! Особенно, если их прямые конкуренты из Империи его успешно ведут. Вы поверили? Ну-ну. Люди-то везде одинаковые.

Хотя рынок доказывал обратное: тут были люди всех цветов кожи, роста, веса и фактуры.

– Капитан, – обратился ко мне один из продавцов, – купи себе денщика, вот погляди, он вытолкнул ко мне рослого и мускулистого мужика, – глянь какой здоровый, сильный, будет твои чемоданы таскать, сапоги чистить!

– Я не капитан и сапог у меня нет, – еле отбился я.

– Станешь! С таким слугой, точно говорю, Генералом будешь!

В другом месте меня уцепил за комбез весьма активный толстячок.

– Эййй, молодой-красивый, зачем один ходишь? Зачем скучаешь? Иди сюда, Ги де Ришь развеет любую печаль-тоску! – он разворачивает меня лицом к подиуму, а на нём…

Такого количества обнажённого женского тела я и в порно не видел. Не, видел, то есть, нет, конечно. Но тут было на что взглянуть: практически обнажённые красотки сладострастно изгибались, прикусывали губки, глубоко вздыхали, отчего их прелести соблазнительно колыхались, и томно вздыхали, многообещающе глядя на меня из-под приопущенных век. И всё это под негромкую вязкую музыку – краем сознания, совсем маленьким краем – остальное переключилось на красоток, я удивился, откуда тут музыка?

Но развить эту мысль не смог, уж больно завлекательно двигались эти создания. Одна из них плавно нагнулась, да так что её весьма приличные эээээ… вторичные половые признаки оказались уж совсем близко от моего лица. Я с большим трудом отвёл глаза в сторону, и поверьте, это было нелегко! Точнее попытался – в сторону, но в этот момент красотка резво

откинулась назад так, что передо мной предстал её живот и всё, что ниже него. А там – только узенькие трусики и… и бирочка с ценой.

Ого! Увиденные там цифры моментально охладили мой энтузиазм, с моими-то финансами я, разве что, только поглазеть и мог!

С трудом приняв более-менее вертикальную позу, признаюсь меня повело в сторону подиума, я начал вырывать свой рукав из лап торговца.

– Не нравится? – озабочено протянул де Ришь, – ну, у меня и помоложе есть, показать?

Но я уже вырвался из его цепких лап и с независимым видом двинул в сторону оружейных рядов.

– Эй, погоди! У меня и мальчики есть!

Ускоряюсь.

– Да не спеши ты! У моего брата, почтенного Загреба и животные есть! На любой вкус!

Старательно делая вид, что это всё не ко мне, сворачиваю в ближайший проулок между киосками и магазинчиками. Уффф… нужно отдышаться, прийти в себя и поискать себе второй ствол на мой Сайд. А вот уже с ним… я заработаю достаточно средств что бы ту… того. Когда-нибудь, когда разбогатею, то точно. И тогда я с ней…

От подобных сладких мыслей меня отвлекла витрина с выставленными в ней моделями различного оружия для кораблей. На экране рядом крутили рекламные ролики, на одном Орёл залпом из трёх стволов взрывал Кобру, на следующем тяжёлый грузовоз Тип-9 своими турелями разваливал атакующего его Фер де Ланса.

– Интересуетесь?

Оборачиваюсь, рядом стоит мужик с глянцевым журналом в руках.

– Ну, да, оружие ищу.

– Корабль?

– Сайд.

Он вздыхает, на Сайд много не поставить, пройдёмте ко мне, покопаемся. Я – Пит, хозяин этого заведения.

Заходим.

– Ну, что вы планируете поставить на ваш кораблик?

– Я, собственно, и не знаю – у вас тут такой выбор, – тяну я, обводя взглядом небольшой торговый зал. Из всей мебели в зале присутствует только голопроектор по центру и небольшая конторка в уголке. Пит кивает мне на голопроектор, и я вставляю пилот-карту в щель.

Над проектором появляется мой сайд в его нынешнем состоянии, к счастью уже в отремонтированном. К моему стыду, снизу высвечивается и мой баланс – аж все 2.100 монет.

Пит хмыкает – Увы, с вашими средствами, я ничего особенного предложить вам не могу.

– А если не особенное? Мне бы ещё один лазер, это-то можно?

– Сколько вы готовы потратить?

– Ну… – в голове опять проскакивают те самые вторичные признаки, – половину! – решительно рублю я.

– То есть около тысячи, – он задумывается и печально качает головой, – увы, извините. Самый дешёвый ствол – такой же, как у вас сейчас стоит, стоит 2.200.

Обидно, каких-то ста монет не хватает.

– А в кредит?

– Извини. Был бы ты с более… более насыщенной кредитной историей – кредит бы дали, а так…

Да уж. Кому нужен нуб?

– Но ты не расстраивайся, пытается приободрить он меня, – ты же свободный пилот?

Киваю.

– Ну и? Бери на бирже контракт на доставку куда поближе. Туда-сюда и две-три сотни в кармане. Делов-то. Денёк погоняешь и приходи, лады?

Благодарю и иду к терминалу миссий, обходя ряды с… Ну, вы поняли, по большой дуге.

Действительно, всё оказалось простым, с виду. Чего сложного-то? Выбираем контракт, в трюм закидывают груз, куда лететь говорят, остаётся только курс проложить – и всё.

Но в реальности эта простота оказалась не так и проста, сорри за каламбур. Начнём с того, что большая часть контрактов была мне недоступна. Ну кто доверит свой груз новичку, без репутации и на дохлом кораблике? Вы бы доверили? Вот-вот. Так что, стоило мне засунуть карту в терминал, как большая часть открытых контрактов окрасилась красным.

Немного подумав, терминал сменил цвет ещё ряда контрактов на красный: туда мне не добраться, топлива не хватит. Ещё малость раздумий, и список сузился ещё раз: трюм мал. В результате, к концу анализа моих возможностей, мне были доступны только три контракта: на доставку чая, мяса и какой-то руды.

Оцениваю расстояния и чай, все три тонны, занимает место в моём трюме.

Прокладываю курс… упс, четыре прыжка! Тут дистанция-то всего 10 световых лет! Сайд же, по паспорту, минимум на семь прыгает! Прокладываю заново – тот же результат.

Ой! У меня в настройках курсографа экономичный режим стоит. Переключаюсь на скоростной – вот теперь порядок: прыгаю к соседней звезде и от неё уже к финальной точке.

Поехали!

Штатно взлетаю и выхожу из станции. Разворот, и я нацеливаюсь на транзитную звезду.

Разгон, запуск прыжкового модуля и обратный отсчёт.

… 3,…2,…1… Прыжок!

Звёзды смаргивают, растягиваются, как при переходе на сверхскорость, и пропадают. Корабль в гиперпространстве. Вокруг меня проносятся какие-то облака, часть из них следует за кораблём, часть, едва успев проявиться, исчезает. Редко-редко, но сквозь этот туман проглядывают какие-то светящиеся объекты, звёзды? Не знаю, на лекциях по гиперпространству я предпочитал спать. Корабль слегка подтрясывает и большая часть приборов ушла в спячку, даже сверхнадёжный компас, и тот задурил – маркер курса мечется по всей матке. Если верить ему, я постоянно меняю курс, причём так резко, что мой Сайд должен был бы уже развалиться. А вот интересно, что будет, если я тут развалюсь? Куда прилетят мои обломки? К точке назначения или вернутся назад? Или они… но додумать мне не удаётся, корабль вываливается в транзитной точке. Оперативно пробуждаются приборы, и приходит в себя автопилот. Маркер компаса тоже занимает вполне определённое положение, указывая, что моя конечная цель находится аккурат за местным светилом. Ложусь на курс облёта звезды. Вот сколько учёные не бились, так и не удалось им сделать такой гиперпривод, чтобы он выбрасывал корабль не у звезды. Типа – центр масс системы и только у него можно выйти. Точка. Помнится в Училище нам на лекциях по кораблевождению и навигации рассказывали страшные истории про пилотов, заснувших за штурвалом и сгоревших при выходе из прыжка. Или про выход у белого сверхгиганта, когда пилот-растяпа не успевал увернуться от гравитационного колодца и вываливался прямо в протуберанцы. И тоже того. Сгорал. Но, медленно. Так, развлекая себя подобными воспоминаниями, я аккуратно облетел звезду и лёг на курс финального прыжка.

Отсчёт… Прыжок. И опять вокруг меня туман и дымка гипера. Тут корабль не трясёт, а скорее укачивает, да и эта дымка действует весьма успокаивающее. Глаза начинают слипаться, а мысли возвращаются к…

Выход!

Резво отворачиваю от звезды. В списке объектов данной системы выбираю нужную мне станцию и двигаю к ней. Без приключений. Вываливаюсь в девяти км. от Станции. В отличие от кубика моей родной станции, эта представляет собой несколько обручей-бубликов, нани-

занных на центральную палку. Обручи крутятся, создавая центробежную силу, в принципе, как и на моей, но более зрелищно. Да и сама она выглядит побогаче. Да и движение тут на порядок плотнее, пару раз мне приходится уворачиваться от кораблей снующих кто куда.

Запрашиваю добро на посадку.

– Следуйте на площадку № 11.

И – отбой связи. А поговорить? Фи.

Вхожу в док, старательно придерживаясь края: по встречной ползёт грузовоз. Тип-7, не иначе. Этот кирпич трудно спутать, уж больно характерные очертания корпуса. Опускаюсь на свою платформу, разгружаюсь и бегу к терминалу, подтвердить адресную отправку груза. Нет, тут воровство – редкость, но лишняя оперативность при сдаче чужого груза не помешает.

Терминал моргает, и мой контракт загорается зелёным, условия выполнены. Не отходя от него, проверяю свой счёт – Йес! Есть поступление трёхсот монет. Теперь – назад. Но не порожняком же? Просматриваю имеющиеся контракты, увы, но большая часть так и горит красным. А те, что мне доступны – не по пути. Жаль, мог бы ещё немного заработать.

Прокладываю курс назад и готовлюсь к взлёту. Был уже почти готов запустить начало процедуры вылета, но мой взгляд упал на индикатор топлива – там меньше трети. Вот я бы сейчас налетал… Эх, чайник! Ругаю себя последними словами и вылезаю из кабины, иду договариваться о заправке.

Заправляют-то меня быстро, но эта операция лишает меня почти сотни из только что заработанного. А ведь мне ещё и по прилёту заправляться – это ж мне ни в жисть не заработать! А куда деваться? Куда податься честному пилоту? Оскал капитализма! Чёрт! В расстроенных чувствах бреду к кораблю.

Взлёт. Вылет. Курс. Прыжок. Гипер. Выход. Новый курс. Прыжок. Курс на станцию.

В голове пустота. Слетай по контракту, говорили они. Денег заработаешь, говорили. Ну, слетал. Ну, заработал, с гулькин этот самый. И прикол-то в чём? Возни больше. Такими темпами я стариком стану, прежде чем хоть на час времени той заработаю. А тогда мне всё её прелести… Эххх…

Запрашиваю добро и сажусь.

Нет, ну, всё же на новый ствол-то мне хватит. Значит что? А то – воевать пойдём. В этот пояс астероидный, как мне Янсен и советовал. Он-то мужик в возрасте, врать не будет.

Иду в лавку Пита.

– А быстро ты, – он встречает меня около голопроектора, рассматривая схему какого-то крупного корабля.

– Что это? – киваю на схему.

– Это-то? Питон. Лёгкий многоцелевой крейсер. Хочешь – воюй, хочешь – торгуй. Хорошая машинка, рабочая.

– И сколько такая?

– Шестьдесят лямов в базовой.

– Ого… с уважением осматриваю стремительные обводы корабля, – да… – тяну я, – хорош… Я тут это, заработал малость, – протягиваю ему свою карту.

Он суёт её в считыватель, и стремительные обводы Питона сменяет лепёшка моего Сайда. Контраст разителен, не сказать, что обиден.

– Ну что? – Пит проверяет мой баланс. – Ставим?

– А монтаж сколько? – важный момент, ибо после покупки ствола у меня на счету останутся какие-то крохи – монет сорок.

– Монтаж входит в стоимость, как и гарантия – годовая.

– Аааа! Ставим! – решительно рублю воздух рукой.

– Молодец! Люблю таких, решительных. Или пан или пропал, – он копается в меню, – всё, вот тут подтверди.

Я прикладываю ладонь к считывателю, он с желтого меняет цвет на зелёный, и я получаю уведомление о списании 2.200 монет. Мде, 64 монеты. На пиво хватит. А дальше?

– Ну, удачи, выпроваживает меня Пит из своей лавки, – как подзаработаешь – приходи, я тебе скидку сделаю, как постоянному клиенту.

Бреду к кораблю, не обращая внимания на крики зазывал. Действительно, теперь – или пан или пропал. Либо заработаю, либо – вниз, коров пасти или на заводе к терминалу.

Забираюсь в кабину и начинаю изучать карту системы.

Итак, что мы имеем. Станций – две и одна платформа. С учёными – что-то там эдакое учат-мучат. Планет – семь, и у двух есть кольца. А кольца, как говорил наш препод по космогеологии, это не только сборище полезных металлов, но и магнит для преступных личностей, которые так и норовят у честных шахтёров эти металлы того, приватизировать. Значит мне туда, может, повезёт и чего и мне обломится?

Вылетаю из станции и беру курс на ближайшую планету с кольцами, комп тут же подсвечивает на орбите целых пять точек, где ведётся активная разработка этих самых металлов. Выбираю ближайшую и устремляюсь туда на сверхскорости.

Подлетаю. Компас указывает прямо в эти кольца. Чёрт, страшно. С моего места эти кольца выглядят, как сплошной металлический блин, с дыркой посредине. В дырке – планета. А блины-то эти из камушков. Если не успею скорость сбросить… Но пока я боюсь, рука на РУДе сама начинает сбавлять газ. Снижая скорость, лечу по указателю. Кольца ближе-ближе, уже во всю лобовуху… Ещё ближе… Кольца пропадают, разваливаются и из монолита превращаются в стену из камней.

Комп начинает повизгивать предупреждениями:

– Внимание! Опасность столкновения! Рекомендован выход из сверхскоростного режима. Внимание!

Ок, хорошо. Сбрасываю скорость и штатно выхожу в обычное пространство.

Камни. Большие, средние и ОЧЕНЬ большие. И их много. Их даже больше чем до х… Гораздо больше. Где-то среди них летают потенциальные жертвы, и не знают, что их погибель уже тут. Это я про себя, если вы не поняли. Огибаю ближайшую скалу и углубляюсь в этот лабиринт.

На радаре появляются отметки кораблей, а их тут много. Но они пока далеко, я не вижу их, только засветки на экране.

Мимо меня проносится транспорт – Хаулер. Судя по всему, он набил свой небольшой трюм рудой и тащит свой улов на обогатительный завод. В отдалении одну скалу пилят лазерами аж два корабля. Они в тени и мне не видны, но лучи их горных излучателей хорошо контрастируют с чёрной поверхностью камня. Ещё кто-то пролетает мимо. Кругом движуха: все заняты делами, и только я бесцельно облетаю булыжники.

И как мне тут пиратов-грабителей найти?

Начинаю перебор-просмотр присутствующих тут кораблей. Сканирую всех подряд.

Аддер, никаких отметок о правонарушениях. Орёл, начинаю сканирование – и тут же вызов по связи:

– Чего надо?

– Что, простите?

– Какого сканишь, делать нефиг?

Просматриваю информацию по Орлу – ого, а ему есть чего дёргаться – в розыске! И награда есть – 150 монет!

Ну, попробуем. Активирую стволы и иду в атаку.

– Охренел, щенок! Да я тебя!

Но всё же факт первого удара и наличие двух, пусть и слабых, стволов делают своё дело.

Пиу-пиу… пиу-пиу.

– Щиты цели уничтожены, – подсказывает мне комп. Гы… а то я не вижу.

Пиу-пиу-пиу

Пошёл корпус… Я ж теперь опытный, отслеживаю состояние цели. Наловчился.

Пиу… Бдыщь!

– Вы получили 150 монет за уничтожение… бла-бла-бла.

Уффф… Хорошо-то как, Машенька. Да пофиг. Азарт, адреналин и всё такое.

Сканирую дальше.

Следующая цель – Кобра. Сканирую. Ого!!! 1.450 монет! Хм… а, если, он меня? А меня-то за что?! Я же – хороший, я делаю нашу систему чище!

Подхожу на дистанцию стрельбы. Стволы я с прошлого раза не убрал – захожу в хвост и…

– Огонь! Огонь! Больше огня!

Бдыщь!

На мой счёт капают денежки. Ручки потеют и дрожат.

– Тэк-с… следующий…

Пиу-пиу…

+ 200 монет.

– Ух, эдак можно и о более серьёзном стволе подумать… и о новом корабле… и о… той…

– Нас сканирует полиция, – информирует меня комп и сразу же в мой адрес несётся:

– Внимание! С вами говорит полиция системы. Сбавьте скорость и не предпринимайте резких манёвров.

Покорно сбрасываю газ и жду, не касаясь ручки джоя.

– Сканирование завершено. Нарушений не обнаружено, – и, уже несколько более мягким тоном, – парень, ты что тут забыл? Тут не место для новичков.

– Извините, офицер, деньги нужны, ну вот я и…

– Вижу. Ты давай аккуратнее тут, нет у меня желания твою задницу спасать, и так дел много.

– Ну, я постараюсь, – отвечаю.

– Уж сделай одолжение, – и полиция прекращает связь.

Пронесло… Хотя, а чего я так переволновался-то? Я же чист.

Продолжаю сканить и успешно сбиваю ещё парочку нарушителей. Даже странно, такое впечатление, что они в первый раз за штурвал взялись. Но мне только лучше от этого, на моём счёте уже почти три тысячи!

Ощущаю себя щукой, нет – Акулой. Белой или Тигровой, биологию не любил, так что не помню какая там злее, мож, Китовая? И как она, я крадусь меж камней, высматривая жертву.

Вот летит Орёл, сканирую, но, увы, он чист. Пусть себе летит, мне проблемы с законом не нужны. Ещё один Аддер, ну, это грузовоз, тащит полные трюмы руды, не мой клиент. Такой же, как и у меня Сайд, в розыске! Он находится впереди-снизу и я, сравнивая себя с океанским хищником, начинаю пристраиваться к нему сзади, спускаясь по пологой дуге.

2,4 км… далеко… 1,8 – уже можно, но лучше ещё подтянуться… 1,0 – можно или? Пилот Сайда что-то, похоже, чувствует, или ему просто не нравится висящий на хвосте мой кораблик. Он резко уходит вверх. А вот хрен тебе! Дистанция – 0,7, открываю огонь.

Его щиты быстро спадают, и моя цель начинает маневрировать между камнями. Рывок на форсаже, и между нами вырастает крупный обломок. Увы, я так пилотировать не умею, просто прибавляю газ и облетаю его по дуге сбоку.

А вот и Сайд – огонь! Его корпус украшается парой длинных багровых шрамов, 57 %. Хорошо!

Ныряю вслед за ним, пропуская над головой очередной астероид, и резко поднимаю нос, как только камень оказывается позади – Огонь! Пара моих лазеров разрождается длинными очередями – 12 %! Отлично! Внезапно лазеры замолкают: моя вина, увлёкся и сжёг все запасы энергии в накопителе. А моя цель неожиданно начинает хаотично крутиться, похоже, я добил его своей последней очередью. Сайдвиндер взрывается, и на мой счёт падают ещё 300 монет. Йес!

Хе-хе-хе… вот оно, дело для настоящих мужчин! Для бойцов! Для волков пространства! Это вам не конты таскать с памперсами! Я – Акула местного водоема! Хищник и гроза преступного мира!

Мимо меня проносится тот самый полицейский патруль, они преследуют какой-то крупный корабль. Его обводы кажутся мне знакомыми… ну-ка… ну-ка… точно! Питон!

Сканирую его, ожидая гневного окрика, но Питону не до меня, он рвётся к выходу, к чистому пространству. А хорошо его отделали: щитов нет, от корпуса осталось около тридцати процентов.

– Сканирование цели завершено, – сообщает мне комп.

Смотрю его формуляр – ухххх… 15.000! Пятнадцать! Тысяч! Монет! Если я им помогу, может, и мне что-то обломится?! Главное успеть!

Пикирую на него, огибая здоровую каменюгу, и, как только он появляется в прицеле, открываю огонь! 23%

Намертво зажимаю гашетку – 16 %.

Верчусь, удерживая его в прицеле, к счастью камней тут уже практически нет. 6%

Нууууу… 3%

– Цель начала подготовку к гиперпереходу!

2%… Ба-Бахххх! Вспучивается разрыв. Есть!

– На ваш счёт поступило 15.000 монет.

ЙЙЙЙЕЕЕЕССсссссссссс!!!! Я богат!

Проношусь сквозь быстро опадающий шар разрыва, продолжая палить куда-то в пространство, и едва не врезаюсь в обломки несчастного Питона. Хм… а, может, эти Питоны и не так уж и хороши – эк я его развалил? Ну, ладно, будем с собой честны, не совсем я, но развалил же?

Но всё же… 15 штук, или как говорит Янсен – косых… Эх…богатство…

В прицел вплывает полицейская Кобра, и я не успеваю отпустить гашетку.

Пиу-пиу-пиу!

Идеальное попадание в его левую дюзу. Она вспыхивает и гаснет, а Кобра сваливается в штопор и влетает в так неудачно оказавшуюся рядом скалу.

Ба-Бахххх!

Эм… ну, я же не специально, случайно вышло. Я же не хотел… Наверное, нужно извиниться, тянусь опустить микрофон в рабочее положение, но не успеваю.

– Ты! Сучёнок! Витьку завалил! Ну, всё, молись тварь, – несётся в мой адрес из динамиков от напарника разбившегося полицая.

Ой…

– Внимание! Вы нарушили закон! – информирует меня комп.

– Нарушены статьи: – комп начинает монотонно перечислять, заполняя правый верхний информационный экран строчками красного текста.

– Нападение на полицейского;

– Убийство полицейского;

– Нанесение ущерба собственности Системы;

– Применение оружия против полицейского, находящегося при исполнении;

– Препятствие правосудию;

– Опасное пилотирование;

– Сопротивление задержанию…

– Заткнись! – ору на комп.

Чёрт! Я что, все законы сразу нарушил?

Вторая кобра делает разворот и заходит на меня.

– Сдохни! – рычит её пилот.

Ой, мамочки… а так ведь всё хорошо было…

Выжимаю газ и выскакиваю из камней. Надо валить! Жму переход на сверхскорость.

– Внимание! Вы находитесь в розыске! – продолжает радовать меня комп, – за вас назначена награда…

Отчаянно жму кнопку перехода на сверхскорость.

– Переход на сверхскоростной режим невозможен!

Да что за… анный день! Что за дела?!

Корабль встряхивает.

– Поле корабля уничтожено!

С одного залпа?! Охренеть! Это чем же он меня приложил таким?

Клац! Клац! Клац! Уже истерично тыкаю пальцем по кнопке перехода. Да включайся ты, тварь, уже! Убьют же сейчас на хрен!!!

– Переход на сверхскоростной режим невозможен!

– ПОЧЕМУ?!

– Выдвижные модули препятствуют…

Чёрт! Стволы не убрал. Убираю и снова жму, не переставая крутиться.

– Начата подготовка к переходу на сверхскоростной режим. Напоминаю, что вы находитесь в розыске.

Да помню я, помню.

Мимо кабины проносится очередь из тяжёлого пулемёта Кобры. Дёргаю ручку, и следующая очередь проходит чуть в стороне. Ничего, сейчас мы повертимся…

Бах-бах-бах-бах…

Корабль трясёт от попаданий. Вот же гад! Подловил!

– Нарушена целостность корпуса – 64 %. Напоминаю, вы находитесь в розыске.

Сука!

– Начат предпрыжковый отсчёт… 4,… 3…

Меня опять встряхивает. Смотрю на показатель состояния моей скорлупки – 31 %! Только б вырваться, только б выскочить, только б…

… 2,… 1… Прыжок!

Я жив!!!

Выбираю из меню с перечнем объектов системы станцию и ложусь на курс сближения.

– Напоминаю, вы находитесь в розыске.

– Заткнись уже, а?

Комп замолкает, но над указателем топлива в баке высвечивает жирную красную надпись «В Розыске»

Тварь железная!

Сближаюсь со Станцией и прошу добро на посадку.

– Ого! Где это тебя так? – спрашивает меня встречающий на платформе Янсен.

– Да вот по твоему совету в астероидах того… – отвечаю.

– Ну? Сколько?

– Чего сколько?

– Заработал и завалил.

А действительно – сколько? Проверяю свой баланс. На моём счету лежат приятные 17 штук. Эк… удачненько. Гордо демонстрирую с планшета своё богатство Янсену, он уважительно хмыкает, но вдруг удивлённо указывает мне на небольшую строку в разделе статуса платежей/налогов. Там жёлтым цветом моргает надпись – имеются непогашенные обязательства.

– А это что? – спрашивает.

– Не знаю, кредитов не брал, – отвечаю, – сейчас разберёмся, и тычу пальцем в надпись. С секундной задержкой раскрывается новое окно.

– Непогашенные штрафы, – читаю я. Чёрт, да их много – и когда я успел?!

– Ого, – это уже Янсен. Он отбирает у меня планшет и прокручивает список, – сильно! Аж 23 штрафа. Ух ты – и порча имущества и убийство полицейского… сопротивление. Где это ты так порезвился?

Рассказываю ему про того полицейского. Он мрачнеет.

– Что ж ты так? Посмотреть не мог, куда палишь-то?

– Увлёкся, – сокрушённо признаю свою вину.

– Да, 23 штрафа за один вылет – это сильно. Всего ты наувлекался, он выделяет это слово, аж на 13.800. Беги, плати, пока тебя в разряд рецидивистов не перевели.

– А что, могут?

Он кивает, – да, если переведут, то Станция для тебя закрыта, расстреляют на подлёте.

– И, ну, если меня того, ну, не успею? Тогда что?

– Да ты не парься, собьют тебя и тот, кто собьёт – тому награда за твою башку непутёвую, ну как ты настрелял. Понял?

– Угу. Я, тогда побегу, да? А вы мой, – указываю подбородком на свой Сайд, – почините?

– Да не спеши – тебе за неделю погасить нужно. А кораблик твой мы вместе осмотрим. Пошли.

– Не… – я пячусь к выходу, – я пойду оплачу. Лучше сразу.

– Хорошо, я тебя тут подожду, посмотрю пока на эти, – он вздыхает, – обломки.

– А платить-то где?

– Там же где и награду, в СБ.

Ну, туда мне дорога знакома. Стучусь в дверь.

– Войдите.

– Здравия! Желаю! Господи…

– Ко мне обращаться – Куратор! – перебивает меня суб-лейтенант.

– Вас понял, господин Куратор!

– Что у тебя?

– Вот, протягиваю ему пилот-карту. Он суёт её в считыватель и просматривает информацию.

– Неплохо! Хороший вылет, пилот. О! И закон мы тоже нарушили? Хм…

Поднимает взгляд на меня.

– Вы отдаёте себе отчёт в том, что ваши действия привели к временной гибели полицейского, при исполнении?

Вздыхаю, – Да.

– Раскаиваетесь?

– Да, но я не виноват! Он сам под очередь влез.

– Да ну? И так удачно влез, так удачно, что вы ему с одного попадания двигло снесли? Да вы просто снайпер, молодой человек.

Снова вздыхаю.

– Ну, я, это… типа осознаю и всё такое.

Чёрт… это же СБ – сейчас закроет меня лет на несколько.

– Молодец! Так их и надо!

Что?

Поднимаю глаза на куратора – он улыбается. Довольный такой.

– Жаль, что ты только одного завалил, обоих нужно было валить!

– Простите?

Походу, кто-то из МВД когда-то перешёл ему дорогу? И круто так перешёл, раз он всё в субчиках сидит. Или тут вечное соперничество СБ и МВД? Или и то, и другое?

– Значит так. Ты, – он пристально смотрит на меня, раскаялся и сожалеешь о произошедшем. Так?

Киваю.

– Спишем, как несчастный случай. Награда за ликвидацию преступников минус штрафы, где-то 3.800 в плюсе.

– Спасибо! Но я в розыске числюсь…

– Уже нет. Я аннулировал и очистил твой статус.

– Ух… Спасибо большое! – как гора с плеч.

– Не стоит того, – он утыкается в экран, – я вас более не задерживаю.

Кланяясь, выкатываюсь из кабинетика. Пронесло! Но действительно, нужно поаккуратнее быть. А то разорюсь на штрафах.

Иду в ангар.

А в ангаре кипит работа. Янсен с парой помощников, одного я узнаю – Вольдемар, гоняют по корпусу моего Сайда толпу ремонтных дроидов. Вблизи – я поднялся к ним на эстакаду, мой кораблик представляет собой довольно интересное зрелище.

В корпусе зияют дыры разного размера. Сквозь некоторые видны потроха модулей корабля. Несколько плит брони загнуты и скручены – жуткое зрелище. Вся корма покрыта мелкими дырочками, но дюзы выглядят целыми.

– А, пришёл, – замечает меня Янсен.

– Угу, – рассказываю ему о полученном вознаграждении и списанном штрафе, – так что теперь у меня всего три с небольшим, – завершаю свой рассказ я. Про подробности переговоров с куратором умалчиваю. Зачем всё-то рассказывать?

– Розыск сняли – это хорошо, – задумчиво бормочет Вольдемар, не отрываясь от пульта управления дроидами, – а мы тут тебя латаем, сам видишь.

– Мне денег-то хватит? – интересуюсь я.

– Модули повреждены, но не сильно, свезло тебе.

– А эти… это, Ну, обвожу рукой корпус с дырами.

– Заплатки поставим, не критично, а вот кормовые пластины менять будем целиком. Это решето не заварить. Новые поставим.

– У меня денег всего ничего, – начинаю прикидывать я, – может не всё чинить будем?

– И как ты на полудохлом своём полетишь? Ты ж при взлёте рассыпешься, – отрезает Янсен, – ну, заплатки – это копейки, не парься, а вот ремонт модулей и новая корма это да, штуки на две потянет.

Эх-хе-хех… опять я вернулся к тому, с чего начинал.

– Ремонтируйте, – отвечаю ему в расстроенных чувствах.

Янсен смотрит на меня какое-то время, потом о чём-то шепчется с напарником. Тот пожимает плечами, но потом машет рукой и возвращается к своему пульту.

– Значит так, парень. Слушай внимательно. Вон, Орла видишь? – он показывает рукой на стоящий через несколько платформ корабль в ядовито зелёной раскраске.

– Да.

– Иди туда, найди хозяина, он где-то там сейчас. Йос его зовут. Йос Сэлмон. Скажешь, что от меня, что я просил помочь приподняться. Понял?

Нет, но киваю утвердительно.

– И ты, это, – языком не трепи.

– Угу.

Спускаюсь под платформы и коридорами пробираюсь к указанному кораблю. Действительно, рядом с кислотно-зелёным Орлом прохаживается пилот. Поверх скафандра – вытертая рыжая кожаная куртка. Оригинал, зачем поверх скафандра ещё и куртку натягивать? Если только понтов ради. Подхожу.

– Добрый день, Йос?

– Допустим.

– Мне к вам посоветовал Янсен обратиться. Сказал, что вы можете мне помочь приподняться.

Он скептически щурится на меня.

– Тебе? Приподняться?

– Да. А что? Я неплохо летаю. Вот только из астероидов вернулся.

– Из астероидов? Это не оттуда ли где Питона завалили, а потом и полицая?

– Да.

– Ты что ль отметился?

– Ну, я так, немного.

Йос вздыхает, – да уж… пилот. Видел я твой Сайд. Но раз уж за тебя Янсен просил, попробуем.

– Значит так, иди сюда, – мы забираемся в кабину его Орла. Точнее он забирается, а я устраиваюсь на корпусе, навалившись брюхом на комингс кабины.

– Смотри и запоминай, два раза показывать не буду, – он активирует карту и приближает какую-то систему, – летишь сюда, запоминай название.

Смотрю, система как система, LHS 9227, ничего особенного.

– Запомнил?

Киваю.

– Как в неё запрыгнешь, ищи источники сигналов. Слабые и затухающие.

Киваю опять.

– Выходишь по сигналу в нормальном режиме.

Он замолкает и гасит карту галактики.

– А дальше что? – спрашиваю.

Он смотрит на меня с удивлением, но потом спохватывается, – ах да, ты же нуб. Потом идёшь на привоз, к Пеппе. Он как обычно за жратвой сидит.

– К кому?

– Тебя точно Янсен прислал? Сколько у тебя вылетов?

– Семнадцать! – гордо отвечаю.

– Сколько? И такие вопросы?!

– Ну… – сникаю я, но не врать же, – Из них 2 реальных. Вчера и вот, сегодня.

– Ясно. Забудь. Всё, вали отсюда и передай Янсену мои соболезнования.

– А что кто-то умер?

– Да. Ты. Вали отсюда.

Сваливаю, возвращаюсь к своему кораблю. Его уже практически закончили ремонтировать.

– Поговорил? – спрашивает меня Янсен.

– Да, – отвечаю, не вдаваясь в подробности.

– Ну и ладненько, – он протягивает мне планшет. – Вот, подтверждай оплату, тут немного дороже вышло, но отобьёшь быстро. Уверен, что Йос дал тебе путный совет.

Подмигивает мне, – О'к. Спасибо, что воспользовались нашим сервисом, сэр, – и шутливо мне козыряет.

– Ладненько, я пойду, дела ещё есть.

– Как вернёшься, не забудь проставиться. Моя смена на сегодня всё, если что, я в баре буду.

– Обязательно, – отвечаю ему и лезу в кабину.

Ну, давайте посмотрим, что в этой системе. Как её там? LHS 9227, ввожу её название в окно поиска на карте Галактики. Карта разворачивается и центрируется на этой системе. Прокладываю курс, не экономичный, быстрый. И всего-то в двух звёздах от меня. Каких-то 12 св. лет – совсем рядом. Эх… прыгал бы мой Сайдик подальше…

Взлетаю и беру курс на ближайшую звезду в маршруте. Пока корабль отползает от станции, просматриваю информацию по этой системе. Печально: в системе царит анархия. Это очень печально, там нет полиции, и никто не прилетит на помощь, если на меня нападут. Полиция-то по факту есть, но она только станции там охраняет. Просматриваю информацию по станциям, а нет их. То есть, в случае чего, мне и укрыться негде будет. За-ши-бись. Слова Йоса о том, что я труп начинают наполняться конкретным смыслом. А деваться-то и некуда: после ремонта у меня в кармане чуть больше той тысячи, что я получил в самом начале.

Но, была, не была! Прыгаю!

Выхожу у первой звезды и беру курс на следующую.

Прыжок. Смена курса, и вот я в анархическом пространстве. В царстве тьмы, беззакония и прочих страшных вещей. В качестве ориентира выбираю дальнюю мёртвую планету. Корабль резво набирает скорость, и внезапно комп высвечивает отметку на лобовом стекле: «Обнаружен источник слабого сигнала». Доворачиваю на него, плавно гася скорость. Непосредственно перед отметкой комп информирует меня, что можно безопасно перейти в обычное пространство.

Вываливаюсь в пустоту пространства.

Ничего. Совсем ничего, радар идеально пуст, если не считать отметки навигационного бакена. Сканирую его. Бакен установлен недавно, но его батареи практически на нуле, поэтому и сигнал никакой. А кроме него – ничего. Бесцельно двигаюсь в пространстве, оставив отметку бакена по корме.

И вот, когда его отметка уже должна была пропасть с радара… На радаре появляются какие-то белые засветки. Припоминаю курс лётной подготовки: жёлтые засечки – это нейтральные цели, зелёные – друзья-союзники, красные – враждебные, ну, а белым отмечаются мелкие, условно нейтральные объекты. Те же конты с грузом, например.

Конты? Тут? Откуда?

Сближаюсь и сканирую.

В пустоте висит с десяток контейнеров, с золотом! Бесхозные контейнеры с золотом! Офигеть!

Подруливаю к ним, заблаговременно распахнув зев грузового отсека.

Мимо первого проношусь на слишком высокой скорости. Разворачиваюсь и медленно-медленно делаю второй заход.

Есть!

Конт вплывет в трюм, и автоматика фиксирует его на штатное свободное место.

Разворот, сближение, и второй занимает место рядом с первым. Ещё, нужно ещё закинуть в трюм. Эх… ну, почему у меня такой маленький трюм, только на четыре контейнера! Разворачиваюсь, и тут пустоту пространства и спокойствие радара нарушает отметка ещё одного корабля. Вновь прибывший, сохраняя молчание, приближается ко мне, активируя оружие.

Чёёёрт! Неужто хозяин прибыл?! Надо валить. И быстро. Закрываю люк и пытаюсь оторваться, но противник преследует меня, открыв огонь с большой дистанции. К счастью он пока мажет. В основном, мажет. Жму кнопку перехода на сверхскорость и, как только комп начинает подготовку мой противник отворачивает, прекращая огонь.

Ну, да, отогнал меня и теперь ему достанется всё то богатство. Был бы у меня кораблик помощнее, я бы показал тому, кто тут хозяин. Прокладываю курс домой. Но по-честному – грех жаловаться, и так, за каких-то полчаса так обогатиться!

Прыжок!

Золото, оно всегда в цене.

Выхожу у звезды и ложусь на новый курс.

Вроде бы, тонна около шестнадцати тысяч монет?

Прыжок. Выход. Новый курс.

Два конта по тонне в трюме. Две тонны! Это же 32.000 монет! Уххх… Нужно будет первым делом Янсену проставиться.

Прыжок. Выход в домашней системе. Курс на Станцию.

Штатно сажусь и спускаю корабль в ангар. Выгружаю конты на ангарный склад и бегу на привоз. Нужно срочно продать! Пока цены не сбили! Золото оно-то всегда в цене, но мало ли…

Вот и ряды шахтёров. Увы, в первой же лавке меня завернули, сообщив, что им это не интересно. Да им же и хуже. Захожу в следующую и, в ответ на вопрос клерка за стойкой, протягиваю планшет с информацией по грузу. Он впивается взглядом в мой грузовой раздел, но, внезапно, сникает.

– Нет, нам это не интересно. Извините.

Да что же такое?

Третье заведение – результат тот же. В четвёртом мне чуть морду не начистили, когда я скандалить начал. Просто сунули мне в руки мой же планшет и вытолкали на улицу. Да уж, дела. Что, пока я летал, золото синтезировать начали, и теперь оно ничего не стоит? Проверяю новости – ничего похожего. Пока я пытался разобраться, в чём же дело, ко мне подошёл тот тип, что вытолкал меня из последней лавки. Я уже было напрягся, бить будут, но он показал мне пустые ладони и встал рядом.

– Парень, ты что, охренел? Палёный товар подсунуть хочешь? А может ты провокатор, от полицаев, а?

– Я? Палёный? Я его честно нашёл!

– Декларацию свою глянь, – он развернулся и скрылся в своём заведении.

Открываю грузовой раздел. Ну и что? Вот груз, две тонны золота. Упаковка – типовой конт. Что не так-то? Хм… а это что за сноска? Тыкаю на неё – груз краденый, подлежит конфискации, на перевозящее лицо надлежит наложить штраф в размере ДВОЙНОЙ СТОИМОСТИ?! Да они что, охренели? Он же в пустом пространстве болтался! Я же не вор какой-то?!

Нет, ну дела! Ну и закончики тут! Вот облом! Грабители… И что мне теперь груз у станции сбросить? А если отсканят при вылете? Где бабло-то взять.

Бреду среди торговых рядов обдумывая своё очередное попадалово. И как выкручиваться? Ну, пока конты в ангаре, всё норм, в ангар-то никто не полезет. А вот, когда вылечу – не факт, что в тот же потом попаду. Арендовать-то личный я не могу пока. Ну, вот взлечу, ангар вскроют и найдут золотишко-то моё. Кому-то из полицаев премия, мне – штраф. Да… влип.

От грустных мыслей меня отвлёк запах еды, я как раз забрёл на улицу, забитую ресторанчиками, кафешками и просто ларьками, в которых готовят что-то из спектра быстрого питания.

Эх… перекусить бы мне не мешало. Направляюсь к ближайшему ларьку, в кафе или ресторан мне, увы, нельзя. Денег нет. А жрать охота…

Стоп! Что там Йос говорил про еду… нет, про мужика, к кому мне зайти нужно было по прилёту из той системы? Падре? Паоло? Пут… не, Пеппе. Точно, Пеппе.

И где его тут искать? Не бегать же с криком: «Пеппе, Пеппе, кто видел Пеппе?» Оглядываюсь, не знаю, чего я увидать-то ожидал? Ну, народ суетится по своим делам. К одному заведению транспорт с едой, наверное, подъехал. У другого очередь стоит, наверное, там что-то особо популярное готовят. Непонятно. Как найти-то его тут? Поднимаю голову вверх – оппа. Прямо передо мной вывеска «Пончики от Пеппе». А, может, и не тот? Но решаю попробовать и захожу.

Обычная едальня или мелкое кафе. Три столика, причём все пустые. У стойки стоит молодой парнишка, сонный настолько, что его не оживило даже появление потенциального клиента. Подхожу.

– Чего хотите? – спрашивает меня этот сонный тип. Походу, и не просыпаясь до конца.

– Я это, сделай мне пару пончиков, – говорю ему.

Он кивает и запускает свой агрегат. Почему я заказал два? Не знаю. Вообще-то я люблю пончики, как-то в отпуске, слопал десяток. Правда, на спор.

– Держите, – парнишка хлопает на стойку тарелку с парой свежих пончиков.

– Что то ещё?

– Да, мне бы с Пеппе увидеться.

Парнишка всё так же сонно кивает и уходит внутрь своего заведения.

Спустя пару минут появляется сам Пеппе, к моему удивлению тощий, невысокий мужик.

– Что-то не так? Пончики не понравились? – спрашивает он меня.

– Нет, что вы, они замечательны. Дело в том, что у меня есть…

– В курсе, – перебивает меня Пеппе, – два конта с жёлтым.

– Да.

– Что же вы, друг мой, сразу не пришли? – укоряющее обращается ко мне он, – начали по рынку ходить, народ переполошили? А? Нехорошо это.

Молчу. А что мне сказать-то?

– Или вы решили, что можете вот так, просто взять чужой товар и спихнуть его кому попало?

– Да я, вообще, в первый раз.

– Верно, что в первый. И примите мой совет, будете чужое брать и куда попало спихивать – будет это последний ваш раз. Ты меня понял? – на последней фразе он резко меняет тон с ласково-задушевного на холодно-предупредительный.

Сглатываю сладкую, послепончиковую слюну и киваю.

– Вот и отличненько, – его тон снова становится дружеским, даже заботливым, – вы пончики-то кушайте, они хорошие, сам рецепт разработал.

Киваю и начинаю жевать второй.

– Ваши, точнее мои, те два конта я уже забрал у вас из ангара.

Видя моё удивление, он поясняет, – не переживайте, только своё забрал.

Вот тебе и раз, а нам-то твердили, что ангар неприкосновенен!

– За них я вам дам стандартную цену – по восемь косых за конт.

– Сколько? – я чуть не подавился, – это же только половина!

– Стыдно быть таким жадным, молодой человек, – в его взгляде появилось сожаление, – вы же два пончика взяли? Ну вот, всё верно. Или вы, – его тон снова меняется, – не согласны?

Согласен, конечно, согласен, что я враг себе что ли?

Киваю с набитым ртом, типа да, полностью и абсолютно.

– Славненько, запить не желаете? – он протягивает мне бутылочку диет-лимонада.

Отрицательно машу головой, не нафиг, а то ещё чего начислит.

– Ну, как хотите. Будете рядом – заходите, буду очень-очень рад вас снова увидеть.

Он кланяется и меняется местом с пареньком, который моментально начинает дремать.

Выхожу из лавки. Мой планшет звякает, сообщая, что по моему счёту прошло какое-то движение. Проверяю, да, действительно, получил 16.000 монет. В графе назначение платежа значится «Консультирование заведений общепита». Лихо!

Проверяю баланс – семнадцать с небольшим тысяч. А жизнь-то налаживается! Хоть и с такими поборами…

Направляюсь в бар, я же обещал Янсену проставиться.

В баре шумно, накурено и весело. Сверкают стробоскопы и какие-то частично одетые личности неловко двигаются по сцене. Кручу головой, пытаясь отыскать Янсена. Он, точнее Вольдемар, находят меня раньше, и официант провожает к их столику.

– Ну как? – спрашивает Янсен.

– Более-менее, – отвечаю, – действительно приподнялся.

– Так проставляйся!

Заказываю выпивку и закусь на всех, благо компания небольшая: Янсен, Вольдемар, ещё пара техов и, вот уж не ожидал, Йос.

– Как прошло? – спрашивает Йос.

– Нормально, – отвечаю, – сгонял, забрал, сдал.

Он кивает, делаем паузу, пока официант перегружает с платформы на стол разную снедь.

Дождавшись окончания этого процесса, он продолжает.

– Ты только не тупи, не серди Пеппе, он мужик хороший, но порядок любит.

Киваю и разливаю беленькую всем присутствующим. Хочу встать и произнести тост, как меня жестом руки останавливает Янсен, типа сиди. Он сам поднимается и, обращаясь ко всем нам выдаёт:

– Друзья! Сегодня ряды космолётчиков пополнились ещё одним бойцом. Наш друг, – кивок в мой адрес, – за эти несколько дней успел побывать в разных ролях. Его гоняли пираты, и он их. Его ловила, ну, почти ловила полиция, и он отомстил! Даже успел первый контрабас привезти и представиться папе Пеппе. Я считаю и надеюсь, что мы видим начало карьеры будущего космического волка! Покорителя пространств, ну, и всего прочего! Вот за него и выпьем!

Я аж засмущался, а народ потянулся ко мне со стопариками. Чокнулись. Закусили.

Вторым высказался Йос. Он был краток.

– Чтобы трюмы были полны, а полицаи сонны!

Выпили.

Ну, про третий тост все и так знают. Выпили, помолчали. И все как-то сразу обо всём заговорили.

Йос и Вольдемар наперебой учили меня жизни. Причём, каждый своей версии. С одной стороны Янсен говорил, что мне нужно поставить на корабль, а Йос рассказывал, как это полезно в жизни контрабандиста. Вольдемар обсуждал что-то с незнакомой мне парой, вроде, новые методики вакуум сварки. Они спорили, где лучше держать баллон со смесью: на груди или на спине. Ну, и все протекавшие дискуссии щедро смазывались беленькой.

Под конец вечера я уже смутно помнил начало и единственно полезного, что я вынес из всех бесед – это что мне нужен другой корабль и своя фирма. Но не с моими нынешними капиталами. Так что единственным путём для меня было продолжать зарабатывать всеми возможными способами, пусть и не совсем законными. И думать о новом корабле.

Глава 4
Все современные состояния нажиты незаконным путём 2 (с)

Более менее придя в себя после празднования, я занялся планированием. Как долгосрочным, так и ближайшим. Понятное дело, что мне потребуется новый кораблик. А какой? А это уже зависело от того, каким путём дальше мне идти: либо продолжать таскать контрабанду, рискуя шкурой, но имея шанс более менее быстро подкопить деньжат, либо податься в честные торгаши и тихо-мирно каботажить, перетаскивая грузы из точки А в точку Б.

Так кто же я – тварь дрожащая за свою шкуру или имею право отнять чужое? А фиг его знает, оба пути равно манили открывающимися возможностями.

Решив, что определюсь позднее, я направился на площадку продажи кораблей.

Выставочная площадка, она же здоровенный ангар, соседствующий с полётной палубой станции, произвела на меня сильное впечатление. Прежде всего своими размерами. Нет, я понимал, что соорудить на Станции нечто подобное было можно, всё же габариты моего «кубика» составляли восемь на восемь на восемь км. с хвостиками, но увидеть вживую, своими глазами подобное пространство – это совсем другое дело.

Не знаю – под какие цели проектировщики изначально задумывали этот ангар, но фирмы, занимающиеся сбытом кораблей, подошли к делу его перестройки тщательно. Прежде чем попасть непосредственно на площадку с продающимися кораблями коридор от лифта выводил вас на довольно большой балкон, с которого открывалась панорама этого места. Вот представьте себе поле размерами пара на пару км., всё заставленное кораблями. Живого места нет просто.

Я провёл несколько десятков минут, тупо глазея на потенциальные пути моего будущего.

Тут стояли и аналоги моего Сайда, рядом было несколько Орлов, с ними соседствовала пара Кобр. Чуть поодаль, в ряд, выстроились по ранжиру различные транспортники: Хаулеры, Аддеры и вся линейка уже серьёзных грузовозов от компании Лакон – Типы 6, 7 и 9.

И это всё только по одной половине.

Через проход, сформированный какими-то ларьками, стендами и киосками, расположились боевые корабли. Взгляд сразу остановился на массивном корпусе крейсера. Анаконда, безусловно, доминировала на площадке, хоть и была всего одна. По сравнению с ней все остальные корабли выглядели мелкими и хилыми. Я, видя перед собой и аналог своего Сайда и Анаконду, только поёжился, не дай Бог такую встретить – одним плевком испарит.

На почтительном отдалении от Анаконды расположился лёгкий многоцелевик – Питон. Брат близнец того, из астероидного поля. Конечно, он смотрелся не так грозно как Анаконда, но, на фоне всех остальных он выглядел очень солидно.

Чуть в отдалении расположились средние корабли, причём как Имперские, так и Федеральные.

Так, Федеральный десантный бот смотрел своей кабиной на Имперского Курьера, а Клипер Имперцев наставлял свои стволы на Штурмовик Федералов. В конце этого прохода между извечными врагами на вращающемся подиуме, сверкая никелированной отделкой брони, медленно вращалась роскошная яхта класса Касатка. И в самом углу, на палубе, выкрашенной в чёрный цвет, наверно долженствующий имитировать пустоты космоса, стояло несколько исследовательских кораблей: проверенная столетиями и поколениями исследователей Гадюка и небольшой, но агрессивного вида незнакомый мне кораблик. Сайд у меня и так есть, а Орёл не произвёл на меня особого впечатления: да – шустрый, да – стволов больше, но хлипкий какой-то. На мой взгляд.

Спускаюсь вниз и приступаю к анализу своих возможностей. Равнодушно оставив позади Сайды и Орлы, я решительно подошёл к паре Кобр. Обошёл их, осмотрел дюзы, днища, попинал ногой посадочные лапы, короче, сделал всё то, что делает любой приценивающийся.

А вот серьёзный кораблик! Похож на располневшего Сайда, но конкретно так располневшего.

Заметив мой интерес, из спячки выпадает сотрудник торговой фирмы.

– Вам чем-либо помочь? Рассказать?

– Спасибо, я вот так просто, посмотреть, приценяться…

Упс, вот про приценяться – это я зря сказал. Манагер моментально просыпается и начинает расхваливать товар.

– Это третье поколение кораблей типа Кобра, как вы сами видите, в конструкцию внесены дополнительные усовершенствования и вылечены все болезни первой и второй моделей. Кобра-3 – это проверенный тысячами пилотов агрегат, каждый винтик которого прошёл через тщательное тестирование. Абсолютная надёжность! Элегантный дизайн. Я вижу, вы – профессионал…

Вот гад, думаю, на лесть бьёт, но я автоматически выпячиваю грудь и киваю.

– Да, знаете ли, – небрежно роняю я, – приходилось бывать в переделках…

– Вот! Я, как только вас увидел, – с воодушевлением продолжает продавец, – так сразу и понял: это ваш корабль! Да что говорить-то! Вы же лучше меня представляете все опасности космоса. А тут, в этом венце технологического прогресса, – он гладит обшивку Кобры, – тут сконцентрировано всё самое лучшее и новое. Вот, сами смотрите, – он указывает на закрытые орудийные порты, – четыре! Четыре орудийных пилона! Вы представляете мощь одного залпа?

Я киваю, мол, типа да, представляю, конечно.

– Мощнейший прыжковый двигатель, за один прыжок – на почти восемнадцать световых лет! Вы только подумайте, свет от звезды будет идти целых. Восемнадцать. Лет! – он чеканит каждое слово, чтобы я проникся.

Я проникаюсь.

– А трюм! Шестнадцать тонн! Целых шестнадцать! И прыгнуть. И отбиться в случае чего. Идиотов, увы, хватает, но именно идиотов, так как только идиот нападёт на такой Корабль.

Он делает паузу, отпивая пару глотков из бутылочки с минералкой.

Я облизываю губы, тоже пить захотелось, но манагер этого не замечает, или делает вид, что не замечает.

– И главное! – он победно смотри на меня, – мы подарим Вам, вместе с кораблём, стандартный сканирующий комплекс. Последней модели! И когда вам наскучат ваши безусловные бесконечные победы, я же вижу что вы – Ас, то вы сможете отдохнуть и, кстати, неплохо подзаработать, исследуя просторы нашей Галактики.

– И сколько этот корабль стоит?

– Пффф… сущие копейки, поверьте, даже смешно говорить вам.

– Сколько?

– Для вас – всего 479 тысяч.

– Сколько???

– Только для вас, сделаю скидку, вот понравились вы мне. Ну да, матёрого бойца всегда видно… вот – со скидкой 439.

Заманчиво, конечно, но не для человека, имеющего на счёте семнадцать косых.

– Знаете что, – говорю я, отыскивая его имя на бирочке, эээээээ… уважаемый Руккони, да, я сейчас тут похожу ещё малость, посмотрю, подумаю и вернусь к вам.

– Вы меня без ножа режете, – вздыхает он. – Хорошо, ваша взяла. Отдам по цене завода, задаром! 400.

– Я к вам вернусь, – обещаю ему я и задом-задом отползаю со стенда.

В след мне несётся, – это уже просто грабёж, но вот моё последнее слово – 380! Дешевле вы нигде не найдёте.

Может быть, может быть. Иду дальше.

Ряды торговых кораблей оставил на потом, я же боец, мне драйв нужен, а не пузо на спокойных маршрутах отъедать…

Имперские и Федеральные корабли я так же оставил без внимания, пока я не решил, кому из сторон их спора отдать предпочтение. Я вырос в демократичной и аполитичной семье, и вопросы политики считались у нас… ну почти неприличными. Так что, пока я оставался политическим девственником и не горел желанием её того, нарушить. Вот кому-либо другому, точнее – другой и, желательно симпатичной особи, да с прилежанием и со всем желанием!

Иду дальше к Анаконде и Питону. Раз уж я тут, грех не посмотреть на эти шедевры галактического кораблестроения. Облазил я их всех. И облизал. Хороши, черти. Эх… хороши.

Но цена, цена. Не то, что кусается, даже подходящих слов нет. Кто же такими-то деньжищами располагает? Точнее кто, покажите мне такого, кто с такими суммами всё ещё летает? Таким богатеям впору яхту купить, ну хотя бы ту же Касатку, нанять пилота, обслугу… Эх, мне бы такие деньги, нанял бы пилота, пару стюардесс из тех, с привоза? и катался бы по Галактике, красотами бы любовался и не только космическими. Мечты-мечты…

Очнувшись от сладких грёз, я обнаружил себя рядом с разделом, посвящённым исследователям космоса. В принципе, исследовать просторы галактики можно было на чём угодно, хоть на моём Сайде: ставь сканер, модуль заправки от звёзд, на жаргоне пилотов – сосалка, и вперёд. Но, конечно, на специализированном корабле, заточенном под дальние перелёты, оно удобнее.

Вот свезло же моему однокурснику, Адо, его сразу по выпуску, завербовала СИК – «Служба Исследований и Картографии». Выдали АСП и послали. Вот уж что-что, а посылать-то там умеют. В первый раз недалеко, относительно, конечно. Послали исследовать сектор в пяти сотнях световых лет. Он недолго там копался, ну, да, с топовым-то оборудованием, буквально за месяц обернулся. Хотя, для меня и месяц в консервной банке просидеть, одному… бббрррррррр… Вот с той бы стюардессой, то да, можно и подольше. А вот во второй раз его аж на пять тысяч заслали. И опять одного. Я бы точно свихнулся… ну да он всегда одиночкой был. А, может, он и не один вовсе? А? Ну не психи же, не импотенты в этом СИК работают, наверняка что-то придумали. Может, и вправду он там со стюардессой кувыркается, лететь-то долго? Надо будет у него спросить, когда вернётся.

Но, надо возвращаться к реальности. Так, что тут у нас? Ага, АСП – ого! Почти семь миллионов! А не бедно живут эти СИКовцы! Совсем не бедно. Точно, он не один полетел. С такими-то расходами только на корабль эти, на сопровождение – ну, сущие копейки.

Второй кораблик был из новых, какой-то дальний разведчик «Алмаз». Он быль помельче и значительно, более чем в десять раз дешевле. Судя по информации на стенде, при всём этом,

он прыгал совсем так же, как и Гадюка, но, увы, при этом жертвовал комфортом. Делаю вывод: раз Гадюка гораздо комфортнее, то там точно под такой отдых место есть. Эх, вот повезло же Адо. Гад. Катается, как сыр в масле: до начальства далеко, красотка – рядом. Эххх… зависть, оно конечно, плохое чувство, но…

Иду дальше, к территории, на которой выставлены торговые корабли. Хотя уже понимаю, что зря я это всё затеял. С моими-то грошами. Ну, да за просмотр денег не берут. Итак, посмотрим.

Начинаю с самого маленького корабля – с Хаулера. Относительно недорог, всего полсотни тысяч, неплохая грузоподъёмность, симпатичный обтекаемый корпус. Рудиментарные крылышки на корме намекают на возможность более-менее комфортной посадки на атмосферные планеты.

Таскает аж 16 тонн. Максимум – 18. Конечно, можно над ним поработать, выкинуть лишнее, ну, тот же щит, тогда больше. А если отморозки наедут? Не, с щитом лучше.

Следующий – Аддер. Странно: стоит дороже, а таскает чуть-чуть больше. Вникаю и сравниваю их показатели: ну, ясно, этот покрепче будет. Если первый идеален для перелётов внутри системы, ну, или для коротких рейсов по ближайшим, то на Аддере я уже могу делать более долгие рейсы. Да и, судя по его щитам, есть шанс удрать в случае переделки.

Далее стоят уже профессиональные модели, для серьёзных купцов – Тип 6, 7 и просто гигантский Тип-9. Девятка она конечно короче Анаконды, но вот по толщине – почти в три раза шире.

Безнадёжно просматриваю ценники, даже не залезая в тех описание. Миллион, семнадцать и почти восемьдесят – мне это не скоро светит, если вообще возможно, пусть даже и не законным путём, приблизиться к подобным суммам.

Ну, и на фига я сюда припёрся? Лишний раз осознать, что я нищ, гол и бос, фигурально выражаясь.

В расстроенных чувствах возвращаюсь на свой Сайд. Нужны деньги! Любым способом нужно заработать… А как? Увы, только таскать разные конты папе Пеппе. По-другому относительно быстро заработать – никак.

Взлетаю и беру курс на LHS 9227.

Первый источник сигнала – пусто, как ни крутился, ничего. Перехожу на сверхскорость и продолжаю поиск.

Есть засветка, двигаю туда. Тут драка, двое атакуют третьего. Не, мне тут делать нечего, ещё решат что подкрепление пришло – с обеих сторон наваляют. Рассказывай потом, что ты ни при чём. Лёжа в мед. центре.

Ухожу.

Сканирую пространство… есть третья точка. Выхожу около буя. Увы, снова пусто. Не везёт. Разгон, переход и новый поиск. Четвёртая – пусто, пятая – пусто. Да что ж такое-то?! Шестая – ну, наконец-то! Висят мои родненькие. Не много – штук пять, но мне более чем. Быстро загружаю их в трюм, увы, но спешка тут неприемлема. Один из контов разбивается о мой корпус. Жаль, хотя мне его всё одно не захватить. Так не доставайся же ты никому! Хе-хе.

Прокладываю курс домой. Прыгаю.

Дома! Ну, почти – у станции. Запрос посадки. Получаю добро, захожу к шлюзу.

– Внимание! Нас сканируют! – радует меня комп.

Вот только этого мне не хватало. С полным-то трюмом контрабанды! Выжимаю газ до предела и врубаю форсаж. Мне бы только внутрь проскочить, внутри станции я в безопасности.

Залетаю внутрь, а отметки или гневных окриков от полиции нет. Значит, проскочил, свезло.

Сажусь и, не вылезая из кабины, связываюсь с Пеппе. Он мне, когда я покидал его пончиковую, дал свою визитку. Ответил мне правда не Пеппе – его молодой и сонный помощник.

– Пончиковая Пеппе, желаете заказать?

– Да, это вас…

– Да-да, мы в курсе, – голос явно оживляется, – вам сегодня четыре приготовить?

– Да, но возможно я ещё закажу.

– Без проблем, доставим прямо на площадку.

Боковым зрением вижу какое-то шевеление, прямо к люку моего трюма подруливают автоматические транспортные платформы. Скидываю им груз.

– Заказ принят, – сообщает мне парень. – Спасибо и удачи!

– И тебе не хворать, – невпопад отвечаю и снова прокладываю курс в LHS 9227.

Взлетаю и выбираюсь со Станции. Меня тут же начинают сканировать. Да на здоровье! Я – чист и законопослушен. Даже сбрасываю скорость, пусть убедятся в моей лояльности.

Неожиданно оживает динамик.

– Думаешь ты самый умный, да?

Это ещё кто? Проверяю – связь по полицейскому каналу.

– Эммм… простите, что?

– Вить, ну ты глянь, этот сучёнок ещё и выделывается!

– Вы – полиция? Тогда в чём дело? Я не нарушал ничего…

– Не нарушал… тввввварь! А про астероиды уже забыл?

Ой.

– Всё, ща мы тебя валить будем, да, Вить, а?

– Мочим, суку, – в разговор вступает второй голос, понимаю, что это тот самый полицейский, которого я так, кхм… удачно в астероид направил.

На радаре два корабля активируют своё оружие.

– Не имеете права! Я – чист! Я все штрафы оплатил!

– Штрафы? – на радаре вижу, как оба полицейских пристраиваются мне в хвост, – штрафы он оплатил. А ты знаешь, что меня – меня, капитана полиции, как щенка какого-то, квартальной премии лишили? А? Козёёёл! – с явной ненавистью говорит мне второй, который Виктор.

Они висят на моём хвосте и не стреляют. Чего ждут-то?

И тут до меня доходит: я же всё ещё в зоне, запретной для стрельбы, скорость-то я сбросил. Если я сейчас активирую оружие, они откроют огонь, как бы в целях самозащиты. Типа, я их спровоцировал. А удалиться от станции они не могут: ближнее патрулирование же.

Хе-хе-хе… ню-ню, родные вы мои.

Ложусь на курс и прибавляю скорость до максимума. Запускаю подготовку к прыжку.

– Извините, уважаемые, – крайне вежливо отвечаю им, – разговор-то пишется, – вы обознались. Не был я ни в каких астероидах.

– Ну, ты, т-тварь, – отвечает мне первый, – Вить, да он зассал просто.

– Точно, штанишки обмочил уже, да он только в спину-то и может гадить, – присоединяется второй.

На слабо взять хотите? А вот фиг вам.

Комп начинает отсчёт, и я благополучно прыгаю. До самого момента прыжка, пока не пошёл набор скорости, они висели у меня на хвосте, сволочи.

Снова продолжаю поиск сигналов. Пусто, пусто и опять пусто. Захожу в очередной – есть. Висят, родные мои. Увы, только три, но мне и это в радость. Притормаживаю и начинаю ловить

их. Есть первый, разворачиваюсь и приближаюсь ко второму. Ещё немного, вот… вот… есть, конт вплывает в трюм, и тут на радаре появляются отметки. Много. Они сливаются в одно облако и те, что я успеваю разглядеть, уже с оружием наготове.

Опять вызов. Принимаю запрос на установку связи.

– Ну что, сынок, попался?

Это ещё что? Кто это? Продолжаю двигаться к последнему конту.

– Простите, вы верно ошиблись, – отвечаю.

– Нет. Мы – нет, а вот ты – да. Тебе говорили, что чужое брать – это ай-ай-ай?

– Нет, то есть, да, но тут же нет чужого? Бесхозные они…

– Бесхозным будешь сейчас ты, труп твой, чтобы быть точнее.

Несколько отметок резво отделяются от общего размытого пятна и шустро приближаются ко мне.

Ой как плохо-то… А до конта ещё с пять сотен метров. Не успею.

Пробую тянуть время.

– Я не виноват! Меня послали!

Отметки продолжают приближаться.

– Знаешь, – как-то даже задумчиво говорит некто, – мне, в общем-то, по барабану, кто тебя послал, куда и зачем? – и как то устало что ли, продолжает. – Валите его.

Чёрт!

Закрываю грузовой люк, а до вожделенного конта всего-то 300 метров, и газую. Вовремя. Мимо проносятся первые очереди залпов преследователей. Закладываю спираль, надеясь сбить их прицел. и жму прыжок. Пошла подготовка. Кручусь как могу, но пару попаданий всё же получаю, щит держит.

Отсчёт!

… 4,… 3,…

– Послушай, парниша, – обращается ко мне незнакомец, – сейчас ты прыгнешь, но тут тебе больше делать нечего. Это наша система и…

… 2,…1…

С прыжком связь прерывается. Да и так ясно. Этот заработок мне перекрыли. Конечно, можно рискнуть, но шанс нарваться… Посмотрим, может Йос чего присоветует. Прокладываю курс и возвращаюсь.

Штатно выхожу в десяти км. от станции. Чёрт, а полицаи-то всё ещё дежурят! Если отсканят…

Стандартно приближаюсь к Станции и, как только система меня опознаёт, посылаю запрос на посадку.

– Следуйте к платформе номер 7, – извещает меня диспетчер.

Седьмая – это хорошо, это к счастью.

Заблаговременно подвожу кораблик так, чтобы он был точно напротив щели шлюза. Ну, рискнём. Не выбрасывать же конты.

Газ до упора – вперёд.

– О, кто к нам вернулся, – ко мне наперерез устремляются патрульные.

Сжимаю зубы и жму форсаж, мы моментально расходимся на встречных курсах. Пока они развернутся, я проскочу внутрь. Лишь бы в самом шлюзе никого не было!

– Тормози, козёл! – несётся в мой адрес, – разобьёшься же!

Едва-едва шевелю джоем. Только бы вписаться, только бы там никого не было!

– Внимание! Нас сканируют! – сообщает мне комп.

Пофиг, я уже лечу внутри решётчатых конструкций пришлюзовых ограждений.

Ну?

Шлюз пуст. Влетаю в него.

На радаре вижу, как расходятся отметки полицейских: одна резко меняет курс и делает свечку, а вторая плотно висит на хвосте.

Ба-Баххххх!!!

Сзади меня нагоняет вспышка света.

– Эй, Вить, ты что, опять?

Перекладываю тягу на реверс, тормозить, срочно тормозить, иначе ещё одна вспышка будет на другом конце полётного зала-палубы. Выпускаю шасси – это немного, но сбросит скорость.

– Внимание! Опасное пилотирование! Наложен штраф! – просыпается комп.

– Штраф только один? – спрашиваю его.

– Штраф за опасное пилотирование, в размере 300 монет, наложен сегодня…

Я его не слушаю. Не просканили. Не поймали.

Делаю петлю и устремляюсь к седьмой платформе. Проскочил. На этот раз.

Сажусь и связываюсь с Пеппе.

Пока увеличиваю свой заказ ещё на два пончика, мои конты уплывают вглубь станции, а на мой счёт падают ещё 16 тысяч.

Итого, подвожу в уме свой баланс, у меня сейчас 65 косых. С хвостиком на пиво…

Припоминаю утренний поход по торговому залу с кораблями.

Аддер не потяну, а вот Хаулер – вполне. Ещё и останется. И на груз, и на страховку… Только что ж – прощайте бои, контрабанда и – здравствуй спокойная и размеренная жизнь? А не слишком ли я молод для такой размеренной жизни?

Глава 5
Распутье

Сижу на посадочной опоре своего Сайда с калькулятором и листочком. Считаю.

Моих средств уже достаточно для покупки зачуток более серьёзной машинки – Хаулера, но для открытия торговой компании «Harkon Artificial Xeno Yard Inc», или сокращённо HAXYI, средств решительно не хватает.

– Эх, – в сердцах сплюнул я на палубу, – не сходится!

Действительно, Хаулер-то я куплю, а на какие шиши груз закупать? А страховка? Топливо, планово-технический осмотр, ремонт… на круг-то прилично набегает.

Да и тот же Хаулер, в той комплектации, что продают космодилеры, просто ни о чём.

Трюм – расширять, бак бы побольше поставить, движки – полный отстой, нужно нормальные ставить, а это, вкупе с приличным, пусть не топовым, прыжковым модулем тянет за собой замену энергоустановки, реактора, то есть.

А все это – траты, траты и траты…

Не складывается, точнее, складывается, но не в мою пользу.

А если спросить старших товарищей? Более опытных, повидавших мир и всё такое? Достаю коммуникатор: связаться с Янсеном и договариться о встрече, но он опережает меня, сам звонит.

– Двигай в бар, срочно, – говорит он, – тут к тебе вопросы есть…

В баре немного народу, ну, так утро же. Сразу замечаю Янсена и Йоса. А Йос-то, что тут делает?

Подсаживаюсь к ним. Янсен выглядит слегка озабоченным, а вот Йос, сказать, что он в дауне – ничего не сказать. Так мрачен, будто у него в руках последняя в жизни кружка пива. Что случилось-то?!

– Явился? – не ласково косится на меня Йос.

– Что стряслось-то? Чего тебе не нравится? – спрашиваю его.

– Мне? – он отхлёбывает пива, – мне ничего не нравится. Мне не нравится эта Станция, мне не нравится эта система, Мне не нравится это пиво и, – он поднимает взгляд от кружки у смотрит на меня, – и ты тоже мне не нравишься!

– Я?! Я-то что сделал?

– Он ещё и спрашивает, – слышь, – Йос толкает Янсена, – он! Он ещё и спрашивает!

Ничего не понимаю, о чём честно заявляю им обоим.

– Дело в том, что ты очень подвёл моего друга, – Янсен кладёт руку на плечо Йоса.

– Как? Чем?

– Ты вчера полицейского в Станцию вмазал?

– Так сам он! Я-то тут при чём?

– А до этого, – не останавливается на разъяснения Янсен, – ты его же в астероид законопатил. Было дело?

– Было, – соглашаюсь, – но я же и штрафы оплатил тогда, и сняли с меня все обвинения.

– Лучше б посадили, – бурчит Йос, опустошая кружку. – Официант! Повторите!

– Объяснить можете? – прошу их.

– Да что тут объяснять-то? – хмурится Янсен. – Обидел ты их. Ну, два раза одного завалить, ну, думать-то надо! А они гайки и закрутили. Теперь хрен проскочишь мимо. Да и Пеппе кто подставил? Но это ладно – не ты, ну, не совсем ты, но частично, – он тычет в меня пальцем, – частично ты! Вот на хрена ты у них из под носа конты увёл? Люди обиделись. Серьёзные люди, кстати, вот Пеппе и переезжает отсюда. И как ты понимаешь, а я надеюсь, что ты понимаешь, этот заработок для всех нас – ёк! Вот он, – кивок на Йоса, – и в печали.

Ого! И это всё я? Из-за меня? Лишь бы морду не набили… хотя, – тут за подобное могут и случайно того, вакуумом подышать отправить могут. Легко, зашёл зачем-то человек в шлюз, а он того, открылся. Наружу. А что труп весь избит – так он, перед смертью головой и прочими частями тела о дверь бился. А её заклинило, бывает такое. Клинит их. Иногда. Оборудование-то старое.

Бррр… отгоняю от себя эту картинку.

– И что теперь? – спрашиваю.

– Что, что? – передразнивает меня Йос. – Да ничего! Если бы не этот – он косится на Янсена, – я бы сам тебя прибил. И откуда ты такой на наши головы свалился?!

– А может того, – с надеждой смотрю на Янсена, – успокоится? Ну, пошумят-пошумят и забудут?

Он отрицательно качает головой, – нет, не может. Следствие назначили, комиссия уже едет. Вот пристрелил бы ты его там, – кивок в направлении борта, – в пространстве, ничего бы и не было. Такое почитай каждый день случается. Но две, – он показывает два пальца для наглядности, – две аварии – это перебор. Так что шерстить тут будут всех конкретно.

– И меня?

– И тебя! – отрезает он, – тебя-то в первую очередь. Так что сам понимаешь…

– Что? – они, что убить меня решили?

– Вали отсюда! – рычит на меня Йос.

– К-куда?

– На всю сферу!

С надеждой смотрю на Янсена, но, увы, никакого сочувствия от него не замечаю.

– Я тут как раз хотел вас попросить, – начинаю говорить я, доставая свою бумажку с расчетами из кармана.

– Ты ещё тут? – от тона старого механика явно веет холодом. – Всё, не знаем мы тебя. И никогда не знали. Да, был тут какой-то нуб, был и улетел куда-то. И не вернулся.

Причём «не вернулся» он произнёс с конкретным таким нажимом.

– Но мне бы помощь вашу… посоветуйте, напоследок, а?

– Вали отсюда, – поднося ко рту кружку говорит Йос. Янсен в это время внимательно разглядывает пенную шапку на своей.

Встаю.

– Ну вы это, – говорю, – если что… – начинаю говорить прощаясь, но понимаю, что меня они уже не видят. Вычеркнули. Забыли. Эх, а ещё пару дней назад мы тут же, за этим самым столиком, все вместе, дружно бухали… Тоже мне – друзья. Только о своих карманах и думают.

Выхожу из бара и бреду по коридору станции. Ноги сами приносят меня на обзорный балкон ангара. Эххх, так и не удалось мне что-то серьёзное прикупить, заработать.

Хотя, почему не удалось? Деньги-то есть! Пусть в базовом конфиге, но купить-то Хаулер я могу!

Спускаюсь и иду к сектору с торговыми кораблями.

Да пошли они все. Сами втравили меня в эту контрабанду – вот пусть сами и расхлёбывают!

Прохаживаюсь между рядами торговых кораблей, осматриваю, прицениваюсь. Заметив мой интерес, ко мне подходит менеджер.

– Интересуетесь? Помочь чем-либо?

– Да вот, присматриваю себе новый кораблик, – отвечаю.

– А что-то конкретное уже выбрали?

А что мне выбирать-то? Денег только на Хаулер и хватит.

– Да, – киваю на корпус Хаулера, – вот этот заинтересовал.

– Хаулер? – он задумчиво смотрит на меня, – не плохой выбор для начала карьеры торговца. Свободного торговца. Вы же свободный пилот?

– Да.

– Пойдёмте в офис, там детально всё обсудим, – он указывает на скромный киоск. И это он называет офисом? Ну-ну.

На удивление в конторе было тепло, светло и приятно пахло. За единственным столом сидел второй манагер и, судя по звукам из динамиков, рубился в какую-то стрелялку. Увидев нас, он проделал какие-то скрытые тыльной стороны монитора манипуляции и свинтил наружу.

– Итак, – обратился ко мне манагер, – вы хотите приобрести Хаулер. Давайте обговорим его комплектацию, доработку и прочие детали.

– Мне нужен Хаулер в базовой конфигурации. Стандарт с завода, – ну не говорить же ему, что на какие либо апгрейды у меня денег нет. – И ещё, вы мой старый корабль купите, в зачёт он пойдёт? При покупке?

– Конечно! Давайте вашу пилот-карту.

Протягиваю.

– Так, посмотрим, – он вставляет её в считыватель. – У вас Сайдвиндер в стандартной конфигурации.

– Вы ошибаетесь, – поправляю его я, – я на него второй лазер ставил.

Менеджер ещё раз просматривает что-то на экране, а потом разворачивает его так, чтобы я видел. На экране две таблички. Над одной – «Сайдвиндер. Стд. Кмпл.», над второй – «Сайдвиндер. Выкуп».

– Смотрите, – он указывает карандашом на одну из строк таблицы. – Вот стандартный комплект – два импульсных лазера. Вот ваш, карандаш указывает на ту же строку в соседней табличке, – ваш Сайдвиндер – два импульсных лазера. У вас стандартная комплектация.

– Но я же сам, лично, покупал второй лазер?

Он разводит руками – Извините, но только как в стандартной комплектации могу взять.

– И за сколько?

– Пять сотен.

– Да я за лазер две штуки отдал. Две!

Он снова разводит руками.

– Да и Сайдвиндер ваш того, битый.

– Его полностью отремонтировали!

– Смотрите, – он показывает мне новую картинку. – Вот результат ультразвукового сканирования. Видите?

Вижу силуэт Сайда, жёлтый скелет силовых конструкций весь в каких-то пятнах. И поверх них ещё пятна. Коричневые и бурые. Корма вообще вся тёмно-красная.

– Это, – говорю, – в переделке я побывал.

– Да это видно, – менеджер вздыхает. – Силовой набор у вас, как бы это вам сказать – старый короче. У новенького корабля – он открывает другую картинку, – вот посмотрите, всё зелёное. А у вас половина набора явно со старых кораблей.

– А бурые и эти – коричневые пятна, это что?

– Тут вам заплатки ставили. На пробоины. Но не из нового ремкомплекта. Эти заплатки уже сильно потрёпанные, корму вам вообще от другого корабля приварили. Как вы не развалились-то при манёврах – не представляю.

Ну, Янсен, ну, сука. Развёл нуба. Я же сразу мог получить Сайд с двумя стволами и не тратиться. То-то он мне именно на этот указал, когда я выбирал. А я лист приёмки не глядя подмахнул. Ну гад. Я же сдохнуть мог, легко. Вот он меня развёл, как птенца желторотого. А ремонт?! Всё в лучшем виде сделаем, из отличных материалов. Гад.

– Ладно, – говорю. – Пять сотен, так пять сотен. Оформляйте. Только скажите, у вас-то хоть корабль новый? Не б/у?

– Обижаете, – манагер стучит по клавиатуре. – Новьё. Даже плёнку с торпеды и сидений не снимали.

Ну, надеюсь.

– Готово, – он выдёргивает карту и возвращает её мне. – Ваш Хаулер сейчас грузят, он будет, – менеджер сверяется в компьютером, – будет на третьей платформе. Если надумаете доп. оборудование ставить – вот моя карточка, и суёт мне визитку.

Я же тем временем изучаю свой счёт, точнее его остатки. Так, 52.720 списали… так, пять сотен начислили… и…

– Погодите, – обращаюсь к нему.

– Что? Что-то не так?

– Вы начислили мне пять сотен за мой Сайд.

– Верно.

– Но вы же их и списали назад!

– Да, за оформление сделки и регистрацию корабля на вас.

– За это пять сотен?

– Да. Если вам ничего не нужно, то извините, – у меня дела, – и он отворачивается от меня, начиная что-то изучать на мониторе.

Выхожу не прощаясь. Ну и денёк! Везде обжулить норовят. И что обидно, получается! Понимаю, что я нуб и лох, но совесть-то у людей должна же быть?! Ну, хоть немного!

Иду на третью платформу.

На площадке меня уже ждала моя прэээлэээсть. Большой! Новый! МОЙ!

Я по-хозяйски обошёл вокруг корабля. Попинал лапу-опору, с видом знатока поскрёб нагар от консервационной смазки на дюзе, похмыкал.

Забрался в кабину… уххх… тут места поболее, чем в Сайде. Под пальцами приятно пружинит пластико-резиновая обшивка торпеды. Манагер не соврал: и торпеда, и кресло, и все экраны – всё было заклеено плёнкой. Минут сорок возился сдирая её.

Но, пора к делам возвращаться. Торговые технологии тут получше – нет необходимости самому идти на привоз. Комп корабля высвечивает передо мной табличку со списком доступных для купли/продажи товаров. С ценами, показателями количества на складах и описанием.

Тээээк-с… Беру груз кофия и прокладываю курс на систему Аллюн. Высоко технологичная система. Значит что? Много учёных. А как учёный может работать без кофе? Да никак. Вот я его и их всех и спасу.

Почему кофе? Так планета-то моя родная – она аграрная. Вот весь сектор мы и кормим-поим. Конечно, есть и заводы, но они не то чтобы не рентабельны, но всё ими производимое тут и остаётся. А вот еда всякая – это мы продаём.

Взлетаю. Подхожу к шлюзу, и меня грубо подрезает какой-то козлина на ядовито зелёном Орле.

Йос?!

С трудом уворачиваюсь от него, протискиваюсь в шлюз и вырываюсь на свободу.

На всякий случай остаюсь в пределах трёх километровой, запретной для стрельбы зоне. Осматриваюсь.

Зелёный Орёл делает петлю и рвётся в пространство, уворачиваясь от выстрелов плотно севшего ему на хвост звена полицаев. Включаю связь на общей волне.

– Корабль Орёл зелёного цвета, рег номер 239 27 12! Сбросьте скорость и остановитесь для досмотра! Корабль Орёл, зелё…

Говорящего прерывает другой голос:

– Да не остановится он, контрабас это, знаю я его, примелькался он тут. Бей по дюзам!

– Орёл, твою мать! Это было последнее предупреждение! Стопори ход!

– Гражданин Йос Берцер! Остановитесь! Не усугубляйте свой статус!

Точно – Йос. Чего это он вдруг?

– А вот [1] вам, – это точно голос Йоса, – отвалите на хрен. Ухожу я с этой Станции, не мешайте и не пострадаете!

– Гражданин Берцер! Вы обвиняетесь в вывозе наркотических веществ со станции. Немедленно остановитесь!

– Это моё, личное! По рецепту.

– Кончай дурку валять, – снова первый полицейский, – Четыре тонны дури, и по рецепту?! Стопори своё корыто или…

– Нах пошли, да! – прерывает его Йос.

– Ну, как хочешь, – опять полицай. – Валим его!

Орёл, конечно, вёрткий корабль, но, увы, хлипкий. Мне он своей хлипкостью и не понравился.

Какое-то время Йос крутится, избегая попаданий, но всё же на нём скрещиваются несколько очередей.

– Аааа… чёрт с вами, суки! – орёт он в эфир, и из его корабля вываливаются грузовые конты.

Но поздно, его находит ещё пара залпов, и вспышка на какой-то миг освещает бок Станции.

---

[1] censored

Упс… Ну, прощай, Йос. Ты, конечно, не умрёшь – мед центр работает хорошо, но вот встретит тебя после оживления не только дежурный врач, но и наряд полиции. И поедешь ты вниз, на планету. И хорошо, если следующие лет десять ты в коровнике, очищая канализацию, проведёшь. Могут и на северные острова заслать, собирать полярный мох, он на мед препараты идёт. А там всё сурово: и мороз, и хищники, и отсутствие оружия. Рулетка – как свезёт.

От грустных мыслей меня отвлекает сообщения компьютера.

– Внимание, нас сканируют!

Но они же не знают, что и я с Йосом того… или знают?

– На Хаулере! Ход стопорим и не дёргаемся.

Зависаю в пространстве.

– Чист. Вали по своим делам.

Уффф… А хотя, чего я боялся-то? У меня абсолютно легальный груз.

Выправляю курс и начинаю разгон для прыжка.

Прыжок.

Сбываю кофе. Ушло влёт, а мой отощавший счёт пополнился на 2,5 тысячи.

А неплохо так, подумал я. Безо всякого риска, раз – и пять сотен в кармане. Правда, после оплаты ангарно-швартовочных услуг и заправки моя прибыль с этого рейса составила всего две тысячи. Но и это не плохо! Спокойно прилетел, сдал – и в прибыли.

И что я, дурак, сразу не занялся торговлей?!

Станция – Хай Тек. Это видно невооружённым взглядом: повсюду сверкают голограммы различных новинок из мира высоких технологий, по коридорам снуют, ходят, летают различные дроиды. Даже урна, в которую я бросил окурок, поблагодарила меня за соблюдение чистоты и предложила пройти курс лечения от никотиновой зависимости.

Открываю каталог продукции данной станции.

Смотрю чем торгуют… Тэкккк… роботы. Хм, наверное, это выгодно. Листаю каталог:

– Андроиды, игровые партнёры, автопилоты, калькуляторы, процессоры, сексуальные партнёры (интересненько…), роботизированные кормушки КРС, электроовцы (интересно, любят ли андроиды электроовец?!), роботизированные кормушки морской фауны… о как.

Давненько я на море не был. Да и планета-окиян И-бутиз недалече, каких-то 3 светогода.

Решено! Двигаем туда, прибыль, какая никакая есть, можно и искупаться.

Загружаю полный трюм кормушками, заказываю себе комплект для подводного плавания и прокладываю курс на море. Золотые пляжи, загорелые девушки, холодное пиво… ммммм.

Вылет. Разгон. Прыжок. Курс на станцию. Парковка.

Пока автоматика крепит корабль на платформе, осматриваюсь. Как-то тут всё серо и тускло. После сверкания огней хай-течной станции это особо сильно бросается в глаза. Выхожу из корабля, в отличие от Сайда, тут мне не нужно лезть через борт и спускаться по приставной лестнице. Из кабины к выходу ведёт вполне приличная лестница. Захватываю пакет с принадлежностями для плавания и даю команду на опускание аппарели. Выхожу.

– Фуууу, ну и вонища.

Вся станция провоняла, даже просмердела рыбой, водорослями и йодом. Тянет блевать. Натягиваю респиратор.

А где пляжи?

Поблизости крутится местный техник. Окликаю его.

– Уважаемый, – из-под респиратора мой голос звучит глухо. – А что это у вас тут такой запах?

– Запах? – он несколько раз втягивает в себя воздух, замирает и облегчённо покачав головой обращается ко мне.

– Всё в норме, какой запах? Хотя, у тебя, парень, хороший нюх. Семнадцатый холодильник дурит. Там груз рыбы малость того, – он мне подмигивает, – но ведь некоторые любят с душком, верно?

Неуверенно киваю.

– Скажите, – обращаюсь к нему. – А поплавать, искупаться, где тут у вас лучше.

– Бассейн на седьмом уровне.

– Не, я про планету. Ну, там пляжи, пиво холодное?

Он некоторое время непонимающе смотри на меня.

– У нас нет пляжей.

– Как это нет? Море есть, а пляжей нет?

– Нет.

– И вы что – не купаетесь?

– Почему не купаемся? Бассейны есть, душевые. Ванны. Купаемся.

– А в море?

– А в море рыба.

– И что она – везде?

Да, – видно что мужик начинает злиться. – Вдоль всего берега фермы. И на отмелях тоже. Чего не понятного-то? – он раздражённо отворачивается и возвращается к своим делам.

Мде, вот и покупался-позагорал…

Быстро сбагриваю кормушки. Выставленный лот моментально исчезает.

Закупаюсь рыбопродуктами, правда, при покупках слежу, чтобы из семнадцатого холодильника не грузили. Я не настолько богат, чтобы за свой счёт тухлятину катать.

Гружусь морепродуктами. Разными. Мороженная рыба, охлаждённая рыба, рыбьи пузыри, живая рыба в стазисе, икра красная/белая/зелёная и чёрная, вот ведь гадость. С детства терпеть не могу икру.

Но рыба – это источник фосфора, который, в свою очередь нужен для работы мозга. Многих мозгов в моём случае…

Лечу туда, где этих мозгов много, правильно, на Аллюн. Для придумывания всяких разных хай-тек вещиц мозги должны варить.

Сбагриваю смердящий йодом груз. Мои доходы растут.

И понеслась!

Кормушки – рыба.

Рыба – кормушки.

Долго ли коротко, но мой счёт ощутимо пухнет.

Продаю – покупаю. Был бы не в космосе, наверное, уже б тропинку между системами протоптал.

К концу дня чувствую себя как вобла из последнего груза – таким же высушенным.

Всё, шабаш на сегодня. И так хорошо заработал, для первого-то дня!

В сухом остатке чистая прибыль – 37 косых. И баланс под полтинник.

Неплохо, чьёрт побьери! Но, нужен отдых. С трудом выбираюсь из кресла, ноги и спина затекли конкретно.

В коридоре, ведущем к трапу, ставлю раскладушку и вытягиваю ноги.

Хочется жрать, но нет ни сил, ни желания. Из еды только пакет с воблой, честно стыренный при досмотре груза. Зная, что повезу именно её, и, имея к вобле слабость, я лично проверил размещение груза в трюме, чем вызвал законное недовольство карго-менеджера платформы. А как только он ушёл, вытащил один пакет. При весе грузового конта в тонну недостачи пары кило никто не заметит.

Хотел ещё и пива купить, но увы. На И-бутизе пиво отстойное, проверил в местном баре. А до бара на Аллюне я так и не добрался. Просто не хватило сил.

Да и камбуза на Хаулере нет. Хорошо, что хоть сортир втиснули. Вот сейчас, только полежу немного, ноги и спина от сиденья в кресле отойдут – и сразу в бар, перекушу малость…

Засыпаю.

Глава 6
На пути к успеху

Последующие несколько дней, даже недель были полшли по жёсткому трудовому распорядку. Кто сказал, что хлеб торговца лёгок? Ни-фи-га!

Подъём. Скудный завтрак и загрузка. Вылет – перелёт. Разгрузка. Новый груз и назад. Лёгкий перекус, и повтор цикла. И так изо дня в день. Неделю. Следующую. И всё ради того, чтобы приобрести следующий корабль с большим трюмом и, соответственно, с большей прибылью.

Хомячка в колесе все видели? Ну, вот я себя таким хомячком и ощущал. Бегу куда-то, суечусь, а до цели всё так же далеко. Ну, не совсем на месте-то суечусь, цель приближается, но так медленно, что это самое приближение и незаметно вовсе.

Замахнулся то я на Кобру. У неё и трюм больше конкретно так, и прыгает дальше, да и стволы приличные, чтоб отбиться в случае чего. И цена – ой-ой-ой. Вот и получается, суечусь-суечусь и, вроде как, прибыль идёт, но вот скорость приближения – совсем никакая.

Тут либо маршрут менять, либо искать другие пути заработка. А какие другие?

От контрабанды я отказался. Прибыль оно, конечно, хорошая, а если поймают? Расплатиться-то я расплачусь, но вот в минус уйду конкретно. Да и на заметку местным полицаям попаду. А повторять карьеру Йоса не хочется. Он сейчас копает что-то на моей родной планете. Я уточнил через моих планетарных знакомых, десятку ему влепили.

Так что – нафиг нужно.

Воевать? На Хаулере? Гы-гы-гы. Много навоюю. Очень. Отпадает.

Остаётся только торговля. Но вот от рыбы и кормушек меня уже просто тошнит. Пора переходить на новые рынки сбыта. Или придумать что то неординарное…

И вот, сижу я в местном баре, завтракаю, а неподалёку от меня расположилось семейство какого-то трудяги. Папа-Мама-я – дружная семья. Классика, хоть на плакат из цикла «Здоровая семья – успех общества», ну, или что-то ещё в таком стиле. Обычный семейный трёп: киндер шумит, в меру своей разбалованности и, внезапно, выдаёт.

– Пап, ну Паааап, а мы на кораблике полетим? Ты же обещал Станцию снаружи показать.

Папа начинает что-то бормотать про дороговизну аренды яхты и всё такое. Но на киндера это не действует. Обещал – гони!

И тут меня осеняет: впереди же праздники и школьные каникулы. Я уже штук пять сообщений получил, типа, грядут каникулы, проявляй бдительность, дети могут быть везде! Прикидываю, на станции яхт хорошо, если с десяток, цены на их аренду – ого-го! Да и сколько

народу в яхту влезет? Ну, человек десять, не больше. А тут школ-садиков, на Станции-то, с десяток, как минимум. И все детишки хотят развлечений.

А корабли-то все сейчас – модульные. Это что значит? Вот то-то. Доедаю и двигаю в ангар, к механикам местным. Быстро с ними обговариваем детали.

Снимаем бортовые панели, все, до шпангоута, и ставим новые – с огромными иллюминаторами.

Покрытие палубы снимаем, застилаем дешёвым ковролином, лишь бы неделю продержался. Монтируем ряды кресел, из закрытого кинозала подешовке обещали отдать, и корабль из грузового превращается… превращается в прогулочную яхту. Конечно, куда-либо прыгать на этом не выйдет, система жизнеобеспечения не потянет. При полной загрузке в сотню мест, час только продержится. А мне-то больше и не нужно. Внешний облёт Станции – вдоль и поперёк, ну, никак дольше минут тридцати-сорока.

И что главное, обратно переделать – ну, сущие копейки.

За пару дней до начала каникул кидаю в сеть объявление: так, мол, и так, аттракцион: «Облёт Станции» открылся. Продолжительность – полчаса. Стоимость – по двадцатке с каждого сопливого носа.

И понеслось…

В первые полчаса заявок перевалило за три сотни… И это было только начало, каникулы ещё и не начались!

Причаливаю к пассажирскому выходу, и транспарант разворачиваю. Детишек набилось, под завязку. Носами сопливыми к люмикам прилипли, я потом, после каждого вылета полчаса стёкла отмывал.

Всех рассадил согласно купленным билетам. Неразбериха, писк-визг, но не смертельно. Рассадил и полетел, сопровождая увиденное своими комментариями.

Чух-чух-чух… Вот проходим главный шлюз.

Чух-чух-чух… Посмотрите направо: вот жилой обод, кто-то пищит, что свой коттедж и песочницу с танчиками увидел…

Чух-чух-чух… Отдаляюсь на три км., оставаясь в зоне действия станционных турелей. Вот, полюбуйтесь издали на наш дом, какая красивая у нас Станция.

Чух-чух-чух… А теперь мы двинемся вдоль основной оси. Вот эти здоровенные короба – склады и предприятия, где трудятся ваши родители.

Чух-чух-чух… Облетаю Станцию по корме. А сейчас – смертельный и жутко опасный номер, только родителям не говорите: мы проскочим к шлюзу между… барабанная дробь… спицами Главного обода!

Проскакиваю, да там бы и слон пролез: места вагон, но дети проникаются и, когда спица остаётся сзади, издают дружный вздох облегчения.

Чух-чух-чух… Паркуюсь. Спасибо за полёт, вы были замечательными пассажирами. Уверен, что скоро многие из вас сами сядут к штурвалам своих кораблей, короче, несу пургу в подобном стиле. А что? Киндерята счастливы, их родители тоже. И я тоже, как ни как, а пара штук с каждого вылета капает. И расход топлива – копеечный. Некоторые родители, правда, дальше пошли.

– А можно наш сыночек / доченька, в кабине посидит?

– Можно, но это дороже. Сотка.

И ведь платили же. Ну, а поставить дополнительную скамейку в кабину – минутное дело.

Так что, хоть и выматывался я, но прибыль хорошо капала. Вот только поначалу уставал рассказывать про виды. Но с этим тоже справился просто, записал всё, что наговаривал на кристалл и просто жал кнопку плеера при подлёте к очередной точке.

Вот так и мотался. По семь-десять рейсов в день. Утомительно? Да. Но и прибыльно!

Пятнадцать-двадцать косых в день. Худо-бедно, но соточку я за эти каникулы заработал. Собрался было уже обратно Хаулер свой в грузовой переделывать, как ко мне подвалил тип из местной образовательной системы. Так, мол, и так, предлагаем закрутить контракт на выполнение подобных рейсов для старшеклассников. Изучения пространства ради.

Поторговались и договорились. Эх, и зря я с этим делом связался.

Нет, с выполнением полётов проблем не было. Грузятся три класса и учитель их. Маршрут заранее согласован: стандартный облёт Станции и зависание в нескольких точках, дабы старшеклассники могли осмотреть пространство и какие-то зачёты свои по астрономии выполнить. Ну, там созвездия опознать, звёзды ближайшие и всё такое.

Только вот незадача: старшие классы – это же уже такие кабаны и тёлки здоровенные, и вполне уже готовые к… ну, вы понимаете. Я-то что, я сижу в кабине, по маршруту кораблик веду, а в салоне эти сидят, типа, знания получают. Ну, вот, убираю салон после одного вылета, глядь, а в кармане моего кресла пилотского – записка. Я вас люблю, жить без вас не могу и всё такое. И сердечко пририсовано. Ну, думаю, кому-то из своих одноклассников не передала. Хмыкнул, выкинул и забыл. На следующий вылет, смотрю, при погрузке я всегда наблюдаю, как рассаживаются, мало ли. Так вот, наблюдаю, как они устраиваются и тут ко мне подгребает дивчина. Хороша, не спорю, всё при ней. И так томно спрашивает, может ли она со мной в кабине быть, во время полёта.

– Да без проблем, – отвечаю, – только ты с учителем это согласуй.

Согласовала и весь полёт рядом просидела. А как запарковался, поворачивается ко мне и:

– А вы мою записку видели?

– Какую?

Краснеет. Мило так, невинно.

– Я вам в сиденье положила, показывает на спинку моего кресла.

– Так это твоя была? А я её… – одёргиваю себя, ну, не говорить же ей, что выкинул, – я её дома храню. – Тьфу. У меня и дома-то тут нет. Но прокатило.

Она опускает глаза.

– Вы поймите меня, я не такая, просто дома всё надоело, родители такие… – она примолкает, подбирая слова, – такие приземлённые: работа, быт. Скучно. Вот толи дело вы, – она снова поднимает глаза и смотрит на меня, – вы в пространстве летаете, приключения у вас…

Да уж… приключения. Спаси меня Бог от таких приключений.

– И я вот подумала, – она снова опускает глаза, – может вы… мы…могли бы…

Нет, я, конечно, не против – с эдакой кралей, но потом что? Но и обижать её не хочется. Поэтому я неопределённо кручу рукой и выдаю:

– Конечно могли бы… – чёрт, куда меня несёт-то?! – Вот только… – чёрт, нужно срочно выкручиваться. На моё счастье её окликают одноклассники, на следующий урок пора.

– Мы ещё встретимся, обязательно, шепчет она мне и убегает.

Уффф… ну, вот не было печали. Пора завязывать с этими полётами. Но, по контракту я обязан ещё пять вылетов сделать.

На моё счастье на следующих двух полётах её не было. Зато на меня обрушился поток её писем с милыми котятками, рисунков с сердечками и надписей различным шрифтом, что она типа ждёт, скучает и всё такое прочее. Я уже начал было считать, что пронесёт – уже четвёртый полёт без неё, как вдруг, она внезапно нарисовалась у меня в кабине. На мой вопрос, а разве сейчас очередь её класса, она пояснила, что подменилась с подругой, чтобы…

– Чтобы быть с тобой, милый.

Твою ж мать! Ну, не испытывал я к ней никаких чувств. Конечно, она была очень мила и привлекательна, но мне-то нахрена себе на шею её вешать?! Этот полёт был для меня сущим наказанием, всю дорогу она ворковала про наше, наше, чёрт побери, счастье среди звёзд и

прочую мимишную ерунду. Надо сказать, весьма возбудительно так ворковала. А когда полёт завершился, она решительным тоном сообщила, что останется тут у меня, ночевать.

С трудом уговорил её не делать этого, типа, я не готов к подобному и вообще – тут обстановка не надлежащая. Её сопротивления удалось преодолеть только обещанием сделать это там, в пространстве, среди звёзд, что будет более романтично. На прощанье она прижалась ко мне, в очередной раз сообщив какой я замечательный, чуткий и романтичный и, что только я и достоин быть её первым и единственным. Офигеть. Нет, не подумайте, что я против того, чтобы быть первым. Это, конечно, здорово и мммм… познавательно, а потом что? Мелкая она же ещё, да и балованная: чуть, что не так – пойдут капризы, жалобы – типа я тебе всю себя отдала, а ты…

А что я? У меня несколько другие приоритеты. Мне на ноги вставать нужно. А вот как встану – вот тогда…

А спустя час после её ухода ко мне заявился её папаша. И не один, в компании своих друзей. Я как раз проверял опорные лапы, как меня сгребли за шиворот и пару раз врезали по корпусу. Не особо-то и больно, скорее так, чтобы я проникся моментом. Когда на вас недобро смотрит пяток здоровых мужиков – проникаешься быстро.

Пришлось каяться и клятвенно заверять, что ничего не было и не будет.

– Значит так, летун, – обратился ко мне папаша. – Быстро собирай манатки и вали со станции.

– Я бы и сам рад, – отвечаю, – но не могу, должен контракт отработать. Мне ещё один вылет остался. А неустойку платить…

– Много?

– Не так что бы очень, но…

– С неустойкой я решу, – отвечает мне, – но, чтобы ноги твоей тут не было. Нахрена нам тут герой любовник. Сегодня ты к дочери моей подкатываешь, а завтра что? К жене? А, мужики?

Мужики одобрительно шумят – верно мол.

– Да не подкатывал я к ней, – отвечаю. – Сама она. И, вообще, за детьми следить нужно.

Но мой аргумент моментально снимается с дискуссии посредством ощутимого такого тычка под рёбра.

– Ты не переживай, – успокаивает меня папаша, – контракт мы сейчас закроем, а будешь понятливым, и на дорогу деньжат подкинем, чтоб ты, такой красивый, немедленно убрался б. Тебе ясно?

Киваю. Он отходит в сторонку и с кем то общается по мобиле.

Дзиньк! На мою почту приходит уведомление о досрочном расторжении контракта и выплате мне остатка средств.

Дзиньк! Дзиньк! Ещё два сообщения. Читаю: так, на мой счёт зачислен остаток по контракту и двадцатка от папаши.

Прикидываю баланс – в целом неплохо, аккурат на Кобру хватит.

– Ну что, спрашивает меня папаша, – получил?

Киваю, мол, да.

– Так вали отсюда!

– Тут проблемка есть, – решаю малость понаглеть, – маловато будет.

– Чё?!

– Ну, я, конечно, улечу, даже вот прямо сейчас, но вы и меня поймите. Расставаться с такой красавицей? Это на жалкую двадцатку, ну, никак не тянет. Я же в запой уйду. С горя. Точно. Буду письма ей писать – тоскливые. А вам оно надо?

– Нет, – отвечает, – Ну, ты гад. Сколько?

Я малость задумываюсь. Так, мне нужно будет ещё трюм расширить, да и страховку оплатить.

– Полтинник!

– Сколько? Не жирно?

– Нет, – отрицательно качаю головой, – за такую-то кралю, непорочную – самое то!

Гляжу папаша багроветь начинает. Упс… походу про непорочность я зря сказал. Ой, как бы не побили меня тут, всей своей бандой.

– Значит так, – он отделяет каждое слово – Я. Тебе. Сейчас. Ещё. Тридцать. Переведу. Как только ты вылетишь со станции. Понял?

– Понял, уже вылетаю, – и отступаю к трапу.

Слово он сдержал и тридцатник на мой счёт капнул, как только я от Станции отлетел. Что интересно, отлетал я под конвоем полицейских местных. Предварительно они меня раза три просканировали. Зачем? Не знаю, может думали, что и девчонка со мной летит. Жаль, конечно, красивая она, но это ж первая любовь, быстро пришла, быстро ушла. Ну, поплачет малость и в другого влюбится. Вот он нехай и имеет проблемы с её папашей. А я – вольная птица. Куда хочу, туда лечу. Ещё бы понять: куда хочу-то?!

Просматриваю карту Галактики, мне хай-тек станция нужна. Кобру купить. Поблизости из нужных мне – только та, с которой взлетел. Увы, но туда возвращаться мне никак нельзя. Ищу дальше.

Есть парочка, не близко, но долечу же, да и выбора особого нет. Прокладываю курс к ближайшей, увы, топлива не хватает. Придётся заворачивать для дозаправки, благо там, где топливо кончится, есть станция.

Прыгаю, прыгаю и снова прыгаю. Залетаю на станцию для дозаправки. Какая-то серая и унылая. Судя по прочитанному мной описанию – тут обитают шахтёры. Ну, шахтёры и шахтёры мне-то что – только топлива купить. Сажусь и заказываю себе полный бак, а пока заправляют решаю пройтись и размяться.

Однозначно – не лучшее место в галактике. Вот, как снаружи показалась она мне серой и унылой, так и внутри. Какие-то подтёки по стенам, по углам платформы кучи хлама. И, резко контрастируя со всем этим унынием, яркие, цветные комбезы и скафандры местных. Очень резкий переход. Странно как-то это. Ладно, это не моё дело. Просматриваю местный базар и на всякий случай скидываю копию цен себе в комп.

Двигаю дальше и через одну систему захожу в док хай-тек станции.

Ну-с, Хаулер, ты мне хорошо послужил, но пора двигаться дальше. Развиваться в смысле. Иду на площадку, где корабли продают. Расположены они так же, как и на предыдущей станции, так что найти Кобру особых проблем мне не составило. Начинаю торговаться с продавцом. Увы, но он ни в какую. Намертво упёрся. Если куплю за его цену – останусь практически на мели. Нужно пробовать другой подход.

– Хорошо, – говорю, – я вас понял. А за мой, нынешний Хаулер, сколько дадите?

Он начинает копаться в данных Хаулера.

– Не понимаю, – спустя пару минут отвечает, – у вас какая-то нестандартная конфигурация что ли?

– Да, модифицировал для ближних круизов, но вернуть его в стандартное состояние – сущие копейки, – и уже начал было рассказывать, как обратно переделать, вдруг замечаю у него реальный интерес.

– Вы к нам откуда прибыли? – спрашивает.

– С Аллюна, – отвечаю.

– Это там, – он вопросительно смотри на меня, – начали детей вокруг станции катать?

– Ага.

– И вы на своём катали? – уточняет.

– Да, – говорю, – я, собственно, сам и придумал это дело.

Он переводит заинтересованный взгляд на меня.

– Отлично! Катание детей и школьные экскурсии сейчас самый тренд в нашем секторе! Беру ваш Хаулер, как есть! И, за описание маршрута, благо наши станции одного типа, я вам ещё десять процентов накину.

– Пятнадцать, – отвечаю, – и тогда я вам и запись своих комментариев скину, вам всё проще – готовый корабль с маршрутом и озвучкой. Хотите, да хоть прямо сейчас загружайте детей и летите, бак почти полный.

Задумывается, но отрицательно качает головой.

– Увы, только десять, на большее моих полномочий не хватит, а запрашивать топов – это долго будет. Ну, так что, по рукам?

Соглашаюсь, я-то думал мне, наоборот, за износ, спишут со стоимости, а тут эвон оно как.

Жмём руки и, спустя полчаса я любуюсь своей новенькой Коброй в доке.

Трюм да, знатный. На 36 контов. Сразу расширил. На стволы, увы, не хватило. Потерплю пока, а вот как подзаработаю – так сразу. Да и прыгает она гораздо лучше Хаулера.

Открыл базу данных по местному рынку, посмотреть что тут почём. И бумажку с той, мрачной Станции, рядом положил. Сравниваю цены, так сказать в прямом эфире.

Ого, у тех шахтёров-то, в системе LHS 3006 потребность в каких-то сепараторах.

А от них выгодно руду таскать. Сижу с бумажкой и карандашом. Выписываю и сравниваю, где профита больше. Как ни странно, к шахтёрам выгодно какие-то вибраторы резонирующие таскать. Вернее они называются резонансные сепараторы, но вот как первый раз прочитал, так в память и врезалось – вибраторы. Навар с них – пять с лишним сотен с каждой тонны. А в обратку руду таскать хорошо, бериллий у них дешевый. Берёшь там, продаёшь тут – немного больше тысячи. Вот сижу и прикидываю: в трюм тридцать две тоны можно закинуть. Это же получается почти под полтинник с одного круга! Минус топливо, обслуживание, но никак не менее сорока пяти тысяч! За один то круг! Вот оно – богатство-то!

Резво гружу полный трюм вибра… эээ… сепараторами и прокладываю курс к шахтёрам. А у самого аж руки трясутся – ща как обогащусь! За минусом то, что свободных денег нет, так, какие-то копейки, если сдохну, то потеряю всё. Ну, кто не рискует…

Ой!

Рву с места и чуть не разбиваюсь при выходе из станции – как раз Тип-9 створ шлюза проползал. Но Бог миловал, проскользнул в какую-то щель.

Уффф… Вот сам виноват, а если б не вписался? С начала всё начинать?

Пока ложусь на курс, ругаю себя и, нервов успокоения для – прикидываю.

Девятка-то несколько сотен тонн несёт – вот на ней бы поторговать, это ж миллионами ворочать можно. Вот к чему стремиться нужно, на ней-то есть шанс на Питона заработать, да что там Питон – на Анаконду!

Прыгаю в ту унылую систему. Запрашиваю посадку и сажусь.

Как только сел – сразу запрашиваю продажу имеющегося груза, закупку руды и полное обслуживание, ну, а пока всё это делают, выхожу размять ноги. Усаживаюсь на опору и закуриваю. Рядом, протягивая и подключая шланги с различными тех жидкостями – топливом, кислородом, очисткой гальюна – да, на Кобре есть гальюн – работает с пяток местных, всё в тех же весёленьких комбезах. Один из них – в розовом, отличается особо недовольным выражением лица. Делать мне нечего, решаю подшутить.

– Эй, мужичок, – кричу ему, – Что невесёлый такой, улыбнись, я вам тридцать с лишним тонн вибраторов привёз, на всех хватит.

Он как-то невесело смотрит на меня, бросает свой шланг и подходит.

Очнулся я минут через пять… Кое-как поднялся с палубы, сплюнул кровь – этот, в розовом, опять подходит.

– Эй-эй, мужик, – говорю ему, чёрт зуб шатается, – ты чего, с дуба рухнул? Чего драться-то? Пошутил я…

– Пошутил? – взгляд мужика становится совсем недобрым. – Пошутил он, мужики, – обращаясь к остальным, говорит он, – гляньте, юморист к нам прибыл. Идите сюда, – он встряхивает в руке большой ключ, почему-то ещё называемый газовым, – вместе посмеёмся.

Вместе с ним ко мне подходят ещё четверо в лимонно жёлтом, синем, зелёном и просто жёлтом комбезах. И настроены они не шутливо. Совсем.

– Мужики, мужики, – пятясь бормочу я, – я ж не со зла, чего вы?

– Мы? – мужики явно не расположены к диалогу.

– Да, вы, – отвечаю, – вы себя в зеркале видели? Прямо флаг этих, ну толерантных. Что я подумать-то мог? Радуга какая-то.

Розовый раздражённо отбрасывает ключ. Он звеня катится по палубе, мы все сопровождаем его движение глазами. Розовый сплёвывает.

– Это всё наш дизайнерский отдел, – он кривится, – понабрали козлов!

– И что? – спрашиваю.

– Ну, они решили, что нам тут работать так, – обладатель лимонного комбеза поводит рукой вокруг, – веселее будет, а потом какой-то умник решил, что нам прозрачности не хватает.

– Чего не хватает?

– Транс-па-ранции и толерантности, – розовый снова сплёвывает.

– Трансперанси, – машинально поправляю его я.

– Угу. Вот нас в эти и переодели. Потом плакатами всё тут оклеили, видишь? – он указывает на здоровенный постер на стене. Смотрю, на нём стоят, обнявшись несколько хорошо сложенных улыбающихся мачо, все в цветных комбезах на голое тело. Причём комбезы расстёгнуты ниже пупа.

Мде…

– Вы это, мужики, – говорю им, – вы не серчайте, а что я подумать-то мог?

Синий вздыхает, – ну, да, но мы-то тоже не железные. Ты прикинь, единственный бордель был, и тот закрыли, точнее не закрыли, но… – он умолкает, опуская взгляд на палубу.

– А что? – не понимаю и спрашиваю.

– А то, – раздражённо говорит розовый, – контингент поменяли. Раньше бабы были а теперь эти, – он раздражённо притоптывает ногой, – переделанные, трансы, короче. Тьфу. Не ходим мы туда.

В этот момент мой планшет тренькает, сообщая об окончании загрузки руды.

– Жёстко тут у вас, – говорю, – вы на меня не серчайте, честно, – не со зла я. Дурак. Я же не знал.

– Да что там, – машет рукой синий, – ты тоже нас извини, и, – он с надеждой поднимает на меня глаза, – ты к нам ещё прилетишь?

Киваю.

– Ты это, журналов нам привези, ну тех, ну которые… А-то мы все свои уже того, до дыр дочитали.

Обещаю привезти самых свежих и много. Его глаза светлеют.

– Ну спасибо, ты только не тяни, быстрей возвращайся.

Забираюсь в кабину и взлетаю. Да уж, а могли бы и прибить…

Прыжок, проход шлюза, посадка.

Сдаю груз. Всё точно, как и рассчитывал – полторы тысячи монет с тонны за круг. Минус расходы, и на счёт падает около сорока пяти тысяч. Весьма неплохо, весьма! Отдаю команду на закупку-загрузку и, пока автоматика наполняет мой трюм, бегу покупать журналы. Закупил солидную пачку, продавец даже поинтересовался, в какую такую даль я собрался. Моим словам, что это не мне, это я знакомым он явно не поверил.

Возвращаюсь, продаю-закупаю и отдаю всю пачку мужикам. До этого я никогда подобной радости не видел, как дети конфетке радовались.

Взлёт, прыжок, разгрузка.

Повторить.

Взлёт, прыжок, разгрузка.

Худо-бедно, но счёт начал пополняться с приличной скоростью.

И всё шло гладко до одного дня…

Стандартно гружусь, прокладываю курс к шахтёрам, взлетаю. Убрал опоры – и на выход. Надо сказать, что к тому моменту я уже несколько оборзел и расслабился. Шлюз привык проскакивать на приличной скорости. Вот и в этот раз, нацелился на выход, газ до упора и ещё – чёрт меня дёрнул – форсаж прожал. Для понтов, не иначе. Влетаю на приличной скорости в шлюз, а там – Анаконда заходит. Как меня увидел – её пилот, так и давай дальним моргать, не сообразил он, что у него не фары, а реальные такие прожектора – ослепил он меня конкретно. Ну, я кое-как пытаюсь просочиться между ним и бортом станции, и вижу – не вписываюсь.

О стенку – хрясть! Аж искры полетели, поле защитное сразу на половину упало. Вот так, со скрежетом и искрами выскакиваю из шлюза и делаю вторую ошибку – резко рву джой на себя, уходя от Анаконды. Только вот я не учёл, что у выхода рекламные экраны повесили. Вот я в один из них со всей дури-то и впилился. Экран – вдребезги, а я лишаюсь остатков щитов. Корпус, правда, цел остался, так, ерунда, пара царапин.

Прилетаю к шахтёрам, разгружаюсь, загружаюсь и назад. Деньги зарабатывать надо.

А у станции – переполох. Просто немеряно полицейских. Всех подряд сканируют. Ну а мне-то что?

Становлюсь в очередь на заход в станцию, и ползу себе. Чего мне опасаться-то? Груз легальный, штрафов не погашенных нет. И вот, когда уже передо мной остаётся только один корабль, тоже грузовоз Тип-6, меня сканят. Да и пофиг. На здоровье.

А не тут-то было! Только я уже приготовился ответить на извинения полицейских за беспокойство, как вспыхивает надпись: Нарушитель! Наложен штраф!

Что за дела?

И полицаи ко мне начинают так конкретно приближаться, причём оружие-то у всех активировано. Ору по открытому каналу, что они обознались – ноль внимания. Ну, я резко в сторону, облетаю Шаху, и к своей платформе. Внутрь станции им-то ходу нет. Сажусь. Сдаю груз и начинаю пытать механиков, что за дела тут такие творятся.

– Что за шухер такой, дядя? – спрашиваю. – А он мне и рассказывает.

– Помнишь тут пару дней назад некий коз… эээ… пилот на Кобре задом вперёд вылетал?

– Ну, да, как не помнить, я ж… эээээ, он тогда ещё рекламный экран сбил.

– Вот, а в тот день, по случаю тезоименинства Губернатора Сектора. Он, его высокосиятельство и прочая прочая, речь держал. Рассказывал, как тяжко он на благо наше трудится. Не ест, не спит – всё о нас, грешных, думу думает.

– Да, да, что-то слышал: «Утром мажу бутерброд, сразу мысль, а как народ?». Ну, и про икру там что-то было.

– Ты б помолчал, охальник! Так тот эээээ… пилот, мало того, что своим задом Губернатору в морду въехал, так и потом выхлопом… ты… эээ… он же на форсаже уходил?

– Угу…

– Ну, и форсажем весь экран загадил. Так что, тот и взорвался А его высоко…

– Короче, доктор!

– Его высокосиятельство как раз говорил, что он почернел на работе и солнца совсем не видит – работы много и что долго он так не выдержит. И тут он натурально чёрным становится и взрывается. Как тот губернатор звёздно-демократического сектора. Оскорбление власти, но не прямое! Статью те… пилоту шить не будут, но слух пошёл, что за превращение этого пилота в пыль Губернатор пообещал ценный подарок. Вот как-то так, дружок.

– Спасибо, дед…

Ой, мля…влип. Бегу в корабль. проверяю свой статус… Епта… криминал. В розыске. Награда небольшая – 7.500 монет, но примечание моргает – выдача-погашение в особняке Губернатора… Ох, дела мои тяжкие… Погасить-то я его могу, на счету почти миллион, но понятно, что из его особняка мне не выйти.

Ясно одно, пора и отсюда валить. Куда? А кто ж его знает. Куда-нибудь, лучше всего подальше из этого сектора.

Вылетаю со станции… грустный весь… Шо делать? Уже вылетев, обнаруживаю, что я так расстроился, что даже груз забыл взять?! Офигеть… порожняком к шахтёрам намылился. Только я вылетел, за мной, незаметно так, совсем-совсем незаметно, штук 7 полицаев. С мигалками. Держатся сзади… Сканят! Газу прибавили, и ко мне.

– Стой, двигатели на ноль. Стой, а не то!!!

Ну, я тоже не, кхм… Ручку от себя, и делаю петлю, как бы назад хочу, в запретную для стрельбы зону. Они окружать шлюз стали. Зависли вне зоны и ждут. Наверное, награда хорошая обещана, раз ждать будут. Но обманул их я. В последний момент пикирую вверх, или вниз, в космосе-то, это монопенисуально. Обхожу центральный стержень станции и луплю со всей дури вдоль него. До полицаев доходит, что я задумал. Они за мной… Но я-то уже и скорость набрал, и знаю, чего хочу.

Диспетчер в эфире ежа рожал. Не иначе.

– Борт 62XXX (это мой личный номер)! Вы чё творите! Опасное пилотирование! Стой гад! На тебя штраф наложен! Уйди от Станции, козёл!

Ну а мне-то что? Штрафом больше, штрафом меньше, всё одно отсюда ухожу.

Он просто соловьём заливался, много нового я услышал и узнал от него.

Было бы время, я б к нему зашёл, с блокнотиком записать новые термины и ключом разводным-газовым, произношение ему подправить. Но, не до него.

Протискиваюсь сквозь узости конструкций станции, смотрю, а полицаи-то в обход станции пошли. Не полезли за мной. Ну, я доворачиваю на курс и прыгаю.

Куда? Да к шахтёрам. Куда же мне ещё податься? Прыг. Шлюз. Привет шахтёрам! Они меня встречают приветливо, после той встречи и, как я им журналы стал привозить, отношения наладились.

– Что стряслось-то? Что кислый такой? – спрашивают.

– Эх, мужики, – отвечаю, – влип я и, походу, конкретно.

Идём в бар, обсудить ситуацию, всё же мужики тёртые, жизнью битые, присоветовали. Точнее послали.

И послали они меня к местной мафии. Документы и реестры чистить. Подчистили. Не бесплатно, конечно, двадцать процентов от суммы штрафа взяли. Но зато я стал кристально чист перед законом.

Беру груз – прыжок, станция.

И – полицейские вокруг… рыщут. Эх, была не была. Запрашиваю добро на посадку – дают. Становлюсь в очередь к шлюзу, и полиция подгребает. Сканирует – и через десяток секунд:

– Можете следовать дальше. Спасибо за содействие, пилот.

Уфф, пронесло. Сажусь.

Но, однако, нужно что-то делать: те, из мафии местной, меня честно предупредили – полицейские базы они подчистили, а вот базы охотников – есть такие – отлавливают нарушителей и мочат, так эти базы им недоступны. Так что, хоть я и чист перед законом, но вот охотник меня может отловить…

Так что, как только разгрузился, пошёл покупать себе стволы. Мало ли что. Купил себе стволы на независимой подвеске, они за целью доворачивают. Радиус прыжка снизился, конечно, но своя шкурка дороже.

Взял груз и полетел. Груз? Да всё те же вибраторы, мать их инженерную… надоело… не опивать как. Ну, вот реально достало меня по этому маршруту гонять. Скучно.

Прилетел. Груз сдал, руду взял. Лечу назад.

И вот, подгребаю я к станции, до неё рукой подать, километров 600 осталось, готовлюсь переходить в обычный космос, скорость сбрасываю, как тормозит меня хмырь какой-то.

И выбрасывает своим модулем перехвата в обычный космос. Принудительно. До станции – 42 км, я её уже глазами вижу. Вижу, как она крутится и как полицейские вокруг огоньками дюз моргают.

– Вах. дарагой, какой хороший встречь! Помоги брату, скинь конты, моя уже тры дня не ел, – обращается он ко мне, – я груз брать, тебя убивать нэ буду. И про штраф твой никому нэ скажу. Ага?

Ага. Два раза. У меня груза на двести пятьдесят тысяч с хвостиком. Прибыли почти тридцатник. Всё ему отдать? Ну, уж нет!

– Ара джан! – говорю ему, – у меня руда, ты ей не наешься… Обнажаю стволы и к нему подруливаю.

Он что-то про то, что он мой космос шатал и всё такое…

Пиу-пиу… пиу-пиу!

Два ствола лучше одного. Поля – даффай, до свиданья. Разошлись на встречных. Он меня даже и не поцарапал.

Петля, полубочка, огонь! Стволы с доворотом – это сила, скажу я вам.

Бум-бум-бум… корпус потёк у джана моего.

74 %… 60 %… 43 %…

– Внимание, цель начала подготовку к прыжку! – сообщает мне комп.

Ах так! Ну, лови!

Догоняю его, перекинув всю энергию на двигатели.

24 %… 17 %… 6%

– Ара джан, говорю, – ты как, всё ещё кюшать хочешь, да?

Молчит… Всаживаю очередь… в пустоту. Упрыгнул гад. Ну, да в кого он там верит – ему судья. Но стволов нужно больше! Нужно больше огня!!!

Паркуюсь. Продаю груз и к оружейникам, докупить ещё стволов. Увы, там руками разводят – ничего нет, всё распродали. Печаль…

Вышли мы с продавцом, закурили. Начали за жизнь говорить, и тут он мне советует:

– Ты на Айя-Бут смотайся. Это святая станция для всех милитаристов. В переводе – Святая Основа, значит. Там ты вернее что-то найдешь, не то, что в нашей техно дыре. Ты там сразу к военным иди, они часто всякое старьё распродают. Если контакт установишь – есть шанс и не старьё получить.

И в правду, чем чёрт не шутит, найду там продажного каптернамуса и… Лишь бы он в меру продажен был. А-то денег не хватит.

Взлет. Курс. Прыжок. Ещё один и ещё – путь то не близкий.

В конце пути выскакиваю у жёлтого гиганта. Как лимон жёлтый – явно молодая звезда, даже к белому спектру ближе.

Прыгаю к станции. Сажусь.

Сразу бросается в глаза, что тут все, абсолютно все, подвинуты на военном деле.

Как только я вышел из корабля ко мне строем – строем! – подбежала группа техников. Все в комбезах милитари стайл, и с бирочками на груди. От строя отделился старший и, чеканя шаг, подошёл ко мне.

– Здравия желаю, господин вольный пилот!

– Здравия желаю, эээээ…

– Разрешите представиться, старший техник ангара номер восемнадцать, стартех Роджерз.

– Очень приятно, господин стартех. Мне бы стандартное ТО. Это возможно?

– Для нас, господин вольный пилот, возможно всё! – отчеканил Роджерз. – Приступить к выполнению ТУ стандартного ТО?

– Да, – киваю ему, – Приступайте.

– Имею сообщить Вам, что ТО согласно типовым ТУ займёт тридцать четыре минуты и семнадцать секунд. Стоимость ТО будет определена по завершении, согласно заполненной ведомости принятия ГСМ и технических жидкостей.

Киваю. Он поворачивается к своим подчинённым и рявкает:

– К выполнению ТО корабля класса Кобра, согласно стандартным ТУ… присту… ПИТЬ!

Строй разламывается, и техи разбегаются кто куда. Однако…

Со мной остаётся стартех.

– Уважаемый, – протягивая ему початую пачку сигарет, спрашиваю я, – а где у вас тут можно, ну… обвес себе на корабле, – указываю подбородком на свою Кобру, – того, поменять?

Он кивком благодарит меня, вытаскивая сигарету и давая мне прикурить, сообщает:

– Иди на следующий уровень. Там отдел снабжения, спроси, у них, вроде как, раз сейчас что-то списывают. Хотя, он затягивается и, выпуская дым из ноздрей, – хотя они всегда чтото продают.

Благодарю его и двигаю этажом выше.

Отдел снабжения? Это они называют отдел снабжения??? На большей части уровня сняты переборки, и моему взгляду открывается поле, заставленное стволами, реакторами, накопителями, элементами брони и всем прочим, чем можно улучшить корабль. Причём, любой! Я прямо у лестницы, едва поднялся, наткнулся на орудие главного калибра для Анаконды. Ну что она – Анаконда – сама не маленькая вы уже поняли, так в этот ствол я мог залезть. На корточках, но поместился бы. А рядом – плазменный ускоритель, тоже для Анаконды.

Стою, любуюсь и тут меня окликает какой-то военный. Майор.

– Интересуетесь?

– Да, знатные стволы! – отвечаю.

Он соглашается и спрашивает:

– Чего ищете?

– У меня Кобра, да и денег немного заработал, вот, собственно, и хотел бы улучшить свою пташку.

– Змеюку точнее, – смеётся он, – да без проблем, пойдёмте присядем и поговорим. У нас тут очередная распродажа б/у оборудования, так что, что- нибудь подберём вам.

Заходим в закуток организованный из сдвинутых ящиков с оборудованием. Там стол, пара стульев. Майор указывает мне на один из них и, доставая планшет, спрашивает:

– Ну-с, с чего начнём?

– Мне бы стволы помощнее, реактор, прыжковый модуль, – начинаю загибать пальцы.

Майор что-то копает в планшете.

– Ок, отрываясь от планшета, сообщаем он мне. – Стволы, потоковые лазеры, есть в наличии, реактор есть, но не топовый, восстановленный. А вот с прыжковым модулем проблемы. Нет ничего из б/у или с капиталки.

И смотрит на меня, слега склонив голову к плечу.

– Нет, – говорю ему, – мне б/у не нужно. Мне новые модули нужны. Да и реактор ваш после кап. ремонта, а ну, он развалится, как вылечу? Кто ремонтировал? А гарантия? Не, мне новьё нужно.

Он продолжает на меня смотреть всё в той же позе.

– Давайте новое, пусть и дороже, я заплачу. Вы поймите, мне же потом там, – машу рукой куда-то в сторону ангаров, – шкурой своей рисковать. А она дорога мне. А деньги есть, вы не беспокойтесь, отблагодарю… вас.

Он так и не меняет позу.

– Хорошо, я вас понимаю. Нет, так нет, полечу куда подальше, раз вы тут на диалог взаимовыгодный, идти не хотите, – и встаю, поворачиваясь к проходу.

– Ладно, пилот. Посмотрим, что можно сделать.

Сажусь. Майор опять копается в планшете.

– Так, значит. Стволы новые я тебе дам. И реактор с распределителем энергии. Но это тебе выйдет дороже.

– Сколько?

– Плюсом сорок процентов. Наличкой.

– Пятнадцать. Где я столько налички возьму? – начинаю торговаться.

– В банкомате, на третьем уровне. Там их много. Тридцать.

– Двадцать. Я же на комиссии разорюсь! Знаете сколько комиссия при снятии в чужом банкомате? – не уступаю я.

– Двадцать пять, и это последнее предложение, – он откладывает планшет. – Обвес новый, с завода. Не сегодня, так завтра найду кому.

Соглашаюсь и иду за наличкой.

Не могу сказать что эти траты пробили уж совсем серьёзную брешь в моих финансах, но вот ощутимы да, были.

Снимаю нужную сумму и возвращаюсь к майору, по пути купив конверт, ну не пачку же банкнот ему совать в руки. Конверт, как и всё на станции, был в стиле милитари: по зелёному, защитному фону куда-то летели несколько Орлов, боевой Имперской версии.

Возвращаюсь в закуток.

– Всё готово, – сообщает мне майор, – указанное в заявке оборудование сейчас монтируют на ваш корабль.

Отлично. Протягиваю ему конверт. Он его не берёт, указывая глазами под стол. Нагибаюсь – там корзина для бумаг. Ну, логично, да. Кидаю конверт туда. Если я засланный казачок, то майор перестраховался. Приходил кто-то, пока он в сортир бегал, кинул что-то, а он-то при чём?

Спускаюсь в ангар. Там перекуривает команда техников. При моём появлении старший рявкает команду, и народ строится.

– Докладываю! – подходит ко мне стартех. – ТО в полном объёме выполнено. Произведена замена оборудования. Старое оборудование снято и подготовлено для утилизации!

Угу, знаю я вашу утилизацию. Подлатаете – и на склад, вместо того, что мне продали. А, если у солдатика какого, что развалится – так обещал же стойко переносить тяготы и лишения? Ну, вот и переноси. Неча ныть.

Расплачиваюсь и выбираюсь из станции. Теперь я более-менее боеспособен. Осталось только решить, куда дальше двигать? А известных-то мне вариантов немного. Или новые искать или вернуться к шахтёрам с их резонаторами. Ну, а, если нападут, да и пусть нападают! Того ару-то я и на худшем фите победил. Почти победил. Авось и сейчас отобьюсь.

Возвращаюсь на станцию и гружусь резонаторами – вперёд к шахтёрам. Всё ж поиздержался я, нужно отбивать расходы. Всё ж четыре круга туда-сюда – почти сто тысяч. И летал бы я так, зарабатывал, если бы на пара случаев.

Возвращаюсь от шахтёров с полным трюмом руды – абсолютно рутинный рейс. Всё тихо, даже пираты попрятались куда-то, может их полиция разогнала или другое, более жирное место они нашли, но меня никто не беспокоил. И вдруг – у одной транзитной звезды – в последнем прыжке от системы со Станцией меня прямо около звезды, вдруг кто то пытается выдернуть в обычное пространство. Я уж и забыл про подобное. Ну, думаю ара-джан нарисовался. Сбрасываю газ до нуля и даю себя выдернуть, а как только оказываюсь в нормальном пространстве, активирую стволы и захожу на тот кораблик, который меня выдернул. Смотрю – такая же Кобра. Ладно, думаю, сейчас мы с тобой потанцуем, и всаживаю в него залп из всех стволов.

Вот чем хороши потоковые лазеры: они будут стрелять, пока спуск жмёшь, и, пока энергия в накопителе есть. А накопитель-то у меня новенький военный и полон энергии до краёв. Вот я и всадил – от души. У той Кобры поля моментально упали.

– Стойте! – орёт мне пилот Кобры, – не стреляйте, я только спросить хотел!

– Ага. Спросить. Как пройти в библиотеку. Не катит, ара. Сдохни! – и продолжаю его жарить.

А вот чем потоковые плохи – хорошо греют корабль. А куда в вакууме тепло-то сбрасывать? Пустота же, как в термосе. Тут или специальный модуль ставить, одноразовый, в нём колба с жидкостью принимает тепло и, как разогреется – сбрасывать, или ждать, пока штатные охладители справятся. Иначе – перегрев, замыкания, оплавления и кирдык. Это я уже при первом своём вылете проходил. Не к месту вспомнил Янсена и его мухлёж со мной. Ну, и нубом я же был тогда, не то, что сейчас.

Делаю доворот и пресекаю попытку цели удрать.

– Не стреляйте! Я мирный учёный, Я энтомолог-пацифист!

– Да мне пофиг, извращенец чёртов! Расплодилось же вас! – и снова жму спуск. Модуля охлаждения у меня нет, так что паузу мне пришлось бы по любому делать, вовремя он дёргаться начал. Уж очень не хочется мне свой кораблик портить.

– Пацифист, педераст, – шепчу я, – пофиг мне, – продолжая кромсать его на куски.

Кошусь на формуляр цели на левом экране. Ливингстон Профф – читаю. Интересно, что тут имя, а что – фамилия и, что настораживает, нет пометки, что он в розыске. Может, и вправду мирняк?

Поздно.

Ба-Бахх!

Вспухает разрыв.

Ну упс… На станции разберутся. Кто ты там такой. Был. Убираю стволы, ложусь на курс и прыгаю домой.

Вот в этот момент – точнее до того как я его завалил – вот тогда мне стоило задуматься. Так нет же. Это же космос. Я же крут немерянно. Зачем думать? Стрелять нужно… Едва я выбрался из корабля как меня под белы рученьки приняла СБ Станции.

– Как полёт прошёл, – поинтересовался старший безопасников, седоусый капитан. – Что в пространстве нового?

– Да всё штатно, – говорю. – Загрузился и привёз полный трюм. Всё легально.

– Да? А профессора кто грохнул?

– Какого?

– Такого! – начинает рычать на меня капитан. – У нас тут мероприятие секторного масштаба. Слёт энт… эк… зомо… бабочников, короче.

– Кого? – не понимаю и переспрашиваю.

– Ну тех, кто таракашек-букашек рассматривает.

– Новые извращенцы что ли?

Хрясть! Получаю прямой в брюхо и, если бы не помошники капитана, завалился б на пол. Ну, не ждал я атаки, а не то б…

– Это ты у нас извращенец, – почти ласково говорит капитан. – К нам учёные, у-чё-ные, повторяет он по слогам, со всего сектора собрались. Выставку своих букашек проводят. А ты, морда дикая, ты их старшего и самого продвинутого завалил. Он из мед центра уже две жалобы накатал.

– На меня? – глотая воздух спрашиваю. Всё же что-что, а удар поставлен у него хорошо…

– Да плевать мне на тебя, – всё так же ласково говорит капитан, – на нас, козлик, на нас. Из-за тебя.

Хрясть! В этот раз меня не удерживают, и я валюсь на палубу.

– Значит так, – прохаживаясь рядом и попинывая в такт своим фразам сообщает мне капитан, – За покушение на убийство тебе штраф причитается. Пять штук.

– Сколько? – хриплю я, – он сам меня выдернул! Первым и…

От дальнейшей дискуссии меня удерживает очередной пинок по рёбрам.

– И за пререкания с СБ, тоже штраф. Ещё пять.

Присаживается на корточки рядом.

– Тебе всё ясно?

Мычу и киваю из положения лёжа. Типа да, всё понял, осознал и всё такое. Капитан удовлетворённо поднимается и уходит со своими громилами.

Итого, минус десять штук. Почти треть прибыли за рейс. Вот же суки! Кое-как встаю и привожу себя в порядок. Вот тут бы мне и успокоиться, отлежаться, но нет. Нужно же срочно компенсировать потерю!

Загружаю трюм и лечу на очередной круг. Без приключений. Сдаю резонаторы, беру руду и возвращаюсь.

А у Станции картина маслом: пятёрка полицейских разбирает Тип-9. Вот чем он им не понравился, не знаю. Контрабанду вёз? На девятке? Это каким же отмороженным быть-то надо?! Когда я до станции добрался, девятка пару полицаев сожгла, зато оставшиеся трое сбили ей щиты и доламывали реактор.

Запрашиваю посадку, в конце концов не моё это дело, так – шоу бесплатное, если только.

Получаю добро, начинаю заруливать в шлюз, и тут девятка взрывается. Взрывается, рассыпая массу контов. Полицаи отворачивают и куда-то сваливают, мож, на ремонт или смену, не знаю.

А перед Станцией в пространстве висят брошенные конты. Больше сотни. Ничьи!

У вот тут я совершаю вторую ошибку. А всё жадность.

Быстро-быстро сажусь, скидываю груз и, даже не заправившись, взлетаю. Там. Висят. Конты. Ничьи. А будут мои. Выскакиваю из шлюза – быстрее, пока ни кто не просёк и не начал тырить. Хватаю первый, второй, третий. Нацеливаюсь на плотное скопление контейнеров чуть в отдалении, и тут по мне начинают работать турели Станции.

– За Чт…

Здравствуй Медицинский Центр. Кряхтя сползаю с койки.

– Что ж вы так, молодой человек, – расстроено качая головой, обращается ко мне дежурный врач. – Разве вам не говорили, что воровать – плохо? Тем более – наркоту…

Молчу. А что сказать-то? Всё жадность проклятая…

Одеваюсь и, так и не проронив ни слова, только поблагодарив врача кивком головы, выбираюсь из отсека и бреду к страховщикам.

Там с меня содрали аж двадцать с лишним тысяч, но пообещали восстановить всё, как было.

– Даже и военные модули восстановите? – спрашиваю.

– Какие военные? – удивляется агент.

– Ну, у меня там накопитель военный, расширенный, стволы опять же. Он сверяется со своими данными.

– Нет, – говорит, – у вас стандартные модули. Класс А, да, но гражданские варианты.

От же майор. От же гад!

Агент, видя, как вытянулась моя морда, сочувственно качает головой.

– Небось, на Айя Бут покупали?

– Да, а что такого?

– И сверх цены заплатили?

– Да. Да поясните вы, что не так-то?!

– Да всё так. Просто тамошние снабженцы обожают нубам под видом спец разработок стандартные модули впаривать. Не расстраивайтесь, не вы первый, не вы последний. Восстанавливать всё будем?

– Всё!

Ну, вот… а я только обрадовался, что я не нуб. Тьфу. Ветеран, мля. А развели, как щегла жёлтоклювого. Жить противно среди таких… таких личностей.

Бреду в свой ангар.

По пути меня перехватывает СБшник.

– Ну что, пилот, как вылет прошёл? – явно издевательским тоном, покачиваясь на каблуках спрашивает он. – Много контов собрал?

Угрюмо смотрю на него.

– Я тебя предупреждал! – он тычет в меня пальцем. – Я теперь за тобой особо следить буду. Иди. И помни. Всегда.

Отворачиваюсь и иду к Кобре.

Залез в кабину и такая меня злость взяла на всех этих полицаев, СБшников, военных, что решил я нелегальным бизнесом заняться. А чё? Стволы есть, обвес приличный, бабло на страховку тож есть.

Романтики вольных дорог хочется! Свободы!

Буду экзотических танцовщиц возить, коровану грабить и разных шкур, продавшихся мировому капиталу, на ноль делить.

Сверяюсь с картой, ибо, где лучше всего начать карьеру Романтику с Большой дороги? Правильно, в анархической системе. Выбрал одну такую поблизости, Фрипорт называется. Благо с картой галактики уже более-менее наловчился работать, фильтры там всякие включать, чтобы лишнюю информацию отсечь, и курс туда проложил.

Правда, станции полноценной там не было, только орбитальные платформы. Ну, а мне какая разница-то?

Запарковался я и пошёл местные красоты обозревать. В кабаках местных красота. Народ гуляет, песни поют. Женщин падших тоже хватает. И их хватают. Они разных форм, размеров и расцветок, и вот за эти формы их и того, хватают. Посетители, которых тоже хватает. Толкотня, но всё вежливо и корректно. Не будешь нарываться – не тронут. Ну, а нарвёшься – не взыщи.

Ну, я решил было подзадержаться малость, тоже прикоснуться к местной культуре, связи завести… но, Работа, прежде Всего! Я ж не на отдых, я за делом сюда прибыл. Решил в работорговцы податься. Торговцем чёрным деревом стать. Чёрным или иного колера.

Нашёл конторку подходящую – нет товара. Я в другую – опять облом. Уж приготовился груз стволов взять, оружейный бизнес тоже неплох, как меня одна из тёток к себе подманивает.

Ну, думаю, раз фрахта подходящего нет, хоть отдохну. Подхожу к ней, осматриваю – ничё так. А она мне вдруг заявляет:

– Капитан, – удерживаюсь, чтобы не оглянуться. Это меня она капитаном назвала или рядом ещё кто есть? Ну, плечи расправил, грудь колесом. И к ней подхожу.

– Что мадам угодно?

А она мне и рассказывает. Так, мол, и так: я, т. е. она – манагер танцгруппы экзотических танцев «Жаркое Бедро». И они тут по контракту работали, а сейчас им нужно взад возвращаться, назад, короче. Со станции им валить надо.

Интересуюсь, сколько вас и сколько барахла у дамочек?

– Да совсем ничего, дюжина девочек и 3 тонны платьев и прочего.

Я, несколько, охренел. У меня-то всё имущество в карманах, а тут… Наверное, был бы я танцором, тож прибарахлился. Но я не такой. Я нормальный пилот.

Загрузил я их в трюм, уточняю, куда лететь будем?

– Ах, давайте в Ай-бутиззз, там скоро выставка вооружений, много интересных папиков будет.

Ну, мне-то чего?

Курс проложил, со станции – без приключений, прыгнул тож норм.

Вышли мы в системе, я курс на станцию, разгон, входим в сверхскоростной режим, и тут у меня волшебным образом скисает навигационный комп. Вываливаемся в обычное пространство.

– Девоньки, – говорю, – извиняйте. Неувязочка. Но вы не переживайте особо, до начала вашего шоу… эээ… выставки ещё 2 недели, успею починить. Особенно, если вы мне помогать по очереди будете.

И они помогали. Ох… как старались, как старались… Неделю и ещё два дня они мне помогали. По очереди. Иногда вдвоём.

Ремонт? А, ну да, исправили, конечно. В навигационном компе штекер питания от тряски отошёл, наверное, стартовал резко с Фрипорта. Но мы его два раза разбирали… и собирали. И разбирали…

Да, в космосе много всякого неизведанного.

Эх…довёз я их до станции, всё хорошее быстро кончается, денюжку свою за фрахт получил. Не так что бы много, но всё нормально.

Возвращаюсь на Фрипорт. А тут аккурат рабов завезли. Не Имперских, обычных. Ну, не совсем рабы, просто с пожизненными контрактами, хотя разницы особой нет. Что так, что эдак – всю жизнь на хозяина работать. Хотя и в нашей современной жизни всё так же, разве, что хозяина ты сменить можешь.

Ну, и начал я мотаться. Беру рабов, обратно фрукты там разные. Рабов-то я в основном на аграрные планеты возил. И что тут незаконного? Да дело в том, что в галактике рабство запрещено. Везде, кроме Империи. Там – разрешено, но строго для категории Имперских рабов. А я-то возил просто рабов, и был вне закона везде.

И ловили меня доблестные стражи порядка по всем системам, где я только появлялся. Штрафов насобирал – жуть сколько. Только не оплачивал их. Зачем? Всё одно больше двух раз в одну систему не заходил, если ловили. Прибыл, продал, повторил. Прибыл, просканировали выписали штраф, пообещал заплатить и свалил. На второй раз полицаи уже оружие на меня наводили, как же, рецидивист.

Клялся заплатить, соглашался под конвоем следовать на станцию, там сбагривал груз и ходу. А уж куда рабы девались, не моего ума дело. Их сразу грузили в местные транспорта, и ищи по закоулкам Станции. Деньжата опять в плюс пошли. Отбил все расходы на Кобру свою и за миллион перевалил. Да-с… за мой первый заработанный миллион. До второго ещё далеко, правда.

Опять засел в баре – думаю. Что дальше делать. Понятно, что Кобра себя как транспорт исчерпала. Масштаб не тот. Да и вечно-то от полиции бегать не будешь, а наследил я порядочно. Нужно менять стиль жизни. Благо деньги есть.

Засел за каталоги кораблей и лоции торговых маршрутов. Не скажу, что особо долго и копался. Ясно, что пора пересаживаться. Прикидывал рентабельность полётов, исходя из прибыли на тонну груза. И по всему выходило, что пришло время становиться мне уважаемым капиталистом. Торгашом, брать Шаху. На Кобре я по тридцатнику, при удаче по сороковнику прибыли таскал, а на Тип-6, с трюмом за сотку тонн, ну, минимум сотню косых за рейс. Десять рейсов – миллион в кармане. А дальше можно и о Семёре подумать и о Девятке, а как надоест всё это торговое занудство – продам и куплю что-то боевое, соразмерно нажитым средствам.

В общем, спустил я чёрный флаг и направился назад к цивилизации, разумно избегая систем, где полиция была бы очень рада увидеть мою тушку в прицеле. Ну, а так как последние месяцы торговля рабами всё же как-то переклинила моё сознание, то двинул я в Империю.

Глава 7
Жадность, любопытство и прочие грехи…

Попав на территорию Империи, я первым делом сменил корабль. Уж больно сильно я на своей Кобре наследил. И хотя гадил я в основном на территории Федерации, у которой, как вы знаете, не самые хорошие отношения с Империей, но перестраховаться не лишнее. Мало ли, а вдруг между ними какое соглашение есть? По выдаче подобных мне типов?

А так как особой цели, куда именно мне в Империи податься, у меня не было, то я рванул на ближайшую хай тек Станцию, где безболезненно продал свою Кобру и обзавёлся Шахой, ака Тип-6.

Денег хватило и на немедленный апгрейд моего нового приобретения. Расширил трюм до максимального – 106 тонн, поставил нормальный прыжковый двигатель, а то со штатным пры-

гала шестёрка, мягко говоря, не очень… И собственно, начал свою карьеру торговца, легального заметьте, в Империи.

Кораблик сам мне очень понравился, кроме огромного трюма, проектировщики предусмотрели практически всё, что могло потребоваться торговцу в его странствиях. Ну, санузел – это понятно, его я первым делом осмотрел и опробовал. Ещё я обнаружил на борту небольшую каютку, примерно с половину стандартного купе наземки и крошечную кухоньку с синтезатором.

Всё остальное место в корпусе занимало оборудование и трюм. Даже так – ТРЮМ. Огромный, просторный и пустой. Ну, пока пустой.

Закончив с внутренним осмотром, перешёл к внешнему.

Правда, для этого мне пришлось отойти подальше – уж больно здоров он был. Сижу, значит, в отдалении, на каких-то бочках: в ангарах всегда полно лишнего хлама, курю и любуюсь своим приобретением. Моща… Сила! Сразу видно – конкретный торговец летит, не мелочь какая, человек серьёзным бизнесом занят. От таких радостных мыслей меня сначала отвлекла пролетающая надо мной Семёра и последовавший тем же курсом Тип-9. На их фоне мой торговый монстр смотрелся, ну, несерьёзно. Вот там да.

Ну, да ничего – и до таких дорастём.

И полетел торговать, не отходя от кассы. Туда – 100 т замороженных рыбопродуктов, обратно – 100 т удобрений. Обычные челночные рейсы. За круг около 75 косых. Ничего не предвещало беды, вроде как… Но не зря в детских прописях пишут» «жадность – это плохо!» Данный факт даже в известной песне в популярном мультсериале отражён. Да и народная, трансгалактическая мудрость гласит: «Посмешишь – людей насмешишь». Да уж, насмешил. Отгонял запланированное на день количество кругов, подзаработал и уже планировал на боковую, как вот прямо чёрт под руку толкнул.

Думаю, ну, времени ещё не много, кораблик – шустрый, ещё разок смотаюсь. Скидываю рыбу на склад, быстро забиваю трюм удобрениями – 100 тонн. На 100 тыс зелени. Моментом прокладываю курс, разгон, вход в прыжок, станция.

Скидываю удобрения, беру рыбу и домой.

– Курс?

– Проложен! – рапортует комп.

– Запрос на взлёт?

– Добро от башни получено!

– Отрыв?

– Есть отрыв!

– Убрать шасси!

– Исполнено! Нацеливаюсь на шлюз. Благо вот он – пустой, свободный.

– Подать всю энергию на двигатели!

– Исполнено!

– Газ на максимум!

– Исполнено! Скорость 220! Мчусь к шлюзу. Станция почти пустая. Мчусь… Ох мчусь… и не вписываюсь в ворота шлюза. Метров так на 5–7 ниже. Ба-Бахинг!

Наверное, со стороны это выглядело красиво – куда там камикадзе всяким.

Ба-бах! Вспышка… и обломки корабля, вперемешку с соткой тонн рыбы и моими фрагментами красиво и равномерно распределяются по станции.

Поспешил, чё…

Страховка, при моих нынешних капиталах, так – мелочь.

А вот груз… эх… минусую сотку косых.

Получаю новый корабль – точную копию предыдущего. Только без груза.

Ну, чё, сам виноват… пожадничал и поспешил.

Всё же отдыхать нужно.

Утро нового дня встречаю с твёрдой решимостью догнать и перегнать, в смысле – отбить вчерашние потери и заработать сверх. Но, аккуратно.

Выпиваю в баре кружку горячего глинтвейна, и всё по новой…

Вот только, пока пью глинтвейн, что-то меня смущает. А вот что именно – понять не могу. Ну да ладно, авось в полёте вспомню или пойму, что не так.

Подготовка к вылету. Груз проверен по накладной, раскреплён в трюме, топливо залито по горловину. Курс проложен.

Запрос взлёта.

– Добро на взлёт.

Корабль, медленно подрабатывая маневровыми дюзами посадочного режима, отрывается от платформы и протискивается в щель шлюза.

Станция остаётся позади. Ложусь на курс прыжка. Прыгнуть пока не могу – гравитационный колодец станции блокирует джамп модуль. Ну, вот пока буду из этого колодца выбираться – можно предаться воспоминаниям и подумать, что ж не так? А чтобы лучше вспоминалось – пивка открыл баночку, благо комп сам корабль разгонит и прыгнет, мне только кнопку ткнуть и потом уже от звезды отвернуть.

В Империю я прилетел не так давно. Наследить ещё не успел, да и не собираюсь. Всё же новую жизнь начинаю, легальную. Некстати вспоминаю рассказ своего друга – того картографа, как он в Империи устроился… Мы как то пересеклись, и он поведал о своих злоключениях.

Империя, конечно, это здорово, но и там были свои подводные камни, стремнины, водовороты и прочие течения. Да и ещё какие! Он наисследовал кучу планет в далёких секторах – вне обитаемого космоса и решил продать их Имперцам.

Сказано – сделано! Прилетел на Имперскую территорию и сдал. А его на радостях, он реально много привёз, сделали сразу Бароном Империи. Нет, он, конечно, много чего там открыл и нашёл. Несколько планет аж сразу пригодных к колонизации, так что наградить его, конечно, следовало. Но вот так – помотался с полгода, попил пиво в своей Большой Гадюке – Аспе, пока картографические сканеры работают, вернулся, сдал и тебе хоп – и Барона сразу отваливают. Безземельного, правда, но всё же титул! Я, забегая вперёд, скажу, на свои Золотые шпоры ух как горбатился. А тут?

Но верно говорят, есть справедливость. Хе-хе-хе. Титул Баронский, герб и всё прочее ему отвалили, и в весьма торжественной обстановке. А потом банкет. Ну, не то чтобы в его честь, но заодно и его отметить, так сказать.

С его слов банкет удался: деликатесы всякие, выпивки море, лакеи обоих полов в шитых золотом ливреях, свечи вместо привычных светильников – антураж, короче, по полной. Вот из-за этого антуража он и погорел.

А дело так было. Покушал, выпил и стоит себе у стеночки переваривает. Душно, как он потом рассказывал на нашей встрече-пьянке сокурсников, душно – жуть. Его мутить стало.

А свалить-то никак. На банкете этом особы Императорской крови присутствуют. Вот так он стоял-стоял, как к нему интерес одна из таких особ и проявила. Высочайше соизволила заметить, как принято среди подобных полубогов и богинь изъясняться. И к себе подозвала.

Но передам ему слово.

– Я-то что? Я ничего, стою у стеночки, шампусик потягиваю. И просто головой по сторонам верчу. Ну, замечаю неподалёку стайку девиц, ничего себе девочки, в самом соку. Я ж понимаю – пялиться на девиц неприлично, тем более на таком-то мероприятии. Да и так понятно – не мой калибр. Там явно Императорские крови гуляют, с Императорскими же гормонами. А мне оно надо? С одной стороны, да, всё ж полгода одиночки тяжко. Хоть и не совсем один, но не то всё. С другой, а, ежели свезёт? Так и герцогом стать можно? А чё? Тоже карьера. А вот с третьей стороны, а, если не? Сгноят нахрен. Да просто пошлют нейтронные звёзды искать, да с наказом – меньше чем с десятком разведанных не возвращаться. И что? Мне там до старости куковать?

Короче, стою, холодным шампанским тошноту отгоняю. Способствует малость. И тут краем глаза вижу, как одна из девок, ну та, что больше других золотым шитьём и побрякушками обвешена, лезет себе под юбку и чешется там. Юбка-то по последней моде: мини-микро. Только почитай зад и прикрывает, хотя вид открывает преотменный! Особенно после полугода там…

И чешет себе она там с таким остервенением, что я уж было на мандав… ну, вы поняли о чём я подумал. Хотя, на таком уровне и подобное?

Не, её подруги-спутницы прикрыли, конечно, но я-то сбоку стоял, и в щель между их стройными тушками всё хорошо рассмотрел.

Понимаю, дело не моё, медленно отворачиваю голову, чтобы и из бокового сектора обзора эту стайку убрать, и дальше шампанское пью.

А минуты через три, может, пять, ко мне одна из них подваливает.

– Ах, господин Барон, – воркует и глазками стреляет, – мы все тут так воодушевлены вашим даром Империи.

Ну, я ей что-то отвечаю: типа рад служить, жизнь за царя, за Императора, то есть, и всё такое верноподданическо-патриотическое. Она кивает и просит присоединиться к их компании, поделиться впечатлениями от дальнего похода. Деваться некуда. Иду.

Подхожу, кружок девиц передо мной расступается, и прямо по курсу она. Самая обвешанная.

– А, Барон! – говорит, – мы весьма наслышаны про ваш подвиг, присоединяйтесь к нам, Барон, присоединяйтесь.

Подхожу ближе и типа кланяюсь, этикету-то меня не учили, так изобразил что-то, но прокатило, ржать не стали. Значит, верно изобразил почтение.

– Рассказывайте, Барон, мы все в нетерпении, верно, девочки?

Девочки вразнобой подтверждают, что да, а эта мне руку, для поцелуя протягивает.

Я машинально наклоняюсь, и тут перед глазами всплывает, как она этой же рукой только что там чесалась! Мне даже запах почудился – густой такой, конкретный. А, может, и не почудился, душно там было, сам подвзмок.

Короче, сблеванул я. Прямо на неё. И на руку, и на юбку, на всё, короче, что было в пределах досягаемости. Благо было чем, кормили очень хорошо, я же говорил уже, да?

И выперли меня из Дворца, хорошо, что не пинками. Просто вытолкали, – завершил свой рассказ Адо.

– Ну, а потом-то? Что дальше?

А дальше, он тогда вздохнул и накатил ещё, дальше было грустно. Та девка оказалась то ли троюродной внучкой Императора, то ли внучатой племянницей сестры тёщи второй жены

Императора. Седьмая вода на киселе, но вода-то – Императорская. Титула его не лишили, но в Империи он стал персоной нон-грата. Барон, и при этом враг Империи! Зато Федералов этот случай обрадовал. Растиражировали вовсю. Ну как же – честных тружеников тошнит от и на Империю. У федералов ему даже дружественный статус сделали. Чин, правда, не дали…

Так что скажу я вам, уважаемые, не всё просто в Империи…

Ну, да я к Трону не стремлюсь, так торгую по маленькому и надеюсь, что подобная планида меня минует.

Вышел из прыжка.

До целевой станции всего ничего – 300 светосекунд. Пора готовиться к посадке на платформу и пиво прятать, могут местные и проверить, а оно мне надо? Вот. Так что я и из корабля не выйду. Дистанционно сдам-приму груз, благо на Шестёре, как и на Хаулере, да, как и на всех торговцах имеются для этого необходимые протоколы и терминалы. Только сел – тут же по вай-фай к сети подсоединяет и пожалуйста, вот вам список доступных товаров. Только выбирай нужный и количество, все загрузят моментом и так же моментом деньги спишут.

Всё же удобные эти кораблики торговые.

Вот так и мотался, неспешно и солидно, накапливая жирок.

Бизнес шёл ровно. Денюжка исправно капала на счёт. Навар с тонны те же самые 2–2,5 тысячи, что и при торговле деревом тем, но – спокойствие и масштаб. За круг теперь снимал по 200–250 тысяч. Четыре круга – лям. Подобрался уже вплотную к 9 миллионам.

И тут как обычно судьба кинула очередную подлянку…

Пошёл в бар, обмыть очередной миллиончик, уютно улёгшийся на мой счёт, а там слухи разные. В основном про пиратов и контрабандистов. Коих последнее время расплодилось неприлично много.

Послушал я разговоры, послушал, особенно детальные описания того, что с захваченными торговцами делают, а я как раз поднялся до ранга Торгаш в неформальном рейтинге, и загрустил. Да и всё смущает что-то. Вот ощущение, что видите вы нечто знакомое, давно виденное, а что именно и где – не понятно. Прямо дежа-вю какое-то.

Сижу, пивко потягиваю и думаю, как жить дальше. Ну, а сами подумайте. Есть транспортник. Тип-6 хорошая машинка, но… Оружия чтоб отбиться – два раза Ха. Два нуболазера в смысле. Скорость так себе – удрать сложно и удаётся только от лоха-новичка. Щиты дохлые. Два-три попадания и привет. Броня – ну пальцем не пробить, это да. А вот ломиком – вполне.

Поднимаю голову от столика и от тяжких мыслей и – в очередной раз обвожу помещение бара взглядом. Вот гадом буду, есть тут что-то эдакое, знакомое.

Картины-плакаты по стенкам? Не, стандартная барная живопись, такая, что не жалко и выкинуть после особо бурной вечеринки. Мебель? Типовая пластиковая – из расчёта чтобы ломалась быстро и не наносила травм – всё при расчёте на ту вечеринку. Светильники? Не. Стойка бара? Стойка, как стойка. Бутылки разные, зеркало на стене, сверху бокалы и кружки свисают. Сколько я таких баров повидал уже? И не перечесть. Бармен? Мужик, как мужик… В возрасте. Ничем не…

Стоп. А что это он от меня отворачивается, стоит на него посмотреть? Не любит, чтобы на него смотрели? А чего тогда в бармены подался?

Опускаю взгляд на свою тарелку, продолжая краем глаза следить за его движениями. Вот к нему подходит посетитель, бармен наливает ему пиво, поворачивается к кассе, и я узнаю его.

Янсен! Твою ж дивизию! Точно он. Побрил череп, сбрил свои роскошные усы и как бы помолодел лет на несколько.

Велик космос, а люди встречаются. Добиваю кружку и иду за новой. Сам. К стойке. Если бы руку поднял, помощник прибежал бы, а мне сам нужен.

Ставлю кружку и киваю – повторить бы надо. А сам так, полуоблокачиваюсь на стойку и слежу как он, опустив голову к крану, тщательно наполняет новую. Принимаю новую, но не тороплюсь пить.

– Ну что, Янсен, – говорю ему, приподнимая кружку в салюте-приветствии, – вот и свиделись. Привет.

Он машинально кивает и тут же поправляется.

– Вы пилот ошиблись. Я Жос. Жозеф Масташ точнее.

– Да ну? – в упор смотрю на него. Он уверенно кивает и достаёт свою идент-карту. А вот это дружок ты зря. Этим ты прокололся сразу. Если я – это я, то, что ж я на тупой вопрос сразу за документом полезу? Нет, конечно, пошлю такого подальше, а документ, если и достану, то только полицаям предъявить. Ну, а предположить, что некий Янсен с далёкой отсюда Федеральной станции так знаменит, что бармена уже достали подобными вопросами – нет уж, извините…

– Не Янсен? – спрашиваю, потягивая из кружки.

– И не слыхал про такого, уверенно отвечает бармен.

– Ну, значит, обознался, – расплачиваюсь и ухожу.

Только я тоже уже не пальцем деланный. Нет, конечно, не ветеран ещё, но мои скитания мозги-то мне подправили. А наличие приличных денег помогло и связями нужными обзавестись. Иду к местным СБшникам. Не к начальству, оно высоко сидит, далеко глядит, что его мелочью всякой отвлекать. К низовым так сказать сотрудникам, и прошу я их пробить этого Жозефа Масташа на предмет, когда прибыл, откуда ну и всё такое. Ребятки быстро проверяют свои базы, и мне в карман падает листок с распечаткой. Благодарю, обещаю проставиться пивом и направляюсь в свою Шаху. Ну-с посмотрим. Устраиваюсь в кресле и начинаю изучать распечатку.

Зарегистрирован на станции… ага… две недели назад, прибыл, сверяюсь с картой, нет, совсем с другой стороны, ладно, я и не такие круги заворачивал… Заявленные специализации… так… повар, бармен, пилот и механик. И причём срок пребывания в роли механика как бы дольше, чем во всех остальных ипостасях. Ставлю галочку. Вторую. Первую напротив даты его прибытия и регистрации.

Смотрю дальше, да собственно и всё. Различные номера страховок и ссылки на рекомендательные письма. Их давно уже никто не проверяет, если только вы в какую либо корпу топ уровня продаётесь. Тогда да, там вас проверят всего насквозь и не один раз. А бармена-то проверять… пффф…

Сканирую линки ссылок на рекомендации. Прежде всего, ищу рекомендации на меха. Увы, но таких нет. Пилот – проверяю, но ничего полезного. Пилотировал он мало, так что по ссылке только отметки об отсутствии замечаний в патруле. Он был патрульным? Проверяю указанные созвездия – приграничье. Там криминалитета-то много… А чего это он покинул Патруль? Копаюсь уже в базе Патруля, конечно, в его открытой части. Погиб при исполнении? Как это? Живёхонек он. Читаю и припоминаю, было дело: крупное столкновение Патруля и бандюганов с последующим разгромом патрульных сил. Смутно припоминаю, лет пятнадцать назад было.

Погиб / Пропал без вести. Хм… Ну, одна зацепочка есть.

Следующий линк. Кок. На круизном лайнере «Свет Пополюса». Тут только благодарности за поддержание чистоты на камбузе и пометка о переводе на камбуз бар А-уровня. Ага, значит, тут он получил спецификацию бармена. Скан какой-то грамоты – обычная грамота за образцовое выполнение служебных обязанностей… так… Капитан лайнера «Свет Попо-

люса»… бла-бла-бла… награждается старший кок… бла-бла-бла… г-н Брасс. Брасс? Какой Брасс? Масташ? Увеличиваю – точно г-н Брасс Я.

О как… Забиваю в сеть название лайнера, ищу. Ещё круче – «Свет Пополюса» пропал с экранов радаров после прыжка к курортной планете системы Шахрах. Не обнаружен. Семь лет назад. А наш друг опять жив. Вёрткий тип, однако…

Пробиваю последнюю ссылку. Механик. В окошке раскрывается длинный список станций. Младших мех, помощник мастера платформы, пом. стар. меха, старший механик. И ничего. Ни грамот, ни имён, только отметки-оценки о выполнении работ. Везде сугубо положительные.

Закрываю окно. Пусто. В отметках о последних местах работы отсутствует информация с названиями станций. Сбой компьютерный. Бывает. По этому пути не подкопаться.

Подвожу итог. Не густо. Патруль и лайнер. Оба раза пропадал без вести. И как это приплести?

В самом конце распечатки – указание номера его каюты на станции и график работы. Если верить графику, то Жос должен будет где-то через полчаса быть у себя.

Зайти в гости? А что мне это даст? Пошлёт он меня или полицию вызовет. И что я им докажу? Бывший патрульный, пропавший пятнадцать лет назад? Бред. Кок и бармен с пропавшего лайнера? Типа, показываю я всё это полицейским, они может даже вникнут. Проверят и повторят мои шаги. И что? Документы-то его в порядке. А на них и генетический паспорт и сетчатка. Послать запрос в Патруль на сверку данных? Угу. Проверят. Аж два раза. Пятнадцать лет прошло.

Так что все мои изыскания только на плохонькую теорию заговоров тянут.

На всякий случай копирую данные по Патрулю и лайнеру себе. Мало ли что…

В полном расстройстве готовлюсь к очередному вылету.

Продолжаю гонять по своему маршруту. Удобрения – рыба. Рыба – удобрения. А из головы всё этот Патруль и лайнер не идут. Ну, вот уверен я, что это Янсен. А доказать-то как?

Патруль – надгосударственная структура. В их архивах копаться меня не пустят. Кто я такой-то? Туда и министров не пускают.

Лайнер искать? Десять лет прошло. Что я найду там? Но в этом случае хоть понятно где искать – маршрут был известен и откуда лайнер последний раз выходил на связь – тоже. Но там и посерьёзнее меня дяди искали. И – ничего. Глушняк.

В бар больше не хожу. Опасаюсь этого Жозефа Масташа-Брасса Я., короче, Янсена спугнуть. Ещё сболтну спьяну чего. Или он напряжётся и свалит. И ищи его потом.

Хорошо-хорошо. Допустим, найду я жёсткие, железобетонные доказательства, что все эти личности – он. А дальше что? Ну, посадят его. Мне-то с этого какая прибыль, окромя чувства глубокого морального удовлетворения? И, получается, что никакой. А ведь явно чую: что-то срубить с этого можно. Если мои, увы, неподтверждённые построения принять за верные.

Итак.

Жил себе пилот Патруля. Честно служил, а потом раз – и переметнулся к пиратам. А чего ради?

У пиратов он лет пять или семь крутился, не думаю, что рабом он там гальюны чистил и выплыл коком на лайнере. И его не проверили. Приняли вот так просто. Типа по объявлению. Угу. Верю.

Тоже сказки люблю. Значит, его реестр подчистили, и СБ лайнера тщательно не проверила, просто одобрям-с шлёпнула на его заявку. Теоретически да, возможно такое. При наличии своего в СБ. Не в верхах, на среднем уровне, как мои знакомые из Станционной СБ. То есть друганы его затащили. Друганы, а откуда у него, после пиратов друганы? Или он от пиратов

сбежал? Сбежал, хорошо. А друганы, наверное, из Патруля? И не удивились его воскрешению, внезапному? Или друганы-пираты? Или шантажнули кого, и его приняли коком?

Ставлю себе вопрос – как-то мутно тут. Вариантов много.

Идём дальше. Служил он себе, служил, продвигался по службе и добрался до старшего кока бара палубы А. Вершина, можно сказать, карьеры. Там и люксовым готовят, и экипаж кормится. Отличная карьера – чаевые такие бывают, закачаешься. И вот только он стал старшим коком, и весь корабль – самая ценная его часть начала с его руки есть, как упс… Пропал кораблик.

В космосе всякое может быть – шальной рой, например. Радары чисты и вдруг ты обнаруживаешь себя среди астероидного поля. На полном ходу. Тут и помолиться-то не успеешь. Чик, и готово.

Или блуждающая сингулярность какая. Хоть мы уже прилично тут – в космосе гоняем – но сказать, что мы что-то понимаем – увы, уж слишком самонадеянно.

Что-то я отвлёкся. А кстати, корабль-то пропал, а погибшие-то где? Ну, не верю я, что на борту никого с оплаченной мед. страховкой не было. Не верю. У экипажа-то стрховки точно были. Проверяю данные по сети – нет выживших. Совсем. Ага-ага, вижу кучу ссылок на дискуссии: куда же народ делся? И полное отсутствие внятных ответов. Короче, на непредсказуемость космоса списали. Пока копался с этим заметил, что летели-то отнюдь не бедные люди. Пробил пару фамилий – несколько глав крупных корпораций, артист какой-то, несколько спортсменов, крупных биржевых игроков. Жирненькие ребятки. И – пропали, с концами. Проверил первую фамилию – номер два в каком-то концерне. И на данный момент – именно «в каком-то», т. к. после пропажи концерн обнаружил крупные финансовые потери и, хотя не обанкротился пока, но сдал сильно. Был в первой десятке, а сейчас и в сотку не входит. Дальше копать лень было, да и к Станции подлетел уже.

Посадка, разгрузил-загрузил – и на новый круг.

Так что же получается? Не отравил, а что-то такое сделал, что никто не умер, деньги отдали, а кораблик пропал? И все живые. И убить себя не смогли? Ну, чтобы на станции, где последний раз страховку активировали, воскреснуть? Как это вообще возможно?

Тут от моих умозаключений меня оторвала атака. На меня. Те разговоры в баре всё же имели почву под собой. Количество криминала в этой системе, да и в соседних как-то резко возросло.

Вот буквально пару-тройку недель всё тихо было, а сейчас охрана сектора с ног сбивается, вылетая на вызовы атакуемых кораблей. И, вследствие большой загрузки, не всегда и успевают.

А мой оппонент уверенно выдёргивает меня из сверхскорости. Не в первый раз уже подобное прохожу. Прежде всего перекидываю всю энергию на движки и разрываю дистанцию форсажем. Кобра противника явно не ожидает такой прыти от Шестёрки. Постоянно жму форсаж, пытаясь уйти от него. Мне-то стрелять не нужно, в отличие от него. Если он тоже на форсажи пойдёт, перекинув всю энергию на двигатели, то стрелять не сможет. Так пару-тройку раз, потом энергия в капаситоре кончится. А уж пару раз я выдержу, мне бы только продержаться до перезарядки прыжкового двигателя – и поминай как звали!

Мне в след несутся матюги и редкие выстрелы. Редкие, но меткие. Щиты этот боец снимает мне на раз. Начинает выбивать броневые накладки. Чем он ближе подбирается ко мне, тем сильнее его попадания отгрызают куски моей Шестёры. На моё счастье я успеваю прыгнуть до того, как его залпы начинают крушить нежные потроха моего кораблика.

Однако… 30 %. Корабль с трудом, но управляем и я, расцвечивая окрестности искрами замыканий и весёлыми огоньками мелких возгораний, плюхаюсь на платформу.

Сдаю груз, благодаря конструкции он как раз и не пострадал, и ремонтирую свою многострадальную лайбу. Недорого, совсем недорого, ремонт-то весь – заменить повреждённые модули и навесить новую броню. Модульность она такая.

А пока ремонтные дроиды копошатся по корпусу думаю. И глушу коньяк. Меня всё ещё подтрясывает, уж очень близко всё было. Выбил бы он мне прыжковый модуль и всё. Сидел бы сейчас в медцентре, убытки б считал.

Но однозначно, больше на Тип-6 я тут не летун. Сегодня вывернулся. А завтра? Разденут.

Решил пройтись, но то ли на станции регламентное ТО проводили и что-то со скоростью вращения начудили, то ли коньяк крепкий был – палубу качало и наклоняло конкретно. Точно – вектора гравитации гуляли.

И так меня мотало, что занесло в торговую зону – аккурат, где корабли продают. Тут мне полегчало. Поднимаю голову – передо мной корабль. То есть иду я себе, иду и почти впечатываюсь в корабль. На торговой корабельной площадке. Внезапно, да?

Присмотрелся, по габаритам поболее моего Тип-6 будет. А тут и манагер прискакал.

Ну, видит – потенциальная жертва. И прикид норм, и пьян в норму. Самое то.

– Интересуетесь? Толькопривезлипроверennаявременемнадёжнаямодель.

– Ээээ… чаго?

– Разведчик. Исследователь. Дальний.

– А…

– гарантия 2 года.

– А он… ик…эта…

– ВамповезлоунасАкция. Сегоднямегаскидкавсегоза 7100000 вы получитеэту мечтувместе состраховкой!!!

И – ослепительная улыбка во все 44 или сколько там положено гуманоиду зубов.

Я разобрал только последнее слово из этой очереди – страховка.

– Нет, мне без страховки, – говорю. Я хоть и поднабрался, но не настолько же чтобы деньгами трудовыми, кровью нажитыми, сорить.

Гляжу – погрустнел. Добиваю.

– В минимальной комплектации.

Совсем грустный. Гы. А-то я не торговал и не торговался. Наивный вьюнош. Я, хоть и выпимши, но ого-го ещё пока.

– Без. Страховки. В. Минимальной. Комплектации.

Всё. Улыбка исчезла. Радушие тоже. Да мне пох. За лишние пол ляма я и сам поулыбаться могу.

– 6.6 млн.

– Беру!

– Мы можем предложить вам доп опцию – полировку дюз по классу Экстра! Всего за…

– Нет. Прерываю его. – Сам, пастой Гоя отполирую.

Ну, попрепирались мы ещё немного, и я таки стал обладателем дальнего разведчика. Свой Тип 6 сдал в зачёт покупки – все же экономия. Счёт заметно съёжился, остаток всего 28 млн.

Первым делом к знакомым мастерам пошёл. Расширили трюм. Какую-то хрень для исследования систем тоже выкинули. Нужно будет – поставлю. Мне деньги делать, а не исследовать.

Получил трюм аж 96 т. Меньше, конечно чем на Тип-6, но норма. Да и всех денег не заработать, хотя попытаться можно.

Отгонял один круг. Хороша машинка. Манёвренная, шустрая, не греется, в отличие от шестёрки.

И начал я круги мотать всё по прежнему маршруту. Денюжка пошла.

Решил в Хай-тек систему сгонять – благо один прыг, всего 7,6 светолет. Правда, федерация, но да ладно, в той системе я, вроде, не следил ещё.

Норм добрался, зашёл в отдел запасных частей… и оставил почти все деньги. Хоть жаба душила сильно. Особенно, когда мне на глаза попался прыжковый движок, аж на 22 световых года, с полным трюмом – 18 с хвостиком. Но цена… 1,7 млн. С трудом оторвал холодные и липкие пальцы этой земноводной от горла, ну, а? когда оплатил покупку – жаба в обморок свалилась и более мне не мешала.

Поменял реактор – энергии с запасом теперь, поменял стволы, даже два тяжёлых рейлгана Т2 поставил. Правда было желание поставить Плазменный деструктор за 840к, но жаба ТАК грустно на меня посмотрела, что я понял, если куплю и их, то эту земноводную я более не увижу. А жалко – привык я к ней.

Как и любому мальчишке, получившему новую игрушку, мне не терпелось обкатать её в бою.

Пошёл по системе прыгать, приключения искать.

Нашёл.

Пара личностей в розыске.

– Вззззз…!!! – Сказали 4 лазера на шаровой подвеске.

– 24 %, – доложил комп.

Пират оказался не дураком – свалил.

– Вззз…!!! – По второму. Этот решил подраться.

Блям-ссссс – это уже разрядились рельсомёты. Мощно. Красиво. Но мимо.

Несколько залпов лазеров, и я становлюсь богаче на 7к, а мой оппонент разваливается на 4 дольки.

Проверил. Жить можно!

Только рельсу сменить на что-то более привычное, хотя бы на те же пулемёты. Или ракеты поставить… Да ещё бы броню у знакомого сундука выкупить, цена правда запредельная – 5 мил., но стоит того. Так что, копать мне ещё и копать, торговать в смысле.

Да и отбить все эти траты нужно.

Да и Янсена моего из виду не потерять бы. Мало ли что в голову придёт. Не чисто с ним. И деньгами пахнет – не поверю я, что это просто похожий человек тут появился – и аккурат с его прибытием криминальная активность подскочила. Так что сидеть мне на этой станции – Сбшники пообещали за ним пассивно следить и, если он убраться со Станции решит, мне оперативно сообщить.

Сажусь изучать рынок. Что отсюда или сюда возить выгодно.

Проверяю входящие торговые потоки – в основном технологии. Станция-то хоть и аграрная, но и технологиями тут тоже серьёзно занимаются. Комбайны всякие для сельхозработ производят. Часть себе, часть на продажу. Копаюсь в данных. Сильная потребность в сверхпроводниках. Запасы улетают быстрее, чем торговцы притаскивать успевают. Ну, а что? Шанс. По любому попробовать можно.

Ищу производителей. Ближайший на какой-то научной станции расположился. И почему с неё сюда не таскают? Углубляюсь в карту. Вот оно что: станция эта недалече, но между моей нынешней и нужной – анархическая система, со всеми её прелестями. Там транспорт встретят с распростёртыми объятьями… и активированным оружием.

Но я-то не на транспорте. Рискнуть? Говоря честно, страшно. Денег после загрузки полного трюма едва-едва на страховку хватит. С другой стороны, моя Гадючка-змеючка покрепче транспорта будет. Так что шансы есть.

Решаюсь. Гружу фрукты свежие, морепродукты местные для работы мозга полезные и прыгаю к умникам.

Перелёт на удивление прошёл спокойно, может, репутация той, анархической системы раздута лузерами всякими?

А вот и научная платформа. Запрос посадки.

– Следуйте к платформе № 5

Захожу, выпускаю опоры, включаю посадочные фары.

Посадка. Корабль мягко качает на гидравлике опор.

Пошёл сдавать груз и закупать новый. Впереди долгая дорога к светлому будущему, процветанию и к ответам на старые вопросы.

Глава 8
Всё выше и дальше и толще!

Итак, свершилось. Я стал счастливым обладателем Семёрки.

Но – по порядку.

Долог и мучителен был мой путь к этому кораблю.

Встал я на маршрут к научной станции. К учёным – рыбу, от них – сверхпроводники. Летал нормально, прибыльно, всё же Гадюка она пошустрее будет. Денюжки продолжали течь, хоть и не Ниагарой, но и не хилым весенним ручейком. Вполне уже нормальная средняя речка. Тяжело, конечно, было, кругов по десять-двенадцать в день делал, ну, а куда деваться? Надо же расти над собой. Вот так прыгал и прыгал, попутно контакты устанавливая. И, если на основной станции со всеми уже перезнакомился, то учёные – это отдельный разговор. К ним просто так в баре не подкатишь, они всё о своём, заумном талдычат. Даже когда пиво пьют и на девок пялятся. Уж я наслушался всякого.

Вот к примеру, танцует девчонка у шеста. Тут что? Смотреть нужно, ну там её изгибы, выпуклости обсудить, а они?

– Вот, коллега, гляньте, – говорит один, благо я за соседним столиком сижу, и мне хорошо всё слышно, – мне изгиб её бедра напоминает нелинейную функцию Лавуазье, трансгрессированную по экспоненте.

– Позвольте, mon sher, ну какой же тут Лавуазье, – это второй с ним типа спорит, – тем более по экспоненте, тут же чистейшей воды обратная функция Краммера из третьего тома.

И оба носы в кружки. Типа поговорили. Учёные, одно слово.

Или начнёт какая прыгать да вертеться. Нет, чтобы тут на неё глазеть, слюни, это я по-хорошему говорю, пускать, так они начнут прикидывать прочность шеста, а вдруг он сломается?! Поперечные нагрузки и стоячие вибрации высчитывать. Я б с такой тож повибрировал бы, и стояче и лежаче…

И вот, выбрав подходящую цель и момент, я решился подкатить к ним. Точнее, к одному из них, по имени Крас. У его оппонента, а спорили они постоянно, поэтому я и смог узнать и их имена и откуда они, так вот, имя его сотрапезника было не в пример сложнее – Даримбалдор,

и я не был уверен, что смог бы его верно выговорить. Кроме того, этот Дарим и прочее был на порядок слабее Краса в выпивке и после третьей сваливался, а Крас валился только после четвёртой.

Зачем мне это было нужно? Не знаю, но я исходил из того, что любая информация полезна, ну мало ли, что они там изобретают, может, и к себе на Гадюку, что прикрутить удастся. Да и банально скучно было.

Дождавшись когда Дарима отволокут просыпаться его ассистенты, плюхаюсь за стол к Крассу.

– Профессор, – пытаюсь переключить его уже несколько расфокусированный взгляд не с танцовщицы, нет, она потеряла всякую привлекательность после ухода Дарима, с полупустой кружки. Переключить на себя, конечно.

– Профессор, я был случайным слушателем вашей дискуссии с вашим уважаемым коллегой и…

– Кто это уважаемый? Даримбалдор? Пфф, не смешите меня.

– Извините, профессор, я хотел сказать, что полностью разделяю ваше мнение о невозможности проявления допплеровского эффекта на украшениях лифа данной девы, несмотря на сильные колебательные движения её верхнего контура, – уффф… вроде, верно повторил его последнюю тираду, убрав только обвинения в невежестве и ереси.

Взгляд учёного добреет и, понимая, что железо нужно срочно доковывать, продолжаю.

– Я ещё в школе очень интересовался химией…

Его взгляд ненадолго как бы зависает, а потом начинает смещаться к негативу. Упс, понимаю, что сказал что-то не то.

– Физической химией, – быстро исправляюсь, и взгляд опять становится благодушным. – Вообще, – продолжаю, – физика как сверхкрупных, так и сверх малых тел всегда очень меня интересовала.

– Очень верно замечено, – воодушевлённо прерывает меня Красс, – в этом будущее, определить взаимную связь объектов от гигантов до нано частиц – вот подлинная задача учёного.

Он допивает кружку, и я быстро заказываю ему четвёртую кружку, понимая что после неё наша дискуссия закончится. Ну, и ладно – мне бы только завязать знакомство, так, самым краешком.

– Вот вы, – он косится на мою куртку, – вы пилот?

– Да, профессор, вольный пилот, – кивком подтверждаю я.

– Скажите, вы же имеете дело, как с крупными, так и с мелкими объектами? Ну, там, он машет куда-то рукой, в пространстве?

Киваю, готовясь подтвердить рассказом о звёздах ибо крупнее пока не встречал, но умнику пофиг, он нашёл слушателя.

– Вы не представляете сколь велика мощь вселенной, создавшей это природное разнообразие, даже звёзды, – вы же видели звёзды? – обращается он ко мне.

Часто киваю головой, и открываю рот, готовясь ответить, но профессор уже вошёл в лекционный раж.

– Вот звёзды. Какие глобальные процессы проист… протек… – он отпивает, – проходят в них. И все они – суть взаимодействие мельчайших частиц. Вы это понимаете?

Просто киваю.

– Вот! – он назидательно качает пальцем, это движение выводит его из равновесия и мне приходится придержать его за рукав, что остаётся без внимания с его стороны.

– Гиг… гиг… антские объ… ик…ты и все из мельча…й…ших частиц. Вы…вы представляете?

Я-то представляю, а вот уважаемый профессор уже нет – вырубает его. Оперативно появившиеся ассистенты сноровисто подхватывают ударника умственного труда и уволакивают. На мой немой вопрос один из них машет рукой:

– Ничего, к обеду очнётся, завтра ни-ни, послезавтра эксперимент, вот после него, – ассистент вздыхает, – после очередного провала опять надерётся, – вы уж извините, в печали наш док.

Кивком благодарю его и иду загружаться. Значит завтра ни-ни, а послезавтра он снова тут будет.

И не профессор он, а доктор. Запомним.

Спокойно продолжаю курсировать, развозя рыбу и сверхпроводники, ожидая окончания эксперимента. Правда, день окончания оного я бы не смог пропустить даже при желании. Всё началось с того, что мне не дали добро на посадку.

Как обычно подруливаю к платформе и с семи километров запрашиваю добро. А мне в ответ:

– Ожидайте. Все платформы заняты.

Я несколько прифигел, как это заняты, я же вижу, что они свободны?!

– Девушка, говорю, – милая, как так заняты? Свободны же все. Я же отсюда вижу.

– Заняты, ожидайте.

– Милая, – добавив в голос максимум сладости, отвечаю, – у меня же груз рыбы. Свежей. Она же подохнет и пахнуть начнёт? Ну, я по быстрому, раз – и разгрузился, два – и улетел. Ну будь же ты человеком, не разоряй нищего торговца, а? – настраиваюсь уже слезу пустить.

– Извините, – она явно вздыхает, – не могу вам помочь. Сейчас караван с эксперимента вернётся, и я вас сразу посажу. Займите место напротив третьей платформы. Извините. Никак не могу – приказ.

Делать нечего. Зависаю напротив третьей платформы и жду. Ждать, правда, пришлось не долго, спустя буквально пять минут к станции действительно выскочил караван. Пара анаконд, с десяток грузовозов Тип-7. Хороши машинки, я аж залюбовался. Мне б такую. Только, что они тут делать-то будут? С их габаритами на платформу не сесть. Чуть позже – с небольшим отставанием выскочила пара Гадюк – и сразу на посадку. Большие повисели малость и упрыгали куда-то. Ну, а я начал опять про посадку канючить. Получил, спустя ещё с десяток минут.

Сел, разгрузился, заказал этих полупроводников и в бар. И уже на подходе слышу вопли доктора-профессора. Он, значит, и своих ассистентов и оппонента распекает. Второй, как обычно, неуч и профан, а первые все, как есть поголовно бездари и тупицы. Пока я стоял и прикидывал заходить или обождать из бара выскочил один из его ассистентов, тот, который пару дней назад извинялся. Протягиваю ему сигарету.

– Что? – спрашиваю, давая ему прикурить, – провал опытов ваших?

Он жадно затягивается и кивает, – угу. Расхождение теории с практикой на восемнадцать процентов.

– Всего-то? – удивлённо приподнимаю бровь.

– Ну, для нашего это катастрофа. А хуже всего, – парень переходит на шёпот, – что доцент Даримбалдор как раз и говорил о погрешности в пятнадцать-двадцать процентов!

Он вздыхает, – ты, это, не лезь туда. Подожди до второй. Достанется.

Пожимаю плечами, – а мне-то что? Я – вольная птица.

Ассистент немного завистливо смотрит на меня.

– Даааа, – протягивает он, выпуская дым, – вольная это здорово. Только не бей его. А то придётся нам тебя… ну того.

– Я?! Его?! – успокаивающе кладу ему руку на плечо, – не буду. Уйду, если в конец достанет.

И направляюсь ко входу.

– Смотри, – доносится мне вслед, – ты обещал.

Захожу. В баре пусто, что естественно для начала дня. За столиком в дальнем углу сидит мой доктор-профессор. Подхожу, однако! На столе кроме начатой кружки пива стоит бутылка с прозрачной жидкостью. Неужто умник мой водочки решил принять? Его ж снесёт, тут привычка нужна?! Он поднимает свой безрадостный взгляд на меня.

– А, это вы, пилот, – горестно вздыхает, – пилот-физик.

– Ну что вы, профессор, – отвечаю ему, присаживаясь, – какой я физик? Так, погулять вышел.

– Физикой интересуетесь – значит, физик, – заявляет он и наливает мне грамм так с полста.

Тяну рюмку к нему – чокнуться, но он отодвигает свою. Так и выпиваем, не чокаясь, как за покойника.

– Ээээ… профессор, а что случилось-то? – спрашиваю, – никак погиб кто, при испытаниях ваших?

Он мнётся, мрачнеет и выдает срывающимся голосом.

– Умерла… моя гипотеза умерла. Давайте выпьем, – и наливает по новой, не забыв отхлебнуть пивка.

Э… милый, так тебя и на одну не хватит.

– Погодите, профессор, – притормаживаю его темп я, – расскажите, что и как? Я, конечно, школьник, но мало ли, а вдруг, так сказать свежим взглядом…

– Мо-ло-дой человек, – он горестно наклоняет голову, – свежим взглядом… хотя, он резко поднимает голову, – хуже уже не будет.

И рассказывает.

Его лаборатория занималась исследованиями и доработкой дальних сканеров. Чтобы вот выпрыгнул ты у звезды, запустил сканер, а он тебе сразу все данные: и сколько планет-спутников, и данные по планетам сразу. Какая там мёртвая, какая под терраформирование, а на какой колонию сразу мутить можно. Сейчас-то тебе к каждой отдельно лететь нужно, и поверхностным сканером её прочёсывать. А профессорский, он сразу, шлёп – и получите все данные. Вплоть до месторождений полезных ископаемых, что на планетах, что в астероидных поясах. Такой сканер – просто мечта любого исследователя. Деньги поднять можно – ууууxxxx какие.

Но, не заладилось. Они эту систему сканировали. И соседнюю. Ту, что анархическая. Вот их пара Анаконд и сторожила, во избежание. А Семёрки стандартные модули сканирования таскали, сверяли результаты. И всё погрешность вылезала. То планету не так определит, то в составе астероидного поля накосячит. Немного, но ошибочно. Вот, скажем, определит сканер, что планета пригодна для немедленной колонизации. Пошлют колонистов – а там кислорода не 24 %, а только 5 % или температура не +20, а нуль. И что людям делать? Вот.

– Да, – говорю, проникнувшись проблемой, – это серьёзно.

Всё время пока доктор мой это рассказывал, я удерживал его стопку, изо всех сил изображая интерес, хотя, интересно действительно было. Но к концу рассказа упустил этот момент, увлёкшись повествованием, а рассказывал он знатно, я даже позавидовал его студентам, и профф накатил и полирнул.

– Вот, – выдохнув сообщил мне он, – видите, какая проблема. А этот бездарь, этот доцент…

– Погодите, – перебил я его, лихорадочно соображая как удержать его от третьей стопки, – погодите, профессор. Так ведь и тут и у соседей, звёзды-то одного класса.

– И? – он с надеждой уставился на меня.

– Ну, обе жёлтенькие, размер примерно один.

– И? – в его взгляде, хоть уже и расплывчатом, проявился интерес.

– Так, может, вам более широкое что ли, ну, тестирование провести? На других звёздах?

– Хм… – он потянулся за бутылкой, но я её перехватил и, очертив эдакую дугу в воздухе, продолжил, – может, погрешность связана именно с этим типом звезды? Проверьте на других звёздах? Уже картографированных, и сравните.

Он задумался. Вот визуально было видно, что подобное действие ему давалось в данный момент с трудом.

– Знаете, – ответил он мне после небольшой задержки, – а в этом что-то есть… Свежий взгляд… Хммм?

Оп-па, он уставился на меня практически трезвыми глазами.

– У вас какой корабль?

– Гадюка, – отвечаю.

– Идеально!

– Но я торговец! Не исследователь! Я… мне деньги зарабатывать нужно!

– Вот и пользу Науке принесёте и заработаете, Сергей, – кричит он, – ну это ему кажется, что он кричит, – Сергей, будьте любезны.

Рядом с ним быстро появляется тот самый ассистент.

– Сергей, – говорит доктор, направляя на меня руку с кружкой, – вот этот молодой человек не только привнёс свежий взгляд на нашу работу, но и предлагает оказать посильную помощь в реализации его, гхм, смелого плана. Я прошу вас, обговорите с ним детали.

Сергей коротко кивает и жестом предлагает мне пройти с ним. Ну, что делать? Встаю и иду за ним. Нам в спину доносится бульканье наливаемой очередной стопки и бормотанье:

– А что, свежий взгляд… различные спектральные классы… вполне может и быть…

Выходим из бара и закуриваем.

– Ну, слегка наклоняясь ко мне, спрашивает ассистент, – чем ты там деда поразил?

В двух словах рассказываю о своей идее.

– Ты пойми, – пытаясь отговорить его от этой затеи их босса, говорю Сергею, – это ж я так, просто разговора поддержания для ляпнул.

– Разговора поддержания для… – недовольно морщится Сергей.

– Ты ляпнул, а мне теперь расхлёбывать. Но знаешь, – он затягивается и, выпуская дым кольцами, продолжает:

– А в этом что-то есть, мы-то ограничены были, по Договору с Корпой не можем покидать эту станцию и систему. Выход в соседнюю и то, с месяц согласовывали. А с тобой, – второе кольцо дымно расплывается около переборки, – с тобой мы контракт субподряда заключим. Это нашим Договором не запрещено.

Завистливо провожаю взглядом очередное кольцо. Увы, я так и не освоил эту технику.

– Хорошо, – отвечаю, после того как третье кольцо растворилось в воздухе станции, – заключим этот твой субконтракт. Что по деньгам? Я же вольный. Время – деньги, и всё такое.

– Сколько? – спрашивает Сергей.

– А сколько дашь? – хоть и знаю, что вопросом на вопрос не вежливо отвечать, но когда обсуждается мой заработок и платящая сторона во мне заинтересована, чего б и не похамить?

– Я? – Сергей равнодушно выпускает очередное колечко, – я – нисколько. Контора платит. Мне уже надоело тут сидеть. Что мы победим проект, что провалим – всё одно отсюда уходим. Месяцем раньше, неделей позже – равнозначно. Так что, сколько? Сколько ты хочешь за работу?

Прикидываю. За один рейс я зарабатываю около ста пятидесяти – ста восьмидесяти тысяч. А по времени, ну, где-то пара-тройка кругов за час. Итого, где-то три-четыре сотни делаю. Эх… а чего б не попробовать-то?

– Шесть сотен в час, – уверенно рапортую ему и разрушаю очередное дымное кольцо своей струёй.

– На Гадюке-то? Шесть сотен? С нашей станции? – он презрительно смотрит на меня. – Не гони.

– Ну, как хочешь, – деланно нейтральным тоном отвечаю, – лады, не сторговались. Пойду я. Время – деньги, сам понимаешь.

– Погоди, – он явно настроен на торг.

– Ты деду приглянулся, так что давай договариваться. Три сотни в час. Идёт?

– Пффф… Пошутил, да? Пять с половиной.

– Пять. И десять систем с разными светилами, отсканишь. По рукам?

– И премию в размере… в размере… – мммм, что б такого запросить, что б не слишком нагло было, – в размере 20 % от общей суммы контракта, по завершению и сдаче данных.

– 5 %, и так жирно.

– 15 %, и я ваш с потрохами и всеми модулями своего корабля.

– 10 %, и это моя финальная аферта… или офер тебе.

Надо соглашаться, и я поднимаю руки в широко известном жесте сдачи в плен.

– Хорошо, – он согласно кивает, – но при условии успешного завершения эксперимента. Теперь всё?

– Переоборудование корабля до и после, заправка, ТО, ГСМ, запас продуктов и гигиенических средств до полного – на борт за ваш счёт, – вроде ничего не забыл.

Он морщится.

– Баки зальём, жидкости какие нужно, пополним. По жратве, хорошо, но без изысков. А пипифакс себе сам купишь. Не хочу чтобы надо мной потом смеялись, типа, смотрите, это тот, что новый сканер пипифаксом обматывал.

– По рукам, – подтверждаю я, и мы жмём друг другу руки.

Контракт подписали быстро, просто взяли типовой бланк Договора найма и забили в него наши реквизиты и условия. Увы, но туалетную бумагу и ароматизаторы воздуха что в кабину, что в сортир, пропихнуть не удалось. Сергей бдил эту тему. А вот жратву удалось хорошую выбить, не из ресторана верхнего уровня, но и не армейский сухпай. Забил весь холодильник судками с почти что деликатесами. Бдительный мой надзиратель, правда, возмущаться начал, мол, зачем мне столько еды, но я его урезонил непредсказуемостью предстоящих исследований. Если по честному, то он был прав: еды я на неделю набрал, а сканить планировал дня три, ну, четыре. Но тяга к халяве она, увы, непреодолима…

Переоборудование корабля также не заняло много времени. Сняли самый мелкий грузовой модуль, там как раз раньше стандартный сканер стоял, и на его место воткнули активную двойную головку скан-поиска. Ну, ещё в трюме разместили несколько ящиков, как мне пояснил всё тот же Сергей, усиливающая, записывающая и анализирующая хренотень. Я не вникал. Маршрут прикидывал. Десять систем отсканить, да ещё из числа мало популярных и мало посещаемых, чтобы, значит, наведения и помех от других кораблей не было… И лететь мне, по моим прикидкам, следовало подальше от обжитого космоса, но не слишком далеко, а так угадать, чтобы и система уже была откартографирована и, чтобы никого, кроме меня в ней. Задачка…

Выбрался со станции и пошёл курсом на окраину. Благо недалеко было. Прыжков семь-восемь. У каждой звезды дозаправлялся, благо топливосборник тоже был халявный. Мы

его отдельной строкой в разделе доп. оборудования прописали. Иначе, какие нафиг дальние системы, топлива не хватит.

Выбрался на Окраину – и к первой звезде из намеченного списка.

Обычная красная, с желтизной звезда средних размеров. Запускаю сканер. Новый.

Звук, с каким работает сканер, все знают – эдакое густое, басовитое гудение, завершающееся звуком типа как колокол, только глухой, как в вату. Вот и на этот раз:

– ВВВЖЖжжжж… Первичное сканирование завершено, – обрадовал меня комп.

Продолжаю жать кнопку скана, колокола-то не было.

– Жжжжжжж… Сканирование прервано. Нехватка энергии.

Первый раз такое сообщение услышал. Смотрю на индикатор распределителя энергии от реактора. Ох ты ж! Столбец, показывающий питание систем, до этого всегда бывший полным, сейчас разрядился в ноль. Ну, как у оружейного после частой стрельбы, или как у движков, если форсаж гнать постоянно. Вот ей Богу, в первый раз такое увидел!

Перекидываю всю энергию на системы и принудительно выключаю оружейные модули. Снова жму скан.

– ВВВЖЖжжжж… Первичное сканирование завершено.

Продолжаю жать, в накопителе ещё почти половина есть.

– ЖЖЖжжжжжж… Бамммм-сссссс! – Расширенное сканирование завершено. Данные сохранены на внешний носитель.

Есть первая!

– Компьютер! – обращаюсь к мозгам своего корабля, – проведи анализ и сравнение результатов сканирования и данных карты Галактики. Сообщи процент совпадений.

– Принято… – комп задумывается, но ненадолго, – данные сканирования совпадают с данными картографирования на 82 процента.

Упс… всё те же восемнадцать процентов ошибки. Так можно и без премии остаться. Задумываюсь, как выкрутиться и машинально зажимаю кнопку скана.

– ВВВЖЖжжжж… Первичное сканирование завершено.

Хорошо, сделаю ка я повторный прогон, хуже-то не будет.

– ЖЖЖжжжжжж… Бамммм-сссссс! – Расширенное сканирование завершено. Данные сохранены на внешний носитель.

– Ну, а сейчас какой процент? – спрашиваю.

– Данные сканирования совпадают с картой на девяносто процентов.

– На сколько?!

– 90%

Как это? Ничего же не поменялось. Как медленно отползал от звезды, так и ползу. Ещё раз.

Сканирую, но, увы, и третий прогон дал результат в те же 90 %. Интересно, а улучшение показателей на восемь процентов – это на премию тянет? Буду торговаться!

Прыгаю к следующей системе. Сканирую. Два раза подряд. И увы, получаю стандартные 82 и 90 процентов.

Потолок этой модели сканера? Ну, часть премии я точно заработал!

Следующая система. Впрыгиваю в неё, и с трудом не сваливаюсь в гравитационный колодец звезды. Точнее, пары звёзд. Практически белого сверхгиганта и его спутника – небольшого красного светила.

Рву ручку на себя и свечкой взмываю над местной плоскостью эклиптики. Уффф… Это было близко. Выбираюсь из кресла и иду к холодильнику, за пивом – стресс снять. Когда ты чуть не поджарился, холодное пиво самое то.

Когда вернулся с пивом, мой кораблик уже прилично отгрёб от этой звёздной парочки. Разворачиваю корабль носом вниз, все планеты системы как на ладони, аккурат в лобовухе поместились. Нет, конечно, я их не вижу, но компьютер отрисовал-спроектировал их орбиты на лобовое стекло кабины, так что, я их как бы вижу, точнее – знаю, что они там есть.

Жму сканер.

– ВВВЖЖжжжж… Первичное сканирование завершено.

– ЖЖЖжжжжжж… Бамммм-сссссс! – Расширенное сканирование завершено. Данные сохранены на внешний носитель.

– Ну, что там у нас? Какой процент совпадений?

– Данные сравнены. Процент совпадений – 94.

О как! Запускаю повторное сканирование, увы, всё те же 94 %.

Но результат явно лучше прежнего! Прыгаю в следующую и сразу, не заправляясь, благо ещё больше чем пол бака есть, ухожу вниз от плоскости. Почему вниз? А просто так.

Сканирую, как только система вся оказывается передо мной.

– 94 %.

Приближаюсь к звезде, так, что крайние планеты уходят из поля моего обзора. Сканирую.

– 91 %.

Хуже!

Сканирую от звезды – 82 %. Стандарт. Ради эксперимента поднимаюсь над плоскостью, сканирую.

– 98 %. Провести анализ цикла сканирований? – запрашивает меня комп.

– Чего? В смысле да, проведи анализ этого цикла.

Задумывается и спустя совсем немного времени выдаёт – сто процентов совпадений.

Охреневаю. Сто. Процентов. То, что я тут насканил полностью совпало с картографическими данными.

Ну, профессор, теперь я с тебя не только премию, но и бонус стребую!

При экспериментах в следующих двух системах выяснилось, что сканер, кроме того, что он как бы обшаривал всё вокруг, имел наибольшую что ли чувствительность прямо по курсу. Эдаким расширяющимся конусом. И для получения наилучшего результата требовалось провести сканирование из трёх точек – из центра, снизу и сверху от плоскости системы. Понятно, что тут нет ни верха, ни низа, но так понятнее. Мне, по крайней мере.

Так что хоть я и провозился со следующими сканами дольше, но результат 100 % обнадёживал.

Проверил теорию ещё на нескольких системах. Работает! А мне вдруг скучно стало. Всё, кончилась загадка, пошла рутина. Даже спать захотелось, хотя, возможно это от пива.

В предпоследней системе, после того как процент совпадений составил очередную сотку, решил малость поразвлечься. Интересно стало – а что будет, если я этим конусом там планету отдельную или кольцо астероидное того – просвечу? Выбрал из списка планет ближайшую с поясом-кольцом, и к ней.

Сближаюсь с планетой со стороны её полюса. Какого, южного или северного, мне не важно. Мне важно так встать, чтобы планета и кольца чуть-чуть не доходили до края примерно очерченной области.

Запускаю сканер.

– Начато сканирование указанной области пространства, – рапортует мне комп.

Указанной? Это ещё что? Я ничего не указывал!

– ВВВЖЖжжжж… Первичное сканирование области завершено. ЖЖжжжж…Бамммм-сссссс! Расширенное сканирование области завершено. Данные сохранены на внешний носитель.

– Компьютор, – обращаюсь к нему, – что сканирование показало.

– Обнаружены объекты. Классифицировать?

– Валяй!

– Обнаружено наличие металлов, – и высвечивает на лобовом стекле табличку:

Никель – 18%

Железо – 24%

Уран – 5%

Платина – 3%

Бериллий – 1%

Серебро – 12%

Золото – 1%

Сказать, что я офигел – это ничего не сказать. Это ж какие деньжищи-то в руки прут! Сами! Сейчас быстро заканчиваю сканирование, то – контрактное. Отсканю себе пару-тройку поясов и – копать-копать-копать! Даже пивом подавился. Пришлось сделать паузу, пока отпивался, торпеду чистил.

– Компьютер, – наверное, даже заискивающим тоном говорю, – выведи на экран места скопления перечисленных металлов.

Комп задумывается и, спустя миг, кольцо подо мной дополняется кружочками с указанием мест наибольшей концентрации металлов.

Жадно пробегаю взглядом – слишком много информации.

– Убери железо, – задумываюсь, – и никель, и серебро.

Эти металлы на биржах копейки стоят. Уж если играть, то по крупному! С изображения кольца исчезают все – абсолютно все маркеры.

– Эй! Погоди! А где золото, платина, бериллий?

– Концентрация данных металлов в среде кольца низка. Невозможно определить значимые места скопления.

Мляяяя…! А счастье и богатство было так близко… Ну, да ничего. Не свезло с этим поясом – свезёт с другим. Прыгаю к последней системе. Сканирую – 100 %.

– Внешний накопитель заполнен, – информирует меня комп, – программа эксперимента завершена. Модуль сканирования переводится в походное положение.

По спине начинают ползать мурашки. Что? Вот так вот и всё? Откачал, отсканил десяток и всё?

А как же я? А моё богатство? Ну, доктор, ну сука… со своим Сергеем.

Просматриваю последний результат сканирования, увы, поясов тут нет. Непруха… и когда? почти на грани счастья и всего такого хорошего. Хотя, успокаиваю себя, контракт-то я выполнил? Выполнил. Пять миллиончиков получу? Получу. Премию за успешное выполнение дадут? А куда они денутся, а это ещё полмиллиона. Итого, гарантированный приварок в пять с половиной. Всё ж деньги. Если ещё и бонус вытребовать за методику скана, вполне до шести дотяну.

Но какой шанс пропал. Один раз такой бывает – и «в походное положение«…гады.

Уныло прокладываю курс на научную станцию. Прыг. Заправка. Прыг. Заправка. На душе, ну, вы сами понимаете, не птички поют. А гадят. И не птички – коровы, со слона размером. Во время одной из заправок чисто машинально прижимаю мизинцем кнопку сканирования.

– Модуль сканирования переводится в рабочее положение. Готовность к работе через 3… 2… 1… Модуль готов к работе.

Шта?

Для проверки сканирую – работает!

– Внешний накопитель заполнен. Куда сохранить результаты?

Да никуда. Мне эта система не нужна. Ну, и тормоз же я! Мог бы и сразу проверить, ан нет – повёлся на рутинное системное сообщение.

Резко меняю курс и возвращаюсь в прежние, никому не нужные системы. Ну, сейчас покопаемся…

Система с гигантской мёртвой, фиолетовой звездой. Сканирую – планет не обнаружено.

Прыжок.

Красный карлик. Планеты есть – камней нет. Дальше, дальше, быстрее.

Пытаюсь себя остановить, куда спешить-то? Я только три дня, как от учёных улетел. Еды, той вкусной – завал. Пива – много. Да, и в конце концов, сух пай есть, почти месячный запас. Но, увы, жажда наживы подгоняет.

А вдруг кто-то ещё тут ищет?

Но ведь это единственный пока такой сканер, пытаюсь урезонить себя я.

А если нет? Может профф их несколько сделал, а? – возражает моя жадная и алчная сторона.

Да ну, вряд ли.

Всё одно, нужно больше золота, больше платины, бериллия. Сейчас разведаем потом быстро, как накопаем, да как продадим!

Сдаюсь под напором тёмной составляющей. Прыжок.

Обычная красная звезда.

Быстро сканирую в направлении от неё. Мне сейчас точность не важна. Есть планета с кольцом. Двигаю туда. Я над полюсом. Сканирую…

Железо, никель, немного меди, крохи вольфрама и платины. Порожняк, короче.

Прыгаю в следующую.

Скан.

Два кольца. У двух планет. Проверяю первую. Пустые камни и немного железа. Ухожу ко второй – та же история. Прыжок.

После проверки, наверное, пятой системы моя жадность даёт слабину и признаёт, что найти что-то путное сложно. Сам с собой договариваюсь, ещё одну – и назад. Хватит уже. Напрыгался.

Да и пиво заканчивается, как-то я не экономил.

Но тут у меня опять началось раздвоение сознания. И это всего-то после трёх-четырёх дней в одиночестве. И как эти картографы попол года в одиночку выдерживают? Или они психи все поголовно?

– А давай ещё парочку систем проверим? – не ослабляет напор моя жаба. – А вдруг свезёт и…

– И что? – отвечаю, – что золотой астероид найдём?

– Ага!

– Нет. Пиво кончается. Всего две упаковки осталось!

– Ну, мы чуть-чуть совсем. Пару маааленьких системок проверим. И сразу назад. Мы же быстро…

– Да надоело уже! Контракт надо сдать, деньги получить. А, если спросят, по какой надобности сканер гонял?

– А если не спросят? Банк эксперимента заполнен, а где мы катались, так кого это волнует. Мы же вольные птицы! Да и быстро сделаем. Чик-чик и готово.

– Нет.

– Да не дрейфь. Ни кто не заметит.

– Хорошо ещё одну.

– Три! Три – хорошее число.

– Две.

– Три. Да и прыгай уже давай. Чем шизофренией мучиться, давно б уже все четыре проверил.

Прыгаю. Лимонно-жёлтая звезда. Сканирую. Есть пояс! Мчусь туда. Увы, но снова облом. Никель, вездесущее железо с небольшими процентами серебра.

Прыжок. Старая фиолетовая звезда. Опять. У неё ни заправиться, ни поживиться. Одна планета-то есть, но без колец. Простой мёртвый кусок камня.

Моя жаба начинает включать задний и более не препятствует моему возвращению домой, к гарантированным бабкам и к спокойной торговой прибыли. Всё же делаю ещё один прыжок.

Просто желтый карлик, как у меня дома. Сканирую. У второй планеты есть кольцо. Неспешно, позёвывая, двигаюсь к ней.

Сканирую.

– Ну, что там? – спрашиваю у компа, попутно просматривая галактический атлас системы. Хм… а эта звезда, точнее вот эта, подо мной, планета, помечена как плановая к терраформингу. Империей. Через семнадцать лет. Нда… и кто в такую даль попрётся?

Меж тем комп выдаёт очередную табличку с составом камушков.

Читаю – никель, медь, железо, железо-сталь, палладий, висмут – всё крохи. Пусто. Пора домой двигать. Тянусь к атласу. Сталь?! Какая нахрен сталь? Это же не природный ресурс – искусственный.

Поворачиваю кресло к экрану, до этого я полулежал, развернув кресло налево и удобно устроив ноги на выступе обшивки левого обзорного экрана.

– Компьютер! Какая сталь?

– Стандартная корабельная сталь, процент углерода… – комп начинает перечислять добавки.

– Отставить! Выведи на экран место… ммм… данного месторождения.

С лёгким щелчком на поясе, окаймляющем планету, зажигается маркер.

Не лучшее место – практически в центре каменного пирога и близко к планете. Опасно? Да, но и интересно, что же там может быть?

Воображение рисует… рисует, да ничего оно не рисует. Чай не ребёнок уже, в пиратский галеон, набитый слитками бериллия, как-то не верится. Скорее всего, какой-то древний шахтёр или разведчик. Обломки его, чтобы быть точнее. Или зонд терраформирования. Разведки планеты. Её же определили как пригодную. Вот и Атлас подтверждает: базово пригодна, необходима лёгкая атмосферная коррекция. Скинут с орбиты с десяток атмосферных заводов, переработают углекислоту в кислород, добавят мальца азоту и всё, можно транспарант вешать – «Колонисты, Велкам!».

Пока я так рассуждал, мой корабль начал аккуратно углубляться в каменный хоровод. Дело несложное и не опасное, если не наглеть и не зажимать газ. Это только со стороны кажется, что камни сплошной стеной стоят, на деле между ними большие просветы. Относительно большие. В данном конкретном случае моей Гадюке – как раз, а вот кораблику покрупнее сложновато будет протискиваться.

Пока медленно ползу к цели, огибая здоровенные булыги, запрашиваю комп:

– Примерный объём, масса, габариты месторождения? Что есть?

– Ориентировочная масса стали – 1.800 тонн.

Ого! Это явно не зонд. Шахтёр приблудно-покойный? Не, тоже не подходит. Анаконда-то и то всего 400 тонн.

… а вдруг и вправду – галеон?

Не, гоню от себя эту мысль. Сканер только сталь засёк. Было бы в трюмах там, ну, золото или бериллий – выдал бы информацию. Но решаю уточнить, всё одно ещё почти сорок км пилить, и это по прямой, а я такие вензеля выписываю.

– Комп, – спрашиваю, – кроме стали, какие ещё металлы в больших количествах присутствуют?

Задумывается, но отвечает быстро.

– Примеси прочих металлов незначительны.

Облом. Если это и галеон древний, то только с пустым трюмом. Хотя, а, если там алмазы? Они же не металл и не определяются сканером.

Комп меж тем продолжает и своим продолжением разбивает мои надежды в прах:

– Имеются незначительные примеси алюминия, органики – древесина, органики – ткань, медь, кварц, кремний, бериллий…

Он готов продолжать долго, но я прерываю его.

– Всё, ясно, хватит, – комп умолкает.

Ещё двадцать км. Ползу.

И всё же, что там? И пива не попить: попробуй отойди от джойстика, моментом в камень влетишь, к середине-то пояса плотность повысилась конкретно. Пару раз пришлось задний врубать и искать проход, уж очень близко камни висели друг к другу. Может и протиснулся бы, но зачем рисковать?

Десять км.

Плотность камней увеличивается, они уже просто стеной стоят, и мне приходится усиленно маневрировать, дабы отыскать лазейку в этой мешанине.

Бортовой сканер, увы, оказывается бессильным показать мне что-то внятное. На том месте, куда обычно проецируется картинка корабля-цели, или станции или камня, который вы собираетесь распилить своим шахтёрским лазером, просто мешанина. Мелькают какие-то всполохи, змейки-молнии и прочие мечты художника-авангардиста. Непонятная, бессмысленная и бестолковая.

Пять км.

Был бы тут чистый космос, уже бы увидел свою цель. Но тут только камни и камни.

Два км.

С трудом нахожу в скоплении узкую щель и медленно протискиваю свою Гадюку внутрь. Как ни старался, зацепил-таки за выступ, внезапно выскочивший на меня после уклонения от его брата сверху.

Корпус протестующее заскрипел, весьма, надо сказать, пугающе. Поле слетело на две позиции, но я протиснулся.

К моему облегчению это оказалось последним испытанием, камни резко расступились и облёт последнего, закрывающего мне мою цель, прошёл совсем штатно.

Пять сотен метров.

Огибаю последний камень…

Глава 9
Быстро и немножечко нервно, а по факту – продолжение предыдущей, в которой главный герой…

Я, космический бродяга со стажем, пишу эти строки, разместив планшет на кровавом нечто, ещё совсем недавно бывшим моим боевым товарищем. Поверьте, здесь, в глубинах Галактики не всё так однозначно… Гы-гы-гы. А ничё так начало. А вы и повелись.

Да уж… воистину, прошедшие две недели действительно были неоднозначным. Даже не знаю с чего и начать-то… поэтому и начинаю с конца. Ну, с конца и продолжим.

Ну, если с самого-самого конца, то спать я пошёл с мыслью продать корабль и осесть на какой-нибудь тихой планетке, купить ферму что ли и любоваться яблонями в цвету. Космос он не для меня. Была ещё мысль переодеться в рубище, рубище к слову было, у механиков много разной ветоши. Так вот, переодеться, посыпать голову пеплом и, взяв в руки вместо посоха кусок топливопровода, пойти… пойти… ну, куда-то пойти. Остановили меня 2 фактора: отсутствие пепла на посадочной площадке и наливочка во фляге у старшего механика.

Вот так, в тоске и печали, предаваясь мысленному самобичеванию, я и сидел на выдвинутой посадочной опоре своей Семёрки, с тоской оглядывая места на корпусе, где ещё несколько часов назад зияли дыры от вражеских попаданий. Молодцы механики: всё залатали, зашпаклевали и даже покрасили. Дорого конечно, а что делать? Откуда у меня Семёра спросите?

А вот ведь как вышло…

Возвращение моё на научную платформу выдалось триумфальным. Не побоюсь этой фразы.

Как только в зоне действия систем связи моей Гадюки оказался ближайший ретранслятор, я тут же отбил сообщение доктору-профессору. Так, мол, и так, работы по Договору субконтракту номер такой-то выполнены с результативностью 100 %. Возвращаюсь.

Спустя час со мной связался Сергей и, прежде чем начать разговор, долго меня рассматривал. Именно что долго. Вы представляете, в какие деньги ему или его конторе обошлось установление видеоканала на такое расстояние? Это не по Скайпу с соседом потрындеть. Не удовлетворившись визуальным осмотром, Сергей поинтересовался, сколько и какого градуса я уже принял и почему я хочу смерти профессора. Как я не пытался ему объяснить и доказать, что я трезв, ну, практическ – и, последние три банки допивал – мне это не удалось, и очень скоро меня взяли в клещи две Анаконды. Ассистент особо предупредил, чтобы я не дёргался и следовал с эскортом прямо к станции.

– А-то я тебя знаю, – сказал он мне на прощанье, – завалишься в кабак какой или бордель, типа стресс снять, а нам тут мучаться, ждать.

Знает он меня. Откуда? Всего-то пару раз перекуривали.

Анаконды весьма корректно информировали меня о цели следующего прыжка и заботливо делились со мной топливом. Были на них такие дроны, бочонок-бочонком, подлетит, присосётся к баку и заливает до полной топливом. На мой вопрос, где они таких достали, пилот одной из Анаконд нехотя ответил, мол, это тоже экспериментальная модель, вот прямо сейчас и обкатываем. А как закончим – так скоро уже и производство их начнётся. Дронов этих.

Пока летели я аж обзавидовался на их корабли. Сила! Мощь! Сразу видно, от таких крутых парней держаться нужно подальше. Спросил о цене, но лучше б и не спрашивал, ибо сумма в почти шесть сотен миллионов выбила меня из реальности на приличный срок, благо летели в сверхскорости и управлять кораблём особо и не требовалось.

Прибыли на станцию и, едва платформа опустилась в ангар, как ко мне ломанулся доктор. Ну, это я подумал, что ко мне, а он пронёсся мимо меня и прямо запрыгнул в открывающийся

зев грузового отсека. Непосредственно за ним, но с соблюдением субординационной дистанции прорысила кучка ассистентов. Я только отскочить успел в сторону, иначе б затоптали.

– Эй, профессор, – кричу, подойдя к трюму, – а это… ну, здравствуйте!

В ответ мне слышится искажённое бормотание нескольких голосов. И ответного пожелания или там привета я там как-то не разобрал. Учёные, чё. Получили свою игрушку, а про того, кто им её починил, забыли. Ну, да я не обидчивый. Лишь бы заплатили, да и премию с бонусом начислили б.

Не я продажный – жизнь такая.

Поскрипывая затёкшей от долгого сидениях в кресле спиной, присаживаюсь на ступню опоры моей Гадючки. Лапы-то у неё не маленькие, с усилениями. Мало ли где посадку совершить нужно будет?

Только достал пачку как меня окликает знакомый голос:

– Подвинься, да?

Поднимаю голову – Сергей. Чуть сдвигаюсь, места на лапе ещё на пару нас хватит и спрашиваю:

– А что ты не там? – показываю незажженной сигаретой на трюм.

Он достаёт свою пачку и, давая мне прикурить, поясняет:

– Да я там лишний. Пусть молодые работают.

Какое-то время молчим, просто наслаждаясь процессом и зрелищем носящихся туда-сюда юных дарований. А они носятся, только белые халаты развеваются. Как у рыцарей или у супергероев в кино. Из моего трюма – топ-топ-топ и тут же назад, но уже с каким-то прибором в лапках.

Ещё помолчали, любуясь картиной такой активности, а потом Сергей мне и говорит:

– Оплату я тебе перевёл. Всё как договаривались. Проверяй.

Проверяю. Да, всё верно – пять с половиной миллиончиков уютно устроились на моём счёте.

– Всё верно, но… – начинаю тянуть я.

– Что?

– Добавить бы надо. За сто процентный результат и активность вашего профессора.

– Доктора, – машинально поправляет меня Сергей. – Жирно будет. И этого хватит.

– Не, – продолжаю гнуть свою линию. – Ты на человека посмотри, – мотаю головой куда-то в трюм, – помолодел прямо. Твой босс счастлив?

Он кивает.

– Вот. И тебе спокойнее. А был бы он сейчас в дауне? На ком бы срывался? А тебе это надо?

– Верно, но фондов нет.

– Так найди. Я же много не прошу.

– Сколько?

– До шести округли, и я сваливаю отсюда.

Это реально – свалить, благо мы оба видим, как из трюма начинают карами вытаскивать оборудование.

– Много. Не могу.

– Хорошо. Я всё понимаю. Семь сотен, и две тебе. За беспокойство.

– Взятку даёшь? А если я сейчас сдам тебя?

– Кому? Доку вашему, – док как раз появился из трюма, прижимая к груди какой-то ярко жёлтый, с чёрными полосками ящик, – так ему пофиг на деньги. Сам что ли не видишь? СБ местной? Так я же вольный, какой с меня спрос? Контракт-то закрыт.

Сергей задумчиво смотрит на меня.

– Двести пятьдесят.

– Согласен, – протягиваю ему руку, – но тогда переводи семь с половиной.

Он качает головой.

– Ну, ты жук!

Развожу руками, мол, а что делать?

Через полчаса на мой счёт поступает указанная сумма, за описание методики сканирования, и я честно скидываю на указанный Сергеем счёт его долю.

– Всё теперь? – спрашивает он меня, вырвавшись от профессора.

– Да, сейчас пивка глотну в баре и полечу.

– Лети-ка ты сразу, без пива.

– А что так?

– Да пока вопросы не возникли, – он подбородком указывает на на борт моего корабля, который украшен длинной царапиной.

– А то вопросы возникнут. Откуда, и всё такое.

– Ну и что? Космос он…

– Угу, полон неожиданностей и секретов, – заканчивает он за меня фразу. – И я не думаю, что кому то стоит лезть в твои, – он выделяет интонацией последнее слово, – секреты.

Молча жму ему руку и быстро-быстро покидаю станцию. А всё же славно я и науке помог и себя не обделил. Шесть миллионов очень способствуют поднятию настроения, даже несмотря на отсутствие пива.

Пока корабль отваливает от платформы и разгоняется, прокручиваю в памяти события последних дней.

Когда я вырулил из-за последней груды камней, то первое, что я увидел, была огромная тёмная масса прямо по курсу. Просто кусок более тёмного пространства на фоне тёмных же камней и чёрного космоса в просветах между ними. Планета, находящаяся рядом, давала кое-какое освещение, но оно было столь скудным, что лучше б его и не было вовсе. Врубаю прожектора.

Пока я между камней сюда добирался он мне не нужен был, камни более менее, но были подсвечены планетой, но тут…

Резкий луч прожекторов высветил… стену. Прямо передо мной в какой то сотне метров шла стена. Вверх – точно. Я задрал голову, но за чётким кругом света увидеть что-либо было не возможно.

Аккуратно разворачиваю свой корабль и медленно-медленно, играя маневровыми двигателями на самой малой тяге, ползу вдоль борта этого гиганта. Что это именно борт корабля становится ясно сразу – лучи прожекторов выхватывают ровную плоскость металла, кое-где нарушаемую сварными швами и разными лючками, крышечками разъёмов и прочими техногенными деталями. Местами на борту сохранилась ярко белая светоотражающая краска. И ыдруг на бору появляется пронзительно яркое пятно. Часть краски плавает в пустоте рядом с бортом, и создаётся впечатление, что я движусь сквозь сильную жёсткую и яркую метель. Временами в лучи прожекторов попадают особо крупные куски, и мне приходится щуриться, так ярко они вспыхивают, обжигая глаза острой резью.

В некоторых местах на корпусе замечаю золотистые накладки и остатки золотой краски, формирующие какой-то узор или надпись на борту. Увы, но с моего места разобрать, что именно они изображают или говорят, решительно невозможно, а отдалиться и посмотреть с большего расстояния не могу – уж больно близко висят камни, да и прожектора мои слабы.

Продолжаю медленно ползти вдоль нескончаемого корпуса. По моим прикидкам уже с километр так ползу.

– Компьютер, – решаю привлечь на помощь технику, – идентифицируй объект.

Продолжавшаяся всё это время мешанина на проекции, ну, там, где должен высветиться целевой объект, вздрагивает и пропадает вовсе. Прежде чем я успеваю напугаться – а вдруг сломалось что, комп разрождается сообщением:

– Идентификация объекта невозможна. Необходимо больше данных сканирования.

– И… что? – спрашиваю в пустоту, так как не представляю, как эту громадину возможно просканировать, отлететь же не могу, ну так, чтобы сканер его захватил целиком. К моему счастью комп классифицирует мой вопрос как уточняющий и снисходит до ответа:

– Рекомендация. Произвести облёт объекта по периметру.

Хорошо. Это я могу. Чуть-чуть прибавляю газ и продолжаю ползти вдоль борта.

– Рекомендация. Удерживать объект на траверзе с дистанцией не менее 50 и не более 200 метров.

А я дальше и не смогу. Отработав маневровыми, ползу вдоль борта, когда он кончится-то, на расстоянии около ста – ста двадцати метров. Правда, при этом моё освещение практически всё уходит в пустоту, только пара крайних фар кое-как обозначает присутствие борта рядом. Такое монотонное движение убаюкивает, да ещё и метель эта, и я начинаю клевать носом.

– Внимание! Объект потерян! – резко вырывает меня из дрёмы окрик компа.

Чёрт. Задремал. Торможу и разворачиваюсь назад. Медленно возвращаюсь пока в лучах прожекторов снова не появляется борт. Точнее – нос корабля.

Обычно где-то тут размещают эмблему владельца, логотип компании или военную эмблему подразделения. Но не в моём случае, то самое место напрочь разбито какой-то силой. Торчат ошмётки обшивки, элементы силового набора корпуса и какие-то ещё невнятные потроха. Осторожно приближаюсь, интересно же. Приглядываюсь, ну, я не эксперт, но это не военный корабль точно.

Судя по тому, какая тонкая обшивка лохматится вокруг дыры, это явно не броня.

Ползу вдоль другого борта. Ползу и размышляю, что же это может быть? Транспорт? Нет, таких больших и так украшенных не делают и не делали, не рентабельно. Яхта олигарха? Украшена она была солидно, но размеры, размеры… Тоже вряд ли. Корабль – город развлечений? А вот это – вполне. Были такие лет тридцать назад, когда на многих планетах ввели налог на отдых и развлечения. Тогда ушлые малые быстро наклепали похожих гигантов с бутиками, кабаками, борделями и аквапарками. И начали стричь бабло с орбиты. Закон тот быстро отменили. Лет десять он продержался, а вот что с теми кораблями потом было – не помню. Мелкий я тогда был. Родители разок свозили в аквапарк с переменной гравитацией. Эх, ну и весело же там было! Вот как сейчас помню… Но с минуткой воспоминаний пришлось повременить, так как я подполз к корме корабля и по команде компа завис в отдалении, прямо перед дюзами. Да, тут было на что посмотреть: три здоровенные чаши основных двигателей – в каждой мог бы спокойно разместиться мой кораблик – были окружены их более мелкими собратьями. Мелкими на их фоне, конечно. Даже такой туше они должны были придавать весьма серьёзное ускорение. Сейчас же они были темны, мертвы и местами погнуты. Не радостное зрелище былой мощи.

От раздумий о тщетности бытия и всего сущего меня отвлёк комп:

– Предварительное сканирование завершено. С вероятностью в семьдесят процентов определён класс и тип корабля. Название, станцию-порт приписки установить невозможно. Состояние систем оценивается как критическое. Информация выведена на левый вспомогательный экран. – Комп отбарабанил всё это и заткнулся, ну, а я предсказуемо вцепился в этот самый дисплей.

Так… тип – пассажирский лайнер. Ого! Действительно такие монстры до сих пор рассекают просторы нашей Галактики, сотни две лет уже… Класс – Белуга.

Тут я присвистнул. Белуги были, поправьте меня, были и есть самыми большими кораблями человечества. И самыми роскошными. И самыми безопасными. И много ещё всяких «и», в том числе – самыми дорогими. Для пассажиров. Отдых класса АААА+. Я даже подумать боялся – сколько мог бы стоить билет на таком лайнере, хотя бы в лайт бизнес, эконом класса на этих лайнерах просто не существовало.

Безопасный и надёжный… да уж. Алмазный стандарт безопасности – вспомнилась мне фраза из рекламной брошюрки. И вот этот – высший стандарт тут, передо мной, избитый, неработающий и брошенный.

– Компьютер, определи название корабля.

Задумывается и выдает:

– Не представляется возможным.

Жаль, но может и сам смогу определить. Лезу в меню с подсистемами, теми, что удалось засечь сканеру.

Вникаю в табличку.

Жизнеобеспечение – 70 %, отключено.

Маневровые двигатели – 30 %, отключено.

Ходовые двигатели – 10 %, отключено.

Прыжковый двигатель – 24 %, отключено.

Энергораспределение – 90 %, отключено.

Основной реактор – 0 %, не функционален.

Вспомогательный реактор 1 – данных нет.

Вспомогательный реактор 2–0 %, не функционален.

Вспомогательный реактор 3 – данных нет.

Система ближней защиты – 6 %, отключено.

Люки грузового трюма – 0 %, отключено.

И в самом низу заключение: корабль не функционален, целостность корпуса 64 %.

Чешу затылок. А ведь вполне целый. По хорошему – только запитать и кое-как ползти можно. Даже прыгать сможет. Хреново, недалеко, но сможет. В Училище нам говорили, что и на одном проценте можно выкарабкаться. А тут – все 24! Только энергию подать бы. А где её тут взять? Попробовать подключить реактор своей Гадюки? Понятно, что моей мощности не хватит, чтобы оживить этого монстра, но может хоть на маневровые хватит, лишь бы выползти из камней.

– Компьютер, просканируй вспомогательный ректор номер 2. Какая паспортная выходная мощность?

– Паспортная выходная мощность 35 МВт.

Ну, не сказать что бы много. Я ожидал сотен.

– А у основного?

– Паспортная выходная мощность 640 МВт.

Ага, ну вот и сотни появились. Прикидываю: мой сейчас выдаёт тринадцать с небольшим. Это даже меньше половины. Если разориться и поставить топовый – будет двадцать с хвостиком. Мало, но! Часть маневровых поломана, и у меня есть шанс запустить остатки. Мне же не рекорды скорости ставить, выбраться из камней, разогнаться более-менее и прыгнуть. Разгоняться буду медленно, ну, так я и никуда и не спешу. Набирать энергию для прыжка тоже буду крайне неспешно, а модули распределения энергии в норме… Почти. Почти не побитые в смысле. А на таком корабле-то – перегрев мне точно не грозит. Ну, буду вылезать отсюда с месяц.

Но как прилечу! Закон о находках в пространстве свят. Кто нашёл брошенный корабль, тот и владелец. А Белуга, даже в таком убитом состоянии – ну не меньше мильярда кредов потянет.

Ухх… Вот ради такого куша стоит и помучиться.

– Компьютер, – решительно приступаю к делу, – определи место расположения люков грузового трюма.

Спустя минуту, на лобовом стекле проявляется колечко. Как и предполагалось люк на брюхе корабля. На моё счастье Белуга висит с лёгким креном, и я добираюсь до нужного места без проблем.

В полном соответствии с отчётом сканеров состояние люка, точнее всех его лепестковых створок, было печальным. По причине практически полного их отсутствия. По краям овального проёма, ведущего вглубь корабля, торчали, напоминая щербатый рот, куски лепестковых, трапециевидных створок, обломанные практически у самого основания.

Медленно подгребаю к люку и пытаюсь осветить своими прожекторами внутреннюю часть корабля. Куда там. Луч вязнет в темноте, не добивая до какой-либо преграды.

Проползаю в проём, и на меня наваливается темнота. Там – снаружи – тоже было темно, но тут она какая-то другая. Просто другая. Вот как в чулане, где живёт монстр из детских фантазий. Под одеялом одна темнота, а в чулане, там совсем другая. Злая, враждебная и опасная. Бред? Возможно, но я внезапно почувствовал себя очень неуютно.

Да чего бояться-то? Этот гроб мёртв уже не один десяток лет. Сканеры не нашли ни крохи энергии. Что тут жить-то может?

Луч наконец-то натыкается на противоположную стенку, точнее потолок, трюма. Яркое пятно света успокаивает меня, и уже гораздо более уверенно я разворачиваю корабль носом к люку, стараясь высветить лучом как можно больше деталей.

Замечаю ленты транспортёров, ведущие куда-то вглубь корабля, хорошо сохранившуюся разметку палубы куда когда-то садились прибывающие транспорты. Судя по разметке, не меньше Шестёрки.

При очередном манёвре луч высвечивает в ближней стене дверь. Прикидываю, скорее всего мне, туда и нужно. Грузы-конты транспортёром на склад тащили, а вот обслуга, персонал как раз через них и проходили сюда. Так. Значит, я вот на эту платформу сяду, активирую магнитные присоски на лапах – разведчик же, такие присоски в штатном оборудовании есть, просто ими не пользуются. Зачем, если на станции штатно закрепят?

Сяду значит, и пойду к двери. Чего мне бояться-то? Мёртвый корабль. Гроб. Значит, сажусь и иду к двери. Открываю её и… И тут на меня валом накатывают страхи.

…А там – за дверью груда мёртвых, иссохшихся тел. Мумии с оскаленными зубами, тянущие ко мне руки, они искали спасения, но не нашли.

Пытаюсь урезонить своё воображение – ну кто бы сюда ломанулся? В трюм-то? Скорее все к капсулам спасательным побежали. Значит, тут мне ничего не грозит, а вот дальше – дальше я буду идти по тёмным коридорам, освещаемым только моим фонариком и кругом скорченные мумии, и потёки крови по стенам.

Тьфу! Я баба или кто?

Сжимаю зубы и веду корабль на посадку.

– Клац, – щёлкают присоски. Всё, корабль закреплён. Выхожу и направляюсь к тому люку-двери.

Корабль я посадил так, чтобы прожектора подсвечивали мне путь.

Никогда не думал, что так тяжело выдрать себя из кресла. Но, выбрался и пошёл к двери, предварительно повесив себе на пояс гражданский лучевик. Понимаю, что смешно – по мёртвому кораблю с пистолетом, но мне так легче.

Как это ни странно, но на корабле есть тяжесть. Небольшая, но есть. Мелкий мусор, листки какие-то, обрывки проводов валялись на полу, а не витали в пространстве. Откуда тут гравитация, если питания нет? Пожал плечами под скафандром и, активировав магнитные липучки на ботинках, медленно переставляя ноги и стараясь держаться в луче света, побрёл к двери.

Рукоять-штурвальчик провернулась легко, и дверь бесшумно открылась. Понятно, что вокруг вакуум, но не было ни вибрации, ни дёрганья створки, она распахнулась как будто только что прошла плановое смазывание и проворачивание. И даже ни одной мумии на меня не вывалилось.

Приободрившись, я двинулся по коридору вглубь корабля. Согласно нашедшемуся в бортовом компе плану, типовому плану Белуг, этот коридор должен был вывести меня на седьмую служебную палубу, а с неё следовало подняться на третью служебную и далее, по анфиладе лестниц, вверх, на нулевую палубу к рубке. Иду спокойно, без неожиданностей и даже как-то рутинно.

По пути замечаю второй странный момент: лампы штатного освещения едва-едва, но тлеют. Совсем чуть-чуть, не разгоняя а наоборот, усиливая мрак своим контрастом на фоне абсолютной черноты. Значит, второй вспомогательный всё же что-то выдаёт, какие-то доли процента мощности. А следовательно, корабль самую малость, но жив.

И с осознанием этого факта ко мне начинают возвращаться мои страхи.

Корабль жив?

Значит и… они могут быть тут. Затаились по углам и ждут.

В очередной раз сжимаю зубы и заставляю себя идти дальше.

Третья служебная. Ровный, широкий коридор без отделки. Монотонность стен нарушается только различными дверями. Присматриваюсь к табличкам. Кубрик л/с тр. отд. № 42, кубрик р-группы № 7, WC, Каюта Собр л/с. – это значит, тут персонал обитал. Рискнуть открыть дверь не решился. Как-то спокойнее – с закрытыми. Идти пришлось прилично, пока добрался до стандартной лестницы ведущий как наверх, к верхним палубам, так и вниз – в трюмные отсеки.

Отключил липучки и, перебирая руками по перильной трубе, быстро пополз-полетел вверх. По мере подъёма сквозь палубы отделка лестницы менялась. Если сначала это был стандартный сварной трап, то по мере приближения к палубам с чистой публикой, он становился всё богаче и богаче. На последних пролётах ступеньки были покрыты натуральным, хоть и рассохшимся деревом, и ковровой дорожкой.

Нулевой уровень ошеломил меня своей крутизной. Широченный, наверное, поместился бы мой старый Сайд, проспект был разделён на две части какой-то канавой, поперёк которой изгибались ажурные мостики. Посветив фонариком в канаву, я заметил на её дне кучки песка и гальку. Они тут что, речку что ли имели? Вдоль одной из стен, прерываемой только куда-то ведущими проёмами, стояли широкие ложи-диванчики. Хоть садись, хоть ложись. Не рискнул. А когда я начал шарить лучом по потолку, свет внезапно раздробился и заиграл на множестве хрусталиков. Я даже подпрыгнул, чтобы рассмотреть это сверкание. Там, под потолком, на множестве нитей висели какие-то блестящие стекляшки. Вдоль всего потолка. Во всю его ширь. Даже, если это и не был хрусталь, пусть и искусственный, стоило это весьма внушительно. Счётчик ожидаемой выгоды от продажи такого корабля сделал резкий скачок и задрожал где-то около отметки в два миллиарда.

С таким допингом мне уже чёрт, если даже он как-то сумел бы тут выжить, был не столь страшен.

К рубке я добрался без проблем. Практически. Решил сделать небольшой перерыв и присел на один из этих диванчиков. Лучше бы и не садился – провалился. Уж не знаю, по какой причине, но не выдержал он меня. Сгнил, проржавел, в вакууме, угу, но факт на лицо. Стоило мне сесть и опереться рукой о подушку, как рука моментом провалилась по локоть. А за ней и я медленно и неспешно, тяжести-то почти нет, начал тонуть в этом диване. Подняв кучу пыли, хлама, кусков обшивки я всё же выбрался, но вот настроение это несколько того, подопустило.

Потом, проходя мимо участка очень гладкой стены, в других местах стены имели на себе какую-то лепнину, картины или экраны, я удивился и решил её получше рассмотреть. Подошёл, потрогал, сквозь перчатку-то не поймёшь из чего она. Решил осветить и, едва поднял луч на уровень лица, так тут же отпрыгнул назад, судорожно выдирая пистолет из кобуры. Сквозь стену, внезапно ставшую прозрачной, на меня пялилось какое-то чудовище. В провалах глазниц что-то сверкнуло красным, и через миг прыжок вынес меня на другую сторону бульвара. Ещё в полёте, благо летел медленно, я изготовился к стрельбе. Но монстры не попёрли на меня толпой. Приземлился, занял классическую позу для стрельбы с колена, в моём исполнении больше похожую на позу низкого старта, и замер.

Ни-че-го. Держа стену на прицеле, встал и бочком-бочком, как краб, отполз в сторону. Что б в случае чего иметь возможность бить во фланг и драпать. Ничего.

Странно. Обойдя по большой дуге гладкий участок, перешёл на ту сторону и приблизился к нему, вжимаясь в стену. Снова ничего. Вытягиваю руку и аккуратно стучу стволом по стене. Странно, но она как бы вибрирует. Повторяю операцию на стене рядом – камень. Монолит. Там – непонятно что. Подкрадываюсь к краю гладкого участка и освещаю фонариком стену. Луч не расплывается как по картинам и барельефам до этого, а высвечивает очередного монстра внутри.

Замираю и, вроде, даже перестаю дышать. Монстр тоже не шевелится.

Перевожу дух и повожу лучом. В том помещении полно существ. Часть стоит, некоторые лежат.

И не шевелятся. Дохлые?

Присматриваюсь, вроде, человекообразные, но какие-то странные. Изломанные. Непонятные позы, какая-то паутина на них.

Паутина?! Чёрт, я же боюсь пауков!

Шарю лучом по окрестностям, но больше нигде ничего подобного нет. Но это ещё ничего не значит, могли спрятаться.

Отхожу от стены, пячусь до ограды речки. Может они там в стазисе? А как реактор окончательно скиснет? Тогда что?

Продолжаю обводить лучом стену по всей плоскости и замечаю буквы поверху.

Читаю: «Кисея и изделия. Млечный путь Inc».

Млять! Это что – магазин, бутик в смысле? С манекенами? Охх… хорошо, что тут нет никого. С манекенами воевал. Уффф…

Дальше я шёл, окончательно расслабившись и продолжая прикидывать барыши.

Рубка.

Она встретила меня уже более-менее привычной темнотой и полуоткрытой дверью. Захожу. Огромное помещение, луч выхватывает из темноты различные мёртвые пульты и пустые кресла. В отличие от коридоров тут не теплится ни один огонёк. Всё прочно мёртво. Конечно, это же лайнер, всё лучшее – дорогим, в обоих смыслах, гостям.

Обхожу рубку по периметру. Смотровые иллюминаторы задраены аварийно опущенными щитами. Что, в принципе, верно. Комп и на металл спроецирует необходимую картинку, достаточную для пилотирования. По центру этого зала, иначе назвать язык не поворачивается, возвышается подиум с капитанским креслом. Подхожу, светя фонариком себе под ноги, тут должны быть ступеньки, в темноте и гробануться можно.

Свечу. Ага, вот они. Поднимаюсь по ним, ещё одна, ещё, чьи-то ноги в шнурованных, высоких ботинках.

Ноги?!

Вздёргиваю луч выше – в капитанском кресле сидит и улыбается мужик. В рабочем комбезе. В луче ярко, слепяще вспыхивает золотая шестерёнка на его груди. Зайчик от неё заставляет меня дёрнуться и задеть рукоять кресла. Фигура вздрагивает как ото сна и начинает приподниматься ко мне. С его головы слетает форменная фуражка, и голый череп просто взрывается сиянием.

В себя я пришёл только в кабине Гадюки, до боли в руках сжимая и джой, и РУД. Как я выбрался с корабля, где потерял пистолет и каким образом вывел свой кораблик из ангара – даже и не спрашивайте, не помню. Вот только что он сиял башкой и хоп – я уже в кабине. Натуральный телепорт, хотя учёные говорят о его невозможности. Их бы сюда…

Восстановив душевное равновесие при помощи, ну да вы и так поняли чего, я решил оставить на потом дальнейшее исследование этого корабля, резонно рассудив, что, если тут до меня столько лет никто не появлялся, то ещё пару новых посетителей точно ждать не стоит. Ну, а терраформирование – до него ещё долго. Успею. Вот только кораблик помощнее нужен, да и броню боевую прикупить, с оружием поприличнее. Мало ли что. Да и тот, лысый. Чего он встал то?

Ну, а как я вернулся к учёным – я уже выше рассказал.

Так что вернулся я на свою основную станцию и стал новый маршрут торговли прикидывать. Увы, но ничего сколь-нибудь прибыльного не вырисовывалось, и я в расстроенных чувствах двинул в бар. Пивка или чего покрепче принять, людей послушать – мало ли, что полезного узнаю.

Столик нашёл быстро, как я и люблю, в уголке, где можно спокойно сидеть, слушать и строить планы. Только уселся, как ко мне подошёл сам бармен, Жос-Жозеф который. И с пивом сразу, с моим любимым – темным горьким.

– Спасибо, – говорю, – как раз о таком мечтал. Мне бы и поесть чего. Так, по-быстрому.

Он кивает и, не спрашивая меня о предпочтениях, удаляется. Я только кружку до половины опустошил, как он, опять самолично, мне поднос подтаскивает. И с салатиком, и с тарелкой риса со здоровенным куском мяса, и снова по моему вкусу, на косточке и с жирком.

Перекусил я славно, ещё пивком полирнул и к стойке – расплатиться.

– Сколько с меня? – спрашиваю.

– Ну как пиво, понравилось? – Жос не торопится к кассе.

– Супер! – показываю большой палец, – свежее, отлично пошло. Спасибо! Так сколько?

– А нисколько.

– Как это?

– Так ты отдохни пока, а вечерком, после закрытия, ну время на табличке у двери найдёшь, подходи. Посидим, пива попьём, за жизнь поговорим.

Уставился я на него, как тот баран.

– Ну что, придёшь? – уточняет-спрашивает, – али свалишь с курса?

Понимаю, что ведусь на слабо, но отвечаю:

– Буду к закрытию. Ты это, орешков что ли прибереги. Не всухомятку же пить.

До закрытия бара времени было много. На Станции был типа полдень, и я решил заняться рутиной, скопившейся за время моего отсутствия. Эту Станцию я пометил как временное место пребывания, и сюда стекались письма и счета. Удобно устроившись на койке в своей крохотной каютке начал разбор.

Спам, спам и ещё раз спам – обычный рекламный мусор про знакомства, выигрыш в какой-то лотерее, увеличение мышц и прочий бред. Не открывая – в корзину.

Счета. За ежедневное ТО на станции, сборы и прочее. Помечаю положительно: ставлю «лайк» и скидываю в папку к оплате, комп сам переводы сделает.

Письмо от сокурсника. Потом гляну, помечаю как важное. Письмо от родителей. Читаю, но там обычное родительское беспокойство и пожелания бросить это всё и вернуться домой. Вернуться? К родным берёзкам и коровкам? Мать пишет, что девчушку присмотрела – пару мне. Хм… если она пара мне, то «галактико в опасносте», если мы сойдёмся. Ну, если и не Галактика, то, с учётом моих последних приключений, я – точно. Тут и на одного слишком много, а будем вдвоём? Неее…

Помечаю письмо как важное. Ещё какой-то спам, типа свадебные подарки и наряды. Блин, они что, уже и личные письма мониторят, на предмет ключевых слов? Хорошо, что мать про парня какого из моих друзей бывших-планетарных не написала, а то б сейчас приглашение в клуб голубой направленности получил бы.

Последнее письмо, точнее просто пара строк от моих знакомых из СБ Станции. Открываю.

– Гражданин Жозеф Масташ покинул Станцию.

И дата – четыре дня назад.

Покинул? Хм… Совсем народ в СБ обленился. Или перепился. Я же с этим Масташем вот только час, ну, полтора назад в баре виделся. Пиво пил. И вечером с ним того. Бред какой-то.

Перечитываю, нет, всё верно, покинул. Бред. Связываюсь со своим СБшником.

Стандартно привет-как дела-ясно. Выполнив этот ритуал, спрашиваю напрямую:

– Твоё письмо, четыре дня назад ты выслал. Этот Масташ, он, что убыл со Станции?

– Да, зафиксировали его посадку на маршрутку.

– Ты, наверное, ошибся. Я его часа полтора назад в баре видел.

СБшник хмурится.

– У нас, – он отчётливо выговаривает слово «нас», – все точно!

– Я и не спорю. Может он вернулся? Ну, туда-сюда и назад?

Вижу как он склоняется над чем-то, вне поля его камеры, наверное, над ещё одним экраном, копается там и отвечает:

– Нет. Не возвращался. Убыл… ща… ща… ага. Вот. Маршрутная Касатка. Маршрут номер 17. Маршрут отработан успешно. С маршрута вернулась с двумя пассажирами – две подруги. Обе на Станции были транзитом и убыли… – он поднимает глаза ко мне, – тебе сказать, куда они убыли?

Отрицательно качаю головой.

– Ты мне про Масташа давай.

– Что давай? Нет его на Станции.

– Так я же его видел!

– Ты не мог его видеть! Вот! – он опять лезет в соседний монитор, – Гражданин Масташ Ж. убыл, что подтверждено данными его карты, биометка совпадает. Что неясно-то?

– Но. Я. Его. Только что. Видел!

СБшник внимательно и сочувственно смотрит на меня.

– Ты бы отдохнул что ли. Вон вымотанный какой. Выпей, девку найди, или в Красный сектор палубы пять сходи. Там у мадам Люси девчонки новые. Да выспись просто!

Понимаю, что толку не будет но всё же спрашиваю:

– Скажи, ну, карту там подделать можно, а биометку? И, да, сейчас ты мне ответишь, я выпью и спать.

– Ты обещал! – наставляет он на меня палец с экрана, – биометку подделать можно. Но, дорого. Очень. Нет, ты не понимаешь – Очень Дорого. Так что никто этим не занимается. Всё. А теперь отдыхай и не мешай людям работать, – он отрубает связь.

Делааа… Может я и вправду того, устал? А этот бармен – новый, познакомиться хочет? И познакомиться и поконтрабасить малость? Но тут и других пилотов много. Чем я-то приглянулся?

Эх… – зеваю, ладно. До закрытия бара ещё часов пять. Успею выспаться, и дав компу команду разбудить меня около двух ночи по времени Станции, вырубаюсь.

В баре было пусто, что не удивительно – почти три часа ночи. Завидев меня, бармен указал рукой вглубь зала, типа проходи, располагайся. Решаю не изменять привычкам и усаживаюсь на то же место, что и днём. Пока устраивался, его помощник сноровисто расставил несколько тарелочек с лёгкой закуской и водрузил на стол два объёмистых кувшина с пивом. Пока суд да дело, наполнил свою кружку отличным тёмным пивом и по-хозяйски придвинул к себе мисочку с орешками, жаренными с солью, самое то для неспешной беседы. Спустя короткое время, отпустив своего напарника, бармен уселся напротив.

– Ну, – наполняя свою кружку светлым проговорил он, – привет. Как к тебе обращаться-то?

Пожимаю плечами:

– А то не знаешь? Пилот, Вольный, да как угодно. Что в имени тебе моём? – вроде это цитата откуда-то, не помню.

Он согласно кивает. Хорошо, мол.

– Ну, а мне к тебе как обращаться? – в свою очередь спрашиваю его, и теперь уже он повторяет мой жест.

– Не, – говорю, – погоди. Как тебе больше нравится – Пилот, Патрульный, Брасс, Янсен или Масташ, который Жозеф, а? Или нет, Жозеф-то улетел же?

Мой собеседник прищуривается и усмехается:

– Хе-хе… а ты ушлый малый.

Соглашаюсь, мол не я, жизнь такая. Бармен качает кружкой, выбирай сам любое, какое нравится, всё одно это только, – он делает громкий глоток, – только звук.

Тоже отхлёбываю и закидываю в рот орешек.

– Ну, пилот, – он ставит кружку на стол и как бы рассеяно спрашивает, – как к умникам слетал, как испытания прошли? Тебе вроде они неплохо деньжат отсыпали? Да?

О как. Однако хорошая информированность у этого бармена.

– Да, – говорю, – так, помотался по системам, новый сканер потестил. Успешно. Да и рассказывать-то нечего особо. Рутина. Прыг-скок, скан и прыг дальше. Скука, – демонстративно зеваю.

– Ну, какая же скука? – не соглашается он, – новые звёзды, впечатления… Это не то, что в баре у стойки торчать и пьяный плач слушать. Чего интересного видел? Поделись уже со стариком.

Догрызаю орешек и рассказываю:

– Да ничего особенного. Пустота, она же везде одинаковая, тебе ли не знать – он кивает и продолжаю:

– Звёзды – да, разные посмотрел. Одна система понравилась, там одну планетку под лёгкое атмосферное терраформирование планируют, – смотрю, слегка напрягся, – зачем, правда, не знаю, расположена она уж больно неудобно – в соседях две старые звезды. Фиолетовые, не гиганты, но крупные. Одна – пустая, а у второй планета есть, голимый камень.

– И что? – он внимательно смотрит на меня.

– Ну, у той, которая под переделку, кольцо есть. Красивое такое…

Он равнодушно пододвигает к себе тарелку с нарезкой сыра.

– Кольца, они много где есть, не сканил? Может там руда хорошая притаилась?

– А как же, отсканил.

Бармен резко поднимает голову.

– Руда там действительно есть. Хорошие залежи. Представляешь, сталь там залегает. Сталь! Почти две тысячи тонн, а? – отпиваю промочить горло.

– Сталь – это не руда, – поправляет он меня, и я соглашаюсь.

– Да, не руда, но есть. Загадка типа вселенной, да? Упорядоченная такая сталь. Корабельная.

Бармен рывком наклоняется ко мне:

– Доложил? Ну – умникам?

Отрицательно качаю головой.

– Нет. Зачем?

– А…

– Данные по нему, – выделяю голосом последнее слово, – только у меня. Ну, и ещё кое-где. Для страховки.

Конечно вру, данные в моём компе и на кусочке бумажки под обшивкой кресла на Гадюке. Но кто ж проверит-то? На станции-то мне ничего не угрожает. А вот снаружи могут и того… обнулить.

Янсен-Брасс и прочая откидывается на спинку стула и какое-то время молчит, барабаня пальцами по столу.

– Внутри был?

Киваю. Он вздыхает.

– Всё же ушлый ты, чертяка. Ты, – он наставляет на меня палец, – ты мне сразу не понравился. Ещё там. На той Станции, где мы тебе Сайд дали, – усмехается. – Думали сбежишь… ан нет.

– Послушай, Янсен, – обращаюсь к нему по имени, под которым узнал его впервые, – объясни, вот зачем вы надо мной там издевались? Чем я вам помешал-то?

Задумывается, а потом наливает мне пива и подталкивает тарелку с мясной нарезкой.

– Слушай, это займёт какое-то время…

Его история началась более тридцати лет назад, когда молодой выпускник Лётной Академии Джус Урфин радостно рассматривал своё первое назначение от Психолога. Как же, ему, вчерашнему выпускнику, очень повезло: первое же назначение – и на действующий флот.

И не просто пилотом – сразу Командиром звена!

В те годы как раз шла война за контроль над Периферией. Владевшие ей до этого пиратские кланы очень неохотно уступали свои позиции расширяющимся Федерации и Империи.

Постоянно вспыхивали вооружённые конфликты, в которых победа доставалась более подготовленным пилотам. И не всегда это были военные. Пиратские Бароны умудрялись доставать новейшее оборудование и запасные части, ну, а опыта у них было явно больше. Но за военными стояла мощь десятков, если не сотен планет и, несмотря на весь опыт пиратов, исход этой войны был предрешён с самого начала.

Бароны также это понимали и использовали любую задержку, чтобы перейти от прямых военных действий к более скрытым – к контрабанде, наркоторговле, работорговле и прочим занятиям, если не исключающим вовсе, то снижающим риск прямого боевого столкновения. Так что перспективы молодого командира звена были весьма радужными.

Первый пятилетний контракт прошёл в патрулях и сопровождениях конвоев, в которых редко-редко, но случались перестрелки с наиболее непримиримыми ревнителями традиций пиратских вольностей. Можно сказать, что первый контракт прошёл тихо. Урфин сразу же по окончании первого заключил второй. К этому моменту боевые действия начали угасать и окончательно затихли спустя четыре года. Так что ветеран Джус вместе со своим звеном оказался не у дел. Конечно, они продолжали совершать патрульные вылеты и сопровождали караваны гражданских судов, но случаи появления пиратов и тем более боестолкновения стали большой редкостью.

И военные бюджеты пошли под нож.

Урфину и его звену удалось дотянуть свои контракты до завершения срока, счастливо избежав их преждевременного расторжения. Новый контракт им, естественно, не предложили. Пилотов и так был переизбыток. Менять профессию не хотелось да и летать им нравилось. На пьянке-совещании было принято единогласное решение податься в Патруль. Туда уходили многие пилоты, не желавшие расставаться с Космосом и Полётом. Именно так – с Большой буквы. Правда, был ещё один вариант – податься к пиратам, к остаткам пиратских кланов. Но, после некоторого раздумья от этой идеи отказались – слишком ясными были перспективы подобного шага.

– Патруль, – объяснял мне Янсен, точнее Урфин, – тогда был Силой. Не то, что сейчас.

– А делся-то он куда? – спрашиваю, – сейчас про Патруль и не слышно.

Янсен-Урфин вздыхает:

– Ты видел всяких там Федеральных агентов, Щиты Справедливости или СБ Сириуса?

– Угу.

– После того как раздербанили флот, спустя ещё лет пять-семь, разорвали и Патруль. По кусочкам, по системкам своим растащили.

Понимающе наклоняю голову, и он продолжает.

И они всем звеном вступили в Патруль. Все пять ветеранов: Урфин, официальный командир звена, Вольдемар – первый ведомый, Пуфф – второй, Йос и ещё один…

– Пуфф? – опять прерываю его я, – Смешное имя.

Урфин улыбается, – да, старина Пуфф был нашим заводилой, лидером. Я так, ну, пилот, цели там назначить для концентрации огня, маршрут проложить… а вот он – он был нашим мозгом. А что имя забавное, так это прозвище его. Как его звали по нормальному я уже и не помню. Он с планеты Крест был. Кремниевый стол, если по официальному. Планета из первой тридцатки колонизированных. Тогда колонии всюду сажали, лишь бы закрепиться в Галактике. Давно, в общем, её колонизировали. Атмосфера пригодна? Вперёд! А то, что там, спустя пять поколений пошли мутации, да к тому времени все уже и забыли про начало колонизации. Мутация безобидная, но забавная – на теле переставали расти волосы. Вообще. Везде.

– И что? – непонимающе спрашиваю его, – удобно же, – бриться не нужно.

– Вообще везде, и, – он показывает глазами под стол, – и там тоже.

– А у девушек?

Он кивает. Мда… лысых у меня ещё не было. Коротко стриженные были, а вот так…

И вот, как то в душе, когда Пуфф только к ним прибыл, Йос, поразившись его отрицательной волосатости, присвистнул и выдал так, что услышало всё звено:

– Ну, ты пушистик прямо!

«Пушистик» обиделся и начал что-то возражать, ссылаясь на особенности планеты, а так как он при этом чистил зубы, то его слова были несколько шамкающими, вот так и прилепилось к нему это прозвище – Пуфыстик.

– Погоди-погоди, снова прерываю я Урфина. – Он и лысым был?

Тот кивает, а у меня перед глазами проплывает встающая из капитанского кресла фигура, сверкающая голым черепом. Вздрагиваю.

– Так ты видел его, – скорее не спрашивает, а констатирует бармен.

Киваю и спешу отогнать то видение добрым глотком пива.

В Патруле они прослужили малый контракт, на три года и успешно пролонгировали ещё на пять лет. Всё шло штатно, и служба мало отличалась от въевшейся в плоть за десять лет армейской рутины. Те же патрули по точкам и тревожное дежурство. Но судьба, или вселенная имела на их компанию другие виды.

В один из дней, когда была их очередь отрабатывать, точнее, отсиживать в кабинах тревожное дежурство, произошло событие, в очередной раз заставившее их судьбу совершить очередной поворот.

Дежурство протекало ожидаемо тихо, и они мирно подрёмывали прямо в креслах. Поступивший сигнал «СОС» особого впечатления на них не произвёл: подобных сигналов они отработали уже множество, и жалуясь друг другу на прерванный отдых, потревоженный сон, в общем, привычно ворча пятерка покинула станцию и прыгнула к источнику сигнала.

Там тоже не оказалось ничего нового – пара пиратских кораблей – Сайд и Орёл гоняли транспортник, Тип-7. Пилот на Семёрке отстреливался, но было ясно, что трепыхаться ему осталось недолго: щиты скисли и к моменту прибытия патрульных пираты прицельными, короткими очередями вышибали люки грузового трюма.

– Внимание всем кораблям! Говорит Патруль! – привычно произнёс на общей волне Урфин.

– Немедленно прекратить огонь, убрать стволы и приготовиться к досмотру!

– А то что? – спросили с Орла.

Урфин вздохнул, всё шло по привычной схеме, обычные отмороженные гопники, ещё и обколотые по уши. Не хотят понять, что им против пяти патрульных, ну, ничего не светит. От слова совсем.

– Вы будете уничтожены, за сопротивление на вас будет наложен штраф, – всё так же механически и отстранённо произнёс командир крыла, думая про себя о чашечке кофе и сигарете. Благо во время тревожного сиденья кофе и сигареты им доставляли бесплатно. А кофе на станции готовили отличный, Урфин уже выдул пару чашек и был настроен затребовать себе ещё столько же. Или сразу термос? Благо фляжка с коньяком была заблаговременно припрятана в бардачке. Конечно про то, что пилоты таким образом коротают дежурство знали все, и все, включая и неугомонного комэска, смотрели на это сквозь пальцы – традиция же.

– Да мы сами вас сейчас распылим! Волки позорные! Твари! – по ходу гопники не хотели решать дело миром. Урфин вздохнул, песпектива кружечки кофе отдалялась, и активировал оружие, передав по звену короткую команду – уничтожить помеченные корабли.

Бой, точнее избиение, был коротким, ну, как двум лёгким истребителям, да ещё с такими неадекватными пилотами, противостоять ветеранам-патрульным на тяжёлых перехватчиках. И минуты не прошло, как в пространстве стало на пару кратких мигов светлее.

Просканировав обломки, пятёрка направилась к продолжавшемуся удаляться транспорту. По Уставу они не могли сразу вернуться на базу – требовалось убедиться, что подверг-

шийся атаке корабль может самостоятельно добраться до порта назначения – и только после этого Патруль мог покинуть место происшествия.

Молясь про себя, чтобы Тип-7 был ещё достаточно цел для возвращения, ибо провести остаток дежурства в сопровождении едва живого корыта, ему совсем не улыбалось, Урфин вызвал Семёрку на связь:

– Транспорт, Тип Семь, ответьте Патрулю.

– Здесь Тип Семь! Здесь! Спасибо! Вы спасли меня! Да я! Да вам!

Радостные вопли пилота транспорта перебил вызов Йоса по внутренней частоте.

– Ком, ты его не сканил?

– Нет, – ответил командир звена, – а что?

– Ну, ты сам глянь, – ответил Йос и отключился.

Сканирование показало неприятную для пилота транспорта и приятную для Патруля картину: транспорт был под завязку забит контрабандой. Немного: десяток тонн элитного алкоголя, столько же различных деликатесов, золотые, ручной сборки сигары с LTT 43 704 02, оружие, броня и даже с десяток живых существ – то ли рабы, то ли танцовщицы – Урфину было лень копаться. Он был зол, теперь вместо того чтобы вернуться в ангар и насладиться кружечкой ароматного напитка и сигаретой он должен был конвоировать транспорт к Станции. Но это было не самое страшное. После конвоя ему светило следующие несколько часов писать отчёты и о том коротком бое, и об обнаружении контрабанды, потом присутствовать при выгрузке нелегальных товаров и при… Так что обычно в подобной ситуации они просто отгоняли бандитов, убеждались, что с транспортом всё в порядке, и возвращались на Станцию, отметив произошедшее, как ложный вызов. А что? Всем хорошо. И им, и руководству – показатели по криминальной обстановке они регулярно докладывали наверх.

– Твою ж мать! – на самом деле Урфин высказался покрепче, – да как же вы все меня задолбали! Я ж задолбаюсь отчёты рисовать… ну, мля…

– Ком, – проявился на связи Вольдемар, – а давай грохнем его, и все дела. Кто проверять-то полезет?

Идея была здравая, но в этот момент на их канал влез пилот Семёрки.

– Эй-эй, мужики. Вы чего?

Урфин вздрогнул, как это пилот транспортника мог выйти на их канал, но оглядев панель связи, чуть не дал себе по лбу – он всё это время был на открытой волне, забыл отключить после разговора с пиратами.

– Да, валим его и назад, – продолжал настаивать Вольдемар и Урфин был готов уже с ним согласиться.

– Стойте! Не надо! Я… я откуплюсь! – чуть ли не визжал пилот транспортника.

– Патруль купить хочешь? Ну-ну! Оружие – в боевое, цель… – начал было командир звена, но его прервал вызов от Пуффа. Удостоверившись, что в этот раз он таки перешёл на закрытый канал, Урфин спросил:

– Ну, чего?

– Отпусти его.

– С какой такой радости?

– Мыслишка у меня есть. Забирай ребят и возвращайся. Я тут… ну, подзадержусь малость.

– Ну, как скажешь. Народ, курс на станцию.

И четвёрка патрульных скрылась в сверхскоростном режиме.

После окончания дежурства их лидер и вдохновитель собрал всех и предложил подумать о работе, ну, на сторону. Особой дискуссии и не было – все друг друга знали уже давно и привыкли доверять своим партнёрам.

Новая жизнь совсем немного изменила их уклад. Теперь они иногда отклонялись от курса при патрулировании или чуть-чуть, но опаздывали с прибытием в точку, откуда приходил истошный вопль о помощи. Совсем немного отклониться от курса или задержаться у Станции при формировании походного ордера – это же так просто. И за подобную простоту им капали денюжки. Не то чтобы большие, но на фоне очередного урезания фондов Патруля, вполне себе достойные. В те годы в Патруле ещё действовало правило ротации, и за время контракта слётанные звенья зачастую меняли по две-три станции. Состав эскадрильи Патруля на Станции, вне зависимости от места его действия, был стандартен – три звена на Станцию. По традиции Первое звено, командирское, всегда отличалось лучшими машинами и обвесом. Второе набирали из местных, и не подвергали ротации в силу известных послаблений, ну а третье – из вновь прибывших по ротации. При этом, когда подходил срок Первому звену менять Станцию, Третье занимало его место. Вот, таким образом пятёрка друзей и оказалась на очередной Станции где-то на бывшей Периферии.

Быстро установили связи с местным теневым рынком, эти дельцы тоже получили соответствующую информацию касательно прибывающих, и жизнь покатилась по привычной колее. По началу, в первый год всё шло ровно, но потом комэск начал что-то подозревать. Уж больно расходы этой пятёрки отличались в сторону превышения, от их официальных доходов.

Несколько проведённых им самолично проверок на предмет контрабанды результата не дали. Но и не успокоили его. Он – комэск, вообще был из разряда старых служак, прочно сдвинутых на дисциплине. Про него шутили, что он и спит только по стойке смирно.

Над его проверками в звене только посмеивались, система получения «благодарностей» была отработана и не давала сбоев. А продолжающаяся, шикарная с точки зрения комэска, жизнь крайне бесила последнего. Дошло до того, что он начал анализировать даже их маршруты патрулирования и, не найдя там ничего предосудительного, или выходящего за рамки Устава, он решил лично, в составе своего звена, проверить несение службы.

На его удачу в том патруле мужики сопровождали и прикрывали несколько грузовозов с полными трюмами раритетных напитков.

Транспорты вышли в согласованную точку и спокойно шли к планете, по пятам сопровождаемые пятёркой Патрульных, когда у них на пути проявилось из стелс режима звено комэска. Проведённое им сканирование однозначно выявило факт контрабанды, но его приказ о смене курса был проигнорирован – мало ли, кто в пространстве шляется, нас, вон, сзади, прикрывают. С ними и разговаривайте. Так, или примерно так ответили вояке с транспортов. Понятное дело, что подобный ответ его, скажем так, огорчил.

Решив, что с транспортами он ещё успеет разобраться, вояка двинул своё звено на перехват патрульной пятёрки. В ходе последующей беседы, а точнее монолога командира, друзья были обвинены и заочно приговорены. В принципе, за дело, ибо, если ты работаешь налево, будь готов к расплате. Скорее всего, мужики могли бы отделаться штрафом и досрочным расторжением контракта – послужной список у них был идеален, а в самом Патруле уже начинались процессы распада, но как это бывает – вмешался случай. Один из пилотов звена комеска по какой-то причине саданул из спаренных рельсов по одному из кораблей пятёрки. Удачный выстрел разнёс стекло кабины и разорвал в клочья пилота.

– Рельсовая пушка, – слегка наклонившись ко мне над столом, сказал Урфин, – препоганейшее оружие. При попадании снаряд практически весь переходит в энергию, со всем спектром волн. Переход материи в энергию из школьной программы помнишь?

Я кивнул, хотя помнил смутно.

– Какие-то из этих волн или колебаний, – продолжил он после моего кивка, – перекрывают связь с мед центром.

– Это же невозможно! – начал протестовать я, – нам, мне, всегда говорили, что воскрешение гарантировано в любом случае, кроме смерти от старости!

– Пффф… – презрительно скривился он, – они много чего говорят. Факты – другое дело.

И он откинулся на спинку стула, любуясь моим обалделым видом.

Так их стало четверо.

В последующей короткой схватке четверо пилотов убедительно доказали, что главное не железо и Уставы, а люди. А, доказав, задумались, что же делать дальше?

О возвращении на станцию не могло быть и речи: стандартный, генерируемый компом отчёт о полёте моментально покажет, с кем они воевали, и тогда – трибунал. Несмотря на наступающую либерализацию порядков, убийство своих, а тем более командира, каралось по верхней планке.

Им оставалось либо спуститься на какую-нибудь планету и жить на поверхности, забыв про космос, либо полностью переходить на тёмную сторону. Понятно, что выбрана была тёмная сторона.

На орбитальной платформе в ближайшей анархической системе их приняли, мягко говоря, не ласково. Патрульные всё же. Подвизались они на всё той же почве охраны ценных грузов, закрасив эмблемы патруля и в первый раз сменив свои имена.

– Погоди, – останавливаю его, – и что, никакого расследования не было? Два ж звена пропало?

– Было, – Урфин соглашается со мной, – следаки установили место боя, в котором геройски погибли оба звена, сражаясь с пиратами.

– А обломки? – не успокаиваюсь я, – обломки патрульных машин, – да, ясно, но их противников?

Он потирает пальцы в известном жесте подсчитывания купюр.

– Всё нашли, если по бумагам судить. Да в том бардаке… – он замокает и добивает свою кружку.

Дело никто не раздувал, и оно само тихо заглохло. Ну, мало ли кого, где и как убивают. Погибли? Память почтили, и всё – вперёд, делить пирог Галактического Патруля. На станцию назначили нового комэска и в очередной раз урезали фонды, оставив только два звена.

Новый оказался гораздо более сговорчивым и вскоре с ним были налажены деловые отношения.

Взяток он не брал – это Патруль, господа, да-с! Но он очень увлекался древними артефактами. В конце концов, у каждого свои слабости.

– Вот мы с ним и договорились, – поигрывая кружкой, рассказывал Урфин, – он отворачивался, пока мы свои делишки проворачивали, а взамен в антикварной лавке на Станции появлялись разные артефакты. Непонятные. За бесценок. Ну, кто полезет копаться в груде ржавых железяк? Тем более – официально приобретённых. Ну, а, если страстный искатель,

разобрав этот ком грязи, выудит из него табличку с надписью на мёртвом и не людском языке – так свезло же человеку!

Понимающе киваю.

– А как же отчётность, показатели? Он же не мог не ловить никого?

Он улыбается.

– Ну, смотри. Всегда же есть люди, считающие себя самыми умными, читающими, что они могут всех обхитрить. Вот летит такой умник и засекает сигнал, – я начал краснеть, – засекает и прыгает туда. А там – о, чудо! Висят себе в пространстве конты. С дурью там или с золотом…

Краснею сильнее.

– Он-то и рад радёхонек. Хвать конты – и на станцию. Если свезёт, проскочит мимо Второго звена, им всё по барабану, и выгрузив добычу, такой весь из себя деловой, начинает по торговому сектору бегать. Кому бы впарить чужой, – он поднимает палец в назидательном жесте, – чужой груз.

Прячу лицо в кружке.

– Ну, вот таких и… – он не договаривает, отправляя в рот кусок вяленной рыбки.

– А меня вы чего… ну… не? – поднимаю глаза.

– А ты не наглел. Тупил – да, но это приемлимо. Все через это прошли.

Такая жизнь продолжалась ещё около года, а потом в секторе объявили программу по борьбе с наркотой. Серьёзные теневые игроки пожали плечами и переключили свои активы на другие сектора – азартные игры, алкоголь, торговлю краденым, проституцию и прочее. А комэску нужно было отчитаться о борьбе. Для этого пришлось разработать целую операцию, по счастливой случайности совпавшую с прохождением через их систему транспорта с экспроприированными ювелирными украшениями. Они были, скажем, позаимствованы у одного олигарха, обитающего за три с лишним сотни световых лет от этой системы, и тянули на пару миллиардов кредитов.

Поэтому, пока оба звена сначала гоняли по системе Тип-9 с полным трюмом, согласно сканеру, дури, неприметная шестёрка спокойно совершила посадку где-то в степях планеты.

Тип-9 же активно отрывался от Патруля, несколько раз разрывая контакт, так что, когда его наконец-то подловили у совсем другой планеты, комэск с чистой совестью приказал уничтожить этого торговца смертью. При исследовании обломков Девятки были выловлены несколько повреждённых контейнеров с явными следами особо жёсткой дури.

Комэск получил очередное звание, как же, уничтожил почти четыре сотни тонн наркоты, и повышение.

– А мы, – продолжил свой рассказ бармен, – неслабую премию, за тот груз. Все довольны и счастливы. Только поднадоело нам это всё. Решили отдохнуть несколько лет. А что? Денег было более чем – только с последней проводки почти по десятку миллионов получили, да и до неё кое-что подкопили. Комэску на прощание подарили очередной артефакт – сканы каких-то древних бумаг-отчётов. Он, кстати, потом хорошую карьеру сделал. Видел я его по ящику недавно – адмирал, Третьим Ударным рулит. Да ты видел его.

Пожимаю плечами, мне-то что, какое мне дело до военных.

– Вот так мы с ним и с Патрулём, во всех его проявлениях, и расстались.

Отдыхали они несколько лет подряд. А потом надоело. Резко, как отрезало. Навалилась хандра и прочие проявления зова звёзд.

В один солнечно-стандартный день, а других на курортной планете класса AAA+ и не бывало, их всех собрал Пуфф.

– А не засиделись ли мы, мужики? – жизнерадостно начал он.

– Угу, – насуплено кивнул Вольдемар, – засиделись. Меня уже от женских животов тошнит.

– Пора возвращаться! – подтвердил Йос. Урфин только кивнул, ожидая деталей плана. Раз их собрал Пуфф, то план у него должен быть.

– Вы в курсе, что через пару лет «Даймонд Тревел» будет отмечать свою триста пятую годовщину?

Согласные кивки, попробуй не быть в курсе – ведущий тур оператор Галактики. По всем каналам отдыха каждый час его реклама идёт.

– И вы знаете, что они планируют организовать круиз для самых дорогих и уважаемых клиентов?

Опять кивки. Журналисты про это уже растрезвонили, да так заливисто, что среди богатеев началась натуральная гонка за приглашением в этот круиз. А как же, только самые-самые-самые. Сливки от сливок Галактики. Обладателей состояния ниже трёх сотен миллиардов – просьба не беспокоиться.

– Ну и что, – лениво поинтересовался Йос. – Нам-то что? Там такая охрана будет…

– Это будет круиз с сюрпризом, – продолжил пояснения Пуфф. – Они берут свой обычный лайнер, класс ААА+, немного его дорабатывают и запускают на него всю эту публику. Какой лайнер выбран я знаю. Конечно, могут и поменять, но вряд ли. Проект дополнительной отделки уже согласован. Не успеют поменять.

– И чё? – не успокаивался Йос. – Этот кусок не по нам. Твой лайнер будет целый флот охранять.

– Не будет!

– Как это? Ты, конечно, голова, но по моему ты, того, бредишь.

– Всё просто и сложно, – и Пуфф поделился деталями.

Корпа решила убить сразу двух зайцев. Во-первых, организовать круиз класса АААААА… АААА, что-то вроде А-10, чего ещё никто никогда не делал и, во-вторых, доказать, что их лайнеры самые надёжные и безопасные. Вне зависимости от класса и достатка пассажиров на борту. Официально лайнер «Свет Пополюса» повезёт около тысячи пассажиров эконом и среднего класса по стандартному маршруту, а по факту – на борту будут те самые сливки, и маршрут будет немного, или много, изменён. Ну, кто полезет на лайнер с эконом классом? Брать нечего. Вот таким образом богатенькие папики и мамики абсолютно безопасно смогут наслаждаться процессом полёта и прочими процессами, попутно демонстрируя друг другу своё богатство через призму раритетных украшений.

По плану Пуффа трое из четвёрки прямо сейчас должны были идти устраиваться на этот корабль. Урфин – помощником повара, Вольдемар – рулевым матросом, а сам Пуфф – трюмным механиком. За несколько лет до начала празднования они должны были через усердную и честную службу несколько приподняться по служебной лестнице, но не слишком высоко – до ранга среднего звена…

За последовавшие пару лет им это удалось. Пуфф зарекомендовал себя отличным механиком, и уже несколько раз представлялся к производству в чин старшего механика лайнера. Но вот беда, общавшийся со всеми механизмами корабля на «ты», Пуфф моментально терялся при виде начальства, краснел, покрывался испариной и не мог членораздельно говорить, выдавливая из себя куски фраз типа… Ну… это… вот для того чтобы… значит… Среди офицеров корабля он негласно пользовался большим уважением и вызывал сочувствие. Ну, как же, золотые руки, а сказать ничего не может.

Вольдемар дисциплинированно выполнял все команды дежурного навигатора, но сильно не высовывался. Не пил, форму содержал в порядке, но не более. Нелюдимый, замкнутый, но дисциплинированный – говорили про него. Чин помощника рулевого был его потолком.

Урфин же, в отличие от Вольдемара, был балагуром и душой любой компании. Готовил прилично, посещал все курсы повышения квалификации, которые оплачивала компания, имел благодарности от капитана и пассажиров. Всё шло по плану.

До начала столь долго ожидаемого круиза оставались считанные дни.

* * *

Круиз продолжался уже вторую неделю и близился к завершению. Ну, ещё бы, все пассажиры были жутко деловыми, а многие и публичными личностями, и не могли оторваться от своих дел на больший срок. Бизнес, понимаете ли, или публичность, а, ну, как публика забудет о них? Так что круиз был рассчитан на три недели. Первую неделю все СМИ обсуждали, кто именно полетел и, что на полетевшем было надето. На вторую обсуждали, но с меньшим накалом, маршрут. Ну, а на третьей планировалось начать накрутку публики о возвращений таких…Таких Людей из своего, эпического, полёта, делая с одной, стороны акцент на опасностях космоса – в маршруте было даже посещение горизонта событий у ближайшей Чёрной Дыры, а с другой, расписывая безопасность круизов от Даймонд Тревел. В результате все должны были остаться довольными: и Личности, и СМИ и, зрители, и компания.

Бывшие патрульные за прошедшую пару лет, также успешно выполнили свои планы. Урфин поднялся до старшего кока палубы, а Пуфф плотно оккупировал место старшего помощника главного механика, и ему руководством компании было принято решение присвоить чин Старшего Механика после текущего рейса. А что? Спец он хороший, а то, что при начальстве мямлить начинает и теряется – так это боссам нравится, да и не лазают боссы по его заведованиям. Вольдемар слегка приподнялся и стал вторым рулевым – так громко на этом лайнере, да и вообще, на всех лайнерах Даймонд Тревел, именовали пилота. Не капитану же джой и РУД крутить? Капитан – лицо компании на корабле и должен соответствовать, ну, и пассажиров ублажать и вселять в них уверенность, что абсолютно всё под контролем.

Эти несколько лет они старательно делали вид, что не знают друг друга. Ну, как не знают? Конечно, на корпоративах пересекались и в кают-компании экипажа – той, что для нижних чинов, сталкивались. Но именно сталкивались, перебрасывались стандартным привет-как дела, и не более того. Конечно, это была только видимость. Общение между ними шло через различные форумы. Так, на кулинарном Урфин мог задать какой-то пустячный вопрос или оставить комментарий, проглядева который Пуфф, отвечал уже в разделе «Части и Механизмы», но совсем в другой области. Ключевые слова и то, что они знали друг друга очень долго делали своё дело. Самая халявная, по общему мнению, часть работы досталась Йосу, и всё прошедшее время он, с небольшими перерывами, спокойно продолжил свой отдых на курортной планетке.

И вот, наступил день Д и час Ч, как любят говорить люди военные.

План действий был многократно обсуждён, согласован и отполирован в деталях. Согласно ему Старший помощник Стармеха заблаговременно – за пару дней до нужного момента разместил в воздуховодах небольшие ёмкости с сонным полицейским газом. Этот газ гарантированно и практически моментально погружал любого вдохнувшего в крепкий и здоровый сон – где-то на час-полтора – не более. Канистры с газом были доставлены Йосом, который неспешно трудился пилотом среднего транспортника – Тип-6, и иногда доставлял различные грузы на лайнер.

У уснувших пассажиров троица быстро собирала самые дорогие украшения и отдавала Йосу, который уже с ними прыгал лет так за триста-четыреста, к знакомому скупщику подоб-

ного товара. Сама же троица возвращалась на свои места, где они были до поступления газа и, улёгшись на палубу, ждала пробуждения действительно спящих. В результате – корабль, как шёл по курсу, так и продолжал идти – выход из сверхскорости и последующее возвращение на курс было делом Вольдемара. Все: и пассажиры, и экипаж оставались на местах и, как пропали дорогие цацки, оставалось только гадать.

– Погоди, прерываю Урфина, – бред какой-то. Выход из сверхскорости, приём транспорта – это же всё фиксируется в логах компа?

Он усмехается:

– На лайнере типа Белуга, – он говорит это тоном учителя, – по штату может находиться от тысячи до тысячи трёхсот пассажиров, плюс три сотни человек экипажа.

Киваю, – типа да, знаю.

– Но это же был ультра-супер круиз. Для самых-самых. Всего их – крутышек, было около пяти десятков. К ним приставили почти семь десятков стюардов. Ещё у нас было три инженера и пять офицеров – с капитаном вместе.

– И справлялись? – спрашиваю.

Вздыхает.

– Да, эта публика заставила нас побегать. Сам-то корабль был практически весь автоматизирован и зарезервирован по самые гланды, – он показывает себе на шею. А вот публика эта, – он кривится.

– Брррр… Кстати о выходе из сверхскорости, мы очень часто останавливались и выходили в простой космос. Каждый пассажир мог в любой момент попросить капитана о такой услуге. Вот захотелось дамочке селфи на фоне эффектной туманности сделать – она вызывает капитана, и тот останавливает корабль. Ещё и повернёт, чтобы освещение было соответствующее. А еда!

Он кривится.

– У нас на борту был колоссальный запас всех возможных деликатесов, но постоянно, – он повторяет это слово, горестно глядя на потолок бара, – по-сто-ян-но! Им! Хотелось чего-то эдакого. У нас даже бассейн с устрицами с HIP 4003 был! Сам знаешь, какие они требовательные к составу воды. Так нет! Не свежие! «Чувствуется искусственный, технический привкус!» – он явно передразнивал кого-то из тех гурманов.

Сочувственно вздыхаю.

– Так что и фиксирование выходов в простой космос, и прибытие транспортов – всё было отключено.

– В условленный момент Пуфф пустил газ.

– Погоди. А вы то как?

– ИДП, – и, видя моё удивление, пояснил, – индивидуальный дыхательный прибор. Был у всех членов экипажа – такая модная, красивая оранжевая сумочка. Её ношение, хоть и предписанное Уставом, давно уже стало данью традициям, и в этих сумочках было всё, что угодно, кроме самого ИДПшника.

Смутно припоминаю, что на первых курсах мы тоже что-то подобное таскали на боку, но потом дружно забили на это дело. Зачем? Ты же всё одно в скафандре всё время. Хотя на лайнере да, там в скафандре ни-ни. Только в парадно-выходном мундире. Даже при проведении ремонтных работ.

– Вот, – глотнув пива продолжает Урфин. – Да ещё психологи вычислили, что вид экипажа в парадке, но с ИДП благотворно влияет на пассажиров.

– И всё же, – продолжаю не соглашаться с ним я, – какой-то тупой план. Ну, потырите вы блестяшки. Но сами-то на корабле останетесь? Возьмут вас. Да и газ этот. Хорошо, хорошо, –

поднимаю руки вверх, – корабль вы продуете, а остатки газа в крови? Ваш же врач, ведь у вас же был врач на борту, возьмёт кровь на анализ, и?

– Газ тот распадается в крови за пять часов. Без остатка. А брать кровь, – он пренебрежительно машет рукой, – у этих? Так там у них тааакой коктейль из алкоголя и наркоты. Да они и сами не позволили бы у них кровь брать – ясно, что там при анализе всплывёт. А узнает кто? Известный пропагандист здорового образа жизни и владелец корпорации «Всё для Спорта и Здоровья» сам на наркоте сидит. И что будет?

Качаю головой, – богема, чё.

– А у экипажа?

– Стюарды тоже принимали, попробуй откажи олигарху, когда он в приступе щедрости угощает тебя рюмочкой или укольчиком?

Мде… Даже и возразить нечего.

– А что касается, ну, совсем уж серьёзного исследования крови, так до ближайшей приличной лаборатории лёту дня три. А за это время многократно всё распадётся.

– Но всё же, не хочу сдаваться я, – пропажа, тем более таких! вещей, да и у таких! людей…

Урфин опять улыбается:

– Космос, он того, полон загадок. Кроме того, мы как раз от Чёрной дыры шли. Ух, как они там населфились! А потом банкет закатили на «горизонте событий». Конечно, до самого горизонта пилить и пилить было, но вид был хороший, плюс эти себя чуть ли не героями-первопроходцами ощущали. Наклюкались они все – жуть. Большая часть так за столами и вырубилась – нам прямо подарок. Ну, а пропало что-то? Космос, он такой, – повторил бармен с непонятной задумчивостью, – загадочный. Пусть умники над этой загадкой бьются и гранты осваивают…

Когда пошёл газ, троица задержала дыхание и, убедившись, что все вокруг уснули, включилась в ИДП. Ровно на столько, сколько потребовалось времени, чтобы залезть в свои скафандры. На облегчение рук, шей и прочих частей тел крутышек от ювелирных излишков они отвели полчаса.

Вольдемар, не меняя курса, вывел лайнер в обычное пространство, Пуфф открыл мембрану грузового трюма, готовясь принять Йоса, а Урфин уже снимал украшения с избранных жертв.

Всё шло по плану, но, увы, пошло наперекосяк по вине их лидера – Пуффа. Они уже заканчивали грузить наиболее ценные украшения в Шестёрку, как на ангарной палубе появился Пуфф, неся на руках какую-то девицу. Девицей оказалась официальная воспитанница одного из олигархов, воспитанница де-юре, а де-факто его любовница. И вот к ней и воспылал любовью Пуфф. Он даже пытался с ней объясниться, но то ли он слишком вошёл в роль смущающегося при больших шишках мужика, то ли действительно оробел, но все его попытки вызывали только её смех и презрительные взгляды.

– Извините, мужики, – сказал тогда Пуфф. – Не могу. Никогда не любил, а тут… Он сокрушённо замолк.

Первым молчание нарушил Урфин:

– И что теперь? Весь план коту под хвост из за одной юбки? Ты что, Пуфф? Мы два года тут горбатились. И за ради чего? Неси её назад.

Пуфф отрицательно покачал головой.

– Неси, – поддержал Урфина Йос, – мы тебе такую же или лучше найдём. Прошерстим с десяток планет или два десятка, верно, народ? – он обратился к остальным и те закивали, – и найдём ещё лучше. Ты чего, брат?

Пуфф бледнел и краснел:

– Извините, – тихо произнёс он, – не могу. Как увидел – и всё.

– Нет, – высказал окончательное мнение обычно отмалчивающийся Вольдемар, – так не будет. Нас четверо, и трое против. Извини, атаман, – и умолк.

Какое-то время все молчали, а потом Пуфф вздрогнул и пошёл обратно. Оставшиеся обменялись взглядами.

– Ты это, Воль, – сказал Йос, – пригляди за ним. Мы с Ур сейчас досогласуем точку встречи, и я отваливаю, мне ещё долго прыгать.

Вольдемар кивнул и направился к двери, ведущей из ангара к палубам корабля, но не успел он дойти до неё, как снова появился Пуфф. С пистолетом в руке.

– Мужики, – сказал он, поднимая пистолет. – Я её того, отнёс на место, но поймите меня. Не могу. Глянул на неё на прощанье и понял – не могу. Я отменил своё воскрешение.

Сказав это, он поднял пистолет, остальные трое отшатнулись, и выстрелил себе в сердце.

– [2]! – кратко высказался Урфин, и двое оставшихся посмотрели на него.

– Чёрт! Ну, так-то зачем? Придумали бы что-нибудь. Дождались конца рейса, а потом, ну, выкрали б её. Эххх… Пушистик, что ж ты так-то вот. Молча…

Предаваться горю времени не было. Где-то через час действие газа должно было закончиться, и перед оставшейся троицей стоял выбор: либо валить всем и до конца дней прятаться по углам, ибо с их пропажей сразу будут выявлены воры, либо…

Они приняли другое решение.

– Следующий час мы в жутком темпе распихивали пассажиров и экипаж по спасательным яхтам, – продолжал свой рассказ Урфин. На корабле было три яхты для гостей и пара ботов для экипажа.

Подогнали платформы, загрузили на них всех подряд – и к яхтам.

Яхты были рассчитаны на полсотни человек и оборудованы новейшими стазис-анабиозными камерами. В них человек мог пробыть до тридцати лет безо всякого вреда для здоровья. Конечно, в свете имеющихся мед. технологий по восстановлению тела и сознания на Станции, толку от них было мало. Зачем они, если как только тебя убьют, ты, хоп – и слезаешь с лежака мед центра, но дань традиции и перестраховка на случай непредсказуемости пространства. Воздействие гравитационных волн было изучено слабо, и имелся шанс, что подобные волны могут воспрепятствовать передаче сигнала о воскрешении. А в таком модуле был даже шанс избежать последствий памятной всем бури 3250 года, когда погибла Д. Раст, бывшая лидером Валхаллийской Освободительной Армии.

А загрузив, сели совещаться. Ладно, пока сигнал о произошедшем никуда не ушёл искать их никто не будет. Плановый выход на связь – только вечером, но, с учётом банкета, стандартной отбивки будет достаточно, а её мог и Вольдемар отправить. Что до пассажиров, они, конечно, постоянно с кем-то трепались, но после всё того же банкета… Так что и тут можно было не ждать быстрого поднятия тревоги.

То есть, время было, но не много. И тогда они решили пойти по классически-юридическому пути. Нет трупа – нет преступления. Пропали – да, но не погибли. Или погибли, но так, что никто не смог воскреситься. Что опять же породило бы массу информационного шума и забалтывание реальной проблемы. Уж что-что, а фантазия журналистов, усиленная непонятыми комментариями учёных – это страшная смесь.

Но и убийцами – пусть и спустя тридцать, сорок или пятьдесят лет – им становиться не хотелось. Поэтому они выбрали планету в отдалённом секторе и на её поверхности разместили спасательные яхты, усилив их реакторы снятым с лайнера главным реактором.

---

[2] censored

– Модульность, – пояснил мне Урфин, – на практике это оказалось даже слишком просто. Вот там, на планете, на одной из её равнин, в зоне тектонического спокойствия, мы и посадили эти яхты.

Хотели рядом и Пуффа похоронить, но всё же он был один из нас, и, как и мы любил космос. Вот я и посадил его в капитанское кресло. Пока корабль не найдут – пусть он и остаётся его капитаном.

Мы помолчали, он, наверное, прокручивал в голове прошедшие события, а я просто пытался понять и переварить эту историю.

– Ддаааа, – сказал я, просто чтобы нарушить затянувшееся молчание, – однако, эк вы, то есть вас…

Он кивнул.

– Ну, а мне-то ты зачем всё это рассказал? И, как я понимаю, денег вы тогда подняли ооооочень прилично?

– Денег… – Урфин замолчал, и, спустя минуту, продолжил, – да, денег мы тогда забрали много. И все украшения сдали, и сейфы все вскрыли. И личные пассажиров, и корабельную кассу тоже. Много. Действительно много.

– Тогда, скажи, – обращаюсь к нему, – вернулся-то ты, вы, зачем?

– Скука. Просто скука. Надоело отдыхать.

Не верю ему, и он видит это.

– Ты молодой ещё, не поймёшь. Вот когда… – он замолкает, потом встряхивается всем телом и переходит на деловой тон.

– Я тебя сюда пригласил не сказки старого Урфа слушать. Дело есть. А ты парень ушлый. Короче. Тут, – он обводит рукой вокруг, – скоро жарко станет и, – он хмыкает, – деловые люди смогут неплохо подзаработать.

Ага, думаю, опять он какую-то афёру замутил. Вот же неймётся человеку. Лежал бы себе на пляже, с толпой девок и винишко б потягивал.

– Ты заметил, что в системе прибавилось… ну, скажем так, предпринимателей?

– Ага, – киваю, – меня отловить недавно пытались.

– Больше не будут, – он делает успокаивающий жест, – ну, так что?

Нет, ну явно тут действительно какая-то заваруха намечается.

Молчу, и он истолковывает моё молчание по-своему.

– Тут скоро две основные партии склоку начнут. Обычное дело, только в этот раз она в небольшую войну перерастёт.

Ах вот оно что. А пока местные аналоги Патруля и попутно являющиеся местными же вооружёнными силами будут между собой воевать, эти, так сказать предприниматели, протащат не одну тысячу тонн контрабанды. Заманчиво, с одной стороны. А с другой, а оно мне надо? Имел я уже такой опыт, нет, прибыль тут хорошая будет, но вот потом что? Урфин, конечно, битый лис, да и в возрасте, а я? Он, видя, что я всё молчу усиливает нажим.

– Ты только не думай, что я, мы, что мы о контрабанде думаем. Ну, и о ней тоже, но, – он победно улыбается, – наши цели шире. Гораздо шире.

Хм… что же он такого задумал? Захватить систему? Да, ну… бред. Прибудет флот и раскатает тут всё в тонкий блин. И, если я тут останусь, то и меня. А потом – мед. центр и рудники. Не, нафиг, нафиг. Но, так как молчать уже становится неприлично, говорю:

– Ты сказал мы?

– Угу. Вольдемар, Йос, ну, и я – все мы тут.

– Йос? Его же посадили?!

Он ржёт во весь голос: – Угу. Посадили. А он сбежал. Ты не обижайся, но с твоей планеты только полный даун сбежать не сможет. Он же в коровнике каком-то работал?

– Да.

– Ну, он и попался на глаза охраннику из местных, тот его грузить канистры послал в корабль на Станцию. Он погрузил, помог грузчикам и спрятался в трюме. Молоко там или сливки везли, не знаю. А на станции он дождался начала разгрузки, взял канистру и вышел. Ну, а добраться до Пеппе… пффффф. Так что Йос тут уже с неделю, – заканчивает свой рассказ Урфин.

– Соглашайся.

– Скажи, продолжаю выяснять ситуацию я, – ну, ладно, не понравился я тогда ни тебе ни Йосу. Корабль тот, убитый, как я понимаю, вы мне специально подсунули?

– Ага, чтобы ты, сдохнув пару раз, у нас ещё пара таких же была, вниз вернулся. А ты выдержал. Нет, после этого мы к тебе любовью не воспылали, не надейся, – он иронически смотрит на меня, – но вот то, что из тебя может что-то путное вырасти увидели.

Он замолкает, глядя на меня, молчу и я. А что сказать-то?

– Ну, так что? – прерывает Урфин паузу, – пойдёшь с нами?

Отрицательно качаю головой:

– Нет, я ещё пока сам, один, погоняю. Посмотреть на космос охота.

– Хотел бы посмотреть, – недовольно ворчит он, – шёл бы в картографы. Ладно. Передумаешь – найдёшь меня. Да, ты про тот корабль, – делая ударение на корабле, говорит он, – забудь. Не твой он.

– Я хотел вытащить его. Это ж сколько денег пропадает…

– Забудь. Да и не вытащить его тебе. Без реактора он, забыл?

Рассказываю ему о своём плане – с питанием от реактора моего корабля и работой маневровых.

Урфин одобрительно кивает, – да, голова у тебя работает, это могло бы сработать, но забудь!

Его взгляд становится жёстким.

– Это не твоё. Ясно?

– А что?

– То! За тобой ещё охотники не гонялись?

Отрицательно качаю головой:

– Нет, я чист.

Он отмахивается, – чист ты или нет, не важно. Не будешь слушать старших… пусть и не товарищей, но старших – будут. А оно тебе надо? Разорим.

– Но мне деньги нужны, а там почитай полтора-два лярда кредов!

Усмехается, – всех денег не заработать. Да ладно-ладно, – видя моё огорчение, он смягчается, – у тебя сейчас же Гадюка, да?

– Угу.

– Продавай.

– И?

– Бери Семёру. Я тебе подкину. По дружбе, так сказать. И за молчание – обо всём, что ты сегодня услыхал. Идёт? – протягивает мне ладонь.

Пожимаю её, скрепляя наш уговор.

– Вот и ладненько, – он смотрит на часы. – Однако… засиделись мы. Открываться уже скоро. Иди, отдыхай, а потом – бери Семёрку и вали отсюда.

– Куда валить-то?

– Да на всю сферу, только подальше отсюда.

Хорошенько выспавшись, я направился в сектор продаж и кораблей. Весь процесс продажи-покупки занял несколько минут, причём мою Гадюку купили по сильно завышенной

цене, так что, когда я стоял в ангаре, проводя внешний осмотр нового приобретения, на моём счету ещё оставалось достаточно средств и на загрузку полного трюма, и на страховку и резерв – на всякий пожарный. Семёрку мне предоставили в максимальной комплектации. Как объяснил менеджер, это был бонус от компании постоянному клиенту. Угу, постоянному. Я видел его и его компанию в первый раз. Но расспрашивать не стал, а оно мне надо?

Куда лететь идей не было совсем – вот я и бродил вокруг Семёры, прокручивая в голове различные варианты.

– Собрался уже, – раздался от двери знакомый голос. Оборачиваюсь. Во как, вся троица – и Вольдемар и Йос и, конечно, Урфин.

– Да, – отвечаю, – маршрут прикидываю.

– Ну-ну, – говорит Йос и вдруг протягивает мне руку, – а ты молодец, не верил я в тебя.

Пожимаю и ему и Вольдемару руки.

– Ты эта, паря, – добавляет уже почти повернувшись, чтобы уйти, Вольдемар, – ну, короче, надумаешь того, брякни Урфу.

– Обязательно!

И Вольдемар с Йосом уходят, оставляя нас наедине.

– Куда тебе лететь не посоветую, – говорит мне Урфин, – большой уже, сам разберёшься. Да и кораблик твой мы нормально собрали, не бойся, не как тот Сайд.

Он подмигивает мне и протягивает небольшой свёрток, – вот, возьми. У меня всё одно без дела валялась столько лет. А ты молодой, – он произносит это слово с завистью, – может, и сгодится на что.

Разворачиваю ткань. На моей ладони лежит какая-то непонятная вещица. То ли короткая ветка, то ли кусок арматуры, вся какая-то перекрученная, топорщатся острые грани, но при этом вещица имеет законченный вид. Не деталь, не обломок, а именно нечто завершённое. Сопливого, жёлто-зелёного, цвета, пятнами и переходами.

– Что это? – спрашиваю.

Он пожимает плечами, – помнишь я тебе вчера про того, ну, второго комэска рассказывал?

– Да.

– Ему, вместе с теми бумажками-отчётами, мы должны были передать и это, но, увы, не срослось. Так у меня и валялась.

– А что это?

– Ну сказал же – не знаю. Знаю только, что это не наше, не людское. Теперь твоё. Хочешь, в утилизатор выкинь.

Заворачиваю это нечто обратно в тряпицу.

– Ладно, – говорю, – полечу я.

Он кивает, – давай, молодой, удачи!

Разворачивается и уходит. Я ещё некоторое время смотрю ему в след и забираюсь в кабину своей Семёрки.

– Башня! Прошу добро на взлёт!

– Взлёт разрешён.

Отрабатываю маневровыми и направляюсь к шлюзу.

– Убрать шасси!

– Шасси убрано, – рапортует комп.

Прохожу шлюз и, зависнув около станции, открываю карту. Вся Галактика передо мной, сейчас решим, кого осчастливить своим присутствием…

На наблюдательной площадке платформы, откуда только что поднялся транспортник стояли трое.

– Ну, как думаешь, – спросил соседей один из них, глядя как неловко, переваливаясь с борта на борт, Семёрка ползла к шлюзу, – справится?

– Должен. Вроде, не совсем конченый дебил, – ответил ему другой. Третий только одобрительно хмыкнул.

– А молчать он будет?

Тот же, кто отвечал ему до этого пожал плечами, – не знаю, я постарался его напугать и на слабо взять, вроде повёлся, – он помолчал ещё немного, наблюдая, как Тип-7 протискивается в щель шлюза, – ладно, народ. Пошли, дел много.

Троица развернулась и пошла к выходу с площадки. Выходивший последним, стриженный наголо человек, дёрнул рукой как бы желая пригладить несуществующие усы, и пробурчал себе под нос:

– Ну, Пуфф, ты мне за это заплатишь. Воскрешу, убью и снова воскрешу гада!

И покинул площадку, закрыв за собой дверь.

Глава 10
Спокойная. Почти

И вернулся я на круги торговые.

Хотя нет, всё же придётся возвращаться к началу. Хотя, чего тут возвращаться, если вы проглядывали мои предыдущие записки, то уже имеете представление о скромном быте космического шатуна – вольного торгаша. Я всё так же продолжал свои каботажные перелёты между двух систем. Цены колеблются приемлемо, системы рядом, часок попрыгал и 2–2,5 млн. в кармане. Копил бабки и строил планы по завоеванию Галактики. Семёрка мне досталась не то, чтобы даром, но дёшево, спасибо Урфину.

Дам вам совет: никогда, слышите, никогда не читайте рекламные проспекты и не верьте рекламе. Ни до, ни после обеда! Я вот повёлся: новенький средний грузовоз, топовая комплектация, ручная сборка!

Угу… ручная – руки бы повыдёргивал. Всем причастным и находившимся рядом при сборке. Заводская комплектация это хрень, даже вернее – Хрень! Всё, абсолютно всё пришлось менять, благо мой временный покровитель взвалил все расходы на свои плечи. Даже ремни безопасности, ибо хлипкие на вид были. Ну, не верю, что они удержат в кресле мою тушу – за 100 кг. поди уже. Ну, вот, поменял ремни и понеслось… Не торговля, увы, а доработка корабля под себя. Конечно, основные модули, как я уже сказал были установлены, но вот разные, порой жизненно необходимые дополнения, я ставил уже за свой счёт. Ту же заправку-сосалку, чтобы от звезды бак заправлять нужно? А то! Иначе на одном топливе разориться можно. Оружие, гопоту отгонять, нужно? Угу! Серьёзные дядьки-то ко мне не полезут – Урфин своё слово держал, но вот шпана… ей закон не писан.

Так что бреду в Оружейный лабаз, закупаюсь. Хотел четыре импульсных лазера на свободной подвеске поставить. Полуавтомат! Сами наводятся, мне только на гашетку жать. Потом, правда, повёлся на рекламу и поставил пару ракетных установок. Уж больно складно мне менеджер про них пел.

Вроде, норм. На всякий случай ставлю пару турелек точечной защиты. Щит заводской топовый для этого корабля, я его парой усилителей расширил. Ну, вроде, как бы всё. Это на бумаге всё так просто, а в реальности – всё стоит денег. Собирал я этот обвес где-то недели две. Конечно, я мог всё сразу поставить, а торговать потом, простите, на какие шиши? Откладывал по копеечке, что б и на закупку груза хватало, и на топливо – несмотря на сосалку докупал –

ну, и мне, любимому, поесть-попить и стресс снять. А иначе ради чего крутиться-то? Деньги ради денег? Не, это не ко мне.

Всё это время летал по новому, но уже уже набившему оскомину маршруту, торговал. И что характерно, ну, ни одна сволочь не хотела на меня напасть. Летаю, прибыля подсчитываю, планирую, что мне ещё поменять нужно. Не напряжно и вальяжно. Расслабился я, короче.

Ну и такое расслабление закономерно привело меня к печальным последствиям.

Лечу, значит. Везу полный трюм сепараторов. Ноги на боевой пульт закинул, новости галактические читаю. Ничего особо интересного: в Федерации очередной коррупционный скандал, в Империи – старого Императора окончательно подключили к системе искусственного поддержания жизни – и чего человека мучают? Дали б помереть спокойно. В какой-то, незнакомой мне системе, фермеры восстали – им де запретили наркоту выращивать. Официально – для мед. учреждений, но я уже не первый день в космосе, понимаю.

И тут я натыкаюсь на новости из той системы, где я с Урфином и его, кхм… друзьями расстался. Читаю, две ведущие партии не сошлись во мнениях по вопросу взимания станционных сборов. Одни хотели повысить на пол процента, другие – на ноль семьдесят пять. И вот из-за этой четверти процента и разругались. До полного разрыва отношений.

Вот людям делать нечего, подумал я, но углубившись в статью, обнаружил интересные факты: местные охранники, они же полицаи-таможенники-военные в одном флаконе тоже не остались в стороне и увлечённо рубили друг друга в капусту. В азарте они даже выхлестнули свои разборки наружу из легитимных боевых зон и истребляли друг друга по всей системе, и даже в соседних. Прибывший для подавления массовых беспорядков флот моментально огрёб с двух сторон и предпочёл свалить, официально заявив, что де гражданские разборки гасить не его задача, сами, мол, пусть разбираются.

Короче, та система планомерно рушилась в анархию. Думаю, что ещё месяц и всё. И будет там анархическая система, а потом и независимая. Анархисты-то долго не живут. Ну, а независимую подгребёт под себя или Империя обратно, или Федералы.

Интересно, думаю, Урфин и его компашка, на какой стадии свалят? С независимой или раньше?

От моих околополитических раздумий меня отвлёк сигнал компа.

Интердикт!

Вот он шанс новый обвес испытать! Не сопротивляюсь и вываливаюсь в нормальное пространство. Пиратег что-то вякает в эфир. Ну, как обычно – давай груз, это твой последний прыжок и т. д. и т. п. Пффффф… Угу. Ща сброшу обе-две тонны, угу, уже бросаю, лови.

Выдвигаю стволы, разворачиваюсь на встречный курс. Огонь!

Про себя мурлычу:

– И… делаю я левый поворот. Я те-перь, – жму на гашетку, и лазеры впиваются в корпус противника, – па-лач, а не пилот.

Лазеры успешно выносят его щиты. Захват ракет сводится на цели… сводится… свёлся!

– Нагибаюсь над прицелом, и ракеты мчятся к цели, – жму кнопку пуска раект, красиво пошли, кстати, – впереди ещё один заход!

– Щиты цели сбиты! – бодро рапортует комп.

Угу… хорошо. Разворот, заход по новой. Альфа страйк! Ракеты и лазеры рвут уже сам корпус. Щиты подпросели, он отстреливается – не страшно, – впереди ещё один заход!

– Щиты выключены!

Угу, ы мне это уже говорил… Эээээээ… Щиты? Мои щиты?! Сбиты?

– Получаем повреждения!

– Мляяяяяяяя!!!

Мой кораблик портить?! Ты, гад, знаешь во сколько мне только подкрасить его выйдет?! Ну, держись!

На арене появляются силы охраны правопорядка. Полицаи что-то там говорят про прекращение огня и несут какуюто пацифистическую хрень. Наваливаются на пиратега. Угу… правильно. Я-то хороший. Делаю вираж и захожу для новой атаки. Опа… а полицаев уже нет. Свалили? Не… вон их обломки висят.

Ну, а мы продолжаем наш тур вальса. От моего корпуса уже только 70 % осталось, от врага – 50. Опять полицаи. Опять то же обращение.

Атака цели, форсаж, разворот, атака. Мажу. А он нет. У меня – 60 %, у цели – 45 %. У полиции – опять ноль. Ну, минус 6 полицейских… А чего ещё от них ждать-то? Местное мясо, даже академиев не кончавшее. Так, на симуляторах погоняли с месяц и всё.

Кручусь. Он разрывает дистанцию. Луплю ему вслед и, конечно, мажу. Сближаемся. Чем это он? Картечью? По мне? С 2-х км?! Во лох-то, она же не долетит. Потом уже понял, что меня подвели привычки атмосферника, тут-то для картечи нет препятствия в виде воздуха.

Дзиньк! Дзиньк! Дзиньк! – картечь попадает по корпусу. Фигня!

Крак! – а вот это хуже, поймал в лобовуху одну градину. По лобовухе змеится трещина. Вот ведь гад, стекло вот только-только полировал и изнутри непотейкой покрыл. Злюсь. Доворот – и в лобовую!

Верно говорят, злость плохой помощник. Нарываюсь на целый мешок градин. Броне-то что? Корпус держит. А вот стекло – нет.

Краааааккккк!!!

В лобовухе образуется окно в мир! Здоровенный кусок выбивает давлением, и он в сопровождении различного мусора улетает в бескрайние дали. И моя любимая кружка для кофепива тоже…

На меня наваливается тишина. Вместе с воздухом из кабины улетели все звуки. Слышу только своё дыхание. Дарт Вейдер умрёт от зависти, а вот до Лорда Чёрного Шлема мне ещё далеко…

– Ах ты сволочь! Ну… ну я… ну я тебя… щазззз!!!

– Внимание! Запас воздуха ограничен! Воздуха осталось на 5:00 минут… 4:58… 4:57…

Мляяяяяяттттттьььььььььь!!! Как же обидно. У цели осталось каких-то 5–6 %. От меня осталось несколько больше – целых 27 %.

– 4:40!

Убираю стволы и готовлюсь к бегству. Точнее, принимаю решение о тактическом отступлении.

По компасу навожусь на станцию. Опа… а стекла-то нет! И некуда спроецировать информацию о станции, отметку показать и т. п. За дырой весело перемигиваются звёздочки. А мне вот не до веселья.

Кое-как прыгаю. Ориентируюсь по компасу.

Сверху торчит осколок лобовухи. Верчу кораблик, чтобы хоть на нём хоть что-то отображалось. Взмок, но на курс лёг. Приближаюсь к станции.

– 3:15

Вываливаюсь в обычное пространство. А вот и станция. Запрос посадки.

– Ожидайте!

– Да ты там что, коза, охренела что ли? У меня воздуха на… а действительно, на сколько?!

– 2:56

– Пусти, с меня шоколадки. Много!

– Ваша платформа № 5.

– Спасибо! Век за тебя молиться буду… – и про себя, – или пристрелю суку…

Проскакиваю шлюз.

1:25

Цифры застывают – атмосфера в станции есть. Сажусь. Промахиваюсь раза 4, руки дрожат.

Уфф… я жив! Я Буду жить!!!

Ремонт… минус полтора миллионан. И да, надо что-то делать с кораблём. Хоть противник был на Питоне, это не повод проигрывать баталию.

Беру груз. И по старой тропке – отрабатывать ремонт и зарабатывать на новый, ещё лучше прежнего, обвес. И думать.

Думал я долго. О чём? Да о житии моём, блин. Как жить? Что делать? Страшно же. Нос со станции показать страшно: там же таааакие злыдни летают. Вмиг – и нос корабля, и мой открутят. Думал я в разных местах, и засыпая в корабельной койке, и, прогуливаясь по коридорам станции, и в баре.

Вот в баре ко мне и пришла Мысль! И её я тоже долго обдумывал. По видео крутили какой-то античный мультик. Про пиратов, что характерно. В какой-то момент мультяшный персонаж с экрана проорал:

– Пушка! Они готовят Пушку!

И тут меня осенило! Вот. Вот, что мне надо – пушку. А лучше две. Среднего калибра. Поставлю на нос, и пусть тот гад побережётся. Сказано, точнее, задумано – сделано. Зашёл в ближайшую оружейную лавку и прикупил себе два ствола малого калибра. И по сотне выстрелов на ствол.

В мастерской мне их быстро смонтировали, только местный старший мех как-то печально на меня посмотрел.

– Слышь, паря, – говорит, – ты выкинь эти хрени и воткни пулемёты.

– Нахрена папаша? Ты чё? Эвон какая мощщщща.

– Ну, хоть мушку спили.

– Угу, побёг за напильником, у тебя не той системы.

– Да хоть банку на щит поставь, вместо отсека грузового, вон того. Пригодится.

– Ага, и минус 32 тонны груза?! Это ж сколько бабла я недополучу? Ты чё, старый?

Он сплюнул и ушёл.

Ну, ушёл и ушёл. Я же начал заниматься привычной рутиной. Но настроение он мне подпортил.

– Завидует, наверное, – подумал я.

– Я-то на Семёре, с такими стволами. А он чо? Руки в масле, попа в мыле, мы работаем на… гы-гы-гы. Что этот маслопуп понимает в боях?!

Но семя сомнений он во мне посеял.

– Взять банку или не? В прошлом бою она бы мне пригодилась. Но блин, минус тридцать тонн? Не, выкручусь уж как-нибудь.

И пошла рутина.

Груз взял. Курс проложил. Взлёт, выход из станции. Курс – Прыжок. Заправка у звезды. Курс на станцию. Док. Разгрузка, накладные.

И с начала: груз взял, курс проложил…

Рутина она, конечно, рутина, но на радар более пристально смотрю. Во избежание и на предмет!

Первый круг – тихо.

Второй – тихо.

Третий – тишь да гладь. Расслабился. Но ноги на пульт не рискую закидывать.

Всё, за три круга бабки на ремонт отбил.

Четвёртый круг. Тих… ан нет! Выдёргивает меня кто-то. Ну, я особо и не сопротивляюсь, чё мне бояться-то, с такими-то стволами?!

Ну, вот… тот же хмырь. Запрашивает связь.

– Слышь, брателло, должок за тобой. Так шо давай, вываливай весь груз и, возможно, я тебя на спаскапсуле отпущу, но сначала опущу! Му-ха-ха-ха…

Ну, смейся-смейся. Выжимаю форсаж, разворот. Одновременно активирую стволы.

Сближаемся.

Как только он оказывается в пределах поражения, зажимаю гашетки. Он пытается уйти, но я не даю. Его щиты тают.

Пушки, расстреляв всю обойму, смолкают. Перезарядка.

Расходимся.

У меня снята треть щитов, у него они едва живы. Пропускаю поток мата в мою сторону. Если бы словами можно было убить, быть бы мне уже чем-то мельче кварков.

Сходимся. Лупим друг в друга, как только можно. Его щиты падают.

– Ага… пошла бронька, пошла. А что ж ты тонкий-то такой?! Хе-хе-хе.

– [3] убью, [4], – весьма информативно сообщает мне мой обидчик и, по-видимому не успокоившись, добавляет:

– [5] твой [6] тебе в [7] за[8] и проверну!!!

Разворот.

Огонь!

Тут ему свезло, мои щиты упали. Чёрт… ну, почему я не послушал того меха??? Банка сейчас была бы кстати… хотя, сейчас именно уже поздно.

Расходимся. Мои 95 % против его 70 %.

Новый круг.

Едва-едва не врезаемся. Или это он решил меня таранить? 80 % против 50 %. Его Питон проходит рядом. Была бы дырка в лобовухе, наверное, смог бы дотянуться рукой. Дырка в лобовухе? Брррррр… не надо.

Но, чёрт возьми, как же красив его корабль. Стремительный клин Питона проносится мимо меня в очередной раз.

– Бум! Хрясть!

Козёл. Я. Расслабился. 70 против 30.

Отбрасываю мечтания. Сходимся.

– Говорит служба безопасности Сектора! Всем прекратить огонь!

– [9], твари [10]!

– Поддерживаю! – это уже я вставляю свои 5 копеек.

– Уберите оружие и приготовьтесь к досмотру!

Полиции ещё до нас добраться надо. Продолжаем свои танцы.

---

[3] censored

[4] censored

[5] censored

[6] censored

[7] censored

[8] censored

[9] censored

[10] censored

60 % против 25 %. Что-то я сдавать начал?

– ВВвввжжжжжжжжжжжжжжжжжж!!!

Мимо меня проносится нечто большое и явно опасное.

Ого! А полицаи-то серьёзно подошли к данному вопросу, среди них замечаю Анаконду. Это был её Главный Калибр.

Чёрт! Я хочу такой кораблик!!! Разворот.

60 % против 20 %. Что, пират, не ожидал, что я на маневровых в сторону сдвинусь, пропуская твои залпы? Хе-хе-хе.

Разворо… рука дёргается на РУДе, случайно нажимаю форсаж. Пологая дуга уносит меня далеко прочь от моего оппонента.

– Либо вы прекращаете маневрировать, либо мы вас уничтожим! Это последнее предупреждение!

Во полиция надрывается-то.

Пиратег уматывает в другую сторону.

– Ну, что, брателло, забьём стрелку? – кричит он мне перед прыжком, – твой должок-то, того, подрос. Да и счётчик тикает.

– Слышь, счетовод, – отвечаю, – не парься, встретимся.

Оба сваливаем в гипер.

Станция. Ремонт. Ну, на сей раз дешевле вышло. Всего- то 600 к. Полтора круга.

Отбиваю бабки. И задумываюсь. Опять – как бы в привычку не вошло – задумываться, а то говорят, если много думать облысеешь, да и голова распухнет, вдруг в шлем не влезет?

Продолжаю свой тяжкий торговый труд. В свободное время общаюсь с другими пилотами, мехами. Читаю книги разные – наставления, мемуары и всё такое прочее. Постепенно приходит понимание ЧТО мне нужно менять. Ну, кроме прокладки между джоем и сиденьем, конечно.

Иду в оружейный шоп. Деньги-то есть, будем дорабатывать до своего Питончика. А в глазах стоит силуэт Анаконды… ммммм… Я и так был излишне смел, когда вышел на бой против Питона на Семёрке. Чисто свезло.

Денег, правда, у меня в обрез. По-хорошему ещё с недельку круги понарезать и можно покупать Питона.

Снимаю пушки. Ставлю пулемёты с доворотным механизмом.

И меняю систему своей дислокации. Жаль, конечно, привык я тут, получил почётный статус союзника. Но, лучше подальше перебраться. Во избежание.

Нахожу новый маршрут, не без помощи друзей. Друзья – пилоты? Да, обзавёлся, но это тема отдельного рассказа.

Всё. Улетаю.

Увы, на прощанье мне платочками не махали и оркестра не было. Союзнички…

Новый маршрут. Две системы, две станции и платформа орбитальная. На платформе цены – прибыльнее прежнего. Но, и свои минусы. Орбитальные платформы же… Там, увы, мой кирпич не помещается. А вот Питон, он бы сел. Что делать? Жизнь такая. А так даже забавно, одна из Станций богатая и перенаселённая. Как вы думаете, что я с неё возил?

В жисть не догадаетесь – рабов. Чуть что нарушил – скорый и правый суд. Или левый. Приговор один – в рабство на X или XX лет. И – добро пожаловать в мой трюм.

Меня самого чуть не замели. Фантик бросил в урну, а он гад на краю завис и качался – куда ему упасть – в урну или на пол. Полицаи тут же подтянулись… смотрят. Ну, да я не

гордый. Забрал фантик и в карман засунул. Правда, потом руки долго мыл – излишеств там много разных. В обратку, кстати, я им привозил антинаркотин. Тоннами.

Вот так и летал. Рабы – медпрепараты. Предлагали наркоту поставлять. Отказался. Всё бы хорошо, но далеко друг от друга эти две системы располагались. Приходилось через две анархические системы пролетать. Не то, чтобы опасно – при всей внешней вседозволенности – порядок в этих системах блюли серьёзные дяди, но само название «анархия» манило к себе толпы разной отмороженной гопоты. Ну, а от них ждать соблюдения каких-либо, пусть и не писанных правил…

И вот как-то раз, только я в одной анархии заправился от местного светила и лёг на курс прыжка, выдёргивает меня кто-то. Ну, я покрутился малость, как же это, согласиться на свиданку и не поломаться? Покрутился и вывалился в нормальное пространство.

Смотрю, какой-то Орёл на меня прёт и уже стреляет. И понеслось…

Всё же стволы с доворотом – это вещь! Распилил я его быстро. Он, правда, под конец удрать хотел, но не успел. Завалить-то его я завалил, а вот премии так и не дали – анархия-с. Надо было сканер полицейский ставить, возможно где-то за голову этого поддонка и дали бы награду, а так – одно расстройство. Патроны потратил, а компенсации, ну, кроме, моральной – шиш.

Прилетел на ту станцию, ну которая перенаселённая. Пока садился, глянул их новости.

А то мало ли чего нового из запретов ввели, вляпываться мне не хотелось. И не зря поинтересовался – новые законы по ограничению прав курильщиков.

Типа здоровья нации ради, хотя как по мне – вы качественный табак покупайте, и будет вам здоровье.

Углубляюсь в текст дополнения к закону – для курения нужно купить лицензию, курить можно только лицензионные сигареты, приобретённые у лицензированных продавцов и курить можно только в отведённых для этого местах, оборудованных лицензионными фильтрами и прочей хренью, ессно, тоже лицензионной.

И что-то меня этот дурдом так достал…

Короче, груз сдал, не выходя из кабины. Электронной подписью накладные зафиксировал. Сижу, думаю куда податься? Да и цены что-то на рабов вниз пошли. Хотя чему удивляться-то? Таких доходяг в конты грузили, их перед работами лечить себе дороже.

В голову ничего не лезет. Вышел я на трап, на верхние ступеньки сел, достал пачку и… закурил.

Вот гадом буду – только прикурил – наряд у трапа. Телепорт они что ли изобрели тут?

– Пройдёмте, говорят.

– [11] пошли, отвечаю.

– О! И сопротивление представителям.

– Угу десять раз. Это мой корабль?

– ПОКА Ваш, – отвечают.

– Ну, и валите на [12]. Мой корабль – моя территория. Мои законы.

А руку на всякий случай, на кобуру кладу. Они-то только с дубинками.

– Но Ваш корабль на нашей станции, пройдёмте!

[11] censored

[12] censored

– Повторяю – на[13]пошли! Платформа – суть экстерриториальное явление. Читаем МППСС-72, глава 14, параграф 27, подпункты b, i и l

– Чё?! Да ты в натуре оборзел! – это самый молодой.

– Полегче. Я могу и в суд подать, за оскорбления.

– Дык ты ж сам нас только что материл?!

– Моя религия, – отвечаю им ровным голосом, – требует от меня применять слова [14], [15] и [16], в сочетании с [17], [18], [19] [20] не менее 4-х раз в день. Каждые 6 часов.

Старый охранник потянул молодого за портупею:

– Пошли отсюда. Нефиг с ним связываться, он, гад, в своём праве.

– Ну, да ничего, сойдёшь со своей калоши, – это молодой уже, убирая дубинку.

– Не, не сойду, – отвечаю, нагло прищурившись, – надоело мне тут с вами. Полечу куда глаза глядят. Затрахали вы уже со своими дурацкими порядками, правилами, ограничениями и прочей тупой хренью.

От этих слов молодого аж передёрнуло, он-то на реванш надеялся. И – в сердцах, сплюнул. Метил в опору или в трап моего корабля, но – зона посадки, гравитация ослаблена – читайте предупреждающие надписи по периметру платформы.

В общем, плевок его на платформу приземлился. Тут его, его же бывшие коллеги и скрутили. Как он не брыкался. И поделом. Ибо нефиг. Не жалко, меня бы кто пожалел.

И снова космос, снова поиск выгодного фрахта. Наверное, с десяток систем посетил. То выгодно, но неудобно летать, то наоборот, удобно, но прибыль – от слова никакая…

Крутился долго. В конце концов наткнулся на приемлемую комбинацию. Правда, опять с пересадкой, но прибыль больно хороша и станции удобно расположены.

[13] censored
[14] censored
[15] censored
[16] censored
[17] censored
[18] censored
[19] censored
[20] censored

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.